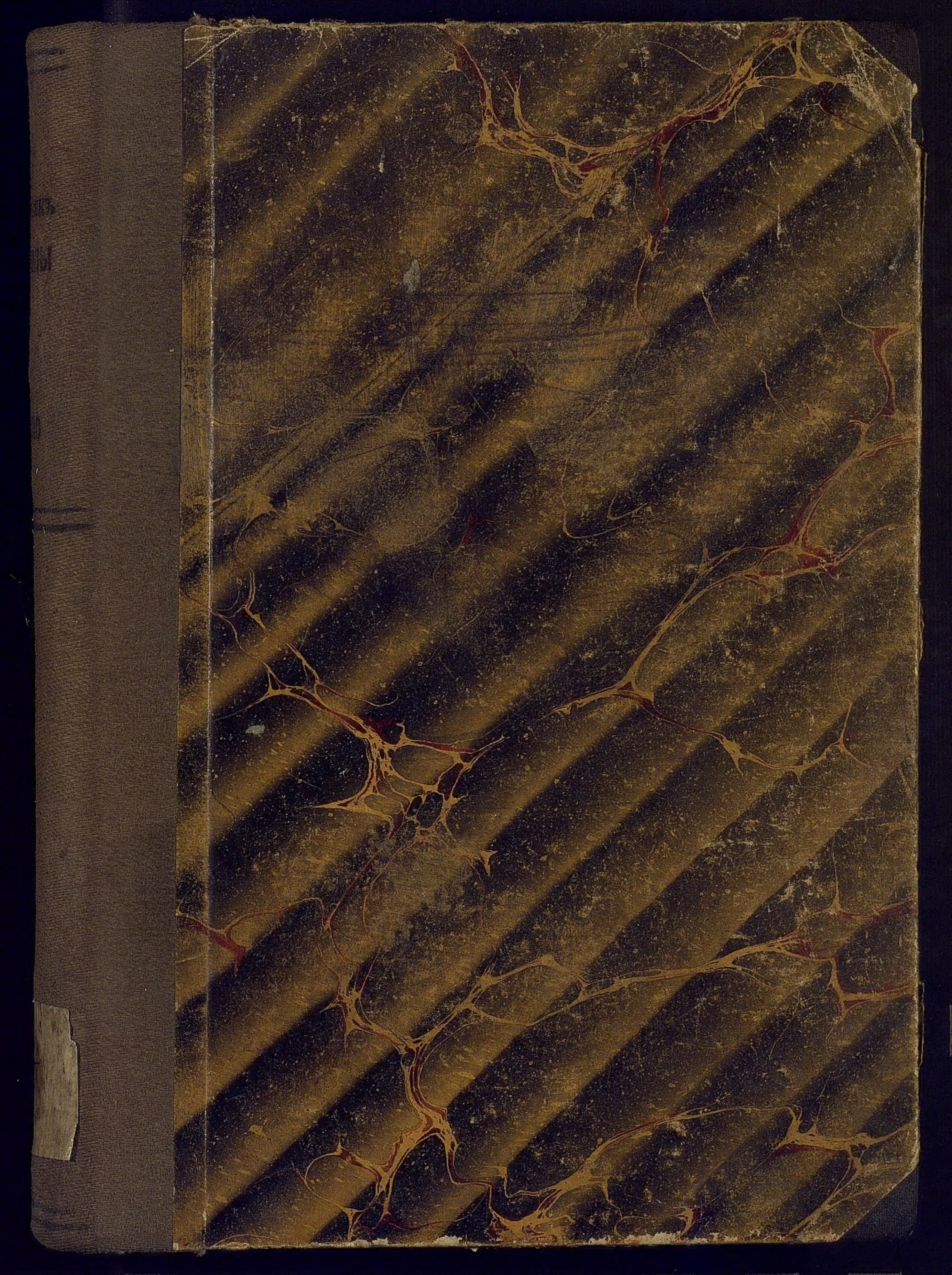


ѢДИТЕЛЕ

Подпись ....

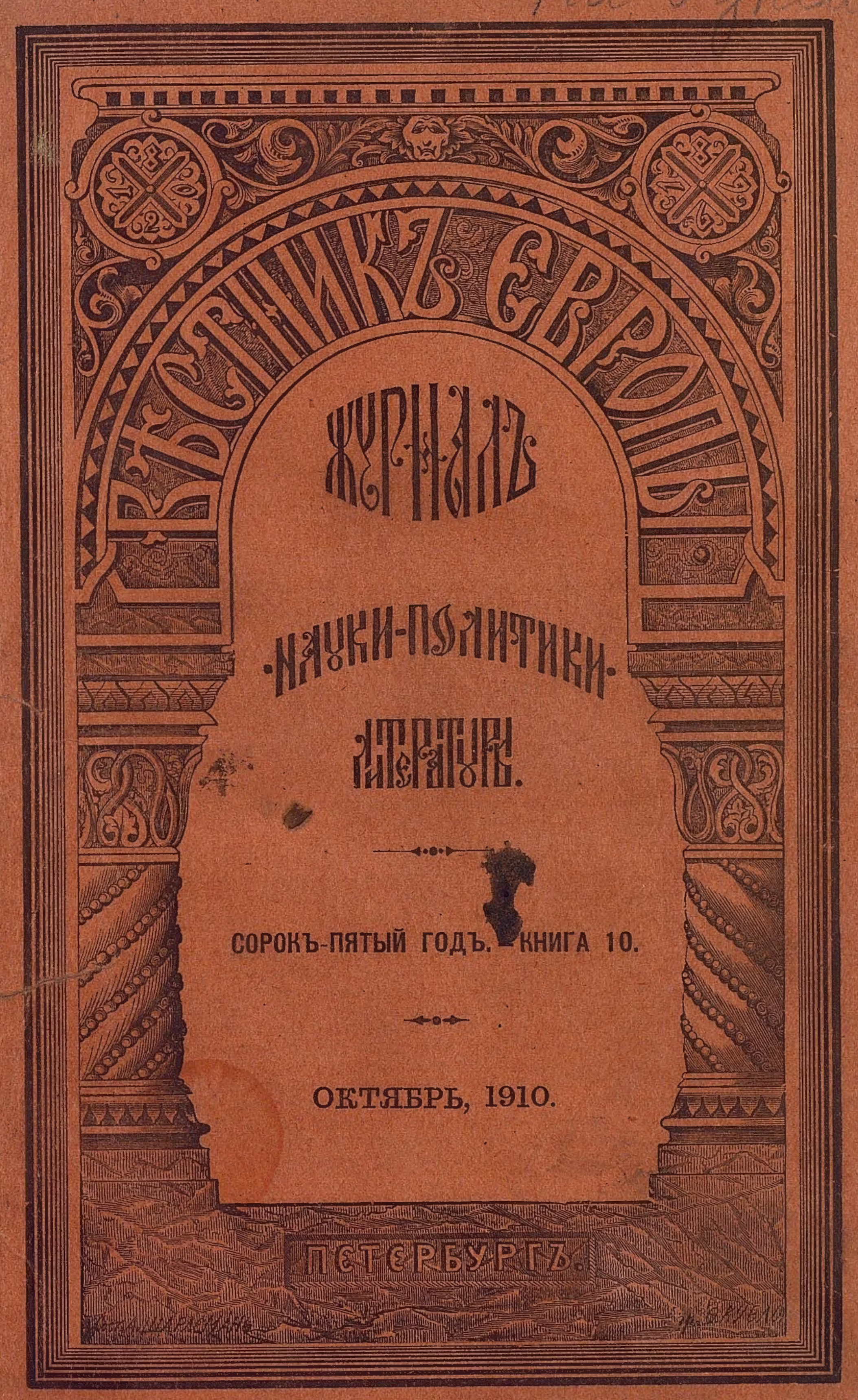
Примѣчаніе: По заполненіи отвѣтнаго бланка просятъ ег

~~13 VII 76~~

~~13 IV 09~~

16 IV 80

На 6 дней



Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1910.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

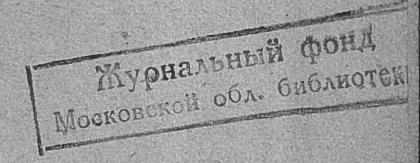
ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ОКТЯБРЬ

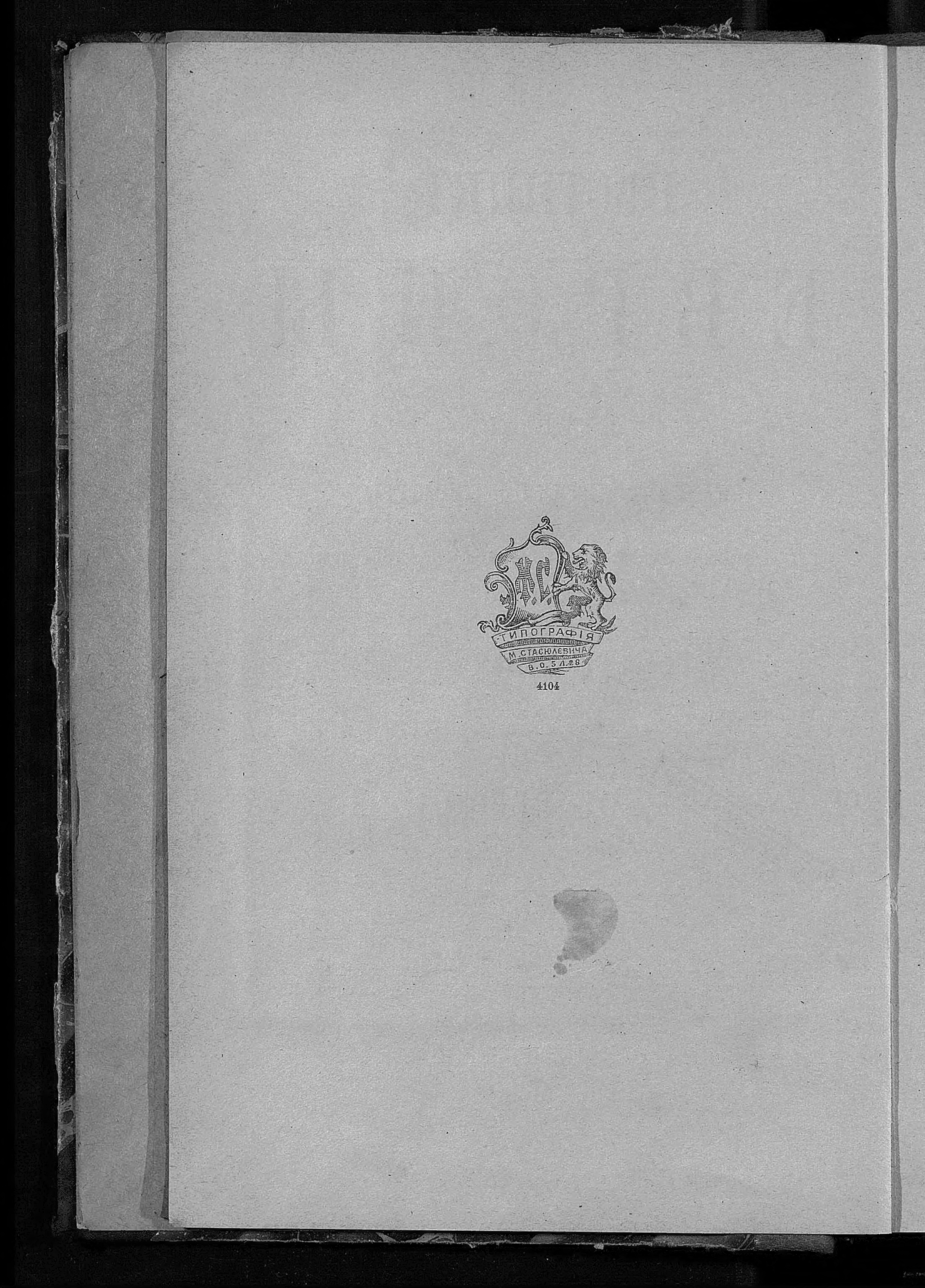


Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910



4104

ЛИПЫ

(Въ родѣ хроники.)

*(Окончаніе *)*

ДѢТИ

I.

Сергѣй.

Короткая жизнь старшаго изъ сыновей Ивана Магеровскаго, Сергѣя, протекла внѣ Завишекъ. Только дѣтскія и первыя юношескія впечатлѣнія, опредѣлившія тонъ его душевной жизни и содержаніе первыхъ битвъ его во имя далекой мечты, имѣли связь со старой усадьбой и въ правѣ, поэтому, занять мѣсто въ настоящей хроникѣ.

Изъ смутной и неопредѣленной массы воспоминаній ранняго дѣтства рѣзко и выпукло выдѣлялось всегда для Сергѣя одно, связанное съ тѣмъ бурнымъ годомъ, когда у Жаломірской на тайныя засѣданія собирались патріоты, а Ивана Магеровскаго крестьяне превратили въ повстанца. Тогда Магеровскіе провели все лѣто и всю осень въ городѣ, не рѣшаясь вернуться въ деревню, и дѣти невольно сдѣлались свидѣтелями многаго, что̀ долетало бы до Завишекъ только въ видѣ глухихъ и темныхъ слуховъ.

Повстанье было подавлено. Шла расправа. Какъ говорили польскіе патріоты—Духъ Божій оставилъ землю. Какъ сказали бы современники—духъ Передонова, духъ мелкаго бѣса, овладѣлъ ею.

---

*) См. сентябрь, стр. 146.

Каждый день пѣшкомъ, или связанныхъ и скрученныхъ на телѣгахъ, вели и везли какихъ-то людей, окруженныхъ солдатами, по улицамъ города, мимо квартиры Магеровскихъ. Каждый день къ костелу напротивъ нея шли понурыя женскія тѣни въ глубокомъ траурѣ. Когда потомъ картины этого времени вставали въ памяти Сергѣя, ему всегда представлялись эти тѣни согбенными, рыдающими, съ широкими плерёзами на черныхъ платьяхъ. Тоскливые, жалобные, точно похоронные звуки органа неслись цѣлые дни изъ костела. Иногда его окружали полиція и солдаты. Въ этомъ, вѣроятно, было что-то страшное, потому что темныя женскія тѣни выбѣгали тогда изъ дома Божія: однѣ—потрясенныя и испуганныя, другія — гнѣвныя и яростныя. Эти предкостельныя сцены отражались въ домѣ Магеровскихъ, какъ отразилась бы чума или осада города. Всѣ становились нервными; на кухнѣ прислуга выла и проклинала. Мать Сергѣя, задумчивая и всегда молчаливая, теряла душевное равновѣсіе.

— Срамъ, срамъ!—твердила она тогда.—Неужели и церковь не пощадятъ?..

Когда Сергѣй спрашивалъ, что̀ все это значитъ, ему обыкновенно отвѣчали, что онъ малъ, и что это не его дѣло. Но понемногу, глядя и прислушиваясь, бесѣдуя на кухнѣ и съ бочаромъ Яномъ, который набивалъ свои бочки подъ навѣсомъ въ глубинѣ двора, мальчикъ составилъ себѣ какое-то смутное представленіе о происходящемъ. Съ одной стороны были злодѣи и безбожники, съ другой — невинныя жертвы. Однихъ надо было бояться и ненавидѣть, другихъ—любить и жалѣть.

— И насъ возьмутъ?—спрашивалъ онъ иногда съ тоской и ужасомъ.—И маму?

Эти мысли и чувства получили новую и яркую окраску, когда мстящая рука коснулась уже не постороннихъ и далекихъ, а родныхъ и близкихъ.

Былъ душный августовскій день; кровавый глазъ солнца, пламенѣвшій въ жаркой мглѣ, жегъ зловонный и раскаленный городъ. Всѣ томились, всѣ тосковали, на всѣхъ налегла какая-то страшная тяжесть. Отецъ съ утра уѣхалъ куда-то, парадно одѣвшись. Мать плакала, запершись въ своей комнатѣ. Амалія Карловна, старая бонна, ожесточенно стучала спицами, и когда тоскующія дѣти приходили къ ней, сердито прикрикивала:

— Ach, lasst mich doch in Ruh!..

— Aber auch ein verfluchtes Land ist euer Russland!—выпаливала она потомъ грозно, сверкая глазами и стеклами очковъ.

Пріѣзжали какія-то дамы, какіе-то взволнованные господа

проходили къ матери и затворяли двери. Небывалая тревога, напряженное, полное ужаса ожиданіе чего-то еще болѣе страшнаго наполняли домъ. Наконецъ на кухнѣ Сергѣй узналъ, что сегодня судятъ Яна и Владека, двухъ его дядей, двухъ молодыхъ офицериковъ, которыхъ онъ помнилъ, потому что игралъ, бывало, ихъ гремящими и блестящими саблями и завидовалъ ихъ шпорамъ. Что значитъ „судить"—онъ не зналъ, но понималъ зловѣщій смыслъ этого непонятнаго слова. Что съ ними сдѣлаютъ?

— А извѣстно. Хорошаго не сдѣлаютъ...

Вечеръ этого дня былъ совсѣмъ безумный. Онъ глубоко врѣзался въ дѣтскую память, не своими подробностями, а общимъ характеромъ страшнаго и дикаго кошмара, въ которомъ сплелось и смѣшалось все: рыданія матери, духота раскаленныхъ стѣнъ, доктора и тошнящій запахъ лекарствъ, то какое-то мертвое оцѣпенѣніе, то лихорадочная суета, и опять рыданія и въ комнатахъ, и на кухнѣ. На дѣтей никто не обращалъ вниманія, и они подъ конецъ заснули гдѣ попало. Сергѣя, какъ ему казалось—ночью, разбудилъ свирѣпый голосъ тетки Барбары.

Шаркая хромою ногой и стуча костылемъ, она ходила по комнатѣ, трясла сѣдыми буклями и кричала:

— Безбожники! Забыли совѣсть! Надругались надъ Богомъ! Нероны они — вотъ кто они!.. Что же ты сидишь? О, Матерь Божья, что же ты не ѣдешь? Бери же, бери! — она стучала рукой по толстому портфелю—поѣзжай, откупи, выкрадь ихъ... А будьте же вы прокляты, чтобы васъ Богъ лишилъ ума, отнялъ дѣтей, злодѣи!..

Никогда Сергѣй не видалъ старую, добрую и веселую тетку Барбару такой страшной и вмѣстѣ несчастной. И отецъ сидѣлъ грузный, точно раздавленный, и угрюмо молчалъ. Сергѣй заплакалъ. Тетка взяла его на колѣни и вдругъ сама залилась жалкими старческими слезами.

— Вотъ и они были... такіе... — приговаривала она: — бѣленькіе, голубоглазые... самые милые изъ всѣхъ и самые добрые... Вчера это было... на своихъ рукахъ носила... спать клала...

А чрезъ минуту ее опять охватывалъ гнѣвный духъ страстнаго протеста и, полная ненависти къ врагамъ, она трясла полусоннаго мальчика и кричала:

— Помни же ты, хлопецъ, эту ночь! Помни хорошо! Выростешь, хлопецъ, мужчиной будешь, отомстишь! За родину отомстишь, за родную кровь...

А черезъ нѣсколько дней тетка Барбара пріѣхала въ коляскѣ и взяла съ собою Сергѣя. На передней скамейкѣ и въ ногахъ

стояли цвѣты въ корзинахъ и лежали вѣнки. Ѣхали долго какой-то аллеей, какимъ-то громаднымъ зеленымъ плацомъ, обсаженнымъ пирамидальными тополями. По бокамъ бѣжали высокіе валы, обложенные дерномъ, и широкіе рвы съ крутыми, почти отвѣсными стѣнами. У одной высокой бѣлой стѣны экипажъ остановился, и, захвативъ вѣнки, тетка Барбара хотѣла слѣзать.

— Проѣзжай! Не приказано—эй, ты!—закричалъ часовой.— Слышь, проѣзжай!!

Но тетка Барбара не хотѣла сдаваться. Схвативъ Сергѣя за руку, она махала костылемъ, не то грозя имъ солдату, не то показывая на стѣну, на которой отъ отвалившейся штукатурки Сергѣй видѣлъ большое безформенное красное пятно.

— Вотъ... смотри... тутъ... А, да не мѣшай ты!.. Вотъ тутъ, у этой стѣны... Мальчиковъ моихъ... Что? По ребенку, по старухѣ стрѣлять будешь?..

Солдатъ поднялъ ружье; кучеръ погналъ лошадей. Сергѣй никогда не забылъ этого направленнаго противъ нихъ ружья, этого краснаго пятна на бѣлой стѣнѣ, какъ будто сдѣланнаго кровью, этого бѣгства: кучеръ неистово хлесталъ лошадей; тетка Барбара, въ свалившейся на бокъ шляпѣ, съ трясущимися руками, роняющими на дорогу цвѣты, привезенные на дорогую могилу, металась въ коляскѣ; а онъ все ждалъ—когда же грянетъ выстрѣлъ и убьетъ и ихъ?..

Зимою Магеровскіе переѣхали въ Завишки. О страшныхъ дняхъ, въ которые угасла жизнь двухъ юношей, ставшихъ жертвой трагическаго конфликта между требованіями родины и присяги, въ домѣ громко не говорили. Иванъ Магеровскій не любилъ вспоминать о нихъ самъ и хотѣлъ бы, чтобы о нихъ забыли и другіе. Той линіи жизни, которую прокладывалъ онъ, эти воспоминанія только мѣшали. Но во флигелѣ у тетки Барбары, переселившейся тоже въ Завишки, и у старой Контовой, доживавшей свои дни въ официнѣ, создался настоящій культъ бѣдныхъ мальчиковъ, дорогихъ лично и воплотившихъ, казалось, всю судьбу героическаго и несчастнаго племени. Здѣсь собирали всѣ портреты, всѣ вещи, всѣ письма, оставшіеся отъ погибшихъ, собирали воспоминанія, возсоздавали малѣйшія приключенія ихъ юности, вплоть до ранняго дѣтства. Портреты украшали цвѣтами и вѣнками изъ полевыхъ иммортелей, а воспоминанія — любовными преувеличеніями; почти молились óбразамъ „самыхъ милыхъ“, „самыхъ добрыхъ“. А вмѣстѣ съ тѣмъ кляли тѣхъ, кто убилъ.

Сергѣй слушалъ и впитывалъ эти мысли и чувства. Какъ

добрыя всхожія сѣмена падали они на подготовленную собственными воспоминаніями почву, чтобы взойти потомъ и увести Сергѣя отъ праха и пепла родного очага.

Онъ и ушелъ, ушелъ рано, почти юношей, не окончивъ даже гимназіи, потому что между жизнью въ гимназіи и дома—и тѣмъ, что расло и въ немъ, и, казалось, одновременно и на другой, большой сценѣ русской жизни, было непримиримое противорѣчіе. Изъ гимназіи его попросили уйти; изъ дому онъ ушелъ самъ.

Здѣсь все было построено на мужикѣ, держалось имъ, кормилось имъ. Мужики окружали дворянскую усадьбу, и нельзя было шагу ступить, не столкнувшись съ мужикомъ. Съ этимъ сѣрымъ людомъ Сергѣя съ дѣтства связывало множество пріятныхъ и даже нѣжныхъ узъ. Съ дворовыми дѣтьми онъ игралъ и бродилъ по лѣсамъ; держась за спину кучера Ѳедосѣя, онъ ѣздилъ верхомъ на каурой кобылѣ; пріятно было сидѣть въ людской и слушать, какъ дѣвушки поютъ звонкими голосами заунывныя свои пѣсни. Скрытая сущность мужицко-господскихъ отношеній долго ускользала отъ Сергѣя, заслоняемая будничнымъ добродушіемъ и просительной покорностью мужика. На этомъ фонѣ оставались малопонятными и потому мало замѣтными рѣдкіе взрывы глухихъ, затаенныхъ страстей.

Но по мѣрѣ того, какъ мальчикъ росъ и узнавалъ изъ книгъ и изъ разговоровъ простую и грубую правду жизни, съ Завишекъ и съ собственной жизни въ нихъ, съ деревни и съ мужика спадалъ для него тотъ идиллическій налетъ, который придавалъ такую прелесть гимназическимъ каникуламъ. Далеко раньше того времени, когда Сергѣй пропитался революціоннымъ народничествомъ, онъ началъ чувствовать неловкость передъ мужикомъ, передъ былыми сверстниками своихъ дѣтскихъ игръ, передъ старыми, бородатыми людьми, снимавшими при встрѣчѣ съ мальчикомъ шапки и тянувшимися своими корявыми руками, чтобы поймать и поцѣловать его бѣлую руку.

Но всю мѣру затаенно-враждебныхъ чувствъ мужика къ тому міру, къ которому принадлежалъ Сергѣй, онъ долго не могъ опредѣлить, пока случай не открылъ ему глазъ. Сергѣю было тогда лѣтъ семнадцать. Какъ нерѣдко бывало, онъ однажды съ вечера отправился на мельницу, чтобы на зарѣ удить рыбу подъ колесомъ. И тамъ, лежа на сѣнѣ въ крупорушкѣ, онъ услышалъ, что думаютъ и какъ говорятъ о „господахъ“ мужики.

Подъ ракитой у мельничнаго става горѣлъ костеръ и собрался цѣлый клубъ. Сидѣли и лежали, бесѣдовали, смѣялись. Мельникъ,

старый пріятель Сергѣя, то приходилъ, то уходилъ, хозяйничалъ на мельницѣ и вновь появлялся въ кругу у огня.

— Мосеева душа, видно, плаче,—сказалъ вдругъ кто-то изъ мужиковъ.

Всѣ притихли. Протяжно и тонко что-то выло подъ мельничной стрѣхой.

— Душа!? Може кто по злобѣ дудку уставилъ... а то душа!—возразилъ ему кто-то другой.

Опять помолчали. И опять подъ стрѣхой тонко завыло.

— Дудки нима, — сказалъ мельникъ. — Обглядѣлъ все. Нима. А про душу не кажи. Покуль не найде себѣ мѣста, сорокъ дёнъ ходе по свѣту... Може и Мосеева душенька...

— Помолитвовать бы?—предложилъ кто-то еще.

— Само затихне. Якъ найде мѣсто—затихне...

— А якое-жъ, дяденька, мѣсто?

Мельникъ задумался. Потомъ досталъ уголекъ изъ костра, закурилъ трубку, долго чмокалъ и тянулъ изъ люльки вонючій дымъ, и наставительно началъ:

— Якое заслужилъ, тое и получе. Старые люди такъ кажуть: помре праведный и справедливый — перяйдеть яго душенька у якую-сь правильную тварь. Може у коня... а може и у древо, у липу, у сосну. А може у рожь, у хлѣбушко, да! Гэтого ня можно сказать; потому вѣрно невѣдомо... да! А только вѣдомо—буде жить у доброй твари до самаго страшнаго суда, дожидаться буде... А злодій? Ну, съ злодія стане волкъ... Чулъ ты, якъ волкъ ночью вое? Завоешь! Не скоро позволе ему Богъ зновъ человѣкомъ стать! Нехай волкомъ побѣгае, зубами поляскае. А то щукой!.. Жилъ, во тутъ же, на млынѣ,—давно то было,—мельникъ, Микита, Антоновъ батька,—первый воръ былъ, первый злодій... Ну, померъ. И почала тутатки щука у яру подъ коломъ показываться. Большенная щука—во! Сивая!.. Выплыве на воду, мотнеть хвостомъ — коло и стане! Вода бѣжить, а коло — ни съ мѣста! А-а. Бо! Выйдеть туда Антонъ на мостъ, сниме шапку, кланяется: — Отпустите, тату, коло!.. Ну, щука хмысь на дно!—коло и пойде... Вѣрно вѣдаю...

Онъ замолчалъ и, мигая подслѣповатыми глазами, опять долго глядѣлъ въ огонь, точно вычитывая въ изгибахъ его пламенныхъ языковъ свои сѣдыя мысли—Богъ знаетъ откуда зашедшій варіантъ старой, какъ міръ, идеи о переселеніи душъ.

— А съ пана буде жаба. Рапуха. Пузо—во!.. Чи, може, гадюка. Шипить, вьется, проклятая... Хто сустрѣне—кіемъ по

головѣ!.. Рапуха—то паньская душа, паньская... О, матери твоей трясцы, поползаешь на пузѣ, поползаешь!..

— Поползае?!

— Во, откуда яна узялась—тая гадюка!..

Хохотъ стоялъ вокругъ костра. Всѣхъ охватила буйная радость. Своеобразно-неожиданное соціальное примѣненіе теоріи переселенія душъ видимо удовлетворяло жажду возмездія, жажду справедливости, будило мстительныя чувства, мысли, фантазію.

— А Бо дай вамъ! А съ станового, съ станового-жъ што буде? Клещъ?

— А може клопъ?..

— А съ попа? Нашъ безъ трешной не ховае, безъ красненькой не вѣнчае...

— Послухайте, и што я вамъ про нашего пана скажу...

— Про Магерчонка?..

Эта подслушанная ночная бесѣда мужиковъ открыла Сергѣю глаза.

— Я здѣсь жить не буду,—сказалъ онъ на другой день матери.—Я узналъ: и насъ презираютъ и ненавидятъ. Кто уважаетъ себя, тому здѣсь дѣлать нечего.

— Но вѣдь мы же живемъ...

— Вы можете. Вы—другого поколѣнія. А я не могу.

Сергѣю было восемнадцать лѣтъ, когда его послѣдній разъ видѣли въ Завишкахъ. Исключенный изъ гимназіи за дерзости и „вредное направленіе", онъ пробылъ съ недѣлю дома, но, избѣгая ссоръ съ отцомъ, сидѣлъ больше во флигелѣ тетки Барбары. На ея деньги онъ уѣхалъ, чтобы готовиться въ университетъ, но въ университетъ не поступилъ. Другая волна подхватила его и повлекла съ головокружительной быстротой, одни говорили—къ пропасти и позору, другіе—къ гибели, третьи—къ славѣ. Но тетка Барбара, теперь дряхлая и еле живая, твердила одно:

— Мой мальчикъ дурного не сдѣлаетъ. Я знаю его, я знаю...

II.

Игнатій.

Смѣна поколѣній—всегда въ то же время смѣна и жизненныхъ принциповъ. Было бы странно, еслибы Игнатій, ставъ послѣ смерти отца распорядителемъ завишковскихъ дѣлъ, не пошелъ какой-нибудь новой дорогой. Но никто изъ добрыхъ сосѣдей ста-

раго дворянскаго дома не ожидалъ того оборота, который сдѣлалъ этотъ скромный на видъ, хрупкій и конфузливый юноша.

Не прошло и мѣсяца времени, а по всей помѣщичьей округѣ ходили и передавались уже сотни разсказовъ о томъ, какъ Игнатій сажаетъ мужиковъ и бабъ въ лаптяхъ и свитахъ на бархатную мебель въ гостиныхъ, какъ онъ лебезитъ передъ мужиками, раздаетъ имъ деньги и всякое хозяйственное добро, кормитъ рабочихъ мясомъ и поитъ чаемъ, и самъ обѣдаетъ съ ними — словомъ, дѣлаетъ тысячи невозможныхъ и непонятныхъ вещей, нарушающихъ и всѣ традиціи, и всѣ требованія здраваго помѣщичьяго смысла. Люди вообще не прощаютъ уклоненій отъ общепринятаго—и завишковскія „новости“ были по одному этому встрѣчены дурно въ помѣщичьей средѣ. Но была и другая сторона, болѣе серьезная: эти „новости“ волновали и мужиковъ, и рабочихъ. Онѣ портили цѣны, повышали требованія, пробуждали безсмысленныя надежды въ лапотномъ мірѣ. Когда въ двухъ или трехъ экономіяхъ рабочіе вылили въ помои пустыя щи, объявивъ, что если въ Завишкахъ даютъ мясо, то нѣтъ основанія кормить ихъ пустой болтушкой; когда въ двухъ или трехъ другихъ вышли длинные и непріятные разговоры изъ-за платы за полевыя работы, — опять же съ ссылкой на Игнатія, — общее мнѣніе рѣшило, что онъ не только глупый, но и вредный, опасный человѣкъ. Очень немногіе ограничивались тѣмъ, что говорили:

— Дуритъ. Молодъ и глупъ — оттого и дуритъ. Упрыгается. И мужички проучатъ. Шелковый станетъ. — Большинство негодовало и злобствовало на „революціонера“.

Естественно, что и начальство почувствовало себя встревоженнымъ. Еще бы! Одѣлся чуть не въ свитку, якшается съ мужиками, знать не знаетъ своего общества. Тутъ что-нибудь да не такъ.

— Посматривайте-ка за этимъ студентомъ, за Магеровскимъ — говорилъ становому исправникъ. — Навѣщайте и сами почаще, да и кого-нибудь еще... надзоръ бы учредить... нѣтъ ли тамъ у васъ кого подходящаго?

Начали обдумывать. Писарь ненадеженъ — тоже съ Магеровскимъ за панибрата. Вѣроятно смѣнить придется. Вотъ, развѣ батюшка?..

— Отецъ Петръ? Да вѣдь онъ того...

— Пьетъ? Эка бѣда! Дѣло не мудрое.

Около Игнатія замыкался такимъ образомъ враждебный кругъ, среди котораго стоялъ онъ, превращенный общественнымъ мнѣніемъ въ какого-то сказочнаго злодѣя, для котораго „законы, совѣсть, разумъ — все ничто“.

А между тѣмъ „злодѣй“ чувствовалъ себя очень грустно, очень жалобно и очень неспокойно. Изъ міра книжекъ и студенческихъ бесѣдъ, изъ міра идей, только-что начавшаго раскрываться передъ нимъ, онъ неожиданно былъ перенесенъ въ міръ рублей, хозяйственныхъ дѣлъ и разсчетовъ. Это одно чего стоило! Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что порядокъ усвоенныхъ имъ идей совсѣмъ не уживался съ порядками хозяйства и тѣми общественными отношеніями, которыя въ немъ установились. Онъ считалъ себя и соціалистомъ, и народникомъ — а тутъ велось большое, хотя и безалаберное хозяйство, все построенное на выматываніи мужицкаго труда, на раздачѣ впередъ денегъ подъ отработки, на раздачѣ хлѣба, сѣна, лѣса—все подъ работу, дрянную, неряшливую работу, но тѣмъ не менѣе дававшую Магеровскимъ крупный доходъ. Но кабальное хозяйство давало не только доходъ. Оно связало усадьбу съ десяткомъ деревень прочной экономической связью, пронизанной и переплетенной взаимнымъ раздраженіемъ и злобой. Усадьба и деревни—это были наслѣдственные враги, скованные между собой крѣпкой желѣзной цѣпью. Совершенно естественно, что Игнатій хотѣлъ избавиться отъ цѣпи, жавшей его непривычную руку, и такъ какъ онъ былъ молодъ и свѣжъ душой, то, съ молодой и искренней послѣдовательностью, рѣшилъ:

— Плюну на все и уѣду. Не мое это дѣло...

А затѣмъ, когда оказалось, что хотя на время, но надо остаться, потому что бросить большое хозяйство на ходу нельзя, онъ сказалъ матери:

— Хорошо. Будемъ ликвидировать. Только такъ хозяйничать, какъ хозяйничали до сихъ поръ, я не буду. Меня совѣсть замучаетъ.

И оставшись, онъ дѣйствительно имѣлъ видъ человѣка, котораго мучаетъ совѣсть и которому стыдно передъ всѣми: передъ своими рабочими, передъ мужиками, приходившими къ нему за деньгами, за сѣномъ и за мукой, передъ еврейчиками, пріѣзжавшими скупать хлѣбъ, лѣсъ и пеньку—а больше всего стыдно передъ собой.

Чтобы заглушить этотъ стыдъ, это сознаніе вины, въ которомъ сливались и чувство сословной виновности передъ мужикомъ, и чувство личной неловкости передъ этой массой протянутыхъ къ нему со всѣхъ сторонъ просящихъ и голодныхъ рукъ,—онъ раздавалъ, раздавалъ на всѣ стороны, никому не отказывая, извиняясь, „лебезя“, какъ про него говорили сосѣди.

Когда къ нему, почти мальчику, приходили бородачи и старики, и, покорно снявъ шапки, становились у крыльца, — онъ

чувствовалъ себя такъ, какъ будто его личному достоинству нанесенъ кѣмъ-то тяжелый ударъ. И онъ выбѣгалъ къ нимъ, самъ снималъ шапку, велъ ихъ въ домъ, усаживалъ въ кресла, разспрашивалъ про ихъ нужды, вызывался помочь.

— Но еслибы къ намъ пріѣхалъ Иванъ Петровичъ, развѣ оставили бы мы его на дворѣ? Пора установить хоть это элементарное равенство между людьми—равенство въ обращеніи. Вѣдь это же хамство, когда богатаго—въ ручку, а бѣднаго—въ морду!—оправдывался онъ передъ матерью.

Когда рабочіе, послѣ тяжелаго рабочаго дня, приходили къ нему и приносили миску картофельной бурды, въ которой плавали маленькіе кусочки прогорклаго сала, и говорили, что свиней у добраго хозяина кормятъ лучше — онъ совсѣмъ сгоралъ отъ стыда и боли. Чтобы разъ навсегда прекратить эти постыдныя сцены, онъ однажды отвѣтилъ:

— Съ завтрашняго дня, друзья мои, вы будете обѣдать со мною — или я съ вами. Мы будемъ ѣсть одно и то же, и я присмотрю, чтобы вы были всегда сыты.

Такъ установились эти „общіе“ обѣды, во время которыхъ обѣ стороны чувствовали себя сначала очень неловко. Рабочіе стѣснялись „панича“; паничъ стѣснялся рабочихъ и велъ себя, вѣроятно поэтому, глупо. Спрашивалъ своихъ батраковъ, не устали ли они на работѣ; извинялся за прошлое, за ту дрянь, которою ихъ кормили до тѣхъ поръ; а то начиналъ разсказывать что-нибудь, по его мнѣнію, интересное для собесѣдниковъ—про Америку, напр., какъ тамъ всѣ свободны, какъ дорого тамъ оплачивается наемный трудъ. А почему? Потому что каждый можетъ тамъ почти даромъ получить кусокъ земли у государства и стать хозяиномъ... Потомъ, замѣчая кое-гдѣ саркастическія улыбки, смущенно умолкалъ.

Очень скоро сообѣдники Игнатія замѣтили, какая у него „слабая душа“—и перестали стѣсняться. Но для Игнатія эти совмѣстные обѣды такъ и остались самыми мучительно-тяжелыми часами дня, когда всего явственнѣе ощущалась имъ глубокая, неустранимая ложь въ отношеніяхъ, которыя онъ не могъ разорвать и не умѣлъ, не смотря на всѣ усилія, измѣнить достаточно глубоко.

Что же думала о новшествѣ Игнатія и объ его демократизмѣ деревня? Но что же могутъ думать люди о явленіяхъ, возникшихъ въ незнакомой средѣ изъ незнакомыхъ источниковъ? Собираясь по вечерамъ на завалинахъ своихъ избъ, лѣсные люди передавали другъ другу сенсаціонныя вѣсти:

— Кормить мясомъ...

— Самъ съ парубками обѣдае...

— Чаго ни попроси—усё даеть...

— И гроши! Скольки грошей ни попроси—даеть!!..

И въ изумленіи, полные недовѣрчивости, качали головами.

По разсказамъ отцовъ старики знали о буйствахъ гайдуковъ прадѣда-инженера, о несчетныхъ бизунахъ, полученныхъ при посадкѣ господскихъ липъ. Сами видѣли женщинъ, впрягшихся въ бороны или жнущихъ въ лунныя ночи, при дѣдѣ-маршалкѣ. И тяжелую руку отца-чиновника испытали на себѣ многіе. Что же могли они, видѣвшіе въ посмертной жабьей судьбѣ господъ выраженіе божественной справедливости, понять въ стремительной добротѣ внука старыхъ ненавистныхъ пановъ, въ его покаянномъ демократизмѣ? И вотъ, они сидѣли по вечерамъ, сообщая другъ другу о небывальщинѣ, и если въ ихъ умахъ и возникала по этому поводу какая-нибудь ясная мысль, то это была мысль о томъ, что надо торопиться и пользоваться паньскою блажью. И они шли со всѣхъ сторонъ къ Игнатію, шли нуждающіеся и шли зажиточные, просили, клянчили, цѣловали руки; иногда, помня старые пріемы, припадали къ ногамъ, плакали и прикидывались убогими, чтобы выпросить все, что̀ можно было получить отъ его растерянной и виноватой доброты. Потомъ, возвратившись домой, они сообщали другъ другу о своихъ удачахъ, и узнавая, что тому Игнатій далъ лѣсу на хату, другому—коня, третьему простилъ долгъ, жалѣли, что не взяли больше, опростоволосились...

И надо сказать правду: рѣдкіе чувствовали въ то же время къ Игнатію благодарность. Тѣ развѣ, которыхъ онъ выручалъ съ самаго дна нищеты—старыя бабы-бобылки, оголодавшія вдовы. У большинства же постепенно крѣпла догадка, просто и ясно разрѣшавшая трудный вопросъ: что̀ руководитъ Игнатіемъ? Сами хозяева, они умѣли цѣнить хозяйственный разумъ и въ господахъ; быть можетъ, только его они и могли цѣнить и уважать въ людяхъ иного образа жизни. И вотъ, отсутствіе этого хозяйственнаго разума въ дѣйствіяхъ молодого Магеровскаго открывалось для нихъ все яснѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпадали старыя объясненія, что онъ раздаетъ на поминъ отцовской души, что заботится о своей собственной. Наконецъ, кто-то нашелъ нужное слово, формулировавшее долго зрѣвшую мысль, и слово это пошло гулять по округѣ:

— „Дурный!“

— А, дурный ёнъ!—говорили теперь, презрительно сплевывая, когда заходила рѣчь объ Игнатіи.

И находились даже такіе, которые негодовали на него.

— Дурно губить, дурно губить батьковское добро. Скольки годовъ копили, сколько крови нашей попили — все по вѣтру пускаетъ, безо всякаго разуму... Дурный и есть!

Но большинству не было доступно это уваженіе къ окристаллизованной мужицкой крови, являвшейся подъ видомъ завишковскихъ лѣсовъ, завишковскаго хлѣба и денегъ завишковскаго панича. Большинство просто радовалось тому, что въ старыхъ Завишкахъ нѣтъ хозяина, и потому можно хозяйничать самимъ. И вотъ, началось формальное расхищеніе Завишекъ. Толпами ѣздили, и уже не ночью, а днемъ, въ лѣса, и рубили, гдѣ и что хотѣли. Увозили сѣно изъ стоговъ и копны съ полей. Травили луга и поля—и если кто-нибудь загонялъ съ потравы коней въ усадьбу, приходили толпой, и не просили униженно, какъ прежде, а кричали объ обидахъ, объ утѣсненіи, о томъ, что, видно, нѣтъ ни Бога на землѣ, ни правды, если паны, отобравъ всю землю, забираютъ потомъ и послѣднюю скотину.

Игнатій самъ думалъ, что еслибы правда была на свѣтѣ, то не было бы помѣщичьихъ земель, и потому, волнуясь и внутренно страдая, бранилъ приказчика, забравшаго табунъ, извинялся передъ крестьянами и увѣрялъ ихъ, что онъ самъ понимаетъ, какъ имъ тяжело...

Мужики садились верхомъ на своихъ лошадей и уѣзжали. Приказчикъ клялся, что онъ больше служить не намѣренъ, что ему наконецъ голову проломятъ, если во всемъ поблажать разбойникамъ. А Игнатій укрѣплялся въ рѣшимости плюнуть на все и уѣхать.

Но тутъ онъ женился.

И женился Игнатій не такъ, какъ это сдѣлали бы его предки. Тѣ, выбирая жену, долго присматривались къ ней сами, — или родители присматривались вмѣсто нихъ, — оцѣнивали происхожденіе, родство, богатство, и если все находили хорошимъ, брали себѣ подругу жизни. Женились, такимъ образомъ, обдуманно и для себя. Но Игнатій не напрасно жилъ въ переходное время, когда тяжелый молотъ исторіи разбивалъ въ дребезги все, что носило печать старины. Онъ женился нечаянно, и не для себя, а для той дѣвушки, жизненнымъ товарищемъ которой онъ сдѣлался.

Все было нелѣпо въ этомъ бракѣ. Тышкевичей онъ зналъ давно, съ дѣтства, но никогда ничто не связывало его съ ними

и не манило къ нимъ. Старый Тышкевичъ, помѣщикъ изъ приказныхъ, слылъ среди мужиковъ колдуномъ и всей округѣ былъ извѣстенъ за сутягу и ростовщика. Дочь его, чахлая и замученная дѣвушка, варила ему обѣдъ, дѣлала наливки и плакала ежедневно, потому что отецъ ежедневно грызъ ее за мотовство.

— Раззоряешь меня, раззоряешь!—кричалъ онъ, считая полѣнья принесенныхъ на кухню дровъ.

— Жаль бѣдную дѣвушку,—говорили обыкновенно въ помѣщичьихъ домахъ, когда рѣчь заходила о Тышкевичахъ. И Игнатій зналъ, что ей плохо живется, но острая жалость заговорила въ немъ только тогда, когда онъ однажды случайно заѣхалъ къ Тышкевичамъ.

Старика онъ засталъ на крылечкѣ его полуразвалившагося дома. Въ старомъ лѣтнемъ пальто, надѣтомъ поверхъ бѣлья, онъ стыдливо запахивалъ полы и въ то же время подозрительно посматривалъ на Игнатія, пока тотъ слѣзалъ съ лошади. И махалъ рукой на двухъ мужиковъ, безъ шапокъ стоявшихъ передъ крыльцомъ.

— Послѣ придете, послѣ придете. Бачите—гость! Некогда съ вами.

Но мужики кланялись и не уходили.

— Сдѣлайте божецкую милость,—говорилъ одинъ изъ нихъ.—Пахать треба. Упустишь время, потомъ не вярнешь...

И такъ какъ мужики твердо стояли на своемъ, то Игнатій и сдѣлался свидѣтелемъ того колдовства, которымъ славился старый Тышкевичъ.

— Вы молодой человѣкъ,—говорилъ ему тотъ,—вы должны учиться, какъ жить съ мужикомъ, какъ съ нимъ ладить. Онъ бестія. Онъ норовитъ взять—да, взять и не отдать. Я знаю—у васъ всѣ берутъ, а отдавать—не отдаютъ. А у меня нѣтъ! Мнѣ все принесутъ, и еще поклонятся, и еще поблагодарятъ... Да!.. Вотъ видите—этотъ? У него у коня черви въ ранѣ. На плечѣ рана. Хомута надѣть нельзя. Вотъ онъ ко мнѣ и ходитъ. И кланяется. Ну, я ему лошадь вылечу, а онъ мнѣ денька три повозитъ въ сѣнокосъ. Поработаетъ. И не обманетъ. Потому что я слово знаю, а онъ не знаетъ. Да!..

Тышкевичъ посмотрѣлъ на солнце, низко висѣвшее надъ лѣсомъ, пожевалъ губами и поманилъ пальцемъ мужика.

— А волосъ принесъ? Ну, что же, пора. Ходимъ...

На западной сторонѣ дома Игнатій увидѣлъ, что почти всѣ простѣнки между окнами на высотѣ человѣческаго роста истыканы

деревянными клинышками съ торчащими изъ-подъ нихъ пучками лошадиныхъ и коровьихъ волосъ. И теперь Тышкевичъ походилъ вдоль стѣны и, найдя щель, расковырялъ ее ножикомъ, срѣзалъ вѣтку, сдѣлалъ клинышекъ и приказалъ:

— Волосъ!

Мужикъ, съ строгимъ и напряженнымъ лицомъ, тотчасъ подалъ ему прядку волосъ и, что-то бормоча, сталъ ему кланяться, чуть не до земли.

— Отойди!

И важно, точно священнодѣйствуя, Тышкевичъ сталъ у своей щели. Къ ней снизу, отъ земли, ползла полоса тѣни отъ крыши амбара, за которой спускалось солнце. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда тѣнь прикрыла щель, Тышкевичъ быстро всунулъ въ нее пучокъ волосъ и забилъ клинышекъ. Билъ онъ маленькимъ молоточкомъ, выбивая какой-то тактъ, и что-то быстро и невнятно приговаривалъ...

— Помни жъ: три дня на сѣно! Безъ отговора. Обманешь—сдохнетъ твой конь. Ступай съ Богомъ...

А послѣ того, угощая Игнатія чаемъ, Тышкевичъ то училъ его, какъ надо жить, чтобъ не быть дуракомъ, то пилилъ свою дочь.

— Дуракъ,—говорилъ Тышкевичъ—онъ ничего не видитъ, и у него все промежь пальцевъ течетъ. А умный, онъ изо всего пользу получитъ... Вотъ она этого не понимаетъ. Велико ли ея хозяйство? Кухня да куры! А вотъ, и масло крадутъ, и куры не несутся,—рохля, рохлей и останется... А я вотъ — вы знаете, какъ я на той недѣлѣ сто рублей съ жида взялъ? Засудилъ. Онъ мнѣ плотомъ весной берегъ разбилъ... Такъ, немножко, аршина два глыбу откололъ,—нанесло его водой. А я сейчасъ въ судъ. Онъ уплылъ и думаетъ—ему ничего. А я—протоколъ, и урядника, и свидѣтелей, и понятыхъ. И вотъ у меня прибавилось, а у него убавилось. А она ничего этого не понимаетъ. Рохля была, рохлей и останется...

Потомъ однажды Игнатій встрѣтилъ Лизу Тышкевичъ на полевой дорогѣ.

— Я васъ искала. Я видѣла, вы проѣзжали мимо насъ, и побѣжала...

Она сѣла въ траву у придорожной канавы и начала плакать.

— Я не знаю больше, что мнѣ дѣлать. Я больше такъ жить не могу. Вы же видѣли, какой онъ. Я домой больше не пойду. Я лучше убью себя...

Магеровскій растерялся. Пробовалъ утѣшать, но дѣвушка пла-

кала еще горче. Тогда онъ сѣлъ къ ней въ канаву и спросилъ:

— Какъ же вы думаете, чѣмъ могу я вамъ помочь?

Дѣвушка не знала.

— Только не покидайте меня. Только не покидайте...

Игнатію стало невыразимо жаль ее. Но что сдѣлать, чтобы помочь ей, онъ рѣшить не могъ. Было, можетъ быть, множество способовъ, но ни одинъ не приходилъ ему на умъ. А Лиза между тѣмъ все рыдала; худыя, костлявыя плечи ея вздрагивали, голосъ рвался, и вдругъ, припавъ къ его рукамъ, она начала цѣловать ихъ, повторяя:

— Только не покидайте...

Тогда, растерявшись совсѣмъ и чувствуя, что онъ не можетъ не сдѣлать того, о чемъ его съ такимъ страданіемъ просятъ, Игнатій предложилъ ей вѣнчаться.

— Хотите, повѣнчаемся? Фиктивно, конечно. Я не хочу отнимать у васъ вашей свободы. Вы, можетъ быть, поѣдете учиться? Хотите?

Своей свободы, по деликатности, онъ и не подумалъ оговорить. Онъ думалъ, что, можетъ быть, ее испугаетъ, ей покажется неудобнымъ такой выходъ, и потому онъ еще пояснилъ:

— Вы, пожалуйста, не думайте, что я васъ хочу изъ одной клѣтки въ другую. Я говорю, бракъ будетъ фиктивный. И я прошу васъ вѣрить моему честному слову. Но ничего лучшаго я не могу придумать...

Но Лиза вовсе не пугалась. Она сразу успокоилась и нашла, что выходъ прекрасный, и только спросила:

— Какъ же мы это сдѣлаемъ?

Потомъ начала опять плакать, говоря, что это отъ радости, и называла Игнатія своимъ спасителемъ. Потомъ они долго гуляли по пустынной дорогѣ. Потомъ Игнатій проводилъ Лизу до дому. Дорогой она, разсказывая о своихъ семейныхъ горестяхъ, еще нѣсколько разъ плакала и еще много разъ называла Игнатія спасителемъ и ангеломъ...

Въ домъ къ Тышкевичамъ Игнатій, однако, не зашелъ. Свататься и просить руки Лизы у стараго колдуна онъ не хотѣлъ,—можетъ-быть потому, что сватовство придало бы этому браку несвойственный ему характеръ.

— Мы сдѣлаемъ это очень просто. Я съѣзжу въ городъ и найду попа. Потомъ перевѣнчаемся—и все...

Онъ хотѣлъ убѣдить и Лизу, и главнымъ образомъ себя, что фиктивный бракъ — самое простое и обычное дѣло. Надо зайти

къ попу, онъ помолится, запишетъ въ книги, свидѣтели подпишутся: вотъ и все. Выходило какъ-то такъ, что этотъ пустой обрядъ для того только и существуетъ, чтобы оставлять въ дуракахъ старыхъ отцовъ. Для молодыхъ же, для людей того образа мыслей, какой усвоилъ себѣ Магеровскій, церковный обрядъ — простая формальность.

— Вы пожалуйста не безпокойтесь!—говорилъ онъ Лизѣ.— Это сущіе пустяки.

Гдѣ-то, за порогомъ сознанія, въ Игнатіи жило однако чувство, что это совсѣмъ не пустяки, и глухая тревога охватывала его все сильнѣе, по мѣрѣ того какъ приближался часъ, о которомъ „не надо было безпокоиться". Онъ былъ смертельно блѣденъ, когда, „гуляя", шелъ въ церковь подъ-руку съ пріятно взволнованной Лизой. Въ церкви какая-то тяжелая и холодная рука давила ему горло. Еслибы онъ могъ, онъ закричалъ бы или убѣжалъ. Страшнымъ усиліемъ воли держался онъ на вдругъ ослабѣвшихъ ногахъ и почти съ отчаяніемъ отвѣчалъ священнику на вопросъ—по собственному ли желанію беретъ себѣ жену?

Когда послѣ обряда онъ вышелъ съ женою на паперть, онъ чувствовалъ къ ней глубокое отчужденіе, почти вражду. Съ кривой улыбкой, пересохшими, съ трудомъ двигающимися губами онъ спросилъ ее:

— Ну, куда же вы теперь думаете двинуться?

Лиза не понимала.

— Какъ куда?...

Ему надо было побыть одному. Ему надо было отдѣлаться отъ этой чужой женщины, чтобы на свободѣ и спокойно одуматься и рѣшить, какъ же быть теперь? А ей казалось, что теперь-то и не можетъ быть вопроса о томъ, куда ей идти. Конечно, съ нимъ и къ нему. И она робко закончила:

— Я съ вами...

Въ этомъ стремленіи Игнатія уйти отъ Лизы и въ ея желаніи быть съ нимъ выразилась, въ первый же часъ ихъ брачной жизни, сущность ихъ отношеній, ихъ взаимныхъ чувствъ, ихъ взглядовъ на характеръ союза, связавшаго ихъ. И въ борьбѣ этихъ двухъ желаній и взглядовъ, борьбѣ, начавшейся здѣсь, на паперти церкви, побѣдило болѣе простое и цѣльное — желаніе Лизы. Напрасно Игнатій, вѣрный, какъ ему казалось, заключенному договору, составлялъ для нея разнообразные планы новой жизни, которые предстояло еще осуществить. Для Лизы эта новая жизнь была уже осуществленною: это была жизнь съ Игнатіемъ въ Завишкахъ. И когда онъ начиналъ говорить, что осенью ей

надо ѣхать въ Москву и поступить на какіе-то фельдшерскіе курсы, чтобы стать независимой, чтобы знать полезное людямъ ремесло, она слушала его съ недоумѣніемъ, съ болью въ сердцѣ, втайнѣ удивляясь его глупости. И обыкновенно такіе разговоры кончались слезами. Лиза плакала, а Игнатій, сдерживая злобу, спрашивалъ:

— Ну, о чемъ?

И Лиза ему отвѣчала:

— Когда вы меня гоните... На курсы или еще куда-нибудь... Когда я вамъ противна...

Съ лукавствомъ практическаго человѣка она молчала о томъ, о чемъ думала на самомъ дѣлѣ—о томъ, что глупо владѣлицѣ Завишекъ готовиться въ какія-то акушерки. Она чувствовала, что на этой почвѣ ей боя не выиграть, и спекулировала на жизненную неопытность Игнатія.

— Когда я вамъ противна...

Сказать ей въ отвѣтъ, что да, она противна съ этими вѣчными слезами, съ мѣщанствомъ желаній и вкусовъ, сказать ей, что женой своей онъ ее не считаетъ и имѣть не желаетъ, Игнатій рѣшиться не могъ. Мѣшали доброта и тѣ „рыцарскіе“, какъ онъ самъ насмѣшливо называлъ ихъ, навыки, которые онъ усвоилъ съ дѣтства. А всего больше мѣшало сознаніе, что ужъ поздно. Сдѣланнаго не вернешь. Сдался онъ, однако, не сразу. Онъ долго пытался установить къ Лизѣ отношенія простого товарищества, но всегда натыкался на глухую стѣну, на обидчивость женщины, обманутой въ ожиданіяхъ, и на слезы. Онъ долго пытался пробудить въ ней мысли, желанія и чувства созвучныя съ тѣми, которыми жилъ онъ самъ — и напрасно. За „скучными“ книгами она засыпала, но чаще бросала ихъ, чтобы заняться своимъ женскимъ хозяйствомъ. Разговоры и разсказы Игнатія о томъ, какъ живутъ другіе люди, тѣ настоящіе люди, которые творятъ будущее, глубоко ее раздражали; ея реплики были всегда полны затаенной вражды къ нимъ. Про соціалистовъ она говорила, что они просто завистники. Про мужиковъ—что они хорошіе, если ихъ не баловать.

Плохо вооруженный для жизненной борьбы вообще, Игнатій въ борьбѣ съ Лизой оказался совсѣмъ безоружнымъ—и насталъ, поэтому, день, когда женщина побѣдила и завязала новый узелъ на веревкѣ, привязывавшей Игнатія къ Завишкамъ.

Этимъ узломъ былъ ребенокъ. Забеременѣвъ, Лиза сразу и совсѣмъ успокоилась. Она сразу поняла, что ребенокъ дастъ ей и прочное мѣсто въ Завишкахъ, и непреложное право. Для

Игнатія же эта беременность была какъ ударъ грома. Она оглушила его, и въ то время какъ Лиза расцвѣла, онъ совсѣмъ растерялся и упалъ духомъ. Битва была проиграна. Можно было бросить Завишки, пока онъ былъ одинъ. Можно было бросить и случайную жену, пока она носила одно только имя, и пуститься въ широкое житейское море. Но съ ребенкомъ, съ семьей, съ такой женой, онъ, мальчикъ, развѣ могъ онъ рѣшиться? Это было настоящее пораженіе, и результатомъ его явился глубокій душевный надломъ, который Игнатій съ трудомъ пережилъ. Изъ создавшагося положенія онъ выхода не видѣлъ и даже не искалъ его. Онъ просто неотступно глядѣлъ въ захлопнувшуюся надъ нимъ крышку гроба, и гдѣ-то въ глубинѣ души самъ собой складывался выводъ: „умереть!“

Эта мысль понемногу поглотила все содержаніе его душевной жизни и стояла передъ нимъ, неотступная, днемъ, котораго онъ не замѣчалъ, и ночью, которую онъ проводилъ безъ сна. Еслибы не удивительная слабость воли, еслибы не страшная подавленность, онъ пустилъ бы себѣ пулю въ високъ. Но, лежа на диванѣ въ своемъ кабинетѣ и зная, что онъ умретъ, умретъ навѣрное, такъ какъ жить не для чего и нѣтъ возможности, Игнатій не чувствовалъ себя въ силахъ подняться, взять ружье, зарядить...

„Умру!“—говорилъ онъ себѣ, и опять неотступно смотрѣлъ въ крышку гроба. Это была болѣзнь. И она имѣла два послѣдствія.

Во-первыхъ, Игнатій отошелъ отъ хозяйства. Приказчикъ Ничипоръ напрасно являлся къ нему съ докладами. Игнатій или не показывался вовсе, или, выходя, разсѣянно слушалъ, не слыша, и говорилъ невпопадъ:

— Хорошо, хорошо. Такъ и дѣлайте... Теперь все равно!—добавлялъ онъ внушительно и напряженно смотрѣлъ въ глаза Ничипору, точно стараясь передать и ему свое убѣжденіе; и еще разъ повторялъ:—Теперь все равно. Понимаешь?

И уходилъ.

Совершенно естественно, что Ничипоръ началъ тогда совѣщаться съ Лизой. Съ нею вмѣстѣ въ завишковскій обиходъ вновь вошелъ хозяйственный разумъ. Начали считать копейку. По вечерамъ долго вмѣстѣ припоминали, кому и сколько роздано Игнатіемъ—и Лиза все, что Ничипоръ припоминалъ, старательно записывала въ книги, чтобы требовать потомъ возврата. Не даромъ была она дочерью своего отца. Подтянули рабочихъ; съ мужиками заговорили на иномъ языкѣ. Реставрировали, словомъ, что могли. Какъ всякая реставрація, и завишковская была съ

червоточинкой, но сказалось это позднѣе, а пока и Ничипоръ, и Лиза были довольны.

Игнатій болѣлъ долго. Доктора, которыхъ къ нему привозили, нашли у него меланхолію, сначала лечили дома, потомъ увезли въ Финляндію. Когда, почти черезъ годъ, онъ вернулся въ Завишки, онъ нашелъ тамъ, вмѣсто случайной жены, Лизу-хозяйку, Лизу-мать съ маленькой и толстой дѣвчонкой на рукахъ, веселую, властную и дѣятельную.

— Ты не сердись, если у насъ что-нибудь не такъ,—говорила ему она.—Мы старались, мы дѣлали, какъ умѣли. А если что-нибудь не такъ—ты поправишь. Главное—ты опять съ нами теперь, остальное все—пустяки... Ну, поговори съ Ничипоромъ, а я пойду, распоряжусь...

И она распоряжалась, ухаживала за Игнатіемъ, смѣялась, болтала, няньчилась съ ребенкомъ, наполняла собою, наполняла движеніемъ и шумомъ старый завишковскій домъ — и все это безъ словъ говорило, что съ ней и съ ея волей теперь нельзя не считаться.

Трудно сказать, какъ сложилась бы жизнь Игнатія въ этихъ новыхъ условіяхъ, еслибы на помощь Лизѣ не пришли мужики. Но они пришли и предупредили разладъ между женою и мужемъ, все еще возможный, такъ какъ разстояніе между ними было все еще болѣе чѣмъ велико.

Точно такъ же, какъ холера, скарлатина или оспа, которыя въ видѣ худыхъ, скорченныхъ, землисто-блѣдныхъ женщинъ бродятъ съ клюкою въ рукѣ по лѣсамъ и болотамъ, сѣя смерть въ лѣсныхъ деревняхъ и распространяя мистическій ужасъ—точно такъ же бродятъ временами по лѣснымъ трущобамъ идеи. Откуда онѣ идутъ, кто пускаетъ ихъ въ обращеніе, съ какою цѣлью—обыкновенно никому неизвѣстно. Неуловимыя и безформенныя, онѣ встаютъ точно туманъ надъ болотной землей, заволакиваютъ взоры, мутятъ умы. Замѣчено, что власть ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сами онѣ туманнѣе и необычайнѣе, чѣмъ легче поддаются произвольнымъ толкованіямъ и чѣмъ больше обѣщаютъ неисполнимаго. Тысячелѣтняя исторія—если можно говорить объ исторіи лѣсныхъ трущобъ — знаетъ много дикихъ и странныхъ идей, врывавшихся, какъ эпидеміи, въ умы обитателей лѣсныхъ болотъ и зажигавшихъ пожары, какъ иногда зажигаетъ пожары искра, упавшая въ торфъ.

Такъ и теперь. Неизвѣстно откуда, неизвѣстно кѣмъ пу-

щенный по всей завишковской округѣ и далеко за ея предѣлами, ползъ теперь слухъ, что приказано бить жидовъ. Съ незапамятныхъ временъ еврейское племя населяло городишки, ютилось въ мѣстечкахъ, держало „млыны" и „шинки", въ разъѣздъ торговало по деревнямъ. Нищее и пришибленное, оно кормилось около пановъ и около мужиковъ, и нельзя сказать, чтобы симбіозъ этотъ былъ выгоденъ только для одной стороны. Конечно, мужики ругали евреевъ „пархами", на что тѣ отвѣчали имъ, что они—„сиволапые". Но когда сиволапому до зарѣзу нужны были деньги для властей или для пановъ, онъ находилъ ихъ только у пархов, и только у пархов находилъ онъ признаніе себя хотя сиволапымъ, но всетаки человѣкомъ. Поколѣнія сиволапыхъ и парховъ жили, поэтому, мирно рядомъ другъ съ другомъ, и когда въ лѣсную деревню, скрипя, въѣзжала колымага стараго Лейзера, ее немедленно обступала толпа дѣтей, бабъ и мужиковъ. Торгуя, торгуясь, запрашивая, покупая и продавая, какъ подобаетъ доброму торговцу, Лейзеръ зналъ, что онъ среди не только старыхъ кліентовъ, но и старыхъ пріятелей. И еслибы кто-нибудь сказалъ Лейзеру, что эти старые пріятели вдругъ придутъ къ нему въ его маленькую лавчонку, разграбятъ ее, проткнутъ вилами его Сорку, а самому ему раскроятъ черепъ топоромъ, — онъ разсмѣялся бы, и не повѣрилъ бы, и вѣроятно сказалъ бы:

— Ну, и что же вы говорите! Развѣ они не хозяева, не пожондные люди? Я же ихъ вѣдаю, можетъ быть, сорокъ годовъ!..

И однако именно такой день насталъ. Откуда-то поползли слухи по деревнямъ, что Лейзеровъ надо убивать и грабить ихъ добро—и не нашлось ничего въ душахъ этихъ „хозяевъ", этихъ „пожондныхъ" людей, что̀ протестовало бы противъ такой странной идеи. Напротивъ, всѣ насторожились. Сначала не совсѣмъ довѣряли, сомнѣвались, говорили, что, должно̀ быть, начальство не позволитъ. Но потомъ получили разъясненіе, во-первыхъ, отъ солдата, который шелъ съ самаго Кіева, что̀ казалось особенно убѣдительнымъ; во-вторыхъ, на базарѣ—„отъ людей". Неизвѣстно, кто собственно подтверждаетъ: „люди" подтверждаютъ. „Люди" говорятъ, что будетъ данъ „знакъ", что начнутъ въ городахъ, а кончатъ въ деревняхъ. И когда „начнутъ", то каждый будетъ вправѣ забирать все жидовское добро. Начальство не только позволяетъ, но и приказываетъ... Всѣ эти подробности убѣдили добрыхъ хозяевъ и пожондныхъ людей, и всѣ начали ждать „знака".

И вотъ, однажды знакъ былъ данъ. Нахлестывая малорослую

лошаденку, гналъ изъ города Микита Голодай изъ Осиновки и, проѣзжая лѣсными деревнюшками, кричалъ:

— Бьють! У городи! Запрягай кони! Крамы разбирають!

И показывалъ куски ситца, махая ими точно флагами, и головы сахара, горой наваленныя въ телѣженкѣ. Всюду, гдѣ онъ проѣзжалъ, люди тотчасъ бросали работу, бѣжали съ полей, запрягали телѣги и, тоже нахлестывая лошадей, неслись вскачь, движимые одною боязнью: не опоздать бы! Одни—вѣроятно тѣ, кто надѣялся на своихъ лошадей—понеслись къ городу. Другіе сообразили, что до города далеко, и двинулись къ мѣстечку, которое ближе, и гдѣ тоже достаточно жидовъ и жидовскихъ лавчонокъ.

Но, прискакавъ въ мѣстечко, они были непріятно поражены. Не было никакого погрома: улицы безлюдны, крамы заперты, евреи попрятались въ дома и закрыли двери и ставни. Приходилось „начинать“—а это всегда трудно. Легко подойти къ разбитой лавкѣ и набрать въ мѣшокъ или навалить на телѣгу то, что удастся схватить. Легко, можетъ быть, ворваться въ домъ за убѣгающимъ жидомъ и пустить пухъ изъ еврейскихъ перинъ. Можетъ быть, не трудно даже ударить дрюкомъ по головѣ голосящую, защищающую свои бебехи и ругающуюся еврейку. Но начинать погромъ въ тихой, безлюдной улицѣ—не легко. Безъ толку, поэтому, шатались по мѣстечку, собирались кучками на площади, пили водку въ кабакѣ и ждали, чтобы что-нибудь—напримѣръ крикъ или случай порвалъ нить, еще связывавшую ихъ зудящія руки, и помогъ перешагнуть черезъ грань, за которой находились лавчонки убогихъ рядовъ съ дешевымъ мѣстечковымъ товаромъ—а можетъ-быть и жизни людей.

Евреи, между тѣмъ, послали за Игнатіемъ. Они одни, можетъ быть, знали его, и правильно оцѣнили, и вѣрили, что найдутъ въ немъ защитника. И тотчасъ же съ крикомъ и плачемъ окружили его, какъ только его лошадь показалась на площади; старики падали ему въ ноги, старухи цѣловали полы платья, жались къ нему, протягивали руки и вопили:

— А ратуйте-жъ вы насъ,—убиваютъ!..

И точно въ отвѣтъ на эти вопли отчаянія, на другомъ концѣ площади топорами начали высаживать двери одной, а потомъ и другой крамы,—точно ждали этого смятенія, какъ сигнала.

— Не бойтесь, не бойтесь, —говорилъ евреямъ Игнатій, а самъ дрожалъ точно въ приступѣ лихорадки.—Не бойтесь...

Въ это время дверь одной крамы высадили, и ожидавшая этого толпа дрогнула, закружилась на мѣстѣ и съ воемъ броси-

лась внутрь. И тотчасъ же оттуда черезъ головы людей полетѣли на улицу штуки ситца и сукна, стопки платковъ и папуши табаку. Одинъ тащилъ мѣшокъ съ крупой, и крупа, вытекая въ прорвавшуюся дыру, оставляла за нимъ бѣлый слѣдъ по дорогѣ. Въ другой лавкѣ, запершись, сидѣла еврейка. Когда дверь подалась и ворвались люди, она бросилась передъ ними на колѣни. Все это были знакомые мужики. Она называла ихъ по именамъ и, ползая по полу, обнимала ноги то одного, то другого.

— Иванюшка, родненькій, побойтесь Бога! Ой, Андрей, Андрей, пропала моя головушка!..

Ее не слушали, толкали ногами, топтали. Она мѣшала. Кто-то схватилъ ее за волосы и поволокъ вонъ изъ лавки. Она цѣплялась, извивалась по землѣ и кричала безъ словъ, какъ раздавленный звѣрь. Что затѣмъ вышло — никто никогда не могъ хорошо разсказать, и самъ Игнатій не могъ припомнить. Онъ зналъ, что схватилъ дюжаго, бородатаго мужика, тащившаго за волосы еврейку, и когда тотъ отмахнулся отъ него, бѣшено ударилъ его въ лицо. Потомъ онъ что-то говорилъ. Можетъ-быть слова, которыя онъ находилъ, можетъ-быть тонъ, можетъ-быть весь его видъ потрясеннаго бѣшенствомъ человѣка на минуту остановили разгромъ. Но сзади нажали, опять всѣ закрутились, а затѣмъ кто-то крикнулъ:

— Забили пана!..

Магеровскій дѣйствительно лежалъ на порогѣ лавки и по лицу его текла кровь. Быть-можетъ его кто-нибудь ударилъ, быть-можетъ онъ случайно упалъ и расшибъ себѣ голову. Но всѣ видѣли, что онъ лежитъ недвижимый и мертвенно-блѣдный,— навѣрное мертвый. Это былъ фактъ, не входившій въ программу и оборвавшій въ самомъ началѣ еще не успѣвшій разыграться погромъ.

— Ну, буде же за яго на орѣхи!—сказалъ кто-то. И эта угроза отвѣчала общему сознанію, что сдѣлано нѣчто непозволенное. Черезъ нѣсколько минутъ у разбитыхъ двухъ лавокъ не было ни одной мужицкой души. Молча и спѣшно расходились погромщики. Встрѣчая своихъ, говорили:

— Завишковскаго пана забили...

— Хто забилъ?

— Хто яго вѣдае... Мы тамъ не были...

И, садясь на лошадей, торопливо уѣзжали, чтобы и послѣ имѣть возможность сказать:

— А мы же при томъ не были...

Магеровскій, однако, убитъ не былъ. Черезъ часъ онъ пришелъ въ себя и скоро уѣхалъ домой.

Ѣхалъ онъ угрюмый и морально пришибленный. Дома Лиза встрѣтила его слезами—отъ радости, что онъ живъ. Обнимая его, она, не переставая, бранила мужиковъ, воровъ, негодяевъ и убійцъ. Въ другое время Игнатій оборвалъ бы ее. Теперь онъ слушалъ, не возражая. Стоило ему закрыть глаза—и передъ нимъ, какъ живая, вставала только-что пережитая сцена, и всѣхъ ярче—это озвѣрѣлое лицо съ отвратительнымъ раскрытымъ ртомъ и безсмысленно-оживленными глазами, лицо рыжаго великана, тащившаго за волосы еврейку, котораго онъ ударилъ. И тотчасъ же его начинала колотить мелкая дрожь, и вновь нервно сжимался кулакъ.

Такъ вотъ они какіе!—думалъ и вновь думалъ Игнатій, по обыкновенію обобщая фактъ.—Вотъ они кто!—

Они—это были мужики. Тотъ народъ, который онъ до тѣхъ поръ, по старой привычкѣ мысли, считалъ носителемъ высшей правды, неправо обиженнымъ, историческимъ страдальцемъ. И ему казалось, что онъ только теперь въ первый разъ увидѣлъ его истинное и подлинное лицо — страшное и злое. Да неужели же это въ самомъ дѣлѣ его лицо? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такой?

Смутно, какъ будто въ туманѣ, припоминались ему старые аргументы, которыми онъ привыкъ обѣлять пороки народа. Необразованъ. Задавленъ... Но опять вставалъ яркій и отвратительный образъ рыжаго мужика, и безслѣдно таяли блѣдные аргументы, какъ таетъ туманъ въ лучахъ солнца.

— Такіе же были и тѣ мужики, которые вязали отца... И тѣ, что стрѣляли въ дѣда...

Длинная и жестокая исторія отношеній завишковскихъ пановъ къ мужикамъ, и обратно — мужиковъ къ завишковскимъ панамъ, исторія, вгонявшая его прежде въ краску стыда, являлась теперь въ иномъ освѣщеніи. Жестокіе паны—и угнетенные, несчастные мужики! Становилось очевиднымъ, что это была неправильная концепція.

„Звѣрь человѣкъ. Понимаешь? Звѣрь...“—вспоминались слова отца въ одной изъ его предсмертныхъ бесѣдъ. Прежде они будили въ Игнатіи страстный протестъ. Теперь за нихъ была очевидность.

Но если онъ звѣрь, то правы тѣ, кто хочетъ держать его въ уздѣ. И значитъ онъ, Игнатій, былъ неправъ всегда и во всемъ—въ мысляхъ, въ чувствахъ и въ дѣйствіяхъ. Вотъ почему

платили ему зломъ за добро, расхищеніемъ и издѣвкой за доброту, за желаніе всѣмъ помочь, всѣмъ угодить. Тысячи аргументовъ возникали въ умѣ. Тысячи воспоминаній, ощущеній и чувствъ вставали въ душѣ—противорѣчивыя, мучительныя, смутныя. Это былъ хаосъ, замѣнившій собою правильную цѣпь логическихъ выкладокъ, центральнымъ звеномъ котораго была религіозная вѣра въ народъ. Это звено выпало. На его мѣстѣ стояла теперь фигура погромщика, — и искусно возведенная храмина, въ которой Игнатій молился своему богу, разсыпалась въ прахъ.

Поиски новаго бога, возведеніе новаго храма требовали времени. И много времени прошло, пока Игнатій успѣлъ въ этомъ. Но жизненная практика его измѣнилась сразу. Каковъ бы тамъ ни былъ мужицкій міръ, абстрактно взятый, — практика требовала отъ Игнатія совершенно опредѣленнаго отношенія къ конкретнымъ мужикамъ, съ которыми онъ ежедневно входилъ въ соприкосновеніе. И здѣсь самъ собою явился критерій.

— Апанасъ? Погромщикъ? Скажи, чтобъ забылъ дорогу ко мнѣ на дворъ. Знать его не хочу.

Мужицкій міръ практически раздѣлился въ глазахъ Игнатія на двѣ части. Съ одними можно имѣть дѣло, съ другими—нельзя. Къ первымъ онъ выходилъ и хмуро спрашивалъ:

— Что надо?

Другихъ онъ не выносилъ. Но кто могъ точно и вѣрно сказать ему, куда, въ какую половину надо занести того или другого Ивана? Всѣ, кромѣ небольшого числа уличенныхъ, клялись и божились:

— Мы же тамъ не были! Отсохни руки, коли мы при гэтакомъ дѣлѣ! Милостивый баринъ, провались я скрозь землю...

Игнатій брезгливо слушалъ и отвѣчалъ:

— Знаю я васъ. Не дамъ.

А если Ничипоръ хотѣлъ напакостить какому-нибудь своему пріятелю, онъ говорилъ:

— Доложу вамъ еще: Гришка съ околицы просе четверть картошки на сѣмена... А только нестоющій человѣкъ. Пьяница... Что дай, что не дай... Якъ громили малиновскихъ жидовъ, цѣлый возъ приволокъ домой, все пропилъ... Такъ думаю, что отказать...

— Можетъ быть, басни?—спрашивалъ Игнатій.

— Помилуйте! Якія же байки! Усѣ люди вѣдають...

— Ну, и прекрасно. Не давай.

Къ погромщикамъ въ Завишкахъ не знали пощады. Ни хлѣба,

ни огня, ни воды. Совершенно естественно, что деревня взвыла. Въ Завишкахъ на это не обратили вниманія. Тогда мужики начали жечь Игнатія.

Какое дѣло было имъ до его благороднаго негодованія? Передъ ними стоялъ фактъ: сотни лѣтъ они такъ или иначе, за трудъ, за деньги, за дорогіе отработки, но пользовались завишковскими лугами, полями и лѣсами и жить безъ нихъ не могли. Это хорошо понимали старые завишковскіе паны, и хотя хорошаго про нихъ можно было мало сказать, и хотя держали они злыхъ и жестокихъ приказчиковъ—напр. стараго Конта,—но никогда не отказывали „своимъ" мужикамъ ни въ водѣ, ни въ землѣ, ни въ огнѣ...

А тутъ появился сумасшедшій панокъ, сначала лебезилъ передъ мужиками, не зналъ на какой стулъ посадить, а тутъ — на!—осатанѣлъ...

— Штобъ яму кишки перевярнуло!.. Казалъ я вамъ: ой, побачите, яще што съ яго выйде! Во, и дойшло!

Сначала сгорѣли у Игнатія два стога на лугу. Потомъ гумно съ хлѣбомъ. Потомъ флигель при домѣ. И тутъ на пожарѣ, первый разъ въ жизни, Игнатій долго и звѣрски билъ мужика. Какъ на всякое зрѣлище, на пожаръ сбѣжались мужики сосѣднихъ деревень, стояли и смотрѣли,—потому что тушить было и нечѣмъ, и нечего,—тихо говорили между собой. Но Игнатію показалось, что какой-то лохматый и плюгавый мужиченко смѣется.

— Ты чего скалишь зубы?

Онъ схватилъ его за плечо и встряхнулъ. Мужиченко смѣялся. Тогда, въ припадкѣ внезапнаго бѣшенства, онъ ударилъ его по лицу, разъ и другой, — а лицо это, по которому теперь текла кровь, все продолжало смѣяться. Игнатій совсѣмъ обезумѣлъ, и можетъ-быть убилъ бы мужика, еслибы его не оттащили. Магеровскаго увели въ домъ, и тамъ онъ долго сидѣлъ безъ кровинки въ лицѣ, дрожалъ, кусалъ губы и беззвучно плакалъ.

Въ этой обстановкѣ разрывъ съ прошлымъ совершился у Игнатія быстро и безповоротно. Когда, года черезъ три послѣ погрома, изъ ссылки вернулся третій сынъ Ивана Магеровскаго, Антонъ, онъ нашелъ Игнатія въ совсѣмъ новой для него и совсѣмъ неожиданной аватарѣ.

Игнатій встрѣтилъ брата подозрительно. Онъ боялся найти въ немъ тѣ старыя свои мысли и чувства, когда-то общія имъ, которыя теперь казались ему не только ложными, но почти преступными.

Въ первую же ночь, которую Антонъ проводилъ подъ за-

вишковской крышей, Игнатій пришелъ къ нему, чтобы открыться самому и выспросить его.

— Я хочу говорить съ тобой...

И страстно, обличая себя—того, прошлаго, котораго Антонъ только и зналъ,—обличая Антона, обличая все, чему они когда-то вмѣстѣ страстно поклонялись, Игнатій началъ исповѣдоваться брату.

— Ты помнишь,—говорилъ онъ,—чѣмъ мы были? Чего хотѣли? Хотѣли осуществить рай на землѣ, и для этого разжигали злыя страсти и грубые инстинкты злыхъ и грубыхъ рабовъ. Сколько намъ было лѣтъ? Въ семнадцать-восемнадцать лѣтъ мы рѣшили, что все, что дѣлали наши отцы, наши дѣды, цѣлые ряды поколѣній не менѣе умныхъ, не менѣе благородныхъ, чѣмъ мы, — что все это было глупо и подло. Мы рѣшили, что все, чѣмъ они жили, не стоитъ ни на грошъ уваженія. На сломъ! На смарку! Съ насъ начинается исторія! Мы скажемъ никѣмъ не сказанное слово! Что, скажи мнѣ на милость, что это, какъ не смѣхотворное мальчишество? И какое это новое слово? Ты помнишь, какъ мы его выдумали? Мы взяли всю жизнь нашихъ отцовъ, всю ихъ вѣру, всѣ ихъ убѣжденія и вывернули наизнанку, какъ перчатку. Они вѣрили—мы стали безбожниками. Они чтили семейный очагъ—мы объявили свободу чувствъ. У нихъ были рабы, и они уважали въ себѣ старую культуру; мы сказали, что рабы—святые, что у нихъ вся правда, а культура—путы на ногахъ человѣчества... Теперь я, слава Богу, прозрѣлъ. Благодаря нашимъ любезнымъ пейзанамъ! Это — единственная услуга, которую они мнѣ оказали...

И онъ, стуча зубами отъ волненія, разсказывалъ брату о погромѣ, о долгихъ и безплодныхъ своихъ попыткахъ войти въ душу народа, о его черной неблагодарности, о его глубокой, безграничной имморальности, имморальности хищнаго звѣря, на котораго, слава Богу, надѣли намордникъ...

— Ему нуженъ намордникъ, нужны крѣпкая палка и кусокъ хлѣба. Палкой и хлѣбомъ его надо держать въ повиновеніи. Наказывать строптивыхъ и кормить покорныхъ. Тогда еще можно жить. А мы, между тѣмъ, все время изловчались, какъ бы снять съ звѣря намордникъ, какъ бы вырвать палку изъ рукъ надсмотрщика, и радовались, если голодъ лишалъ звѣря ѣды, и звѣрь свирѣпѣлъ. Помнишь — это было, когда мы съ тобой еще жили въ Москвѣ — ростовскій погромъ? Пьяная портовая чернь взломала тюрьмы, выпустила воровъ, и вмѣстѣ громили полицію и городъ. Мы кричали ура и праздновали начало революціи. Идіоты!

Антонъ слушалъ брата внимательно и любопытно.

— Знаешь,—сказалъ онъ,—ты говоришь, что ты прозрѣлъ и перемѣнился, и вотъ, излагаешь мнѣ все твое новое. А я лежу и думаю: все тотъ же, все прежній, все вѣрующій, все теоретикъ. Только вѣра другая... Кого же ты теперь подрумянилъ? Стариковъ?

Антонъ сказалъ правду. Измѣнились боги Игнатія, измѣнилось содержаніе вѣры, но выскочить изъ своей кожи Игнатій не могъ—не могъ, унижая одного, не возводить кого-нибудь другого въ перлъ созданія. А для этого необходимо было и подрумянивать. И такъ какъ органически онъ стоялъ между двумя мірами—помѣщичьимъ и мужицкимъ,—то, повернувшись спиною ко второму, онъ очутился лицомъ къ первому. Тамъ онъ сначала увидѣлъ своихъ предковъ, тѣхъ, отъ кого онъ отвернулся на зарѣ своей жизни. Теперь ему казалось, что правы были они, и изъ чувства вины передъ ними, давно ушедшими, но оставившими слѣдъ своей жизни на всемъ, что было въ Завишкахъ, глубокій слѣдъ,—выросло чувство запоздалой, но нѣжной и почтительной къ нимъ любви.

Часами сидѣлъ теперь иногда Игнатій передъ большимъ шкафомъ, гдѣ были собраны въ безпорядкѣ старыя дѣла и бумаги, письма и счетныя книги, оставшіяся отъ отца, и дѣда, и прадѣдовъ. Внимательно перечитывая, подбирая и сортируя ихъ, съ любовью и нѣжностью глядя на какой-нибудь старомодный бумажникъ съ крючковатыми записями въ записной книжкѣ, онъ сростался съ ними душевно, учился ихъ понимать, возсоздавалъ ихъ обиходъ...

Подолгу иногда смотрѣлъ онъ на ихъ портреты. Отца онъ помнилъ хорошо, и связью съ нимъ служили тѣ бесѣды, которыя отецъ велъ съ Игнатіемъ передъ смертью. Но дѣда, нарядно-важнаго и очень добраго, чистенькаго и аккуратнаго старичка, онъ не зналъ и почти не помнилъ. О прадѣдѣ слышалъ лишь то, что онъ былъ полковникомъ польскаго легіона и инженеромъ, перерывшимъ лугъ широкой канавой, на которой вѣчно чинится старый мостъ. Теперь они оживали передъ нимъ, и оживала ихъ жизнь, широкая, важная и въ то же время красивая и узорная, какъ фарфоровая статуэтка. И глядя на нее издалека, растроганнымъ взоромъ виноватаго потомка, Игнатій видѣлъ въ ней то, что ему хотѣлось видѣть, и отсѣкалъ все то, что портило его новый храмъ и уродовало новыхъ боговъ.

Въ этомъ новомъ храмѣ сложилась его новая вѣра и оформились новыя теоріи. Переведенныя на обыкновенный языкъ, онѣ

говорили, что жить надо не разрывая съ традиціей, что ищущая мысль—опасная, почти вредная штука...

— Мысль, безудержность мысли, погубила насъ! — кричалъ Игнатій брату въ ночь своихъ покаяній.—Иногда я думаю, что вообще не надо думать. Меньше думать, проще думать, больше вѣрить коллективному разуму предковъ, чѣмъ своему сорвавшемуся съ цѣпи индивидуальному разсудку.

Его новая теорія говорила еще, что онъ — потомокъ длиннаго ряда культурныхъ и благородныхъ поколѣній господъ—не долженъ стыдиться своего господскаго положенія. Онъ долженъ быть добрымъ, строгимъ и справедливымъ бариномъ, и строго, но въ то же время ласково и справедливо пасти стадо двуногихъ животныхъ, отличая однихъ, карая другихъ. И когда эта теорія устоялась въ душѣ Игнатія и онъ свыкся съ нею, изъ прежняго робкаго и страстнаго юноши, дерзко и восторженно стремившагося къ далекому идеалу, вышелъ, казалось, настоящій баринъ, уравновѣшенный, увѣренный въ себѣ, полный сознанія какой-то своей особой миссіи—если не на землѣ, то по крайней мѣрѣ въ своей завишковской округѣ.

И завишковская округа, по крайней мѣрѣ округа помѣщичья, очень скоро замѣтила и оцѣнила этого новаго Игнатія.

— А я же говорилъ—упрыгается! Мужички научатъ! Какъ спалили три-четыре раза, то взялся за умъ. Слава Богу, что было за что взяться. Большого ума человѣкъ! — говорилъ объ Игнатіи бывшій секретарь духовной консисторіи, купившій послѣ мятежа конфискованное имѣніе польскаго патріота и нажившійся на немъ.—Настоящій Магеровскій!

Какъ когда-то давно, при дѣдѣ, въ Завишки вновь очень часто тянулись теперь со всѣхъ сторонъ помѣщичьи экипажи. Къ сожалѣнію, это были уже не дормезы, не вѣнскія коляски и громадные брыки, запряженные шестернями и четверками большихъ заводскихъ коней. Телѣжки всѣхъ сортовъ, очень рѣдко фаэтоны, иногда двуколки и бѣговушки замѣнили у новыхъ помѣщиковъ помпезные экипажи добраго стараго времени. И помѣщики были не тѣ. Богъ знаетъ откуда они взялись—всѣ эти бывшіе секретари консисторій, ходатаи по дѣламъ, купцы, недавно торговавшіе иконами, лампаднымъ масломъ и конскими сбруями, отставные судебные пристава... По-своему, впрочемъ, это былъ умный и дѣльный народъ, скопившій деньгу, подобравшій на торгахъ, на аукціонахъ земли прогорѣвшихъ старыхъ пановъ, оставившій ихъ за собой по неоплаченнымъ въ срокъ закладнымъ... Но что̀ могло быть общаго между ними, трезвыми и дѣловыми

людьми, прозаическій разумъ которыхъ искалъ одного — доходовъ, — съ Игнатіемъ, съ его трагической, мятущейся душой, его теоретизирующимъ умомъ, погруженнымъ въ утопіи?

Игнатій былъ имъ, впрочемъ, полезенъ, какъ полезенъ лакъ жухлой картинѣ. Онъ придавалъ нѣкоторый блескъ ихъ убогому существованію, ароматъ идей и благородства ихъ хищной тупости. И имъ пріятно было сидѣть въ большой старинной и нарядной гостиной, со стѣнъ которой опять глядѣли дѣдовскія картины — нагая Діана и гордая дама съ левреткой; пріятно было засиживаться далеко за полночь въ завишковской столовой, гдѣ все „по-паньски“, гдѣ ожилъ духъ настоящаго барскаго прошлаго.

Но Игнатій!? Нужна была вся его пристрастная слѣпота, вся его натура фантаста, чтобы сблизить его съ этимъ міромъ и реставрировать въ Завишкахъ старую жизнь. На нѣкоторое время это Игнатію удалось. Онъ вновь построилъ свой міръ изъ себя и надѣлилъ всѣхъ, кого нужно было, всѣми тѣми достоинствами и добродѣтелями, которыхъ искалъ. И оттого онъ былъ теперь весь гостепріимство, весь привѣтливая и радостная любезность, очаровывая — какъ, бывало, очаровывалъ его дѣдъ — всѣхъ своихъ новыхъ добрыхъ друзей.

И Лиза выиграла, конечно, отъ этого новаго направленія мыслей Игнатія. Человѣкъ добрыхъ нравовъ долженъ быть и добрымъ мужемъ, крѣпко и строго блюсти миръ и достоинство семейнаго очага. И чтобы облегчить себѣ выполненіе этой новой заповѣди, позаимствованной, какъ ему казалось, у предковъ, Игнатій закрылъ глаза на дѣйствительную Лизу, пересталъ видѣть и чувствовать ея сухую, меркантильную душу, ея плоскій умъ полудикарки, и нарядивъ, мысленно подмѣнивъ ее, помѣстилъ и ее въ рядъ боговъ въ своемъ новомъ храмѣ.

Для Лизы началась, такимъ образомъ, счастливая полоса. Все было теперь у нея. Любящій мужъ. Домъ, гдѣ она хозяйничала на просторѣ. Гости и пріемы. Положеніе, которому завидовали. Мирно катилась въ Завишкахъ жизнь, годъ за годомъ, годъ за годомъ...

А между тѣмъ счастье Лизы было построено на пескѣ. И, какъ это часто бываетъ, Лиза замѣтила его непрочность тогда, когда было поздно. Еслибы она была умнѣе и чутче, она давно увидѣла бы, что Игнатія опять сосетъ червь, что со дна его отъ юности отравленной души опять встаютъ задушенные запросы, и неугомонная мысль, которой онъ такъ боялся, которую

онъ справедливо считалъ великой разрушительницей, день за днемъ подтачиваетъ карточный домикъ реставрированныхъ „старыхъ“ Завишекъ—а вмѣстѣ съ тѣмъ и карточный домикъ Лирина счастія. Но она прозѣвала. Ея взглядъ скользилъ по поверхности: она видѣла только безпокойно-смѣняющіяся настроенія Игнатія, глубокія и мучительныя причины которыхъ оставались внѣ ея пониманія.

А причины были глубоки и мучительны. Игнатій принадлежалъ къ другой культурной средѣ, имѣвшей мало общаго съ окружавшими его людьми. Сначала жизнь, а потомъ онъ самъ, сознательно пытались вырвать съ корнемъ все то, что вросло въ его душу въ юности, въ пору развитія. Но не вырвали, а только надломили. И когда прошелъ угаръ злобы и страстной обиды на „народъ“, когда прошло упоеніе новаго увлеченія „предками“, — опредѣленно и ясно сказалось для Игнатія, что, хотя сломанный и исковерканный, онъ не пріемлетъ и не можетъ принять этихъ убогихъ, духовно-скудныхъ, мѣщански-мыслящихъ и чувствующихъ людей, и не можетъ сростись съ ними.

Пріѣзжалъ исправникъ и говорилъ объ интригахъ въ губернскомъ правленіи, о мужикахъ, которые доставляютъ ему одни безпокойства; говорилъ объ арфисточкѣ, которую онъ слышалъ въ губернскомъ городѣ. Потомъ садился играть въ преферансъ. За ужиномъ много пилъ и ржалъ, сотрясая свой высокій и широкій животъ.

Пріѣзжали сосѣди-помѣщики. Говорили о мужикѣ—сиволапой лѣнивой скотинѣ, объ альгаузскихъ быкахъ, о жеребцахъ—и опять о мужикѣ-сиволапой скотинѣ, о закладныхъ... Потомъ садились играть въ преферансъ; за ужиномъ много пили и хохотали—одни, толстые, колыхая животами, другіе, тонкіе, пронзительно и визгливо.

Пріѣзжали судейскіе чиновники, проѣздомъ на сессію—люди высшаго полета. Эти—если не было дамъ—разсказывали скабрёзные анекдоты. Скабрёзные анекдоты были ихъ спеціальностью. И товарищъ прокурора конкурировалъ съ членомъ окружнаго суда: оба тянулись за первенствомъ.

Заѣзжалъ батюшка. Не тотъ пьяница, который когда-то слѣдилъ за благонадежностью студента-Магеровскаго. Тотъ умеръ, опившись во время поѣздки за сборомъ руги. Теперь былъ батюшка молодой, любимецъ архіерея, въ бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ и шелковой рясѣ. Пріѣзжая къ Игнатію, онъ пространно разсказывалъ о владыкѣ и о томъ, какъ онъ искоренитъ штунду. А поговоривъ, спрашивалъ:

— А пулечки не составится? Охо-хо, грѣшенъ, надо сознаться,—не прочь перекинуться.

А выпивъ за ужиномъ, любилъ послѣ того поплясать „русскую“—„за даму“. Бралъ въ руки платочекъ и, шевеля рясой, щепетливо плылъ, притоптывая каблучкомъ.

— А вы не думаете, что вы срамите церковь? — спросилъ у него однажды, злобно глядя на него въ упоръ, Игнатій.

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще случались такіе взрывы безпричинной, какъ ихъ называла Лиза, злобы, свидѣтельствовавшіе, по ея мнѣнію, о томъ, что у Игнатія портится характеръ. А онъ между тѣмъ все острѣе ненавидѣлъ и окружавшій его сбродъ, и Лизу въ томъ числѣ, и дѣлая оборотъ на себя—себя самого. Потому что вѣдь это онъ самъ созвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, онъ самъ выбралъ себѣ такую жену, онъ самъ опустился до этого уровня.

Но вернуться отъ нихъ назадъ, къ богамъ своей юности, Игнатій тоже не могъ. Не могъ онъ вычеркнуть изъ своей памяти все пережитое за послѣднее десятилѣтіе, какъ не могъ сбросить съ своей души той коры, которая наростала на ней за это время и проросла ее, какъ проростаетъ трухлую землю грибная плѣсень своею грибницей. И постепенно, понемногу онъ превращался въ мизантропа—не такого своеобразнаго и чудаковатаго, какимъ былъ его прадѣдъ-полковникъ, но не менѣе безнадежнаго.

Но прежде чѣмъ потухнуть, лампа вспыхиваетъ на короткое мгновеніе яркимъ свѣтомъ. И у Магеровскаго былъ передъ его закатомъ одинъ день, когда въ сгущавшейся тьмѣ его жизни вспыхнулъ для него яркій свѣтъ, и онъ ненадолго повѣрилъ, что еще доступна ему радость настоящаго глубокаго счастья и проникновеннаго восторга.

Магеровскому было далеко за сорокъ лѣтъ, когда онъ встрѣтился съ дѣвушкой, которую полюбилъ. Какъ ни странно, но, если не считать юношескихъ увлеченій, это была его первая любовь. Сначала революція, потомъ Лиза и деревня, наконецъ тотъ долгъ добраго семьянина и вѣрнаго мужа, который Магеровскій на себя возложилъ, держали его въ сторонѣ отъ сердечныхъ увлеченій, и тѣмъ болѣе отъ любовныхъ авантюръ. Такимъ образомъ онъ дожилъ до старости, растрачивая данный ему запасъ нѣжности, пылкости и страсти на отвлеченные предметы и на безличныя идеи. Спина согнулась, выросъ животъ, голова облысѣла, лицо покрылось морщинами,—уходила жизнь, а цѣлый секторъ ея оставался для него невѣдомымъ и неизвѣ-

даннымъ. Онъ замѣтилъ это только тогда, когда встрѣтился— съ нею.

Она была дѣвушка, молоденькая, трогательно-очаровательная, пылкая и безногая. Если Лиза была воплощенной матеріей, она была воплощеннымъ духомъ. Ея худенькое тѣло, распростертое на катающемся креслѣ, Игнатій воспринималъ не какъ плоть, а какъ страданіе. Съ почтительнымъ умиленіемъ смотрѣлъ онъ на ея тонкіе и блѣдные, распухшіе въ суставахъ пальчики; робко и осторожно бралъ, здороваясь, ея руку, потому что зналъ, что каждое движеніе причиняетъ ей боль, отъ которой въ глазахъ ея вспыхиваютъ огоньки и появляется скорбно-строгая морщина на лбу. Ея безпомощное и больное тѣло мучило ее. При взглядѣ на нее воочію открывалась, какъ думалъ Игнатій, вѣчная противоположность духа и матеріи, вѣчная прелесть торжествующаго надъ плотью духа.

Вѣроятно, она была одарена отъ природы; возможно, что долгая болѣзнь, которая захватила ее еще въ юности, углубила ея душу и сдѣлала ее вдумчивой, чуткой и нѣжной; быть можетъ, наконецъ, Игнатій просто переоцѣнивалъ ее, — но, такъ или иначе, а казалась она ему небожительницей, спустившейся на грязную и скучную землю, существомъ высшей и лучшей природы.

— Откуда вы взялись... такая?—спрашивалъ онъ ее иногда.— Когда я смотрю на васъ, потомъ на себя и всѣхъ остальныхъ, мнѣ стыдно своей тупости... Какъ черепахи ползаемъ мы на брюхѣ и смотримъ въ землю! Плебеи мы!..

А когда она, любившая краски и звуки, цвѣты и сочную зелень тѣнистаго сада, жаръ солнца и таинственное трепетаніе луннаго свѣта, говорила, что жизнь „такъ прекрасна!“ —Игнатій почти плакалъ отъ жалости и восторга.

Между ними сложились странныя отношенія. Она заполнила все его существо, и все, что еще было въ немъ живого, нѣжнаго и благороднаго, рвалось къ ней. Это была восторженная любовь, лишенная всякаго плотского оттѣнка, почти обожаніе.

Она очень скоро выдѣлила Игнатія изъ ряда своихъ знакомыхъ. Очень скоро почувствовала въ немъ человѣка большой и напряженной внутренней жизни — и не осталась равнодушной къ его преданной любви.

И всетаки сближенія между ними не произошло. Очень скоро сказалось, что живутъ они разнымъ и говорятъ на разныхъ языкахъ. Житейски-обывательская мудрость сломаннаго человѣка и озлобленность неудачника плохо согласовались съ юной свѣ-

жестью ничего неиспытавшаго и для всего открытаго существа, родившагося на двадцать лѣтъ позже, и ихъ бесѣды лишній разъ говорили Игнатію, что онъ опустился глубоко, ото всего отсталъ, забылъ даже то, что зналъ когда-то.

— Какъ солнце, вы далеки отъ меня,—говорилъ онъ ей съ отчаяніемъ.

И можетъ быть поэтому тянулся къ ней, какъ тянется трава къ далекому солнцу.

Хозяйствомъ своимъ онъ не занимался, Лизы не замѣчалъ. Когда Лиза, мучимая ревностью, начинала ворчать, что онъ разъѣздился въ городъ, или насмѣшливо-ядовито вышучивала людей, забывающихъ о своемъ возрастѣ, онъ равнодушно замѣчалъ:

— Что ты понимаешь въ этомъ!..

Однажды терпѣніе Лизы истощилось. Ее жгла обида, и она устроила ему грубую сцену съ слезами, и крикомъ, и жалкими бранчивыми словами. Это было въ саду, гдѣ Лиза варила варенье. Нагнувшись надъ жаровней, раскраснѣвшаяся и потная, въ разстегнутой блузѣ, старая и огрузшая женщина то мѣшала ложкой варенье надъ огнемъ, то, обращаясь къ Игнатію, выкрикивала:

— Вы меня никогда не любили!... Всегда оскорбляли!.. И нашли въ кого влюбиться — въ безногую!.. Только я вамъ не позволю, не позволю поднимать меня на смѣхъ! Это что же такое, Господи Боже мой, людямъ на глаза показаться нельзя, — всѣ смѣются!.. На старость...

Бѣжали слезы изъ глазъ. Бѣжало варенье черезъ край.

Игнатій насмѣшливо смотрѣлъ на ея безобразныя слезы, на ея глупую тревогу надъ бѣгущимъ вареньемъ, и небрежно отвѣтилъ:

— Будешь много шумѣть—все варенье упустишь...

И ушелъ.

А дѣвушка умерла. Плоть оказалась сильнѣе духа, и сильный духъ исчезъ съ земли оттого, что хилая плоть отказалась жить. Когда Игнатій узналъ объ этой смерти, онъ сначала не повѣрилъ. Въ неописуемомъ волненіи поѣхалъ онъ въ городъ, но когда на кладбищѣ увидѣлъ холмикъ земли, засыпанный цвѣтами,—все то, что осталось отъ дорогого человѣка,—онъ сразу и совсѣмъ успокоился. Пріѣхалъ домой, поразилъ Лизу равнодушнымъ и холоднымъ разсказомъ о томъ, что вѣроятная причина смерти—эмболія, и объяснилъ ей что это за штука. Проявилъ давно небывалый интересъ къ хозяйству, долго бесѣдовалъ съ Ничипоромъ, приказчикомъ, и мимоходомъ сказалъ Лизѣ, гдѣ

и сколько лежитъ у него денегъ. Ушелъ спать въ обычное время, и Лиза слышала, что онъ скоро заснулъ. Ночью, однако, онъ застрѣлился.

Хоронили Игнатія въ туманный, холодный осенній день. Падалъ мелкій, какъ пыль, дождь, и падали желтые и мертвые листья съ деревьевъ. Скользя по мокрой глинистой дорогѣ, несли рабочіе съ напряженными лицами гробъ. Шла Лиза за гробомъ, шли дочери Игнатія, кое-кто изъ сосѣдей, прислуга. Плакали только дѣти Игнатія. Дьячки и нарядный священникъ, любившій поплясать послѣ веселаго ужина, гнусаво пѣли плачевныя погребальныя пѣсни. Имъ хрипло подтягивалъ сосѣдъ, бывшій секретарь консисторіи.

Гробъ собирались уже закрыть крышкой, когда къ нему неожиданно протиснулась старая нищенка, съ незапамятныхъ временъ побиравшаяся по усадьбамъ и деревнямъ, окружавшимъ Завишки.

Старая, вѣковѣчная, вся изсохшая и скрюченная жизнью, нищетой и годами, столько видѣла она смертей и раздавленныхъ жизней, что новая смерть одного изъ многихъ завишковскихъ пановъ, подававшихъ ей временами пятаки, не произвела на нее впечатлѣнія. Но что-то въ гробѣ привлекло ея вниманіе. Пробравшись черезъ негустую толпу, она нагнулась надъ нимъ и корявой, изсохшей рукою скелета потрогала его шелковую обивку, шелковый рюшъ и покровъ, закрывавшій останки Игнатія. Потомъ обвела кругомъ невидящимъ взглядомъ красныхъ слезящихся глазъ, подумала, пожевавъ беззубымъ ртомъ, и прохрипѣла:

— Шоукъ?!

— Иди съ Богомъ, старуха!—сказалъ ей священникъ, переравъ литію.

Но старуха не слушала. Глубокая мысль медленно ползла въ старомъ мозгу и привлекала все вниманіе нищенки.

— Ступай прочь!—уже крикнулъ на нее Ничипоръ.

Но въ груди у нея вновь что-то заскрипѣло, и опираясь на клюку, стоя надъ гробомъ, она заговорила:

— Шоукъ!.. И по зямлѣ у шоуку ходють... и у землю у шоуку кладуть... А я помру, положуть у яму у гэтыхъ, во, лохмоттяхъ...

Она потрясла полой своей изодранной, измызганной, отвратительной свиты, и опять посмотрѣла вокругъ, точно апеллируя къ человѣческой справедливости.

— У лохмоттяхъ... Ажно Богу срамно на вочи показаться... Хучь бы рубаху чисту надѣли!.. Ой, паны, паны...

Ее увели. Она шла покорно, тяжело ступая и опираясь на

клюку, — живое воплощеніе человѣческаго униженія,—и повторяла свое не то упрекающее, не то грозное:

— Ой, паны, паны!..

Могилу начали засыпать землей. Батюшка снялъ епитрахиль и ризу, подошелъ къ секретарю консисторіи и сказалъ:

— Ну, и погодка!..

А нищая плелась, задыхаясь, по скользкой дорогѣ, хрипло кашляла и повторяла:

— Ой, паны, паны!..

И это была единственная надгробная рѣчь, сказанная надъ могилой Игнатія.

Ликвидація.

Старый Хведоръ Сякъ почти никогда не ходилъ на мужицкія сходбища и не принималъ участія въ тѣхъ бесѣдахъ, на которыхъ рѣшались деревенскія дѣла. Онъ былъ дряхлъ и почти слѣпъ; ноги и спина согнулись дугой; умъ ослабѣлъ и померкла память. И потому свои дни Сякъ проводилъ на печкѣ, или у печки, или иногда, въ теплые лѣтніе вечера, на завалинѣ. Тамъ, если находился слушатель, онъ любилъ разсказывать о томъ, что было давно: какъ великолѣпно жилъ „старый панъ“,— такъ до сихъ поръ называлъ онъ пана-маршалка, — какъ дрожала земля, когда онъ ѣхалъ въ коляскѣ на шести жеребцахъ, какъ свирѣпо дрался управитель Контъ, какъ пороли солдаты, которыхъ не разъ видѣла Ольховка на постоѣ. Любилъ разсказывать, какъ померъ старый панъ, свалившись ночью въ Волчьемъ Логу, куда онъ забѣжалъ, спасаясь отъ мужицкой пули. Сякъ при этомъ всегда разгорался, махалъ клюкой и, пересыпая свою рѣчь ругательствами, кричалъ болѣе полувѣка тому назадъ умершему Магеровскому:

— Ага, матери твоей трясцы! Солодко? Думалъ вѣкъ нашу кровь пить?!..

Съ удовольствіемъ тоже повѣствовалъ онъ, какъ вязали Ивана Магеровскаго. Этого послѣдняго онъ называлъ просто: „панъ“. А Игнатія, послѣдняго изъ завишковскихъ помѣщиковъ, которыхъ онъ всѣхъ пережилъ, презиралъ и не называлъ иначе, какъ „Магеровщёнокъ“. О томъ, какъ Магеровщёнку рубили лѣса и жгли сѣновалъ, онъ говорилъ пренебрежительно и вскользь, какъ о пустякахъ, въ которыхъ онъ прямого участія не принималъ... То ли дѣло было въ старину, когда Сякъ былъ молодъ, паны были настоящіе, а событія грандіозны! Отъ этихъ событій на

спинѣ Сяка остались многочисленные слѣды. Всю его спину, начиная отъ шеи и кончая концомъ позвоночника, пестрили бѣлыя полосы и рубцы, иногда чуть замѣтные, иногда выпуклые, не смотря на пятидесятилѣтнюю давность. Это была исторія Зашишекъ, написанная на кожѣ Сяка. Сякъ любилъ перечитывать ее и комментировать, особенно въ банѣ, гдѣ отъ тепла и пара старые рубцы выступали на покраснѣвшей кожѣ мраморной сѣткой.

— Отъ-то — Конта стараусся... Ну, и Конта! Не сёкъ розгами, а усё бизунами, злодій; а то—солдатскіе...

Сякъ водилъ пальцемъ по поясницѣ и, нащупывая рубцы, по ихъ внѣшнему виду опредѣлялъ ихъ давность и происхожденіе.

— А то—губернаторскіе. Якъ пана у губернію доставляли...

Солдатскія и губернаторскія розги не вызывали въ Сякѣ особенно горькихъ чувствъ. Вѣроятно, въ глубинѣ души онъ признавалъ за солдатами и губернаторами право драть. Что̀ же имъ еще дѣлать? На то поставлены. Притомъ же попечительныя дѣйствія властей были рѣдки, случайны, и ничего кромѣ кратковременной боли не оставляли. Другое дѣло—панскіе побои. Они горѣли до сихъ поръ.

Вотъ почему теперь, когда вся Ольховка гудѣла, какъ растревоженный улей, сразу увѣрившись, что насталъ наконецъ день сведенія историческаго счета съ Магеровскими, Сякъ ожилъ и, собирая остатокъ силъ, каждый вечеръ выползалъ изъ-за печки и шелъ туда, гдѣ собирались мужики. Тамъ, согнувшись въ три дуги и упершись на батогъ, онъ стоялъ и слушалъ, что̀ говорили молодые.

А молодые говорили удивительныя вещи. Одни разсказывали, что пановъ совсѣмъ не будетъ.

— Кажуть у городи, што чи выйшелъ, чи выйде такій законъ, что повярнуть усю землю на мужуковъ. Хто съ пановъ захоче самъ пахать землю, тому дадуть шматокъ,—такъ десятинъ съ пять. А то—ступай пречь! А землю намъ...

Другіе „добре вѣдали“, што „производителя“ и земскаго повезли „не иначе якъ у тюрьму,—кажуть, у Кіевъ“...

Передавались слухи, что тамъ—не платятъ податей, тамъ—взяли и покосили господскій лугъ, еще гдѣ-нибудь смѣнили старшину, прогнали міромъ, и ни „спрауникъ“, ни „врядникъ“ не смѣли и заикнуться...

Иногда читали на сходѣ газету, которую понимали плохо, иногда прокламацію, напечатанную красной краской и невѣдомо кѣмъ прибитую въ лѣсу на деревѣ при дорогѣ. Но и изъ газетъ,

и изъ прокламацій, и еще больше изъ общей растерянности какъ пановъ, такъ и властей, заключали, что вѣковѣчное зданіе обиды, притѣсненія и всяческой тяготы, надегшей на мужицкія плечи, шатается, рушится — и обрушится совсѣмъ, если только немного налечь на него и подтолкнуть.

Какъ подтолкнуть, куда подтолкнуть, что потомъ дѣлать— этого точно не знали. Не смотря на свою замкнутость стѣною лѣсовъ, не смотря на свою отрѣзанность отъ міра, чувствовали, что живутъ въ эпоху великихъ событій, великихъ перемѣнъ, когда нельзя дѣйствовать въ одиночку, когда поставлены большіе общіе вопросы, которые должны быть рѣшены съобща. И потому, собираясь и страстно, горячо и безпорядочно обсуждая открывшіяся перспективы, не рѣшались что-либо дѣлать и говорили:

— Якъ люди, такъ и мы...

Но и „люди“ не знали, и тоже нащупывали и искали. Дорогъ не было, а если и были тропинки, то ничто изъ многовѣкового прошлаго не указывало истинной. Когда это многовѣковое прошлое вдругъ и сразу какъ бы разсыпалось прахомъ, тогда обнаружилось, что оно шло поверхъ и мимо сознанія людей и, исчезнувъ, не оставило ничего: ни культурныхъ навыковъ, ни признанія пріобрѣтенныхъ правъ, ни уваженія къ тѣмъ теперь мертвымъ нормамъ, которыя назывались законами. И изъ-подъ всей этой трухи смутно вырисовывался контуръ древней правды, а надъ нею, вверху, маячила и смутно мерцала звѣзда правды новой. Идти къ ней? Но и ходить не умѣли свободно. Въ прошломъ былъ крѣпкій и глупый кулакъ, и была палка, которою заблудившійся пастухъ гналъ передъ собой заблудшее стадо. Кулакъ вдругъ разжался, палка упала на землю, и люди остались одни въ глухомъ лѣсу, въ который ихъ завела исторія ночною порой, и недоумѣнно спрашивали:

— Куда податься?

— А куда люди...

И вдругъ издали послышались человѣческіе голоса:

— Го-го-го-о! Сю-у-у-да!

Заблудившійся всегда идетъ на человѣческій голосъ; повернули, поэтому, на зовъ и пошли. И почему бы не идти? Во-первыхъ, никто другой въ другое мѣсто не звалъ. Во-вторыхъ, цѣлый рядъ признаковъ свидѣтельствовалъ, что направленіе взято вѣрно — и громче всего объ этомъ свидѣтельствовалъ Хведоръ Сякъ. А вѣдь всему міру извѣстно, что „ёнъ добре вѣдае“. Сякъ—это тысячелѣтняя мудрость. Это—живая исторія. Любой можетъ прочесть ее на его спинѣ. И когда Сякъ гово-

ритъ во имя тысячелѣтней мудрости и завѣтовъ ольховской исторіи, къ его голосу нельзя не прислушиваться.

— Все гэто добре,—говоритъ Сякъ, стоя согнувшись въ три дуги и опираясь на батогъ,—а только послухайте меня, добры люди: покуль гнѣзда не раззоришь—птицы ня выведешь... вернется у свое гнѣздо...

О чемъ бы ни говорили мужики на своихъ собраніяхъ, въ какую бы сторону ни склонялись ихъ мысли, Сякъ стоялъ на своемъ. Стоялъ и слушалъ—и когда очередь говорить доходила до него, онъ съ настойчивостью маньяка повторялъ свое:

— Покуль гнѣзда не раззоришь...

И сама образность его заключенія придавала ему особую убѣдительность и особый вѣсъ.

Рядомъ съ Сякомъ шли „хлопцы". Обыкновенно „хлопцевъ" не слушали. Что могутъ понимать и знать молодые, неженатые парни, шляющіеся по кирпичнымъ заводамъ и работающіе по экономіямъ? А потомъ надо и то сказать: всѣ они грубіяны и не уважаютъ старшихъ. Серьезные мужики, настоящіе хозяева, склонны были, поэтому, считать ихъ негоднымъ элементомъ деревни, и любили, указывая на нихъ, говорить о порчѣ нравовъ. Но таково было это чудесное время, что именно „хлопцы", неженатые, безусые парни, оказались вмѣстѣ съ Сякомъ въ положеніи руководителей и вождей. Правда, Сякъ медленно ковылялъ на своихъ трехъ ногахъ, и его заскорузлая мысль не шла дальше параллели между Завишками, съ ихъ обитателями, и птичьимъ гнѣздомъ—„хлопцы" же стремительно неслись впередъ на своихъ молодыхъ ногахъ. Но, странное дѣло—всякій ихъ шагъ находилъ поддержку въ старомъ Сякѣ. И это полное совпаденіе деревенскихъ мечтаній съ велѣніями сѣдыхъ воспоминаній и было самымъ замѣчательнымъ въ ольховской „смутѣ". Оно убѣждало деревню въ томъ, что она двигается по вѣрному пути изъ того лѣса, въ который ее завели „паны" на мужицкую погибель.

Было еще одно обстоятельство, которое подняло на небывалую высоту значеніе „хлопцевъ": они одни не растерялись, и они одни дѣйствительно—или повидимому—понимали.

Предводитель дворянства—„производитель", какъ называли его въ Ольховкѣ,—сбѣжалъ въ городъ. Земскій начальникъ никуда не показывался, никого не вызывалъ въ свою камеру, не судилъ. Онъ былъ и не былъ. Уряднику хлопцы сказали разъ, что переломаютъ ему ноги—и съ тѣхъ поръ его не было видно. Правда, въ уѣздномъ городѣ появились стражники и приставали къ мужикамъ, когда они съѣзжались на базаръ.

Но къ полудню они были пьяны и лежали безъ заднихъ ногъ. Разруха господскаго лагеря была полная. Мужицкій — тоже былъ какъ потерянный. И только „хлопцы“, говорившіе про себя, что они „announced у демократы“, устанавливали порядокъ въ дѣлахъ и мысляхъ. Они сдѣлались, такимъ образомъ, правительствомъ. У нихъ была организація. Былъ „комитэтъ“ на кирпичныхъ заводахъ, и другой, главный, въ городѣ. Были лозунги. Были слова, новыя и непонятныя слова, смыслъ которыхъ былъ, однако, пріятенъ. Когда „демократъ“ говорилъ, напримѣръ, что „тяперичи усѣ равны, и сословіевъ ня треба; поплясали подъ паньскую дудку“—вся деревня находила эти мысли естественными и разумными. И когда они же утверждали, что „треба, чтобы самъ народъ уси законы announced“—это также казалось правильнымъ. Прокламаціи, которыя привозили хлопцы, напечатанныя на маленькихъ листкахъ бумаги, но съ большими красными печатями, прослушивались, поэтому, внимательно и раскрывали новые горизонты — большого и счастливаго мужицкаго царства. Въ кассу, устроенную хлопцами, несли пятаки и двугривенные, иногда рубли, и чувствовали давно небывалую гордость и силу, когда на эти сборы хлопцы купили въ городѣ двѣ старыя берданки и револьверъ. Старый Сякъ первый одобрялъ всѣ эти дѣйствія.

— Добре!—говорилъ онъ.—Добре!

И безсознательно повторяя Катона, напоминавшаго согражданамъ о Карѳагенѣ, опять добавлялъ:

— А тольки, покуль гняздо цѣло...

И повторялъ до тѣхъ поръ, пока гнѣздо не раззорили.

Послѣ смерти Игнатія, Лиза съ дочерьми осталась хозяйничать въ Завишкахъ. Годы полной свободы и самостоятельности были бы, вѣроятно, самыми счастливыми годами ея жизни, еслибы не смута. Она подкралась неожиданно и отравила Лизино существованіе, наполнила ее страхомъ, безпокойствомъ, тоскою и сознаніемъ полной беззащитности и заброшенности. Еще бы! Мужики грубили и при встрѣчахъ не снимали шапокъ, приходили иногда на дворъ пьяные, и то глупо смѣялись, то глухо грозили. Разъ позднимъ вечеромъ толпа запасныхъ, которыхъ гнали на войну, нахлынула въ Завишки, потребовала ужина, окороковъ, водки. Въ людской и въ приказчичьемъ флигелѣ до поздней ночи сидѣли, кричали и ругались перепившіеся люди, требуя еще и еще, то того, то другого, и наконецъ де-

негъ. Горничныя дѣвушки съ радостно взволнованными и въ то же время встревоженными лицами, наслушавшись этихъ криковъ и разговоровъ, бѣжали къ Лизѣ и докладывали ей, что запасные говорятъ такія вещи, что „ажно страшно".

Они дѣйствительно говорили о томъ, что если ихъ оторвали отъ семей и гонятъ невѣдомо куда на смерть, то пусть паны кормятъ ихъ женъ и дѣтей. И еще прибавляли, что, вотъ, погоди—вернутся они домой и заберутъ панскую землю. Потому что вѣдь это они кровь проливаютъ, имъ, значитъ, и землей владѣть...

Лиза слушала эти пересказы, внутренно содрогаясь, и въ глубинѣ ея маленькаго мозга смутно шевелилась мысль:

„Ну, пускай ужъ пошумятъ и поѣдятъ. Можетъ-быть ихъ, дастъ Богъ, убьютъ тамъ, и они другой разъ не придутъ опять..."

Когда запасные ушли, она написала исправнику письмо, въ которомъ описывала свой ужасъ и требовала защиты.

Исправникъ заѣхалъ къ ней, сочувствовалъ, но говорилъ:

— Ничего не подѣлаешь... Такія времена!..

И совѣтовалъ, между прочимъ, ладить вообще съ мужиками.

— Плохое время. Тяжелое время. Но какъ-нибудь, какъ-нибудь, а ладьте съ ними, мерзавцами. Въ вашихъ интересахъ... Что подѣлаешь?!.

И онъ безпомощно разводилъ руками.

Но ладить было нелегко. Мужицкія требованія расли. Деревня примѣривалась, сравнивала свои силы и, чувствуя, какъ слабѣетъ наслѣдственный врагъ, насѣдала. Когда въ сѣнокосъ мужики сказали, что меньше чѣмъ за рубль въ день косить не будутъ, терпѣнье Лизы истощилось.

— Я не могу, Ничипоръ, давать такія деньги, я не могу!..

Ничипоръ, какъ обыкновенно, стоялъ у притолки съ сумрачнымъ лицомъ, но въ глазахъ и подъ усами у него бѣгала не-определенно-сардоническая улыбка. Онъ сорокъ лѣтъ служилъ у Магеровскихъ. Продѣлалъ около нихъ всю свою карьеру, начиная отъ лѣсника и кончая „управителемъ". Какъ человѣкъ умный, онъ всегда умѣлъ вести двойную игру и служить панамъ, не портя своихъ отношеній съ мужиками. Съ панами онъ сжился, зналъ ихъ, какъ свои пять пальцевъ, и презиралъ. Презиралъ онъ и деревню. Лавируя между ними, онъ гнулъ свою линію, и теперь тоже тревожился за себя. Давно уже купилъ онъ у Магеровскаго кусокъ земли, выселилъ туда своихъ сыновей, строился и обзаводился своимъ хозяйствомъ, маленькимъ, но крѣпкимъ. И видя, что все шатается, боялся за него.

— Треба дать, милостивая барыня. Треба дать. Погніеть трава, и такъ споздлилися...

— Но это-жъ раззореніе, Ничипоръ!

— Вѣрно. А только я плачу́.

— Ты платишь?

— Плачу. А якъ-же! Што прикажеть міръ—то и дѣлаю... Иначе невозможно...

— Но я не хочу, Ничипоръ!

— Милостивая барыня, не сердитеся. Но только што я вамъ скажу...

Его голосъ спустился почти до шопота и пріобрѣлъ особую убѣдительность.

— Никакъ невозможно спорить... Опасно... Што комитэтъ скаже, то мужики и дѣлаютъ. Скаже: спалить—спалють. Скаже: забить—забьють... Зъ ружжа чи зъ револьверта... Милостивая барыня, вы што думаете—я на той револьвертъ самъ три рубли далъ... Пришли и кажуть: дай три рубли на оружію! Далъ, безо спору. Еще спасибо сказалъ, што пятерки не стребовали... Барыня милая, такая ужъ вышла хворма,—невозможно, ихняя сила! Ня спойряйте. Худо буде...

Эти бесѣды терроризировали Лизу. Гдѣ искать помощи? Жаловаться исправнику? Требовать, чтобы онъ поселилъ въ усадьбу урядника? Но Ничипоръ говорилъ, что тогда-то и спалятъ навѣрное. Что можетъ сдѣлать урядникъ, который самъ всѣхъ боится? Оставалось—„ладить“, т. е. уступать всѣмъ требованіямъ деревни, своихъ рабочихъ, каждаго случайно забредшаго на усадьбу деревенскаго парня. А требованія эти были причудливы и разнообразны. Разъ, въ праздникъ, кучка деревенскихъ парней пришла въ Завишки и, потолкавшись около людскихъ, поговоривъ тамъ и посмѣявшись, отправилась къ дому, зашла въ цвѣтники и начала рвать и украшать свои шапки цвѣтами.

— Что вы дѣлаете?!—кричала имъ горничная изъ окна.— Барыня увидитъ!

Но хлопцы не испугались этой угрозы.

— Скажи своей пани,—отвѣтили они,—кабъ вынесла намъ той грамахвонъ. Хай ёнъ намъ поиграе, а мы поскачемъ...

И кончилось тѣмъ, что грамофонъ игралъ на балконѣ, Лиза мѣняла пластинки оперныхъ арій. „Обернуся яснымъ соколомъ“, пѣлъ сладкій и нѣжный голосъ Собинова, а ольховскіе хлопцы, заложивъ руки въ карманы свитъ и сдвинувъ „козыри“ на затылки, поплясывали и притопывали въ цвѣтникѣ—въ самомъ сердцѣ завишковской усадьбы.

Этого униженія Лиза не выдержала. Въ тотъ же вечеръ она начала укладываться и на утро уѣхала въ городъ.

А вечеромъ старый завишковскій домъ горѣлъ какъ свѣча. Исполнялась программа стараго Сяка. Птица улетѣла. Но чтобы она не вернулась—надо, чтобы гнѣздо было раззорено.

И птица, дѣйствительно, не вернулась.

Пожаръ завишковскаго дома былъ началомъ цѣлой серіи поджоговъ. Жгли усадьбы, поджигали лѣса. Дымъ стлался по землѣ, пропитанные гарью туманы обволакивали ее по ночамъ. Въ помѣщичьемъ лагерѣ возбужденіе расло, но не находило исхода. Что дѣлать? Это зависѣло отъ завтрашняго дня. Но за дымомъ и туманомъ его нельзя было разсмотрѣть. Было очевидно, что жизнь несется сломя голову, точно телѣга, которую несутъ и бьютъ взбѣсившіяся лошади. Еслибы еще кучеръ не выронилъ возжей! Но возжи давно волочились по землѣ, а про кучера нельзя было даже сказать—свалился ли онъ съ облучка, или лежитъ, дрожа и жмуря глаза, въ передкѣ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, дѣло представлялось Лизѣ. И, охваченная испугомъ, она рѣшила выскочить изъ бѣшено несущейся телѣги. Такъ дѣлаютъ многіе и ломаютъ себѣ при этомъ ноги. Но Лиза была не даромъ дочерью стараго Тышкевича, умѣвшаго молотить рожь на обухѣ. Раскинувъ умомъ, она рѣшила, что бунтующія и сожженныя Завишки она броситъ.

— Ни за что, ни за что не вернусь къ этимъ безсовѣстнымъ людямъ!—говорила она.

Но чтобы не сломать, выпрыгивая, ноги, чтобы не раззориться, чтобы извлечь изъ проклятыхъ Завишекъ какъ можно больше денегъ, надо опереться на сильнаго человѣка. Такимъ сильнымъ человѣкомъ былъ Антонъ Магеровскій, послѣдній изъ сыновей Ивана Магеровскаго. И Лиза, поэтому, писала ему:

„Ради Бога пріѣзжайте. Я совсѣмъ потеряла голову. И всѣ здѣсь ничего не понимаютъ. Ради Бога помогите мнѣ устроить дѣла. Я забочусь не о себѣ, а о вашихъ племянницахъ...“

Такимъ образомъ на завишковской сценѣ на короткое время появился и Антонъ—теперь сановникъ, человѣкъ, какъ говорили про него, мѣтящій въ министры.

Свою быструю и блестящую карьеру онъ, какъ мы знаемъ, началъ тюрьмой и ссылкой. Семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ весело и задорно дѣлалъ революцію въ тѣхъ предѣлахъ, которые ему были доступны. Читалъ запрещенныя книжки, былъ членомъ

какой-то группы, собиравшейся идти „въ народъ“, и такъ какъ молодость должна кого-нибудь любить и кого-нибудь ненавидѣть, отъ всей души ненавидѣлъ—или думалъ, что ненавидитъ—полицію. Всѣ вокругъ него говорили, что народъ до мозга костей соціалистиченъ. Всѣ думали, что достаточно небольшого усилія—и этотъ народъ можно будетъ поднять и сбросить иго, сбросить „вампира, сосущаго его кровь“. Спорили только о томъ, сколько потребуется лѣтъ. Оптимисты утверждали, что довольно двухъ лѣтъ; пессимисты говорили про пять. Въ томъ студенческомъ кружкѣ, въ который попалъ, вмѣстѣ съ братомъ, Антонъ, считалось неприличнымъ думать иначе — и Антонъ принялъ этотъ образъ мыслей безъ спора, какъ принялъ видъ добраго стараго студента: пледъ и ботфорты, длинныя патлы и рубаху съ малороссійскимъ шитьемъ. Среди товарищей Антона были люди себѣ на умѣ, были робкіе по натурѣ, были умы созерцательные. Эти, принявъ форму, внѣшнее обличье, общепризнанное исповѣданіе вѣры, умѣли устраняться отъ „дѣлъ“ и избѣгать опасныхъ положеній. Но семнадцатилѣтній Антонъ не былъ ни хитрецомъ, ни трусомъ, ни созерцателемъ. Весело и беззаботно ходилъ онъ какъ птица по тропинкѣ бѣдствій, — какъ дитя, не предвидя отъ того никакихъ послѣдствій. Какія могутъ быть серьезныя послѣдствія, если maximum черезъ пять лѣтъ произойдетъ соціальная революція?!.. Въ первый же годъ студенчества онъ попалъ, такимъ образомъ, въ государственные преступники. Такимъ его сочли, по крайней мѣрѣ, тѣ, кому пришлось вести его „дѣло“. И такъ какъ Антонъ, помня правила еще гимназической морали, что „фискалить“ нельзя, не называлъ на допросахъ тѣхъ, кто далъ ему тоненькія, замасленныя и растрепанныя „нелегальныя“ книжки, то его сочли не только преступникомъ, но преступникомъ упорнымъ и закоренѣлымъ, держали больше двухъ лѣтъ въ тюрьмѣ и сослали затѣмъ въ Березовъ.

Березовъ—такъ Березовъ! Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ для молодого человѣка, который носитъ жизнь въ самомъ себѣ, ссылка въ сонный городокъ мертваго края? Въ молодой и веселой компаніи ѣхалъ Антонъ въ Березовъ, какъ на маёвку; съ пѣснями входилъ въ громадные этапы, разукрашенные, въ честь первой въ этомъ году проходящей партіи, молодыми березками; въ мѣру и весело скандалилъ по дорогѣ, а пріѣхавъ въ Березовъ, нашелъ, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Было лѣто. Солнце ночами качалось надъ горизонтомъ, тундра пестрѣла морошкой, безконечная Обь тихо катила къ океану могучія воды. Хорошо!

Но короткое лѣто скоро прошло и скоро исчерпался кругъ доступныхъ удовольствій. Сонная скука, скука вынужденнаго бездѣлья спускалась на Антона и его товарищей вмѣстѣ съ осенними тучами, вмѣстѣ съ снѣгомъ, падавшимъ дни и ночи, заносившимъ самоѣдскія юрты, лачуги мѣщанъ, площади и улицы ссыльнаго города. Какъ сонныя мухи, бродили невольные колонисты табунками изъ одной ссыльной квартиры въ другую, выдумывая занятія, выдумывая, на что бы убить молодую энергію. То запоемъ играли въ карты, то устраивали рефераты и диспуты. Говорили и спорили до тѣхъ поръ, пока не узнали другъ друга вдоль и поперекъ и не потеряли интереса другъ къ другу. Тогда начались ссоры, страстныя и мало чѣмъ вызванныя. Разбились на кружки, на враждующія партіи. Запоздалые „лавристы" не подавали руки „бунтарямъ"; „черный передѣлъ" отдалялся отъ „политикановъ"-народовольцевъ. Антонъ чувствовалъ, что, идя въ этомъ направленіи, онъ доживетъ до дня, когда останется одно: обругать всѣхъ и запереться на ключъ въ свѣтелкѣ, которую за два рубля въ мѣсяцъ онъ нанималъ у осамоѣдившагося мѣщанина. А потомъ что? А потомъ, пожалуй, и повѣситься сгоряча отъ тоски. Онъ былъ поистинѣ счастливъ, поэтому, когда смѣнили стараго исправника, мирволившаго ссыльной молодежи, и новый объявилъ войну пріобрѣтеннымъ ею незаконнымъ вольностямъ. Началась войнишка: она разнообразила и украшала жизнь, давала исходъ нервному раздраженію, создавала иллюзію общественной борьбы съ деспотизмомъ. Какъ человѣкъ молодой, дѣятельный и смѣлый, Антонъ бросился въ эту войнишку съ азартомъ. Слѣдуя общимъ въ его средѣ навыкамъ, онъ однако и себѣ не рѣшился бы сказать, что воюетъ со скуки или въ какихъ бы то ни было утилитарныхъ цѣляхъ. Нѣтъ: онъ, какъ добрый русскій революціонеръ, обязанъ протестовать противъ произвола и противъ власти, обязанъ скорѣе погибнуть, чѣмъ сдаться.

И Антонъ не сдавался. Его сажали въ тюрьмы и переводили изъ города въ городъ, передвигая на далекій сѣверо-востокъ, гоняли по этапамъ, нѣсколько разъ отдавали подъ судъ — и риторическая фраза о погибели и сдачѣ начинала мало-по-малу пріобрѣтать грозный смыслъ совершающагося факта. Но Антонъ не сдавался. Шли годы: онъ начиналъ привыкать къ положенію тюремнаго завсегдатая, вѣчнаго ссыльнаго; кругъ жизни и кругъ интересовъ съуживался вокругъ него — но онъ не сдавался. Уходила жизнь, летѣло дорогое и невозвратимое время, растрачивались силы въ безнадежной и безцѣльной борьбѣ съ малень-

кими, ничтожными людьми и стоящимъ за ними громаднымъ безличнымъ механизмомъ—Антонъ не сдавался. Но однажды, когда на политической каторгѣ, составляющей моральный центръ политической ссылки, разыгрался колоссальный погромъ, унесшій сразу десятокъ жизней, Антонъ, неожиданно для самого себя, спросилъ себя:

— Да стоитъ ли?

Когда такая мысль возникнетъ въ умѣ человѣка, умѣющаго додумывать мысли до конца, она должна привести къ ясному и опредѣленному отвѣту: на картѣ стоитъ вѣдь ни больше, ни меньше, какъ существованіе. И Антонъ началъ додумывать до конца.

Кто онъ? Помѣщикъ, и далеко не бѣдный. Какъ увязался онъ въ эту революцію, грозящую всѣмъ, что есть грознаго въ жизни? Такъ, соскользнулъ по какой-то наклонной плоскости мысли, по которой скользили всѣ. Но кто были эти „всѣ“? Люди, обдѣленные жизнью. Но вѣдь онъ не обдѣленъ; зачѣмъ же онъ дѣлалъ чужое дѣло? Изъ-за сочувствія, сентиментализма, слѣдуя примѣру, теоріи?.. А жизнь уходитъ, и мимо него пройдетъ все, чѣмъ она красна, чѣмъ онъ могъ бы широко пользоваться, и чѣмъ не воспользуется изъ-за сентиментализма, подражательности и теоріи!—Глупо.

„Побаловался — и будетъ!“ Таковъ былъ общій смыслъ рѣшенія, которое медленно и постепенно зрѣло въ Антонѣ и совсѣмъ созрѣло къ тому времени, когда кончился срокъ его ссылки. И тогда отъ буйнаго революціонера не осталось ничего—если не считать того легкаго пренебрежительнаго скепсиса, который оставляетъ въ людяхъ практической складки неудачное увлеченіе теоріей. Пренебрежительно-скептически слушалъ онъ обличительно-покаянныя іереміады брата Игнатія, пренебрежительно-скептически отмахивался отъ тѣхъ дворянскихъ теорій, которыя опять пошли въ ходъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Обжегшись на молокѣ, онъ дулъ теперь на воду. Здравый смыслъ завишковскаго панка подсказывалъ ему, что гораздо удобнѣе выбрать правильную жизненную дорогу, чѣмъ правильный отвлеченный принципъ.

Онъ не остался, поэтому, въ Завишкахъ, а уѣхалъ въ Петербургъ, сдалъ экзаменъ въ университетѣ и пристроился на службѣ. Тамъ скоро оцѣнили въ немъ дѣльнаго работника, умнаго и смѣлаго человѣка. Веселый характеръ и полная свобода отъ предразсудковъ помогли ему сдѣлать карьеру, не въ первый разъ подтверждая ту истину, что побывать въ революціи и „на-

глупить" въ юности — хорошая школа для государственнаго человѣка.

„Мой совѣтъ—писалъ онъ Лизѣ въ отвѣтъ на ея отчаянную слезницу: — продайте Завишки. Я, какъ вы знаете, не женатъ, и мнѣ не для кого беречь родовое гнѣздо. Вы съ нимъ ничѣмъ не связаны; дочери выйдутъ замужъ. Для чего же вамъ брать на себя непріятныя хлопоты, возню съ мужиками и все такое? Кромѣ того, по донесеніямъ вашего губернатора, у васъ дѣйствительно неспокойно. Продавайте. Проживете отлично на капиталъ—а продажу банку я вамъ устрою".

— Я хочу продать Завишки, — сказала Лиза Ничипору. — Только ни за что не продамъ, ни за что, этимъ негодяямъ, которые насъ сожгли. Имъ—ни за что!

Ничипоръ весь насторожился. Продать Завишки? Кому? При чемъ же останется онъ? Страшная тревога охватила мужицкое сердце, но не отразилась ни въ словѣ, ни въ движеніи, ни во взглядѣ. Много тонкихъ дипломатовъ среди мужиковъ.

— Милостивая барыня, а якъ-же вы-то будете?! Сколько годовъ жили... а-а, Бо! Якъ же такъ—продадите и кинете насъ!..

Эти льстиво-сентиментальныя рѣчи не мѣшали Ничипору быстро обдумывать положеніе.

— Барыня! Паны ня купять,—раздумчиво сказалъ онъ Лизѣ, нащупывая почву.—Али найшоуся якій?

— Банкъ купитъ...

Ничипоръ горестно улыбнулся.

— А коли купить, то быть Завишкамъ у ольховскихъ рукахъ...

И онъ обстоятельно объяснилъ, что ольховскіе мужики, а никто иной, купятъ у банка Завишки, и будутъ на панской селитьбѣ сидѣть поджигатели...

По тому, какъ Лиза встрѣтила эти соображенія, Ничипоръ понялъ, что путь поведенія нащупанъ имъ правильно. Надо и можно разстроить продажу земли банку; паны не купятъ,—особенно если еще поджечь какую-нибудь старую ригу; безъ его, Ничипорова, посредничества тогда не обойдется.

Долго и мучительно думая, Ничипоръ колебался теперь между двумя тактиками: тащить ли съ Лизы деньги на поѣздки по розыску богатыхъ мужиковъ, охотниковъ купить Завишки, и этимъ ограничиться — или же въ самомъ дѣлѣ сбить такую компанію и самому захватить, въ качествѣ „маклярскихъ", хорошій кусокъ панской земли? Тонкій нюхъ подсказалъ ему, что надо идти вторымъ путемъ. Онъ чувствовалъ въ положеніи дѣлъ наступающую перемѣну. Столбнякъ, охватившій власть, проходилъ.

Исправникъ то-и-дѣло катался по уѣзду съ отрядами стражниковъ. Въ сосѣдній уѣздъ прошелъ отрядъ солдатъ съ пушками. Однажды ночью нагрянула полиція и въ Ольховку. Перерыли половину домовъ, побили кого попало нагайками и забрали двухъ хлопцевъ. Остальные притихли и не собирали больше на кассу, не говорили о комитетахъ...

„Ихняя береть... Вѣрно, что ихняя“—думалъ Ничипоръ, понимая подъ этимъ, что вѣковая мужицко-паньская тяжба еще разъ проиграна мужиками. Можетъ быть жаль, но нечего дѣлать. Остается стараться самому—и Ничипоръ началъ стараться.

Съ изумительной энергіей, съ спокойной выдержкой, съ дальновидностью привычнаго дѣльца повелъ онъ дѣло. Толпы завишковскихъ мужиковъ, двинутыхъ имъ, ходили къ Лизѣ и въ банкъ, днями стояли на улицѣ, у крыльца, въ ожиданіи, когда ихъ пустятъ поговорить о землѣ. Въ это время Ничипоръ докладывалъ Лизѣ:

— Покупатели! Якъ же!.. А еще смѣются промежъ себя. Кажуть: кабы спалили ранѣе—давно бы панами были, сядѣли бы у Завишкахъ панами...

— Уходите вонъ, негодяи!—говорила Лиза послѣ этихъ бесѣдъ мужикамъ. — Я вамъ десять разъ говорила — не продамъ поджигателямъ...

— Барыня! Смилуйтеся! Да мы... Да ей-же Богу...

— Слушать не хочу—уходите!

Въ то же время Ничипоръ по всему уѣзду собиралъ богатыхъ мужиковъ, „сбивалъ кумпанію“, велъ переговоры, торговался съ Лизой изъ-за цѣны, торговался съ будущими товарищами изъ-за магарыча... И когда все было налажено, и оставалось идти къ нотаріусу, онъ спросилъ у Лизы:

— А што, милостивая барыня, а сколько пожалуете мнѣ за труды?

Это былъ самый щекотливый вопросъ. Сто рублей, какъ думала Лиза. Но Ничипоръ не плавалъ такъ мелко. Честолюбивая мысль грызла его все время: сѣсть паномъ тамъ, гдѣ онъ такъ долго былъ слугою. Онъ все обдумалъ. И сколько онъ ульевъ поставитъ въ саду; и какіе хорошіе огороды выйдутъ изъ заросшихъ прудовъ, если спустить воду; и сколько возьметъ онъ за лубъ съ старыхъ липъ... Осторожно, конфузливо подѣлился онъ съ Лизой своею мечтой. За труды онъ хотѣлъ бы, чтобы ему выдѣлили усадьбу и садъ. И даромъ, конечно. За труды,—ихъ было такъ много... Къ тому же вѣдь онъ доглядитъ, чтобы

садъ не погубили, — столько старались надъ нимъ, — а мужики вѣдь все порубятъ, все дурно погубятъ...

Но Лиза была нечувствительна къ краснорѣчію Ничипора. Двадцать десятинъ, самыхъ лучшихъ!

— Ты съ ума сошелъ, Ничипоръ!

Тогда вдругъ оказалось, что продать Завишки — нелегкое дѣло. Покупатель расползся кто куда, а Ничипоръ клялся, что силы его больше нѣтъ сгонять и уговаривать „кумпанію“. Пусть ужъ лучше Лиза продастъ своимъ мужикамъ — по крайней мѣрѣ его не будутъ клясть на всѣхъ перекресткахъ...

Богъ знаетъ, сколько времени тянулась бы волокита, еслибы случайно къ Лизѣ не заѣхалъ Антонъ Магеровскій. Онъ выслушалъ драматическій разсказъ ея о всѣхъ злоключеніяхъ и, лѣниво улыбаясь, сказалъ:

— Перестаньте, кузина. Не такъ все ужасно. Деньги даютъ вамъ хорошія. Я поговорю — банкъ выплатитъ вамъ всю цѣну сполна. А Ничипору дать надо — никто вѣдь даромъ не работаетъ... И не все ли вамъ равно, какая птица сядетъ въ оставленное гнѣздо?..

Такъ въ гнѣздѣ Магеровскихъ усѣлась новая птица — Ничипоръ Балоба, — кто знаетъ? можетъ быть родоначальникъ новаго славнаго рода Балобъ...

Если ѣхать по шляху мимо Завишекъ, то кажется, что ничто въ нихъ не измѣнилось. Такъ же, какъ и прежде, среди обширныхъ полей и луговъ, у крутого поворота рѣки, на холмикѣ, за густою стѣной старыхъ липъ скрываются сады и усадьба. Какъ и прежде, широкія аллеи бѣгутъ отъ усадьбы къ рѣкѣ и въ поля, а вторая стѣна лѣсовъ замыкаетъ кольцомъ горизонтъ и отдѣляетъ Завишки отъ всего Божьяго міра.

Но все это — одна видимость. Лѣсъ вырубленъ, и осталась отъ него одна декорація — рѣдкая завѣса деревъ, среди которыхъ работаютъ плугъ и соха. Липы одряхлѣли и падаютъ, и скоро настанетъ тотъ день, когда ихъ порубятъ и продадутъ. Балобы — не Магеровскіе. Они сумѣютъ продать по хорошей цѣнѣ. Спущены пруды, проданы на сносъ флигеля и постройки, и тамъ, гдѣ прежде стояли скотные дворы и конюшни, разбиты капустники.

И новый духъ царитъ подъ старыми липами. Сильный и скаредный духъ Ничипора Балобы, лукаваго политика, и его здоровыхъ, покорныхъ и трудолюбивыхъ дѣтей. Къ тому времени,

когда повалятся старыя липы, онъ окрѣпнетъ, и міру, среди валовъ и бастіоновъ, — единственныхъ слѣдовъ, оставшихся отъ Магеровскихъ,—откроется старая баня, передѣланная въ жилую избу, съ кумачными занавѣсками и гераньюна окнахъ, крѣпкій амбаръ, окруженный стогами соломы овинъ, цѣпныя собаки, жирные кони, и среди нихъ—цѣлый выводокъ уже свыкшихся съ своимъ положеніемъ новыхъ панковъ.

А Ольховка? И въ Ольховкѣ измѣнится многое. Мечтательные и дерзкіе Сяковы внуки не будутъ уже бѣгать по ночамъ въ завишковскій садъ воровать яблоки. Они попробовали было продѣлать это разъ и другой, какъ въ доброе старое время,—но узнали только, какія жесткія, какъ желѣзо, руки у стараго Балобы, какой у него сучковатый дрючокъ, какія злыя собаки.

Убѣгая къ себѣ въ Ольховку, черезъ поля и перелѣски, они ругались.

— И когда ёнъ спитъ, проклятый?—удивлялись они. И, видимо рѣшивъ, что Балоба не спитъ никогда, охраняя съ такимъ трудомъ пріобрѣтенное добро, они прекратили свои набѣги.

Такъ оборвалась трехсотлѣтняя традиція.

Бѣлоруссовъ.

*
* *

Синѣло небо сумеречной лѣнью.
    Невдалекѣ
Ты вся, въ окнѣ, сіяла бѣлой тѣнью
    Съ цвѣткомъ въ рукѣ.

Едва слѣдилъ—за лодкой въ зыбкой сини,
    За мной—твой взглядъ.
Подъ вѣтромъ пѣна таяла, какъ иней,
    Скользя назадъ.

Я плылъ во снѣ, въ младенчествѣ счастливомъ,
    Въ одной изъ грезъ...
Горѣло солнце въ золотѣ лѣнивомъ
    Твоихъ волосъ.

Ты вся, въ огнѣ, сіяла легкой тѣнью...
    А вдалекѣ
Забылось небо сумеречной лѣнью,
    Дрожа въ рѣкѣ.

Яковъ Годинъ.

ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

(Изъ юношескихъ воспоминаній.)

(Окончаніе.)

VI *).

Ощущеніе духовной осиротѣлости, несомнѣнно, все острѣе начинало отражаться и на мнѣ.

Мнѣ было бы трудно представить ясно, какъ именно сказывалось это ощущеніе на моемъ душевномъ состояніи, еслибъ у меня не сохранилось нѣсколько разрозненныхъ листочковъ съ нѣсколькими стишками—этими незрѣлыми плодами моихъ тогдашнихъ „творческихъ мукъ". Въ техническомъ отношеніи „плоды" эти были очень плоховаты, но они характерны единствомъ и напряженностью воплощеннаго въ нихъ настроенія: какой-то духовной подавленности и растерянности — и страстныхъ попытокъ къ „осмысленію" какъ процесса человѣческой жизни вообще, такъ и своего духовнаго „я". Много было здѣсь, несомнѣнно, навѣяннаго со стороны и чтеніемъ, воспринятаго съ ребяческой прямолинейностью, но жажда духовнаго самосознанія была безусловно искренняя, и не могла быть иной для меня въ описываемый періодъ.

Я вступалъ во второй этапъ своей юной жизни и переживалъ тотъ процессъ „психическаго броженія", который переживаетъ каждый юноша на порогѣ перелома отъ интуитивно-хаотическихъ воспріятій жизненныхъ впечатлѣній къ реальному син-

---

*) См. сентябрь, стр. 23.

тезу. Такой процессъ становится особенно напряженнымъ, когда онъ сопровождается столь рѣзкими и чувствительными житейскими катастрофами, какія переживала наша семья.

Я былъ опять на распутьи. Прежнія духовныя интимныя связи такъ жестоко-неожиданно прервались, когда онѣ были для меня особенно дороги и незамѣнимы. Въ комъ и въ чемъ я долженъ былъ искать духовной поддержки?

Отецъ, самъ духовно подавленный и удрученный, на мои смутные запросы могъ отвѣчать только одно: „Подожди, мой милый, не торопись... Во всемъ этомъ разберешься со временемъ. А теперь надо одно: учиться тому, что нужно намъ сейчасъ... Вотъ смотри на меня, стараго недоучку-семинариста... Что вышло?.. Было время, когда и мы были нужны. А теперь грошъ намъ цѣна... Тепарь уже насъ обходятъ... Смотри — отовсюду идетъ молодежь съ высшимъ образованіемъ... Безъ этого теперь намъ погибель... Надо, мой милый, торопиться... Года идутъ, а жизнь не ждетъ“.

Надо, надо торопиться во что бы ни стало кончать курсъ въ гимназіи, въ которой я застрялъ такъ постыдно долго. Это я сознавалъ самъ такъ жестоко-обидно, что напоминаніе объ этомъ только еще болѣе усугубляло остроту моей душевной смуты... О, еслибы гимназія наша хоть чѣмъ-нибудь интимно-милымъ и душевнымъ могла отвѣтить смутнымъ запросамъ юной души, чего я такъ долго искалъ въ ней и не находилъ до сихъ поръ... Гимназія наша, положимъ, дѣйствительно преображалась, хотя и очень медленно. Вмѣсто прежняго грубаго бурсацизма, новое „мягкое“ начальство старалось какъ будто ввести и новые, болѣе „деликатные“ педагогическіе пріемы. Въ дворянскомъ пансіонѣ, въ свободные отъ уроковъ часы и въ праздники, стали устраиваться литературно-музыкальные вечера, поощряться домашніе ученическіе спектакли, открылись даже для учениковъ прежде недоступныя сокровища фундаментальной библіотеки. Даже оставшіеся дослуживать пенсіи нѣкоторые наши старички, какъ я уже говорилъ, тоже какъ будто вдругъ подновились, пообмякли. Гимназія для меня теперь уже не была, какъ раньше, символомъ чего-то неустранимо-враждебнаго, отпугивающаго отъ себя всякую дѣтскую душу. Но до сихъ поръ еще не было для меня въ ней и ничего духовно-поднимающаго, грѣющаго и ласкающаго, что плѣнило бы ей юную душу и заставляло бы довѣрчиво раскрывать свои интимные уголки. Лично я еще не встрѣтилъ до сихъ поръ въ гимназіи ни одной личности изъ педагоговъ, молодыхъ и старыхъ, которые хоть сколько-нибудь могли напомнить мои

прежнія интимныя привязанности въ товарищескихъ кружкахъ обоихъ дядей, привязанности быть-можетъ смутныя и неопредѣленныя вначалѣ, но такъ наполнившія мое юное сердце духовной теплотой.

И я такъ жутко тосковалъ о нихъ... И не могъ не тосковать.

Величественный хаосъ художественныхъ образовъ, которыми въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ наполнялъ мое воображеніе мой „новый храмъ", а затѣмъ все быстрѣе нароставшія и смѣнявшіяся „впечатлѣнья бытія" — неотступно и властно увлекали меня въ несшійся въ окутанную туманомъ даль стремительный потокъ, по которому плылъ я безъ руля и безъ вѣтрилъ и безъ надежнаго рулевого. Было смутно на душѣ и такъ жутко отъ духовнаго одиночества, и въ то же время такъ страстно хотѣлось прорѣзать этотъ туманъ, за которымъ, какъ я вѣрилъ, сіяетъ „прекрасное" жизни...

Какъ-то вскорѣ послѣ рождественскихъ каникулъ этого года, когда я былъ уже въ 6-мъ классѣ, одиноко плелся я послѣ уроковъ въ гимназіи домой. Вдругъ меня окликнули сзади. Я обернулся и остановился. Меня нагоняла, широко и увѣренно ступая, высокая, сутуловатая, худощавая фигура, съ большой пачкой книгъ и атласовъ подъ мышкой. Это былъ нашъ новый, только-что поступившій съ осени, молодой учитель естественной исторіи Ч—въ. Я раскланялся и подошелъ къ нему навстрѣчу.

— Пойдемте-ка вмѣстѣ, — не уменьшая шага, сказалъ онъ мягкимъ басомъ, привѣтливо взглянувъ на меня.—Вѣдь намъ съ вами по дорогѣ. Я уже давно замѣтилъ, что мы ходимъ въ одну улицу. Должно быть мы недалеко живемъ другъ отъ друга.

— Да, въ одной улицѣ, — отвѣчалъ я. — Только я немного подальше.

— Это, кажется, недалеко отъ семинаріи? Ну, да, я такъ и думалъ... Говорятъ, тамъ библіотека вашего отца?

— Да.

— Ну, вотъ какъ хорошо. Значитъ, мы сосѣди. Будемъ ходить вмѣстѣ... Ну, скажите, какъ нынче — понятно было все, что я объяснялъ на урокѣ, или же туманно выходило, сухо? Я, видите, очень интересуюсь мнѣніемъ учениковъ о своемъ преподаваніи... Это—лучшая провѣрка самого себя.

— Конечно, понятно, — сказалъ я восторженно, не будучи въ силахъ скрыть свое волненіе.—Спросите любого изъ насъ...

— Ну, положимъ, врядъ-ли... Да этого и требовать нельзя, чтобы всѣ одинаково интересовались однимъ и тѣмъ же... У всякаго есть свои склонности...

— Да кто же изъ насъ раньше видѣлъ или слышалъ въ гимназіи до васъ что-либо подобное! Вѣдь мы до васъ и представить себѣ не могли, чтобы можно было естественную исторію не зубрить изъ страницы въ страницу, а изучать какъ что-то живое, ясное и наглядное... Да кому же это не интересно, А. И.?—продолжалъ я восклицать въ томъ же тонѣ, чувствуя, какъ мою душу все больше и больше охватываютъ какія-то какъ будто далекія, но такія милыя и дорогія сердцу старыя впечатлѣнія... „Да, это онъ *изъ тѣхъ, изъ тѣхъ*... Я уже давно догадывался!"—мысленно говорилъ я про себя, мелькомъ и конфузливо взглядывая въ его лицо.

— А вотъ съ самаго начала весны, — говорилъ онъ, — мы будемъ съ вами экскурсіи устраивать въ луга, въ лѣса, на рѣку... Будемъ гербаріи собирать, тритоновъ ловить... Это еще интереснѣе... И побесѣдуемъ обо всемъ по-просту...

„Изъ тѣхъ, изъ тѣхъ!" — продолжалъ я повторять, въ то время какъ въ моемъ воображеніи все яснѣе и яснѣе всплывали близкіе моему сердцу образы юныхъ педагоговъ, когда-то такъ очаровавшіе меня своею „человѣчностью".

— Ну, вотъ и моя квартира,—сказалъ онъ, остановившись у небольшого деревяннаго флигелька въ узкомъ переулочкѣ:—Знаете что? Заходите-ка какъ-нибудь ко мнѣ въ свободное время—благо близко живемъ,—побесѣдуемъ... Вечерами я часто дома... Заходите же! — прибавилъ онъ, протягивая мнѣ руку. Я несмѣло протянулъ ему свою, что-то пробормоталъ, весь вспыхнувъ въ невѣроятномъ смущеніи, раскланялся и чуть не побѣжалъ отъ него къ своему дому. Поистинѣ я ногъ подъ собой не чуялъ: до такой степени все это было неожиданно и невѣроятно-необычно въ педагогической атмосферѣ нашего города.

„Онъ изъ тѣхъ!" — еще разъ категорически подтвердилъ я самому себѣ, вспоминая первое появленіе его въ нашемъ классѣ. Извѣстно, что школьники нерѣдко отличаются какою-то инстинктивной тонкой проницательностью относительно оцѣнки своихъ педагоговъ. Достаточно было Ч—ву просидѣть полчаса въ классѣ, чтобы уже по одному тому, какъ онъ смотритъ, говоритъ, ходитъ, по всей его солидной, сдержанной манерѣ, общая характеристика ему была сдѣлана. „Это не изъ нашихъ"—выговорилъ кто-то: и вдругъ всѣмъ стало ясно, что новый учитель, дѣйствительно, представляетъ собою нѣчто такое своеобразное, что совершенно не укладывалось въ знакомыя намъ рамки. Высокій, худой, нѣсколько сутуловатый, съ большой, красивой темно-русой головой, которую онъ держалъ нѣсколько на-бокъ,

съ большими карими, мягкими, вдумчивыми глазами, Ч—въ былъ дѣйствительно какъ-то своеобразно простъ, естественно-человѣченъ въ своихъ отношеніяхъ къ намъ. Это не было ни той снисходительной и заискивающей ласковостью и даже иногда фамильярностью, въ которой такъ много неискренности, ни сухой авторитетности „человѣка въ футлярѣ", боящагося естественностью отношеній къ воспитанникамъ подорвать свой педагогическій авторитетъ. Послѣдніе два типа педагоговъ были наиболѣе знакомы намъ, изучены нами до тонкости, и мы умѣли вскрывать ихъ специфическія черты сразу, какъ только появлялся „новичокъ"; сообразно этому, сразу же устанавливалась относительно ихъ и та лукавая школярская политика, которая была выработана давнымъ давно и передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Въ Ч—ѣ сразу всѣ признали особый типъ, относительно котораго никакой выработанной политики въ практикѣ нашей гимназіи еще не существовало.

Достаточно было познакомиться съ его первыми преподавательскими пріемами, чтобы понять, насколько все въ немъ было для насъ необычно-ново. Въ первый же урокъ онъ, прежде всего, не садясь на каѳедру и переходя отъ парты къ партѣ, сталъ по-просту знакомиться съ нами, бесѣдуя о томъ, что̀ и какъ мы проходили по его предмету раньше, до него, задавая то одному, то другому вопросы изъ пройденнаго курса и дѣлая все это до такой степени, такъ сказать, душевно, что ни у кого изъ насъ не могло зарониться и мысли, что онъ насъ экзаменуетъ или выпытываетъ. Это тутъ же сказалось въ той довѣрчивости, которая установилась у насъ къ нему, и въ той откровенности, съ которою мы признавались ему въ своемъ полномъ невѣжествѣ по многимъ существеннымъ отдѣламъ его предмета.

— Ну, вотъ, — сказалъ онъ, кончая бесѣду: — теперь мы сообща кое-что уже выяснили... Надо подумать, что̀ же намъ предпринять?.. Что̀ упущено, того уже не ухватишь. Будемъ стараться использовать оставшіеся намъ два года хотя бы въ томъ размѣрѣ, чтобы составить себѣ общее понятіе о томъ, какъ живетъ и развивается все окружающее насъ, отъ растеній и ничтожной инфузоріи до самого человѣка. Не знать это простительно бѣднымъ, неучившимся ничему людямъ, но уже намъ съ вами совсѣмъ стыдно... Вѣдь вы учились пять лѣтъ!.. И вовсе это уже не такъ мудрено понять, какъ вамъ казалось изъ сухихъ учебниковъ... Давайте вотъ и займемся этимъ по-просту...

Задавать уроковъ я вамъ пока не стану, а займемся мы по наглядному способу и простой бесѣдой.

Я, понятно, не буду входить въ подробное объясненіе его преподавательской дѣятельности, которая теперь давно уже практикуется всѣми добросовѣстными и чуткими къ запросамъ дѣтской души педагогами. Я остановился на этомъ здѣсь, чтобы подчеркнуть, насколько тогда такая „метода" въ отношеніяхъ къ ученикамъ являлась характерной для только-что зарождавшагося новаго типа преподавателей-натуралистовъ. Это было для насъ тогда поистинѣ „новымъ словомъ", имѣвшимъ для нашего поколѣнія огромное значеніе.

Я лично, какъ мнѣ уже приходилось говорить объ этомъ, былъ счастливѣе другихъ, такъ какъ мнѣ раньше уже пришлось очень близко соприкоснуться съ этимъ типомъ „человѣчнаго" педагога. Понятно, что съ перваго урока личность Ч—ва какъ-то невольно и заинтересовала, и отчасти даже плѣнила меня, быть-можетъ благодаря нѣкоторой моей склонности въ то время къ „обожанію" вообще всего, что давало хоть какой-нибудь поводъ разыгрываться моему идеалистически настроенному воображенію. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ его, во мнѣ уже вспыхнулъ совсѣмъ неожиданно для меня особенный интересъ къ естественнымъ наукамъ, котораго раньше я почти не замѣчалъ въ себѣ. Когда Ч—въ вскорѣ сталъ раздавать намъ для прочтенія начинавшія выходить въ то время въ большомъ изобиліи популярныя переводныя книжки по естествознанію (въ родѣ „исторій" кусочковъ соли, угля, хлѣба, а затѣмъ и такія, какъ поэтическіе этюды изъ жизни растеній Шлейдена), я сдѣлался самымъ усерднымъ ихъ читателемъ. Нерѣдко Ч—въ интересовался, насколько мы усвоивали прочитанное, и ему нравились мои пересказы объ этомъ въ классѣ. Однажды онъ даже рискнулъ дать мнѣ, не въ примѣръ прочимъ, для прочтенія хотя бы только первыхъ главъ, „Физіологію обыденной жизни" Льюиса. Вначалѣ меня совсѣмъ обезкуражило и такое „ученое" названіе книги, и ея объемистый размѣръ; я даже приступилъ къ ея чтенію съ какимъ-то трепетомъ. Но затѣмъ первыя же главы были прочитаны мной съ такой легкостью, интересомъ и даже восторгомъ, что я изумился на самого себя. Когда вскорѣ на урокѣ Ч—въ поинтересовался узнать, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Льюисъ, онъ, выслушавъ мой пересказъ нѣкоторыхъ главъ, остался, повидимому, очень доволенъ результатами чтенія. Вѣроятно всѣмъ этимъ объясняется отчасти то, почему онъ заинтересовался моею личностью и вообще.

Въ первый же праздникъ я не преминулъ воспользоваться его приглашеніемъ и, робко и волнуясь, позвонилъ въ его квартиру.

Онъ былъ дома и одинъ, и самъ отперъ дверь.

— Прекрасно. Очень радъ. Будемъ какъ простые хорошіе знакомые!—говорилъ онъ, радушно, какъ и раньше, протягивая мнѣ руку и усаживая за маленькій столъ съ самоваромъ.—Я, какъ видите, бобыль, одиночка, и потому особенно радъ хорошему знакомству.

Радушіе его было такъ просто и искренно, что я скоро почувствовалъ себя такъ же хорошо, какъ когда-то тамъ, въ далекой р—ской гимназіи, въ такой же маленькой холостой квартирѣ дяди Александра, среди „совсѣмъ, совсѣмъ новыхъ педагоговъ".

— Ну вотъ, познакомьте меня поближе съ собою, съ другими, вообще съ вашимъ городомъ—говорилъ онъ.—Я вѣдь здѣсь ничего и никого еще не знаю... Какъ вы живете?.. Вотъ, говорите, у васъ есть библіотека... Читаете? Много читали?.. Что же больше васъ интересовало?.. Гм... гм... Вотъ какъ? Даже „Современникъ"?.. Кто же вамъ рекомендовалъ вообще книги? Дяди?.. Даже хотѣли издавать газету? Станокъ уже былъ?.. Даже Добролюбовъ былъ знакомъ? Гм.. гм... Странно, удивительно... Кто же былъ вашъ дядя?.."

Въ такомъ родѣ продолжался нашъ разговоръ, когда онъ вдругъ, нѣсколько смутившись, сказалъ:

— Вы, пожалуйста, простите меня, что я васъ какъ будто допрашиваю... Нѣтъ, нѣтъ... Будемте совсѣмъ откровенны и попросту... У меня нѣтъ никакихъ заднихъ цѣлей... Я, видите, уже слыхалъ кое-что, но очень противорѣчивое. А меня очень, очень все это интересуетъ. Вотъ и вы... при всемъ этомъ... т.-е., я хочу сказать—при всѣхъ такихъ благопріятныхъ условіяхъ... и такъ засидѣлись въ гимназіи... Странно, странно... Мнѣ говорили ваши старые учителя, что вы все прежнее время учились очень слабо... да... Даже рукой на васъ махнули... Удивительно странно... Особенно, говорятъ, вы слабы по языкамъ... Отчего вашъ отецъ не нашелъ возможнымъ нанять вамъ гувернера?..

— Гувернера?—спросилъ я такимъ изумленно-недоумѣвающимъ голосомъ, что Ч—въ, взглянувъ на меня, совсѣмъ уже смутился и, ходя по комнатѣ, заговорилъ скороговоркой:

— Видите, все это для меня очень странно... Я все слышу, что будто бы вашъ отецъ нажилъ на службѣ большія деньги... Что у него въ ломбардѣ лежитъ больше пятидесяти тысячъ...

И вдругъ Ч—въ, взглянувъ опять на меня, остановился въ изумленіи. Я уставился на него широко открытыми глазами, чувствуя, какъ вся кровь отлила у меня отъ лица, свело губы и всего меня передернуло судорогой, какъ отъ электрическаго тока.

— Дорогой мой, что съ вами?.. Простите меня, простите, что я такъ грубо коснулся этихъ интимныхъ подробностей!— заговорилъ онъ съ искренней лаской и горькимъ сожалѣніемъ, сжимая мои руки.—Я думалъ, что въ этомъ нѣтъ никакого секрета... А между тѣмъ меня уже давно относительно васъ поражаютъ прямо необъяснимыя странности... Вѣрите вы мнѣ, что я интересовался этимъ изъ искренней къ вамъ симпатіи, какъ къ юношѣ, который давно уже поражалъ меня странными, непримиримыми противорѣчіями въ своемъ развитіи? Вѣрите моимъ словамъ?—продолжалъ онъ спрашивать меня, сжимая мои руки и, повидимому, совсѣмъ ошеломленный, что я все еще не могу придти въ себя.

— Да... я не зналъ, что вездѣ такъ говорятъ... Вы мнѣ открыли ужасную... ужасную... клевету и ложь,—проговорилъ я, путаясь и едва слышно:—я раньше только смутно догадывался обо всемъ этомъ, объ этой клеветѣ... Мнѣ было непонятно, почему былъ такъ убитъ мой отецъ, когда его такъ жестоко и несправедливо начали преслѣдовать...

— Говорите, голубчикъ, мнѣ всю правду... Я вѣрю каждому вашему слову... Это лучше, что вы все узнали отъ меня, чѣмъ отъ кого-нибудь другого,—сказалъ Ч—въ...

— Мы совсѣмъ, совсѣмъ... едва можемъ жить,—шепталъ я:—у меня еще восемь младшихъ братьевъ и сестеръ... Отецъ теперь служитъ простымъ писцомъ. Библіотека разорена... Я съ сестрой по ночамъ торгуемъ на вокзалѣ газетами... Въ нынѣшнемъ году я записался еще на вечерніе землемѣрскіе классы...

— Зачѣмъ это вы?—грустно покачавъ головой, спросилъ Ч—въ:—вѣдь вы такъ совсѣмъ запутаетесь въ занятіяхъ.

— Боюсь, если не кончу гимназіи... съ чѣмъ мы останемся?.. Идти въ писцы... въ писцы... въ писцы навсегда,—механически повторялъ я, чувствуя, что у меня перехватываетъ горло и готовы хлынуть слезы...

— Зачѣмъ такъ думать? Зачѣмъ? Этого съ вами не можетъ быть... Погодите, мы объ этомъ обо всемъ подумаемъ съ вами, поговоримъ... Зачѣмъ такъ мрачно смотрѣть, голубчикъ?.. Ну, будемъ друзьями!.. Вы меня простите, что я васъ такъ разстроилъ... Но всегда лучше знать горькую правду, чѣмъ ходить въ обманѣ... Вы мнѣ раскрыли глаза. Теперь многое для меня

стало понятнымъ... Ну, давайте, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ!..

И Ч—въ сталъ меня распрашивать о прочитанныхъ мною книгахъ. Но я все еще не могъ освободиться отъ своего удрученнаго состоянія, отвѣчалъ разсѣянно и разговоръ нашъ не клеился уже. Я сталъ прощаться.

— Ну, смотрите же, не сердитесь на меня!—сказалъ на прощанье Ч—въ.—И непремѣнно приходите ко мнѣ: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Да, я приду,—отвѣтилъ я, почти выбѣгая изъ его квартиры, смутный и взволнованный. Я не только не могъ сердиться за что-либо на Ч—ва, но едва я вышелъ отъ него, какъ уже совсѣмъ забылъ о немъ; его личность совсѣмъ потонула въ цѣломъ вихрѣ тяжелыхъ мыслей и чувствъ, которыя обступили меня.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней я былъ какъ въ кошмарѣ, снѣдавшемъ меня мучительнымъ чувствомъ ложнаго стыда за себя и свою семью. Куда бы я ни приходилъ, съ кѣмъ бы ни встрѣчался, въ гимназіи или у товарищей, мнѣ всюду чудилось, что всѣ смотрѣли на меня подозрительно, говорили со мной неискренно, считая скрытыми обманщиками и меня, и моего отца. Когда я вспоминалъ о Ч—вѣ или видѣлъ его въ классѣ, меня преслѣдовала мысль, что онъ, не смотря на всѣ его успокоительныя слова, въ глубинѣ души не вѣритъ мнѣ, смотритъ на меня съ сомнѣніемъ и подозрѣніемъ. И я боялся даже помышлять о томъ, чтобы осмѣлиться идти къ нему. Но кошмаръ разсѣявался мало-по-малу и меня снова инстинктивно потянуло туда, гдѣ такъ неожиданно для меня мелькнулъ теплый огонекъ вспыхнувшихъ старыхъ интимныхъ переживаній.

Недѣлю спустя, все еще снѣдаемый ложнымъ стыдомъ, я опять робко позвонилъ у его квартиры. Ч—въ, видимо, былъ доволенъ моимъ приходомъ и встрѣтилъ меня попрежнему радушно. Ни однимъ словомъ не намекая о нашемъ первомъ тяжеломъ разговорѣ, онъ заговорилъ о нашей библіотекѣ, о книгахъ, которыя я читалъ, о томъ, чѣмъ я больше увлекался, о новостяхъ современной художественной литературы. Было ли это результатомъ чуткости его натуры, или разговоръ самъ собой вращался въ наиболѣе близкомъ для моего сердца литературномъ мірѣ, только я чувствовалъ, что онъ какъ будто незамѣтно велъ меня къ тому, объ отсутствіи чего кругомъ себя я смутно и плохо сознаваемо тосковалъ. Мы говорили о Бѣлинскомъ, о Добролюбовѣ, о другихъ знаменитыхъ писателяхъ и критикахъ,

о ихъ значеніи, какъ аналитиковъ не только художественныхъ образовъ, но и окружающей жизни; о ихъ способности освѣщать яркимъ свѣтомъ пути и цѣли жизни; о томъ, какъ этотъ свѣтъ помогаетъ всѣмъ, въ какомъ бы тяжеломъ положеніи они ни находились, возрождаться духовно и находить въ служеніи идеаламъ высокое духовное удовлетвореніе... Я передаю, конечно, только общій смыслъ нашей бесѣды, которая велась далеко не въ такомъ послѣдовательномъ видѣ. Это былъ просто рядъ вопросовъ, которые мнѣ задавалъ Ч—въ и на которые я силился отвѣтить по возможности связно, волей-неволей стараясь вызвать полузабытые образы въ ихъ наиболѣе яркихъ очертаніяхъ. Онъ поправлялъ меня, дополнялъ, ставилъ въ связь съ другими образами, заставляя вдумываться, разбираться... Несомнѣнно происходилъ экспериментъ вдумчиваго, опытнаго и проницательнаго педагога. Но я этого не замѣчалъ: для меня это было нѣчто совсѣмъ другое—это было какъ бы нѣкое „озареніе души"...

— Ну-съ, такъ вотъ, значитъ, понемногу начинаемъ разбираться, — сказалъ Ч—въ. — А не замѣчаете вы, что это выходитъ какъ будто забавно?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Что?—изумленно спросилъ я.

— А вотъ то, что урокъ по естественной исторіи превратился у насъ въ бесѣду по исторіи литературы, а натуралистъ преобразился въ филолога? А? Развѣ это не забавно?

И Ч—въ разсмѣялся.

— Нѣтъ, нѣтъ! это такъ хорошо!—ребячески восторженно сказалъ я.

— Странный, удивительно странный вы юноша! — воскликнулъ онъ, любовно смотря на меня и качая головой.—Свѣдѣній у васъ, вотъ хотя бы по литературѣ, на десять такихъ же юнцовъ хватитъ, а вотъ вчера А. А. (учитель словесности) мнѣ передавалъ, что онъ вамъ по теоріи словесности двойку поставилъ.

— Это за гиперболу!—сказалъ я, весь вспыхнувъ.

— Да чего же вы гиперболы испугались?.. Вѣдь вы по Бѣлинскому знаете вещи куда мудренѣе, чѣмъ гипербола...

— Я всей этой нашей „теоріи" боюсь... Только взгляну на нее, такъ меня на сторону и оттолкнетъ... Понимать ее нельзя, ее можно только зубрить, а въ ней чуть не 30 листовъ. А для чего это—не знаю...

— Но вѣдь вы сущность дѣла знаете... во многомъ знаете и понимаете... Развѣ А. А. никогда съ вами не разговаривалъ такъ, какъ мы вотъ сегодня, по-просту?.. Онъ могъ бы оцѣнить...

— Никогда въ жизни!..

— Этакіе антикваріи! — проговорилъ онъ, весело засмѣявшись. — Ну, что-жъ, будемъ и впредь съ вами собесѣдовать... Думаю, плохого у насъ изъ этого не выйдетъ...

И такъ еженедѣльно, а то и чаще, сталъ я посѣщать своего новаго „вдохновителя", неожиданно посланнаго мнѣ судьбой, переходя отъ бесѣды о Бѣлинскомъ и Добролюбовѣ, о Тургеневскихъ „Наканунѣ" и „Отцы и дѣти", о „Грозѣ" Островскаго и „Очеркахъ бурсы" Помяловскаго — къ бесѣдамъ научнаго характера по всѣмъ отраслямъ естествознанія, на которыя онъ часто приглашалъ по очереди и моихъ товарищей-одноклассниковъ: показывалъ коллекціи растеній, насѣкомыхъ и минераловъ, микроскопическіе препараты; читалъ популярные очерки...

И все это, казалось бы, такое незамысловатое, такое простое отношеніе между нами и учителемъ было полно для насъ какихъ-то совсѣмъ новыхъ, никогда неизвѣданныхъ откровеній, озарявшихъ наши юныя души тепломъ и свѣтомъ. Замѣчательно, что не только я, но и другіе мои товарищи начали смутно чувствовать, что послѣ ряда такихъ бесѣдъ у нихъ незамѣтно стало проявляться даже иное, не прежнее „школярское", отношеніе и къ самой гимназіи въ ея цѣломъ... Конечно, совершалось это „педагогическое чудо" не разомъ и не во всѣхъ отношеніяхъ, но было очевидно, что своеобразная, незаурядная духовная натура Ч — ва не только духовно плѣнила насъ себѣ, но невидимо и неощутимо перебрасывала духовный мостъ между нами и уже многимъ изъ насъ давно опостылѣвшей гимназіей. Для меня, по крайней мѣрѣ, это было несомнѣнно. Духъ прежняго „школярскаго" отношенія къ наукѣ испарялся во мнѣ съ каждымъ днемъ (по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ предметовъ, гдѣ „зубрежку" возможно было замѣнить свободнымъ умозрѣніемъ)—къ изумленію меня самого и моихъ старыхъ наставниковъ. Секретъ этого открылся мнѣ довольно скоро: требовалась только извѣстная доза храбрости, которою, послѣ знакомства съ Ч. и его педагогической методой, я уже обладалъ въ значительной степени. Какъ онъ постоянно внушалъ намъ обходиться при малѣйшей возможности безъ сухихъ учебниковъ, такъ и я, въ одинъ изъ счастливыхъ моментовъ моей жизни, рѣшилъ не открывать постылыхъ учебниковъ, съ ихъ традиціонными „отъ сихъ до сихъ", а выступать передъ своими строгими менторами съ отвѣтами „по собственному умозрѣнію". Такъ, на урокѣ по теоріи словесности я вдругъ изумилъ нашего стараго словесника изложеніемъ теоріи драмы по Бѣлинскому; вмѣсто сухого учеб-

ника исторіи я разсказалъ эпизоды изъ крестовыхъ походовъ по Груббе; неудобоваримаго и деревяннаго Ленца по физикѣ я замѣнилъ Гано... Эффектъ получился изумительный. Педагогическіе старички совсѣмъ растерялись, не зная, какъ отнестись къ такому, можно сказать, нахальному новаторству.

— Это ты, братецъ мой, какъ же такъ?..—заговорилъ старый словесникъ:—вѣдь этакъ, братъ, нельзя, такъ, по своему усмотрѣнію распоряжаться...

— Да развѣ же я, А. А., что-нибудь навралъ? Отчего же нельзя?—спрашивалъ я съ наивнымъ лицемѣріемъ.

— Дѣло не въ томъ, братецъ, навралъ ты или нѣтъ, а въ томъ, что такъ не полагается... Для этого есть одобренные начальствомъ учебники...

Тѣмъ не менѣе суровый менторъ, хотя и не безъ сомнѣній и колебаній (время все-же было какое-то не прежнее!), пересталъ мнѣ съ этихъ поръ ставить неукоснительно „двойки", давно уже считая меня рѣшительно неспособнымъ усвоивать „одобренный учебникъ"... Приблизительно въ томъ же родѣ произошли объясненія и съ другими менторами.

Такъ или иначе я, къ своему удовольствію, мало-по-малу завоевывалъ извѣстную самостоятельность „собственнаго умозрѣнія".

Я вступалъ въ новый періодъ моего „духовнаго окрыленія".

VII.

Вскорѣ послѣ начавшихся между мною и Ч—вымъ столь необычныхъ въ нашей педагогической практикѣ близкихъ душевныхъ отношеній, я встрѣтился въ нашей библіотекѣ съ однимъ великовозрастнымъ „богословомъ" изъ семинаріи, В. О—вымъ, принесшимъ ранѣе взятыя имъ книги.

— Отчего давно къ намъ не заходишь? Боишься что-ли?—спросилъ онъ меня.—Говорятъ, у васъ есть такіе, что боятся... Заходи сегодня...

Я нѣсколько вначалѣ смутился отъ словъ О—ва. Въ послѣднее время, подавленный тяжелыми душевными переживаніями, я незамѣтно для самого себя все больше изолировался отъ своихъ сверстниковъ и сохранялъ съ ними лишь внѣшнія отношенія: тутъ былъ и ложный стыдъ, и инстинктивная боязнь, что окружающіе замѣтятъ мою психическую неустойчивость, душевныя колебанія, сомнѣнія; наконецъ, я уже не могъ съ

прежнимъ легкомысліемъ относиться къ разнымъ увлеченіямъ, спортивнымъ и инымъ, въ родѣ невинныхъ кутежей и картежной игры, къ которымъ стали пристращаться нѣкоторые изъ моихъ сверстниковъ. Устранялся я отъ этого не въ силу какихъ-либо ригористическихъ претензій, а просто вслѣдствіе инстинктивной боязни окончательно загубить всю свою ученическую „карьеру", которая такъ мучительно сказывалась на моемъ настроеніи своей неустойчивостью и двойственностью, особенно въ послѣдніе полгода, въ виду тяжелаго положенія нашей семьи. Поэтому, когда меня звали въ товарищескія, гимназическія или семинарскія компаніи, я отнѣкивался, отговариваясь разными случайностями. Но теперь, послѣ того какъ я, подъ вліяніемъ пережитого духовнаго перелома, благодаря помощи Ч—ва, почувствовалъ какъ бы „духовное просіяніе",—я, послѣ недолгаго смущенія, съ особымъ удовольствіемъ отозвался на призывъ О—ва.

— Нѣтъ, я не боюсь, — сказалъ я: — къ вамъ я приду... сегодня же!

О—ва я уже зналъ раньше, но не особенно близко. Онъ былъ на два года и курса старше меня. Въ семинаріи онъ былъ извѣстенъ за заядлаго „философа", умѣвшаго писать головоломныя „задачки", хотя и не всегда пользовавшіяся одобреніемъ начальства, въ виду частаго отступленія автора въ область „собственныхъ умозрѣній". Я тогда, признаться, побаивался такой его учености и не рисковалъ вступать съ нимъ въ товарищескія отношенія, но самъ онъ не разъ выражалъ желаніе сойтись со мной поближе, и я былъ уже раза два въ квартирѣ, гдѣ онъ жилъ съ товарищами — однимъ богословомъ и двоими философами; при нихъ жили еще два или три маленькихъ „училищныхъ". Квартира эта помѣщалась въ небольшомъ флигелѣ какой-то мѣщанки, садовницы и огородницы, на самомъ краю города, куда въ ненастную погоду можно было пройти лишь преодолѣвъ непролазныя грязныя хляби. Квартира эта въ глазахъ семинарскаго начальства давно числилась какъ „неблагонадежная", а среди учащихся была извѣстна подъ именемъ „секретной". Про нее ходили слухи, что въ ней по преимуществу совершались всякія семинарскія „конспираціи", начиная отъ недозволенныхъ собраній, съ чтеніемъ неодобренныхъ книгъ и веденіемъ такихъ же бесѣдъ, укрывательства секретныхъ библіотечекъ—и кончая попойками, впрочемъ довольно рѣдкими, большею частью только по поводу выдающихся событій, какъ напр. отправленіе кого-либо изъ близкихъ участниковъ въ университетъ или академію, или посвященіе въ священники. Всѣ такія конспираціи обставлялись обыкновенно чрезвычайными

предосторожностями, такъ какъ, не смотря на дальность разстоянія и пустынную и грязную мѣстность, семинарское начальство постоянно „точило зубы“ на неблагонадежную квартиру и частенько насылало туда „субовъ“. Противъ, главнымъ образомъ, нашествія послѣднихъ вокругъ секретной квартиры, въ дни особо серьезныхъ „конспирацій“, устраивались настоящіе сторожевые посты по крышамъ и заборамъ и даже на деревьяхъ, гдѣ сторожевую службу принуждены были „по очереди“ отбывать маленькіе „училищные“, обязанные немедленно при малѣйшей опасности увѣдомлять конспирирующую компанію „старшихъ“. Обыкновенно, особенно-конспиративныя собранія происходили наканунѣ праздниковъ, послѣ всенощной, и чаще всего въ ненастные дни, когда бдительность начальства значительно ослабѣвала.

Первыя посѣщенія мною конспиративной квартиры не оставили особо сильнаго впечатлѣнія; я больше присматривался и прислушивался ко всему и вообще относился хоть и сочувственно, но пассивно. Да и на конспираціи я попадалъ все на „дѣловыя“: то читали вслухъ какое-нибудь произведеніе новѣйшей литературы (вообще неодобрявшейся духовнымъ начальствомъ), то трое или четверо философовъ, собиравшихся въ университетъ, усердно пыхтѣли надъ переводомъ съ нѣмецкаго Шиллера, стараясь „самодѣльнымъ“ образомъ изучить нѣмецкій языкъ съ помощью одного лексикона, отъ времени до времени провѣряя себя по русскимъ переводамъ,—то, наконецъ, вели жаркіе, но мало затрогивавшіе меня разговоры по поводу разныхъ семинарскихъ распорядковъ. Другое дѣло оказалось теперь...

Когда я въ этотъ разъ пришелъ на конспиративную квартиру, я засталъ тамъ уже довольно большую компанію „конспираторовъ“, которые вели очень оживленный диспутъ. Особенно горячились трое, во главѣ съ О—вымъ.

Я уже слыхалъ раньше, что О—въ умѣлъ временами говорить очень увлекательно и, главное, не по-семинарски, не сухо и схоластично, а просто, образно, какъ-то даже вдохновенно, но вмѣстѣ съ тѣмъ черезчуръ ужъ горячо, такъ сказать „нахраписто“ относительно возражателей.

Въ этотъ мой приходъ О—въ какъ-то сразу привлекъ къ себѣ мое вниманіе своеобразной оригинальностью, которой я не замѣчалъ раньше. Худой, стройный, довольно высокій, съ тонкими чертами лица, съ ясными, какъ-то постоянно вдумчиво играющими глазами и длинными кудрявыми волосами, онъ былъ очень изященъ, не смотря на плебейскую грубость нѣкоторыхъ его манеръ и выраженій.

Онъ, видимо разгоряченный, наступалъ на своего оппонента, тоже богослова, великовозрастнаго малаго, съ большимъ носомъ и постоянно растопыренными ногами и руками.

— Нѣтъ, ты этого не говори,—возражалъ О—въ.—Я, братъ, самъ не меньше,—а можетъ быть куда выше тебя,—цѣню всякое религіозное искреннее чувство... Да... Но только изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я согласился прикрывать имъ всякую нелѣпость и ерунду... Это ужъ извини пожалуйста, чтобы я вмѣстѣ съ тобой вѣрилъ въ какого-то чорта съ рогами и хвостомъ, или... Да мало ли всякой такой дребедени наслоилось около самыхъ возвышенныхъ воззрѣній...

— Нѣтъ, не дребедени... Это все связано гармонически... Вынь одно—все разсыплется,—говорилъ его оппонентъ:—я не стою, положимъ, за то, чтобы злой духъ былъ съ рогами и хвостомъ, но самого злого духа отрицать нельзя... Да... Какая же тогда религія?

— Вѣрно!.. Какая же тогда религія? — подхватили нѣкоторые изъ великовозрастныхъ.

— Какая? Какая?—вскричалъ О—въ.—Самая возвышенная, трансцендентная, разумно-философская, чуждая всякихъ дикихъ понятій и вліяній.

— Это ужъ не религія... Религія—это нѣчто гармоничное, прочно связанное... Религія—это канонъ,—утверждалъ N.

— Канонъ! Какой канонъ? — А ты знаешь ли, вотъ мой отецъ, самъ священникъ, старикъ ужъ—и тотъ чуть съ ума не сошелъ отъ этихъ каноновъ... Да! А ужъ, братъ, человѣкъ религіозный, не тебѣ чета. Есть такіе каноны, что извращаютъ всякую истинную религію. Да. Попробуй-ка прикрывать святыми символами то дикія суевѣрія снизу, то всякія возмутительныя дѣянія сверху... Нѣтъ, братъ, религія должна быть чиста и прозрачна, какъ хрусталь, и на ней не должно быть ни одного пятна... Она должна быть очищена отъ всякой житейской скверны.

— Ты будешь очищать такъ, другой этакъ; гдѣ же границы? Что же тогда останется? Религія должна быть неприкосновенна, она — откровеніе свыше. А это, братъ, однѣ твои фантазіи...

— Нѣтъ, не фантазіи, — отчего-то вспыхнувъ, неожиданно для себя заговорилъ я:—О—въ правъ... Да... У меня матушка, знаете, какая религіозная... Я никогда мысли не могу имѣть, чтобы относиться къ ея религіозности безъ глубокаго почтенія и уваженія... Да... Но суевѣріе—дѣло другое... Да... А суевѣрій и у нея, и у другихъ пропасть... И это всегда меня очень вол-

нуетъ. И я чувствую, что надо въ этомъ разобраться... Надо чистое, возвышенное чувство очистить отъ всего этого...

Помню, говорилъ я отчего-то страшно волнуясь, запинаясь. Вообще я ораторскими способностями не обладалъ, не умѣлъ говорить послѣдовательно, хладнокровно развивая свою мысль; всегда это выходило у меня какъ-то порывисто, нервно, подъ вліяніемъ охватывавшаго меня въ данный моментъ чувства. Передаю здѣсь, конечно, лишь общій смыслъ моихъ возраженій...

— Вѣрно, вѣрно, Николай!—ободрилъ меня О—въ, хлопая по плечу.

— Гдѣ границы?.. Вы вотъ что укажите... А это все фантазіи.

Споръ разгорался. Помнится, что я тогда разсказалъ, между прочимъ, какъ однажды моя матушка, найдя спрятанными мною на чердакѣ, послѣ рождественскаго ряженія, маску и парикъ, устроила цѣлую религіозную демонстрацію. Въ ужасѣ отъ своей находки, матушка заставила моего почтеннаго дѣда-благочиннаго, гостившаго въ то время у насъ, принять всѣ мѣры къ искорененію поселившейся у насъ нечистой силы. Дѣдъ сдѣлалъ все, что требовалось по требнику: провелъ весь чинъ освященія воды и затѣмъ, взявъ съ собой крестъ и кропильницу, отправился вмѣстѣ съ матушкой на чердакъ, гдѣ торжественно и совершилъ заклятіе надъ невинной маской и парикомъ, которые вслѣдъ засимъ были преданы на дворѣ сожженію.

Разсказавъ этотъ случай, я, волнуясь, передавалъ, что онъ произвелъ тогда на меня сильное впечатлѣніе, такъ какъ онъ мнѣ показался профанаціей чистаго и возвышеннаго религіознаго чувства, и съ тѣхъ поръ я невольно сталъ критически относиться ко многимъ предразсудкамъ, прикрывавшимся религіознымъ чувствомъ.

— Положимъ, это такъ... Но гдѣ границы? — продолжали настаивать наши „ортодоксы“, какъ называлъ ихъ О—въ.

— Да, да... гдѣ границы? Въ этомъ вся суть; это необходимо опредѣлить точно и ясно. Это очень важно, — съ особой категоричностью заявилъ одинъ юноша, до тѣхъ поръ все время молчаливо ходившій изъ угла въ уголъ, но въ то же время очень внимательно прислушивавшійся къ разговору; иногда онъ подходилъ къ тому или другому изъ споривших и пытался возражать, но, что-то промычавъ, опять сосредоточенно продолжалъ ходить. Это былъ тоже богословъ. Фамилія его была, помнится, Сизовъ. Онъ былъ извѣстенъ въ семинаріи своими странностями. Блѣдный и худой, съ глубоко впавшими вдумчивыми глазами,

крайне тихій, скромный и сдержанный, онъ былъ на счету у начальства какъ самый „идеальный“ съ ихъ точки зрѣнія ученикъ. Очень способный, онъ съ необыкновеннымъ прилежаніемъ исполнялъ и продѣлывалъ все, что требовалось по семинарскому канону — и не только за страхъ, но и за совѣсть. Товарищи надъ нимъ подсмѣивались, иногда даже издѣвались, дразнили „паинькой“, но всѣ однако чувствовали, что онъ не былъ плохимъ товарищемъ: онъ не лебезилъ передъ начальствомъ, не заискивалъ, не былъ доносчикомъ, очень охотно посѣщалъ „секретныя“ квартиры и большею частью съ живымъ интересомъ слушалъ до поздней ночи всякіе диспуты, но всегда молча, довольствуясь лишь тѣмъ, что задавалъ нѣкоторые вопросы—и затѣмъ уходилъ домой, всегда сосредоточенный, иногда сильно взволнованный. Вскорѣ за нимъ утвердилось прозвище „схимника“, такъ какъ и начальство, и товарищи были увѣрены, что онъ кончитъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ въ духовную академію, по окончаніи которой непремѣнно пострижется въ монахи, чтобы стать впослѣдствіи архіереемъ.

— Да, вопросъ о границахъ требуетъ самаго точнаго и внимательнаго разъясненія... Это очень, очень важно... Знаете, безъ этого, безъ этого... невозможно!—сильно волнуясь, говорилъ Сизовъ.—Вотъ именно—гдѣ границы?

— Границы—въ наукѣ,—какъ бы мимоходомъ бросилъ густымъ баритономъ молчавшій до того времени богословъ, одинъ изъ обитателей конспиративной квартиры. Все время нашего спора онъ сидѣлъ въ сторонѣ и что-то переводилъ съ нѣмецкаго. Онъ былъ извѣстенъ среди товарищей какъ юноша съ большимъ практическимъ тактомъ; умный, дѣльный, энергичный, съ положительнымъ складомъ ума, онъ былъ постояннымъ антагонистомъ поэтически-философствующаго О—ва. Фамилія его была М—кій.

— Какъ ты сказалъ?—быстро переспросилъ его Сизовъ.

— Границы—въ наукѣ,—спокойно и категорически повторилъ М—кій, не отнимая глазъ отъ лексикона.

— Ну, наука — это особая статья... Это—область практическая,—единодушно замѣтили ортодоксы.

— Въ этомъ и суть, — началъ-было М., но его прервалъ О—въ.

— Нѣтъ, не въ этомъ!..—сказалъ онъ особенно вызывающе.

— Да, да, не въ этомъ!.. — вдругъ съ особымъ одушевленіемъ проговорилъ Сизовъ. — Все это надо, непремѣнно надо уяснить.

— Постойте, постойте. Давайте разберемся! — воскликнулъ О — въ, вмахнувъ своей кудрявой поэтической куафюрой (за которую ему частенько-таки доставалось отъ семинарскихъ „субовъ“, иногда настойчиво заставлявшихъ его отправляться на стрижку).—Скажите, что такое истинное христіанство? Имѣете вы ясное представленіе?

— Это божественное откровеніе.

— Но вѣдь и библія была въ свое время божественное откровеніе. А кто же, какъ не Христосъ, внесъ великій, очищающій и озаряющій свѣтъ въ захламощенное всякимъ ужасомъ и соромъ библейство, съ его книжниками и фарисеями? Кто открылъ великую духовную борьбу противъ всемірнаго владычества рабскаго, идолопоклонническаго строя жизни? Не онъ ли былъ великимъ очистителемъ старыхъ религій?

И вотъ, вдохновенный О—въ, какъ истинный художникъ-импровизаторъ (какъ намъ тогда казалось), развертывая одну за другой широкія историческія картины, все яснѣе и ярче рисовалъ образъ Христа, освѣтившаго милліоны человѣческихъ душъ великимъ просіяніемъ, призывая всѣхъ труждающихся и обремененныхъ въ единое стадо Христово...—Вотъ гдѣ начало очищенія! Онъ далъ намъ единственный и великій примѣръ и законъ изъ вѣка въ вѣкъ! А что сдѣлали изъ Его ученія вы, новые книжники и фарисеи?

О—въ говорилъ долго, увлекательно, картинно: онъ былъ въ ударѣ.

Чѣмъ больше говорилъ О—въ, тѣмъ больше я приходилъ въ какое-то для меня самого непонятное волненіе: я точно теперь впервые въ своей жизни почувствовалъ, что я уже не пассивно воспринимаю то, о чемъ говорилось, не какъ младшій отъ старшихъ, что въ душѣ я самъ активно переживаю каждый образъ, каждую высказанную мысль. Эти образы и мысли, моментально, какъ въ зеркалѣ, отражаясь въ моемъ сознаніи, вызывали за собой цѣлый рядъ образовъ и мыслей, когда-то полусознанно внѣдренныхъ въ мой мозгъ среди хаоса пассивно воспринимавшихся жизненныхъ и книжныхъ вліяній и впечатлѣній. Всѣ эти образы вспыхивали въ моемъ воображеніи въ какомъ-то еще невѣдомомъ мнѣ раньше, но теперь такомъ ясномъ, понятномъ и волнующемъ освѣщеніи — и я, съ тайнымъ чувствомъ пріятнаго сознанія зарождающейся духовной активности, въ волненіи прерывалъ О—ва:—Да, да!.. Это вѣрно... А помнишь это у Шиллера—въ „Донъ-Карлосѣ“?.. Да?.. А читалъ ты „Тайны инквизиціи“? Вотъ это все... вотъ также...

Это мое, еще неиспытанное раньше настроеніе достигло высшей степени напряженія, когда О—въ закончилъ свои импровизаціи такимъ образомъ:

— Погодите, постойте!.. Вотъ! — сказалъ онъ, роясь въ своихъ карманахъ и вытаскивая оттуда цѣлую безпорядочную кипу мелко исписанныхъ листковъ различнаго формата и цвѣта — отъ клочковъ почтовой до оберточной бумаги: — Вотъ сейчасъ, — говорилъ онъ, стараясь привести въ какой-нибудь порядокъ этотъ сумбурный сборъ.

Оппоненты весело и ехидно подсмѣивались надъ „піитой" О—вымъ, хорошо извѣстнымъ всѣмъ по своей безграничной безпорядочности.

— Эхъ ты, піита! Всѣ свои фантазіи перепуталъ, концы съ концами никогда не соберешь, а тоже доказывать вздумалъ! — острили надъ нимъ.

— Нѣтъ, это не мои фантазіи... Это... это—голосъ великаго разума человѣческаго... отраженіе его истинной божественной сущности!.. Вотъ слушайте, имѣющіе уши олухи! —сказалъ О—въ и по подобраннымъ кое-какъ лоскуткамъ сталъ читать переводъ извѣстной поэмы Гейне: „Горная идиллія".

Вначалѣ онъ, путаясь въ лоскуткахъ, читалъ вяло и невразумительно, и намъ, незнакомымъ съ оригиналомъ, все казалось непонятнымъ и сумбурнымъ и не производило никакого впечатлѣнія. Мнѣ даже какъ-то обидно стало за О—ва, жаль его; мнѣ казалось, что онъ такимъ образомъ испортилъ все впечатлѣніе отъ своей прежней рѣчи.

Но когда онъ дошелъ до знаменитой третьей главы, онъ вдругъ бросилъ лоскутки, вскочилъ и внятно, съ поэтическимъ воодушевленіемъ прочелъ весь конецъ поэмы наизусть и даже съ какимъ-то торжественнымъ паѳосомъ закончилъ, указывая на свою грудь:

Вотъ смотри, малютка мой:
Рыцарь Духа предъ тобой!

— О, о! какой лыцарь проявился! — засмѣялись ортодоксы: — Только, братъ, все это піитика, а не фундаментальныя доказательства.

— Не піитика, олухи вы царя небеснаго! — закричалъ О—въ, — а настоящая, чистѣйшая поэзія, высочайшее вдохновенное осіяніе... Олухи, такъ олухи и есть!.. Ихъ развѣ проймешь! Будетъ! Пойдемъ, Никола, на воздухъ... Я тебя провожу, — заключилъ онъ, наскоро собирая опять въ карманы свои поэтическіе лоскутки.

Пріятели весело смѣялись, смотря на него. Только одинъ Сизовъ молча и сосредоточенно ходилъ по комнатѣ, иногда взглядывая на О—ва страннымъ, блуждающимъ взглядомъ. Не было смѣшно и мнѣ. Я, взволнованный, какъ-то жался къ О—ву, хватая его то за плечо, то за руку, стараясь такъ или иначе выразить ему переполнявшія меня чувства.

— Ты это откуда взялъ? Самъ переводилъ? А? Ты дашь мнѣ переписать?—шопотомъ спрашивалъ я его, ласкательно заглядывая ему въ глаза.

— Ладно!—сказалъ онъ.—Пойдемъ.

Мы вышли. Было темно. Я старался возможно ближе идти къ О—ву и не спускалъ глазъ съ его лица. Онъ шелъ, высоко поднявъ голову, съ полнымъ сознаніемъ, какъ мнѣ казалось, что онъ—истинный „рыцарь Духа".

— Это такъ хорошо! Удивительно хорошо!—говорилъ я.— Это Гейне, говоришь?.. Я его еще не знаю... И самъ переводилъ? Пробуешь только? Трудно?

— Понравилось?

— Да, удивительно хорошо!.. А ты, должно быть, много читалъ?.. Ну, да вѣдь у васъ не то, что у насъ... Вотъ у васъ философію учатъ, и исторію у васъ проходятъ по другому... Вотъ ты какъ все это знаешь,—всю исторію религій!

— Да, братъ, у насъ по этой части народъ мозголовѣе... У васъ что—одна практичность! Надо выше смотрѣть!.. Изъ профессоровъ есть теперь, изъ молодыхъ, кое-кто дѣльный народъ по этой части... Хоть бы Ксенофонта Н—а взять.

— У насъ этого нѣтъ,—печально замѣтилъ я.—Ты и самъ пишешь? Стихи?.. Я тоже... пробую... Я тебѣ какъ-нибудь покажу,—несмѣло сказалъ я, весь зардѣвшись.

— А-а!—изумленно протянулъ О—въ.—Покажи, покажи... Да ты къ намъ чаще заходи. Изъ вашего брата у насъ никто не бываетъ... Нѣтъ никакихъ связей... А у насъ тутъ теперь разныя дѣла пошли... Ничего—интересно... Переводимъ, читаемъ... Вотъ хотимъ разучивать „Ревизора", попробовать... Есть у насъ настоящіе артисты... Думаемъ журналъ издавать... Заходи же!.. Пока прощай.

Мы подошли къ повороту въ мою улицу, и я, прощаясь, крѣпко пожалъ ему руку, молча, не имѣя силъ выразить словами волновавшія меня чувства: въ эту минуту я просто былъ влюбленъ въ О—ва.

Въ сущности О—въ былъ первой личностью среди моихъ сверстниковъ, къ которому я инстинктивно и сразу почувство-

валъ особую духовную близость, какой я еще не переживалъ раньше. У меня много было товарищей изъ сверстниковъ, какъ въ гимназіи, такъ и въ семинаріи, но это были именно только товарищи, болѣе или менѣе близкіе, но ни къ кому изъ нихъ я еще не чувствовалъ той духовной, интимной близости и привязанности, которая опредѣляется всегда довольно сложной комбинаціей психическихъ тяготѣній между двумя натурами, часто не только въ силу ихъ тождества, но и противоположности.

О—въ, прежде всего, среди старшихъ товарищей не могъ не поразить меня незаурядностью своей натуры и духовнаго облика, которую чувствовали даже наименѣе расположенные къ нему товарищи. Этою особенностью онъ отличался такъ ярко, что невольно нравственно подчинялъ себѣ многихъ.

VIII.

Съ тѣхъ поръ семинарская конспиративная квартира сдѣлалась для меня источникомъ и стимуломъ многихъ интимныхъ душевныхъ переживаній, въ то время надолго оставившихъ слѣдъ на моей душѣ. Какъ ни благотворно должна была вліять на меня вся та повышенная духовная атмосфера, которою жила наша семья наканунѣ освобожденія, но и по возрасту, и по отношенію младшаго къ старшимъ, я могъ воспринимать это вліяніе не иначе, какъ пассивно, впитывая въ свою душу все то, что должно было считаться высокимъ и благотворнымъ въ силу авторитета старшихъ. Таково же, по существу, было еще и вліяніе Чу—ева. Но другое дѣло было здѣсь.

Конспиративная квартира стала для меня новой, органически необходимой для меня въ то время связью съ живыми и сильными ростками новой жизни. Здѣсь я могъ уже не только воочію наблюдать процессъ зарожденія юныхъ „развѣдчиковъ“ изъ низовъ жизни, но и активно пріобщаться къ той духовной лабораторіи, въ которой вырабатывалась ихъ „сознательная“ психика. И вотъ то, что особенно охватило меня въ духовномъ общеніи съ сверстниками, бодрящимъ, еще неизвѣданнымъ мною раньше чувствомъ, была именно эта моя личная духовная активность, впервые нашедшая для себя естественную почву и выходъ.

Не разъ впослѣдствіи, — особенно въ минуты душевной подавленности,—съ особенно теплымъ чувствомъ вспоминалъ я эти „конспиративныя“ бесѣды, на которыхъ, быть можетъ черезчуръ еще ребячески-наивно, но такъ искренно перерабатывались въ

юныхъ душахъ сложныя и противорѣчивыя „впечатлѣнья бытія“; а ихъ скапливалось все больше и больше. Любопытно, что насъ въ то время, какъ я уже упоминалъ, особенно интересовала „проблема“ объ отношеніи между религіей и наукой, что, вѣроятно, объясняется преобладавшимъ среди нашей компаніи элементомъ „семинаризма“. Конечно, для насъ, еще очень мало знающихъ и опытныхъ, подобнаго рода проблемы не могли быть рѣшаемы безповоротно — и мы то съуживали, то расширяли „границы“ той и другой области, сообразно расширенію нашего кругозора и жизненныхъ впечатлѣній и психической индивидуальности каждаго. Для иныхъ, какъ для Сизова, участіе въ такихъ бесѣдахъ являлось выраженіемъ особаго психическаго процесса, переживавшагося ими и болѣзненно, и глубоко; для О—ва оно принимало характеръ творчески-философскихъ импровизацій; третьи, какъ М—кій, съ болѣе положительнымъ и практическимъ складомъ ума, хотя и склонялись къ болѣе „позитивному“ рѣшенію этихъ проблемъ, но въ общемъ относились къ такимъ „выспреннимъ“ вопросамъ индифферентно или, по крайней мѣрѣ, не придавали имъ особо-регулирующаго ихъ внутреннюю жизнь значенія. Такія психическія особенности ярко сказались на дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ этихъ юношей.

Но все это было уже послѣ, а пока мы были всѣ еще слишкомъ юны, въ насъ такъ бурно начинала кипѣть молодая кровь, что всякія душевныя „самоуглубленія“ не могли насъ подчинить себѣ всецѣло. Насъ неудержимо влекла къ себѣ живая жизнь... Увлекаясь горячими диспутами о „проблемахъ бытія“ и о разныхъ „матеріяхъ важныхъ“, мы, въ границахъ нашего юношески-наивнаго пониманія, пытались излить свои умонастроенія въ жиденькихъ статейкахъ, стишкахъ и разсказцахъ въ рукописномъ журналѣ, надъ перепиской котораго въ пяти—десяти экземплярахъ просиживали ночи. Въ то же время съ такимъ же увлеченіемъ отдавались мы и артистическому спорту, то пробираясь по вечерамъ цѣлыми толпами на галерку плохонькаго городского театра, приходя въ неописанный восторгъ отъ игры посредственныхъ артистовъ, то самодѣльно устраивая передвижной театръ, клея декораціи, разучивая роли и устраивая по праздникамъ любительскіе спектакли въ домѣ какого-либо изъ нашихъ чиновныхъ тузовъ; то наконецъ, особенно ранней весной, большими компаніями уходили за городъ и съ упоеніемъ отдавались пѣнію хоромъ „новѣйшихъ“ пѣсенъ, привезенныхъ къ намъ студенческой молодежью... Вѣроятно многіе и многіе помнятъ этотъ періодъ особаго расцвѣта широкаго своеобразнаго

товарищескаго общенія, наложившаго характерную печать на психику цѣлаго ряда юныхъ поколѣній.

Вспоминается мнѣ, была уже ранняя весна, когда вдругъ распространился въ нашемъ городѣ слухъ, что съ вокзала погонятъ партію „кандальныхъ" поляковъ въ наши арестантскія роты. Былъ праздникъ, и наша конспиративная компанія рѣшила во что бы ни стало взглянуть на „плѣнныхъ", не смотря на принятыя начальствомъ мѣры. Это было зрѣлище для насъ новое и поразительное. Мы, прячась за калитками и заборами сосѣднихъ домовъ, могли, къ нашему изумленію, видѣть, какъ прошла по „владимиркѣ" цѣлая партія человѣкъ въ тридцать такихъ же почти юнцовъ, какъ мы сами, и эти юнцы, окруженные конвоемъ съ ружьями, крупно и бойко шагая, въ ухарски надѣтыхъ конфедераткахъ, шли съ такой юношески беззавѣтной и даже вызывающей бодростью!

Ихъ помѣстили въ арестантскихъ ротахъ, на краю города, вмѣсто пересыльной тюрьмы, гдѣ они должны были пробыть нѣсколько недѣль въ ожиданіи новыхъ партій, чтобы двинуться въ Сибирь. Съ тѣхъ поръ арестантскія роты совсѣмъ завладѣли нашимъ вниманіемъ. Вначалѣ чуть не каждый вечеръ мы, скрываясь отъ слѣдившихъ за нами „субовъ" и надзирателей, ухитрялись просиживать гдѣ-нибудь въ кустахъ по близости тюрьмы цѣлые часы, вслушиваясь въ невѣдомыя намъ мелодіи, то невѣроятно-грустныя, то торжествующе-вздымающія, исполняемыя юными, свѣжими голосами, далеко раздававшимися въ вечернемъ воздухѣ. Было что-то торжественно-величавое въ этомъ пѣніи, и мы слушали его затаивъ дыханіе, впиваясь въ то же время глазами въ юныя бодрыя лица, которыя мелькали за желѣзными рѣшетками тюрьмы.

— Смотрите, смотрите!—крикнулъ однажды кто-то, показывая на площадь передъ тюрьмой.

Мы увидали скромно стоявшую молодую дѣвушку, въ черномъ траурномъ платьѣ, въ шляпкѣ съ креповой вуалью, не спускавшую глазъ съ тюремныхъ оконъ.

Вдругъ она махнула бѣлымъ платкомъ разъ, другой; въ тюрьмѣ очевидно это замѣтили, и десятки юныхъ головъ уперлись въ оконныя желѣзныя рѣшетки; дѣвушка качнула нѣсколько разъ головой—и въ тюрьмѣ вдругъ грянула бурная привѣтственная пѣснь. Когда ее пропѣли, дѣвушка исчезла. Мы были внѣ себя отъ изумленія. „Какова, братцы! А? Кто такая?"—спрашивали мы въ недоумѣніи другъ друга. На слѣдующій вечеръ мы уже, понятно, съ величайшимъ интересомъ вновь ждали ея появленія

на прежнемъ мѣстѣ. Она не заставила себя долго ждать. Очевидно ее ждали и юные заключенные и, при ея появленіи, снова привѣтствовали ее восторженнымъ гимномъ.

Демонстраціи молодой дѣвушки, конечно, быстро сдѣлались извѣстными въ небольшомъ городѣ какъ всей городской культурной публикѣ, такъ и начальству; сдѣлалось извѣстнымъ и то, что эта храбрая дѣвушка была Софья N, дочь очень популярнаго въ городѣ врача, поляка по происхожденію. Но вмѣстѣ съ этой широкой извѣстностью быстро прекратились ея демонстраціи. Разсказывали, что когда въ третій разъ Софья N появилась передъ тюрьмой, то къ ней подошелъ дежурный офицеръ и, любезно раскланявшись съ ней, передалъ ей предупрежденіе губернатора, что если она будетъ демонстрировать передъ тюрьмой въ траурномъ нарядѣ, то начальство вынуждено будетъ тутъ же на мѣстѣ раздѣть ее, и что если этого не сдѣлали до сихъ поръ, то изъ уваженія къ заслугамъ ея отца. Съ тѣхъ поръ имя Софьи N прогремѣло въ городѣ, какъ имя первой у насъ женщины „новаго типа“,—и ей долго послѣ того нельзя было пройти незамѣченной по улицѣ или бульвару: наша молодежь останавливалась группами и всматривалась въ нее съ величайшимъ интересомъ, какъ въ женское существо совершенно особаго рода. Она интриговала насъ и тѣмъ, что, помимо бывшихъ демонстративныхъ выступленій, она и теперь продолжала ходить по городу своей бойкой, дѣловитой походкой, въ скромномъ черномъ траурномъ платьѣ, и тѣмъ, что, по наведеннымъ нами справкамъ, она была очень самостоятельной, независимо державшей себя въ высшемъ обществѣ дѣвушкой, и что, наконецъ, она была знакома въ подлинникѣ со всей польской классической литературой, о которой мы не имѣли никакого еще представленія... Однимъ словомъ, Софья N явилась для насъ совершенно неожиданнымъ открытіемъ.

Въ то время въ нашей юной компаніи, да и вообще среди нашей молодежи, особенно семинарской, „женскій вопросъ“ какъ-то еще не зарождался или по крайней мѣрѣ не выдвигался на первый планъ, не смотря на усердное чтеніе либеральной литературы. Дѣвицы нашихъ семей все еще были для многихъ изъ насъ просто „барышнями“, призванными исключительно блистать соотвѣтствующими этому званію качествами—красотою тѣла и познаніемъ нѣкоторыхъ изящныхъ искусствъ. Неожиданное „преображеніе“ установившагося типа въ лицѣ Софьи N какъ будто сразу заставило многихъ изъ насъ задуматься надъ этимъ явленіемъ и начать всматриваться въ окружающихъ насъ

„барышень“ съ иной точки зрѣнія. Однажды я принесъ въ нашу компанію полученное мною отъ моей юной сестры извѣстіе, выходящее изъ ряда вонъ: оказывалось, что на дняхъ одна изъ нашихъ барышень-сосѣдокъ, нѣкто П., дочь средней руки чиновника, *сама* вышла замужъ, и такимъ новымъ совсѣмъ способомъ, что объ этомъ никто не зналъ не только въ нашемъ околоткѣ, но и на ближайшей улицѣ и даже среди самыхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ. Барышня эта до тѣхъ поръ жила такъ скромно и такъ рѣдко появлялась въ гостяхъ и вообще въ обществѣ, что какъ-то мало замѣчали ее. И вдругъ оказалось, что это—замѣчательно развитая, трудящаяся дѣвушка, очень много перечитавшая и изучившая прекрасно нѣмецкій и французскій языки самоучкой, и что, наконецъ, она сама читаетъ и переводитъ „Buch der Lieder“ Гейне!

И вотъ эта-то серьезная дѣвушка однажды объявила родителямъ, что она любитъ скромнаго телеграфнаго механика-нѣмца и что они намѣрены повѣнчаться—и, взявъ подъ-ручку своего суженаго, отправилась въ церковь, въ сопровожденіи только двоихъ свидѣтелей. И не было ни свахъ, ни званаго пира, ни глазѣющей на свадьбу въ окна уличной публики, ни всѣхъ неизбѣжныхъ въ этомъ случаѣ аксессуаровъ. И А. П. сдѣлалась въ нашемъ околоткѣ по этому случаю притчей во языцѣхъ...

А мы, юнцы, къ нашему пріятному изумленію, все больше начинали находить, что и въ нашихъ барышняхъ начинается несомнѣнное „преображеніе“. Намъ оставалось только это теченіе привѣтствовать и даже, какъ „рыцарямъ духа“, принять на себя особое попеченіе къ дальнѣйшему развитію этого „преображенія“, въ особенности среди тѣхъ, которыя такъ или иначе успѣли затронуть наши юныя сердца.

Такъ народился у насъ „женскій вопросъ“, много раньше, чѣмъ въ нашемъ городѣ появилось какое-либо, даже низшее женское учебное заведеніе, не говоря уже о гимназіи. До тѣхъ поръ, какъ извѣстно, дворянскія барышни спеціально отправлялись въ петербургскіе и московскіе институты, а наши несчастныя „разночинки“ должны были ограничиваться лишь жалкимъ подобіемъ домашняго воспитанія на мѣдные гроши. Но скоро насталъ чередъ и для появленія „юныхъ развѣдчицъ“ изъ „низовъ“, двинувшихся въ столицы съ неменьшимъ рвеніемъ и самоотверженіемъ, чѣмъ ихъ братья.

Зарожденіе „женскаго вопроса“, несомнѣнно, еще болѣе подогрѣло повышенное настроеніе нашей компаніи. Странствуя съ своими передвижными декораціями по домамъ нашихъ чи-

новныхъ обывателей, мы теперь уже не ограничивались исключительно только созерцаніемъ нашихъ барышень среди публики и танцами съ ними или игрою въ фанты, а рисковали даже, хотя еще очень несмѣло, на нѣкоторую „просвѣтительную миссію". Доказательствомъ того, насколько еще ни въ насъ, ни въ нашихъ барышняхъ не хватало смѣлости дерзнуть на полное „равноправіе", можетъ служить тотъ фактъ, что за все время существованія нашей странствующей труппы въ ней еще не участвовала ни одна барышня, и на исполненіе женскихъ ролей должны были затрачивать всѣ свои артистическія усилія гимназисты и семинаристы. Такъ еще робко совершалась у насъ эволюція женскаго „преображенія".

Повышенное настроеніе среди нашего юношества, однако, продолжало возрастать прогрессивно и, нужно сказать, къ нашему несомнѣнному духовному улучшенію: въ послѣдніе годы моего пребыванія въ гимназіи почти совсѣмъ исчезли всѣ дикія проявленія школярской разнузданности, атмосфера видимо очищалась, и я не помню уже почти ни одного случая, подобнаго тѣмъ грязнымъ половымъ эксцессамъ, которые мнѣ приходилось отмѣчать въ недавнее „старое" время. Имѣла въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, вліяніе и тогдашняя литература, носившая по преимуществу возвышенно-этическій характеръ, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ соціальномъ смыслѣ, и другія явленія общественной жизни. Такъ напримѣръ, появленіе въ нашемъ городѣ ссылаемыхъ въ Сибирь юныхъ поляковъ, какъ видно изъ предыдущаго, не могло не произвести извѣстнаго вліянія на нашу молодежь, но не въ смыслѣ чисто-политическомъ, какъ таковомъ, а такъ сказать въ общемъ соціально-этическомъ. Политикой, въ узкомъ смыслѣ, мы тогда еще интересовались мало: газеты читали рѣдко, находя, что текущей политикой могутъ заниматься тѣ, кто стоитъ около нея, и что мы, въ сущности, ничего въ ней не понимаемъ. Любопытно, что просвѣтительнаго значенія за газетами мы въ то время не признавали. Но „живыя" жертвы политики, тѣмъ болѣе въ видѣ нашихъ сверстниковъ, не могли насъ не заинтересовать, прежде всего той удивительной юношеской бодростью и вызывающей смѣлостью, которая, казалось, такъ мало соотвѣтствовала ихъ данному положенію. Невольно съ представленіемъ о нихъ, незамѣтно для насъ самихъ, въ наши души вливалось тоже что-то бодрящее, поднимавшее духъ, звавшее на духовный подвигъ.

Несомнѣнно, въ томъ же направленіи повышенія этическаго настроенія вліялъ на насъ и такъ цѣломудренно распускав-

шійся цвѣтокъ „женскаго равноправія", часъ за часомъ совершенно измѣнявшій наши воззрѣнія на дѣвушекъ, начиная съ нашихъ сестеръ. Я вспоминаю, съ какимъ волненіемъ я прочиталъ однажды, будучи у своего товарища, помѣщенную въ какомъ-то журналѣ краткую біографію первой американки-врача, Елизаветы Блекуэль. Почему-то эта біографическая замѣтка вдругъ озарила меня какимъ-то просіяніемъ: я тотчасъ же тщательно переписалъ ее и побѣжалъ домой, чтобы прочитать ее своимъ еще очень юнымъ сестрамъ... „Господи! Да вѣдь вотъ что можетъ быть!—наивно думалъ я:—вѣдь можетъ же быть, что и онѣ не будутъ только рабынями своей жалкой судьбы—быть невѣстами и женами писцовъ, чиновниковъ, дьяконовъ, лавочниковъ... И для нихъ откроется иной міръ жизни, духовно-независимой, самостоятельно-трудовой". И въ этотъ моментъ я, съ юношеской беззавѣтной наивностью, забылъ, что не только мои голодающія сестры, лишенныя способовъ получить даже самое элементарное образованіе, обречены еще на судьбу рабьей доли, но что и я самъ, просвѣтитель, не далеко еще ушелъ отъ возможности... остаться жалкимъ писцомъ!

IX.

Время летѣло быстро. Приближались экзамены. Для многихъ изъ нашей компаніи они должны были имѣть рѣшающее вліяніе на ихъ будущую судьбу. Для меня нынѣшній экзаменъ, невыпускной, не имѣлъ еще такого значенія, но результаты его были важны для меня какъ первое испытаніе примѣненія мною системы „собственнаго умозрѣнія", которая должна была рѣшить судьбу моей гимназической карьеры. Такъ или иначе, экзамены заставили многихъ изъ насъ круто задуматься.

Однажды, зайдя на конспиративную квартиру, я засталъ въ ней одного О—ва. Онъ какъ-то необычно задумчиво ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Близко экзамены,—сказалъ я.

— Да, братъ, пора за умъ браться,—проговорилъ онъ.

— Готовишься?

— Нѣтъ, чего тутъ готовиться! Все одно, по первому разряду, въ академію, насъ никого не выпустятъ, кромѣ развѣ Сизова... Это ужъ крышка!

— Въ университетъ думаешь?

— Нѣтъ, не пойду... Надо опять экзаменъ держать. Да и у батьки животовъ не хватитъ на меня.

— Значитъ, въ священники?

— И въ священники не пойду.

— Канрновъ боишься?

— Боюсь... Я, братъ, въ другіе священники пойду... Пойду народъ учить... въ народные учителя...

— Вотъ какъ! — проговорилъ я въ изумленіи. Признаться, такое сообщеніе О—ва меня сначала какъ-то обезкуражило и мнѣ стало даже немного обидно за него: званіе народнаго учителя стояло тогда въ общемъ мнѣніи очень низко, такъ какъ эти мѣста въ то время замѣщались по преимуществу всякимъ сбродомъ изъ недоучекъ, исключенныхъ изъ гимназій и семинарій за дурное поведеніе и лѣнь.

— Около насъ,—продолжалъ О—въ, — у меня на родинѣ, большое село есть, фабричное... И училище есть уже... Это, братъ, теперь великое дѣло... Только нужно выше смотрѣть! Да! Не по чиновничьи... Это вотъ мы учимся, чтобы въ чиновники попасть, въ духовные или свѣтскіе—все одно,—а народу не это нужно. Народу нужна чистота ученія... Вотъ, какъ апостолы учили... У насъ тамъ есть уже мальцы, не чета нашему и вашему брату... Обмозговываемъ это дѣло вплотную.

— Можетъ быть, это и такъ... А все-же вѣдь ты, по-моему, хорошимъ бы писателемъ могъ быть, вотъ какъ Добролюбовъ, и поэтомъ... У тебя талантъ...

— А кто же мнѣ помѣшаетъ? Наберу съ собой книгъ... Разобраться-то въ нихъ я теперь и самъ смогу... Нужно быть писателемъ—буду, а то и безъ того дѣло будетъ... Книги книгами, а главное—духъ Божій! Вотъ что! Христосъ говорилъ и черезъ простецовъ, и черезъ младенцевъ.

Миссія, которую выбралъ для себя О—въ, была по тому времени еще такъ необычна и нова, что вызывала и удивленіе, и невольное сомнѣніе, и страхъ. И я не могъ не высказать О—ву еще разъ своего сожалѣнія, что онъ не будетъ „настоящимъ“ писателемъ, которые, какъ мы были тогда увѣрены, выращиваются исключительно въ Москвѣ или Петербургѣ.

— Это, братъ, ужъ какъ кому!—сказалъ О—въ, какъ будто и самъ еще раздумывавшій надъ своимъ выборомъ: — Вонъ М—кій, онъ и теперь въ прокуроры мѣтитъ... Въ юристы идетъ... А знаешь что? Сизовъ-то... Не хочетъ въ академію идти! Хочетъ въ университетъ, да еще на физическій факультетъ... Удивилъ! Это я только знаю, мнѣ проговорился. „Я, го-

воритъ, по духовной части много знаю, а вотъ что они тамъ, другіе-то, говорятъ, доподлинно не знаю. Хочу, говоритъ, до самой сути дойти"... Вотъ ты и поди! У всякаго свое. Только боюсь я, не выдержитъ онъ: тамъ вѣдь все одна практичность, а онъ, братъ, искренно Духа ищетъ.. и служить хочетъ одному Духу...

— А ты куда думаешь? — вдругъ спросилъ меня О—въ, едва я успѣлъ нѣсколько одуматься отъ изумительныхъ сообщеній какъ относительно Сизова, такъ и самого О—ва.

— Ну, я еще не рѣшался объ этомъ думать,—отвѣтилъ я, весь вспыхнувъ, вспоминая о своихъ тяжелыхъ счетахъ съ гимназіей.

— А все-же: куда бы хотѣлъ? Въ писатели? Добролюбовымъ хочешь быть?—подсмѣиваясь, спрашивалъ О—въ.

— Шути шутки!... А я, дѣйствительно, хотѣлъ бы въ университетъ... Хотѣлось бы мнѣ, знаешь, въ самое нутро заглянуть — въ исторію, въ литературу... чтобы, знаешь, вся эта жизнь человѣческая освѣтилась бы мнѣ... Ты вотъ больше меня знаешь въ этомъ... А въ гимназіи что у насъ было? Ничего этого не было... А дома — все урывками... Ничего цѣльнаго... Вотъ меня и тянетъ туда...

— Ну, чтожъ, это хорошо, — одобрилъ О—въ съ своей обычной категоричностью.—Если хочешь духъ жизни понять и послужить ему—это хорошо!

— Да, только еще до этого далеко... Все это для меня одна мечта... Пожалуй, въ землемѣрахъ останусь.

— Ну, это плохо,—замѣтилъ О—въ.

— Все-же лучше, чѣмъ здѣсь въ писцахъ... Нѣтъ, ты это не говори. Теперь у землемѣровъ много интереснаго,—настаивалъ я, хватаясь за перспективу быть землемѣромъ, послѣ своего возможнаго крушенія въ гимназіи, какъ за соломинку.—Знаешь, только сегодня узналъ новость, очень важную: насъ (т.-е. учениковъ землемѣро-таксаторскихъ классовъ, въ числѣ которыхъ состоялъ и я уже цѣлыхъ два года) учителя-землемѣры нынче повезутъ на практику въ настоящія деревни... Понимаешь? Вводить „уставныя грамоты"... Они взяли работы и хотятъ насъ прямо въ самый центръ практики ввести... Это, братъ, дѣло по теперешнему времени серьезное и важное... и интересное... Сколько новыхъ людей увидишь, новую жизнь!... А природа?... Я, братъ, очень люблю деревенскую природу... Тамъ и лѣса, и рѣки, и поля... Сколько поэзіи! Нѣтъ, ты не говори, что это плохо...

— Не знаю, можетъ быть... Только у насъ по деревнямъ хорошо знаютъ, что всѣ землемѣры — заядлые чиновники, взяточники и пьяницы.

Въ это время въ квартиру вошла цѣлая компанія нашей молодежи, семинаристовъ и гимназистовъ, вмѣстѣ съ какимъ-то прі-неизвѣстнымъ еще мнѣ студентомъ университета, недавно пріѣхавшимъ на каникулы.

— О чемъ разговоръ? — спросилъ вошедшій съ ними М—кій.

— А вотъ объ экзаменахъ: кто, куда и зачѣмъ пойдетъ, — сказалъ О—въ.

— Ну, ты ужъ, извѣстно, въ апостолы! — съиронизировалъ М—кій.

— Плохого не вижу... А ты уже, конечно, въ прокуроры?

— Это видно будетъ... А въ юристы пойду...

— Ну что-жъ: у тебя губа не дура... Прямо въ практику.

— Да ужъ не буду носиться во всякихъ эмпиреяхъ, чтобы воду толочь, — перебрасывались обычными колкостями М—кій и О—въ, двѣ натуры, діаметрально противоположныя по своему психическому складу.

— А ты куда думаешь? — спросилъ меня М—кій.

— Онъ въ Добролюбовы... У него тоже губа не дура... Прямо въ геніалы! — замѣтилъ, хохоча, одинъ изъ „ортодоксовъ".

— Этимъ не шутятъ! — вспыхнувъ, отвѣтилъ я, огорченный, какъ мнѣ казалось, профанаціей имени писателя, съ которымъ такъ давно былъ я связанъ интимными чувствами и представленіемъ о немъ, какъ о недосягаемомъ идеалѣ.

— Да, этимъ не шутятъ! — замѣтилъ О—въ. — Шутить съ этимъ могутъ только олухи, которые не видятъ дальше своего носа... Геніи родятся, а не дѣлаются!

— Старо! — замѣтилъ вдругъ студентъ. — Всѣ эти ваши геніи — просто писатели какъ писатели... Были и сплыли... Всѣ эти ваши Бѣлинскіе, Добролюбовы... старая пѣсня! Теперь ужъ имъ на смѣну другіе идутъ, не чета имъ.

Все это произнесъ студентикъ такъ авторитетно и съ такимъ апломбомъ, что мы съ О—вымъ просто онѣмѣли отъ изумленія.

— Вонъ, братъ, какъ тамъ у васъ!... Кто же это такіе ваши настоящіе писатели? — спросилъ О—въ.

— Да есть... Вотъ хоть Писаревъ, напримѣръ.

— Писаревъ? Знаемъ, братъ, знаемъ... Ну, у него еще молоко на губахъ не обсохло... Высоко забираетъ, да еще не-

вѣдомо гдѣ сядетъ... А Добролюбовъ—это, братъ, кремень духа, огнемъ и мечомъ испытанъ... Мы это хорошо знаемъ, потому онъ нашъ кровный... Мы его всѣмъ нутромъ чувствуемъ и понимаемъ... Кто намъ раскрылъ все пододонное нашей жизни, какъ не онъ? Кто всѣ наши заматерѣвшія въ рабствѣ души наизнанку вывернулъ и во-очію намъ показалъ?... Кто намъ вскрылъ таинственный смыслъ художественныхъ твореній Островскаго, Достоевскаго, Гончарова, Щедрина? А? Онъ... И никто еще въ нашу, вотъ эту самую рабскую жизнь глубже его не заглядывалъ... А почему? А потому, что онъ истинный посланникъ Духа, провидецъ...

— Старо!—проговорилъ студентъ, махнувъ пренебрежительно рукой.—Всѣ эти ваши геніи, провидцы, творцы—одна красивая игра въ слова... Это теперь доказано, какъ дважды-два...

— Замолчи! Замолчи!—закричалъ на студента О—въ.—Не богохульствуй противъ Духа святого!...

Споръ разгорался все больше, когда къ студенту примкнулъ М—кій, я и нѣкоторые другіе—къ О—ву, а наши „ортодоксы“ иронически подливали масла въ огонь и въ восторгѣ восклицали:

— Вотъ такъ баталія!

Было уже далеко за полночь, когда мы разошлись, конечно не рѣшивъ ничего. Да и не могли рѣшить, уже по тому одному, что всѣ мы еще очень мало, въ сущности, знали всю литературу поднятыхъ вопросовъ (не только Писаревъ, сравнительно еще недавно выступившій, но и Добролюбовъ были намъ тогда извѣстны лишь по случайно попадавшимъ намъ статьямъ въ журналахъ). Весь споръ, такимъ образомъ, сводился просто къ трудно опредѣлимымъ интимнымъ симпатіямъ и настроеніямъ, которыя вызывали эти писатели въ разныхъ индивидуальностяхъ. Въ частности со стороны О—ва и моей сказывались, несомнѣнно, наши тайныя симпатіи къ самостоятельному значенію художественнаго и поэтическаго прозрѣнія и обида за его полное отрицаніе и непризнаніе.

Любопытно, что когда черезъ два-три года, уже студентомъ, пріѣзжалъ я въ родной городъ, въ конспиративныхъ квартирахъ нашихъ преемниковъ все еще продолжались горячіе споры между двумя этими „направленіями“. Быть можетъ, это было отчасти слабымъ отраженіемъ шедшей на верхахъ литературы въ то время полемики между двумя прогрессивными журналами. Но по существу дѣло было глубже. Среди нашей мѣстной, главнымъ образомъ семинарской молодежи создалась о Добролюбовѣ легенда, какъ о „нашемъ“ писателѣ, который обязанъ своимъ

глубокимъ „прозрѣніемъ“ въ самыя нѣдра современной жизни именно тому, что онъ былъ разночинецъ-семинаристъ, глубоко понимавшій душу народа и его интересы. Въ то время и я былъ горячимъ сторонникомъ этихъ взглядовъ. О Чернышевскомъ мы не дерзали говорить, такъ какъ онъ казался намъ „слишкомъ ученымъ“.

Описанный вечеръ открылъ мнѣ такъ много новаго и неожиданнаго, что я не только въ то время, но и долго спустя не могъ еще хорошенько разобраться въ поставленныхъ на немъ сложныхъ литературныхъ и психологическихъ загадкахъ. Да и не могъ бы я тогда это сдѣлать.

X.

Съ наступленіемъ экзаменовъ специфически-конспиративное функціонированіе квартиры О—ва прекратилось само собой. Передъ главными ея представителями встала нелегкая задача сводить послѣдніе счеты со школьной учебой. Мои экзамены начались раньше. Если мой способъ „собственнаго умозрѣнія“ въ отношеніи школьной науки не былъ признанъ вполнѣ „легальнымъ“, то все-же благодаря ему, а отчасти, вѣроятно, и вліянію на совѣтъ Ч—ва, съ меня было снято клеймо безнадежнаго тупицы и лѣнтяя и взглядъ на меня нашихъ педагоговъ значительно измѣнился: они снисходительно иногда прощали мнѣ прегрѣшенія противъ формальныхъ школьныхъ требованій. Это было уже серьезное упроченіе моей позиціи.

Экзамены прошли быстро и успѣшно, и я, веселый и бодрый, съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда землемѣры усадятъ насъ, юныхъ таксаторовъ, въ широчайшіе тарантасы и повезутъ въ глубь настоящей, доподлинной деревенской жизни, о судьбахъ которой чуть не съ самаго дѣтства суждено мнѣ было такъ много слышать и интересы которой такъ своеобразно переплетались съ ходомъ моего собственнаго духовнаго развитія...

Когда я черезъ два мѣсяца вернулся опять въ городъ и начались занятія въ гимназіи, я уже не засталъ никого изъ болѣе близкихъ мнѣ членовъ конспиративной квартиры: не было въ семинаріи ни О — ва, ни Сизова, ни М — каго. У болѣе молодыхъ ихъ преемниковъ дѣла какъ-то долго не налаживались въ смыслѣ прочнаго товарищества, и мои сношенія съ прежней секретной квартирой порвались совсѣмъ. Съ окончаніемъ мною въ наступившемъ учебномъ году курса въ гимназіи

и отъѣздомъ изъ моего родного города, у меня, благодаря моимъ злосчастнымъ столичнымъ мытарствамъ въ качествѣ неудачника-пролетарія, надолго порвались почти всѣ прежнія интимныя связи съ родиной, за исключеніемъ, конечно, семейныхъ.

Только спустя уже пять лѣтъ я встрѣтился съ О—вымъ и узналъ о судьбѣ большинства членовъ нашего бывшаго товарищества. Судьба эта была для многихъ изъ насъ очень характерна. Какъ ни коротокъ былъ періодъ нашего духовнаго общенія, какъ ни дѣтски-наивны и незрѣлы были еще наши взгляды во многомъ, но оно, очевидно, оставило на душѣ каждаго изъ насъ извѣстный слѣдъ, и мы не могли не вспоминать о немъ съ чувствомъ нѣкоторой духовной отрады за тѣ юношески-чистые помыслы и стремленія, которые мы взаимно поддерживали другъ въ другѣ...

Скажу здѣсь кратко о судьбѣ тѣхъ, о которыхъ упоминалъ въ этихъ запискахъ.

Несчастнѣе другихъ кончилъ Сизовъ. Благородно отказавшись отъ блестящей карьеры (которую ему всѣ сулили и которой онъ несомнѣнно достигъ бы), отказавшись во имя поисковъ истины, онъ не вынесъ взятаго на себя бремени и, отчаявшись найти отвѣчавшее его душѣ рѣшеніе терзавшаго его конфликта между религіей и наукой, погибъ отъ психической болѣзни. Могъ бы быть вполнѣ счастливъ, по своему, М—кій, который, блестяще кончивъ курсъ на юридическомъ факультетѣ какъ разъ ко времени введенія судебной реформы, сразу сдѣлался звѣздой нашей мѣстной адвокатуры и несомнѣнно принесъ бы здѣсь немало пользы въ смыслѣ опредѣленной „гражданской“ миссіи, — но онъ тоже погибъ во цвѣтѣ лѣтъ, отъ чахотки. Самой характерной и оригинальной была судьба О—ва. Онъ до конца остался вѣренъ и своей натурѣ, и своей миссіи, какъ она рисовалась ему въ его фантастическихъ мечтахъ, хотя онъ все-же не ожидалъ, чтобы судьба, въ самомъ началѣ, расправилась съ нимъ столь сурово. Я встрѣтилъ его на родинѣ уже въ качествѣ административно-сосланнаго подъ гласный надзоръ, съ строжайшимъ запрещеніемъ куда-либо поступать на казенную службу и съ абсолютнымъ запрещеніемъ всякой преподавательской дѣятельности, даже въ частныхъ домахъ. Это послѣднее было для него самымъ убійственнымъ и по существу, и въ матеріальномъ смыслѣ. Оказалось, что, пробывъ года два послѣ семинаріи учителемъ въ народной школѣ въ одномъ фабричномъ селѣ, онъ увлекся проповѣдью своеобразно-русскаго „христіанскаго соціализма“, примкнувъ къ образовавшемуся тогда кружку пропа-

гандистовъ интеллигентно-соціалистическихъ колоній, былъ вскорѣ привлеченъ къ громкому политическому процессу, просидѣлъ больше года въ Петропавловской крѣпости, чуть не сошелъ тамъ съ ума и, наконецъ, уже оправданный тогдашнимъ судомъ, былъ взятъ подъ строгую опеку администраціи. Встрѣтилъ я его, въ это время, жившимъ въ крохотной семинарской каморкѣ и попрежнему такимъ же бодрымъ и неунывающимъ философствующимъ импровизаторомъ: къ пролетарскому „роду жизни" онъ привыкъ съ дѣтства, а о карьерѣ не мечталъ ни о какой, кромѣ, какъ говорилъ онъ, „апостольской"... Впослѣдствіи, въ концѣ 70-хъ годовъ, я часто встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ онъ тогда жилъ такимъ же пролетаріемъ, пристроившись учителемъ въ желѣзно-дорожной школѣ, увлекаясь „свободнымъ религіантствомъ", изучая современныхъ философовъ, въ родѣ Шопенгауера и Гартмана, и пристрастившись еще болѣе къ философскому импровизаторству. Съ нимъ тогда охотно „философствовали" по цѣлымъ часамъ и Козловъ, и Соловьевъ, и Л. Н. Толстой... Къ сожалѣнію, эта незаурядно-талантливая, выдающаяся и оригинальная по своему психическому складу личность не оставила послѣ себя прочныхъ слѣдовъ. Крайняя склонность къ свободной импровизаціи подъ давленіемъ минутнаго вдохновенія, такъ увлекавшая и его самого, и многихъ его слушателей, совершенно лишила его умъ и волю строгой дисциплины, необходимой для серьезнаго умственнаго труда.

Не осталось безъ вліянія наше конспиративное товарищество и на тѣхъ, кого мы въ шутку называли „ортодоксами": нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи сдѣлались медиками и учителями, а другіе, будучи священниками, немало претерпѣли въ свое время въ качествѣ представителей прогрессивнаго духовенства на епархіальныхъ съѣздахъ, только что было входившихъ въ моду, но затѣмъ быстро „сокращенныхъ".

Въ этихъ очеркахъ я имѣлъ въ виду исключительно тѣ событія и тѣхъ лицъ, которыхъ зналъ непосредственно. Несомнѣнно, помимо тѣхъ кружковъ, о которыхъ упоминаю я, въ нашемъ городѣ существовали и иные, хотя, быть можетъ, и не такіе обширные, въ которыхъ принимали участіе старшіе воспитаники нашихъ среднихъ школъ. Но я, примыкая больше къ низшему разночинско-семинарскому кругу, не имѣлъ съ послѣдними сношеній, такъ какъ они были и старше меня по курсамъ. Только уже значительно позже, въ концѣ 70-хъ годовъ, я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, сдѣлавшимися извѣстными своей общественной и литературной дѣятельностью.

Заканчивая воспоминанія изъ этого періода моей юности, такъ близко соприкасавшагося съ крестьянской реформой, я не могу не остановиться, хотя бы въ общихъ чертахъ, на тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ отъ по-реформенной деревни въ самые первые годы послѣ освобожденія.

Источникомъ для возстановленія этихъ впечатлѣній для меня могутъ служить теперь прежде всего тѣ мои литературные опыты, съ которыми я робко выступилъ черезъ три года послѣ окончанія гимназическаго курса, такъ какъ они почти всѣ посвящены описанію этого именно періода народной жизни. Очерки эти очень слабы въ техническомъ отношеніи; вполнѣ естественно, что они односторонни и поверхностны—мое юношеское „прозрѣніе“ и не могло быть инымъ—но они такъ или иначе представляютъ вполнѣ правдивое отраженіе общаго моего тогдашняго настроенія по своему рѣзко обличительному и сатирическому тону. Цѣлесообразно или нѣтъ было въ то время такое отношеніе къ описываемой полосѣ народной жизни, — но оно было таково, и не у одного меня. Не случайно, конечно, въ то время видную роль играли такіе сатирическіе журналы, какъ „Искра“ В. С. Курочкина и „Будильникъ“ Степанова, подъ редакціей Вейнберга, а наиболѣе видное мѣсто въ литературѣ все болѣе и болѣе прочно завоевывалъ знаменитый сатирикъ. Я, какъ едва начинающій писатель, не вносилъ, значитъ, ничего особенно новаго въ этомъ отношеніи, а лишь примкнулъ къ общему направленію наиболѣе чуткихъ органовъ печати, вполнѣ соотвѣтствовавшему пережитымъ мною настроеніямъ.

Не смотря на тотъ жгучій интересъ (или, вѣрнѣе, благодаря ему), который я пережилъ въ недавнемъ прошломъ вмѣстѣ съ своей, такъ идеалистически настроенной въ освободительномъ духѣ моей семьей, не смотря на мое все-же жизнерадостное, въ общемъ, настроеніе,—вынесенное мною впечатлѣніе отъ ликвидаціоннаго періода освободительной реформы было, въ общемъ, не изъ отрадныхъ.

Прежде всего, къ моему изумленію, въ хаосѣ, поднятомъ „ликвидаціей“, я почти совсѣмъ не могъ отличить „освобожденнаго раба“: гдѣ онъ, какой такой, какая новая печать легла на его чело? Въ чемъ, наконецъ, ярко выразилась новизна отношенія къ нему прежнихъ господъ и его къ нимъ?—Отвѣта не было: все было смутно и неопредѣленно, все было запутано въ сѣть безконечныхъ недоумѣній и недоразумѣній. Вчерашній рабъ никакъ не могъ уяснить себѣ—въ чемъ же, собственно, заключалась его свобода, кромѣ того, что помимо конторы помѣщика

онъ сталъ имѣть теперь непосредственно дѣло еще съ исправникомъ, становымъ, непремѣннымъ членомъ и мировымъ посредникомъ изъ тѣхъ же помѣщиковъ?

Мужикъ метался, недоумѣвалъ, говорилъ на сходахъ, что, гляди того, настоящій манифестъ скраденъ и подмѣненъ, иногда „бунтовалъ" и получалъ за это, совсѣмъ по старому, арестъ въ „клоповникѣ", ссылку въ Сибирь или грандіозную порку. Наконецъ онъ началъ понимать, что вмѣсто „крѣпостного" онъ сталъ теперь „временно-обязаннымъ"... работать и работать, какъ на своемъ надѣлѣ, безъ лѣса и часто безъ воды, въ большинствѣ случаевъ не покрывавшемъ самаго ничтожнаго minimum'а наложенныхъ на него платежей, такъ и на громадныхъ пространствахъ господской земли, — работать такъ же, какъ и цѣлыя столѣтія раньше... И онъ сталъ приспособлять себя оригинальными способами „пассивнаго протеста" къ „новому строю жизни", сущность котораго онъ еще никакъ не могъ себѣ уяснить. Онъ понялъ пока только одно: что единственное существенное пріобрѣтеніе заключалось для него въ упраздненіи права помѣщика торговать и распоряжаться имъ, какъ собственностью, лично. Это былъ дѣйствительно плюсъ, но пока только и было... очевиднаго и непреложнаго. Вчерашній господинъ положенія, помѣщикъ-крѣпостникъ тоже былъ сначала въ нѣкоторомъ смущеніи и недоумѣніи, никакъ еще не будучи въ состояніи понять, въ чемъ же собственно заключалась „свобода", чего ему бояться и чѣмъ его кровно обидѣли? Пока онъ это не уяснилъ себѣ, онъ былъ настроенъ крайне враждебно и всѣ усилія употреблялъ, чтобы быть на сторожѣ отъ малѣйшихъ новыхъ покушеній на его права и собственность. Наконецъ и онъ понялъ, что такая „свобода" въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже весьма удобна, освобождая отъ цѣлой обузы прежнихъ хлопотъ съ крѣпостнымъ рабомъ — и онъ успокоился на лонѣ новыхъ видовъ „оброчныхъ поступленій", „добровольно" обрабатываемыхъ прежнимъ рабомъ дорогихъ арендъ и новыхъ начальническихъ окладовъ.

Приведу нѣсколько типичныхъ иллюстрацій къ характеристикѣ этого ликвидаціоннаго періода, сохранившихся у меня въ памяти изъ моей первой „практики". Особенно хорошо памятны мнѣ два типа мировыхъ посредниковъ, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло сначала въ качествѣ землемѣра (хотя еще не самостоятельнаго), а затѣмъ уже будучи у одного изъ нихъ на учительской кондиціи при его дѣтяхъ. Послѣдній былъ типичнѣйшій Илья Ильичъ Обломовъ. Сырой, толстый, неподвижный, онъ почти не выѣзжалъ изъ своей усадьбы, состоя, послѣ смерти

жены, подъ опекой своей прежней крѣпостной экономки, съ которой жилъ почти открыто. Все его дѣло заключалось исключительно въ выслушиваніи жалобъ мужиковъ, въ разбирательство которыхъ входилъ не онъ самъ, а присутствовавшій тутъ же его письмоводитель Силычъ, который и ставилъ свои резолюціи, подавая ихъ посреднику для подписи. Силычъ, обрюзгшій, пьяный и взяточникъ, былъ въ участкѣ посредника—все: онъ не только рѣшалъ всѣ дѣла за посредника, но по собственному усмотрѣнію штрафовалъ мужиковъ, сажалъ ихъ подъ арестъ въ „клоповники" и даже поролъ, предписывая производить эти операціи волостному начальству. Онъ же сочинялъ съ землемѣрами предварительные проекты уставныхъ грамотъ, забираясь въ укромные углы съ бутылями водки и наливокъ. Землемѣры, часто производившіе работы безъ всякаго контроля, по лѣни или злоупотребленію посредниковъ, дѣлали что хотѣли. За рѣдкими исключеніями, почти всѣ брали взятки съ крестьянскихъ обществъ, и деньгами, и натурой, не брезгуя даже грошами, брали съ помѣщиковъ, крестьянъ, ничего не понимавшихъ въ межеваніи, обманывали, показывая въ натурѣ однѣ земли и внося въ уставныя грамоты и въ планы другія.

Для характеристики другого типа посредниковъ укажу на извѣстнаго мнѣ въ то время молодого еще помѣщика, изъ отставныхъ гусаръ, отчаяннаго кутилы съ апломбомъ дѣльца, въ духѣ Ноздрева, съ утра до ночи носившагося по своему участку на ухарской тройкѣ, въ плисовой безрукавкѣ и шелковой голубой рубашкѣ, почему-то всегда съ нагайкой въ рукахъ. Онъ имѣлъ претензію вести всѣ дѣла непремѣнно самолично, съ необыкновеннымъ начальническимъ куражемъ, неистово крича и топая ногами на крестьянскихъ сходахъ, разнося землемѣровъ и иногда самихъ помѣщиковъ; но, плохо зная „Положеніе" о крестьянахъ и разные разъяснительные циркуляры, онъ всюду производилъ своимъ появленіемъ только необычайный сумбуръ, умѣя въ то же время ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ теченіе трехлѣтняго воеводства этого почтеннаго администратора, какъ оказалось впослѣдствіи, было заключено болѣе сотни незаконныхъ уставныхъ грамотъ. Можно себѣ представить, какой кавардакъ получался изъ всего этого: наѣзжали новые отряды землемѣровъ для провѣрки первыхъ, опять врали и мошенничали, снова двигались новыя землемѣрскія партіи—и такъ въ теченіе десятка лѣтъ, а иногда и безъ конца.

Еще бо̀льшую путаницу и недобросовѣстность вносилъ въ это время въ дѣло ликвидаціи новый элементъ, такъ сказать

„третьихъ лицъ", состоявшій главнымъ образомъ изъ купцовъ и деревенскихъ кулаковъ, которые, пугая наиболѣе трусливыхъ и невѣжественныхъ въ хозяйственномъ дѣлѣ помѣщиковъ и помѣщицъ мужицкими бунтами, скупали у нихъ по невѣроятно дешевымъ цѣнамъ громадные лѣса и отчасти земли. Это былъ въ то время совсѣмъ дикій элементъ, вся „культурная дѣятельность" котораго, въ качествѣ новыхъ лендлордовъ, сводилась къ тому, чтобы рубить и рубить, во что бы то ни стало, что только ни расло въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. И съ энергіей, достойной лучшей участи, они вырубили въ теченіе двадцати лѣтъ почти половину лѣсной Россіи. Все сказанное—не ново и въ свое время было подробно разработано и констатировано въ литературѣ.

Было, внѣ всякаго сомнѣнія, немало мировыхъ посредниковъ вполнѣ гуманныхъ и добросовѣстныхъ, даже искренно преданныхъ народнымъ интересамъ; но во всякомъ случаѣ такихъ было меньшинство. „Крѣпостное право" было упразднено, но всѣ крѣпостническіе навыки еще проявляли себя въ полномъ объемѣ.

Послѣ перваго же года практики у меня пропало уже почти всякое желаніе быть землемѣромъ при такихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ „освободительная ликвидація" все больше и больше переходила въ тотъ очень длительный и нудный процессъ, который получилъ въ исторіи крестьянскаго освобожденія характерное названіе „недоразумѣній". На выходъ изъ нихъ затрачивались безмѣрныя духовныя напряженія лучшихъ умовъ и сердецъ.

И тѣмъ не менѣе уже и тогда чувствовалось, что „освобожденіе" совершалось; но это было не одно то формальное и юридическое освобожденіе, которое вводилось въ жизнь лишь подъ формами старой опеки и старыми крѣпостническими пріемами, урѣзанное и извращенное, а то потенціальное духовное освобожденіе, которое хотя медленно и трудно, но упорно прорывалось сквозь старыя сѣти; то освобожденіе, которое, какъ давняя мечта, зрѣло и крѣпло въ лучшихъ умахъ и сердцахъ, неуловимое, но упорно дѣятельное и самоотверженное, проникая все шире и глубже въ самыя глухія нѣдра жизни. „Великія чаянія" кануна реформъ неотразимо увлекали все юное, свѣжее и морально-сильное на духовную борьбу за ихъ полное воплощеніе въ жизнь.

Н. Златовратскій.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ

Кто незримой кисеей
По лицу такъ тихо водитъ?
Или вѣтеръ луговой
Подъ окномъ дозоромъ ходитъ?

Чу! провѣялъ по кустамъ,
По березамъ и осинамъ.
Въ садъ подкрался. Слышишь—тамъ
Разговоръ ведетъ съ жасминомъ?

Тише, тише... это онъ,
Это вѣтеръ безмятежный.
Онъ принесъ тебѣ поклонъ
Отъ лѣсной фіалки нѣжной.

Онъ принесъ тебѣ разсказъ,
Какъ гулялъ тропой лѣсною,
Какъ нашелъ въ полночный часъ
Бѣлый ландышъ подъ сосною.

И помчался въ дальній путь
По долинамъ, сномъ объятымъ,
Чтобъ въ лицо тебѣ пахнуть
Лѣтней ночи ароматомъ.

А. Насимовичъ.

П. Л. ЛАВРОВЪ

О СЕБѢ САМОМЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи русской мысли и общественныхъ движеній П. Л. Лавровъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Математикъ по образованію, философъ по влеченію, Лавровъ никогда, правда, не имѣлъ такого шумнаго успѣха, какой выпалъ на долю другихъ идеологовъ и борцовъ русскаго общественнаго движенія. Тѣмъ глубже, однако, вліяніе, которое онъ оказывалъ на передовыя теченія. Его „Историческія письма“ долго оставались источникомъ поученія для передовыхъ общественныхъ круговъ.

Лавровъ принадлежитъ къ числу весьма плодовитыхъ писателей. Литературные замыслы его были широки, всегда захватывали громадный фактическій матеріалъ, но ни разу, не смотря на его удивительную эрудицію и трудолюбіе, не были доведены до конца. Въ началѣ 60-хъ годовъ Лавровъ, вмѣстѣ съ другими передовыми писателями, руководилъ изданіемъ Энциклопедическаго Словаря, и еслибы это предпріятіе пошло далѣе тѣхъ нѣсколькихъ томовъ, которые вышли въ свѣтъ не смотря на цензурные тиски, то въ исторіи русской общественности одну изъ блестящихъ страницъ пришлось бы окрестить именемъ русскихъ энциклопедистовъ. Не разъ возвращался также Лавровъ къ занятіямъ исторіей мысли, начиная эту исторію съ такихъ раннихъ періодовъ жизни человѣчества, въ которые другіе историки совершенно не заглядываютъ. Но въ результатѣ, не смотря на рядъ томовъ, передъ читателемъ—лишь часть неоконченнаго труда.

Было бы большою неточностью приписывать незаконченность любимыхъ литературныхъ работъ Лаврова только чрезмѣрной широтѣ его литературныхъ замысловъ. Лавровъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ мыслителей, у которыхъ сила логическихъ построеній и работа отвлеченной мысли не только не угашаютъ волевой энергіи, а наоборотъ, требуютъ провѣрки при столкновеніи съ неприглядной обстановкой. Выступивъ на поприще активной борьбы съ дѣйствительностью, Лавровъ скоро долженъ былъ отступить за „предѣлы досягаемости", и это обстоятельство должно было наложить глубокій отпечатокъ на его дальнѣйшую литературную дѣятельность. Пофранцузски онъ писалъ мало, статьи же на русскомъ языкѣ надо было обставлять такъ, чтобы русская цензура не догадывалась объ ихъ авторѣ. Въ то же время необходимость имѣть матеріальный заработокъ заставляла Лаврова не пренебрегать и такою работою, которая не могла давать ему какого-нибудь нравственнаго удовлетворенія: въ русскихъ газетахъ появлялись, напримѣръ, обзоры англійской жизни, написанные въ Парижѣ, но страха ради цензурнаго помѣченные Лондономъ. При этихъ условіяхъ на страницахъ русскихъ повременныхъ литературныхъ изданій, начиная съ 1870 г., появилось большое количество статей Лаврова подъ разными псевдонимами или вовсе безъ подписи. Чтобы получить руководящую нить, по которой можно было бы отыскать эти статьи, нужна была помощь самого Лаврова, и пишущій эти строки обратился къ нему въ 1889-мъ году съ просьбой дать подробныя о себѣ свѣдѣнія, которыми имѣлось въ виду воспользоваться для очерка философіи въ Россіи, появившагося въ 1890 г. въ приложеніи къ русскому переводу „Исторіи новой философіи" Ибервега-Гейнце. Лавровъ отвѣтилъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

Парижъ, 328 rue St. Jacques.
3 окт. (21 сент.) 1889 г.

М. Г.

Яковъ Николаевичъ

Я получилъ почти одновременно Ваше письмо изъ Лейпцига на мое имя, и письмо, писанное Вами въ Парижъ на имя Гр. Н. В., въ которомъ Вы пишете и относительно меня. Я нѣсколько опасаюсь, какъ бы переписка со мною, хотя бы самая дѣловая, не повредила Вамъ. Но, если Вы желаете, то пошлю Вамъ копію съ одной гектографированной брошюры 1885 г., въ которой находятся и очеркъ моего curriculum vitae, и указанія на главные пункты моихъ трудовъ по философіи. Я къ этому прибавлю кое-что для послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Вы можете

извлечь изъ этой брошюры то, что Вамъ понадобится, но спеціальной работой о моей біографіи и о моемъ міросозерцаніи я теперь заняться не могу. Потрудитесь извѣстить меня, считаете ли Вы для себя безопаснымъ получить по почтѣ прямо на Ваше имя въ Петербургѣ тетрадь, заключающую копію съ упомянутой брошюры, или не предпочитаете ли Вы получить это чрезъ Лейпцигъ или какъ-нибудь иначе. Копія будетъ изготовлена недѣли чрезъ двѣ, а къ тому времени я надѣюсь имѣть уже отъ Васъ отвѣтъ.

Примите увѣренія въ лучшихъ пожеланіяхъ

П. Лавровъ.

P. S. Лейпцигскій адресъ Вашего пріятеля я не совсѣмъ разобралъ.

По прошествіи нѣкотораго времени въ рукахъ нижеподписавшагося оказалась обѣщанная копія, съ собственноручными поправками и дополненіями самого Лаврова. Это—очеркъ жизни, дѣятельности и ученія Лаврова, составленный въ 1885-мъ году по случаю устроеннаго въ его честь литературнаго празднества. Очеркъ написанъ, вѣроятно, подъ его диктовку кѣмъ-либо изъ его почитателей, такъ какъ впервые даетъ такія подробности, которыя могли быть получены только отъ самого Лаврова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе съ третьяго лица сбивается на первое и такимъ образомъ невольно выдаетъ секретъ своего происхожденія. Въ самой манерѣ изложенія, въ нѣкоторой тягучести слога также нетрудно узнать идеолога русскаго соціализма. При такихъ обстоятельствахъ за этою рукописью необходимо признать документальное значеніе; если же принять во вниманіе, что для русскихъ изданій Лаврову приходилось многаго касаться лишь намеками или подъ прикрытіемъ эзоповскаго языка, то важность этой рукописи, воспроизводимой ниже съ буквальной точностью и даже съ явными погрѣшностями въ заглавіи нѣкоторыхъ статей, должна быть внѣ всякаго сомнѣнія.

Если читателю случится заглянуть въ упомянутый выше очеркъ философіи въ Россіи, то онъ не найдетъ тамъ Лаврова и, пожалуй, упрекнетъ автора этого очерка въ томъ, что онъ напрасно безпокоилъ теоретика русскаго соціализма просьбой о доставленіи свѣдѣній. Упрекъ, однако, окажется неосновательнымъ: если читатель обратитъ вниманіе на разгонисто напечатанныя страницы 548, 549 и 555 названнаго очерка, а также и на то, что послѣ 552-ой страницы прямо идетъ 555-ая,

то онъ, конечно, догадается, что это не капризъ или нерашливость типографіи, а слѣды внѣшней слѣпой силы. Дѣйствительно, книга Ибервега-Гейнце: „Исторія новой философіи“ была арестована цензурою, и по ея требованію изъ приложеннаго къ книгѣ очерка философіи въ Россіи пришлось выбросить изложеніе взглядовъ Чернышевскаго, Лаврова и Льва Толстого. Когда неизбѣжность обряда обрѣзанія была совершенно ясна, автору очерка пришла мысль, показавшаяся ему сначала несбыточной, отбить хоть нѣсколько экземпляровъ книги въ неприкосновенномъ видѣ. Бесѣда его по этому поводу съ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, покойнымъ Ѳеоктистовымъ, неожиданно и быстро увѣнчалась успѣхомъ, и автору очерка было разрѣшено получить 25 экземпляровъ безъ выкидокъ, для раздачи избраннымъ.

Гораздо больше пришлось воспользоваться полученною отъ Лаврова рукописью во время другой работы о немъ, на половину библіографическаго содержанія. Работа эта составляетъ часть „Матеріаловъ для исторіи философіи въ Россіи“, печатавшихся въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ въ 1890—1891 гг. Глава, посвященная Лаврову, была уже отпечатана въ 5-й книгѣ этого журнала за 1890 г.; но въ то время какъ петербургская цензура занималась вытравленіемъ слѣдовъ Лаврова изъ русскаго перевода книги Ибервега-Гейнце, московская цензура сочла скромную, полу-библіографическую работу о Лавровѣ вредной, и редакція журнала, послѣ долгихъ пререканій съ цензурой, вынуждена была вырѣзать эту статью. Только въ 1898-мъ году симптомы мыслебоязни, которою всегда страдала русская цензура, нѣсколько поблекли, и редакція „Вопросовъ“ рѣшилась воспроизвести запретную статью во всей ея неприкосновенности и, по случайной ироніи судьбы, даже съ тѣми же опечатками, которыя были и въ вырѣзанной статьѣ [1]). Появленіе статьи было пріятною неожиданностью и для П. Л. Лаврова, о чемъ свидѣтельствовало автору этихъ строкъ одно изъ близкихъ къ нему лицъ. По словамъ того же лица, Лаврову было пріятно также увидѣть въ этой статьѣ перечень и такихъ работъ, о которыхъ онъ почти забылъ и принадлежность которыхъ ему опредѣлена только по внутреннимъ признакамъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ отзывѣ можно видѣть косвенное подтвержденіе въ пользу принадлежности Лаврову статей, которыя пропущены въ печатаемомъ ниже очеркѣ, но упомянуты въ „Матеріалахъ“. Къ

---

[1]) См. Я. Колубовскій, „Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи. X. П. Л. Лавровъ“. („Вопросы философіи и психологіи“, кн. 44, 1898 г., стр. 285—318).

сожалѣнію, перечень этотъ обрывается въ 1889 г., и дополненіе его ждетъ своего изслѣдователя.

Я. Колубовскій.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

Петръ Лавровичъ Лавровъ родился въ Псковской губерніи, Великолуцкаго уѣзда, въ селѣ Мелеховѣ, 2-го (14-го) іюня 1823 г. Воспитывался до 1837 г. дома. Въ 1837 г. поступилъ въ артиллерійское училище. Произведенъ въ офицеры въ 1842 г. и съ іюля 1844 г. по апрѣль 1866 г. преподавалъ математическія науки спачала въ артиллерійскомъ училищѣ, потомъ въ артиллерійской академіи, при чемъ ему были переданы курсы высшей математики, прежде читанные академикомъ Остроградскимъ. Кромѣ того Лавровъ былъ приглашенъ преподавать высшіе математическіе курсы и въ спеціальномъ классѣ Константиновскаго военнаго училища при основаніи этого класса (1858); былъ тамъ и постояннымъ наблюдателемъ по математическимъ наукамъ. Въ 1865-мъ и 1866-мъ годахъ Лавровъ читалъ публичный (неоконченный) курсъ исторіи физико-математическихъ наукъ въ лабораторіи артиллерійской академіи, а въ 1865 г. прочелъ для офицеровъ гвардейской артиллеріи три лекціи о вліяніи успѣховъ точныхъ наукъ на военное дѣло; онѣ были напечатаны въ „Артиллерійскомъ Журналѣ" и особой брошюрою. Свои математическіе курсы Лавровъ никогда не печаталъ, но, согласно правиламъ, принятымъ на этотъ счетъ въ заведеніи, гдѣ онъ преподавалъ, эти курсы литографировались, подвергаясь постепенно измѣненіямъ. Лѣтомъ 1855 г. (въ промежуткѣ между курсами) Лавровъ участвовалъ въ оборонѣ Нарвы противъ непріятеля и начальствовалъ временно тамъ артиллеріей, но ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ ему участвовать не случилось. — Лавровъ былъ членомъ петербургской думы и петербургскаго земства.

Дѣятельное участіе въ литературѣ Лавровъ сталъ принимать лишь съ 1855 г. Писалъ онъ стихи съ дѣтства и, при поступленіи въ артиллерійское училище, имѣлъ уже въ своемъ прошедшемъ разные начатки драматическихъ сценъ и лирическихъ произведеній (конечно—весьма слабыхъ); писалъ онъ немало и въ училищѣ. Въ 1840-мъ или въ 1841-мъ году одно его стихотвореніе было даже напечатано съ его подписью въ „Библіотекѣ для чтенія", издававшейся Сенковскимъ (бар. Брамбеусомъ). Въ 1852 г.

Лавровъ былъ приглашенъ давать статьи по артиллеріи и по разнымъ наукамъ въ „Военный Энциклопедическій Словарь“, издававшійся ген. Богдановичемъ, и помѣщалъ статьи въ первыхъ томахъ этого изданія (до буквы М). Нѣсколько позже, онъ былъ около двухъ лѣтъ помощникомъ редактора „Артиллерійскаго Журнала“, полковника Минута (года не помню, но между 1854 и 1860 гг.). Но все это были побочныя занятія, не имѣвшія особаго значенія. Изъ стихотвореній Лаврова нѣкоторыя были имъ посланы А. И. Герцену въ 1856 г. при письмѣ, гдѣ выражалось еще слишкомъ много надеждъ на начавшееся царствованіе Александра II. Какъ письмо, такъ и стихотворенія „Пророчество“ и „Русскому народу“ были напечатаны А. И. Герценомъ въ четвертой книжкѣ „Голосовъ изъ Россіи“ безъ имени автора. Изъ послѣдняго сдѣланы извлеченія для характеристики положенія прессы въ Россіи въ книгахъ Wallace и Rambaud о Россіи. Еще нѣкоторыя стихотворенія Лаврова были, совершенно безъ его вѣдома, напечатаны въ разныхъ заграничныхъ сборникахъ, часто искаженныя, но нигдѣ ему не приписанныя. Изъ позднѣйшихъ стихотвореній два, безъ подписи, были напечатаны въ газетѣ „Впередъ“, имъ редактировавшейся.

Въ настоящую литературную дѣятельность Лавровъ выступилъ лишь въ началѣ новаго царствованія, въ 1856 г., въ малоизвѣстномъ журналѣ „Общезанимательный Вѣстникъ“, статьею о классификаціи наукъ; писалъ тамъ и „Письма провинціала“ о современныхъ событіяхъ. На него обратили вниманіе лишь при появленіи въ 1856 г., въ „Библіотекѣ для чтенія“, издававшейся Дружининымъ, его большой статьи о „Гегелизмѣ“. Съ тѣхъ поръ до 1866 г. онъ помѣщалъ много статей въ „Библіотекѣ для чтенія“ (подъ редакціей Дружинина, Писемскаго, Боборыкина), въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (подъ редакціей Краевскаго, при главномъ руководствѣ Дудышкина), въ „Русскомъ Словѣ“ (подъ редакціей Благосвѣтлова) и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ съ полною своею подписью и подъ начальными буквами его имени. Это были, бо́льшею частью, статьи философскаго содержанія или обзоры иностранной литературы. Изъ этихъ статей напечатанные въ „Отечественныхъ Запискахъ“ „Очерки вопросовъ практической философіи: Личность“ и посвященные „А. Г. и П. П.“, т.-е. Герцену и Прудону, были изданы въ 1860 г. и особою брошюрой. Въ ноябрѣ 1860 г. Лавровъ прочелъ въ пользу Литературнаго Фонда три лекціи о современномъ значеніи философіи, которыя были первымъ публичнымъ словомъ о философіи, произнесеннымъ свѣтскимъ лицомъ въ Россіи внѣ

духовныхъ заведеній со времени закрытія каѳедръ философіи Николаемъ I. Эти лекціи, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ“, были также изданы особой брошюрой въ 1861 г. Въ 1862 г. Лавровъ искалъ каѳедры философіи въ петербургскомъ университетѣ, но условія, введенныя новымъ уставомъ, положили конецъ этому дѣлу, для котораго Лавровъ представилъ уже программу предполагавшагося курса. Когда устроены были курсы въ думѣ, студенты предложили Лаврову читать тамъ курсъ философіи, но это ему не было дозволено.—Изъ статей этого періода наиболѣе крупныя и цѣльныя, кромѣ упомянутыхъ выше, слѣдующія: въ „Библіотекѣ для чтенія“—„Нѣсколько мыслей о системѣ общаго умственнаго воспитанія молодыхъ людей“ и „Лаокоонъ“ Лессинга; въ „Отечественныхъ Запискахъ“—„Механическая теорія міра“ (о матеріализмѣ); въ „Русскомъ Словѣ“—„Современные германскіе теисты“ и „Моимъ критикамъ“ (отвѣтъ Антоновичу и Писареву).

При основаніи „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“, подъ редакціей Краевскаго, въ 1861 г. Лаврову была поручена редакція философскаго отдѣла, а со второго тома частные редакторы выбрали его главнымъ редакторомъ „Словаря“ взамѣнъ Краевскаго. Въ „Словарѣ“ помѣщено много статей его, съ подписью и безъ подписи, по разнымъ предметамъ, но преимущественно по философскимъ, историческимъ и историко-религіознымъ. Изданіе это вызвало многочисленные доносы архіереевъ и духовныхъ журналовъ (особенно Аскоченскаго, требовавшаго церковной анаѳемы и уголовнаго наказанія каторгою) и должно было прекратиться на первыхъ же буквахъ, встрѣтивъ въ либеральной литературѣ того времени пріемъ довольно холодный, потому что Лавровъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ руководителей тогдашней либеральной мысли въ „Современникѣ“, сблизившись нѣсколько съ Чернышевскимъ лишь въ послѣдніе мѣсяцы дѣятельности послѣдняго, передъ его арестомъ, за которымъ послѣдовала, какъ извѣстно, каторга. Впрочемъ, М. Антоновичъ, написавшій въ 1862 г. самую рѣзкую статью въ „Современникѣ“ противъ Лаврова, сдѣлался сотрудникомъ „Словаря“ подъ его редакціей въ послѣднемъ томѣ, когда уже существованіе этого изданія было вполнѣ подорвано.—Изъ многочисленныхъ статей Лаврова въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ наиболѣе крупныя: „Абеляръ“, „Августинъ“, „Аверроэсъ“, „Адамъ“, „Адъ“, „Аламберъ“, „Анабаптисты“, „Антропологическая точка зрѣнія“, „Арабская философія“.

По прекращеніи „Словаря“ Лавровъ редактировалъ (при

оффиціальной редакціи Аѳанасьева-Чужбинскаго) журналъ переводныхъ статей: „Заграничный Вѣстникъ“, а также печаталъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ и въ „Артиллерійскомъ Журналѣ“, на основаніи публичныхъ лекцій, о которыхъ упомянуто выше, „Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ“, первый выпускъ котораго (до Александрійскаго періода) былъ изданъ и особо, и который остановился, вслѣдствіе ареста Лаврова, на параграфѣ о Галенѣ. Послѣдніе параграфы о Діофантѣ и о концѣ древняго міра были уже въ наборѣ, но никогда напечатаны не были: авторъ не сохранилъ ни корректуры, ни рукописи. Въ серединѣ 60-хъ годовъ, подъ редакціей Лаврова и съ его примѣчаніями, готовился къ печати и переводъ „Логики“ Дж. Ст. Милля, переводъ, который появился лишь послѣ ареста Лаврова. Бо́льшую часть второго тома Лавровъ вовсе не видалъ. — Лавровъ былъ нѣсколько лѣтъ казначеемъ и членомъ въ Комитетѣ Литературнаго Фонда и старшиною недолго существовавшаго (1861—1862) литературнаго клуба, носившаго названіе Шахматнаго. — Въ 1864—1865 гг. Лавровъ принималъ ревностное участіе въ учрежденіи Общества женскаго труда, въ чемъ участвовали графиня Ростовцева и Анна Павловна Философова. Это общество разрушилось наканунѣ перваго общаго собранія, и объясненія, къ которымъ былъ вынужденъ Лавровъ при этомъ съ только-что упомянутыми лицами, вызвали немалое раздраженіе противъ него.— Въ началѣ 60-хъ годовъ Лавровъ былъ приглашенъ въ общество „Земли и Воли“, но его участіе въ этомъ обществѣ было такъ ничтожно, что объ этомъ и говорить не стоитъ.

Послѣ выстрѣла Каракозова (4/16 апрѣля 1866 г.), когда Муравьевъ получилъ почти диктаторскую власть въ Петербургѣ, тамъ были произведены многочисленные аресты и обыски. Между прочимъ, произведенъ обыскъ и у Лаврова. Затѣмъ онъ былъ арестованъ 25 апрѣля (7 мая) 1866 г. и преданъ военному суду въ августѣ того же года. Допрашивалъ его сенаторъ Беръ; Лавровъ призванъ былъ къ допросу всего три раза и не имѣлъ ни съ кѣмъ очной ставки. Судъ призналъ его виновнымъ въ сочиненіи четырехъ стихотвореній, въ которыхъ „возбуждалось неуваженіе“ къ Николаю I и Александру II, въ „сочувствіи и близости къ людямъ, извѣстнымъ правительству своимъ преступнымъ направленіемъ“ (Чернышевскій, Михайловъ, Павловъ), въ проведеніи въ печати „вредныхъ идей“ и въ нѣкоторыхъ другихъ болѣе мелкихъ винахъ. Военно-судная коммиссія приговорила его къ аресту на нѣкоторое время. Приговоръ этотъ былъ видоизмѣненъ генералъ-аудиторіатомъ (генералъ-аудиторомъ былъ тогда

Философовъ, мужъ Анны Павловны) и конфирмованъ императоромъ въ такой формѣ: Лавровъ увольнялся отъ службы и отсылался на житье въ одну изъ внутреннихъ губерній подъ надзоръ полиціи. Эта „внутренняя“ губернія оказалась Вологодской. Послѣ девятимѣсячнаго ареста въ петербургскомъ ордонансгаузѣ Лавровъ былъ вывезенъ въ Тотьму 15 (27) февраля 1867 года. Въ 1868 г. переведенъ сначала въ Вологду и немедленно затѣмъ въ г. Кадниковъ, гдѣ, для наблюденія за нимъ, единственнымъ политическимъ ссыльнымъ въ городѣ, назначено два жандарма.

Послѣ трехъ лѣтъ ссылки, 15 (27) февраля 1870 г., Лавровъ, при содѣйствіи преданнаго товарища, Г. А. Лопатина, пріѣхавшаго для этого изъ Петербурга, бѣжалъ изъ Кадникова и 13 (1) марта прибылъ въ Парижъ. Знавшій объ этомъ бѣгствѣ и ожидавшій его въ Парижѣ А. И. Герценъ (никогда не знакомый съ нимъ лично) умеръ какъ разъ незадолго передъ тѣмъ.

Съ апрѣля 1866 г. Лавровъ не могъ, конечно, помѣщать ничего въ легальной русской прессѣ подъ своимъ именемъ (за исключеніемъ небольшой антропологической статьи въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, помѣщенной съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора). Но онъ много печаталъ статей подъ разными псевдонимами, подъ иниціалами или совсѣмъ безъ подписи. Изъ прекратившихся теперь журналовъ назовемъ, за три года вологодской ссылки Лаврова, „Женскій Вѣстникъ“, „Библіографъ“, „Современное Обозрѣніе“, „Отечественныя Записки“ съ 1868 г., „Недѣля“ (прежней редакціи). Такъ какъ статьи Лаврова пересылались въ это время, бо̀льшею частью, черезъ полицію, то и правительству и публикѣ было извѣстно его сотрудничество въ журналахъ за эти три года, и потому его наиболѣе обычный псевдонимъ П. Миртовъ, подписи П. Л. и П. М. были весьма прозрачной маской. Подъ псевдонимомъ П. Миртовъ печатались въ 1868—69 годахъ въ „Недѣлѣ“ и „Историческія письма“, появившіяся потомъ, въ 1870-мъ году, въ переработанной формѣ, отдѣльнымъ изданіемъ и имѣвшія нѣкоторое вліяніе на русскую молодежь. Со времени поселенія Лаврова за границею до 1873 г., когда онъ выступилъ редакторомъ „Впередъ!“, помѣщеніе его статей въ русскихъ изданіяхъ стало встрѣчать уже болѣе трудностей, и Лаврову пришлось еще чаще мѣнять псевдонимы. Тѣмъ не менѣе почти всѣ приписывали ему рядъ статей въ „Знаніи“, которыя появились въ 1875 г., какъ „Опытъ исторіи мысли“, т. I, вып. I, а также тамъ же помѣщенный другой рядъ статей подъ общимъ названіемъ: „Очерки систематическаго

знанія“. Псевдонимы Миртова и Кедрова были, отчасти, и прямо раскрыты въ печати въ статьѣ М. А. Бакунина.—Съ половины 70-хъ годовъ, т.-е. въ послѣднія 15 лѣтъ, если Лаврову и удавалось помѣщать въ разныхъ легальныхъ русскихъ журналахъ статьи, то лишь безъ вѣдома редакцій, посылая ихъ при посредствѣ лицъ, которыя и сами не всегда знали, кто писалъ статьи. Предметы, о которыхъ онъ въ это время писалъ, были тѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ тщательнѣе приходилось скрывать, кто ихъ авторъ. Такъ какъ въ настоящее время ни одинъ изъ журналовъ, гдѣ помѣщались эти статьи, не существуетъ, или находится подъ редакціею лицъ совершенно иного направленія, прежніе же редакторы умерли, то устранена большая часть препятствій къ перечисленію этихъ статей (впрочемъ, неполному), насколько можно припомнить ихъ, начиная съ 1868 г. до конца первой половины 80-хъ годовъ. Въ „Женскомъ Вѣстникѣ“ 1868—69 годовъ: „Гербертъ Спенсеръ и его опыты“, „Женщины во Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ“, о женщинахъ въ Италіи въ средніе вѣка. Въ „Библіографѣ“ 1869 г. (единственный номеръ, насколько помню): „Письмо въ редакцію“, „Обзоръ иностранной антропологической литературы“, о книгѣ Гэккеля, отчетъ о „Недѣлѣ“ 1868—69 годовъ. Въ „Современномъ Обозрѣніи“: „Антропологическіе очерки“, „Развитіе ученій о миѳическихъ вѣрованіяхъ“, „Задачи позитивизма и ихъ рѣшенія“. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“: „До человѣка“, „Антропологи въ Европѣ“, „Американскіе сектаторы“, „Философія исторіи славянъ“, „Историческое значеніе науки и книга Уэвеля“, „Роль науки въ эпоху возрожденія и реформаціи“, „Цивилизація и дикіе народы“, „Современныя ученія о нравственности и ихъ развитіе“, „Канунъ великихъ переворотовъ“, „Противники исторіи“, о психологіи Кавелина, „Формула прогресса г. Михайловскаго“, „Хлопоты науки съ низшими животными“, „Записки стараго чартиста“, „Лирики тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“, „Сент-Бэвъ какъ человѣкъ“. Въ „Дѣлѣ“: двѣ статьи о Шопенгауэрѣ, о Дизраэли („Продуктъ политики XIX вѣка“), „Карлъ Эрнстъ Бэръ“, о П. Анненковѣ („Русскій туристъ 40-хъ годовъ“ и „Туристъ эстетикъ“), о книгѣ де-Роберти („Единственный русскій соціологъ“), о трудахъ Карѣева и Гольцева („Исторія Франціи подъ перомъ новыхъ русскихъ изслѣдователей“), „Политическіе типы XVIII вѣка“. Въ „Знаніи“, кромѣ упомянутыхъ выше: возраженіе на критику „Историческихъ писемъ“, „Научныя основы исторіи цивилизаціи“, „Новая наука“, „Соціологи-позитивисты“. Въ „Словѣ“: „Теорія и практика прогресса“ (авторъ имѣлъ въ

виду дополненіе къ „Историческимъ письмамъ"). Въ „Устояхъ": „Теоретики 40-хъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ". Въ газетѣ „Сѣверный Вѣстникъ"—письма о философскихъ предметахъ (помѣщено, кажется, лишь одно), въ другой газетѣ статьи о только-что умершихъ Томасѣ Карлейлѣ и Лонгфелло, о соціологическихъ трудахъ Летурно и Фулье и т. д. Въ началѣ 80-хъ годовъ для Лаврова открылась внезапно какъ бы возможность осуществить издавна подготовленный имъ планъ исторіи мысли, и онъ, рядомъ съ другими работами, приготовилъ около 50 печатныхъ листовъ этого труда для изданія его въ Россіи. Но въ декабрѣ 1884 г. эти надежды оказались напрасными.

Живя въ Парижѣ въ 1870—1873 г., Лавровъ былъ избранъ членомъ парижскаго Антропологическаго общества, гдѣ, между прочимъ, читалъ въ 1872 г. рефератъ: „L'idée du progrès dans l'anthropologie" (напечатанный и особой брошюрой въ 1873 г.). При основаніи „Revue d'anthropologie", въ 1872 г., Лавровъ былъ приглашенъ извѣстнымъ Брока̀ въ составъ редакціи и участвовалъ въ ней до выѣзда своего изъ Парижа. Еще въ 1870 г. Лавровъ близко сошелся съ Варленомъ, который и ввелъ его въ Интернаціоналъ—въ секцію Fèrnes—осенью 1870-го года. Лавровъ пробылъ въ Парижѣ все время первой осады и почти все время коммуны. Въ началѣ мая 1870 г. онъ поѣхалъ въ Бельгію, сдѣлалъ федеральному бельгійскому совѣту Интернаціонала докладъ о положеніи дѣлъ въ Парижѣ, призывалъ совѣтъ къ содѣйствію коммунѣ; съ тою же цѣлью поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы узнать, не можетъ ли Генеральный Совѣтъ, о силѣ котораго существовало преувеличенное мнѣніе, оказать помощь парижскимъ инсургентамъ, но увидѣлъ невозможность того и другого. При этомъ онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ и съ Фр. Энгельсомъ, съ которыми болѣе сблизился въ послѣдующіе годы. Въ іюлѣ 1871 г. онъ вернулся въ Парижъ.

Въ 1872 г. Лавровъ получилъ изъ Россіи предложеніе редактировать за границею соціалистическій журналъ, для котораго была обѣщана поддержка какъ соціалистической русской молодежи, такъ и радикальныхъ литераторовъ. Имѣя это въ виду, Лавровъ немедленно написалъ проектъ программы „Впередъ!"—обозначивъ въ письмѣ тѣ литературныя силы, къ которымъ предполагалось обратиться. Этотъ первоначальный проектъ, отлитографированный, противъ желанія автора, въ Россіи, многими принимался ошибочно за окончательную программу журнала. Послѣдняя могла быть выработана лишь тогда, когда вполнѣ опредѣлился составъ сотрудниковъ. Разсчетъ на радикальныя

силы литературныя въ Россіи оказался невѣренъ; журналъ долженъ былъ появиться какъ исключительный органъ соціально-революціонной русской молодежи, что̀ позволяло и программѣ его получить бо̀льшую опредѣленность. Эта программа и была помѣщена въ первомъ томѣ періодическаго сборника „Впередъ!“, появившагося лѣтомъ 1873 г. При основаніи этого изданія думали найти поддержку и въ многочисленныхъ приверженцахъ М. А. Бакунина, пользовавшагося тогда большимъ вліяніемъ. Но по вопросу объ организаціи журнала произошло разногласіе, которое окончилось разрывомъ, такъ что рядомъ съ „Впередъ!“ появились за границею изданія группы бакунистовъ, прямо ему враждебныя. Послѣднія, сколько извѣстно, встрѣчали въ русской молодежи 1873—75 годовъ болѣе сочувствія и имѣли въ Россіи бо̀льшее распространеніе во время того громаднаго движенія „въ народъ“, которое началось въ 1874 мъ году.

Чтобы издавать „Впередъ!“ и завести русскую типографію, Лавровъ переселился въ началѣ 1874 г. въ Цюрихъ. Рядомъ съ работой по редакціи журнала, гдѣ печаталось много его статей и гдѣ онъ велъ постоянное обозрѣніе: „Что дѣлается на родинѣ?“, Лавровъ читалъ въ Цюрихѣ публичныя лекціи на русскомъ языкѣ о роли славянъ въ исторіи мысли, объ исторіи мысли вообще, о роли христіанства въ исторіи мысли и тому подобномъ. Отдѣльнымъ листкомъ напечатана была рѣчь его „Къ цюрихскимъ студентамъ“, произнесенная по поводу распоряженія русскаго правительства объ удаленіи ихъ изъ Цюриха. Въ мартѣ 1874 г. типографія и редакція „Впередъ!“ были перенесены въ Лондонъ.

Съ 1873 по 1876 г. Лавровъ посвятилъ почти все свое время изданію „Впередъ!“, который выходилъ до конца 1874 г. какъ непеpіодическій сборникъ (I, 1873, Цюрихъ; II, 1874, Цюрихъ; III, 1874, Лондонъ), съ начала же 1874-го до конца 1876 г.—въ формѣ двухнедѣльной газеты въ Лондонѣ, при чемъ, благодаря энергіи и серьезному отношенію къ дѣлу сотрудниковъ Лаврова и товарищей его по типографіи, ни одинъ изъ 48 номеровъ не опоздалъ выходомъ. Въ это же время, въ 1874 г., вслѣдствіе нападенія прежняго сотрудника и потомъ основателя „Набата“, П. Н. Ткачева, Лавровъ вынужденъ былъ издать полемическую брошюру въ свою защиту („Русской революціонной молодежи“), что̀ было вообще совершенно несогласно съ его литературными привычками. Въ концѣ 1876 г., на съѣздѣ представителей русской группы, поддерживавшей „Впередъ!“, рѣшено было прекратить періодическое изданіе газеты и вер-

нуться къ прежней формѣ, и въ то же время выражено было нѣкоторое несогласіе съ наличнымъ способомъ веденія изданія. Лавровъ отказался отъ редакціи. Появившійся въ 1876 г. его трудъ: „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“ составилъ первый (и единственный) выпускъ тома IV неперіодическаго „Впередъ!“. По выходѣ Лаврова изъ редакціи появился еще томъ V, въ составленіи котораго онъ не участвовалъ и которымъ прекратилась дѣятельность группы „впередовцевъ“, болѣе не заявившей о своемъ существованіи ни въ Россіи, ни за границею.

Въ маѣ 1877 г. Лавровъ опять переѣхалъ въ Парижъ. Въ первые годы этого новаго періода своей жизни онъ имѣлъ очень мало сношеній съ русскими дѣйствующими группами. Онъ завязалъ сношенія съ французскими соціалистами, которые въ 1877-мъ же году создали свой органъ „Egalité“, принималъ небольшое участіе въ этомъ органѣ и говорилъ раза два на банкетахъ, устроенныхъ этими группами. Онъ сказалъ нѣсколько словъ и надъ могилою Бланки при похоронахъ послѣдняго. Съ того же 1877 г. Лавровъ началъ читать у себя на квартирѣ, а потомъ въ залѣ на rue Pascal, для русской молодежи, живущей въ Парижѣ, лекціи о разныхъ вопросахъ теоретическаго соціализма и исторіи мысли. Въ 1879 г. онъ произнесъ у себя на квартирѣ по поводу коммуны 1871 г. рѣчь, которая въ 1880 г. была напечатана въ очень распространенной формѣ особой брошюрой, какъ первый томъ „Русской соціально-революціонной библіотеки“. Во второмъ томѣ того же изданія (1881 г.), заключающаго переводъ книги Шефле о соціализмѣ, помѣщенъ рядъ большихъ критическихъ примѣчаній Лаврова къ этой книгѣ. Въ первомъ томѣ „Jahrbücher für Socialwissenschaft und Socialpolitik“ за 1879 г. помѣщенъ, подъ иниціалами P. L., обзоръ русскаго соціально-революціоннаго движенія отъ 1876 по 1879 г. Къ этому періоду 1878—79 гг. относится и выработка небольшимъ кружкомъ, образовавшимся около Лаврова, того плана тайной организаціи соціально-революціонныхъ силъ, о которомъ упомянула „Walka Klas“ (№ 9), но который остался безъ всякихъ послѣдствій.

Въ началѣ 1880 г. арестъ Гартмана и грозившая ему выдача принудили Лаврова къ нѣкоторой дѣятельности среди французскихъ радикальныхъ и соціалистическихъ кружковъ. Это сблизило его и съ редакціей „Justice“, съ которой онъ съ тѣхъ поръ сохранилъ весьма дружественныя отношенія. Французскіе радикалы особенно содѣйствовали успѣшному исходу этой аги-

таціи, окончившейся призывомъ Лаврова къ префекту полиціи, который передалъ Гартмана Лаврову, говоря ему, что Гартманъ освобождается лишь потому, что личность его не доказана, но что ее могутъ доказать на другой день, и что поэтому всего лучше его вывезти немедленно изъ Франціи, оставивъ его на нѣсколько часовъ, до отхода поѣзда, во избѣжаніе демонстрацій, на квартирѣ начальника муниципальной полиціи, Кобэ, лично знакомаго Лаврову. Послѣдній на все согласился — и черезъ нѣсколько часовъ Гартманъ уѣхалъ съ однимъ пріятелемъ въ Лондонъ. Ни изъ одного слова г. Андріё не могъ тогда Лавровъ заключить, что Гартманъ высылается изъ Франціи, какъ утверждалъ Андріё въ своихъ мемуарахъ. Декретъ о высылкѣ не былъ никогда и сообщенъ Гартману.

Съ этого времени начинаютъ завязываться у Лаврова снова связи съ группами, дѣйствующими въ Россіи. Онъ получилъ приглашеніе участвовать въ подпольныхъ изданіяхъ, появившихся въ Россіи, послалъ туда нѣсколько статей, но, по фатальной комбинаціи обстоятельствъ, почти всѣ эти статьи не дошли по назначенію, кромѣ одной, напечатанной въ „Черномъ Передѣлѣ". Въ 1881 году въ Россіи основалось общество „Краснаго Креста Народной Воли". Желая основать за границей отдѣлъ, оно избрало уполномоченными для этого Вѣру Ивановну Засуличъ и Лаврова. Публикаціи въ иностранныхъ журналахъ, приглашавшія къ пожертвованію въ пользу только-что основаннаго общества, послужили поводомъ къ изгнанію Лаврова изъ предѣловъ Франціи. Оно было объявлено ему 10-го февраля 1882 г., и 13-го февраля онъ выѣхалъ въ Лондонъ. Вскорѣ послѣ этого въ газетахъ появилось извѣстіе, что какая-то русская въ Женевѣ выстрѣлила въ одного нѣмца, принявъ его за Лаврова. Ее судили и признали помѣшанной. Лавровъ вовсе не зналъ ее. Высылка его изъ Франціи обратила на него гораздо болѣе вниманія, чѣмъ онъ когда-либо могъ достичь во Франціи при скромной жизни, которую онъ тамъ велъ. Выраженія сочувствія далеко превзошли все, что онъ могъ ожидать отъ иностранцевъ.

Въ Лондонѣ Лавровъ получилъ отъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли" приглашеніе вступить вмѣстѣ съ другимъ лицомъ (Степнякомъ) въ редакцію органа партіи, который послѣдняя имѣла намѣреніе основать за границею подъ названіемъ: „Вѣстникъ Народной Воли". Онъ отвѣчалъ подробными письмами, указывая условія, при которыхъ считаетъ возможнымъ для себя вести подобное дѣло, и въ духѣ этихъ условій выработалъ, вмѣстѣ съ предполагавшимся соредакторомъ, програму, которая,

въ сущности, осталась безъ измѣненія и при появленіи впослѣдствіи перваго тома „Вѣстника Народной Воли". Но, къ сожалѣнію, вся эта переписка опять-таки не дошла по назначенію. Въ это же время Лавровъ, по желанію автора, печатающагося подъ именемъ Степняка, написалъ предисловіе къ его книгѣ: „Подпольная Россія". Черезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда въ Лондонъ, въ маѣ 1882 г., для Лаврова оказалось возможнымъ возвращеніе въ Парижъ, хотя декретъ объ его изгнаніи изъ Франціи отмѣненъ не былъ. Дѣло объ изданіи „Вѣстника Народной Воли" тянулось болѣе года, когда прибытіе за границу Л. А. Тихомирова и назначеніе его редакторомъ, вмѣсто отказавшагося, позволило приступить къ изданію. Первый томъ появился въ ноябрѣ 1883 г., послѣдній (V)—въ декабрѣ 1886 г. Въ этомъ изданіи помѣщено за подписью Лаврова немало статей. Внѣ статей, содержаніе которыхъ обусловливалось самою задачею изданія, тамъ находятся воспоминанія П. Л. объ Ив. Серг. Тургеневѣ и критика ученія гр. Л. Н. Толстого, подъ заглавіемъ: „Старые вопросы". Еще ранѣе появленія „Вѣстника" Лавровъ сотрудничалъ въ „Календарѣ Народной Воли" за 1883 г., помѣстивъ тамъ, за своею подписью, статью: „Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма". Съ декабря 1883 го до іюня 1884 г. Лавровъ читалъ въ частной квартирѣ для небольшой аудиторіи, большей частью легальной, курсъ „Обзора основныхъ вопросовъ философіи", изъ котораго онъ успѣлъ прочесть только теоретическую часть. Въ томъ же 1883 г., послѣ отпѣванія И. С. Тургенева (на отпѣваніи котораго онъ присутствовалъ одновременно съ кн. Орловымъ), Лавровъ напечаталъ въ „Justice" замѣтку, обнаруживавшую фактъ, что И. С. Тургеневъ участвовалъ матеріальными средствами въ поддержкѣ „Впередъ!". Эта замѣтка вызвала противъ Лаврова очень рѣзкія нападки во всей легальной либеральной прессѣ Россіи [1])...

14-го (2-го) іюня 1885 г., совершенно не ожидая этого, Лавровъ былъ почтенъ празднованіемъ группою русскихъ его дня рожденія, при чемъ участіе лицъ разныхъ партій и многихъ вполнѣ легальныхъ русскихъ, рѣчи, произнесенныя какъ русскими, такъ и поляками-соціалистами, многочисленныя письма и телеграммы изъ разныхъ мѣстностей (между прочимъ, одно письмо—отъ политическихъ заключенныхъ въ одной русской тюрьмѣ и другое—отъ группы ссыльныхъ въ Сибири) глубоко

---

[1]) Редакціей „Вѣстника Европы" пропущено здѣсь нѣсколько строкъ, относящихся къ одному изъ журнальныхъ дѣятелей того времени.

тронули Лаврова, оцѣнивающаго гораздо болѣе умѣренно свою дѣятельность и свою общественную роль, чѣмъ угодно было это сдѣлать участникамъ празднества. Нѣкоторые изъ писавшихъ полагали, что это—двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Лаврова, но она началась ранѣе.

Къ предыдущимъ замѣткамъ, относящимся къ 1885 г., можно для послѣднихъ четырехъ лѣтъ прибавить слѣдующее. Лавровъ продолжалъ жить въ Парижѣ безвыѣздно. Отъ времени до времени онъ читалъ рефераты въ „Рабочемъ Обществѣ“, въ собраніяхъ, устраиваемыхъ кассою русскихъ парижскихъ студентовъ, въ „Обществѣ русской молодежи“, въ собраніяхъ, устроенныхъ польскими соціалистами. Изъ нихъ напечатаны за границею: „Національность и соціализмъ“, „Роль и формы соціалистической пропаганды“, „Черезъ восемь лѣтъ“ (1871—1879—1887); изданы, насколько извѣстно, въ Россіи рѣчь о роли евреевъ въ соціалистической пропагандѣ и „Наука и жизнь“. Кромѣ того, при пріѣздѣ Фрея въ Парижъ, Лавровъ прочелъ два реферата въ возраженіе его проповѣди о позитивной религіи человѣчества. Нѣкоторое время онъ читалъ очень небольшому кружку товарищей лекціи о соціологіи для соціалистическихъ пропагандистовъ и готовилъ болѣе или менѣе обширные труды изъ своихъ прежнихъ статей о „Людяхъ сороковыхъ годовъ“ и новыя статьи о наукѣ религій; но все это прерывалось ранѣе окончанія или осуществленія. Въ мартѣ 1886 г. Лавровъ рѣшился осуществить свой планъ труда по исторіи мысли, отказавшись уже отъ надежды напечатать этотъ трудъ въ Россіи при существующихъ тамъ условіяхъ для прессы. Онъ началъ писать его, не имѣя даже вовсе въ виду средствъ для его изданія. Нашелся издатель, обѣщавшій дать деньги на изданіе перваго тома, и на эти средства съ декабря 1887 г. начали появляться въ Женевѣ выпуски „Опыта исторіи мысли новаго времени“, въ которыхъ авторъ резюмируетъ всѣ свои предыдущія работы. Въ то время, какъ пишутся эти строки (октябрь 1889 г.), появилось уже пять выпусковъ.—Переходъ Л. А. Тихомирова отъ революціоннаго соціализма къ поддержкѣ русскаго самодержавія вынудилъ Лаврова напечатать брошюру: „Письмо товарищамъ въ Россію“ (1888 г.).—Лавровъ сотрудничаетъ въ послѣднее время въ „Соціалистѣ“, издаваемомъ въ Женевѣ, и въ „Знамени“, издаваемомъ въ Нью-Іоркѣ. Восемь соціалистическихъ русскихъ и армянскихъ группъ (изъ которыхъ одна—петербургская) послали

въ 1889 г. Лаврова делегатомъ на конгрессъ соціалистовъ, имѣвшій мѣсто 14—21 іюля въ Парижѣ, на улицѣ Рошшуаръ. На этомъ конгрессѣ Лавровъ былъ избранъ въ составъ бюро и прочелъ предъ конгрессомъ рефератъ о положеніи соціализма въ Россіи. Этотъ рефератъ былъ напечатанъ по-французски въ „Société nouvelle“ и въ „Revue socialiste“. Оттиски вышли и отдѣльною брошюрою, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Въ 1889 г. Лавровъ былъ избранъ предсѣдателемъ на собраніи русскихъ 25-го (13-го) мая въ Café Voltaire въ память М. Е. Салтыкова и произнесъ тамъ, по этому поводу, рѣчь.

Въ продолженіе пребыванія Лаврова въ Парижѣ ему пришлось нѣсколько разъ произносить прощальныя рѣчи надъ могилами русскихъ эмигрантовъ, между прочимъ и надъ могилою П. Н. Ткачева, 6 января 1886 г. (25 декабря 1885 г.). 30-го (18-го) октября 1889 г. онъ созвалъ чрезъ газеты и чрезъ частныя приглашенія русскихъ, находящихся въ Парижѣ, чтобы почтить память Л. М. Когана-Бернштейна, повѣшеннаго въ Якутскѣ 19-го (7-го) августа того же года.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

РОНДЕЛИ

1.

Румяный лучъ изъ-за руинъ
Прощался съ темною землею,
Когда склоняла надъ волною
Ты тонкогорлый твой кувшинъ

И по тропѣ среди стремнинъ
Прошла безшумною стопою.
Румяный лучъ изъ-за руинъ
Прощался съ темною землею.

Я поднялъ твой забытый кринъ,
Благоухающій тобою.
Смыкались тѣни подъ горою;
И лишь въ кудряхъ дрожалъ одинъ
Румяный лучъ изъ-за руинъ.

2.

Васъ было двое межъ оливъ.
И ты, и онъ въ забвеньи млѣли.
Ужъ очи неба пламенѣли,
Былъ вечеръ грустенъ и красивъ.

У ногъ едва плескалъ заливъ,
И волны тускло голубѣли.
Васъ было двое межъ оливъ.
И ты, и онъ въ забвеньи млѣли.

Домчалъ ли вѣтерка порывъ
Вамъ нѣжный стонъ моей свирѣли?
Вы лишь на звѣзды посмотрѣли,
Про землю скудную забывъ:
Васъ было двое межъ оливъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

Шестидесятые годы въ освѣщеніи нашего времени.

XII *).

На ходъ нашей жизни въ шестидесятыхъ годахъ имѣла большое вліяніе та особая сила, которая достаточно ясно опредѣляется словами: „общественное настроеніе". Эта сила, независимо отъ идей въ тѣ годы господствовавшихъ или вообще ходкихъ, была сама по себѣ явленіемъ весьма знаменательнымъ. Историческій моментъ, который пришлось переживать людямъ, стоящимъ у власти, и людямъ отъ этой власти зависящимъ— былъ неожиданъ и необыченъ по богатству неизвѣданныхъ дотолѣ чувствъ и настроеній. Свидѣтели и участники новаго историческаго дѣйствія должны были съ необыкновенно повышенной нервностью и страстью отнестись къ тому, что̀ на ихъ глазахъ происходило. И такая страсть была для насъ великой новинкой: за долгіе годы царствованія императора Николая Павловича мы, дѣйствительно, начинали забывать, что̀ значитъ со страстью,

*) См. августъ, стр. 190.

волнуясь и спѣша, относиться къ житейскимъ вопросамъ. Въ дореформенномъ обществѣ кровь застывала; безстрастна была и власть въ гордо-спокойномъ сознаніи своей непогрѣшимости.

Въ шестидесятыхъ годахъ и власть, и общество, въ одинаковой степени, раскипятились при неотложной необходимости примѣняться къ новому, создавшемуся такъ неожиданно положенію. На первыхъ порахъ власть совершенно правильно разсудила, что она одна, безъ общественной поддержки, съ поставленной ей задачей не справится; общество, со своей стороны, также сразу поняло, что оно не можетъ уклониться отъ вмѣшательства въ ходъ событій, не рискуя потерять тѣ выгоды, которыя ему обѣщали наступавшія времена. Въ общихъ интересахъ общая работа казалась сначала возможной, но очень скоро эта возможность исчезла и обѣ стороны, становясь все раздраженнѣй и нервнѣе, изъ союзниковъ и сотрудниковъ превратились во враговъ, съ весьма высокимъ подъемомъ взаимнаго недовѣрія и озлобленія.

Эта нервная страстность охватила многіе общественные круги и группы, хотя и не простерла своей власти на огромное количество людей, непосредственно задѣтыхъ даруемыми реформами. Простой народъ былъ, въ общемъ, стихійно спокоенъ, хотя, мѣстами и минутами, стихійно раздраженъ; средніе слои общества нервной горячкой также охвачены не были, за исключеніемъ тѣхъ единичныхъ случаевъ, когда интеллигентъ-пропагандистъ вторгался въ ихъ жизнь, вырывалъ изъ сѣрой массы отдѣльныхъ лицъ и выталкивалъ ихъ на арену борьбы общественной или политической.

На подъемъ общественнаго настроенія, насыщеннаго страстью и нервностью, имѣли прямое вліяніе лишь люди круговъ правящихъ или вообще сильныхъ, и тѣ внѣсословныя группы, которыя принято называть словомъ: „интеллигенція“.

И отъ колебанія температуры именно въ этихъ интеллигентныхъ кругахъ преимущественно зависѣло направленіе, въ какомъ двигалась и общественная, и политическая жизнь страны. Происходило это потому, что всякая вспышка темперамента въ интеллигентномъ кругу немедленно отзывалась и на кругахъ правящихъ, и они, разсерженные или озадаченные, давали въ своихъ планахъ, программахъ, законоположеніяхъ и мѣропріятіяхъ гораздо большій просторъ своимъ страстямъ, чѣмъ хладнокровной логикѣ. Люди, призванные управлять обществомъ, на самомъ дѣлѣ находились подъ прямымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и настроенія, хотя и дѣлали видъ, что съ нимъ не считаются.

Такимъ образомъ, въ годы, которые требовали осторожной и спокойной законодательной и исполнительной работы,—работать приходилось не иначе, какъ подъ аффектомъ всевозможныхъ неспокойныхъ чувствъ, отъ нервныхъ вплоть до самыхъ страстныхъ.

XIII.

Словами „интеллигенція" и „интеллигентные круги" — словами, которыя неоднократно мѣняли свой смыслъ за послѣднее пятидесятилѣтіе—мы обозначимъ ту внѣсословную, относительно многочисленную группу лицъ, которыя, стоя у какого-нибудь общественнаго дѣла, или совсѣмъ не имѣя опредѣленной профессіи, могли своимъ умственнымъ или нравственнымъ обликомъ оказывать извѣстное вліяніе на круговращеніе идей, чувствъ и настроеній, среди котораго вырабатывался новый укладъ жизни личной, общественной и государственной. Для того, чтобы имѣть такое вліяніе на духовную атмосферу, какой начинала дышать страна, необходимо было обладать извѣстной культурностью, извѣстной „интеллигентностью". Степени этой „интеллигентности" могли быть весьма различны — отъ широкаго умственнаго горизонта до самаго узкаго партійнаго взгляда, — но во всякомъ случаѣ извѣстная наличность нематеріальной силы, силы убѣжденія, силы воздѣйствія нравственнаго, была необходима для того, чтобы удержать за собой роль активнаго участника въ развертывающемся историческомъ дѣйствіи. Къ шестидесятымъ годамъ число такихъ „интеллигентныхъ" лицъ возросло довольно значительно, но, конечно, въ сравненіи съ огромной неинтеллигентной массой оно было невелико.

Интеллигентные круги шестидесятыхъ годовъ, въ отношеніи взглядовъ и настроеній, представляли собой отнюдь не однородную общественно-политическую силу.

Если дѣлить эту среду на извѣстныя партіи и толки, то— какъ мы имѣли уже случай указать,—надо прежде всего выдѣлить изъ нея ту группу лицъ, которыя, ненавидя всякую новизну въ ея цѣломъ и въ частностяхъ, открыто признавали себя сторонниками старины и въ созданіи новаго не желали принимать никакого участія. Каково бы ни было ихъ косвенное вліяніе на ходъ вещей (а, въ общемъ, оно было незначительно), къ какимъ бы закулиснымъ интригамъ эти люди ни прибѣгали, они сами себя лишили силы тѣмъ, что не желали считаться съ совершившимся фактомъ. Исторія души этихъ неподвижныхъ консерваторовъ раз-

наго типа можетъ быть сама по себѣ весьма интересна, но ее безъ ущерба для ясности картины можно совсѣмъ обойти, какъ обошла сама жизнь всѣхъ „послѣдышей", не осуществивъ ни одного изъ ихъ желаній.

Если сбросить всѣхъ такихъ закоренѣлыхъ ретроградовъ со счета, то про всю интеллигенцію шестидесятыхъ годовъ можно сказать, что она отдавала себѣ совершенно ясный отчетъ въ необходимости перемѣны въ общественномъ и въ государственномъ строѣ. Но такая солидарность въ оцѣнкѣ основной потребности времени не исключала иной разъ полнаго противорѣчія во взглядахъ на самый способъ удовлетворенія этой потребности и на допустимые предѣлы новизны.

Люди, считавшіе разрывъ со стариной неизбѣжнымъ, рѣзко разошлись въ установленіи границъ, до какихъ можетъ доходить опека власти надъ призваннымъ къ новой жизни народомъ. Идеаломъ однихъ была личность, прошедшая строгую школу подчиненія и всегда готовая остаться въ ея стѣнахъ; идеаломъ другихъ — личность сразу признавшая себя самодержавной въ самыхъ трудныхъ вопросахъ жизни и духа, личность свободная отъ поклоненія какому бы то ни было авторитету, навязанному извнѣ традиціей или чужимъ выборомъ. Между этими двумя крайними взглядами и размѣстились всѣ тѣ многочисленные кружки и группы интеллигентныхъ людей, которые вдругъ почувствовали, что на нихъ легла совсѣмъ для нихъ новая отвѣтственность „гражданина".

Съ этимъ для русскаго человѣка необычнымъ „гражданскимъ" чувствомъ, зародыши котораго въ немъ такъ тщательно вытравлялъ старый дореформенный режимъ, необходимо считаться, если мы хотимъ быть справедливыми къ людямъ того времени. Иначе многое въ мысляхъ и поступкахъ какъ „охранителей", такъ и „либераловъ" и „разрушителей" придется поставить на счетъ той пресловутой „злонамѣренности", въ которой такъ часто они обвиняли другъ друга. Нѣтъ ничего легче, конечно, какъ истолковывать образъ мыслей и дѣйствій своего политическаго противника въ сторону извѣстнаго злого умысла, т.-е. такого умысла, который, не считаясь съ общимъ благомъ страны, преслѣдуетъ либо личныя, либо партійныя цѣли. Въ шестидесятыхъ годахъ, какъ и въ годы къ намъ болѣе близкіе, очень часто всевозможные „охранители" видѣли въ либеральныхъ и радикальныхъ элементахъ общества „злонамѣренныхъ" людей, которые, руководясь скороспѣлымъ партійнымъ убѣжденіемъ, а всего болѣе самомнѣніемъ и самолюбіемъ, посягали на счастіе и благополучіе

русскаго народа. Либералы и радикалы со своей стороны усматривали въ политикѣ своихъ противниковъ одно лишь рѣшительное желаніе удержать за собою власть во что бы то ни стало, готовность жертвовать интересами страны ради выгоды извѣстныхъ лицъ или сословныхъ группъ. Что въ обоихъ лагеряхъ были несомнѣнно люди, которыхъ можно было обвинить въ такомъ „зломъ" умыслѣ, и что среди охранителей, въ силу самаго соблазна власти, такихъ лицъ было больше—это вполнѣ естественно и понятно. Но, говоря о настроеніи той эпохи, никакъ нельзя забывать о томъ чувствѣ гражданской отвѣтственности, которое разгоралось, какъ въ людяхъ властью облеченныхъ и за власть стоящихъ, такъ и въ тѣхъ, которые этой власти были подчинены, съ ней спорили и враждовали. Это чувство гражданской отвѣтственности, какъ всякое новое сильное чувство — ревнивое и страстное,—могло и должно было толкать людей на крайности, такъ какъ сторонники всѣхъ программъ могли одинаково сознавать, что они призваны къ созиданію великаго гражданскаго дѣла, а не къ отбыванію повинности гражданскаго прозябанія, какъ это было раньше. Сознаніе такой отвѣтственности могло заставить людей либеральнаго лагеря колебаться и не договаривать, радикаловъ могло принудить спѣшить въ словахъ и въ поступкахъ, не признавать никакихъ компромиссовъ, обнаруживать поразительную смѣлость въ агрессивной политикѣ — смѣлость, равносильную самопожертвованію, въ виду количественной слабости ихъ силъ. Это же сознаніе могло заставить и охранителей—сначала удивленныхъ, затѣмъ напуганныхъ и озлобленныхъ,—усиливать мѣры опеки и воздѣйствія и всяческаго обузданія до предѣла, достигнувъ котораго опека обращалась въ раззореніе.

XIV.

Итакъ, невозможность удержать старый порядокъ вещей была видна всѣмъ, кромѣ политически слѣпорожденныхъ, и вопросъ заключался лишь въ томъ, съ какой формулой переходить къ очереднымъ вопросамъ дня и какую степень реформаторскаго рвенія признать за разумную и допустимую.

Интеллигентное общество въ опредѣленіи этой степени раздробилось на большое количество группъ. Едва ли возможно опредѣлить съ точностью, сколько такихъ группъ существовало. Нѣкоторыя жили долго, другія рождались быстро и быстро исчезали, иногда почти не оставляя за собой слѣда. Многія рождались въ

нѣдрахъ кружковой жизни, при обмѣнѣ интимныхъ мыслей, иногда лишь изъ желанія людей не быть похожими на другихъ, иногда изъ желанія какъ можно скорѣе запастись готовой программой, не свѣряя ее съ уже существующими. Въ особенности велико было такое дробленіе взглядовъ въ кругахъ молодежи лѣваго фланга, гдѣ душевнаго и идейнаго волненія было всего больше. Но такая же дифференціація шла и въ кругахъ болѣе умѣренныхъ, гдѣ люди стремились не столько торопить событія, сколько къ нимъ приспособляться.

Въ общемъ, однако, всѣ эти партійныя программы или наброски программъ представляютъ собою рядъ взглядовъ, которые могутъ быть очень удобно и послѣдовательно расположены въ стройномъ порядкѣ, если въ основаніе ихъ группировки положить приростъ или убыль вѣры въ спасительную силу личной свободной иниціативы и широкаго самоопредѣленія.

Если придерживаться такой группировки, то общія схемы отношенія людей шестидесятыхъ годовъ къ переживаемому ими моменту могутъ быть представлены въ слѣдующей послѣдовательности.

Во главѣ всѣхъ этихъ взглядовъ на потребности даннаго времени стоитъ, конечно, взглядъ правительственный, оффиціальный—какъ наиболѣе сильный по количеству своихъ адептовъ и по тѣмъ средствамъ пропаганды и обороны, какими онъ обладалъ. Онъ былъ неоднородный и нецѣльный взглядъ; онъ имѣлъ много оттѣнковъ, и лица, которыя его проводили въ жизнь, не были сплочены партійной дисциплиной или строго выработанной программой; они были объединены лишь своимъ положеніемъ людей, стоящихъ у власти или поддерживающихъ ее, людей, на которыхъ возложена оффиціальная миссія идти въ новомъ направленіи. Сколь различны по своей психикѣ могли были люди, которымъ выпало на долю вершить это новое дѣло добровольно или противъ ихъ воли—мы это знаемъ. Но въ общемъ итогѣ всѣхъ ихъ думъ и дѣяній получилось то оффиціальное отношеніе къ дѣлу, которое можетъ быть формулировано такъ: вводить новыя формы гражданскаго общежитія, не пріучая страну къ самостоятельной творческой работѣ въ ихъ примѣненіи къ жизни и не считаясь съ обществомъ какъ съ силой, имѣющей законное право на самоопредѣленіе. Этому оффиціальному взгляду суждена была наиболѣе долгая жизнь.

Сравнительно со сплоченной группой проводниковъ и защитниковъ такого, на строгой опекѣ основаннаго, мнимо поступательнаго движенія, всѣ остальныя группы, на которыя разбилось

интеллигентное общество, были количественно очень слабы, и отъ этой слабости ихъ не спасала ни сила теоретической мысли, которую онѣ часто обнаруживали, ни проявленная нѣкоторыми изъ нихъ необычайная сила темперамента.

Славянофильская группа, потерявшая къ началу шестидесятыхъ годовъ всѣхъ своихъ первозванныхъ апостоловъ—И. Кирѣевскаго, Хомякова и К. Аксакова—имѣла въ Иванѣ Аксаковѣ очень принципіальнаго, вполнѣ въ своихъ взглядахъ установившагося даровитаго проповѣдника. Но талантъ этого сильнаго публициста нашелъ себѣ лишь весьма скромное примѣненіе въ годы, которые, казалось, могли бы быть очень благопріятны для развитія славянофильской доктрины. Правда, правительство поторопилось заглушить голосъ Аксакова, но и самъ онъ чувствовалъ себя несомнѣнно одинокимъ и въ маломъ числѣ своихъ единомышленниковъ не могъ найти талантливой и сильной поддержки.

А между тѣмъ славянофилы шестидесятыхъ годовъ имѣли полное основаніе думать, что наступавшій историческій моментъ не только благопріятенъ для дальнѣйшаго развитія ихъ ученія, но что онъ несетъ съ собой и оправданіе тѣмъ вѣрованіямъ и чаяніямъ, которыя воодушевляли ихъ въ былые дни ихъ славы. Трудно было въ самомъ дѣлѣ не надѣяться, когда каждый почти годъ приносилъ съ собой реформы, которыя задолго до ихъ дарованія составляли предметъ самыхъ искреннихъ славянофильскихъ упованій. Богъ, царь и народъ вступали наконецъ, какъ казалось славянофиламъ, въ то взаимоотношеніе, которое обезпечиваетъ русскому племени выполненіе его миссіи—быть согласителемъ противорѣчій и диссонансовъ сначала русской, а затѣмъ и міровой культуры. Слова: „освобожденный народъ“, „мнѣніе земли“, звучали такъ заманчиво для славянофильскаго уха и обѣщали такъ много, что всякая тѣнь сомнѣнія могла на первыхъ порахъ показаться кощунствомъ. Если судить по смѣлому и откровенному тону славянофильской публицистики въ первые годы эпохи реформъ, то такого сомнѣнія у этихъ восторженныхъ идеалистовъ и не было. Ихъ иллюзіи разсѣялись, однако, очень быстро, и ближайшимъ поводомъ къ ихъ исчезновенію послужилъ все тотъ же вопросъ о границахъ довѣрія власти къ странѣ и объ участіи страны въ опредѣленіи ея собственной судьбы. Пока рѣчь шла о религіозныхъ началахъ жизни и о духовной сущности русскаго народа, славянофильская группа не встрѣчала возраженій со стороны власти, хотя и не увеличивала своихъ кадровъ этой религіозной и народнической идеологіей.

Когда же, въ добавленіе къ этой идеологіи, славянофилы стали говорить о свободѣ слова, печати, о свободѣ общественнаго мнѣнія, когда они пытались дать отвѣтъ на самый существенный запросъ современности и—хоть и туманно—начали разсуждать на тему о соглашеніи силы правящей съ силой управляемой, объ установленіи извѣстныхъ, хотя бы и не строго юридическихъ формъ совмѣстной работы власти и народа надъ общимъ дѣломъ—участіе ихъ въ этомъ общемъ дѣлѣ показалось правительству очень опаснымъ.

Политическое ученіе славянофиловъ шестидесятниковъ сводилось, какъ извѣстно, къ признанію за правительствомъ исключительнаго права на управленіе, а за народомъ права на нравственную свободу, свободу жизни и духа. Монархъ оставался неограниченнымъ и самодержавнымъ и только выслушивалъ свободное „мнѣніе" страны, которое его ни къ чему не обязывало. Онъ могъ собирать и земскій соборъ, который также имѣлъ бы при немъ значеніе простого совѣщательнаго собранія. Но даже такія безправныя собранія казались славянофиламъ не совсѣмъ своевременными, почему они и предлагали ихъ замѣнить свободно высказываемымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Сквозь всѣ эти туманности просвѣчиваетъ совершенно ясно основная тенденція, рѣзко расходящаяся съ тенденціей оффиціальной. Славянофилы требовали для народа не однѣхъ лишь реформъ, а извѣстнаго гражданскаго и политическаго воспитанія, которое обезпечивало бы за народомъ самобытность и независимость творческой духовной дѣятельности. Западныхъ новшествъ, и въ томъ числѣ конституціонной формы правленія, они для Россіи не желали, но въ ихъ ученіи зерно какой-то своеобразной конституціонной мысли несомнѣнно было, хотя принципъ самодержавія въ ихъ политическомъ сознаніи оставался неприкосновеннымъ. Во всякомъ случаѣ эта оригинальная политическая мысль, которая не имѣла, кажется, примѣра въ исторіи, признавала за народомъ право на самоопредѣленіе и къ опекѣ, проводимой систематически и прямолинейно, относилась отрицательно.

При весьма малой возможности осуществленія славянофильская мысль правительству всетаки показалась достаточно опасной и потому была насильственно остановлена въ своемъ развитіи. Но славянофилы остались вѣрны власти и, воюя съ чиновникомъ и съ людьми, становящимися между царемъ и народомъ, въ разгоравшихся спорахъ соблюдали своего рода неустойчивый нейтралитетъ. Положеніе ихъ было, дѣйствительно, очень трудное: симпатіи ихъ были несомнѣнно на сторонѣ общества, которое всту-

палось тогда за свои права на свободное развитіе— а искренняя преданность верховной власти обязывала ихъ терпѣливо сносить все то, что сама эта власть допускала. Отчасти по своей малочисленности, а также благодаря своему исключительно трудному положенію, славянофильская группа въ общественномъ движеніи шестидесятыхъ годовъ заняла мѣсто очень скромное. Ученіе, которое она проповѣдывала, имѣло свою узкую сферу вліянія, иногда тревожило мысль своихъ противниковъ; но въ темпераментѣ и въ настроеніи того времени глубина этого ученія и его самобытность особой тревоги не возбуждали. Того шума, который былъ такъ слышенъ вокругъ славянофильскихъ каѳедръ въ сороковыхъ годахъ, теперь, въ шестидесятыхъ, уже не было. Оффиціальнымъ кругамъ славянофилы были подозрительны, для группъ либеральныхъ и радикальныхъ они были слишкомъ большіе мечтатели и неповоротливые доктринеры.

Еще болѣе скромная роль выпала на долю той родственной славянофиламъ группы, которая извѣстна въ исторіи нашей общественной мысли подъ именемъ „почвенниковъ". При бѣгломъ обзорѣ общественной жизни тѣхъ годовъ можно было бы и совсѣмъ умолчать объ этой очень немногочисленной группѣ. Но она освящена именемъ Достоевскаго, и хотя Достоевскій въ шестидесятыхъ годахъ и не пользовался тѣмъ вліяніемъ, какимъ сталъ пользоваться позже, — всетаки его имя, какъ главнаго сотрудника и публициста видныхъ журналовъ, заставляетъ отвести и этой группѣ интеллигентныхъ лицъ свое мѣсто въ ряду общественныхъ силъ того времени. Доктрина этой партіи была въ ея отдѣльныхъ частяхъ разработана весьма неравномѣрно. Въ вопросахъ эстетическихъ и литературныхъ, благодаря таланту Ап. Григорьева, почвенники успѣли сказать много оригинальнаго, хотя и не вполнѣ яснаго. Въ вопросахъ религіи и морали они имѣли такого геніальнаго искателя правды, какъ Достоевскій, которому уже въ шестидесятыхъ годахъ открылись мистико-теософскія и народническія начала его ученія. Въ вопросахъ общественно-политическихъ почвенники либо соблюдали большую осторожность, либо, дѣйствительно, не имѣли что̀ сказать положительнаго. Ихъ ученіе о почвѣ осталось неразработаннымъ въ той его части, которая должна была говорить о правахъ этой почвы, и ея поклонники предпочитали говорить объ ея добродѣтеляхъ и преимуществахъ передъ другими иноземными почвами, смѣшеніе которыхъ съ нашей могло бы быть намъ только вредно. Но этотъ сентиментальный и романтическій взглядъ на почву, такъ оберегающій ея самобытность и такъ подчерки-

вающій ея нравственныя и умственныя достоинства, требовалъ, хоть и молчаливо, для простого народа—т.-е. именно для прославляемой почвы, гораздо бо̀льшаго простора въ развитіи силъ и бо̀льшаго ухода, чѣмъ тотъ, который былъ народу предоставленъ. Не могли эти богобоязненные народники не видѣть, что при режимѣ, который устанавливался — почвѣ грозитъ засуха. Эта опасность была имъ ясна, но они, какъ и славянофилы, принадлежали къ числу выжидающихъ и вѣрующихъ и кромѣ того заранѣе какъ-то условились считать народную душу и умъ такой святыней, которая какъ будто и не нуждалась въ воспитаніи и руководствѣ интеллигента. Чтобы не быть изловленными въ противорѣчіи, на случай еслибы они пожелали взять на себя такое руководительство, почвенники предпочитали ждать и наблюдать. Они разрѣшали себѣ полемику лишь съ тѣми людьми, которые—какъ имъ казалось—къ цѣлинѣ народной почвы относились съ преступной гордыней. Въ своихъ журналахъ они открывали публицистическій огонь противъ либераловъ и радикаловъ, прикрывая его всего чаще эстетическими и литературными спорами. Сравнительно съ славянофилами эта группа поклонниковъ почвы была пожалуй болѣе консервативна въ томъ смыслѣ, что съ существующимъ порядкомъ она умѣла лучше ладить. Крѣпкая своей вѣрой въ народныя силы, она думала переждать трудный моментъ, почему и проходила мимо самыхъ острыхъ вопросовъ. Кромѣ того, члены этой группы, какъ и славянофилы, были люди съ несомнѣннымъ тяготѣніемъ къ религіозной мысли, которая на рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, не исключая самыхъ тревожныхъ, очень часто налагаетъ свой увѣренно-мирный отпечатокъ. Обѣ эти группы не причиняли власти почти никакой тревоги: въ ихъ лояльности она была увѣрена и она знала, что всякая мѣра, направленная противъ нихъ, не толкнетъ ихъ влѣво, а заставитъ стоять на одномъ мѣстѣ.

Иначе обстояло дѣло съ тѣми общественными группами, которыя либо прямо вмѣшивались въ политику дня, либо пытались разсуждать о ней съ откровенной смѣлостью.

Среди нихъ нужно прежде всего отмѣтить ту группу землевладѣльцевъ, которая съ самаго начала новаго царствованія стала требовать расширенія своихъ политическихъ правъ въ духѣ несомнѣнно конституціонномъ. Нѣкоторые изъ этихъ дворянъ смотрѣли на такое расширеніе какъ на справедливое вознагражденіе за убытки, которые имъ наносила крестьянская реформа, и ихъ конституціонная мысль была, поэтому, насквозь пропитана сословнымъ духомъ; другіе, отрекаясь отъ такого

узко-сословнаго взгляда на создавшееся положеніе, требовали просто „увѣнчанія зданія“ во имя логики, съ полнымъ сознаніемъ, что безъ этого вѣнца реформы не въ силахъ будутъ дать того, что онѣ обѣщаютъ. Были, наконецъ, и такіе дворяне, которые, увлекаемые либеральнымъ теченіемъ, хотѣли опередить власть и сами поскорѣй произнести то слово, которое осталось недоговореннымъ. Всѣ эти дворяне, поборники идеи широкаго самоуправленія, составляли то зерно, изъ котораго позднѣе стали развиваться наши либеральныя земства. Эта группа лицъ, идущихъ въ своемъ либерализмѣ дальше правительства, выражала свои взгляды въ рѣчахъ на собраніяхъ, въ протоколахъ этихъ собраній, въ резолюціяхъ, наконецъ въ петиціяхъ на Высочайшее имя, т.-е. въ актахъ, съ которыми власти необходимо было считаться. Власть, какъ извѣстно, и сочлась съ проявленіемъ этой общественной инициативы и подавила ее въ самомъ началѣ довольно рѣшительными мѣрами, къ которымъ она продолжала прибѣгать и послѣ, всякій разъ, когда земскія группы рѣшались перейти за тѣсный предѣлъ, положенный ихъ дѣятельности... Энергичное подавленіе этой уже чисто политической мысли, молчавшей съ 1825-го года, лишило ее конечно всякой возможности непосредственнаго вліянія на жизнь, но за ней осталось историческое значеніе перваго протеста противъ укореняющейся системы правительственной опеки, протеста, исходящаго не изъ круга отдѣльныхъ лицъ, а изъ сплоченной сословной среды.

Совсѣмъ особую группу составляли такъ называемые „либералы“ того времени. Подъ знаменемъ „либерализма“ были объединены люди очень различные по темпераменту и по оттѣнкамъ ихъ общественной и политической мысли. Всѣ они, правда, имѣли право именоваться „людьми сороковыхъ годовъ“, такъ какъ міросозерцаніе и старшихъ изъ нихъ, и болѣе молодыхъ, сложилось и окрѣпло при старомъ режимѣ, либо въ годы торжества философскаго и общественнаго идеализма либеральной окраски, либо тогда, когда этотъ идеализмъ держался еще силою традиціи. Составъ этой группы либераловъ былъ крайне неоднороденъ и входили въ нее люди самыхъ разныхъ профессій. Въ либеральномъ направленіи мыслили или либерально настроены были многіе дворяне-помѣщики, прошедшіе сквозь университетскую школу въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, пополнявшіе свое образованіе за границей и затѣмъ тянувшіе покорно скучную житейскую лямку на родинѣ, недовольные ея порядками; на либеральномъ посту стояли многіе профессора различныхъ спеціально-

стей, преимущественно историки и юристы—проповѣдники гуманизма на идеалистической философской подкладкѣ, люди ученые, изъ которыхъ старшіе годами держались въ болѣе общихъ сферахъ теоретической мысли, а младшіе приступали къ научной разработкѣ исторіи русскаго права и исторіи русской жизни въ ея далекомъ или болѣе близкомъ прошломъ. Много либераловъ, въ этомъ общемъ смыслѣ слова, было и въ писательской средѣ того времени—въ средѣ беллетристовъ и критиковъ разной художественной силы и прозорливости. Почти всѣ эти литераторы были люди уже немолодые, но съ молодости присмотрѣвшіеся ко всѣмъ неправдамъ старой жизни и потому не щадившіе ея въ своихъ произведеніяхъ. Они могутъ быть названы либералами въ томъ смыслѣ, что дореформенная жизнь была мишенью ихъ обличенія и предлогомъ ихъ вздоховъ о лучшемъ; но если мы вспомнимъ, что въ рядахъ этихъ писателей стояли столь разные люди какъ напр. Тургеневъ, Гончаровъ, Щедринъ, Некрасовъ, Островскій, Писемскій, то мы ясно увидимъ, что слово „либералъ“ могло покрывать собою людей весьма другъ на друга непохожихъ. Но каковы бы ни были разногласія этихъ людей—каждый изъ нихъ по-своему доказывалъ, что старый порядокъ былъ полонъ всяческихъ нравственныхъ уродствъ и что оздоровленіе умственное и нравственное возможно лишь при перемѣнѣ общественнаго и государственнаго уклада жизни. Въ либеральную группу входили и публицисты—представители того рода литературной дѣятельности, которая почти совсѣмъ не существовала въ царствованіе Николая Павловича и должна была такъ быстро и талантливо развернуться въ шестидесятыхъ годахъ. Каждый изъ большихъ органовъ тѣхъ годовъ имѣлъ свою публицистику, которая сначала была распредѣлена между журнальными отдѣлами менѣе опаснаго содержанія, а затѣмъ печаталась отдѣльно подъ разными заглавіями. Впрочемъ публицистика обще-либеральнаго тона, въ отличіе отъ зарождавшейся тогда молодой публицистики радикальнаго лагеря, была очень безцвѣтна, такъ какъ вести ее должны были люди старой литературной школы, которымъ публицистическій темпераментъ былъ несвойственъ, а всѣ пріемы публицистической борьбы чужды. Исключеніе составлялъ лишь одинъ Катковъ; онъ въ первые годы своей публицистической дѣятельности держался въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ того корректнаго либеральнаго тона, который стяжалъ ему славу англичанина-либерала среди русскихъ. Но этотъ единственный талантливый публицистъ (если не считать ученыхъ, которые—какъ напр. Кавелинъ и Чичеринъ—выступали иногда

съ публицистическими статьями) очень скоро, въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, перешелъ изъ либеральнаго лагеря въ группу ярыхъ защитниковъ и проводниковъ оффиціальной системы правительственной опеки.

Подсчитывая силы этой либеральной группы, столь неоднородной по составу, не объединенной никакой общей программой, группы, въ которой всѣ ея члены дѣйствовали порознь, въ однихъ вопросахъ сходились, въ другихъ рѣзко расходились—надо признать, что силы эти были весьма незначительны. Если припомнить къ тому же, что отдѣльные и весьма вліятельные члены этой группы очень скоро начали перебраниваться и ссориться, и что вся эта группа въ ея цѣломъ стала предметомъ и насмѣшекъ, и нападокъ все усиливавшейся партіи радикаловъ, обвинявшихъ этихъ „отцовъ" чуть ли не въ измѣнѣ святому дѣлу возрожденія Россіи, то общественная позиція, занятая „либералами", должна была въ глазахъ власти казаться мало заслуживающей вниманія. И власть, какъ извѣстно, съ этой группой мало церемонилась, ограждая себя отъ нея обычными пріемами административнаго воздѣйствія. Самыя рѣшительныя и смѣлыя слова, которыя имѣли сказать либералы, должны были остаться въ рукописяхъ и распространялись въ рукописныхъ копіяхъ.

Была однако и еще одна, правда—малочисленная, группа либераловъ, которая въ силу своего особаго положенія могла, какъ будто, имѣть весьма рѣшающее вліяніе на ходъ событій. Это были либералы у власти на весьма высокомъ или вообще высокомъ посту. Но трагизмъ ихъ положенія намъ извѣстенъ. Сдѣлали они что могли, и много добраго, но у власти продержались недолго и остановить или урѣзать все возраставшую тенденцію правительственной опеки они были не въ силахъ.

Къ старшему поколѣнію либераловъ принадлежали и тѣ два человѣка, имена которыхъ сами по себѣ были равносильны цѣлымъ двумъ партіямъ. Ни съ кѣмъ изъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ власти не пришлось такъ считаться, какъ съ Герценомъ и съ Бакунинымъ, не смотря на то, что настоящей герценовской или бакунинской партіи въ шестидесятыхъ годахъ не имѣлось. Эмигранты, которые около нихъ толпились, сначала въ очень маломъ числѣ, а затѣмъ въ количествѣ довольно внушительномъ, для Россіи собственно не существовали, такъ какъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ перехода черезъ русскую границу, они свой трудъ и энергію отдавали международному дѣлу, съ которымъ у Россіи пока было очень мало общаго; и притомъ такому дѣлу, въ которомъ союзниками русскаго пра-

вительства являлись правительства почти всѣхъ странъ Европы. Особаго кредита эти русскіе эмигранты не имѣли и за границей, а тѣмъ болѣе въ Россіи, уже въ силу того, что среди нихъ людей даровитыхъ почти не было—если не считать, конечно, тѣхъ двухъ вождей, за которыми они шли, но съ которыми очень часто ссорились. Эти вожди имѣли несравненно бо́льшее вліяніе, чѣмъ вся окружавшая ихъ толпа, и вліяніе ихъ, сильное на Западѣ, было еще сильнѣе въ Россіи. Радикальная молодежь поддерживала съ Герценомъ и Бакунинымъ постоянныя сношенія, либералы разныхъ оттѣнковъ ѣздили къ нимъ для переговоровъ; наконецъ среди лицъ, принадлежащихъ къ администраціи, даже весьма высокой, было немало корреспондентовъ и поставщиковъ матеріала для ихъ лондонскихъ изданій. Но вліяніе или, вѣрнѣе, то сильное впечатлѣніе, какое Герценъ и Бакунинъ производили на умъ и преимущественно фантазію ихъ соотечественниковъ, было скоропреходяще, такъ какъ ни тотъ, ни другой не имѣли такой общественно-политической программы, которая подходила бы къ новымъ условіямъ русской жизни. А имъ, живущимъ вдали Россіи и потому осужденнымъ дѣйствовать издалека, была болѣе чѣмъ кому-либо нужна ясная и жизнеупорная программа, которая своей отчетливостью и удобствомъ примѣненія сама могла бы вербовать сторонниковъ.

Программа Бакунина была къ русской жизни совершенно непримѣнима. Быстро сойдя съ либеральной позиціи Бакунинъ въ своемъ революціонномъ міросозерцаніи дошелъ до крайнихъ граней анархизма, и потому могъ найти, и то съ трудомъ, подходящую аудиторію только на Западѣ, среди членовъ международнаго соціалистическаго товарищества и притомъ такихъ, которые еще не отдѣлались отъ юношескаго романтизма и довѣрчиво смотрѣли въ глаза самымъ крайнимъ утопіямъ. Эти утопіи могли, конечно, имѣть своихъ сторонниковъ и въ Россіи. Онѣ и имѣли ихъ—правда, въ очень ограниченномъ числѣ. Въ виду невозможности проводить словомъ или дѣломъ программу Бакунина въ Россіи, всѣмъ сторонникамъ этого пророка, если ужъ они хотѣли идти по его стопамъ, оставалось покинуть Россію и ѣхать ему на помощь. Вліяніе Бакунина въ Россіи опредѣляется не тѣмъ ученіемъ, которое онъ проводилъ въ весьма небольшихъ по объему и по количеству статьяхъ и воззваніяхъ, а самой личностью этого геніальнаго агитатора. Кто помнилъ исторію его приключеній на Западѣ въ сороковыхъ годахъ, когда онъ, русскій артиллеристъ, руководилъ народнымъ возстаніемъ въ Прагѣ и Дрезденѣ, кто зналъ, сколько лѣтъ онъ протомился въ австрійскихъ тюрьмахъ и въ Шлиссельбургѣ, какъ

затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь и бѣжалъ оттуда, обнаруживая во всѣхъ этихъ героическихъ и негероическихъ подвигахъ удивительную силу воли и энергію прирожденнаго революціонера—тотъ не могъ не остановиться въ удивленіи передъ этой исключительной для Россіи личностью. Для русскихъ радикаловъ личность Бакунина была полна возбуждающей поэзіи; она увлекала ихъ не столько тѣми цѣлями, которыя ставилъ себѣ самъ агитаторъ, сколько тѣми радикальными средствами, какія онъ рекомендовалъ для достиженія этой цѣли. Вѣдь очень часто молодой радикализмъ лишь вскользь думаетъ о конечныхъ цѣляхъ и довольствуется восторгомъ передъ средствами, которыя утоляютъ въ немъ жажду рѣшительныхъ дѣйствій и ласкаютъ его самомнѣніе. Для нѣкоторыхъ радикаловъ въ Россіи, лицъ съ кипучимъ темпераментомъ, Бакунинъ былъ такой иконой, на которую они молились, привѣтствуя въ немъ пророка крайнихъ средствъ.

Такія крайнія средства по душѣ Герцену не были, и этимъ прежде всего объясняется то широкое вліяніе, какое въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ имѣлъ во многихъ общественныхъ группахъ, начиная съ административныхъ. Къ Герцену неслись сердца всѣхъ либерально настроенныхъ людей, за исключеніемъ славянофиловъ и радикаловъ. Первые не могли ему простить отрицанія самодержавія и православія, и его соціалистическое народничество ихъ не подкупало; радикалы же не могли помириться съ его страхомъ передъ крайними мѣрами, съ его склонностью останавливаться въ раздумьи надъ вопросомъ, который требовалъ скорѣйшаго рѣшенія, съ его несомнѣннымъ скептицизмомъ, который пробивался даже сквозь восторженный паѳосъ его рѣчи, наконецъ, съ его ироніей, которую онъ, какъ имъ казалось, принималъ слишкомъ часто въ серьёзъ за настоящее дѣло. Отъ человѣка сороковыхъ годовъ и пожилого молодые радикалы требовали молодости и приспособленія къ совершенно ему чуждому кругу чувствъ и понятій. Скоро они разссорились, да и вообще вліяніе Герцена пошло скоро на убыль. Онъ становился нервенъ и неровенъ, и друзьямъ удавалось иногда вырвать у него такія рѣчи, которыя, не сближая его съ радикалами, отталкивали отъ него всѣхъ умѣренныхъ. Съ момента его заступничества за поляковъ онъ остался совсѣмъ одинокимъ. Но съ середины пятидесятыхъ годовъ вплоть до 1863-го года Герценъ былъ самой видной и крупной оппозиціонной силой. Нужно замѣтить, однако, что сила эта заключалась вся цѣликомъ въ отрицаніи прошлаго и настоящаго, и была лишена творческой способности. Герценъ былъ рожденъ публицистомъ-обличителемъ; перво-

классный литературный талантъ дѣлалъ его страшнымъ для всѣхъ, чья совѣсть была неспокойна. „Колоколъ“, „Полярная Звѣзда“, „Голоса изъ Россіи“ — все это были обличительныя рѣчи въ судебномъ трибуналѣ, который захватилъ власть въ свои руки и держалъ ее крѣпко, потому что былъ правдивъ и не упускалъ случая подхватить любую неправду, гдѣ бы онъ ее ни встрѣтилъ. При тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ въ Россіи такой независимый трибуналъ за ея предѣлами могъ имѣть большую силу; такъ какъ передъ нимъ могли сводить свои счеты съ властью всѣ ей подчиненные, а иногда инкогнито и сами правители, подсиживавшіе другъ друга. Какъ орудіе разрушенія старины и какъ бдительные и суровые судьи современности — листы и сборники Герцена соперниковъ въ Россіи не имѣли. Не забудемъ также, что одно время эти нелегальныя страницы обращались въ Россіи такъ свободно, какъ будто онѣ были легальныя.

Но что̀ могъ дать Герценъ людямъ, которые, насытившись отрицаніемъ, спрашивали—куда и какъ двигаться по новой дорогѣ? Въ листкахъ Герцена было много весьма дѣльныхъ и остроумныхъ разсужденій объ экономическихъ, историческихъ, политическихъ вопросахъ, объ этикѣ личной и этикѣ гражданской, очень много любопытнаго матеріала по исторіи соціальныхъ и политическихъ движеній въ Европѣ; все, что̀ говорилъ этотъ остроумный и глубокій умъ, все было къ мѣсту и все имѣло цѣну. Но для людей, которые, раскритиковавъ все, начинали думать о строительствѣ, въ особенности для людей молодыхъ, съ темпераментомъ, всесокрушающая иронія этихъ разсужденій не давала того, чего они хотѣли. Отъ человѣка, стоявшаго на такомъ посту какъ Герценъ, хотѣлось услышать, какъ говорится, програмную рѣчь, указывающую направленіе, котораго надлежитъ держаться въ установленіи новыхъ общественныхъ отношеній и политическихъ формъ народной жизни. Едва ли Герценъ могъ произнести такую рѣчь. Онъ, какъ большинство либераловъ сороковыхъ годовъ, принадлежалъ къ числу искателей и согласителей, а не къ числу тѣхъ людей, которые окапываются на опредѣленной политической позиціи. Трудно сказать—какую форму правленія, а потому и какое гражданское воспитаніе считалъ Герценъ для Россіи самыми удобными и по времени желательными и достижимыми. На его мысли оставили свой слѣдъ самыя разнообразныя политическія доктрины. Англійскій парламентаризмъ, республиканскій укладъ Франціи 1848-го года, соціализмъ, начиная отъ утопическаго, кончая научнымъ, швейцарское народовластіе, особая

форма соціализма народническаго съ примѣсью славянофильства, ученія анархическія, теоріи эволюціонныя и революціонныя— всѣ эти формулы политической жизни, существовавшія и грядущія, давали Герцену неоднократно поводъ къ блестящимъ рѣчамъ, въ которыхъ можно было вычитать его симпатіи къ самымъ разнообразнымъ формамъ правленія, непохожимъ на русскую.

Если политическая программа Герцена была неясна и опредѣлялась главнымъ образомъ его отрицательнымъ отношеніемъ къ русскому прошлому и настоящему, то въ той же мѣрѣ неопредѣленны были и его взгляды на программу новаго гражданскаго воспитанія для подростающихъ поколѣній. А между тѣмъ, необходимость такой программы очень чувствовалась среди всѣхъ людей, которые начинали терять благодушную вѣру въ либеральное попеченіе правительства. Сила радикаловъ въ томъ и заключалась, что они имѣли такую программу, которая при всѣхъ своихъ недостаткахъ, грубыхъ ошибкахъ и даже смѣшныхъ сторонахъ отвѣчала ясно на вопросъ: „что дѣлать?“.

Герценъ, не забывшій годы юношескаго религіознаго экстаза, сохранившій благодарную память объ отвлеченномъ философскомъ идеализмѣ, аристократъ по натурѣ и въ сущности большой скептикъ, не могъ идти вровень съ людьми, которые не хотѣли помнить даже вчерашняго дня. Какъ общественная сила, Герценъ долженъ былъ быстро идти на убыль, и этотъ быстрый закатъ доказываетъ яснѣе всего, какъ при всей силѣ постановки вопросовъ слабы были въ его ученіи самые отвѣты.

XV.

Бѣглый обзоръ различныхъ группъ, на которыя дѣлилось интеллигентное общество шестидесятыхъ годовъ, можетъ показать намъ наглядно, какъ легко было правительству сводить свои счеты съ каждой изъ этихъ группъ и насколько всѣ онѣ были безсильны дать какой-нибудь серьезный отпоръ возобладавшимъ наверху стремленіямъ.

Группа славянофиловъ и сходно съ ними мыслящихъ людей— способная лишь на пассивное сопротивленіе и на скорбное молчаніе, при невозмутимомъ вѣрноподданническомъ чувствѣ; кружки дворянъ-конституціоналистовъ—ничтожные количествомъ, которые могли только говорить и подавать петиціи; разрозненные члены разношерстной либеральной семьи, въ которой люди, родственные по духу, часто другъ друга не понимали и между собой

ссорились; единичныя лица на каѳедрѣ, за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ или въ редакціи журнала, опять-таки во многомъ между собой несогласныя; два человѣка за границей, изъ которыхъ одинъ на подозрѣніи у всѣхъ правительствъ, а другой на быстромъ исходѣ въ своемъ вліяніи—насколько могли всѣ эти лица, кружки и группы тревожить власть, физически столь сильную, какою она была при почти однородной по тенденціямъ администраціи, при послушномъ войскѣ и при полной инертности простого народа, всѣхъ среднихъ классовъ и огромнаго большинства сѣрой полуинтеллигенціи? Власть рѣшила твердо проводить свою систему строжайшей опеки и знала, что, проводя ее, она попутно, безъ всякаго труда, приведетъ къ молчанію всѣ эти разнородные голоса, которые каждый по-своему возражали противъ ея системы.

Доктринеры разныхъ толковъ, либеральные помѣщики, профессора, писатели-беллетристы, поэты, публицисты и кучка эмигрантовъ—таковъ былъ составъ той оппозиціонной партіи, которая на словахъ требовала сокращенія правительственной опеки, но никакимъ „дѣломъ“ не могла подтвердить своего требованія. Впрочемъ, въ чемъ же могло состоять такое „дѣло“?

Можно было, оставаясь на своемъ скромномъ посту, работать въ тиши и проводить свои гуманные взгляды, гдѣ только къ тому представлялся случай. Эту работу либералы исполняли очень добросовѣстно, но она прямого воздѣйствія на ходъ событій имѣть не могла. Подъ словомъ „дѣло“ можно было разумѣть также прямыя попытки къ измѣненію существующаго строя—попытки революціонной пропаганды и революціоннаго дѣйствія. Такія попытки были; въ нихъ принимали участіе эмигранты и дѣйствовавшая въ Россіи радикальная партія, но судьбу этихъ попытокъ можно было предсказать заранѣе: онѣ никакихъ видовъ на успѣхъ не имѣли и должны были только повысить въ противникѣ воинственныя чувства и понизить миролюбивыя. Наконецъ, былъ еще одинъ родъ „дѣла“, обѣщавшій, повидимому, гораздо болѣе прочный успѣхъ. Нужно было образовать и воспитать „новаго“ человѣка, иначе думающаго и иначе чувствующаго, чѣмъ думали и чувствовали до тѣхъ поръ; надо было закалить его въ борьбѣ съ тѣми устоями старой жизни, съ которыми онъ былъ въ силахъ бороться, какъ напр. съ семейными началами, со школьными порядками, съ пріемами литературной и публицистической борьбы; надо было поскорѣй сдѣлать этого новаго человѣка независимымъ въ мысляхъ, чувствахъ и поведеніи, создать его рѣшительнымъ, смѣлымъ и гордымъ. Создавъ такого

новаго бойца и вооруживъ его самымъ современнымъ знаніемъ, надо было позаботиться о томъ, чтобы путемъ смѣлой пропаганды умножить какъ можно скорѣй число такихъ людей и затѣмъ ждать, пока они, окрѣпнувъ, не начнутъ перестраивать жизнь личную, семейную, общественную и государственную на началахъ, которыя они признаютъ справедливыми и разумными.

За это дѣло взялась въ шестидесятыхъ годахъ та группа лицъ, которую обыкновенно обозначаютъ именемъ „шестидесятниковъ" и которую можно назвать группой „радикальной", разумѣя подъ этимъ условнымъ именемъ всѣхъ тѣхъ, кто доводилъ свои оппозиціонныя убѣжденія и чувства до открытаго разрыва съ существующимъ порядкомъ, считалъ всякій компромиссъ со стариной и съ настоящимъ слабодушной уступкою и думалъ, что для обновленія жизни необходимо полное пересозданіе личности. Радикальная группа ставила такое пересозданіе личности главной цѣлью своей работы, позволяя себѣ, впрочемъ, прибѣгать иногда и къ чисто революціоннымъ выступленіямъ.

Для правительства эта группа была врагомъ наиболѣе опаснымъ. Съ нѣкоторыми частями либеральнаго лагеря власть могла кое-какъ установить извѣстный modus vivendi;—случалось даже, что нѣкоторые изъ либераловъ переходили на ея сторону,—но съ группой радикальной такая политика была невозможна. Эта группа удалялась все болѣе и болѣе влѣво и, оставляя на пути отстававшихъ, стала къ концу шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ семидесятыхъ выдѣлять изъ своей среды настоящія боевыя революціонныя организаціи. Правительственная репрессія оказалась безсильной и только умножала кадры революціонеровъ, хотя власть всегда была побѣдоносна и разгромы радикальныхъ организацій были явленіемъ обычнымъ.

XVI.

Составъ радикальной группы былъ также неоднороденъ; она вербовала своихъ членовъ почти исключительно среди людей молодыхъ, которымъ къ началу новаго царствованія было около двадцати лѣтъ, немногимъ меньше или больше. Когда, къ концу шестидесятыхъ годовъ, молодость этихъ людей прошла, успѣло подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ подрости новое поколѣніе, которое вмѣстѣ съ ними продолжало служить тому же дѣлу. Будущій историкъ разскажетъ намъ, какъ умы и характеры этихъ „шестидесятниковъ" перваго и второго призыва подготовлялись

въ тотъ сѣрый и глухой періодъ русской жизни (1848—1855), когда они сидѣли еще на школьной скамьѣ. Въ 1855-мъ и въ ближайшихъ затѣмъ годахъ мы застаемъ этихъ первыхъ „радикаловъ" частью въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, частью молодыми людьми разныхъ професссій или просто на свободѣ. Слѣдя за первыми ихъ выступленіями, за ихъ образомъ мыслей и за развитіемъ ихъ темперамента, приходится удивляться — откуда у нихъ взялись всѣ такъ рѣзко обнаруженныя ими склонности къ свободному мышленію, къ независимымъ чувствамъ, откуда взялась въ нихъ сила воли, энергія, этотъ задоръ, какимъ съ самаго начала были пропитаны ихъ рѣчи и поступки? Вспоминая, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ образовывались ихъ умъ и характеръ, нельзя не подивиться необычности самаго ихъ появленія. Съ первыхъ же шаговъ они обратили на себя вниманіе и общества, и власти, и за всѣ шестидесятые годы оставались силой, съ которой всѣмъ другимъ общественнымъ силамъ приходилось считаться. Наука, литература, публицистика сводили съ ними счеты, такъ какъ очень скоро они въ своей средѣ стали числить и ученыхъ, и литераторовъ, и публицистовъ; со своей пропагандой новыхъ идей они проникали въ самые различные интеллигентные круги и въ самые разнообразные слои и классы общества, начиная съ простого народа и кончая аристократическими домами. Либералы всѣхъ оттѣнковъ должны были нѐхотя вступать съ ними въ споръ, потому что они сами не упускали случая подразнить либераловъ и нарушить покой ихъ уравновѣшенной психики; эмигранты старались завязать съ ними болѣе или менѣе тѣсныя связи и, наконецъ, полиція и администрація вообще должна была непрестанно о нихъ думать, потому что они о ней думали мало.

Само собою разумѣется, что образъ мыслей и дѣятельность этихъ радикаловъ встрѣчали оцѣнку весьма разную, въ большинствѣ случаевъ для нихъ неодобрительную. Въ настоящее время ихъ жизнь стала достояніемъ исторіи; почти всѣ они, за исключеніемъ очень немногихъ стариковъ, сошли въ могилу, да и сама русская жизнь вступила теперь на новую дорогу и можетъ спокойно оглянуться на прошлое. Время свое сдѣлало: въ одномъ этихъ радикаловъ оправдало, въ другомъ осудило, и задача историка сводится теперь къ тому, чтобы безстрастно опредѣлить ту долю участія, которую они имѣли въ общемъ ходѣ нашей жизни. Писать съ нихъ иконы нѣтъ никакой надобности; но великой несправедливостью была бы и каррикатура. До послѣдняго времени, въ трудныя минуты, хотѣлось иногда идеализировать ихъ

образы, чтобы какъ-нибудь поддержать общественную бодрость; но въ настоящее время въ этомъ нѣтъ необходимости, такъ какъ между нами и ими легли событія, которыя такую идеализацію дѣлаютъ излишней. Мы можемъ говорить теперь объ этихъ людяхъ безъ всякой задней мысли.

Многимъ изъ нихъ можно многое поставить въ вину, нисколько впрочемъ не умаляя ихъ культурной роли. Можно сказать, напр., что эти люди нерѣдко позволяли себѣ рѣшать безповоротно вопросы, въ которыхъ были очень мало освѣдомлены, что цѣлыя области знанія они отвергали, почти не имѣя о нихъ понятія, что они торопились въ своихъ сужденіяхъ, жили налету схваченными чужими мыслями, щеголяли голымъ отрицаніемъ тамъ, гдѣ требовалось углубленіе въ предметъ и раздумье, были преисполнены самомнѣнія, самообожанія и относились очень нетерпимо къ чужимъ взглядамъ. Нѣкоторыхъ можно упрекнуть въ томъ, что въ поискахъ новой морали, личной, семейной и общественной, они причинили людямъ много страданій, взваливая на плечи ближнихъ непосильную тягость, разбивая иногда всю ихъ жизнь, жизнь восторженныхъ, довѣрчивыхъ, слабыхъ людей, всего чаще—женщинъ.

Наконецъ, этимъ первымъ радикаламъ можно поставить въ упрекъ ту страшную самоувѣренную смѣлость, съ какой они взяли на свою отвѣтственность первые революціонные акты, которые такъ озлобили и напугали правительство, ничего не давъ для оздоровленія и возрожденія Россіи.

Всѣ эти обвиненія были предъявлены радикаламъ-шестидесятникамъ въ первые же годы ихъ выступленія и затѣмъ неоднократно повторялись всякій разъ, когда заходила рѣчь о нашей „смутѣ“ и о разныхъ „злыхъ умыслахъ“ радикальной партіи.

Скороспѣлую революціонную дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ придется признать несомнѣнной ошибкой, уже въ виду того, что если впослѣдствіи власть своими крайне жестокими мѣрами и своей ретроградной неуступчивостью вызывала революціонные акты, то въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ—когда стали распространяться первыя революціонныя прокламаціи—такого вызова со стороны власти не было. Смягчающимъ обстоятельствомъ для радикаловъ въ данномъ случаѣ можетъ служить ихъ политическая неопытность и ихъ темпераментъ, который не поддавался никакому обузданію.

Для другихъ обвиненій найти смягчающія обстоятельства еще легче. Невнимательное и горделивое отношеніе этихъ горячихъ головъ къ цѣлымъ областямъ знанія, ихъ гоненіе на религію, на отвлеченную мысль, на чувство изящнаго въ человѣкѣ, вполнѣ

понятны въ молодыхъ людяхъ, которые желали быть прежде всего „гражданами“. Они какъ фанатики общественнаго служенія, какъ ригористы не позволяли себѣ развлекаться тѣми вопросами, которые, какъ имъ казалось, не даютъ для гражданской жизни непосредственно осязаемыхъ результатовъ. Наконецъ, нельзя забывать, что тотъ вредъ, который эти фанатики гражданственности нанесли нашей культурѣ такимъ поспѣшнымъ отрицаніемъ многихъ духовныхъ сторонъ человѣка—былъ вредомъ, который возмѣщался ихъ культурной работой въ иныхъ областяхъ жизни. Можно сказать, что въ данномъ случаѣ сами радикалы наказали себя своимъ отрицаніемъ — и съ этимъ вполнѣ согласились въ наши дни ихъ преемники, которые свой радикализмъ стремились согласовать съ началами религіозными, метафизическими и эстетическими.

Что же касается той боли, которую шестидесятники причиняли себѣ самимъ и тѣмъ изъ ближнихъ, которые за ними шли, то, говоря объ этомъ „совращеніи невинныхъ душъ въ новую вѣру“, надо помнить, что счастливыхъ въ этой новой вѣрѣ было, конечно, больше, чѣмъ пострадавшихъ, и что всякая ломка этическихъ устоевъ жизни не можетъ обойтись безъ жертвъ: всегда найдутся слабые, которые не вынесутъ испытанія и жизнь которыхъ неизбѣжно будетъ изломана.

Наконецъ, вспоминая о тѣхъ отрицательныхъ, даже преступныхъ типахъ, которые такъ охотно рисовала наша литература праваго лагеря, когда она желала обличить радикаловъ—нужно замѣтить, что эти портреты, въ общемъ сбивающіеся на каррикатуры, могли быть не во всемъ лживы и что въ радикальной группѣ—какъ во всѣхъ человѣческихъ организаціяхъ — попадались и неумные люди, и смѣшные, и злостные, и своекорыстные, и въ нравственномъ отношеніи очень сомнительные.

XVII.

И всетаки за этой радикальной группой шестидесятыхъ годовъ остается большая общественная заслуга.

Во-первыхъ, эта группа въ нашей жизни—нѣчто совершенно новое. Ей нельзя подобрать аналогій въ прошлыхъ царствованіяхъ. Молодые либеральные кружки даже съ революціонной тенденціей существовали и при Александрѣ Павловичѣ; были такіе же кружки въ тридцатыхъ годахъ и въ исходѣ сороковыхъ; но эти организаціи по значенію своему и по своей психикѣ имѣли мало

общаго съ проповѣдниками радикальныхъ мнѣній и чувствъ, которые въ шестидесятыхъ годахъ внесли въ нашу общественную жизнь небывалое движеніе.

Молодые люди, вооруженные только силой убѣжденія и силой воли, въ продолженіе четверти вѣка (съ 60-хъ до 80-хъ гг.) заставили считаться съ собой и власть, и страну, и, составляя въ обществѣ несомнѣнное меньшинство, умѣли свое партійное мнѣніе высказать такъ твердо и сильно, что оно получало вѣсъ мнѣнія общественнаго. Среди молчанія массъ, рядомъ съ довольно вялымъ или осторожнымъ либерализмомъ интеллигентныхъ круговъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ бдительной властью шумѣли эти вольные кружки на собраніяхъ, въ печати и даже на улицѣ, и всѣ понимали, что не смотря на многое смѣшное и нелѣпое, на многое, съ чѣмъ никакъ нельзя было согласиться, въ этихъ новыхъ людяхъ была какая-то сила, которой въ другихъ не было и которая была нужна.

Въ самый разгаръ борьбы, когда эта сила дробилась на мелочи и выражалась въ единичныхъ вылазкахъ противъ теорій, людей и отдѣльныхъ явленій повседневной жизни и когда всѣ такія нападенія носили очень вызывающій, острый характеръ — вся дѣятельность радикальной группы могла въ несогласныхъ съ нею людяхъ будить лишь чувство раздраженія. Намъ, отошедшимъ на большое разстояніе, картина рисуется въ иномъ освѣщеніи. Теперь ясно видно, насколько эти люди „горячили" своихъ современниковъ, а такая способность горячить, при тогдашнихъ условіяхъ русской жизни, должна быть признана несомнѣннымъ культурнымъ факторомъ. Вѣдь въ немъ, въ этомъ подъемѣ темперамента своего собственнаго и темперамента сосѣда—заключался призывъ къ самодѣятельности, къ возбужденію чувства личной иниціативы, которой такъ недоставало обществу. Инертны и косны были огромныя массы, разрозненны и очень неповоротливы либеральные элементы, крайне ревнива власть... Всякій способъ возбужденія энергіи и подъема душевнаго и умственнаго долженъ былъ быть признанъ своевременнымъ, разъ сама жизнь начинала осуждать старыя формы безвольнаго и безгласнаго существованія.

На первыхъ порахъ могло казаться, что горячка только вредитъ разумному постепенному ходу впередъ и что тѣ люди, которые ждали слова команды сверху и признавали лишь за властью право указывать, когда надлежитъ говорить и какъ надлежитъ дѣйствовать — что эти уравновѣшенные люди правы и болѣе дальновидны, чѣмъ тѣ, которые начали сами рваться и ломиться

впередъ. Съ общихъ точекъ зрѣнія такой взглядъ на разумность постепеннаго движенія былъ, конечно, правиленъ—и онъ былъ бы правиленъ и для оцѣнки шестидесятыхъ годовъ, еслибы власть дѣйствительно взяла на себя иниціативу въ воспитаніи народа и общества, подготовляя ихъ къ свободной, самодѣятельной жизни. Но власть о такомъ воспитаніи думала очень мало, измѣняя формы жизни, но сохраняя нетронутымъ самый ея духъ. Молодое поколѣніе, вступавшее въ эту внѣшне измѣненную жизнь, никакъ не могло помириться съ противорѣчіемъ формы и духа и рѣшило на свой страхъ видоизмѣнить этотъ духъ путемъ образованія и воспитанія новаго типа гражданина, въ обязанность которому оно вмѣняло прежде всего полную независимость во взглядахъ и чувствахъ и полную свободу въ дѣйствіи. Можно лишь пожалѣть, что эти новые люди сразу взяли на свою отвѣтственность безнадежное дѣло революціонной борьбы, которая дала власти юридическій поводъ усилить свою опеку, а самимъ радикаламъ затруднила во многомъ выполненіе мирныхъ частей ихъ программы.

XVIII.

Итакъ, что же было сдѣлано этими радикалами въ удовлетвореніе назрѣвшимъ потребностямъ ихъ времени? Власть, какъ бы она ни была ревнива, сколько бы она ошибокъ ни дѣлала, какъ бы она ни урѣзывала реформы, но она всетаки дала ихъ. Либералы разныхъ оттѣнковъ издавна подготовляли эти реформы своей хоть и скромной общественной и литературной дѣятельностью. Они же помогали правительству разрабатывать детали реформъ и принимали дѣятельное участіе въ гласномъ ихъ обсужденіи. Наконецъ, они же, когда къ тому представлялся случай, какъ администраторы и общественные дѣятели, проводили эти реформы въ жизнь.

Въ подготовкѣ реформъ радикалы, конечно, не могли участвовать, такъ какъ были еще дѣтьми; при обсужденіи реформъ въ періодъ ихъ формальнаго обѣщанія у нихъ совѣта также никто не спрашивалъ, и если исключить Чернышевскаго, который велъ обстоятельную полемику съ правительствомъ по вопросу о земельномъ устройствѣ крестьянъ, то никто изъ нихъ и самъ не давалъ никакихъ совѣтовъ, такъ какъ тѣ соціальныя и экономическія утопіи, которыя выставлялись въ нѣкоторыхъ прокламаціяхъ и мелькали въ нѣкоторыхъ публицистическихъ статьяхъ—пригодной работой названы быть не могутъ. Наконецъ,

за исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, радикалы не принимали участія въ проведеніи реформъ, такъ какъ власть, само собою разумѣется, гдѣ только могла, урѣзывала всякую ихъ общественную дѣятельность. Исторія развитія радикальныхъ группъ имѣетъ, такимъ образомъ, какъ будто лишь самую общую связь съ исторіей развитія самыхъ реформъ, къ которымъ радикалы къ тому же относились почти всегда скептически, недовѣрчиво и съ ироніей.

Но, помимо того, что исторія ихъ времени безъ нихъ была бы лишена и своего яркаго колорита и очень замедлена въ темпѣ, про нихъ можно сказать, что они вѣрнѣе многихъ поняли и какъ-то глубже внутренне почувствовали противорѣчіе новыхъ формъ жизни съ тѣмъ духомъ старины, который продолжалъ жить и грозилъ новую жизнь приравнять къ старой.

XIX.

Культурное значеніе группы крайнихъ опредѣляется, наконецъ, самымъ отношеніемъ ихъ къ явленіямъ жизни, ихъ темпераментомъ и *настроеніемъ*.

Историческая роль, которую они выполнили, была бы весьма незначительна, еслибы вся ихъ культурная работа ограничилась повтореніемъ не ими выработанныхъ теорій, и притомъ такихъ, неполнота и ошибочность которыхъ скоро обнаружились. Въ вопросахъ религіозныхъ они были простые отрицатели, въ вопросахъ философскихъ — крайніе матеріалисты, въ вопросахъ нравственныхъ—послѣдователи „разумнаго“ эгоизма; въ вопросахъ политическихъ они дробились на цѣлый рядъ мелкихъ группъ, изъ которыхъ каждая стремилась въ радикализмѣ и въ демократизмѣ превзойти другую. Но не эти сложныя идеи, столь ими упращенныя, создали ихъ силу, а ихъ *отношеніе* къ охватившимъ ихъ мыслямъ, ихъ отношеніе къ жизни вообще — то настроеніе, въ какомъ они находились, когда вѣрили въ свое призванье и ждали отъ него великихъ благъ для родины. Эти люди производили впечатлѣніе прежде всего какъ личности, и первой ихъ заботой было созданіе именно личностей, которыя могли бы противостоять общей тенденціи къ инертному и косному существованію; они знали, что эта тенденція въ самомъ обществѣ давно укоренилась; знали также, что власть, не смотря на свой либерализмъ, охотно такую тенденцію будетъ поддерживать. И

завѣтной ихъ мыслью стало дать Россіи новыхъ людей, образованныхъ и воспитанныхъ заново, безъ всякаго компромисса съ традиціями прошлаго.

XX.

Свершившаяся перемѣна въ нашей гражданской жизни проливаетъ болѣе ровный свѣтъ на былыя явленія и отошедшія лица. Мы получили теперь право сказать, что то идейное и нравственное волненіе, которое поднято было радикалами въ шестидесятыхъ годахъ, было не случайной „смутой" въ умахъ и сердцахъ, а первымъ боевымъ и рѣшительнымъ проявленіемъ мысли о правахъ общества на самоопредѣленіе—мысли, которая тогда начала борьбу за свое существованіе и только въ наше время получила законную санкцію.

Несторъ Котляревскій.

ВЪ СТРАНѢ ОЗЕРЪ

(Изъ лѣтнихъ скитаній по Финляндіи.)

I.

Въ сосновомъ лѣсу.

Сѣрыя пушистыя облака низко ползли надъ землею. Холодный вѣтеръ гналъ ихъ мнѣ на встрѣчу съ далекаго сѣвера. И плыли они въ синевѣ неба, какъ гигантскія сѣрыя птицы, безмолвныя, безъ взмаховъ большихъ и неподвижныхъ крыльевъ. Сѣрыя тѣни облаковъ ползли по полямъ и по болотамъ съ низкорослыми сосенками и точно уходили въ лѣсъ, сливаясь съ окраскою зеленѣющей хвои. Солнце свѣтило ярко, но холодно, и душа чувствовала эту холодность...

Поѣздъ шелъ медленно, останавливаясь на дачныхъ полустанкахъ. Дачники раздражали меня своей суетливостью, своими пакетиками, узелками и корзинками. Посмотришь имъ въ глаза — ни блеска, ни оживленія. Прислушаешься къ рѣчи — скучныя заботы о текущемъ днѣ, плоскія остроты, пошлые выводы...

Переутомленные петербуржцы ѣдутъ на дачи и везутъ съ собою въ ширь полей и подъ тихіе навѣсы сосновыхъ лѣсовъ свою скуку и мелкое довольство истекшимъ днемъ... Это—мои послѣднія впечатлѣнія родины, похожія на безсвязныя подробности сквернаго сна минувшей ночи.

За станціей „Бѣлоостровъ“ насъ разсмѣшилъ юный студентикъ.

Когда поѣздъ миновалъ мостъ черезъ Сестру-рѣку, онъ вернулся съ площадки вагона и, обращаясь къ своимъ спутникамъ—двумъ дамамъ и господину въ панамѣ,—сказалъ:

— Господа, у меня началась тоска по родинѣ!..

Разсмѣялись дамы, разсмѣялся господинъ въ панамѣ... разсмѣялся и я, и тихою грустью отозвался этотъ смѣхъ у меня въ груди.

Изъ какихъ-то таинственныхъ политическихъ и дипломатическихъ соображенiй Сестру-рѣку не считаютъ границей. Иронически отнесся къ своему замѣчанiю и юный студентикъ, настроенный по дачному. Онъ и не подозрѣвалъ, что тамъ, откуда плывутъ сѣрыя облака, на его шутку никто не отвѣтилъ бы непринужденнымъ смѣхомъ.

А сѣрыя облака, какъ безмолвныя птицы съ неподвижными крыльями, все еще плыли на встрѣчу поѣзда и на встрѣчу мнѣ.

Чтобы развѣять какую-то еле уловимую грусть души, я перелистывалъ толстую книгу о Финляндiи, и мое вниманiе остановило дивное стихотворенiе (Захарiя Топелiуса, въ переводѣ В. Головина).

Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать
Финляндiи, матери милой;
Глубь водъ ея мѣрить и пашни пахать,
Ей быть рукодѣльною силой;
И вѣрность, и честь
На службу ей несть,
Чтобъ въ мирномъ привольѣ могла она цвѣсть;
Чтобъ мать не нуждалась,
Жила безъ скорбей
И честно питалась
Работой дѣтей.
Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать
Финляндiи—матери милой...

Этимъ красивымъ гимномъ своей родинѣ встрѣтилъ меня престарѣлый поэтъ „Страны Озеръ“.

Я ѣхалъ въ поѣздѣ, идущемъ въ Гельсингфорсъ, стоялъ на площадкѣ вагона и насыщалъ легкiя дивнымъ ароматомъ сосновыхъ лѣсовъ.

Мнѣ казалось почему-то, что изъ Петербурга я убѣгаю отъ грознаго призрака чахотки. Я немного покашливалъ и непоколебимо вѣрилъ въ цѣлебность воздуха, напоеннаго ароматомъ сосновыхъ лѣсовъ.

Друзьямъ, провожавшимъ меня, я говорилъ:

— Вотъ увидите, на родину я вернусь безъ кашля, коричневымъ отъ загара, сильнымъ и пополнѣвшимъ отъ простокваши.

Судьба столкнула меня съ единомышленникомъ.

Это былъ финнъ лѣтъ пятидесяти, коренастый человѣкъ съ копной густыхъ волосъ на головѣ, съ густыми нависшими бровями на морщинистомъ лицѣ, съ сѣдыми баками, какъ у покойнаго Ибсена. Въ глазахъ его мерцала угрюмая мысль; отъ глухого, но твердаго голоса вѣяло холодомъ сѣвера. Но наружность финна, а въ особенности его сходство съ моимъ любимымъ норвежскимъ писателемъ — подкупили меня, и я ему повѣрилъ.

Какъ оказалось, онъ подслушалъ мой разговоръ съ пріятелями при прощаньѣ и началъ свою рѣчь безъ предисловія.

— Короша дача... моя знакомая... Пишите адрѐсъ... Сосна!.. р-ругомъ сосна!.. озеро, лодка, молоко, яйца... двѣ комнаты, балхонъ...

Всѣ эти слова онъ произнесъ по-русски и настолько хорошо, что я его понялъ. Я пришелъ даже въ восторгъ, услыша два слова: „р-ругомъ сосна!", и сталъ его разспрашивать, гдѣ дача его знакомой, сколько будутъ стоить двѣ комнаты и т. п. Но онъ уже ничего не могъ сказать мнѣ... Собственно, онъ говорилъ много и горячо, но это была уже непонятная часть его рѣчи—смѣсь финскихъ словъ съ искаженными русскими. Скоро я убѣдился, что мой собесѣдникъ уже израсходовалъ весь свой запасъ русскихъ словъ, но ему, повидимому, казалось, что я еще недостаточно проникся его увѣреніями, и онъ повторялъ:

— Р-ругомъ сосна! И-и! сосна... Озеро, сосна, лодка... опять сосна... сосна и сосна... Пишите адрѐсъ...

Я записалъ „адрѐсъ", поблагодарилъ пріятнаго человѣка, такъ же, какъ и я, вѣрующаго въ цѣлебность аромата сосны, и, оставивъ поѣздъ на одной изъ станцій подъ Выборгомъ, поѣхалъ искать дачу г-жи З.

При имени З. извозчикъ почему-то улыбнулся, и хотя не понялъ дальнѣйшихъ моихъ вопросовъ, но все же отвѣтилъ, что поѣздка до озера будетъ стоить рубль. Слово „рубль" произнесъ онъ весьма удовлетворительно.

На бѣшеной лошади мы ѣхали прекрасной шоссированной дорогой. Направо и налѣво вдоль дороги тѣснились ароматныя сосны. Мы миновали длинную финляндскую деревушку и снова въѣхали въ сосновый лѣсъ. У дороги—малорослыя веселыя сосны; дальше на холмахъ зеленѣютъ и рисуются на фонѣ безоблач-

наго неба густые сосновые боры... Кругомъ сосна!.. Сосна и сосна!.. Я вспомнилъ финна, давшаго мнѣ адресъ г-жи З. и мысленно пожелалъ ему долгой жизни. Онъ оказалъ мнѣ величайшую услугу. Я искалъ отдыха и исцѣленія въ глуши сосноваго лѣса—и вотъ, къ моимъ услугамъ цѣлые сосновые боры. Мы проѣхали около десяти километровъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ гуще становятся сосновые лѣса. Мы минуемъ нѣсколько уютныхъ дачекъ у дороги, но я съ неудовольствіемъ смотрю на гуляющихъ подъ свѣтлыми зонтиками дачницъ. Особенно противными показались мнѣ два жирныхъ дачника, грѣющихся на солнышкѣ у опушки сосноваго молодняка. Около нихъ играли въ пескѣ упитанныя краснолицыя дѣти. Я мысленно спрашивалъ себя: „Зачѣмъ эти жирные здоровые люди пріѣхали сюда? Отъ одышки и ожирѣнія ароматъ сосны не помогаетъ. Зачѣмъ же они лежатъ тутъ и крадутъ у природы оздоровляющую энергію?.. Чѣмъ же будемъ оздоровлять себя мы, слабые люди?“

Я чувствовалъ, какъ во мнѣ крѣпла ненависть къ толстымъ и здоровымъ людямъ. Къ счастью, сытая и рѣзвая финская лошадка умчала меня отъ жирныхъ дачниковъ и я ничего дерзкаго не успѣлъ сказать имъ. Кромѣ того, я чувствовалъ, что даже и путешествіе по сосновому бору на разстояніи десяти километровъ способно мгновенно успокоить нервы. Я ощущалъ благотворное вліяніе аромата сосны и благословлялъ прошлое, настоящее и будущее финна, давшаго мнѣ „адре́съ“ г-жи З.!

Вотъ я доѣхалъ до ея дачи. А вотъ и сама г-жа З. Толстая особа лѣтъ шестидесяти, сѣдая, съ широкимъ, одутловатымъ лицомъ. Шея ея жирная, въ складкахъ; глазки узенькіе, заплывшіе; руки загорѣлыя, красныя. И я подумалъ: „Какъ благотворно вліяетъ ароматъ сосны на человѣка! Ужели когда-нибудь и я буду такой же жирный?.. Но тогда я уѣду изъ этихъ прекрасныхъ мѣстъ, чтобы не поглощать напрасно жизнеобновительную энергію, такъ необходимую ослабѣвшимъ жителямъ обѣихъ столицъ и всѣхъ столицъ въ мірѣ...“

Дачевладѣлица расхваливала мнѣ двѣ комнатки въ верхнемъ этажѣ недостроенной дачи, а сама вытирала съ лица потъ и, видимо, волновалась. По-русски говорила она великолѣпно. И это обстоятельство радовало меня. А когда я попросилъ г-жу З. показать мнѣ расхваленныя ею комнаты, она глубоко вздохнула, сидя въ шведскомъ креслѣ, и сказала:

— Не могу я пойти наверхъ... сами посмотрите...

Я посмотрѣлъ на ея толстыя босыя ноги, похожія на обрубки довольно толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, и повѣрилъ ей: дѣйстви-

тельно ей должно быть трудно подниматься на высоту двадцати ступеней.

Комнаты мнѣ понравились; восхитителенъ былъ и видъ на озеро съ высокой терассы, сквозь чащу сосновыхъ вѣтокъ. Отъ дачи подъ гору вела широкая аллея, съ клумбами, усыпанная ярко-краснымъ пескомъ. Внизу у озера виднѣлись постройки финской деревни: избы, сараи, бани. Дача еще только отстраивалась. Въ маленькой конуркѣ я видѣлъ плотничьи и долотные инструменты. Тутъ же стояли жестянки и ведра съ какой-то пахучей темно-желтой краской. Это обстоятельство меня немного смутило и я сказалъ г-жѣ З.:

— А что, плотники очень рано начинаютъ свою работу?

— Рано,—невозмутимо отвѣтила она, и потомъ, помолчавъ, прибавила:—на дачѣ надо рано вставать и рано ложиться... Это очень здорово...

Она вкратцѣ сообщила мнѣ, что въ юности жила въ Швеціи, гдѣ люди рано ложатся и рано встаютъ, и что этотъ „шведскій" режимъ куда лучше петербургскаго. Упомянула она также о гимнастикѣ, о купаньѣ и о прогулкахъ на лодкѣ. Выходило такъ, что подъ кровомъ г-жи З. всѣмъ упомянутымъ видамъ физическаго воздѣйствія на организмъ я долженъ слѣдовать неукоснительно. Я мысленно согласился съ этимъ.

Чтобы попасть въ мои комнаты, мнѣ необходимо было втащить свои чемоданы и портъ-пледы на высоту лѣстницы въ двадцать ступеней. На лѣстницѣ валялись стружки, обрѣзки досокъ, опилки, обрубки. И отъ всего этого пахло сосной. Придерживаясь за сосновыя перила, я изнемогалъ подъ тяжестью чемодановъ, но все же утѣшалъ себя: „здѣсь такъ чудно пахнетъ сосною!"

На верхней площадкѣ лѣстницы я остановился и готовился къ дальнѣйшему путешествію. А оно представлялось мнѣ нелишеннымъ препятствій и даже риска поломать ноги или расшибить голову. Чтобы добраться до моихъ „комнатъ съ мебелью", мнѣ предстояло пройти черезъ двѣ другія комнаты безъ дверей и оконъ. Въ стѣнахъ зіяли отверстія для будущихъ оконъ и дверей. Пола въ этихъ комнатахъ также не было, а было то, что называется „черными" полами, т.-е. былъ дощатый помостъ, залитый цементомъ. Отъ одной „будущей" двери до другой были проложены не особенно широкія зыблющіяся доски. Со страхомъ я пробалансировалъ по нимъ, но все же прошелъ благополучно.

Въ моихъ комнатахъ двери и рамы бѣлѣли свѣжей окраской и блестящими мѣдными шпингалетами и крючками. Меблировка

комнатъ состояла изъ двухъ большихъ столовъ, деревянной кровати, скамьи, табурета и маленькаго ночного столика. Мебель была сдѣлана изъ хорошо выструганныхъ сосновыхъ досокъ и не окрашена. Только какъ-то странно не гармонировали съ остальной обстановкой три ветхихъ вѣнскихъ стула съ замазанными и просиженными рѣшетками и облѣзлый желѣзный умывальникъ, безъ таза и кувшина.

Разложивъ вещи и осмотрѣвшись, я, къ моей радости, замѣтилъ, что и стѣны дома сдѣланы изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ: на свѣтлыхъ ароматныхъ стѣнахъ висѣли янтарныя капли смолы. Это меня восхитило до слезъ. А черезъ полчаса я убѣдился, что мой новенькій чесучевый пиджакъ и лѣтнія сѣрыя брюки замазаны сосновой смолой. Въ началѣ это обстоятельство привело меня въ уныніе, но потомъ я быстро успокоился и снова восхитился. Я сталъ разсматривать мебель и убѣдился, что и столы, и скамья, и кровать „источаютъ", какъ мѵроточивые предметы, ту же цѣлебную смолу. И я подумалъ:

„Какое счастье встрѣтить такого милаго человѣка, какъ старый финнъ, давшій мнѣ адре́съ г-жи З.!"

Старый финнъ представлялся мнѣ даже какимъ-то благодѣтельнымъ посломъ хмурыхъ небесъ туманной страны озеръ. Я вспоминалъ его, какъ божество, и мысленно желалъ ему добраго здоровья и долгихъ лѣтъ жизни, главное—долгихъ лѣтъ жизни!..

„Какая чу́дная страна Финляндія!"—думалъ я, убѣдившись, что и мое пальто, и шляпа, и зонтъ также уже успѣли прикоснуться къ какому-то мѵроточивому предмету и на нихъ блестѣли янтарныя капли сосновой смолы.

„Я буду писать новый романъ, а стѣны, столы, кровать и скамья будутъ дышать ароматомъ сосноваго лѣса! Какъ это восхитительно! А потомъ и моя рукопись пропитается каплями смолы. А когда хмурый петербургскій редакторъ будетъ читать мое произведеніе, на него пахнетъ ароматомъ сосноваго лѣса, онъ непремѣнно глубоко вздохнетъ, какъ на лонѣ природы, улыбнется и благосклонно отнесется къ моей рукописи. Мой романъ будетъ дѣтищемъ сосноваго лѣса!.."

Надышавшись ароматомъ сосны, я, однако, почувствовалъ, что хочу пить и ѣсть. Я спустился съ лѣстницы и засталъ г-жу З. на прежнемъ мѣстѣ, подъ тѣнью сосны, въ шведскомъ креслѣ.

Полуденное солнце палило немилосердно. Было душно, чув-

ствовалась близость грозы, хотя на небѣ ни облачка. И лѣсъ стоялъ точно въ сладкой дремотѣ, не напѣвая зеленѣющей хвоей протяжной и однообразной мелодіи, какъ это бываетъ даже при тихомъ вѣтрѣ. Птицы тоже молчали...

Лицо г-жи З. раскраснѣлось еще больше. Разставивъ толстыя ноги и сложивъ руки на животѣ, она дремала. По крайней мѣрѣ мнѣ показалось такъ: глаза ея были полузакрыты, а около ея толстыхъ губъ и мясистаго носа носились докучливыя мухи. Но она не дремала, и я замѣтилъ, какимъ пристальнымъ взглядомъ она разсматривала меня. Она пила кофе. Возлѣ нея стоялъ небольшой столикъ, на которомъ помѣщались кофейникъ, чашка, сливочникъ и бѣлый хлѣбъ на тарелкѣ.

Я почему-то раскланялся и подошелъ къ полной дамѣ. Она расширила глаза, спугнула съ губъ и носа мухъ и въ ея взглядѣ я прочелъ нѣчто холодно-вопросительное.

— Скажите пожалуйста,— началъ я,— а у васъ есть прислуга, услугами которой я могъ бы пользоваться?

— Прислуги не держимъ... Вонъ старикъ только, мужъ мой...

Движеніемъ головы она указала куда-то въ сторону. Подъ навѣсомъ сарая я увидѣлъ дряхлаго старика въ суконномъ пиджакѣ и бѣлыхъ панталонахъ. Сѣдая голова его была обнажена и нещадно припекалась солнцемъ. Старикъ чистилъ картофель, стоя на колѣняхъ у небольшой кадки.

— Мужъ мой человѣкъ старый,—начала она.—Поутру будетъ носить воду, а можетъ вы и сами будете брать въ колодцѣ?..

— Ну, а... самоваръ у васъ есть?

— Самовара нѣтъ... мы кофе пьемъ...

Быстро опорожнивъ чашку кофе, г-жа З. добавила:

— Съѣздите въ Выборгъ, купите кофейникъ, стаканъ и все, что надо... Можетъ быть, и здѣсь въ лавочкахъ купите.

— Но дѣло-то вотъ въ чемъ, — заявилъ я уже съ большей рѣшительностью:—пить и ѣсть я хочу теперь... сейчасъ...

— А-а!.. сейчасъ!—протянула она и глаза ея снова полузакрылись, а около ея губъ и носа опять закружились мухи.

„Черныя мысли, какъ мухи"...—почему-то промелькнули въ моей памяти слова поэта. Мысли мои, дѣйствительно, были черныя, а голодъ и жажда все настойчивѣе и настойчивѣе напоминали о себѣ.

— Нельзя ли хотя бы купить яицъ, хлѣба, молока?—спросилъ я противную толстую женщину.

Она лѣниво налила въ чашку кофе, отмахнула мухъ и сказала:

— Молоко вамъ будутъ носить крестьяне, яйца тоже... Творогъ есть, простокваша... Въ лавочкѣ продаютъ хлѣбъ...

Съ равнодушіемъ на лицѣ она отрѣзала большой кусокъ бѣлаго хлѣба и принялась пить кофе. Я стоялъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать. А г-жа З. пережевывала большимъ ртомъ вкусный хлѣбъ и пила кофе. Нѣмая сцена начала меня раздражать.

— Не хотите ли стаканъ кофе и хлѣба?—наконецъ поняла она мое тайное желаніе, и сказала это такимъ тономъ, какъ будто я только-что подошелъ къ ней.

Сильно повысивъ голосъ, она крикнула что-то старику по-фински. Тотъ оглянулся, съ трудомъ поднялся съ земли и потомъ медленно и волоча ноги подошелъ къ супругѣ.

— Это—мужъ мой!—сказала она.

Я поклонился, но старикъ даже и не взглянулъ на меня, хотя шепелявымъ голосомъ прошепталъ:—hyvää päivää (здравствуй). По прежнему медленно онъ двинулся куда-то въ кустъ ольшняка и только теперь я замѣтилъ за густыми вѣтвями небольшой двухоконный домикъ съ терассой.

— Стулъ возьмите на терра-с-а-а,—вытянула она послѣднюю букву.

Я перегналъ медленно движущагося старика. Шаги мои напугали его, онъ вздрогнулъ и осмотрѣлся. Вернувшись съ терассы съ новенькимъ вѣнскимъ стуломъ, я помѣстился противъ холодно-любезной хозяйки и ждалъ,—нетерпѣливо ждалъ хлѣба и кофе. Минуты черезъ три старикъ принесъ, наконецъ, стаканъ, а еще черезъ минуту я уже пилъ кофе съ хлѣбомъ.

Моя избавительница молчала и сидѣла съ прищуренными глазами. Я началъ банальный разговоръ вновь прибывшаго дачника: расхваливалъ сосновый лѣсъ, говорилъ о чистотѣ воздуха, прославлялъ хорошую погоду. Г-жа З. пожаловалась на жару и почему-то добавила:

— Хозяйство у насъ маленькое... печку не топимъ... пьемъ кофе...

Потомъ я, дѣйствительно, убѣдился, что супружеская чета З. пьетъ кофе весь день: утромъ, въ часы завтрака, обѣда и ужина и даже поздно ночью. Иногда свой столъ они разнообразятъ яичницей, ветчиной и простоквашей.

Потомъ она спросила меня, женатъ ли я и какова моя профессія. Моя профессія ее, повидимому, съ чѣмъ-то примирила или заставила перемѣнить на меня точку зрѣнія. Выслушавъ о моемъ намѣреніи засѣсть за романъ въ глуши Финляндіи, она

даже повеселѣла и поспѣшила сообщить, что русская интеллигенція вообще ей нравится, но русскій народъ...

И потомъ она съ негодованіемъ разсказала, что „русскіе мужики“ продаютъ въ Финляндіи водку, дѣлаютъ это потихоньку, и пьянство среди финновъ разростается. О дачникахъ она отозвалась пренебрежительно. Изъ дальнѣйшей бесѣды я узналъ краткую біографію г-жи З. Родилась она въ Швеціи, гдѣ и училась. Выйдя замужъ за г-на З., спеціалиста по шлифовкѣ гранита и мрамора, переселилась въ Петербургъ, гдѣ и прожила тридцать восемь лѣтъ. За эти годы она такъ много накопила ненависти къ русскимъ, что оставила Россію безъ всякаго сожалѣнія. Мужъ раздѣлялъ чувства своей супруги и они порѣшили умереть въ Финляндіи, купили участокъ земли и занялись постройкой дачъ. О Швеціи г-жа З. говорила съ особенной теплотой и даже заявила мнѣ, что на предстоящихъ выборахъ въ депутаты сейма она, быть можетъ, примкнетъ къ партіи шведомановъ.

— Вы будете участвовать въ выборахъ? — неожиданно для себя спросилъ я. Признаюсь, я не сразу осилилъ мысль, что г-жа З., эта растолстѣвшая особа, могла еще вмѣщать въ свое грузное тѣло стремленіе къ политической дѣятельности. Гордо окинувъ меня взглядомъ, она отвѣтила:

— А какъ же!..—и добавила:—у насъ въ Финляндіи и женщины голосуютъ!..

Разговоръ о Государственной Думѣ г-жа З. поддерживала неохотно. Вообще замѣтно было, что она весьма слабо интересуется всѣмъ русскимъ и, кромѣ негодованія на русскихъ, накопившагося за всѣ тридцать восемь лѣтъ, ничего изъ Россіи не вывезла.

Исчерпавъ политическую тему, мы помолчали. Голодъ и жажда плохо утолились стаканомъ кофе и кускомъ хлѣба. Я снова свелъ разговоръ на матеріальную тему и попросилъ г-жу З. посовѣтовать мнѣ, какъ устроиться съ обѣдомъ. Она сказала:

— Въ деревнѣ живетъ г-жа Р... Я пошлю къ вамъ ее вечеромъ...

Что-то надломленное, больное и жалкое было во всей фигурѣ старика З. Слѣды его тяжелой, изнурительной профессіи, казалось, навсегда отложились на немъ печатью истощенія, надломленности и покорнаго безволія. Тридцать лѣтъ онъ былъ простымъ каменотесомъ и только къ старости счастье ему

улыбнулось: онъ достигъ высшихъ степеней въ своей профессіи и сдѣлался шлифовальщикомъ. Но и въ этотъ счастливый періодъ его поджидали новыя профессіональныя болѣзни: гранитная и мраморная пыль, достаточно насытившая его легкія за предыдущіе годы, теперь не пощадила его глазъ. Онъ всегда какъ-то тихо и скрипуче покашливалъ и жаловался на болѣзнь глазъ. Годы дополнили недомоганія, и онъ сталъ „тугъ на ухо". Всѣ свои болѣзни онъ характеризовалъ какими-то двумя финскими словами, смысла которыхъ я такъ и не могъ выяснить ни въ бесѣдахъ съ переводчиками, ни въ лексиконѣ. Весьма возможно, что эти слова—какая-нибудь финская пословица или поговорка. Они такъ и остались для меня тайной и какъ будто символизировали собою тайники душевной жизни старика, безропотнаго раба своей супруги.

Помнится, это было въ первый день моего пребыванія въ недостроенной дачѣ г-жи З.

Я счищалъ съ платья янтарныя капли сосновой смолы и услышалъ скрипъ ступеней лѣстницы. Меня привелъ въ недоумѣніе этотъ скрипъ. Я слышалъ шаги человѣка, тяжелое дыханіе и какое-то скрипучее кряхтѣнье. Человѣкъ этотъ поднимался по лѣстницѣ и точно несъ на себѣ непосильную тяжесть. Я вышелъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на лѣстницѣ, и увидѣлъ старика.

Медленно переступая со ступеньки на ступеньку, онъ втискивалъ на лѣстницу ведро воды и при этомъ отдыхалъ на каждой ступени, держась руками за перила, обливаясь потомъ, тяжело дыша, покашливая и кряхтя. Бывшій каменотесъ, ворочавшій когда-то тяжелыя гранитныя и мраморныя глыбы, теперь изнемогалъ подъ тяжестью ведра съ водою! Я спустился съ площадки, взялъ у старика ведро съ водою, а онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня и при этомъ что-то прошепталъ. Въ этотъ моментъ я впервые услышалъ и тѣ два таинственныхъ слова. Онъ даже улыбнулся и грузно опустился на лѣстницу.

Вернувшись съ пустымъ ведромъ, я попросилъ старика приносить мнѣ воду только до первой ступени лѣстницы, обѣщая ему, что наверхъ я буду вносить ведро самъ. Впослѣдствіи я отказался и отъ этой услуги безсильнаго дачевладѣльца и ходилъ къ колодцу самъ.

— Hyrein (хорошо)! hyrein!—прошепталъ онъ тихимъ и какимъ-то точно трясущимся голосомъ, и сказалъ еще какую-то фразу, изъ которой я уловилъ только нѣсколько словъ: heikko

(слабый) и kehnosti (худо). И я опять услышалъ тѣ два таинственныхъ слова.

Съ старикомъ мы сошлись и познакомились скорѣе, нежели съ его супругой. Онъ недурно говорилъ по-русски и хотя и переполнялъ свои фразы финскими словами, все-же я понималъ его рѣчь. Замѣтилъ я только одну странность: старикъ совсѣмъ не говорилъ со мною въ присутствіи супруги. Потомъ я узналъ отъ г-жи Р., что г-жа З. вообще запрещаетъ супругу пускаться въ разговоры съ русскими.

Но, не смотря на это запрещеніе, мы все-же часто бесѣдовали съ нимъ. О себѣ онъ избѣгалъ говорить и только однажды пожаловался на жену, назвавъ ее жадной женщиной. Какъ оказалось потомъ, г-жа З. копила деньги на поѣздку въ Швецію и избѣгала расходовъ, безъ которыхъ можно обойтись. Съ этой цѣлью она не держала прислуги, пользуясь услугами мужа, скудно питалась, держала впроголодь старика и даже цѣлыми недѣлями не смѣняла бѣлья и платья, лишь бы избѣжать расходовъ. Я не знаю, какъ это мирилось съ теоріями шведскаго воспитанія и заморской гигіеной, о которой г-жа З. всегда говорила такъ много.

Какъ-то разъ я сказалъ г-жѣ З.:

— Вашъ мужъ очень старъ, ему трудно работать...

Она внимательно посмотрѣла въ мою сторону и сказала:

— Умирать мы сюда пріѣхали... Какая же работа!.. Ему семьдесятъ три года...

— Тѣмъ болѣе! Отчего бы вамъ не нанять прислуги!

Я потомъ очень сожалѣлъ объ этой нечаянно сорвавшейся съ языка фразѣ: она разобидѣла мою хозяйку.

— Ужъ извините! — прошептала она, разводя руками и сверкнувъ глазами:—въ моемъ хозяйствѣ мнѣ совѣтовъ не надо.

Она прикусила губы и отвернулась. Я сконфуженно молчалъ.

— Мы всю жизнь сами на себя работали и прислуги не держали, — продолжала она, но уже тономъ примиренія. — И вамъ бы, молодой человѣкъ, надо такъ же жить... А вы вотъ пріѣхали—и сейчасъ вамъ подавай прислугу...

Это замѣчаніе показалось мнѣ не лишеннымъ оригинальности, и я принялся увѣрять г-жу З., что охотно буду дѣлать все для себя самъ, безъ помощи прислуги. Мое рѣшеніе, повидимому, понравилось моей собесѣдницѣ, и она сказала.

— Работать очень полезно, здорово... Не стыдитесь ни заступа, ни топора. Безъ заступа могилы не выроешь, безъ топора—гроба не сколотишь!..

Афоризмъ г-жи З. понравился мнѣ, и я еще разъ увѣрилъ ее въ своей готовности къ физическому труду. Она улыбнулась и сказала:

— У меня вонъ огородъ есть... Поливайте утромъ и вечеромъ... Дорожки въ саду дѣлайте, сучья собирайте въ лѣсу...

Съ этого дня я приступилъ къ поливкѣ огородовъ, до обѣда ходилъ по лѣсу и собиралъ сучья и валежникъ. Однажды принесъ даже большую сухую ольшину, вывороченную съ корнемъ, и тѣмъ окончательно завоевалъ симпатіи дачевладѣлицы. Въ бѣлыя ночи, когда дневная жара спадала, я снималъ въ саду дернъ для будущихъ дорожекъ, а г-жа З. давала мнѣ указанія и при этомъ всегда добавляла:

— Работать очень полезно... Работать очень полезно.

Вечеромъ, при закатѣ солнца перваго дня пребыванія моего въ сосновомъ лѣсу, ко мнѣ пришла г-жа Р. Это была еще нестарая женщина, съ умными сѣрыми глазами и открытымъ лицомъ. Одѣта она была въ бумазейное платье и темный жакетъ. Волосы ея были гладко зачесаны, обрамляя крутой лобъ. Глядѣла она внимательно и зоркіе глаза ея мгновеньями загорались. Говорила она тихимъ вкрадчивымъ голосомъ и какъ-то особенно подчеркивала послѣднія слова фразъ, какъ будто желая придать своей рѣчи бо́льшую убѣдительность.

Постучавшись въ дверь, она вошла только послѣ того, какъ я сказалъ: „пожалуйста!“ Она вошла медленно, представилась мнѣ и осмотрѣлась по сторонамъ.

— Г-жа З. говорила, что вы хотите имѣть обѣдъ?

Я попросилъ ее сѣсть. Она медленно опустилась на стулъ, облокотилась локтемъ въ край стола и въ ту же секунду отдернула руку. Но, увы! рукавъ ея жакета и рука были уже замазаны смолою.

— Ахъ, Господи! Смола!—воскликнула она.—Новый столъ!

Она сняла съ рукава каплю смолы, замазала пальцы и, вынувъ платокъ, принялась стирать смолу съ руки и съ рукава.

При появленіи г-жи Р. я сталъ испытывать какую-то особенную неловкость. Я не зналъ, какъ держать себя съ нею, а она такъ пристально всматривалась въ меня сѣрыми умными глазами. Моя гостья, между тѣмъ, продолжала:

— Только... я должна васъ предупредить, что я... что у меня столъ вегетаріанскій... Я, по убѣжденію, не могу убивать животныхъ...

— Вегетаріанскій?!—воскликнулъ я въ ужасѣ.

— Да... Кушанье изъ молока, яицъ... Ну, иногда рыбы... Я могу разрѣшить себѣ... Мой мужъ на воскресенье пріѣзжаетъ изъ Петербурга, рыбу ловитъ...

Далѣе она поспѣшила отозваться съ похвалою о вегетаріанскомъ столѣ и говорила о томъ, какъ это полезно для здоровья: жить въ сосновомъ лѣсу, кушать черничный супъ, молоко, яйца, простоквашу и изрѣдка позволять себѣ питаніе рыбой.

Я вспомнилъ проповѣдь г-жи З. о полезности физическаго труда и думалъ о томъ, какъ же я буду возмѣщать затраченную энергію черничнымъ супомъ и что̀ изъ меня получится послѣ лѣтняго отдыха при такихъ условіяхъ?

Условившись относительно вегетаріанскаго стола, я думалъ, что бесѣда наша кончена. Но, какъ оказалось, г-жа Р. была особа разговорчивая и даже больше—она была пропагандистка самыхъ разнообразныхъ ученій.

Безцеремонно осмотрѣвъ мои книги, сложенныя на краю стола, она воскликнула:

— Все—свѣтскія! А евангелія или библіи у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ—отвѣчалъ я.

— Какъ же это безъ такихъ книгъ?!.. И сочиненій Толстого у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ. Но почему же у меня должны быть евангеліе, библія и сочиненія Толстого?—спросилъ я и далъ ей понять, что ея допросъ не очень-то мнѣ нравится. Она не обратила вниманія на мое замѣчаніе и спросила:

— Вы—христіанинъ?..

— Да.

Не давая мнѣ проронить ни слова, г-жа Р. быстро протараторила отрывокъ изъ какой-то проповѣди, въ которой, повидимому, говорилось о связи евангелія и библіи съ ученіемъ Толстого. Говорила она и о томъ, какъ нехорошо быть христіаниномъ и не имѣть въ числѣ настольныхъ книгъ евангелія или библіи.

— Лѣтъ семь или восемь тому назадъ ѣздила я въ Ясную Поляну къ Толстому,—вдругъ неожиданно выпалила г-жа Р.

— Вы ѣздили къ Толстому?—почему-то съ изумленіемъ спросилъ я.

— Да... и знаете ли... книги Толстого слѣдуетъ читать...

Она какимъ-то глухимъ, вдохновеннымъ голосомъ произнесла нѣсколько фразъ, быстро поднялась, крѣпко пожала мнѣ руку и, пригласивъ на завтра на обѣдъ, ушла.

На другой день въ два часа дня я пошелъ къ г-жѣ Р.

Интересная „дама-крестьянка“, какъ впослѣдствіи прозвали мои знакомые г-жу Р., встрѣтила меня съ мягкой улыбкой на лицѣ, долго извинялась за нѣкоторую неряшливость комнаты, куда мы вошли, и провела меня на терассу.

Кто-то изъ путешествовавшихъ по Финляндіи замѣтилъ, что финскіе крестьяне любятъ жить „въ нѣсколькихъ комнатахъ“. Это наблюденіе подтверждается дѣйствительностью. Жилища финскихъ крестьянъ въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ двухъ-трехъ и даже бо̀льшаго числа комнатъ. Исключеніе составляютъ безземельные торпари и такъ называемые muonamies (нахлѣбники),—сельскіе рабочіе, ютящіеся въ хаткахъ въ одну комнату.

Г-жа Р. — изъ зажиточныхъ крестьянъ. Ея мужъ — владѣлецъ двороваго участка, isäntä (хозяинъ). Въ его уютномъ домикѣ четыре комнаты и открытая терасса въ садъ съ яблонями, рябинами, крыжевникомъ и смородиной. Первая отъ входа комната — кухня, опрятная, съ плитой и съ половиками на полу. Вдоль стѣнъ длинныя скамьи, шкафики съ посудой и утварью и большіе столы. Двѣ слѣдующія комнаты, цѣломудренно скрытыя отъ взора посѣтителей — для семьи; четвертая — пріемная, съ мягкой мебелью и кисейными гардинами на окнахъ. Здѣсь шкафы съ посудою, двѣ этажерки съ книгами и швейная машинка. На стѣнахъ—плакаты съ духовными изреченіями. Никакихъ изображеній Божества въ переднемъ углу я не замѣтилъ: крылатыя фразы и афоризмы изъ духовныхъ писаній, библіи и евангелія, очевидно, достаточно символизировали собою представленіе о Богѣ.

Хозяйка провела меня на терассу, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, похвасталась садомъ съ яблонями, вѣтви которыхъ склонялись къ землѣ отъ тяжести зрѣющихъ плодовъ, и начала подавать обѣдъ.

Одѣта она была въ темное платье съ крахмаленнымъ воротничкомъ и рукавчиками. Поверхъ платья былъ надѣтъ кокетливо сшитый передникъ, съ вышивками и оборками. Я только въ Финляндіи видѣлъ такіе передники—національное украшеніе женщинъ страны озеръ. Передникъ молодилъ г-жу Р., но я не думаю, чтобы она заботилась объ этомъ.

Первый пробный обѣдъ остановилъ вниманіе моего желудка, и я не скажу, чтобы это было на пользу хозяйки. На первое блюдо она подала супъ изъ черники, обильно произрастающей въ финляндскихъ лѣсахъ. Темная жижица, приправленная сметаной, годилась скорѣе на третье, но памятуя о томъ, что

г-жа Р.—вегетаріанка по убѣжденію, я самоотверженно съѣлъ этотъ супъ. На второе моя новая кормилица подала двухъ небольшихъ окуньковъ, зажаренныхъ въ сметанѣ, и картофель „въ мундирѣ". Третье блюдо—пирогъ съ черникою и молоко, и наконецъ въ видѣ лакомства мнѣ была предложена тарелка простокваши.

Не скажу, чтобы обѣдъ этотъ произвелъ на меня надлежащее впечатлѣніе, но зато онъ въ достаточной мѣрѣ былъ сдобренъ разсужденіями г-жи Р., что доставило мнѣ большое удовольствіе.

Уставивъ всѣми блюдами столъ, г-жа Р. помѣстилась противъ меня съ какимъ-то вышиваньемъ въ рукахъ и начала свою длинную рѣчь. Какъ любезная хозяйка, прежде всего она познакомила меня съ подробностями собственной жизни.

Мужъ ея, какъ оказалось, живетъ въ Петербургѣ, служа въ какомъ-то складѣ сельско-хозяйственныхъ орудій, и появляется дома только по воскресеньямъ. При этомъ цѣлые дни онъ проводитъ на озерѣ, потому что большой охотникъ до рыбной ловли. Истребленные мною окуньки—плодъ его увлеченія.

Мужъ г-жи Р. — владѣлецъ геммоны, т.-е. двороваго участка въ $5^1/_2$ десятинъ луга и пахатной земли. Всю эту землю, за исключеніемъ огорода, г-жа Р. сдаетъ въ аренду торпарю, живущему у лѣса. Кромѣ денежной платы за аренду, торпарь обязанъ выростить на огородѣ г-жи Р. необходимые въ хозяйствѣ овощи. Кромѣ того, на его же обязанности—обезпечить домъ топливомъ на цѣлую зиму изъ лѣсовъ участка, принадлежащаго г. Р.

Кромѣ торпаря съ его семьей, въ распоряженіи г-жи Р. состоялъ еще одинъ человѣкъ—loinen (постоялецъ). Это—жалкое одинокое существо, сѣдой, сгорбленный человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Звали его Григоріемъ Мекиненъ. За право пользованія угломъ въ кухнѣ Мекиненъ обязанъ былъ выполнять нѣкоторыя работы при домѣ. Онъ кололъ дрова, мелъ дворъ, носилъ съ озера воду для поливки огородовъ, а иногда даже доилъ сытыхъ коровъ. Жилъ Мекиненъ случайными заработками у сосѣднихъ помѣщиковъ, на желѣзной дорогѣ и т. п.

Вмѣстѣ съ г-жой Р. жили двѣ ея дочери: Айна, семнадцати лѣтъ, и Серафима—пятнадцати. Обѣ онѣ обучились кройкѣ и шитью подъ руководствомъ матери и, какъ выразилась послѣдняя: — Теперь уже могутъ брать работу на домъ... То-есть зарабатывать деньги,—пояснила она.

Вводя меня въ курсъ своей интимной жизни, г-жа Р. прерывала свою рѣчь замѣчаніями:

— Кушайте... кушайте, пожалуйста... пирожка-то съ черникой... Молочка еще не угодно ли?..

Я кушалъ, но чувствовалъ, что сколько ни старайся, сытымъ все-же не будешь. И я въ душѣ проклиналъ всѣхъ вегетаріанцевъ вмѣстѣ взятыхъ и ихъ обѣды.

Г-жа Р., впрочемъ, не заслуживала этихъ проклятій.

Она показалась мнѣ очень интересной женщиной. Все больше и больше она разоблачала свое духовное содержаніе. Я узналъ, что за десять лѣтъ своей дѣятельности въ роли офицера „Арміи спасенія", въ ...скомъ приходѣ, она пріобрѣла болѣе двадцати прозелитовъ и, не смотря на мигрени, отъ которыхъ страдала, не оставляла своей любимой работы.

— Только, скажу я вамъ,—жаловалась она,—трудно у насъ заниматься всѣмъ этимъ!.. Раньше свободнѣе было, а теперь... Русскому правительству не нравится наша работа; тоже и со стороны финскихъ властей... Не скажу, чтобы было притѣсненіе, а всетаки... У насъ вѣдь есть еще другія религіозныя общества... Вотъ, напримѣръ, общество „Свободная церковь"... Члены его часто разныя должности занимаютъ... Ну и... тѣснятъ немного насъ...

— Какъ же такъ?—изумился я.—Общество называется „Свободной церковью" и противорѣчитъ своимъ основамъ? Разъ одни свободны, предполагается свобода и для другихъ?..

Г-жа Р. пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза и отвѣтила:

— Что же, что притѣсняютъ! Вѣдь и они хотятъ распространять свое ученіе!..

— Стало быть, вы оправдываете всякія средства пропаганды и агитаціи?

— Ну, а то какъ же!.. Мы на нихъ не сердимся! Противъ ихъ стѣсненій у насъ есть свой отвѣтъ—наше ученіе...

Она выкрикнула послѣднюю фразу твердымъ голосомъ и глаза ея сверкнули. Въ эту минуту пріятно было смотрѣть на ея вдохновенное лицо, съ выраженіемъ какой-то особой гордости и самоувѣренности.

— По уставу мы не можемъ насильно навязывать своего ученія... Мы только поучаемъ... Религія для насъ тоже не препятствіе. Еслибы вы вздумали вступить въ члены нашего союза, я не спросила бы васъ, какъ вы вѣруете...

Теперь она говорила спокойно, но прежнее выраженіе все еще не исчезало съ ея лица.

— А вашъ мужъ—тоже членъ союза?

— Нѣтъ... Мы съ нимъ никогда не сойдемся во взглядахъ...

— Ну, а ваши дочери?

— Я думаю... потомъ онѣ примкнутъ... Я же говорю, мы не можемъ вовлекать насильно!..

Какъ мнѣ показалось, въ ея голосѣ прозвучала даже нотка печали. Глядя на энергичное лицо г-жи Р., видя ея склонность къ собесѣдованію и способность горячей защиты своего ученія, можно думать, что она, дѣйствительно, сожалѣла о наличности пункта устава, запрещающаго „насильное“ привлеченіе сторонниковъ [1]).

Послѣ обѣда г-жа Р. пригласила меня въ свою гостиную.

Порывшись въ библіотекѣ, она показала мнѣ свои союзныя изданія—брошюры и листки на финскомъ и шведскомъ языкахъ.

— А вотъ это книги нашего писателя Арвида Ернефельда... Онъ—послѣдователь Толстого.

Я разсматривалъ книги толстовца страны озеръ. Это были романы: „Isänmao“ (Родина), „Ihmiskohta loista“ (Судьбы человѣчества) и „Puhtauden Ihoune“ (Идеалы чистоты).

Она съ довольствомъ въ глазахъ смотрѣла на книги и говорила:

— Вотъ и у насъ есть свой Толстой!..

---

[1]) Въ книгѣ „Финляндія“, вышедшей въ 1898 г. подъ редакціей Д. Д. Протопопова, читатель найдетъ подробное описаніе дѣятельности „Арміи спасенія“ и общества „Свободная церковь“; все-же я считаю нелишнимъ привести и здѣсь нѣкоторыя краткія свѣдѣнія.

Религіозное общество „Свободная секта“ основано въ 1878 г. лордомъ Редстокомъ въ Лондонѣ. Ученіе это распространилось черезъ Швецію въ Финляндію и объединило послѣдователей Редстока подъ именемъ „Свободная церковь“. Общество это не имѣетъ въ виду учрежденія особаго церковнаго союза, считая себя партіей реформъ въ церкви. Эти реформы сводятся къ слѣдующему: упрощеніе таинства причастія, предоставленіемъ каждому мірянину права совершать этотъ обрядъ; свобода крещенія дѣтей или оставленія ихъ безъ крещенія; отдѣленіе церкви отъ государства и принадлежность къ приходу лишь истинно вѣрующихъ. Основа общества—приверженность почвѣ библейскаго и апостольскаго ученія. Съ возникновеніемъ въ Финляндіи группы членовъ „Арміи спасенія“, „Свободная церковь“ выработала болѣе сплоченныя организаціи. Часть членовъ послѣдней примкнула къ „Арміи спасенія“.

„Армія спасенія“ возникла въ Финляндіи въ 1888 г. Путь ея распространенія изъ Англіи—также черезъ Швецію. Въ началѣ дѣятельности организація издавала свою газету и устраивала публичныя шествія членовъ. Въ настоящее время члены „Арміи спасенія“ не могутъ устраивать шествій, да и собранія ихъ пользуются только относительной свободой. Въ 1898 г. организація состояла изъ 32 отрядовъ, съ 1.500 членами. Ея собранія сопровождаются пѣніемъ гимновъ подъ музыку; пѣніе чередуется съ чтеніемъ библіи и другихъ духовныхъ книгъ. Большинство членовъ ведутъ борьбу съ народнымъ пьянствомъ. Учреждены такъ называемыя „Трущобныя станціи“, какъ организаціи взаимопомощи бѣдняковъ. Въ Гельсингфорсѣ имѣются ясли для дѣтей рабочихъ. Члены „Арміи“ распространяютъ массу своей литературы.

Послѣ этого визита въ продолженіе двухъ недѣль я ежедневно видѣлся съ г-жой Р., и интересъ къ этой женщинѣ во мнѣ обострился. Стороной я узналъ кое-что о ея дѣятельности. Судя по разсказамъ, она весьма скромнаго о себѣ мнѣнія. Какъ оказалось, она весьма много потратила энергіи въ борьбѣ съ пьянствомъ. Можно насчитать въ округѣ сотни семействъ, гдѣ она являлась въ трудныя минуты жизни нужнымъ человѣкомъ. Предполагала она основать въ своемъ приходѣ и „Трущобную станцію“, но это осуществить ей не удалось.

Россію она называла страной христіанской и сожалѣла, что русскіе плохо воспринимаютъ ученіе „Арміи спасенія“.

— У васъ такъ много бѣдныхъ и погибающихъ людей,— говорила она.—Вотъ бы и надо распространять наше ученіе!..

В. Брусянинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

*
* *

Весь въ звѣздахъ блещущій покровъ
Благоуханной ночи южной—
Лелѣютъ сонъ земли недужной
Огни таинственныхъ міровъ!

Больныхъ сердецъ дневныя раны
Полночный сумракъ исцѣлилъ.
На скорбь живыхъ, на мракъ могилъ
Легли прозрачные туманы...

Въ морской загадочной дали
Безвѣтренъ парусъ омертвѣлый—
Онъ сторожитъ, какъ призракъ бѣлый,
Покой измученной земли!

Н. Шрейтеръ.

СТѢНА ГЛУХАЯ

РАЗСКАЗЪ.

I.

На околицѣ города недавно поставили новый острогъ.

Острогъ—крупнѣе и выше всѣхъ другихъ городскихъ домовъ, будто важнѣе ихъ, нужнѣе для жизни.

Сѣдая стòрожная стѣна заковала огромный острожный домъ и все, что около, въ глухой четырехугольникъ, крѣпкій, какъ купеческая могила на дорогомъ кладбищѣ.

Такія стѣны бываютъ еще вокругъ древнихъ монастырей да старинныхъ кремлей. Только тѣ стоятъ наполовину облуплены, во мху да въ зелени, подъѣдены временемъ, а эта—вся сплошь новая, гладкая, словно только-что отфугована.

На всей стѣнѣ видны лишь два темныхъ пятна: большое и поменьше, рядышкомъ. Большое пятно — накрѣпко запертыя острожныя ворота. Малое—образъ Христа Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, со связанными руками, съ надписью: „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіе и обремененніи и азъ упокою вы“...

Передъ образомъ — красный фонарикъ съ „неугасимой“. И огонекъ теплится здѣсь день и ночь безпокойнымъ трепетнымъ мерцаньемъ, будто чья-то мятежная совѣсть.

По утрамъ приходятъ изъ города къ острогу тихія благочестивыя старушки и складываютъ подъ образомъ на столикѣ подаянье на поминъ души. Придутъ, помолятся на Христа Спасителя, выложатъ изъ узловъ и корзинъ подаянье, вздохнутъ, опять помолятся и уйдутъ, повернувшись къ острогу добродуш-

ной горбатой спиной. А постовой Ткачевъ загребаетъ все въ охапку, волокетъ къ надзирателю Прошкину, дежурившему у воротъ снутри.

— Опять подаянье!

— Ну что-жъ такого?.. Давай!

Изрѣдка, въ родительскія субботы, подаянье подвозятъ на сытыхъ купеческихъ „битюгахъ". Тогда пріемка идетъ шумливая, со счетомъ, съ квитками да прибаутками.

Съ изстари вѣковъ люди думаютъ, что острожная молитва Богу угодлива, потому что Онъ самъ, когда приходилъ на землю къ людямъ, былъ судимъ старѣйшинами, былъ присужденъ къ лютой казни. И потому подаянья всегда было много.

Но была еще одна причина людского милосердія къ острогу: люди боялись острога смутной, неосознанной боязнью. Боялись и жертвенно умилостивляли. Острогъ былъ новый, недавно отстроенный, но уже полный. Никто не видалъ множества запертыхъ въ немъ людей, такъ какъ содержались они по новымъ строгимъ правиламъ, но всѣ знали, что острогъ очень великъ и очень полонъ.

Острогъ—крупнѣе и выше всѣхъ другихъ городскихъ домовъ, будто важнѣе ихъ и нужнѣе для жизни... Но не въ этомъ только отличіе острога отъ другихъ домовъ. Острогъ былъ новъ и полонъ—въ этомъ крылось главное. Всякій жилой домъ выглядитъ особенно уютнымъ, особенно веселымъ и пріятнымъ именно вновѣ, когда его отдѣлали, окрасили, обставили домашней утварью, освятили водосвятьемъ. Острогъ же, напротивъ, когда онъ новъ, только-что отдѣланъ, заселенъ, приведенъ въ „порядокъ"—кажется особенно жуткимъ, особенно мрачнымъ. И кажется, что для освященья новаго острога не достаточно полной чаши святой воды, недостаточно долгаго жалобнаго пѣнья молитвы: „не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды"... Надо еще чего-то. И „оно" придетъ, „оно" сбудется. Потому новый острогъ внушалъ къ себѣ особый страхъ: страхъ будущаго, страхъ ожиданья...

Сорванцы-мальчишки, всегда озорные, дерзкіе, мастера на проказныя выдумки, рѣшались проходить мимо острога только большими ватагами. Молчаливые, притихшіе, они закидывали головы, боязливо глядѣли изъ-подъ-руки, вздыхали:

— Э-эхъ, а-ай!.. во-отъ...

И только самые храбрые и самые освѣдомленные добавляли:

— А въ Америкѣ... есть инда-ль выше!..

Мужчины и женщины, парни и дѣвушки старались какъ

можно рѣже проходить на виду у острога. И только старухи приходили съ подаяньемъ чаще, чѣмъ обыкновенно.

И Ткачевъ, и Прошкинъ рѣдко отлучались отъ своихъ постовъ. Имъ не нужно было уходить ни на завтракъ, ни на ужинъ. Самые удачные, самые сдобные куски, приносимые на поминъ грѣшныхъ душъ, попадали къ нимъ въ ротъ до всякаго учета: таковъ былъ обычай.

И оба они были гладкіе, сытые, довольные. Прошкинъ былъ старъ и лѣнивъ, потому больше все дремалъ, сидя на скамеечкѣ. Ткачевъ былъ молодъ и силенъ, носилъ при себѣ еще ненадоѣвшее оружіе „новѣйшаго образца". Оружіе жгло руки, просило себѣ дѣла, и потому Ткачевъ частенько отходилъ въ сторону отъ поста къ большимъ кучамъ кизяка, чтобы рубить ихъ саблей, разстрѣливать изъ револьвера.

Эту единственную и любимую свою работу Ткачевъ гордо и отчетливо называлъ: „практическое упражненіе". Однако саблей упражнялся онъ рѣдко: охоты большой не было полоскать сталь въ навозѣ. За то часто стрѣлялъ. Для этого къ кучкѣ кизяковъ былъ прислоненъ завалящій наличникъ. На наличникѣ начертилъ онъ углемъ круги, каждый кругъ за номеромъ, подъ особымъ именемъ. Самая серединная точка была номеромъ первымъ и называлась: „икспріятель". Ободокъ кругомъ точки чслился номеромъ вторымъ. Называлъ его Ткачевъ: „люцинеръ". Третьимъ номеромъ шелъ „демократъ", четвертымъ—„кадетъ". Дальше разбросалась въ видѣ широкихъ круговъ „всякая шушера", попадать въ которую Ткачевъ считалъ зазорнымъ.

Эта мишень съ полнымъ синодикомъ „унутренняго врага" забавляла не одного только Ткачева. Иногда выходили на вечернюю прогулку молодые помощники. Они тоже съ хохотомъ и шутками пострѣливали въ наличникъ. Баловались порой и надзиратели по дорогѣ со смѣны. И всегда при такихъ упражненіяхъ лучшимъ стрѣлкомъ оказывался Макарушкинъ, ходившій часовымъ по заднему фасаду острога, между глухой стѣной и рѣшетчатыми оконцами.

Другіе били „кадета", рѣдко-рѣдко кто смазывалъ „демократа". Макарушкинъ же изъ пяти пуль три всаживалъ въ самого „икспріятеля".

— У яво глазъ съ прицѣломъ! — говаривали про Макарушкина другіе надзиратели:

— Такъ ужъ отъ Бога дадено...

Ткачевъ, однако, завидовалъ Макарушкину.

— Оно двиствительно... что толковать: каменна рука... Не

дарма въ полку служилъ, да часы выбилъ... Ну, а только настоящій „икспріятель“, онъ те, братъ, не мишень... къ кизяку не прислонишь... Онъ, братъ... съ имъ храбрость нужна...

На этихъ словахъ Ткачевъ замолкалъ, но надо было понимать, что храбрость была не въ Макарушкинѣ, а въ немъ, Ткачевѣ, и когда Ткачевъ набьетъ руку въ стрѣльбѣ, будетъ изъ пяти три, а можетъ и всѣ четыре всаживать въ серединную точку, тогда не будетъ человѣка равнаго Ткачеву по силѣ, ловкости, храбрости и всѣмъ другимъ доблестямъ жизни. И стрѣлялъ-себѣ Ткачевъ, пострѣливалъ, набивалъ руку; никто его не ругалъ за это, кромѣ хозяина кизяковъ, ломового извозчика Грязева.

— Ты что, фар-равонъ африканскій, опять у меня весь кизякъ разворошилъ?—ворчалъ Грязевъ, складывая разрушенныя пирамидки.—Гладокъ больно, поди... на кули бы вашего брата... въ погрузку... отъ-што...

— Погуторь ты у меня!—грозно отзывался Ткачевъ.—Погуторь!..

— И на вашего брата законъ найдется написанный... да...

— Погуторь!

Тѣмъ разговоръ и кончался. Ткачевъ продолжалъ упражняться, а Грязевъ уходилъ домой, ворча про себя разныя хулы.

Пострѣлявъ и порубивъ всласть, Ткачевъ стучался въ окошечко къ Прошкину.

— Ну, Панфилъ-ай-Василичъ!.. и здо-орово я нонче!.. люцинера задѣлъ въ кромочку!

— Ничево... Что-жъ такого!—отзывался Прошкинъ лѣниво.—Что-жъ такого...

И если время было чаевое, протягивалъ вспотѣвшему Ткачеву стаканъ съ мутной влагой. Если же ничего не было, снова засыпалъ подъ восторженныя мечтанья Ткачева.

— Вотъ, когда-нибудь эдакъ ночнымъ бытомъ,—убаюкиваетъ Ткачевъ пріятеля,—да стреканетъ изъ острога партія... самыхъ главныхъ, самыхъ секретныхъ... Ни одинъ надзиратель партію не усмотритъ, ни одинъ часовой не доглядитъ... И партія вся, какъ есть, перелѣзетъ черезъ стѣну...

— Ну что-жъ такого! — соглашается Прошкинъ, не разлипая глазъ.—Острогъ не обжитой: всего надобно ждать...

— И гляди, ушла бы партія,—продолжаетъ Ткачевъ,—ушла бы вся, какъ есть... а мы ее: чикъ-пылыкъ! чикъ-пылыкъ!..

Ткачевъ всѣхъ застрѣлитъ до послѣдняго, всѣхъ изрубитъ, что капусту по осени. У него храбрости хватитъ... И все это

сдѣлаетъ онъ самъ, одинъ. За это Ткачева отличатъ. Какъ отличатъ, что ему сдѣлаютъ?... Може „произведутъ“, може наградятъ часами тамъ, аль чѣмъ...

Въ этомъ мѣстѣ Ткачевъ путается, не можетъ представить себя отличеннымъ. А сонный Прошкинъ будто нечаянно и спросонокъ повергаетъ его въ уныніе:

— Ну что-жъ такого... Макарушкинъ не сдастъ, ловокъ... во всѣхъ статьяхъ: съ имъ стѣны не надо-ть—самъ стѣна...

II.

За два дня до Благовѣщенья пригнали въ острогъ этапъ новыхъ арестантовъ, съ каторжанами въ кандалахъ и наручникахъ.

И въ то же время закапризничала весна.

До тѣхъ поръ все таяло, шло къ теплу и радости. По дорогѣ бѣжали ручьи темные, какъ баварское пиво, говорливые, шустрые. Луговина вокругъ кизяковъ сдѣлалась-было пѣгой, и по ней ходили строгіе грачи. Ветлы и березы на огородахъ стали замѣтными, такъ и лѣзутъ въ глаза: побурѣли, обозначили тонкія вѣточки. И тучи въ небѣ изъ жидкихъ сплошныхъ подобрались было въ свѣжіе сочные клубы, будто съ весны стали пахтать небесный туманъ, и онъ изъ сѣрой молочной жижи спахтался въ рыхлые свѣжіе комки, какъ сливочное масло.

Но за два дня до Благовѣщенья снова затуманило, закружило. Повалилъ липкій снѣгъ, хлопьями. Опять все забѣлѣло, опустошилось: умолкли жаворонки, пропали грачи, спрятались скворцы.

Въ это время сѣрые, облѣпленные погодой арестанты сгурьбились около черныхъ воротъ острога.

Конвойные брякнули ружья къ ногѣ. Стали ждать, переталтываясь прозябшими ногами, оставляя на снѣгу скользкіе рыжіе слѣды.

Арестанты разглядывали сѣдую стѣну, унылое поле, оставались недовольны.

— Ишь наворочено!—кивалъ унылый каторжанинъ на стѣну.

— Чтобъ ее землетрясеньемъ!..

А этапный весельчакъ Дюбукинъ подбѣжалъ къ ней и лягнулъ, игриво бренча кандалами.

— Э-эхъ ты-ы!.. равнодушная!..

Другіе набожно крестились на Христа-Спасителя въ терно-

вомъ вѣнцѣ, со связанными руками, благодарили Его за милость:

— Слава Тебѣ, Господи, Создателю!.. дошли до тепла...

— Хуже не будетъ...

Третьи грубыми и гнусными словами ругали новый острогъ, стѣну, ворота, образъ, лампадку... и все, что подвертывалось ихъ озлобленному взору. Это была „вѣчная шпана“, всѣми презираемая, умѣвшая разговаривать только языкомъ ругательствъ, видавшая „волю“ лишь изъ острожнаго окна и приспособленная къ острожной жизни, какъ тюлень къ водѣ.

Поодаль отъ другихъ стояла кучка политическихъ, скромная, молчаливая и такъ... ненужная здѣсь, на общемъ сѣромъ фонѣ. Неопытному глазу могло показаться, что кучка политическихъ— самая бросовая часть этапа. Что могло быть страшнаго или важнаго въ этихъ двухъ-трехъ нервныхъ лицахъ, задерганныхъ страданьями мысли? Какое преступленіе кроется въ трехъ парахъ скорбно свѣтящихся молодыхъ женскихъ глазъ? Что могли онѣ „совершить“? Обронить пару дерзкихъ словъ—не больше... Но около этой-то маленькой кучки политическихъ и вертѣлось вниманіе конвойныхъ. На нихъ-то и насупилась такъ мертвенно и мрачно глухая стѣна...

И любопытные, веселые глаза Ткачева глядѣли на нихъ же, словно пытали: ужъ не вы ли тѣ „самые главные, самые секретные“, ради которыхъ идутъ упражненья съ кизяками?

Подъѣхала и этапная подвода, отставшая по случаю бездорожья. Тощая сѣрая лошаденка круто поводила запаленными боками. Мужикъ-подводчикъ, задерганный, пугливый, вѣчно готовый оробѣть, откликнуться жалобнымъ „ась“ на грозный окрикъ, заботливо оправлялъ шлею, снималъ мыло съ потнаго, остраго крупа лошади.

На возу, поверхъ грязной арестантской рухляди, сидѣлъ круглолицый, розовый мальчикъ въ дубленомъ деревенскомъ полушубчикѣ, въ нахлобученной на глаза заячьей шапкѣ. Рядомъ съ мальчикомъ—старуха въ арестантскомъ халатѣ и бѣломъ казенномъ же платкѣ.

Старуха разговаривала съ мальчикомъ тѣмъ притворно-гнѣвнымъ тономъ, какимъ обыкновенно простолюдинки шутятъ съ дѣтьми:

— Слазь, Петька, изъ саней! Слазь, тебѣ говорятъ, пострѣлу!..

Мальчикъ весело щурилъ лучистые темные глаза, смѣялся. Видимо, за дорогу онъ привыкъ къ старухѣ, не боялся ея грознаго тона, зналъ, что шутитъ она.

— Слазь! видишь, пріѣхали къ тятькѣ?

— Ты молви, сынокъ, до тятьки, молъ, далече... — наставляла мальчика молодая баба, стоявшая рядомъ.—Тятька, молъ, въ Цильмѣ.

— Тят-цка въ Сильмѣ...—повторилъ мальчикъ слова матери, а самъ взвизгнулъ веселымъ, переливчатымъ смѣхомъ, увидавъ направленные къ нему два корявыхъ пальца старухи.

И этотъ захватывающій своей беззаботностью смѣхъ ребенка былъ такъ чистъ, такъ не къ мѣсту здѣсь, что становилось неловко и стыдно даже шпанѣ.

— Идишь-ты, шустрый мальчуганъ!—говорилъ Ткачевъ, подвигаясь къ подводѣ.

На сытомъ лицѣ блуждала доброжелательная улыбка.

— Ахъ, ты... чтобъ тебя... шустеръ!

Старуха продолжала забавляться ребенкомъ.

— Слазь, слазь! Къ тятькѣ пріѣхали. Вонъ онъ, тятька-то! во-онъ идетъ на сувстрѣчу! Во-онъ, съ красной оборкой на шеѣ!

Старуха показала пальцемъ на Ткачева.

— Тять-ка-а! Петька пріѣхалъ... возьми Петьку. Купи Петькѣ гостинчика-а.

Петька стрѣльнулъ въ постового быстрымъ озорнымъ взглядомъ, хотѣлъ опять засмѣяться, взвизгнулъ даже разъ, но вмѣсто смѣха сразу зарыдалъ. Мать кинулась къ нему.

— Что ты?.. что съ тобой, родненькій?..

— Б... бб... оюсь!—дрожалъ Петька губами.

Сѣрая, нахальная шпана засмѣялась злымъ, обиднымъ хохотомъ:

— Ай-да, селедка!.. О-охо! Призналъ вѣдь! За тятьку призналъ.

Мать застыдилась чужой грубости, покраснѣла.

— Ну-ну... перестань, соколикъ, перестань... Это—дядя... Дядя—это... Вонъ онъ смѣется тебѣ, погляди на него, родненькій, молви: дядя-а! А бабушку мы: ишь она, бабушка!.. Вотъ мы ее: вотъ, вотъ, вотъ...

Женщина помахала на старуху рукой, будто била. Ребенокъ не унимался. Онъ рыдалъ затяжнымъ, горькимъ плачемъ.

— Какой милый мальчикъ у этой Авдотьи!—говорили въ ряду политическихъ.

— Да. И чуткій какой... Знаете, мнѣ тоже показалось что-то ужасное въ этомъ человѣкѣ, когда онъ смотрѣлъ въ нашу сторону.

— У васъ, Вѣрочка, вѣчные страхи въ глазахъ,—замѣтилъ,

улыбаясь, одинъ изъ мужчинъ.—Что въ немъ особеннаго? Зауредный городовой—и больше ничего.

— Желала бы я, чтобъ у васъ этихъ страховъ не было!—отвѣтила Вѣрочка, и голосъ ея задрожалъ накопленной внутренней болью.

Черныя ворота распахнулись. Этапъ вздрогнулъ, подтянулся. Конвой громыхнулъ ружьями, каторжане звякнули кандалами. Мужикъ, все съ тѣмъ же видомъ готовности на волосатомъ лицѣ, подстегнулъ сѣраго.

Снѣгъ хрустѣлъ подъ мѣрнымъ шагомъ солдатъ, покрывавшимъ глухой топотъ неумѣлой ходьбы.

Кандалы пѣли. Этапъ подходилъ къ главному крыльцу острога, гдѣ стоялъ, съ папиросой въ зубахъ, дежурный помощникъ, всегда готовый къ бранчливой строгости.

Худенькій строгій старшой, прижавъ къ бедру шашку, забѣжалъ вокругъ этапа впередъ и еще на бѣгу, почти задыхаясь, крикнулъ звонкимъ, натужнымъ голосомъ:

— Сми-ирно! Шапки д-лой!..

Крикнулъ, съ бѣга перешелъ на торопливый шагъ, а самъ все оглядывался, тревожился, въ послѣдній разъ убѣждалъ себя, что на этотъ разъ все—„слава Богу"...

Такой именно послѣдней тревогой бываютъ охвачены гуртовщики, когда послѣ большихъ и трудныхъ перегоновъ загоняютъ въ ворота городскихъ боенъ гуртъ степныхъ барановъ.

III.

Надзиратель Макарушкинъ только-что пришелъ домой отъ заутрени, сѣлъ за чай. Надо было торопиться къ утреннему дежурству. Яковлевна, хлопотливая и добрая, успѣла убрать горницу, согрѣть самоваръ, состряпала пахучій праздничный пирогъ съ молоками и жирами. А на дворѣ только свѣтало, и ребятишки спали: мальчики-погодки—въ спальнѣ, на полу, грудная дѣвочка—тамъ же, въ зыбкѣ.

— Закуси-ка, Митричъ, удался ли пирогъ-отъ?—угощала Яковлевна мужа.

Тотъ закусывалъ, отпивалъ чай, мурлыкалъ привязавшійся въ церкви напѣвъ: „архангельскій гласъ вопіемъ ти чистая" и думалъ:

„Закуси. Не торопись ужъ очень-то... Чай-то, въ сам-дѣлѣ... что ужъ?.. Праздникъ такой!.. Птица, и та гнѣзда не вьетъ"...

— Опять Камушкина встрѣлъ,—сообщилъ онъ занимавшую его мысль.—Отъ завутрени шли... Проситъ восемь ужъ сотъ—пятьсотъ подождать...

Яковлевна вдругъ вскипятилась:

— Ну-ужъ! проситъ! Гляди—напросится! Чаво въ немъ-то? Черезъ крышу льетъ. Окошки не крашены. Переднiй уголъ, того гляди, сядетъ...

— Присадникомъ больно ужъ хвалится.

— Что-жъ присадникъ? Не въ присадникѣ жить...

— Да и я ему: онъ, г-рю, на плохой конецъ на двѣсти монетъ ремонту съѣстъ... а вишня плевая... Семьсотъ надавалъ—пятьсотъ подождать...

— О-охъ! Подумать да подумать надо-о... На вѣкъ вѣдь...

Макарушкинъ выпрямился, блеснулъ глазами. Камушкинъ домъ онъ считалъ ужъ своимъ, думалъ о немъ, строилъ планы и вѣрилъ, что купитъ его...

— Разсчетъ есть и за восемь-то сотъ!..—сказалъ онъ строго.—Ты прикинь: въ касцiи двѣсти-шестьдесятъ-восемь!.. разъ!..—Пригнулъ мизинецъ правой руки, стукнулъ ею о столъ.—Плюнуть до трехсотъ... Другое: съ душами, на плохой конецъ, шестьсотъ выручимъ... Хватитъ на все, и съ ремонтомъ. А тамъ: въ задней—сами живи... За переднюю—кому не надо, дадутъ восемь цѣлковыхъ... Раскинь-ка!

Баба, молча, покачала головой, вздохнула. Она соглашалась съ разсчетами мужа, но, въ силу бабьяго упрямаго чутья, хотѣла выждать, прижать Камушкина на лишнюю сотню.

— Охъ-ужъ... не знаю и какъ... А такъ бы гоже своимъ-то домкомъ... такъ-то бы гоже...

— Дастъ Господь, справимся,—увѣренно пробасилъ Макарушкинъ и замурлыкалъ: „архангельскiй гласъ“...

Въ спальнѣ, за шпалерной перегородкой, проснулись ребятишки, стали возиться.

— А-гы, гы, гы-ы-ы...—хныкалъ младшiй, Степка. Васька, старшенькiй, выглянулъ изъ-за двери, почесываясь и щуря заспанные, дремотные глаза.

— Мам... пирожка?—попросилъ онъ плаксиво.

Степка умолкъ и тоже просунулся въ горницу.

— И минѣ пирожка!

— Ну-ужъ, вы!.. не промывши-то зѣнокъ... саранча!.. Отецъ въ должность идетъ—а вамъ куда?

— Да ужъ дай, чево тамъ!—заступился отецъ.—Подь-ка сюда, Степка!..

— Тять, купи минѣ на Пасху коня-а!..

— И мнѣ—коня!—поспѣшилъ присоединиться Васька.

— Зачѣмъ тебѣ коня?—продолжалъ смѣяться Макарушкинъ.

— Мишкѣ Дробину хочутъ купить на Пасху коня.

— Охо-хо-хо! какой, братъ, ты завистникъ!

Отецъ совсѣмъ добродушно и ласково потрепалъ Степку по щекѣ. Васька сообразилъ, что теперь какъ-разъ пора выложить отцу давно приготовленную жалобу. Вдругъ, безъ видимой причины, онъ заревѣлъ, закрывшись рукавомъ кумачевой рубашки.

— Ты что, Васька, аль и тебѣ коня?

— Меня Санька поби-илъ!..

— Когда-жъ онъ тебя?

— Третёвдни-и...

— Какой такой Санька?—серьезно обратился Макарушкинъ къ женѣ.

— Какой? — ворчливо поддержала сына Яковлевна: — чать вашего приворотнаго... Прошкина-то, Панфила... Василича. И диви бы крошечный, а то—съ версту съ коломенску. Въ городскомъ-то въ шестомъ классѣ сидитъ, а ужъ такой отчаянный... Ты бы попенялъ старику: что-й-то въ самомъ дѣлѣ? Проходу нѣтъ ребятишкамъ: бьетъ и бьетъ.

Отецъ погладилъ взъерошенную голову Васьки.

— За что онъ тебя, сынокъ?

— Онъ говоритъ: „твой, г-воритъ, тятька—убивецъ!.. Человѣка устрѣлилъ!..“ Да какъ пихнетъ меня въ спину...

Макарушкинъ гордо засмѣялся.

— Вонъ оно што-о! А ты скажи этому Санькѣ: ты, молъ, дуракъ!

— Хорошо, скажу,—скромно и дѣловито согласился Васька.

— Скажи ему: мой, молъ, тятька—присяжный человѣкъ!.. Службу свою сполняетъ не такъ, какъ другіе кто: сонули да пьяницы!..

— Скажу!—повторилъ удовлетворенный Васька.

Макарушкинъ всталъ изъ-за стола, покрестился со строгимъ лицомъ на икону, сталъ надѣвать шинель, чтобъ идти на службу.

Яковлевна оправляла сзади сборки шинели, негодовала на Прошкиныхъ.

Отецъ ушелъ. Яковлевна поставила передъ образомъ умытыхъ, причесанныхъ мальчиковъ, говорила съ ними слова молитвы:

— Помилуй, Господи, тятю, маму, всѣхъ сродственниковъ...

всѣхъ обидящихъ, ненавидящихъ... Прости наши согрѣшенія, вольныя и невольныя...

IV.

Легкимъ шагомъ запоздавшаго человѣка подходилъ Макарушкинъ къ острожнымъ воротамъ. Ободняло. Солнышко явственно обозначилось въ свѣтломъ утреннемъ туманѣ. Снова начало таять; подъ ногами уже хлюпало. Жаворонки, чуя вёдро, звенѣли во всю. Въ церквахъ благовѣстили къ ранней. Мягкіе тягучіе голоса большихъ праздничныхъ колоколовъ переплетались въ общій протяжный гулъ, радостный и веселый.

Надзиратели утренней смѣны одинъ по одному ныряли въ низенькую калитку черныхъ воротъ. Макарушкинъ прибавилъ шагу.

— Макаръ-Митричу! Наше вамъ нижайшее съ кисточкой!

Веселый, прихоленный по праздничному, Ткачевъ протянулъ ему руку. И въ голосѣ, и въ томъ, какъ была подана рука, замѣчалось завистливое подобострастіе. Оно Макарушкину нравилось, и онъ сердечно потрясъ руку Ткачева.

— Ну что, какъ вашъ икспріятель, все еще цѣлъ?

— Не дается, жидъ его раздери!.. Ка-бы мнѣ такую вотъ ручку, какъ ваша...

Оба разсмѣялись.

— Не иначе, я полагаю, съ бабами много вождаетесь!— пошутилъ Макарушкинъ, ныряя въ калитку.

— Ну вы... тоже... сказали для праздника!..

Заспанный Прошкинъ ощупалъ Макарушкину карманы, обшлага, провелъ ладонями отъ подмышекъ до колѣнъ. Потомъ, ничего не найдя, поздоровался за руку.

— Съ праздничкомъ, Макаръ Митричъ!

— И васъ, Панфилъ Василичъ!—отвѣтилъ тотъ.—Я вамъ что-то хотѣлъ попенять, — вспомнилъ Макарушкинъ жалобу сына,—да видно ужъ на досугѣ какъ-нибудь, послѣ.

— А что такого?

— Насчетъ мальчонки вашего, Саньки. Острасточку бы дали.

— Что-жъ такого?—повторилъ Прошкинъ.

— Да вонъ, моему большаку пинка закатилъ!.. Твой, слышь, тятька убивецъ, и все такое... Конешно, не таковскій я человѣкъ, чтобъ докладывать... сами знаете...

— Ну, что тамъ такого!.. — просительно развелъ руками Прошкинъ.—Извѣстно...

— То-то... вы-бъ его за вихры... такъ маленечко, для острастки...

Макарушкинъ принялъ свое обычное дежурство у задней стѣны, которая слыла за опасную, такъ какъ сюда выходили каторжныя и пересыльныя камеры. Бѣжать отсюда, конечно, немыслимо. Отъ воли арестантовъ отгораживали прочная желѣзная рѣшотка, десятисаженная высота, сѣдая гладкая стѣна и часовой. Самой вѣрной и самой страшной для арестантовъ преградой былъ, конечно, часовой. Изъ всѣхъ стѣнъ и преградъ часовой былъ самой глухой, самой стойкой, самой неумолимой стѣной. Это была бдительная, вооруженная, глухая стѣна...

Начальство, безпокоясь объ участи пересыльныхъ и каторжныхъ камеръ, знало это и не побѣговъ боялось.

— Побѣги!.. Это изъ новой-то тюрьмы!!

Оно старалось о томъ, чтобы люди, сотни людей, жившихъ безвыходно, дни и ночи, въ стѣнахъ одного и того же дома, чувствовали себя въ камерахъ одинокими, какъ на необитаемыхъ островахъ. Оно добивалось того, чтобы люди, сидѣвшіе въ острогѣ, потеряли то, что отличаетъ человѣка отъ животныхъ: общеніе путемъ слова.

Отъ пересыльнаго арестанта всегда вѣетъ немножко волей: пересыльный любитъ перемахнуться сигналомъ, развозитъ по острогамъ новости, поклоны, записки, перестукивается, перекликается черезъ окно, спускаетъ „телефонъ“. За пересыльнымъ, какъ и за каторжаниномъ, приходится глядѣть въ оба. Потому-то задняя стѣна и слыла опасной, потому-то Макарушкинъ и гордился своимъ постомъ.

Онъ принялъ дежурство обычнымъ порядкомъ: сосчиталъ патроны, осмотрѣлъ зарядъ и, окинувъ озабоченнымъ взглядомъ высоченный фасадъ острога съ сотней зарѣшоченыхъ оконъ,— замаршировалъ взадъ-впередъ по обметенной панели.

Въ острогѣ было тихо и сонно, какъ всегда по утрамъ. Гдѣ-то вверху чиликали воробьи, ворковали невидимки-голуби; издали черезъ стѣну плыли веселые звуки трезвона. Все было мирно, покойно.

Макарушкинъ маршировалъ, перекидывалъ по привычкѣ съ плеча на плечо винтовку, додумывалъ свой разговоръ съ Прошкинымъ. Два года тому назадъ, еще въ старомъ острогѣ, онъ выстрѣлилъ въ окно, убилъ арестанта. За этотъ выстрѣлъ Макарушкина перевели на старшій окладъ. Товарищи ему завидовали. И онъ не слыхалъ какихъ-нибудь уважительныхъ попрековъ; такъ—пересуды были. И вотъ, до сей поры находятся

люди, которые не перестаютъ завидовать. Откуда этотъ Прошкинъ пащенокъ взялъ такія слова? Отъ большихъ слыхалъ... До того раза и послѣ Макарушкину не разъ доводилось стрѣлять по окнамъ. Пули попадали то въ потолокъ, то въ стѣнку, въ косякъ. Трудно попасть, стрѣляя снизу вверхъ, да еще черезъ рѣшотку: нужна необыкновенная мѣткость. Надъ неудачными выстрѣлами посмѣялись, да и забыли. А тотъ до сихъ поръ помнится... Гм... чудно. Макарушкинъ вспомнилъ, какъ Яковлевна великимъ постомъ встревожилась вдругъ, пристала: „покайся да покайся отцу Ивану"!.. „Въ чемъ буду каяться?..—служба"! „Нѣтъ-таки, покайся"! Покаялся. А отецъ Иванъ строго такъ поглядѣлъ черезъ очки, да и говоритъ: „Каяться надобно во грѣхахъ. Давидъ принесъ покаянье свое передъ Господомъ не въ томъ, что убилъ Голіаѳа, а въ томъ, что соблазнилъ жену Урія"... И сталъ спрашивать по требнику: не ѣлъ ли онъ скоромнаго по постамъ, не осуждалъ ли въ мысляхъ ближняго, не лѣнился ли ходить на должность... Поди-жъ ты вотъ... Понемногу Макарушкинъ впалъ опять въ свои утреннія думы: о домѣ Камушкина, о душевыхъ надѣлахъ, которые собирался продать. „А земля-то въ нашихъ мѣстахъ!"—думалъ онъ.—„Сама—хлѣбъ... сдобная... разсыпчатая... орѣшками"... И запахъ жирнаго полевого чернозема, только-что поднятаго сохой, еще парного, лоснящагося, какъ воронье крыло,—этотъ родной запахъ пахнулъ вдругъ на Макарушкина, кружа голову, увлекая мысль далеко назадъ, къ родной деревнѣ, къ годамъ юности, къ крестьянской порѣ жизни. Мысленно пробѣжалъ онъ всѣ три поля родной деревни, съ овражками, перелѣсками, куда ѣзживали на покосы, хаживали по ягоды. Вспомнилъ село съ двумя кривыми соломенными порядками... свое родимое село: церковь, поповъ домъ, своя изба... По душѣ разостлалось ласковое, мягкое чувство. Мать, отецъ, товарищи... И такъ вольно, широко дышалось тогда. Кругомъ этто... о-о!.. не обхватишь; простору-то, простору... Жаворонки поютъ, ястреба—камнемъ съ неба... А рожь-то—море!.. Жалко... жалко...

Макарушкинъ почувствовалъ непривычную слабость въ ногахъ, въ тѣлѣ истому. Глаза заволокло радостной горечью.

— Э-эхъ... было!.. то-жъ, мужики прозывались!

Вдругъ надъ головой промелькнуло что-то похожее на камень. Онъ дрогнулъ, наупружился всѣмъ существомъ, какъ дикій звѣрь, почуявшій бѣду, и минутной слабости какъ не бывало.

Осмотрѣлся. Весь многоэтажный фасадъ острога былъ тихъ и безлюденъ попрежнему. Низкое солнышко еще не перевысило

сѣдой стѣны. Косые лучи стлались по верхнимъ этажамъ, подрумянили, принарядили ихъ. Нижніе этажи, вмѣстѣ съ узкой полоской двора, тонули въ тѣни, казались черезъ то особенно мрачными, по острожному. И въ верхнихъ поблескивающихъ окнахъ, и въ нижнихъ темныхъ не видно было ни души, хотя кое-гдѣ зіяли открытыя окна и фортки.

— Похоже—воробей,—успокоился Макарушкинъ. Но подобрать оброненное настроеніе ему уже не удавалось. Онъ заставлялъ мозгъ воскрешать родные образы, хотѣлъ скользнуть мыслью по полямъ и перелѣскамъ... А въ головѣ вертѣлись тюремная служба, поле съ кизяками, домъ Камушкина...

Понемногу острогъ просыпался и начиналъ глухо гудѣть.

Гдѣ-то, не то въ камерѣ, не то за стѣной на волѣ, капризничалъ ребенокъ. Въ городѣ уже звонили „Достойно“. Макарушкинъ прислушался, остановился, снялъ фуражку, перекрестился.

— „Достойно и праведно есть“... Сверху опять пролетѣло что-то похожее на камень.

— Вотъ, дьяволы, бѣсятся!—мелькнула было у Макарушкина спокойная мысль о воробьяхъ.

Но на открытую голову посыпались хлѣбныя крошки. Онъ снова встревожился, поглядѣлъ кверху, зашелъ сбоку.

Пересыльныя камеры, мужскія и женскія, помѣщались въ пятомъ этажѣ, посрединѣ корпуса.

Съ шумомъ открылось окно, что-то мелькнуло. Макарушкинъ насторожился.

Во время службы въ немъ сидѣло какъ бы два человѣка, которые постоянно чередовались въ господствѣ надъ его мыслями. Одинъ — мирный, мечтательный мужикъ, благочестивый, много думающій о томъ, какъ бы обезпечить и прокормить семью. Другой—строгій и чуткій къ своему дѣлу солдатъ, исправный, исполнительный, способный въ любую минуту окаменѣть или загорѣться, глядя по приказу. Но порой на Макарушкина находило нѣчто третье. Это третье охватывало его всякій разъ, когда слишкомъ долго приходилось тревожиться, много досадовать. Тогда въ его сердцѣ, въ его мозгу загоралась страсть—страсть охотника.

Много разныхъ страстей гнѣздится въ человѣческой душѣ. Онѣ, какъ музыкальныя струны, то спятъ въ ожиданьѣ, то звучатъ, разбуженныя прикосновеньемъ.

И изъ всѣхъ человѣческихъ страстей есть одна, перешед-

шая къ человѣку по наслѣдству отъ далекихъ-далекихъ пращуровъ, отъ пещерныхъ предковъ.

Это—страсть охотника. Она—самая ужасная, самая дикая изъ всѣхъ людскихъ страстей. Въ ней нѣтъ туманящихъ, но скоро минующихъ бурь, нѣтъ порывовъ, нѣтъ пѣвучаго раздраженія, нѣтъ даже тупого азарта. Страстный охотникъ—одна сплошная хитрость, безпримѣрная настойчивость, неутомимость, холодная жестокость. Захвативъ, наполнивъ всего человѣка, эта страсть, подобно всякой другой, толкаетъ всю полноту его духовныхъ и тѣлесныхъ силъ на убійство... Въ то время какъ человѣкъ, одержимый какой-либо другой страстью, стремится лишь къ частичному захвату чужого или даже своего блага—опьянѣть, утишить похоть, обыграть—у охотника одно желанье: убить! Даже садистъ, самый гнуснѣйшій изъ гнусныхъ, и тотъ удовлетворяется только видомъ пролитой крови... Охотнику нуженъ видъ смерти... Вотъ эта-то страсть охотника и захватывала иногда Макарушкина на службѣ. А такъ какъ онъ былъ вооруженъ винтовкой новѣйшаго образца и со стороны людей, подчинившихъ себѣ его волю, встрѣчалъ не противодѣйствіе, а поощреніе своимъ порывамъ, то это третье состояніе было страшно и жутко...

Прижавшись къ сѣдой стѣнѣ, Макарушкинъ горящими отъ напряженія глазами оглядывалъ корпусъ. Вотъ въ одной изъ форточекъ верхняго этажа взмахнуло что-то бѣлое: разъ, два и три. Помахало—исчезло. Макарушкинъ замѣтилъ окно: третье слѣва въ пятомъ этажѣ.

Съ воли изъ-за стѣны послышался глухой, напряженный голосъ. Онъ кричалъ что-то въ острожныя окна. Къ рѣшоткѣ припало блѣдное, бородатое лицо.

— Про-очь отъ окна!—крикнулъ Макарушкинъ звонкимъ, кованымъ голосомъ.

Лицо исчезло...

Прошло нѣсколько томительныхъ секундъ, тихихъ, ровныхъ, но долгихъ. Вдругъ—Макарушкинъ отчетливо различилъ—черезъ его голову, черезъ стѣну перелетѣлъ камень или жестяная коробка. Невидимая рука бросила его съ силой и скрылась. Часовой вскинулъ ружье на прицѣлъ—стрѣлять было не въ кого. Окна попрежнему зіяли темными падями... а въ нихъ поблескивали рѣшотки.

Постоялъ, прислушался—тихо, никого. Пошелъ по панели, но ужъ не прежнимъ мѣрнымъ гимнастическимъ шагомъ, какъ ходятъ солдаты на часахъ и парадахъ, а крадучись, выжидая,

думая лишь о томъ, какъ бы выслѣдить, поймать, захватить. Точь въ точь — кошка на охотѣ. Съ воли изъ-за стѣны опять закричалъ глухой, натужный голосъ, и Макарушкинъ различилъ слова. Кричали:

— Варва-ара пріѣхала!

Изъ острога никто не глядѣлъ и не откликался.

А между тѣмъ отъ третьяго этажа ко второму спускалась тонкая суровая нитка, будто паутинка, будто одинокій блуждающій нервъ тюрьмы. На концѣ—кирпичикъ и что-то завернутое въ грязную бумажку, все подъ цвѣтъ стѣны и рѣшотокъ. Тихо и мѣрно покачивается нитка. Легкими, еле замѣтными толчками опускаетъ ее осторожная рука. Никого не видать ни вверху, откуда нитка ползетъ, ни внизу, гдѣ остановилась и кружится.

Но вотъ, навѣрное, сверху стукнули, дали знать, что „телефонъ“ опустился на разсчитанную длину. Внизу, въ форточкѣ обрисовалось молодое землисто-сѣрое лицо... и не лицо, а одни глаза, широкіе, свѣтящіеся глаза. Глаза увидали слѣдящаго за „телефономъ“ Макарушкина, промолвили тихимъ, просящимъ шопотомъ:

— Чайку?.. Чай это...

Макарушкинъ молча и серьезно взялъ на прицѣлъ. Глаза пропали.

Нитка недоумѣнно повисла надъ пустой форткой, покружилась, поболталась и черезъ секунду прыжками поднялась, исчезла въ пятнадцатомъ окнѣ.

V.

Въ сорокъ-седьмой камерѣ было четыре койки: двѣ привинчены къ полу, двѣ поставлены. Камера тѣсная, но достаточная для четверыхъ. Въ ней размѣстили политическихъ женщинъ, пригнанныхъ съ послѣднимъ этапомъ. Три молодыя дѣвушки заняли обѣ поставленныя койки, сдвинувъ ихъ вмѣстѣ. Одну изъ привинченныхъ отдали старухѣ, другую—Авдотьѣ съ Петькой, и было удобно.

— Въ тѣснотѣ да въ согласьѣ можно вѣкъ прожить, — говорила самая ласковая изъ дѣвушекъ, Вѣрочка.

Старуха съ Авдотьей благодарили барышень за уступчивость, старались имъ услужить, развлечь ласковыми разговорами. И было въ камерѣ у нихъ все по семейному: съ уступочкой да лаской. Одинъ только Петька былъ непокладистъ, держалъ себя

деспотомъ, капризничалъ, требовалъ невозможнаго. Вдругъ заявитъ:

— Хоцу на вулицу, на саноцкахъ катаца!..

Станутъ ему толковать, что нельзя этого, сидятъ подъ замкомъ, караулитъ ихъ строгій „дядя"...

Петька примется плакать, бить того, кто ему это скажетъ. Чаще доставалось отъ него барышнямъ, такъ какъ тѣ любили съ нимъ возиться. А старуха смѣялась, говорила Петькѣ:

— Что, видно: семь дѣвокъ, одинъ я!..

Думали простоять въ новомъ острогѣ только день, а вотъ уже третій подошелъ, и не знали, когда погонятъ дальше. А хотѣлось бы поскорѣе уже до мѣста. Трехъ барышень гнали въ административную ссылку, потому что противъ нихъ не было никакихъ уликъ и нельзя было ихъ ни за что осудить. Старуху гнали въ ссылку по суду „за сопротивленіе властямъ", т.-е. за то, что взяла въ руки кочергу, когда къ ней въ избу вломились пьяные черкесы. Авдотья съ Петькой ѣхала добровольно къ мужу на жительство: мужъ ея другой годъ доживалъ въ административной ссылкѣ, и ему оставалось еще три года.

Утромъ на Благовѣщенье старуха съ Авдотьей встали по привычкѣ рано. Умылись, помолились Богу и обѣ почувствовали ту нудную скуку, которая не покидаетъ ни на минуту людей, сидящихъ долгими днями подъ замкомъ. По праздникамъ скука эта еще болѣе сгущается, становится нестерпимой даже для простолюдина.

Всѣ три барышни спали, свернувшись въ одинъ комокъ, подъ однимъ одѣяломъ, и блѣдныя строгія лица выглядѣли покойными, заснувшими на долгія-долгія времена, какъ въ сказкѣ у спящей царевны.

Петька спалъ, откинувъ въ сторону правую ручонку. Полное, румяное лицо мальчика дышало силой, пунцовыя губы заботливо шевелились; свѣтлыя льняныя кудряшки, вспотѣвъ, прилипли ко лбу и къ вискамъ расписными колечками, будто живые узоры.

Въ противоположность барышнямъ Петька, казалось, и во снѣ жилъ подвижной, рѣзвой жизнью.

— Какъ раскидался красавчикъ твой!—замѣтила старуха, любовно глядя на Петьку.—Замотался горемычный взаперти-то... Ну-ка, легко ли?..

Авдотья вздохнула, колыхнувъ полной грудью.

— Охъ ужъ!.. скорѣе бы что-ли?.. Никакъ и конца-то не будетъ... И что-то мнѣ сёдня такъ, милая, тошнехонько... Сердечушко не на мѣстѣ. Ужъ не подѣялось ли что дома, милая

ты моя?.. Аль съ нимъ... съ моимъ-то?.. Одинъ, другой годъ доходитъ—одинъ.

— Все Господь, все Онъ Пречистый! — вздохнула и старуха. — Чего-й-то больно тужить?.. Дождешься, свидишься... И какъ, чай, радъ-то будетъ!.. и-и...

Въ коридорѣ затопотали сапоги, въ дверь стукнули сильнымъ грубымъ ударомъ.

— Повѣрка!

Авдотья оправила на барышняхъ одѣяло. Старуха поднялась на ноги. Загромыхало желѣзо, щелкнуло, запѣло, и въ распахнутую дверь быстро и строго вошелъ толстенькій холеный помощникъ, съ записной книжкой въ рукѣ. Въ дверяхъ стали на вытяжку старшой и коридорный.

Окинувъ строгимъ взглядомъ камеру, помощникъ заглянулъ въ развернутую книжку, потыкалъ карандашомъ въ сторону заключенныхъ, не исключая Петьки, повернулся уходить.

— Дозвольте спросить васъ... ваше благородіе,—обратилась къ нему Авдотья пѣвучимъ ласковымъ голосомъ, сама краснѣя и заикаясь,—скоро что-ли насъ дальше-то погонятъ?

— Ты къ мужу идешь?

— Къ мужу.

Загнутые кверху усики помощника шевельнулись нехорошей улыбкой.

— А вотъ когда „по-го-нятъ“, тогда и пойдешь!—отвѣтилъ онъ, передразнивъ ее на словѣ „погонятъ“.

Повернувшись уходить, холеный помощникъ подмигнулъ назадъ. Старшой съ коридорнымъ угодливо улыбнулись.

— Не терпится бабѣ!—донеслось изъ-за запертой двери.

Грубые, тяжелые шаги удалились къ сосѣдней камерѣ.

— Охота вамъ, Авдотья, разговаривать съ ними!—укорила Вѣрочка, проснувшаяся отъ шума.

— Да все хочется путнаго! — запѣла та. — Хорошо, что проснулись вы, барышня... денекъ-отъ нонѣ будетъ весё-ёлый... Сейчасъ чайку заварю... Кипяточекъ принесли...

Баба засуетилась: схватила со стола салфетку съ крошками, неловко съ табуретки потянулась къ форточкѣ, стряхнула крошки наружу за окно, заварила чай, помыла чашки, накрыла.

Барышни одѣлись, умылись, всѣ сѣли за столъ.

Камера повеселѣла, ожила. Вѣрочка подошла къ Петькѣ.

— Надо разбудить деспота... Безъ него скучно чай пить.

— Оставь, Вѣрочка! — запротестовали другія. — Пусть выспится, а то опять капризничать начнетъ.

Вѣрочка, восхищенная, остановилась надъ спящимъ мальчикомъ. Утренній лучъ уже пробрался сквозь рѣшотку окна, позолотилъ Петькины кудри, стлался дальше, чтобы осіять всего. Петька тревожился, чуя близкое пробужденіе, шевелилъ носикомъ, губами.

— Въ кого онъ у васъ такой хорошенькій, Авдотья?

Авдотья, польщенная всегда радостными для нея похвалами, разрумянилась, похорошѣла сама, какъ маковъ цвѣтъ, встала изъ-за стола.

— Въ кого жъ ему быть, милая ты моя: въ отца весь... Отсюда взглянуть—вылитый отецъ. О-о-хъ-хо-хо...

— Тоже красавецъ?—спросила Вѣрочка, съ рѣдкой на ея лицѣ плутоватой улыбкой.

Авдотья зардѣлась еще пуще, сконфузилась.

— Чай, надо бы... Первый человѣкъ на всю волость... Ка-бы его-то не услали... Господи!.. Грамотникъ, ласковый, черезовый... а баить-то, баить станетъ! Такъ и пьетъ народъ слова-ти, такъ и глотаетъ...

— И любитъ тебя?

— Ну-ужъ... вы... тоже скажутъ такое...

Авдотья даже отвернулась отъ смущенья.

— Что-ужъ... Дай Боженька, милая, и тебѣ встрѣтить такого... Рази-бъ я поѣхала?..

Солнечный лучъ доползъ, наконецъ, до Петькина лица, озолотилъ его все, сгустилъ брови, рѣсницы.

Не открывая еще глазъ, мальчикъ потянулся, захныкалъ.

— Мам... мамм...

— Что ты, сынокъ?.. Вставай! Вставай-ка!

— Я къ Ванькѣ хоцу... къ Шаброву-у...

— А ты вставай-ка, вставай... Глянь: вонъ солнышко свѣтитъ.

Мальчикъ открылъ-было глаза, потомъ замигалъ, заморгалъ ими, бросился, плача, къ матери.

Распахнули все окно. Вмѣстѣ съ густой струей свѣжести явственно и полно поплылъ въ камеру стройный, благочестивый благовѣстъ множества колоколовъ.

Старуха набожно перекрестилась.

— Звоны-то... звоны! Вся душенька поетъ.

— Сегодня праздникъ какой-то?

— Праздникъ, барышня моя милая, праздничекъ Благовѣщенья... Птица гнѣзда не вьетъ... И когда сподобитъ насъ Пречистая въ церковкѣ помолиться?

— Вы, бабушка, охотница въ церковь ходить?

— Охъ, грѣшница я окаянная!.. Молода-то такая лютущая была на пѣсни... Теперича помолиться бы, а я?.. Подъ замкомъ. Правду, видно, молвитъ пословица: отъ сумы да отъ тюрьмы...

Старуха не договорила, расчувствовалась, заплакала молчаливыми слезами.

— Ну, что вы... бабушка!.. перестаньте пожалуйста. И отсюда можно въ церковь. Хотите, потребуемъ дежурнаго?

Старуха испугалась своей непрошенной слабости, отерла слезы.

— Нѣтъ-нѣтъ, касатка! Не надо. Такъ это что-то взгрустнулось. Да и стыдно, милая. Передъ Богомъ зазорно въ этомъ-то... въ острожномъ.

Она со слезливой усмѣшкой показала на свой нарядъ. Сдѣлалось неловко. Вѣрочка, взволнованная, съ затуманенными глазами, отвернулась къ окну. Другія насупились. Только Авдотья, слушая старуху, цвѣла все той же материнской радостью: она возилась съ Петькой. Случалось всегда такъ: какъ только начинала баба хлопотать около сына, всякія предчувствія, тоскливость и горестная жалость спадали, замѣнялись здоровой, покойной радостью. И ничто, казалось, не могло нарушить въ ней этого сердечнаго покоя, этой чистой душевной радости, разъ мальчикъ былъ передъ глазами, смѣялся, лепеталъ свои дѣтскія смѣшныя пожеланія.

— Ну, выпей, выпей... до донышка, сынокъ! Вотъ та-акъ. Умникъ! — приговаривала баба до конца ласковымъ пѣвучимъ голосомъ.—Доѣдай теперь папушку, будешь молодецъ...

Петька, умытый и приглаженный, сидѣлъ за столомъ, болталъ ногами, тянулъ изъ блюдечка бычкомъ сладкій чай.

— Не хоцу!—объявилъ онъ, насытившись. Смялъ недоѣденный кусокъ хлѣба въ рукѣ, какъ дѣлывалъ въ деревнѣ, сползъ съ табуретки, нахлобучилъ на голову свою заячью шапку.

— Куда собрался соколъ-отъ нашъ?—улыбнулась ему переставшая плакать старуха.

— Поду на дворъ!—заявилъ мальчикъ, серьезно направляясь къ двери:—лосадускамъ замѣшу... муцкой посыплю...

Женщины улыбнулись серьезности мальчика.

— Охъ ты, мужи-икъ! — нагнулась къ нему старуха, уже смѣясь.—Утѣшникъ ты нашъ!

— Э-э! пусти!—передернулъ плечами Петька.

— Поду къ лосадускамъ!

Вѣрочка, стоявшая лицомъ къ окну, долго не поворачивалась, сперва волнуясь, потомъ наблюдая.

— Смотрите! Смотрите! — громко по-дѣтски крикнула она, смѣясь.—Смотрите: воробей! да смѣлый какой...

Она взяла со стола кусокъ хлѣба, накрошила на ладонь, протянула къ рѣшоткѣ. Кругленькая хитрая птица сидѣла на желѣзѣ, склонивъ на бокъ головку, и умильно-просительно глядѣла въ камеру.

Вѣрочка осторожно вытянула худую длинную руку. Воробей сначала прищурилъ одинъ глазъ, будто засмѣялся, потомъ вспорхнулъ, клюнулъ налету въ руку. Съ большой крошкой хлѣба отлетѣлъ прочь.

— Ай! Онъ клюется.

— Смотрите, смотрите! Опять прилетѣлъ. Онъ совсѣмъ ручной!

— Этотъ другой, Вѣрочка, право же...

— А нѣтъ, тотъ, посмотрите!

Всѣ заинтересовались воробьемъ, стали слѣдить за его хитрыми уловками.

— Петинька, глянь-ко-сь, вонъ воробушекъ! — указывала Авдотья, поднимая Петьку на руки.

Петька съ разинутымъ ртомъ глядѣлъ вслѣдъ за другими.

— И-дѣ-ѣ?

— Да вонъ... во-онъ на рѣшоточкѣ сидитъ, скукожился!..

— И головушку на бокъ... ше-ельма! — добавила старуха.

Птица снова вспорхнула, снова клюнула.

И Петька, увидавъ наконецъ ее, рванулся впередъ.

— Воробусекъ! воробусекъ! — закричалъ онъ, захлебываясь отъ радости.—И я!.. и я-а!..

Красный, съ горящими глазками, мальчикъ скатился съ колѣнъ матери, подбѣжалъ къ Вѣрочкѣ.

— И я! и я къ воробускамъ!

Дѣвушка взяла его подмышки, подняла къ окну.

— Цип-цип-цип!.. — манилъ Петька птичку, помахивая ручонкой.

А воробей, напуганный азартнымъ натискомъ, не хотѣлъ больше возвращаться.

— Охъ, Петька, какой ты тяжелый! — укорила Вѣрочка и хотѣла спустить его на полъ. Но Петька впился обѣими руками въ рѣшотку.

— Цип-цип-цип! — манилъ онъ воробья.

Снизу донесся непонятный острый крикъ человѣка.

Авдотья почуяла вдругъ безпричинную боль въ сердцѣ, встревожилась.

— Не уронили бы его, барышня!

— Петинька!.. слѣзь, род...

Женщина не договорила тревожныхъ словъ.

Что-то ухнуло, обвалилось. Петька навзничь повалился съ окна, увлекая за собой Вѣрочку. Сверху посыпались кусочки кирпича, штукатурки, пахнуло пылью.

Съ проворствомъ, на какое способна только мать, увидавшая своего ребенка въ бѣдѣ, Авдотья бросилась впередъ, подхватила на руки мальчика.

— Господи! Уронили-таки, уронили!

Липкая теплая кровь обволакивала женщинѣ руки, впивалась въ сарафанъ, тягуче капала на полъ. Женщина не соображала этого.

— Петинька, родненькій... ушибся? гдѣ бо-бо?

Но было тихо.

— Никакъ онъ безъ памяти? — догадалась старуха. — Батюшки!.. крови-то!.. крови-то что!!..

Вдругъ тишину пронизалъ страшный, многоликій крикъ: то дѣвушки догадались о происшедшемъ.

— А-а-а!.. а-а-а-а!.. — неслось изъ камеры въ коридоръ и наружу. И нельзя было разобрать, кто кричалъ, сколько голосовъ кричали, захлебывались, рыдали.

— Убили... убили... на смерть убили робеночка!.. — причитала старуха.

Дѣвушки кричали, а Авдотья, все еще не понимавшая всего ужаса, держала на рукахъ окровавленнаго Петьку.

— Петинька, ласковый мой... болѣзный...

Вѣрочка не устояла: вся запятнанная, залитая кровью, она рухнулась о земь, съ землистымъ мертвеннымъ лицомъ, съ желтой урчащей пѣной на синихъ губахъ. Лежа на спинѣ, она судорожно тряслась вся, билась головой объ полъ, часто-часто дергала локтями, плечами, колѣнями... и ползла, ползла по полу, размазывая собой кровавыя пятна.

Страшный крикъ не прекращался; онъ росъ, метался, захлебываясь въ безконечномъ ужасѣ, и требовалъ... требовалъ...

Острогъ тихо и строго прислушивался къ этому крику, молчалъ, ждалъ—а потомъ вдругъ застоналъ самъ, завылъ тысячею глухихъ, раздраженныхъ голосовъ...

Испуганные надзиратели растерянно метались по коридорамъ, заглядывали въ волчки, вынимали изъ кобуровъ оружіе, снова прятали, не знали что̀ дѣлать.

Острогъ вылъ и плакалъ.

Толстенькій холеный помощникъ, блѣдный, вспотѣвшій, съ прилипшими ко лбу волосами, стоялъ у телефонной трубки, съ револьверомъ въ рукѣ, и хриплымъ, задыхающимся голосомъ выкрикивалъ трусливыя слова:

— Бунтъ! бунтъ!!. Въ тюрьмѣ бунтъ!!!

Мелкимъ, торопливымъ бѣгомъ, съ ружьями на перевѣсъ, будто на штурмъ, пробѣжалъ по двору отрядъ дежурныхъ конвойныхъ. Къ темнымъ воротамъ во весь карьеръ подскакала полусотня донскихъ казаковъ, спѣшилась, черезъ минуту вошла въ корпусъ.

И воющій, плачущій, требующій острогъ помаленьку наполнился новыми звуками, мѣрными, тяжелыми, рѣшительными:

— Сми-и-рно-о!

VI.

И стало смирно, какъ въ могилѣ. Напрасно носились надъ острогомъ радостные весенніе звуки, праздничные, ликующіе крики, зовущіе на просторъ. Напрасно ласкалось солнце. Напрасно наливалось синевой и позолотой умытое, ядреное небо и стыдливый вѣтерокъ вѣялъ щекочущимъ ароматомъ теплаго весенняго дня. Острогъ стоялъ тихъ и суровъ. Даже солдаты и надзиратели, заразившись мертвенной тишиной, ходили по коридорамъ наципочкахъ, разговаривали шопотомъ. И какъ ни странно, разговоръ шелъ не о томъ большомъ событіи, которое толстенькій, холеный помощникъ оповѣстилъ „бунтомъ". Говорили о другомъ: объ убійствѣ ребенка, о послѣдствіяхъ этого убійства. Въ нижнемъ, карцерномъ коридорѣ столпилась запасная стража. Курили и говорили въ полголоса. Старшой Пароходовъ горячо нападалъ на Макарушкина.

— Это что же такое будетъ? — разводилъ Пароходовъ руками. — Ежели ты, скажемъ, есть часовой и приставленъ... то смотри дѣло!.. Знай, куда попадать... а то ребенка малаго! На-ко!.. Этого вѣдь тоже не приказано!..

Казачій урядникъ и старшой изъ конвоя держали руку Макарушкина.

— Предположимъ, оно есть именно такъ,—любуясь своими манерами и голосомъ,—говорилъ конвойный старшой,—предположимъ... на этто самое, чтобы стрѣлять въ ребенка, приказанія не было... Но вы, пожалуйста, не должны забывать: онъ—часовой!.. прикомандированъ къ опредѣленному мѣсту, и не можетъ входить въ разсужденіе, кто у окна...

— Какъ это не можетъ?—перебивалъ Пароходовъ.—Что онъ ослѣпъ что-ль? Приказано ему?..

Рядовые съ почтительнымъ молчаньемъ прислушивались къ спору старшихъ.

— А дозвольте васъ спросить, господинъ старшой, — обратился одинъ изъ нихъ къ Пароходову:—какъ теперича господину Макарушкину: наказаніе будетъ, аль штрафъ?..

— Въ разсужденіи моемъ,—отвѣтилъ за Пароходова словоохотливый конвойный — не будетъ ему никакихъ послѣдствій... Развѣ что выговорецъ незначительный—и то, весьма вѣроятно, останется безъ всякаго вреднаго вліянія на служебный кондуитъ, потому за послѣднее время строгости по службѣ не въ такомъ направленіи...

Пароходовъ молча пыхалъ папироской, презрительно мѣрялъ глазами говоруна.

— Судъ-не-судъ, а съ должности громыхнетъ, пожалуй! — процѣдилъ онъ сквозь усы, — потому понимай: что̀ приказано, что̀ нѣтъ!

— Бабушка еще на-двое сказала! — обронилъ и казачій урядникъ, сверкая серьгой.

— Это какъ надо понимать?

— А такъ вотъ: стрѣляй—куда укажутъ!

— Нѣтъ, дозвольте,—началъ опять конвойный старшой: — ежели въ разсужденіи воинскаго устава... то тамъ сказано слѣдующимъ порядкомъ...

— Ну!—презрительно махнулъ Пароходовъ:—эт-ти порядки мы знаемъ давно!.. У васъ еще молоко было необсохшее... не въ томъ разѣ сила. Завтра поѣдетъ съ докладомъ, тады все уяснится!..

Въ другомъ коридорѣ молоденькій солдатикъ, съ ласковымъ юношескимъ лицомъ, разсказывалъ о томъ, какъ убирали сорокъ-седьмую камеру. Молча и угрюмо слушали его другіе.

— И что это, братцы: въ эдакомъ маленькомъ столько много кровишши?!

Солдатикъ наивнымъ, удивленнымъ взглядомъ обвелъ весь кружокъ слушателей.

— Сперво-разу мы подумали: и барышня убимши... вся въ кровищи.

— Что-й-то ему будетъ теперь?..

— Часовому?

— У-гу!

— Да что̀, извѣстное дѣло...

Однако же „извѣстное дѣло“ становилось далеко неизвѣстнымъ. Въ головы людей, только что усмирившихъ острогъ съ натиска, уже забывшихъ объ этомъ усмиреніи—въ ихъ головы просочилось тревожное сомнѣнье. Оно настойчиво кралось въ душу, блуждало въ ея пустотѣ и, одинокое, непривычное, причиняло безпомощное безпокойство. Убей Макарушкинъ взрослаго человѣка, при той же обстановкѣ—не было бы ни сомнѣній, ни тревожныхъ разговоровъ. Простыя и точныя понятія: „приказано“—„неприказано“ тамъ не могли спутаться. Но убитъ малый ребенокъ. Многіе видѣли его румяное, смѣющееся личико, слышали его наивный, младенческій лепетъ. Было бы нелѣпо и дико искать оправданія этому убійству въ преступныхъ замыслахъ убитаго, въ его неповиновеніи. И всѣ знали, что Макарушкинъ былъ случайнымъ убійцей. Убилъ потому, что его, а не кого-нибудь другого приставили часовымъ къ заднему фасаду. Могли вѣдь приставить любого изъ нихъ, и тогда любой изъ нихъ былъ бы убійцей невиннаго, лепечущаго младенца... А было ли бы это похвально, или нѣтъ? И сомнѣнье, смутное, но страшное, не покидало людей. Они не были въ силахъ отогнать его отъ себя безъ посторонней помощи, безъ чего-нибудь туманящаго, авторитетнаго или пьянаго. И тревожились: боялись оставаться одни въ гулкихъ, молчаливыхъ коридорахъ острога, боялись одинокихъ думъ, чтобы не порѣзаться объ острую грань „возможнаго“ и „недопустимаго“. Опасались заглядывать въ укоризненные тихіе „волчки“, метавшіе, подобно волчьему глазу, темныя искорки.

И надзиратели, и конвойные, и даже казаки—всѣ жались въ кучки, всѣ старались говорить, слушать, спорить, старались угадать то ожидаемое рѣшеніе начальства, которое успокоитъ всѣхъ. А въ разговорахъ чаще всего повторялись слова: „приказано“-„неприказано“, „льзя“-„нельзя“...

Старшой Пароходовъ доглядывалъ тутъ и тамъ и увѣренно говорилъ всѣмъ, что Макарушкину не устоять въ должности, Макарушкина непремѣнно громыхнутъ. Другіе надзиратели, младшіе, выслушавъ его молча и почтительно, пускали въ догонку злобнымъ шопотомъ:

— Наскрозь видать тебя, аспида!.. Только и норовишь слопать кого-нибудь на нѣтъ...

И сомнѣнья не покидали людей; обычное равновѣсіе солдатской души, державшееся всегда на рѣшительномъ, короткомъ правилѣ: „приказано“—равновѣсіе это нарушилось.

Оно могло быть возстановлено авторитетомъ смотрителя; но смотритель, бурей пронесшись по острогу два раза, больше не

появлялся. Всѣ знали, впрочемъ, что и смотритель, прежде чѣмъ приказать, долженъ побывать съ докладомъ.

Потому разрѣшеніе тревожныхъ сомнѣній отодвигалось на завтра: „сегодня вѣдь птица—и та гнѣзда не вьетъ". И „завтра" для стражи становилось завѣтнымъ днемъ, днемъ разрѣшенія сомнѣній, успокоенія тревогъ.

Камеры молчали: ни стука, ни стона, ни шопота. Выкрикнувъ сразу всю накопившуюся боль и злобу, замуравленные люди залегли въ мертвенномъ покоѣ, будто не зная или не желая знать того страшнаго, что легло на острогъ неизгладимымъ кошмаромъ. Да имъ, впрочемъ, и не надо было тревожиться. Они знали больше, чѣмъ стража. Они знали, что главное и важное придетъ въ острогъ не завтра: оно было сегодня. Такъ коридоры и камеры были двумя полюсами человѣческаго духа.

А Макарушкинъ все еще стоялъ на часахъ. Пока острогъ ревѣлъ и плакалъ, Макарушкинъ метался изъ стороны въ сторону, отъ фасада къ сѣдой стѣнѣ, отъ стѣны къ панели. Онъ тяжело и нервно дышалъ, горѣлъ весь, сверкалъ глазами. Въ головѣ не было мыслей, не было желаній, а стоялъ одинъ безформенный, назойливый образъ человѣка за рѣшоткой, съ блѣднымъ лицомъ, горящимъ мимолетнымъ взглядомъ, съ сжатымъ кулакомъ.

— Убійца!.. Кровопійца!.. Палачъ!..—кричалъ образъ человѣка, появляясь то за одной рѣшоткой, то за другой, то въ одномъ концѣ многоликаго корпуса, то въ другомъ, то въ нѣсколькихъ сразу.

Макарушкинъ вскидывалъ винтовку, бралъ на прицѣлъ, а образъ зарѣшоченнаго человѣка, словно невидимка или привидѣнье, исчезалъ изъ-подъ мушки, появляясь внизу, вверху, въ сторонѣ, и все кричалъ свои болѣзненные укоры, все грозился слабымъ кулакомъ, сверкалъ страшными, сумасшедшими глазами.

Потомъ острогъ усмирили. Внизу, въ карцерахъ, была возня; слышались стоны, нѣсколько глухихъ, вопящихъ криковъ. Былъ лязгъ и топотъ. И наступила тишина. Макарушкинъ долго и хитро не вѣрилъ въ нее, выжидалъ новыхъ криковъ, высматривалъ, прикладывалъ ружье къ плечу, норовилъ встать въ тѣнь, чтобы поймать изъ-подъ солнца на мушку горящіе глаза, обрамленные рѣшоткой...

Но тишина продолжалась. Долгія минуты ожиданія проходили одна за другою. Солнце поднялось высоко надъ стѣной и длинная плоская тѣнь отъ стѣны тянулась уже узенькой темной ли-

нейкой. Гдѣ-то чуть слышно пробренчали часы, дребезжащіе, унылые... должно быть, въ конторѣ.

Макарушкинъ почувствовалъ усталость. Было лѣнь ходить, стоять, хотѣлось пить. А въ мысляхъ стояла сонная пустота. Въ правомъ вискѣ билась мѣрная жила, будто шептала:

— Все равно, все равно, все равно...

На углу, при поворотѣ къ боковой линіи острога, куда выводили на прогулку, остановился другой часовой, Кокоревъ. Онъ облокотился на винтовку, видимо ждалъ, когда подойдетъ Макарушкинъ.

— Въ секундъ усмирили, однако!

Макарушкинъ вскинулъ на Кокорева равнодушные, усталые глаза, остановился.

— Пить хочется,—сказалъ онъ кротко, по-дѣтски.

— Да ужъ полчаса до смѣны, только...

Помолчали.

— Аспидъ-отъ нашъ, Пароходовъ, такъ и брызжетъ... громыхнетъ, слышь, Макарушкинъ съ мѣста...

Макарушкинъ былъ равнодушенъ, словно не къ нему относилась угроза.

— Экій бѣсъ, прости Господи, — продолжалъ Кокоревъ, — жалко вишь ему мальчонку... Приказа, гвритъ, не было дадено... А того не возьметъ въ толкъ, что и нашему брату надобно въ соображенье брать... Можетъ она мальчонку для сигнала поставила... да.

Изъ маленькой дверки, отъ конторы, появилась фигура самого Пароходова. Увидавъ сошедшихся часовыхъ, онъ издали крикнулъ на нихъ строго, по-начальнически:

— Эй вы! По мѣ-ѣстамъ!

Потомъ пошелъ къ посту Макарушкина.

— Вамъ, господинъ Макарушкинъ, хошь теперь построже бы держать себя на службѣ!.. Черезъ вашу милость бунты идутъ въ острогѣ, вы жъ не на мѣстѣ!..

Макарушкинъ стоялъ на вытяжку, молчалъ.

Пароходовъ повернулся уходить, брякнувъ внушительно каблуками.

— Стрѣ-ѣлки! —бросилъ онъ презрительно черезъ плечо.

Черезъ полчаса пришелъ надзиратель, дежурившій съ Макарушкинымъ посмѣнно у задняго фасада. Сытый по праздничному, съ масляными веселыми глазами, съ легкимъ пивнымъ душкомъ, онъ весело принялъ дежурство и легко, играючи, замаршировалъ по панели.

— У васъ, слышь, баталья была?—спросилъ онъ походя Макарушкина.

Тотъ не отвѣтилъ. Унылой, ослабшей походкой пошелъ домой.

Въ воротахъ надзиратели шумѣли, спорили, доканчивая все тотъ же, казалось—безконечный разговоръ о „приказано-неприказано“. На Макарушкина смотрѣли съ чувствомъ любопытства и жалости, такъ какъ общее мнѣніе успѣло склониться къ тому, что—„не устоитъ“.

Прошкинъ съ особой сердечностью потрясъ ему руку и съ теплотой, какой нельзя было ожидать отъ этого соннаго, лѣниваго человѣка, проговорилъ:

— Ну что-жъ такого... ничего... не робьте...

И Макарушкинъ, отходя отъ воротъ въ сторону, одинокій и лѣнивый, подумалъ про Прошкина:

„А онъ всетаки хорошій человѣкъ“.

Зато Ткачевъ глядѣлъ на Макарушкина испуганными, тоскливыми глазами. Онъ далеко проводилъ взглядомъ широкую, стройную спину человѣка, которому привыкъ завидовать—и взглядъ этотъ туманился, двоился. То, казалось, это—просто спина, затянутая въ темную, выцвѣтшую шинель; то изъ-за нея выныривало цвѣтущее лицо мальчика съ искрящимися, веселыми глазами... И съ неба, гдѣ трещала пѣсня жаворонка, слышался тонкій звенящій смѣхъ:

— Тяцька въ Сильмѣ-ѣ...

А мягкій, задушевный голосъ шепталъ въ самое ухо, пригибаясь вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра:

— Это дядя... дядя это...

Надзиратели разошлись. Прошкинъ, утомленный пріемкой обильнаго праздничнаго подаянья и лишней возней съ воротами по случаю „бунта“, спалъ. Ткачевъ задумчиво походилъ передъ острожными воротами, оглядѣлъ пестрое тающее поле, залитое маревомъ и солнцемъ, прислушался, потомъ задумчивымъ шагомъ пошелъ къ кизякамъ.

Двѣ пирамидки еще вчера были развалены сабельными упражненіями Ткачева. Наличникъ, весь изрѣшоченный пулями, попрежнему стоялъ прямо, храня номера и круги. Серединная темная точка взглянула на Ткачева съ укоромъ, словно за ней именно и скрылся тотъ веселый дѣтскій глазъ, который съ утра не давалъ ему покоя.

Онъ взялъ доску за кромку, подержалъ задумчиво, силясь что-то понять, и срыву наотмашь отбросилъ ее въ сторону. Доска задребезжала петлями, будто заплакала. Стало полегче немного—

и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно. Ткачевъ еще разъ оглядѣлся, какъ воръ, собирающійся красть. Кругомъ было по обыкновенію пусто. Потомъ нагнулся, сталъ подбирать разсыпанные грязные кирпичики, складывать въ стройную пирамидку, какъ было прежде.

Но постовой напрасно думалъ, что его никто не видитъ. Хозяинъ кизяковъ, извозчикъ Грязевъ, только-что вышелъ на высокое крыльцо трактира и увидалъ Ткачева за работой. Онъ успѣлъ уже распить вмѣстѣ съ кумомъ двѣ полбутылки и былъ въ надлежащемъ настроеніи—храбръ и рѣшителенъ.

— Ахъ, ты... фар-раоново сѣмя! а?.. глянь: вѣдь онъ, архаръ этакій, меня безъ топлива оставитъ... Крошитъ и крошитъ...

Грязевъ поспѣшилъ вернуться въ трактиръ за кумомъ. Кумъ, саженнаго роста, лохматый ломовикъ, сидѣлъ у окна, закусывалъ. Могучая шаршавая пятерня съ трудомъ захватывала съ маленькихъ тарелочекъ маленькіе кусочки селедки съ лукомъ, десятками кидала ихъ въ ротъ.

— Кумъ! а кумъ!—накинулся на него Грязевъ:—чортовъ фаравонъ опять у меня кизякъ рушитъ... а?..

Кумъ кашлянулъ, словно ударилъ по дну пустой сорокаведерки. Глядя на могучую фигуру этого человѣка, съ пудовыми кулаками, съ саженной спиной, привыкшей къ непомѣрнымъ грузамъ, можно было подумать, что это по меньшей мѣрѣ внукъ Ильи Муромца.

— Адя, кумъ, а?.. намнемъ бока!.. такъ-разъ-эдакъ... а?

— Боюсь!—громыхнулъ кумъ неожиданно густымъ, трескучимъ басомъ.

— Ну, вотъ ишшо!.. а? Кумъ?.. Полбутылки выставлю! Разрази меня въ дребезги!.. хочь засвидѣтельствуй!.. прошенье подамъ на стоялаго, на чорта!

— А ну тя! боюсь я...—отмахнулся кумъ волосатой ручищей.—Купишь бутылку—пойду!

— А не обманешь?

— Вотъ при свидѣтеляхъ! До драки дойдетъ—тады двѣ.

— Идетъ!

— Будьте, робята, свидѣтели!

И два человѣка, при дружномъ хохотѣ трактира, побѣжали къ кизякамъ, стараясь не шумѣть, забѣжать сзади.

— Вотъ тебѣ на!—сталъ вдругъ озадаченный доброволецъ:—а онъ и вовсе не ворошитъ, а складываетъ!..

— Складываетъ и есть!—согласился Грязевъ, видя работающаго надъ послѣдней пирамидкой Ткачева.

— Какъ же таперчь насчетъ бутылки?—безпокоился доброволецъ.—Аль все единственно... бить?

— Постой ты! — отмахнулся Грязевъ. — Что за чудо?.. а?.. Эй, другъ?.. ты что-жъ это?.. а?..

Ткачевъ, сконфуженный, красный, оставилъ работу. Онъ не зналъ, какъ быть съ замазанными навозомъ руками, и стоялъ растерянный, смѣшной.

— Другъ, а?—не унимался Грязевъ.—Какъ это? а?.. Праздникъ такой... птица гнѣзда не вьетъ, а ты... другъ...

— Не гуторь, не гуторь!—нашелся, наконецъ, Ткачевъ и, круто повернувшись, пошелъ скорымъ шагомъ къ острогу.

— Господинъ фартальный!—кричалъ слѣдомъ доброволецъ:—прикажите хоть полбутылочки!.. Я-то при чемъ?.. Ей-Богу!

VII.

Яковлевна поджидала мужа съ праздничнымъ обѣдомъ и хорошей вѣстью. Макарушкинъ пришелъ немного позже обыкновеннаго, усталый и мрачный.

— Что-й-то ты, Митричъ, аль нездоровится? — встревожилась Яковлевна.

— Да нѣтъ, такъ... Подавай-ка скорѣй, да сосну, клонитъ что-то.

— А тутъ письмо безъ тебя принесли, смотри-ка, отъ братца, Павла Яковлича.

Она вытерла руки объ фартукъ, подала мужу сѣрый помятый конвертъ, весь запачканный штемпелями.

— Отъ него,—подтвердилъ угрюмо Макарушкинъ, пробѣгая письмо.—Насчетъ выдѣла, говоритъ, самому лучше пріѣхать... А за души Кулаковъ намекался семьсотъ съ перваго слова...

Яковлевна просіяла.

— Ну, вотъ! Владычица для праздника своего и обрадовала...

Макарушкинъ помычалъ въ письмо и, положивъ его на колѣни, съ жадностью сталъ хлебать рыбныя щи. Молчали и ѣли. Васька ущипнулъ подъ столомъ Степку, тотъ завизжалъ, и отецъ изо всѣхъ силъ хлопнулъ обидчика по лбу ложкой.

— Я-а вамъ даммъ!..

Случалось это съ нимъ рѣдко. Ребятишки присмирѣли, а Яковлевна рѣшила помолчать, пока наѣстся.

„Не въ духѣ что-то сёдня“,—думала она про мужа.

Пообѣдали. Ребятишки поспѣшили на улицу; самъ Макарушкинъ, все еще угрюмый, потянулся въ спальню.

— Объ чемъ же еще-то пишетъ братецъ? — не вытерпѣла, наконецъ, Яковлевна.

— Да такъ... разное... Поклоны больше. Старики, слышь, не будутъ довольны, коль отойдете на выдѣлъ.

— Ишь!.. Со стариками жить-то? Все равно десятый годъ ужъ на отшибѣ-то живемъ. Пріѣлись къ острогу—каки мы мужики?.. Сердиты будутъ!.. Какъ же? Подари-ка семь-то вотъ сотъ,—тогда не разсердятся!—а самъ оставайся безъ дома...

Баба говорила сердито, ворчливо. Макарушкинъ слушалъ ее съ видомъ усталаго равнодушія; потомъ возразилъ:

— Да еще ка-бы пришлось души-то продавать? Гляди, себѣ понадобятся...

— Что такъ?

— Съ должности грозятся прогнать...

Яковлевна поблѣднѣла, вся затряслась.

— Господи, Владычица міра!.. Да что ты, Митричъ, говоришь-то?—И въ голосѣ ея уже дрожали слезы.

Макарушкинъ хотѣлъ отвѣтить женѣ тѣмъ же равнодушнымъ тономъ, но неожиданно для себя поблѣднѣлъ, выкрикнулъ:

— Чортъ ихъ разберетъ тамъ! Нагораздило ребятишекъ по камерамъ насажать, а я виноватъ!..

Яковлевна смотрѣла на мужа большими мокрыми глазами. Голосъ ея былъ робокъ и жалобенъ:

— За что же съ должности-то?

— Да такъ вотъ! въ окно стрѣлялъ... Въ одного попалъ. А Пароходовъ змѣей шипитъ: „громыхнетъ Макарушкинъ съ мѣста. Не устоитъ“...

— И убилъ до смерти?

— Знамо до смерти... наповалъ...

— Мальчикъ али дѣвочка?

— Мальчикъ... большенькій...

— Куда же мы дѣнемся, голо-о-вушка!..—завопила Яковлевна.—Пожалѣли бы нашихъ малыхъ дѣ-ѣтушекъ...

— Пожалѣютъ они!.. — бросилъ Макарушкинъ сердито — жди!!..

И захлопнулся въ спальнѣ.

Яковлевна, плача и вздыхая, убрала посуду.

Въ зыбкѣ проснулась грудная дѣвочка, завозилась сначала, потомъ заплакала.

Войдя на ципочкахъ въ спальню, женщина взяла на руки

ребенка, заглянула на мужа: тотъ спалъ обычнымъ ровнымъ послѣобѣденнымъ сномъ. Она покрестила надъ его головой воздухъ, вздохнула, вышла въ горницу, стала кормить дѣвочку.

Голодный ребенокъ съ жадностью припалъ губами къ налитой полной груди, зарывшись въ нее весь: съ носомъ и глазами.

А у матери молчаливыя слезы текли по щекамъ, и она ихъ не вытирала.

„Уволятъ, — думала она съ горечью, — какой ужъ свой домъ?.. дѣтей не прокормишь... И не пожалѣетъ никто“...

Она плакала, переполненная тоскующей жалостью къ себѣ, мужу, дѣтямъ... Въ ея головѣ ни разу не мелькнула мысль о томъ, что недалеко отъ ея маленькаго горя, совсѣмъ близко отъ нея, другая женщина-мать убивается бо̀льшимъ горемъ...

И плачутъ, тоскуютъ двѣ матери. Одна—о томъ, что уже случилось и остается непоправимымъ; другая—лишь о возможномъ. И стала между двумя материнскими горестями глухая стѣна. Не каменная сѣдая стѣна, гладкая, ровная, будто отфугованная, а другая: невидимая, но болѣе глухая, болѣе ужасная, болѣе равнодушная... стѣна глухая...

Ребенокъ насытился: сталъ дуть пузыри, шлепать ручонками по пухлой подушкѣ грудей, сучить кривыми красными ножками, гулиться.

Яковлевна, горестная и заботливая, тихонько отняла его отъ себя, положила на постилочку, сама зажгла передъ иконами огарокъ тощей желтой свѣчки, встала на колѣни:

— Господи! Владычица!.. Царица Небесная, не допусти насъ до погибели... Сохрани младенцевъ невинныхъ отъ руки жестокой!.. не погуби насъ... спаси и помилуй...

Свѣчка мигала, окидывая трепетными вспышками лики иконъ. Вылизывая воскъ съ одной стороны, огонь копилъ его большими кучами съ другой.

Религіозная женщина молилась долго и усердно, выкладывая изъ горестнаго, встревоженнаго сердца весь запасъ просительныхъ словъ, понятныхъ только одному Богу. А рядомъ сытый грудной ребенокъ гулился, весело катаясь по коврику. Подъ окномъ, при блескѣ полуденнаго весенняго солнца, шумно и беззаботно играли веселые мальчики. За перегородкой, на широкой постели спалъ, ровно дыша, мужъ... И женщина молилась, прося Бога продлить все это на безконечныя времена.

VIII.

На утро пришло, наконецъ, разрѣшенье сомнѣніямъ и тревогамъ. Было приказано явиться съ утра всѣмъ смѣнамъ надзирателей. Острогъ привели въ смотровой видъ: чистый, холодный, мертвенно-смирный.

Ровно въ девять къ темнымъ воротамъ подкатила парная открытая коляска со статскимъ, нестарымъ еще генераломъ и готовымъ на все полиціймейстеромъ, по-полицейски молодцеватымъ, предупредительно-проворнымъ.

Ворота были настежъ. Взмыленные гнѣдые рысаки уже выгнули стройныя ноги, чтобы вступить въ нихъ, косясь строгимъ огненнымъ взглядомъ на замершихъ во фронтѣ Ткачева и Прошкина, какъ генералъ обронилъ слегка шепелявое:

— Стойте!

— Стой! Остановись!—крикнулъ полиціймейстеръ, вылетѣвъ изъ коляски подобно семнадцатилѣтнему юношѣ.

Генералъ величаво сошелъ съ подножки, съ усиліемъ скинулъ фуражку. Обнажился высокій, выпуклый лобъ, плотно остриженная, начинающая лысѣть голова и замѣтнѣе обрисовался весь обликъ типичнаго восточнаго властелина: немного татарскій, немного нѣмецкій, съ темными тонкими усами, завитыми въ колечки, съ прямой, подстриженной на-двое бородой и съ той характерной линіей открытаго профиля, которая свидѣтельствуетъ о неумолимой, добросовѣстной жестокости. Таковъ именно, должно быть, былъ съ лица завоеватель древней Руси Батый...

Генералъ, прямой и высокій, твердой поступью подошелъ къ образу Христа Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, со связанными руками, и слабой, видимо параличной рукой сталъ бороздить красные отвороты шинели мелкими крестиками. Полиціймейстеръ пожалъ сзади плечами, будто говоря:

— Ну и штучка же ты, ваше превосходительство!

А самъ забѣжалъ сбоку, подъ правый глазъ и, склонивъ слегка жирный, со сборками затылокъ, сталъ подобно генералу креститься.

Тюремное начальство, лощеное, въ парадной формѣ, ожидало генерала на главномъ крыльцѣ. Увидѣвъ экипажъ, оно откашлялось, подтянулось—а генералъ застрялъ за стѣной.

— Что бы могло это значить?—безпокоился смотритель.

И, не выдержавъ, мелкой рысцой побѣжалъ къ воротамъ.

За нимъ—длинный хвостъ помощниковъ и письмоводителей. Представились въ воротахъ.

Генералъ парадно обошелъ весь острогъ, заглянулъ во многія камеры, посмотрѣлъ избитыхъ, брошенныхъ въ нижніе карцеры, подробно освидѣтельствовалъ сорокъ-седьмую камеру, уже пустую и прибранную.

Надзиратели, участвовавшіе во вчерашнемъ усмиреніи, были не въ очередь освобождены отъ дежурства и построены передъ крыльцомъ, съ Пароходовымъ во главѣ.

Макарушкинъ, по указанію толстенькаго помощника, сталъ правофланговымъ. Привыкшій къ мысли объ увольненіи, онъ былъ все утро золъ и раздражителенъ.

„Чортъ ихъ знаетъ, чего еще надо имъ!.. Увольнять—такъ гнали бы скорѣе... Аль подъ судъ отдадутъ?..“

И сердце сжималось отъ недобрыхъ предчувствій. Многіе надзиратели взглядывали на него съ молчаливымъ сочувствіемъ. Кое-кто, наоборотъ, не скрывалъ обидной усмѣшки.

— То-же... мы-ста, мы первы стрѣлки...

Генералъ, окруженный тюремщиками, вышелъ на крыльцо со строгимъ, равнодушнымъ лицомъ. Не здороваясь, онъ оглядѣлъ застывшій фронтъ, остановилъ зеленоватые прищуренные отъ солнца глаза на Макарушкинѣ.

— Ты стрѣлялъ?

Вытянутый Макарушкинъ застылъ, какъ мраморный. Шевелились одни глаза и губы:

— Такъ точно, ваш-прев-сходительство!..

— Молодецъ!—нарочито громко буркнулъ за генеральской спиной полиціймейстеръ.

Лицо генерала хранило полное спокойствіе. Еще разъ, болѣе пристально и холодно оглядѣлъ онъ Макарушкина, повернулся, поднявъ по направленію къ козырьку параличную тонкую руку.

— Прошу передать тюремной стражѣ мою благодарность за энергичныя дѣйствія!—прошепелявилъ онъ, глядя въ лицо красному отъ натуги смотрителю.

Гнѣдые рысаки рванули, и экипажъ, разбрасывая за собой широкій вѣеръ грязи, скрылся за темными воротами.

Генералъ сидѣлъ прямо, не оборачиваясь, а полиціймейстеръ успѣлъ шевельнуть назадъ жирной шеей, отдавъ такимъ образомъ острожному начальству послѣднее привѣтствіе.

Смотритель, сразу подобрѣвшій и даже, казалось, потучнѣвшій послѣ отъѣзда генерала, съ веселымъ лицомъ повернулся къ шумливому уже фронту надзирателей.

— Братцы! Генералъ приказалъ благодарить васъ за энергичныя дѣйствія... Его превосходительство изволятъ надѣяться, гм... что и впредь вы, т.-е. будетъ то же самое... Поэтому я объявляю вамъ мою благодарность, и вы получите наградныя... Тамъ, завтра въ конторѣ... распишетесь... изъ штрафныхъ. А часовому Макарушкину за особую службу—въ двойномъ размѣрѣ. Видите, братцы, старайтесь!

Надзиратели давно уже стояли съ просвѣтлѣвшими, совсѣмъ не фронтовыми лицами.

— Рады стараться!.. — понеслось навстрѣчу начальнической рѣчи нестройное, но веселое восклицаніе.

— По домамъ до слѣдующей смѣны!

Веселой шумной гурьбой выходили надзиратели изъ темной калитки.

— Вотъ вишь ты... я говорилъ—ничаво не будетъ! Нѣ-ѣтъ, братъ, оно начальство... да!.. Оно пониматъ... тоже...

— Да я что?.. — оправдывались нѣкоторые: — рази я угадчикъ... И слава Богу... что толковать!

Прошкинъ снова потрясъ руку Макарушкина.

— Ну, Макаръ Митричъ... что-жъ такого?.. а? Ничего... что-жъ такого!..

А изъ-за воротъ уже кричало нѣсколько веселыхъ голосовъ:

— Эй, братцы! въ пивную что-ль?.. По парѣ пивка, а? на радостяхъ!

— А какъ твой икспріятель?.. живъ?.. —теребили нѣкоторые озадаченнаго Ткачева.

— Не залѣпить ли ему въ рожу пирожка горячаго? Ха-ха-ха!..

— Что-жъ, эй!.. у кого есть заряды? Ткачъ! дай-ка патроновъ?

Ткачевъ отсыпалъ просившему горсть зарядовъ, самъ отвернулся въ сторону, смущенный и стыдливый.

— А самъ-то что-жъ не пойдешь съ нами?.. а? стрѣлокъ?

— Я ужъ упражнялся,—солгалъ тотъ.

— Ну, гайда-те на споръ: кто изъ двухъ ни одной не всадитъ хочь по третьему номеру, тотъ полдюжины ставитъ!

— Идетъ штоль?

Большая часть надзирателей, вмѣстѣ съ веселымъ, балагурящимъ Макарушкинымъ, направилась къ кизякамъ.

А къ темнымъ воротамъ подъѣхала дребезжащая извозчичья линейка съ добродушнымъ горбатымъ старичкомъ на козлахъ.

— Туточки что-ль подождать-то?

— Тебѣ кого?

— По фелефону сказали... изъ части... чтобъ чередной пріѣхалъ съ биржи... Анъ вотъ я-то самый и есть... чередной.

— Подожди тутъ!—кивнулъ Ткачевъ.

Извозчикъ, кряхтя и охая, слѣзъ съ козелъ. Разбитая на ноги лошадь понуро стала, сразу заснувъ и шлепая во снѣ отвислой губой.

— На-ко вотъ, пожуй, Красавка, — хлопоталъ около нея извозчикъ,—сѣнца пожуй. Аль не хошь?... Пожуй-ка, а я пойду лобъ покрещу... такъ-то ся... грѣхи-грѣхи...

Путаясь въ длинной хламидѣ, извозчикъ засеменилъ къ Христу-Спасителю.

— Господи, помилуй! Помилуй, Господи! Господи, помилуй...— молился онъ вслухъ.

И, загнувъ тяжелую полу хламиды, полѣзъ въ карманъ.

— Тутъ что-ли класть-то надо на пользу вострожниковъ?

— Клади тутъ.

И, опустивъ въ кружку звякнувшую монету, старикъ снова закрестился:

— Господи!.. неугасимая матерь!.. помяни всѣхъ... и меня прости. Господи, помилуй! помилуй, Господи!

Пароходовъ и пожилая высокая надзирательница вывели изъ калитки подъ-руки двухъ закутанныхъ женщинъ. Одну тонкую, худенькую и высокую, всю дрожащую, подвижную. Она, не переставая, говорила про себя быстрыя непонятныя слова, все время кривила губы, раскачивала головой, дрожала всѣмъ тѣломъ.

Другая полная, закаменѣлая, тоже молодая. Она стояла какъ статуя, не двигая ни однимъ мускуломъ, глядя широкими голубыми глазами въ одну точку.

— Ну-ка ты, шустрый!—крикнулъ Пароходовъ на извозчика:—подавай проворнѣй!

Извозчикъ насколько могъ торопливо убралъ мѣшокъ изъ-подъ морды сонной лошади, забрался на козлы.

— Ну что-жъ, можно... Для ча не подать. Эй, Красавка, шевели ногами-то, подавать велятъ! А довеземъ ли четверыхъ-то?..

— Подавай, подавай!

Пароходовъ усадилъ на линейку одну за другой закутанныхъ женщинъ. Надзирательница взобралась съ другой стороны.

— Трогай къ сумасшедшему дому!

— Трогай, Красавка!

Ткачевъ во всѣ глаза смотрѣлъ на женщинъ, едва узнавая. Торопливая, худая, была та самая, которую звали Вѣрочкой.

Окаменѣлая—три дня тому назадъ говорила розовому мальчику, указывая на него, Ткачева:

— Дядя это... дядя... Скажи ему: дя-дя-а!..

А со стороны кизяковъ слышались револьверная пальба и взрывы молодого хохота.

С. Аникинъ.

ЗА ГРАНЬЮ

Пусть слушателей нѣтъ... Но льется пѣснь живая.
Пусть мысль не понята; но лучъ ея горитъ.
Душа прекраснаго живетъ не увядая.
Алтарь безсмертія ея путямъ открытъ.

мысли пламенной, и пѣснѣ быстротечной
Есть откликъ гдѣ-то тамъ, надъ гранью всѣхъ міровъ,
И кто-то внемлетъ имъ, непостижимый, вѣчный,
И вноситъ ихъ огни въ хранилище боговъ.

И все, что здѣсь зажглось и замерло мгновенно,—
Тамъ, за чертой міровъ, въ невѣдомой дали,
На свитки бытія заносится священно,—
Все: думы, голоса и образы земли.

А. Мейснеръ.

КАКЪ МЫ ВЪ НАРОДЪ ХОДИЛИ

(Отрывокъ изъ воспоминаній [1])

I.

„Дѣла давно минувшихъ дней,
„Преданья старины глубокой“.

Я съ товарищемъ рѣшилъ отправиться къ молоканамъ. Но, прежде чѣмъ разскажу о нашихъ приключеніяхъ „въ народѣ“, передамъ въ немногихъ словахъ, почему мы выбрали сектантовъ.

Какъ извѣстно, въ началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія,— а мой разсказъ относится къ тому отдаленному времени,—въ разныхъ концахъ Россіи, одновременно, нерѣдко безъ всякаго предварительнаго сговора, юноши и молодыя дѣвушки съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ бросались группами, парами и въ одиночку „въ народъ“. Для этого они рвали со всѣмъ, что недавно имъ было дорого, становясь подъ-часъ безжалостными къ наиболѣе близкимъ людямъ и къ себѣ самимъ. Они отказывались отъ представлявшейся имъ выгодной или даже блестящей карьеры, отъ профессій, дипломовъ, имущества и пр. „Трудящіяся массы— разсуждали они—относятся съ вполнѣ понятной подозрительностью къ лицамъ, принадлежащимъ къ привилегированнымъ классамъ. Необходимо, поэтому, надѣть на себя крестьянское платье, чтобы не выдѣляться своимъ внѣшнимъ видомъ; нужно рѣшительно во всемъ походить на рабочій людъ — жить, какъ онъ, въ той же обстановкѣ, заниматься тѣмъ же тяжелымъ, но честнымъ физическимъ трудомъ, вмѣстѣ съ народомъ переносить всѣ его лишенія, обиды и страданія“. Время, когда народъ изъ со-

[1]) Этотъ разсказъ, иначе обработанный, былъ напечатанъ въ заграничномъ изданіи: „За рубежомъ“, очень мало извѣстномъ въ Россіи.—*Ред.*

стоянія нищеты, невѣжества и униженія перейдетъ, благодаря проповѣди молодыхъ энтузіастовъ, въ царство свободы, довольства и просвѣщенія, представлялось многимъ изъ нихъ столь близкимъ, что они готовы были ожидать его наступленія чуть ли не черезъ нѣсколько лѣтъ.

Недолго продолжался этотъ своеобразный крестовый походъ! Уже въ срединѣ лѣта 1874-го года въ разныхъ мѣстахъ Россіи начались многочисленные обыски и аресты, вызванные отчасти неопытностью и неосторожностью юныхъ пропагандистовъ, главнымъ же образомъ—доносами нѣсколькихъ предателей и ренегатовъ. Случалось также, что и сами крестьяне приводили къ начальству связаннымъ юношу, явившагося къ нимъ съ проповѣдью новаго ученія... Но, какъ и средневѣковыхъ крестоносцевъ, молодежь не остановили постигшія ее тяжкія потери, и уже осенью того года немногіе уцѣлѣвшіе отъ погромовъ, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ новыми послѣдователями, опять стали собираться въ кружки, въ которыхъ обсуждался вопросъ, какимъ способомъ продолжать дѣятельность въ народѣ, чтобы не попадаться на первыхъ же шагахъ? Въ разныхъ концахъ Россіи вопросъ этотъ рѣшался различно. Былъ тогда одинъ кружокъ въ Кіевѣ, который придумалъ своеобразное рѣшеніе.

Подъ вліяніемъ самаго виднаго своего члена—Ивана Ѳедоровича Фесенко,—кружокъ этотъ, къ которому и я принадлежалъ, надумалъ сосредоточить свою дѣятельность среди наиболѣе раціоналистическихъ сектъ. Объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, оставшемся совсѣмъ неизвѣстнымъ у насъ, когда-нибудь сообщу подробнѣе; теперь скажу лишь, почему, по его мнѣнію, слѣдовало отправиться къ сектантамъ.

Преслѣдуемые и гонимые,—доказывалъ Фесенко,—религіозные сектанты не могутъ примириться съ существующими въ Россіи порядками. Въ нихъ живы духъ протеста, готовность къ самопожертвованію, къ борьбѣ и страданіямъ за идеи: это они въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій доказали, принявъ самое активное участіе во всѣхъ происходившихъ народныхъ движеніяхъ. Преслѣдованія въ сильной степени развили среди нихъ также чувство солидарности, предпріимчивости и настойчивости. Поэтому, по мнѣнію Фесенко, наши сектанты являлись не только болѣе склонными къ протесту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе развитыми и толковыми, чѣмъ православные крестьяне. Фесенко полагалъ, что при умѣньѣ подойти къ сектантамъ можно было перевести присущій имъ чрезмѣрный интересъ къ религіознымъ вопросамъ на почву соціализма. Замѣчу, что Фесенко былъ тогда среди

русскихъ чуть-ли не единственнымъ, къ тому же—чрезвычайно горячимъ послѣдователемъ Маркса. Такъ какъ сектантовъ въ Россіи считалось около двѣнадцати милліоновъ, то успѣхъ нашей пропаганды среди нихъ, по мнѣнію этого марксиста, въ значительной степени приблизилъ бы насъ къ побѣдѣ.

Фесенко на нѣсколько лѣтъ былъ старше каждаго изъ насъ, остальныхъ членовъ кружка. Къ тому же, онъ являлся наиболѣе образованнымъ и краснорѣчивымъ. Неудивительно, поэтому, что въ нашемъ кружкѣ, насчитывавшемъ болѣе двадцати человѣкъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и прославившійся впослѣдствіи Дмитрій Лизогубъ, Фесенко игралъ роль главаря. Всѣ безъ малѣйшихъ споровъ согласились съ его взглядами, и съ наступленіемъ весны 1875 г., группами или парами, отправились къ разнымъ сектантамъ.

II.

Товарища, съ которымъ я пошелъ къ молоканамъ, звали Іосифомъ. Онъ мало напоминалъ библейскаго юношу, проданнаго братьями: высокій, тонкій, со впалой грудью и блѣднымъ лицомъ, Юзекъ—какъ звали его близкіе—выглядѣлъ некрасивымъ, тщедушнымъ парнемъ. За то онъ отличался большими способностями и удивительной любознательностью. Происходя изъ мелкой раззорившейся польской шляхты, Юзекъ еще на гимназической скамьѣ вынужденъ былъ заниматься репетиторствомъ, чтобы своими грошевыми заработками поддержать свою мать-вдову и малолѣтнюю сестренку. Однако, когда революціонное настроеніе, о которомъ я выше упомянулъ, захватило передовую молодежь, Іосифъ также все оставилъ—гимназію, репетиторство, любимыхъ людей, лишивъ ихъ своей поддержки, и, какъ и другіе, рѣшилъ отправиться въ народъ. Очень замкнутый въ себѣ, сосредоточенный и молчаливый, Іосифъ оживлялся только тогда, когда рѣчь заходила о какомъ-нибудь теоретическомъ вопросѣ—и лица, не знавшія его раньше, убѣждались, нерѣдко къ немалому своему удивленію, что этотъ невзрачный на видъ юноша обладаетъ довольно большой для его лѣтъ начитанностью. Мы выбрали другъ друга для совмѣстной отправки къ молоканамъ, потому что были пріятелями со школьной скамьи и одновременно стали революціонерами.

Рѣшительно не могу теперь объяснить, почему нашъ выборъ палъ на эту именно секту: можетъ быть, благодаря литератур-

нымъ матеріаламъ, находившимся въ нашемъ распоряженіи, она представлялась намъ особенно интересной, а можетъ быть и по какимъ-либо другимъ причинамъ. Запасшись, конечно, крестьянскими паспортами и надѣвъ, поверхъ ситцевыхъ косоворотокъ, поддевки великорусскаго покроя, мы съ котомками на плечахъ пустились въ путь.

Товаро-пассажирскій поѣздъ, на который мы попали, сплошь наполненъ былъ крестьянами центральныхъ губерній, отправлявшимися на югъ на лѣтніе заработки. Тѣснота и духота въ вагонѣ причиняли особенно много огорченій моему слабосильному товарищу.

На разспросы спутниковъ, кто мы, откуда и куда отправляемся, мы, конечно, отвѣчали согласно нашимъ фальшивымъ паспортамъ, заявляя, что также ѣдемъ на югъ, на заработки. То была наша первая, въ сущности, непосредственная встрѣча „съ народомъ", который мы собирались распропагандировать. Раньше мы знали его лишь по книгамъ да по случайнымъ встрѣчамъ на улицахъ и въ трактирахъ. Въ вагонахъ мы впервые столкнулись съ нимъ какъ равные. Мнѣ, помню, доставляло немалое наслажденіе сознаніе, что вотъ я, какъ заправскій крестьянинъ, ѣду съ этими представителями трудящагося народа, которые принимаютъ меня за своего брата и разсказываютъ про свои нужды и заботы. Какъ рьяный пропагандистъ, не могущій упустить подходящаго случая, я также старался дѣлиться со своими спутниками разными свѣдѣніями.

Трое сутокъ длилось наше путешествіе. Подъ вечеръ прибыли мы въ городъ Мелитополь—конечный нашъ пунктъ, такъ какъ вблизи его, согласно нашимъ источникамъ, должны были находиться молоканскія селенія. Переночевавъ на постояломъ дворѣ, мы, съ котомками на плечахъ, отправились утромъ на розыски деревни „Козій Яръ". До нея оказалось всего версты двѣ-три; но, къ нашему крайнему удивленію и, вмѣстѣ, огорченію, она сплошь населена была не молоканами, а православными — малороссами. Когда мы заявили, что, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, здѣсь должны жить молокане, на насъ смотрѣли съ удивленіемъ и отвѣчали: „діды не запомнятъ, що-бъ колысь булы тутъ молокані". Послѣ долгихъ разспросовъ, мы, наконецъ, узнали, что приверженцы разыскиваемой нами секты имѣются въ сосѣднемъ — Симферопольскомъ — уѣздѣ. Обманутые печатными источниками, мы боялись положиться на устныя указанія и рѣшили пока остаться въ названной деревнѣ, тѣмъ болѣе, что вблизи ея расположено желѣзнодорожное депо, гдѣ можно

было найти заработокъ,—а въ немъ, за ограниченнымъ количествомъ оставшихся у насъ послѣ всякихъ расходовъ денегъ, мы вскорѣ должны были нуждаться.

Но для насъ двухъ, выросшихъ и воспитавшихся въ городѣ слабосильныхъ юношей, до тѣхъ поръ ничего, кромѣ книгъ и письменныхъ принадлежностей, не державшихъ въ рукахъ, нелегкой оказалась задача найти заработокъ. Съ большой тревогой и сильно бьющимися сердцами подошли мы съ Іосифомъ къ желѣзнодорожному депо. „А вдругъ начальство усомнится въ подлинности нашихъ паспортовъ или вообще почему-либо догадается, что мы не крестьяне, а переодѣтые интеллигенты?"—мелькало въ головѣ. Меня, помню, не пугало тогда опасеніе, что рабочій людъ заподозритъ насъ: на первыхъ порахъ мнѣ казалось, что именно лица привилегированныхъ сословій, къ которымъ мы принадлежали, должны были легко разгадать, кто мы.

Я былъ парламентеромъ. Обнажая голову, какъ это дѣлаютъ крестьяне передъ всякимъ чиномъ, я спрашивалъ, нѣтъ ли какой работы? Насъ направили къ начальнику депо. Это былъ нѣмецъ, плохо говорившій по-русски и державшій себя важнымъ бариномъ. На его вопросъ, знаемъ ли мы какое-нибудь ремесло и служили ли уже на желѣзной дорогѣ, я отвѣчалъ, что мы прямо изъ деревни.

— Ступайте въ чернорабочіе, пятьдесятъ копеекъ за день,— заявилъ онъ тогда, и, принявъ наши паспорта, приказалъ кому-то служащему отвести насъ въ депо, гдѣ производился ремонтъ локомотивовъ и вагоновъ.

Насъ поставили чистить локомотивы, а затѣмъ передвигать ихъ по кругу въ обратную сторону. Послѣдняя работа была очень тяжела: мы, какъ говорится, обливались семью потами, пока кончали кругъ, и должны были часто останавливаться, чтобы перевести духъ. А тутъ еще надсмотрщикъ, замѣтивъ, что мы отдыхаемъ, попрекалъ насъ, что мы „лодырничаемъ": ему, повидимому, не пришло въ голову, что эти два высокіе парня совершенно слабосильны и не привыкли къ какому бы то ни было физическому труду.

Со второго же дня этой работы Іосифъ сталъ жаловаться на ея непосильность для него. Я убѣждалъ его крѣпиться, вооружиться терпѣніемъ, предполагая, что онъ постепенно втянется въ работу. Но, возвращаясь вечеромъ домой, онъ буквально съ ногъ валился отъ усталости. Не умывшись и не поужинавъ, онъ укладывался на нарахъ, замѣнявшихъ намъ кровати, и долго неподвижно и молча лежалъ на спинѣ, съ устремленными въ

одну точку глазами, пока не засыпалъ такъ. Онъ совсѣмъ лишился аппетита и выглядѣлъ больнымъ. Отправляясь утромъ на работу, онъ переставлялъ ноги, словно человѣкъ только что вставшій съ постели, послѣ тяжкой болѣзни. Мучительно было смотрѣть на него. Хотя Юзекъ, по обыкновенію, сосредоточенно молчалъ, но для меня, хорошо его знавшаго, было несомнѣнно, что въ немъ происходилъ серьезный внутренній процессъ: онъ рѣшалъ вопросъ, казавшійся намъ тогда главнѣйшимъ въ жизни сознательнаго человѣка — годится ли онъ для дѣятельности въ народѣ? А если неспособенъ къ ней, то зачѣмъ и жить на свѣтѣ?

Дня три или четыре спустя, Іосифъ заявилъ мнѣ, наконецъ, рѣшительно, что онъ не въ силахъ больше выдержать и уѣзжаетъ въ Кіевъ. Я не отговаривалъ его болѣе: заявленіе его не было для меня неожиданнымъ. Всѣ эти дни я съ тревогой слѣдилъ за нимъ, молча наблюдая за переживаемой имъ внутренней борьбой. Съ одной стороны я даже былъ доволенъ, что онъ принялъ такое, а не худшее рѣшеніе. Такъ закончилось его хожденіе въ народъ. Послѣ этой неудачной пробы, Іосифъ уже никогда не пытался повторить ее. Чтобы не возвращаться болѣе къ моему товарищу, скажу здѣсь, что впослѣдствіи, въ 1879-мъ году, онъ осужденъ былъ на каторгу и долго затѣмъ жилъ въ Сибири. Я давно потерялъ его изъ виду.

III.

Не берусь передать, какъ тяжело мнѣ стало послѣ отъѣзда Іосифа. Къ неимовѣрному физическому утомленію присоединилось полнѣйшее одиночество. Въ совершенно чужой мнѣ обстановкѣ, безъ сколько-нибудь близкаго человѣка, съ которымъ я могъ бы перекинуться словомъ, въ фальшивомъ положеніи, заставлявшемъ ежеминутно быть на сторожѣ, чтобы какъ-нибудь не выдать себя, а слѣдовательно не угодить чуть не прямо со школьной скамьи на каторгу,—отъ всего этого можно было придти въ отчаяніе. Но слѣдовать совѣту Іосифа, убѣждавшаго меня также оставить не соотвѣтствовавшее нашимъ физическимъ силамъ предпріятіе, я считалъ совершенно невозможнымъ. „А наше рѣшеніе посвятить себя народу, вынести ради него лишенія и страданія?“ — спрашивалъ я. „Кто же укажетъ ему выходъ изъ его тяжелаго положенія, если всѣ мы на первыхъ же порахъ признаемъ себя

неспособными? Нѣтъ, ты поѣзжай, а я останусь, что̀ бы со мной ни случилось!“

Признаюсь, въ душѣ меня тревожило опасеніе, что немного позже я также не вынесу этой жизни и позорно сбѣгу. Все-же я рѣшилъ тянуть пока хватитъ силъ. „А если надорвусь—туда тебѣ и дорога!“—говорилъ я себѣ съ рѣшимостью отчаянія.

Но молодой организмъ ко многому можетъ приспособиться. На разсвѣтѣ, когда нужно было вставать, чтобы идти на работу, мнѣ казалось, что не смогу подняться — всѣ члены ломило до того, что трудно было шевелиться. Но постепенно я сталъ убѣждаться, что, не смотря на эти ощущенія, работа съ каждымъ днемъ шла успѣшнѣе и въ самой усталости заключалась своего рода привлекательность.

Еще будучи съ Іосифомъ, я снялъ за три рубля въ мѣсяцъ уголъ въ крестьянской избѣ, въ которой помѣщались и сами хозяева-малороссы. За эти же деньги бабушка, мать хохла, должна была стряпать намъ пищу изъ продуктовъ, которые мы у нея же покупали. Все это обходилось очень дешево и получаемаго нами жалованья вполнѣ хватало на прокормленіе.

Наработавшись въ теченіе двѣнадцати часовъ, возвращаешься, бывало, домой совсѣмъ разбитый. Но когда, умывшись и перемѣнивъ бѣлье, сядешь за столъ, незатѣйливыя кушанья хохлуши казались необыкновенно вкусными. Недѣли полторы-двѣ спустя послѣ отъѣзда Іосифа, я уже былъ твердо увѣренъ, что не сбѣгу ни изъ-за физической усталости, ни вслѣдствіе ощущенія полнаго одиночества. Понемногу я началъ заниматься пропагандой среди своихъ сверстниковъ, желѣзно-дорожныхъ рабочихъ.

Намѣтивъ парня, казавшагося мнѣ особенно смышленымъ и симпатичнымъ, я приглашалъ его къ себѣ. Хохлушка-хозяйка ставила на столъ огромную миску со щами, съ гречневой кашей, съ простоквашей или съ варениками. Уплетая за обѣ щеки, мой гость, обыкновенно съ усталымъ видомъ, слушалъ мои рѣчи о всякихъ неправдахъ и несправедливостяхъ, господствующихъ повсюду. Онъ соглашался, что трудъ нашъ тяжелъ и скудно оплачивается, но тутъ же находилъ утѣшеніе для насъ въ возможности получить со временемъ повышеніе. При этомъ, то тотъ, то другой изъ пропагандируемыхъ мною юношей съ очевидной завистью указывалъ на какого-нибудь нашего сослуживца, получившаго повышеніе въ рангѣ, произведеннаго, напр., изъ смазчиковъ въ помощники кочегара.

Рѣшительно ни въ комъ изъ многочисленныхъ служащихъ въ депо, а также изъ крестьянъ деревни, съ которыми въ воскре-

сенье и праздничные дни у меня завязывалась бесѣда, я не возбуждалъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно своего происхожденія. Я настолько свыкся со своимъ фальшивымъ положеніемъ, что совершенно перестал тяготиться имъ. Отношенія со всѣми окружающими установились у меня хорошія, работа не такъ уже утомляла, и я сталъ даже подумывать о томъ, чтобы, раньше отправки къ молоканамъ, научиться какому-нибудь мастерству, что̀ дало бы возможность легче устроиться у нихъ.

Съ этой цѣлью, по окончаніи мѣсяца службы, я смѣло направился къ самому начальнику депо. Стоя передъ нимъ, конечно, съ обнаженной головой, на вытяжку, я сталъ просить его, чтобы онъ опредѣлилъ меня въ слесарную мастерскую. Но такая, казалось бы, невинная просьба привела грубаго нѣмца въ неистовство: онъ сталъ кричать на меня, словно я Богъ вѣсть съ чѣмъ позволилъ себѣ обратиться къ нему.

— Какъ ты смѣешь указывать мнѣ, гдѣ тебѣ работать! — воскликнулъ онъ. Когда же я вѣжливо замѣтилъ, что чернорабочимъ мнѣ невыгодно оставаться, нѣмецъ совсѣмъ разсвирѣпѣлъ и съ площадной бранью швырнулъ мнѣ паспортъ.

Возвращаясь домой, я вспомнилъ слѣдующій эпизодъ, который въ сильной степени утѣшилъ меня.

Въ нашемъ кружкѣ былъ одинъ членъ—Свѣтловъ, товарищъ Фесенко по университету, который раньше всѣхъ остальныхъ ходилъ въ народъ и до того „опростился“, что совершенно походилъ на крестьянина. Онъ чрезвычайно гордился этимъ сходствомъ и не только мирился, но прямо радовался, когда за это сходство ему приходилось претерпѣвать оскорбленія и даже побои. Такъ, помню, однажды, возвратившись изъ какой-то поѣздки по желѣзной дорогѣ, Свѣтловъ разсказывалъ намъ, членамъ кружка Фесенко, какъ жандармъ гдѣ-то на станціи понадавалъ ему тумаковъ въ шею, безъ всякаго съ его стороны повода, а просто потому, что онъ ему на глаза попался. Сообщая намъ подробно объ этой безцеремонной съ нимъ расправѣ, Свѣтловъ заливался веселымъ смѣхомъ.

— Чему же ты такъ радъ?—спросилъ кто-то изъ насъ съ недоумѣніемъ.

— Да помилуй: вѣдь это означаетъ, что жандармъ принялъ меня за настоящаго крестьянина!—отвѣтилъ онъ, и по лицу его разлилась радостная улыбка.

Хотя и не въ такой мѣрѣ, но я также былъ пріятно польщенъ, что нѣмецъ выругалъ меня и выгналъ вонъ. Невозможно было мнѣ болѣе оставаться въ Козьемъ Яру, и хотя свою под-

готовку я считалъ далеко еще незаконченной, мнѣ все-же необходимо было отправиться къ молоканамъ.

IV.

Съ котомкой на плечахъ и съ сучковатой палкой въ рукѣ я на разсвѣтѣ іюньскаго южнаго утра направился по большой дорогѣ въ ближайшую молоканскую деревню Астраханку, отстоящую въ двадцати-пяти или въ тридцати верстахъ отъ Козьяго Яра.

Впервые приходилось мнѣ предпринимать столь длинный путь пѣшкомъ. Къ полудню жара стала невыносимой; между тѣмъ по дорогѣ не попадалось ни деревца, ни кустика, въ тѣни которыхъ можно было бы отдохнуть. Кругомъ была тогда лишь необъятная степь, среди которой кое-гдѣ расположены были деревни.

Когда солнце стало особенно жестоко припекать и я почувствовалъ невозможность двигаться дальше, я рѣшилъ сдѣлать привалъ въ попавшейся на пути деревнѣ. Съ этой цѣлью я обратился къ стоявшей у одной избы крестьянкѣ. Поинтересовавшись предварительно узнать, откуда и куда я направляюсь, женщина указала мнѣ какую-то клѣтушку. Поѣвъ тамъ изъ приготовленныхъ мнѣ на дорогу хозяйкой-хохлушей припасовъ и растянувшись на свѣже-скошенномъ сѣнѣ, я чувствовалъ себя въ блаженномъ состояніи. Спѣшить мнѣ не было никакой надобности, такъ какъ до Астраханки оставалось уже немного верстъ, а придти туда мнѣ выгоднѣе было передъ вечеромъ.

Долго отдыхалъ я въ клѣтушкѣ; затѣмъ, напившись воды и поблагодаривъ добрую хозяйку за пріютъ, я вновь отправился въ путь. Не смотря на продолжительный отдыхъ и на то, что я медленно шелъ впередъ, солнце все еще стояло высоко на небѣ, когда я приблизился къ цѣли моего путешествія. Чтобы не заходить засвѣтло въ Астраханку, я рѣшилъ скрыться на время. Рискуя подвергнуться большимъ непріятностямъ, я направился въ разстилавшееся по обѣ стороны дороги поле съ созрѣвшими хлѣбами. Пришлось потоптать высокіе колосья. Оставивъ за собою, такимъ образомъ, длинный слѣдъ, я забрался въ глубь поля, гдѣ, прилегши, съ тревогой ждалъ солнечнаго захода.

Своимъ внѣшнимъ видомъ Астраханка сразу разочаровала меня: вмѣсто убогихъ лачугъ, каковы почти сплошь въ Россіи крестьянскія избы, я увидѣлъ длинный рядъ каменныхъ домовъ, нерѣдко въ два этажа, крытыхъ черепицею, съ прочными заборами, съ изукрашенными воротами и ставнями. Не забитое, возбуждающее жалость своей нуждой населеніе, очевидно, жило въ этой благоустроенной деревнѣ, которая могла поспорить со многими нашими уѣздными городами.

Отправляясь къ молоканамъ, я не имѣлъ рѣшительно никакого представленія о томъ, какъ я среди нихъ устроюсь и какъ примусь за дѣло. Одно лишь казалось мнѣ очень важнымъ—попасть на ночлегъ къ какому-нибудь подходящему молоканину; „а тамъ"—думалъ я—„все само собою устроится". Поэтому я и норовилъ придти въ Астраханку, когда стемнѣетъ.

Однако, это скромное мое желаніе на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не столь легко осуществимымъ. Прошедши болѣе половины обширнаго селенія, растянувшагося на нѣсколько верстъ въ длину, я, въ отвѣтъ на мою просьбу о ночлегѣ, неизмѣнно получалъ лаконическій приказъ: „проходи дальше!"

„Однако, эти хваленые послѣдователи евангельскаго ученія, повидимому, далеко не отличаются радушіемъ къ прохожимъ!" думалъ я, высматривая дома попроще. Но и тамъ меня встрѣчали столь же негостепріимно. Между тѣмъ ночь все болѣе надвигалась, и я начиналъ уже чувствовать раздраженіе противъ тѣхъ, кого пришелъ просвѣщать.

— Куда же мнѣ дѣваться,—не на дорогѣ же ночевать?—вырвалось у меня въ отвѣтъ на заявленіе одной молоканки: „не пущаемъ прохожихъ".

— А ты поди на постоялый—вонъ тамъ!—и она указала направленіе.

Поблагодаривъ добрую женщину за прекрасный совѣтъ, я, однако, не желалъ имъ воспользоваться, такъ какъ на постояломъ дворѣ я легко могъ наткнуться на кого-либо изъ сельскихъ властей, что вовсе не входило въ мои планы. Я склонялся уже къ мысли отправиться за село и переночевать гдѣ-нибудь въ полѣ, когда вновь замѣтилъ домъ попроще.

Ворота его были открыты настежь, на дворѣ стояли два воза съ сѣномъ—хозяева, очевидно, недавно вернулись съ полевыхъ работъ. Въ послѣдній разъ рѣшилъ я попытать счастья. Вошедши въ домъ, я увидѣлъ небольшую семью, сидѣвшую за ужиномъ. Въ отвѣтъ на мою просьбу о ночлегѣ, вмѣсто лаконическаго отказа, молоканинъ пустился въ обычные разспросы:

кто я, откуда и куда? Повидимому удовлетворенный моими отвѣтами, хозяинъ, вставъ изъ-за стола, самъ повелъ меня въ конюшню, гдѣ указалъ мнѣ широкую скамью, стоявшую у входа, и предложилъ расположиться на ней. Когда, сбросивъ съ плечъ котомку, я собирался воспользоваться его разрѣшеніемъ, онъ позвалъ меня обратно въ домъ поужинать. Отправляясь къ молоканамъ, я, какъ и другіе мои товарищи, направившіеся къ сектантамъ, рѣшилъ разыгрывать роль истинно-православнаго, строго соблюдающаго всѣ обряды, чтобы, такимъ образомъ, давать сектантамъ поводы къ спорамъ относительно религіозныхъ вопросовъ. Поэтому, поблагодаривъ молоканина за его приглашеніе, я какъ бы вскользь замѣтилъ, что они, конечно, сегодня ѣдятъ постное, такъ какъ то было въ пятницу.

Хозяинъ съ улыбкой сообщилъ мнѣ, что они—молокане, постовъ не соблюдаютъ.

Я, конечно, сдѣлалъ крайне изумленный видъ, прикидываясь рѣшительно ничего не знающимъ объ этихъ людяхъ. Молоканинъ обрадовался случаю просвѣтить совершенно невѣжественнаго парня и пустился въ изложеніе сущности своей религіи и ея отличія отъ православной. Теперь изъ довольно длиннаго его объясненія помню, что лишь они, молокане, являются единственными и истинными христіанами, такъ какъ только они живутъ согласно Евангелію и Библіи. Всѣ же остальные, тоже именующіе себя христіанами—не болѣе какъ самозванцы, еретики. Сославшись на извѣстное изреченіе, молоканинъ сталъ мнѣ доказывать, что можно всегда ѣсть любую пищу, такъ какъ грѣшно не входящее въ уста, а лишь исходящее изъ нихъ.

Для меня этотъ молоканинъ являлся настоящимъ кладомъ: именно такой мнѣ и нуженъ былъ. Отъ него, предполагалъ я, мнѣ удастся узнать, какъ мнѣ устроиться въ ихъ средѣ. На этотъ счетъ у меня, какъ я уже упоминалъ, не было никакого плана: я полагался цѣликомъ на благопріятное стеченіе обстоятельствъ. Я, конечно, не соглашался съ доводами молоканина относительно преимуществъ его религіи передъ православіемъ и выступилъ на защиту послѣдней; у насъ завязался небезинтересный диспутъ. Такимъ образомъ, стоя въ конюшнѣ рядомъ съ лошадьми, громко жевавшими сѣно и время отъ времени поворачивавшими въ нашу сторону головы, какъ бы затѣмъ, чтобы прислушаться къ нашей бесѣдѣ, я въ первый же вечеръ своего прихода къ молоканамъ приступилъ къ сближенію съ членомъ той именно секты, которую давно избралъ для проповѣди новыхъ идей.

Молоканинъ до того увлекся споромъ со мной, что совершенно забылъ про недоконченный ужинъ и усталость, наступившую послѣ долгаго рабочаго дня. Когда кто-то изъ семьи прибѣжалъ звать его домой, онъ попрощался со мною, замѣтивъ съ добродушной улыбкой: „ишь, паря, какъ съ тобою замѣшкался,—видно и ты любишь божественное!“ Мнѣ чрезвычайно пріятно было слышать это, и я заснулъ послѣ его ухода крѣпкимъ сномъ.

V.

Утромъ, чуть свѣтъ, ко мнѣ уже заявился мой хозяинъ, котораго, какъ оказалось, звали Иваномъ Фирсовымъ.

— Изъ-за тебя, парень, я вчера сѣна не сбросилъ, такъ вотъ помоги мнѣ теперь!—сказалъ онъ, поздоровавшись.

Отродясь я не только не занимался этимъ дѣломъ, но и вилъ-то не держалъ въ рукахъ. Однако, нельзя было отказываться. Взобравшись на возъ и глядя на то, какъ манипулируетъ молоканинъ, я старался подражать ему. Но у меня ничего не выходило изъ этого. Не смотря на весь мой пылъ, дѣло не спорилось: то я черезчуръ много захватывалъ сѣна, такъ что не въ состояніи былъ подать охапку на сѣновалъ, то, наоборотъ, до смѣшного мало забиралъ.

Видя мою возню, молоканинъ добродушно разсмѣялся.

— Какой же ты крестьянинъ, коли сѣна сложить не можешь?—спросилъ онъ, ухмыляясь.

Я объяснилъ ему, что съ молодыхъ лѣтъ служилъ приказчикомъ въ лавкѣ.

— Пошто же не остался тамъ?—удивился молоканинъ.

— Да вотъ все изъ-за божественнаго!—сказалъ я, и въ отвѣтъ на его недоумѣніе, оставивъ вилы, разсказалъ ему, какъ я, будто бы рано осиротѣвъ, былъ опредѣленъ въ ближайшемъ городѣ въ лавку мальчикомъ. Тамъ я научился читать и пристрастился къ божественному. Затѣмъ я сталъ читать и мірскія книги. Такимъ-то путемъ я понялъ, что торговля—занятіе нечестное, потому что „не обманешь—не продашь“. Мнѣ же захотѣлось жить по правдѣ; потому и пошелъ я бродить да искать правильной жизни. Побывалъ я уже въ разныхъ мѣстахъ, но вездѣ видѣлъ все то же: сильный слабаго душитъ, грабитъ, всякій норовитъ обмануть, обидѣть бѣднаго.

Оставивъ работу, молоканинъ, повидимому, слушалъ съ боль-

шимъ вниманіемъ. Въ душѣ я готовъ былъ уже торжествовать побѣду. „Вотъ я веду настоящую проповѣдь и не парнямъ, а взрослому, пожилому молоканину. Онъ, очевидно, проникается моими словами. Такъ быстро осуществилась моя мечта: уже на второй день я имѣю успѣхъ!“

Каково же было мое разочарованіе, когда, по окончаніи разсказа, я услышалъ отъ молоканина:

— Ну и чудакъ же ты! Былъ бы со временемъ купцомъ, а теперь что̀?

Уже не съ прежнимъ пыломъ я отвѣтилъ, что предпочитаю тяжелымъ, но честнымъ трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ, чѣмъ обманомъ. Когда мы затѣмъ вновь принялись за работу, молоканинъ продолжалъ ухмыляться, приговаривая:

— Нѣтъ, парень, видно вилы — не аршинъ, а сѣно — не коленкоръ!

Его шутки привлекли изъ дома жену и дѣтей. Узнавъ въ чемъ дѣло и увидѣвъ мою неуклюжую возню, дѣти покатывались со смѣху. Это еще болѣе конфузило меня, и я дѣлалъ еще болѣе неловкія манипуляціи съ вилами.

„Оскандалился, осрамился!“ — произносилъ я мысленно съ отчаяніемъ, стоя, по окончаніи работы, весь красный, сконфуженный и рукавомъ рубахи отирая обильно катившійся съ лица потъ.

Молоканинъ въ это время о чемъ-то въ сторонѣ шопотомъ говорилъ съ женой; затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ вдругъ сказалъ:

— Вотъ что, парень: ты захотѣлъ простой работы—такъ оставайся у меня въ работникахъ!

— Вы смѣетесь? — спросилъ я съ огорченіемъ, не вѣря своимъ ушамъ и не допуская мысли, чтобы наглядное доказательство полнаго моего незнакомства съ крестьянскими работами могло вызвать у молоканина серьезное желаніе оставить меня у себя.—Какой я работникъ!

— Ничего, парень, научишься! А пока что, все-же за бабу сойдешь! Положу я тебѣ тридцать копеекъ въ день на моихъ харчахъ, вотъ и будешь на „бабьемъ жалованьѣ“!—закончилъ Фирсовъ со смѣхомъ, видимо довольный своей остротой.

Я, конечно, охотно принялъ это предложеніе: лучшаго оборота я не могъ ожидать. Я нашелъ именно то, о чемъ мечталъ. Молоканинъ и жена его, толстая, недурной наружности, женщина среднихъ лѣтъ, были повидимому люди добрые и простые.

За завтракомъ, состоявшимъ изъ чая съ бѣлымъ хлѣбомъ и

разныхъ молочныхъ продуктовъ, хозяинъ поминутно говорилъ мнѣ:

— Ѣшь еще! По ѣдѣ виденъ работникъ: кто много ѣстъ, тотъ и въ работѣ горяздъ!

Послѣ завтрака, показавшагося мнѣ чрезвычайно вкуснымъ, хозяинъ съ сыномъ, парнемъ почти моихъ лѣтъ, и двумя дочерьми, двѣнадцати и десяти лѣтъ, сталъ собираться на покосъ и позвалъ меня съ собою.

Когда мы пріѣхали въ степь, верстъ за пятнадцать отъ деревни, я, взявъ одну изъ хозяйскихъ косъ, началъ ею до того размахивать, что вновь вызвалъ общій смѣхъ и замѣчанія: „Ай-да косарь!“

— Нѣтъ, Митрій!—обратился ко мнѣ хозяинъ, которому я сказалъ имя, выставленное на моемъ паспортѣ.—Этакъ ты больше напортишь, чѣмъ накосишь! Не то себѣ или другому ногу отрѣжешь! Ты сперва присмотрись, какъ мы съ Ваней косимъ, а пока подгребай за нами съ дѣвочками.

Неловко и непріятно было мнѣ идти позади хозяина и его сына, рядомъ съ малолѣтними дѣтьми, но нечего было дѣлать, да и эту сравнительно легкую работу я исполнялъ медленнѣе и хуже, чѣмъ даже меньшая дочь хозяина, Луша.

— Смотри, тятька, смотри! Какія у работника полосы остались!—восклицала она съ укоризненнымъ смѣхомъ.

— А ты, чѣмъ смѣяться, показала бы парню, какъ надо подгребать,—говорилъ молоканинъ, добродушно улыбаясь.

— Такого большого учить! Какой же онъ работникъ? Ни косить, ни грести, ничего дѣлать не можетъ! Онъ и за бабу не сойдетъ, харчей своихъ не заробитъ! Что въ немъ толку?—сыпала откровенно бойкая, разбитная дѣвочка.

— Ну, ну! Молчи, егоза!—полу-серьезно, полу-шутя закричалъ на нее отецъ.

А я не зналъ, куда мнѣ отъ стыда дѣваться, и давалъ себѣ слово уйти куда глаза глядятъ, какъ только вернемся въ деревню.

„Проклятая интеллигентская жизнь въ городѣ! Ни къ чему-то она не пріучаетъ, дѣлаетъ человѣка ни на что неспособнымъ, кромѣ чтенія книжекъ!“ думалъ я съ невыразимой грустью. „Ну, гдѣ ужъ тутъ пользоваться вліяніемъ, когда малолѣтняя дѣвочка поднимаетъ тебя на смѣхъ!“

— Митрій! А Митрій! Ты чего это отсталъ?—раздается съ другого конца покоса.

Занятый невеселыми мыслями о своей интеллигентской неподготовленности къ физическому труду, я дѣйствительно остался

далеко позади. Вновь, поэтому, раздается смѣхъ, вновь слышу злыя и крайне обидныя замѣчанія Луши.

„Нѣтъ, нельзя мнѣ здѣсь оставаться! Уйду, сегодня же уйду. Но куда? Неужели, по примѣру Іосифа, назадъ, ничего не сдѣлавъ, когда, наконецъ, удалось попасть къ молоканамъ?“

Когда, по возвращеніи вечеромъ въ деревню, я заявилъ хозяину о своемъ намѣреніи, онъ рѣшительнымъ тономъ воскликнулъ:

— Пустое, живи! Чего оробѣлъ? Всяко начало трудно: со временемъ всему научишься!

Ему не пришлось долго уговаривать меня, такъ какъ мнѣ и самому тяжело было бы отказаться отъ своей цѣли распропагандировать молоканъ.

VI.

Потянулась тяжелая страдная пора. Работа начиналась задолго до восхода солнца, а кончалась съ появленіемъ звѣздъ на небѣ. Уставалъ я чрезвычайно; тѣмъ не менѣе не упускалъ случая для пропаганды.

Сначала бесѣды наши касались преимущественно религіозныхъ вопросовъ. При этомъ мои собесѣдники всегда сравнивали свое ученіе съ православіемъ и доказывали мнѣ его превосходство надъ послѣднимъ. Къ православію молокане, въ общемъ, относились съ снисходительной насмѣшкой, но въ бесѣдахъ со мною не проявляли ни малѣйшей нетерпимости. Религіозные вопросы, видимо, потеряли для нихъ жгучій интересъ. Такое ихъ настроеніе являлось не особенно удачнымъ для меня. Отправляясь къ нимъ, я предполагалъ встрѣтить въ нихъ горячихъ сторонниковъ ихъ ученія, людей убѣжденныхъ, что только въ немъ одномъ всѣ ищущіе правды и справедливости могутъ найти удовлетвореніе. При такихъ воззрѣніяхъ, полагалъ я, легче было бы возбудить въ нихъ интересъ и къ тѣмъ болѣе общимъ и важнымъ вопросамъ, которые занимали меня и моихъ единомышленниковъ. Поэтому я былъ нѣсколько разочарованъ, когда, вмѣсто страстнаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ, нашелъ большое равнодушіе къ нимъ, вмѣсто горячей проповѣди—почти полный индифферентизмъ къ тому, примкну ли я къ молоканству или нѣтъ.

Эти сектанты несомнѣнно обладали здравымъ житейскимъ умомъ. Они были толковы, смышлены, всѣ грамотны и неизмѣ-

римо болѣе развиты, чѣмъ православные крестьяне. Но немало было у нихъ и отрицательныхъ чертъ. Не смотря на грамотность, они, кромѣ своихъ молитвенниковъ и священнаго писанія, никакихъ другихъ книгъ не читали. Косности, нелюбви къ какимъ-либо новшествамъ въ нихъ едва ли было меньше, чѣмъ у православныхъ.

Однажды мой хозяинъ, увидѣвъ, какъ на сосѣднемъ участкѣ богатаго молоканина работникъ управлялъ косильной машиной, замѣтилъ съ завистью:

— Эхъ, будь деньги—купилъ бы такую машину!

Не желая упускать поводъ къ пропагандѣ, я сталъ развивать ему наши взгляды относительно общаго пользованія орудіями производства. Я полагалъ, что сообщаю молоканину совершенно новыя для него воззрѣнія.

Но онъ, по обыкновенію внимательно выслушавъ меня до конца, спокойно замѣтилъ:

— Все это намъ не на пользу, а во вредъ!—И въ подтвержденіе своихъ словъ онъ сослался на находившуюся невдалекѣ отъ Астраханки деревню: тамъ жила секта „общихъ", у которыхъ, по словамъ Фирсова, орудія труда были общія.

Мнѣ самому, къ сожалѣнію, не удалось побывать въ ихъ деревнѣ и лично познакомиться со сторонниками этой секты. Но, насколько могу теперь припомнить разсказы молоканъ, относившихся къ „общимъ" крайне отрицательно, всѣ работы члены этой секты производили съобща. По словамъ молоканъ, среди „общихъ" происходили только ссоры да споры о томъ, кто сколько наработалъ, кто лѣнится, прикидываясь больнымъ. Поэтому у нихъ вѣчные безпорядки, бѣдность и грязь.

— То же и у насъ было-бъ, кабы стали жить какъ ты говоришь!—закончилъ Фирсовъ свой разсказъ.

Бесѣды на соціалистическія темы происходили у меня не только съ хозяиномъ, но и съ нѣкоторыми сосѣдями, и всѣ они оставались при твердомъ убѣжденіи въ негодности проповѣдуемыхъ мною новшествъ. Причина ихъ консерватизма коренилась, конечно, въ относительно благопріятномъ матеріальномъ ихъ положеніи. Земельные надѣлы были тогда еще очень значительны: на семью, въ среднемъ, приходилось чуть ли не по нѣскольку десятковъ десятинъ; скота у нихъ также было вдоволь. Существовало, правда, неравенство: встрѣчались крупные богачи-стотысячники—и люди какъ Фирсовъ, имѣвшіе крайне ограниченныя средства. Но о вопіющей бѣдности рѣдко приходилось слышать, да и то, если вѣрить моимъ собесѣдникамъ, причина

нужды коренилась не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ самихъ лицахъ, впавшихъ въ нее.

— Теперь вотъ и у насъ пошелъ развратъ—говорили молокане.—Прежде у насъ и въ поминѣ не было вино пить, а нынче кабакъ завелся, иной изъ него не выходитъ, оттого хозяйство у него прахомъ идетъ.

Само собой разумѣется, что проведенная по близости желѣзная дорога и, вмѣстѣ съ нею, изъ года въ годъ увеличивавшійся обмѣнъ, а также возраставшее населеніе и многое другое въ сильной степени вліяли на замѣтно ускорявшійся процессъ разслоенія молоканской секты. Многіе члены ея далеко ушли отъ первоначальныхъ вѣрованій ихъ предковъ и въ жизненномъ обиходѣ почти ничѣмъ уже не отличались отъ православныхъ. Такъ, одинъ изъ мѣстныхъ богачей разъѣзжалъ на тысячныхъ рысакахъ, имѣлъ великолѣпный домъ, охотничьихъ собакъ и т. д.

Когда по этому поводу я указывалъ своимъ собесѣдникамъ на евангельскую притчу о богачѣ, верблюдѣ и игольномъ ушкѣ, они мнѣ отвѣчали:

— Богъ захотѣлъ и далъ ему. Смотри: вотъ дождь идетъ на этой полосѣ, а этой совсѣмъ не задѣваетъ. Господь лучше насъ съ тобой знаетъ, кому сколько дать надо.

Такимъ образомъ всѣ мои попытки объяснить происхожденіе неравенства соціальными причинами натыкались на крѣпко установившіеся предразсудки и на принятыя на вѣру, безъ малѣйшей критики, понятія и правила.

Столь же равнодушными оставались мои собесѣдники, когда я пытался апеллировать къ ихъ чувству справедливости и состраданія. Въ этихъ случаяхъ я также долженъ былъ убѣдиться, что они вполнѣ довольны своимъ положеніемъ, а потому не способны къ отзывчивости. Они не только гордились, но прямо хвастались своимъ благосостояніемъ.

— Видишь, какъ хорошо у насъ, не то что у васъ въ Россіи!—говорилъ мнѣ нерѣдко то тотъ, то другой изъ молоканъ.—Всего-то у насъ вдоволь,—дома̀, скотъ какой! А сослали-то насъ сюда за вѣру нашу, словно въ Сибирь: ничего кругомъ не было, ни деревца, ни кустика, ни воды. Все своими горбами сдѣлали наши прадѣды да дѣды. Какъ послушаешь стариковъ, и натерпѣлись же они! Сколько перемерло-то нашихъ здѣсь, бѣда!

Неудивительно, поэтому, что, достигнувъ относительнаго благосостоянія, молокане впали въ консерватизмъ и не чувствовали никакой склонности къ новшествамъ. Того ли я ждалъ, от-

правляясь къ нимъ? Все что я увидѣлъ, очутившись среди молоканъ, совершенно противорѣчило составившемуся у меня о нихъ, по устарѣвшимъ источникамъ, представленію. Съ каждымъ днемъ я все болѣе разочаровывался. Но, какъ молодой пропагандистъ, вѣрившій въ силу своихъ убѣжденій, я приписывалъ равнодушіе молоканъ не ихъ свойствамъ и не условіямъ ихъ жизни, а собственному своему неумѣнью и незнанію, какъ взяться за дѣло.

VII.

Въ воскресные дни, вдоволь выспавшись и исполнивъ лежавшія на мнѣ по хозяйству обязанности, я принимался за чтеніе одной изъ двухъ принесенныхъ мною въ котомкѣ легальныхъ книгъ: „Изученіе соціологіи“ Спенсера и „Статистика Россіи“ Ливрона. За этимъ занятіемъ, случалось, меня заставалъ хозяинъ, и хотя самъ онъ никогда не заглядывалъ ни въ какую мірскую книгу, но все-же онъ одобрительно относился къ такому препровожденію свободнаго времени. Благодаря отчасти этому же занятію, знакомые молокане считали меня авторитетомъ по „ученымъ“ вопросамъ; но я самъ испортилъ столь выгодную для меня репутацію.

Случилось это въ степи, во время уборки хлѣбовъ. Однажды, послѣ ужина, когда мы лежали всѣ рядомъ, собираясь заснуть, хозяинъ вдругъ спросилъ меня:

— Правда ли, Митрій, сказываютъ, будто звѣзды больше земли?

Отвѣтивъ утвердительно, я, обрадовавшись поводу, пустился въ объясненіе, почему звѣзды кажутся намъ малыми, затѣмъ назвалъ нѣкоторыхъ спутниковъ солнца...

— А скажи, Митрій, какъ пройти до деревни Васильевки?— прервалъ Фирсовъ мое перечисленіе.

Вопросъ его показался мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что, повидимому, онъ слушалъ мои объясненія съ обычнымъ интересомъ.

— Почему же я знаю?—отвѣтилъ я съ неудовольствіемъ:— вы вѣдь знаете, что я тамъ не бывалъ!

— То-то вотъ и оно-то!—воскликнулъ онъ съ торжествующей ноткой въ голосѣ.—А на небѣ ты развѣ бывалъ? Не можешь сказать, какъ по землѣ тридцать верстъ пройти, а толкуешь про то, какъ далеко до звѣздъ, до солнца, до луны! Хоть книги разныя читаешь, а вижу, что и въ тебѣ тоже глупости немало!—заключилъ хозяинъ съ большой укоризной и, повернувшись на бокъ, немедленно заснулъ.

Эта „астрономическая“ бесѣда доставила мнѣ среди молоканъ огромную популярность, но крайне невыгоднаго свойства, въ чемъ я могъ убѣдиться изъ слѣдующаго случая.

Чтобы посылать свои письма и получать приходившія для меня до востребованія, я раза два за все лѣто отправлялся на почту въ Мелитополь; при этомъ случалось, что меня кто-нибудь подвозилъ. Въ одно воскресное утро, вскорѣ послѣ описанной бесѣды, идя въ городъ, я попросилъ проѣзжавшихъ мимо двухъ незнакомыхъ крестьянъ подвезти меня. Пустивъ меня на телѣгу, они стали разспрашивать, кто я и у кого служу?

— Такъ это ты Ивана Фирсова работникъ!—воскликнули они радостно.—Знаемъ, знаемъ! много про тебя наслышаны: ты, сказываютъ, по небу шибче, чѣмъ по землѣ ходишь?

И проѣзжіе покатывались со смѣху.

Оказалось, что то были молокане, жившіе въ другомъ концѣ обширнаго селенія Астраханки; тѣмъ не менѣе слухъ о моихъ „путешествіяхъ по небу“, какъ мой хозяинъ назвалъ мои астрономическія объясненія, уже успѣлъ дойти до нихъ и, очевидно, вызвалъ съ ихъ стороны также отрицательное отношеніе.

Бесѣда о небесныхъ свѣтилахъ не повлекла за собою, однако, измѣненія въ отношеніяхъ ко мнѣ хозяевъ и нѣкоторыхъ знакомыхъ молоканъ. Фирсовъ, послѣ этого, кажется, случая, лишь еще сильнѣе укрѣпился въ представленіи, что я — странный человѣкъ.

— Болѣе ста лѣтъ стоитъ Астраханка,—сказалъ онъ мнѣ какъ-то,—а такого чудака, какъ ты, Митрій, въ ней никогда не бывало.

Однажды, лежа съ книгой за стогомъ сѣна, я невольно подслушалъ разговоръ, который невдалекѣ отъ меня велъ мой хозяинъ съ какимъ-то сосѣдомъ. Хозяинъ расхваливалъ кого-то за трезвость, честность, аккуратность.

— И все-то у него, рубахи, штаны—новые; ну, и денегъ, видно, немного есть. Каждый разъ, какъ изъ города приходитъ, четвертку чаю и фунтъ сахару хозяйкѣ приноситъ, ребятамъ—леденцовъ. Хорошую службу на желѣзной дорогѣ имѣлъ—пятнадцать рублей въ мѣсяцъ получалъ. Да бросилъ и пошелъ мужицкую работу справлять. Такой чудной по всему, какого я отродясь не видалъ.

Составивъ себѣ столь лестное обо мнѣ мнѣніе, хозяинъ готовъ былъ распинаться за мою репутацію. Это онъ и доказалъ въ одномъ случаѣ, едва не окончившемся для меня очень печально.

Когда, однажды, я вернулся передъ вечеромъ съ лошадьми съ какой-то работы, хозяинъ, за ужиномъ, сообщилъ мнѣ, что, въ моемъ отсутствіи, къ нему зашелъ сосѣдъ Калининъ, у котораго незадолго передъ тѣмъ увели лошадь, и выразилъ увѣренность, что это—дѣло моихъ рукъ. На вопросъ Фирсова, какимъ образомъ я могъ увести его лошадь, оставаясь все время въ Астраханкѣ, Калининъ указалъ, что вотъ я хожу зачѣмъ-то въ городъ: тамъ, по его предположенію, у меня имѣются, должно быть, пособники, которымъ я и указываю, у кого изъ астраханскихъ молоканъ плохіе запоры. При этомъ Калининъ предсказывалъ, что я больше не вернусь, а уведу также лошадей хозяина, на которыхъ поѣхалъ по дѣлу. „А то чего этому парню и жить въ нашемъ селеніи?"— передавалъ Фирсовъ слова сосѣда.

— А вы что же ему сказали?—спросилъ я.

— „Не знаешь ты моего работника", сказалъ я ему: „не то что чужой лошади не уведетъ онъ, а положи передъ нимъ сколько хочешь золота, и того не тронетъ. На него, какъ на родного сына, положусь".

Не смотря на столь лестное обо мнѣ мнѣніе, разсказъ его чрезвычайно огорчилъ и встревожилъ меня: въ результатѣ моихъ стремленій распропагандировать молоканъ быть заподозрѣннымъ въ конокрадствѣ—что могло быть обиднѣе этого, особенно для юнаго соціалиста?

Къ моральному огорченію присоединилось еще и другое немаловажное обстоятельство: не смотря на увѣренность Фирсова въ моей честности, разговоръ съ сосѣдомъ все-же возбудилъ въ немъ нѣкоторую тревогу.

— Вотъ что, Митрій!—прибавилъ онъ, спустя немного.— Калининъ, поди, не мнѣ одному, а по всей Астраханкѣ трубитъ, что это ты его лошадь увелъ: какъ бы брехня его не дошла до волости! Скажи, есть у тебя паспортъ?

Въ теченіе всего лѣта мой хозяинъ ни разу не поинтересовался узнать объ этомъ. Паспортъ мой былъ не только фальшивый, но къ тому же и просроченный: товарищи обѣщали прислать новый, но почему-то не сдѣлали этого. Не желая, однако, увеличивать тревогу безхитростнаго и добродушнаго молоканина, я, отправившись въ конюшню, досталъ лежавшій въ моей котомкѣ паспортъ, но не передалъ его хозяину, а самъ прочелъ текстъ, такъ что выходило, будто онъ еще не просроченъ.

— Нѣтъ, что ни толкуй, Митрій,—замѣтила вдругъ присутствовавшая все время хозяйка—а ты не изъ простыхъ: не по-

хожъ ты на мужика! Гляди, какія у тебя руки: бѣленькія да маленькія, меньше чѣмъ у дѣвочки.

И, позвавъ свою младшую дочь, она стала сравнивать наши руки.

— Ты изъ господъ!—заявила она, наконецъ, рѣшительнымъ тономъ.

Мужъ ея, повидимому, тоже склонялся къ этому предположенію, что̀ мнѣ было крайне непріятно.

— Сами посудите, зачѣмъ сталъ бы я выдавать себя за крестьянина?—старался я разубѣдить ихъ.

— Кто тебя знаетъ: чужая душа—потемки! — заявила хозяйка.—Вотъ, сказываютъ, и господъ въ солдаты стали брать,— можетъ, ты и покинулъ родню, чтобы не служить.

Предположеніе это она высказала ничуть не враждебнымъ тономъ. Наоборотъ, въ словахъ ея слышалось скорѣе сочувствіе: какъ сектантка, она вовсе не считала предосудительнымъ уклоненіе отъ воинской повинности. Съ другой стороны, быть можетъ, ей лестно было думать, что въ работникахъ у нихъ состоитъ „баринъ", у котораго что-то въ прошломъ имѣется, и эта таинственность дѣйствовала, вѣроятно, на ея воображеніе.

Какъ бы то ни было, но въ связи съ подозрѣніемъ, высказаннымъ противъ меня сосѣдомъ Калининымъ, предположенія моихъ хозяевъ о моемъ происхожденіи вызвали во мнѣ немалую тревогу: эти разнообразныя относительно меня подозрѣнія могутъ вскорѣ дойти до волостного правленія, меня арестуютъ, затѣмъ дознаются, съ какими цѣлями я отправился къ молоканамъ—а по тѣмъ временамъ за это приговаривали къ каторжнымъ работамъ.

Вполнѣ естественно, поэтому, что первою мыслью моей, когда я остался одинъ, было бѣжать изъ Астраханки. Но это значило бы подтвердить возникшія относительно меня неблаговидныя подозрѣнія и, слѣдовательно, оставить о себѣ совсѣмъ нелестную память. Сразу разрушить все то, что̀ съ такими усиліями создавалось въ теченіе цѣлаго лѣта, казалось мнѣ не только неблагоразумнымъ, но и предосудительнымъ.

„Нѣтъ! Я долженъ остаться здѣсь, что̀ бы тамъ ни случилось!"—рѣшилъ я послѣ долгихъ размышленій и взвѣсивъ всевозможныя соображенія „за" и „противъ". Одно особенно сильно повліяло на мое рѣшеніе: мнѣ не хотѣлось оставить безъ опроверженія пущенную Калининымъ противъ меня клевету.

Своей внѣшностью и выраженіемъ лица этотъ молоканинъ уже и раньше не внушалъ мнѣ ни малѣйшаго расположенія.

Рыжеволосый, съ длинной, всклокоченной бородой, съ лицомъ, покрытымъ веснушками и красными пятнами, Калининъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Если принять во вниманіе его громадный ростъ и большую физическую силу, то, полагаю, встрѣчѣ съ нимъ на большой дорогѣ едва-ли многіе радовались.

Неудивительно, поэтому, что я испытывалъ довольно тревожное чувство, когда на слѣдующій день я увидѣлъ Калинина бесѣдующимъ у воротъ своего дома съ моимъ хозяиномъ и какимъ-то другимъ молоканиномъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ я направился къ этой группѣ: у меня было опасеніе, что мое объясненіе съ Калининымъ можетъ скверно для меня окончиться.

— Вы что же это напраслину на меня взводите?—обратился я къ нему, подошедши близко.

— А то кто же другой увелъ у меня коня?—спросилъ онъ нахально.—Нѣкому другому, кромѣ тебя: ты чудной какой-то, на мужика не похожъ. Не изъ жидовъ ли ты?—закончилъ онъ совершенно неожиданно.

До этой бесѣды мнѣ очень рѣдко случалось встрѣчаться съ нимъ, и я едва ли обмѣнялся съ нимъ раньше парой словъ. Теперь, увидѣвъ меня вблизи, къ тому же сильно взволнованнымъ вслѣдствіе пущенной имъ клеветы, Калининъ, какъ человѣкъ бывалый, вполнѣ естественно узналъ во мнѣ еврея. Но, разъ по паспорту я значился православнымъ крестьяниномъ, мнѣ нельзя было подтвердить его предположеніе: съ другой стороны, я не хотѣлъ также и отрицать его. Положеніе мое было довольно затруднительное. Я вѣроятно сильно измѣнился въ лицѣ, вслѣдствіе внезапности предложеннаго мнѣ Калининымъ вопроса. Въ головѣ моей быстро промелькнуло, что высказанное имъ подозрѣніе можетъ легко быть доказано, а тогда станетъ очевиднымъ, что паспортъ у меня фальшивый. Нельзя было, поэтому, долго оставлять безъ отвѣта вопросъ Калинина.

— Не о томъ рѣчь, кто я такой, а о томъ, какъ можете вы зря обвинять человѣка? Вы—молоканинъ, считаете себя настоящимъ христіаниномъ, а вотъ взводите на меня напраслину.

Долго затѣмъ разъяснялъ я ему всю возмутительность взводимаго имъ на меня обвиненія. Мой хозяинъ также поддержалъ меня. Подъ конецъ Калининъ видимо почувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, но все же, не желая прямо признать себя неправымъ, заявилъ:—Можетъ и не ты увелъ коня—Господь знаетъ! Ну, не сердись, парень!—Мы протянули другъ другу руки.

VIII.

Но бѣда, какъ извѣстно, не идетъ одна. Не успѣлъ я успокоиться относительно этого инцидента, какъ меня встревожило другое обстоятельство.

Когда въ сумеркахъ одного изъ слѣдующихъ дней я, сидя верхомъ на конѣ и ведя за поводья остальныхъ трехъ хозяйскихъ лошадей, направлялся въ степь въ ночное, меня окликнулъ Фирсовъ, сидѣвшій на скамьѣ у воротъ съ нѣсколькими сосѣдями.

— Слѣзай-ка, Митрій: вотъ тебѣ землякъ—заявилъ онъ съ веселой улыбкой, указавъ на одного изъ своихъ собесѣдниковъ.

Послѣдовавъ его предложенію, я, конечно, не испытывалъ ни малѣйшей радости по поводу этой встрѣчи. Мой „землякъ“ сталъ разспрашивать меня, какой я губерніи, уѣзда, волости? Оказалось, что онъ былъ изъ деревни сосѣдней съ тою, изъ которой я по паспорту значился, и зналъ наперечетъ всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ. Услыхавъ, что моя фамилія Голенюкъ, онъ выразилъ большое удивленіе: о таковой онъ, конечно, не слыхалъ, по той причинѣ, что она существовала лишь въ моемъ паспортѣ. Когда же я сказалъ, что родители мои давно умерли, онъ сталъ разспрашивать о моихъ родственникахъ, своякахъ и знакомыхъ. Боясь попасться, назвавъ несуществовавшія въ той деревнѣ фамиліи, я заявилъ, что на родинѣ я не былъ съ малолѣтства, а потому никого не помню и не знаю. Выходило не совсѣмъ гладко и правдоподобно.

— Какъ же такъ? — недоумѣвалъ мой „землякъ“. — Чуднò!

Подъ предлогомъ, что темнѣетъ и нужно торопиться въ степь, я простился съ нимъ и другими. Этотъ „черниговецъ“, казалось мнѣ, ясно видѣлъ, что я говорю неправду и, какъ человѣкъ „россейскій“, навѣрно заподозрилъ меня. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ недавно пріѣхалъ въ Астраханку, гдѣ открылъ торговлю. Такимъ образомъ, мнѣ и впредь придется съ нимъ встрѣчаться. Его подозрѣнія могутъ, поэтому, подтвердиться, особенно если онъ вздумаетъ въ нашей общей съ нимъ волости справиться, дѣйствительно ли былъ выданъ оттуда паспортъ на названную мною ему фамилію. Состояніе мое было самое непріятное: на душѣ, какъ говорится, кошки скребли. Отъѣхавъ верстъ пятнадцать, я пустилъ со спутанными ногами лошадей по скошенному участку Фирсова, а самъ, подостлавъ свою под-

девку, растянулся на землѣ. Кругомъ на большомъ пространствѣ не было ни одной живой души; только на горизонтѣ представлялись въ видѣ черныхъ точекъ далеко забравшіяся лошади. Однообразная, непривѣтливая картина, разстилавшаяся передъ глазами, вполнѣ соотвѣтствовала моему невеселому душевному состоянію: я не зналъ, что мнѣ предпринять, вновь останавливался на мысли о побѣгѣ изъ Астраханки, чтобы такимъ образомъ предупредить арестъ. Если раньше былъ еще смыслъ оставаться, въ виду клеветы, пущенной Калининымъ, то теперь, казалось мнѣ, не было ни малѣйшаго основанія рисковать своей свободой.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, но я и до сихъ поръ живо помню ощущенія, испытанныя мною въ ту ночь. Къ счастью, она была недолга. Лишь только стало свѣтать, я пустился въ поиски лошадей. Это оказалось далеко нелегкимъ дѣломъ: черныя точки видны были на горизонтѣ въ разныхъ направленіяхъ, и какія изъ нихъ являлись лошадьми моего хозяина, я рѣшительно не могъ опредѣлить. Ваня, сынъ Фирсовыхъ, съ которымъ я раньше отправлялся въ ночное, приложившись ухомъ къ землѣ, безошибочно опредѣлялъ, куда забрели наши лошади. Попробовавъ примѣнить этотъ способъ, я рѣшительно ничего не могъ разобрать. Мнѣ приходилось идти наугадъ—и подошедши близко къ намѣченнымъ точкамъ, я каждый разъ убѣждался, что то были чужія лошади. Только послѣ безчисленнаго количества безрезультатныхъ экскурсій по огромному пространству, когда солнце уже стояло довольно высоко надъ горизонтомъ, мнѣ, почти выбившемуся изъ силъ, удалось, наконецъ, собрать своихъ лошадей, да и то лишь при помощи явившихся въ степь незнакомыхъ мнѣ молоканъ.

Возвращаясь поздно вечеромъ въ деревню, я предполагалъ, что хозяинъ сперва попрекнетъ меня, зачѣмъ я замѣшкался, а потомъ сообщитъ, что меня приходили звать въ волостное правленіе. Въ послѣднемъ случаѣ я рѣшилъ уйти безъ вещей и болѣе уже не возвращаться. Но ни одно изъ этихъ предположеній не оправдалось.

IX.

Смѣнившая уборку хлѣбовъ перевозка ихъ на гумно нисколько не была легче первой. Наоборотъ, въ виду того, что всѣ спѣшили поскорѣе свезти все изъ степи въ деревню, приходилось работать днемъ и ночью безъ всякаго почти перерыва. Я, поэтому, дошелъ до того, что спалъ стоя, во время работы. Когда

хозяинъ снизу подавалъ мнѣ вилами охапки, которыя, подхвативъ, я долженъ былъ раскидывать на возу, ему часто приходилось по нѣскольку разъ окликать меня: я, такимъ образомъ, умудрялся заснуть между двумя подачами вилъ.

Всему, однако, приходитъ конецъ — наступилъ онъ и для тяжелыхъ работъ. Затѣмъ осталась лишь уборка баштановъ, являвшаяся скорѣе пріятнымъ развлеченіемъ, чѣмъ утомительнымъ занятіемъ: накладываешь, не спѣша, арбузы на возъ и ѣшь ихъ до пресыщенія. Уборкой баштановъ заняты были исключительно я и Ваня.

Однажды, когда мы съ нимъ ѣхали за арбузами, при чемъ я, по обыкновенію, правилъ парой, а онъ лежалъ развалившись въ телѣгѣ „хозяиномъ", между нами произошла такая сцена.

Погода стояла чудная. На небѣ — ни малѣйшаго облачка. Кругомъ въ степи было тихо. Мы долго ѣхали молча, наслаждаясь отдыхомъ и окружавшей насъ картиной.

— Ты бы, Митрій, что-нибудь разсказалъ!—прервалъ молчаніе хозяйскій сынъ.—Ты разныя книги читалъ и виды видалъ.

Предложеніе это удивило и вмѣстѣ обрадовало меня. Раньше Ваня никогда не обращался ко мнѣ съ подобными просьбами. Хорошій работникъ, скромный, молчаливый, онъ казался вполнѣ равнодушнымъ ко всему, что было внѣ узкой сферы хозяйскихъ заботъ; никогда не вмѣшивался онъ въ мои разговоры со старшими, быть-можетъ потому, что не считалъ себя еще взрослымъ. „Пожилые молокане косны и консервативны", подумалъ я; „можетъ быть ихъ молодежь окажется болѣе воспріимчивой". Сдѣлавъ такое предположеніе, я не заставилъ упрашивать себя и съ радостью принялся за пропаганду.

Тогда особенно популярна была нелегальная книжка, извѣстная подъ названіемъ: „Сказка о четырехъ братьяхъ", авторомъ которой является прежній главарь „Народной Воли", а нынѣ — редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", Левъ Тихомировъ. Рабочіе и крестьяне обыкновенно слушали съ большимъ интересомъ чтеніе этой сказки, такъ какъ въ ней самымъ популярнымъ языкомъ разсказывалось про господствующую повсюду въ Россіи несправедливость и указывался путь къ ея устраненію. У меня ея не было съ собою, но я хорошо зналъ ея содержаніе и принялся устно передавать его.

Я сидѣлъ въ полуоборотъ къ Ванѣ и постепенно увлекался своей проповѣдью, но вдругъ, въ одинъ изъ наиболѣе трогательныхъ моментовъ разсказа, почувствовалъ ударъ кулакомъ въ бокъ, сопровождавшійся восклицаніемъ Вани:

— Смотри, куда правишь!

Оказалось, что лошади свернули нѣсколько въ сторону.

— И за это ты меня ударилъ, когда я тебѣ же разсказываю!—сказалъ я чуть не со слезами въ голосѣ.

— Сказки сказывай, а за лошадьми смотри, не то, вишь, онѣ телѣгу сломаютъ!—спокойно отвѣтилъ хозяйственный парень.

Я почувствовалъ невыразимое огорченіе. Не ударъ, совершенно мною незаслуженный, разстроилъ меня, но тяжело было сознаніе, что вотъ молодой парень, на котораго я уже сталъ возлагать свои надежды, изъ-за пустяка разбилъ ихъ. Для меня стало ясно, что ничтожные житейскіе интересы Ванѣ дороже всѣхъ истинъ, которыя я могъ бы ему сообщить.

Сколько затѣмъ онъ ни упрашивалъ меня закончить „сказку", я упорно отказывался. Мы молча, убравъ арбузы, вернулись въ сумеркахъ домой. Окружавшая насъ картина природы уже не казалась мнѣ столь прекрасной. То была моя первая и вмѣстѣ послѣдняя попытка распропагандировать молоканскую молодежь.

X.

Не разъ во время нашихъ религіозныхъ споровъ молокане совѣтовали мнѣ побывать въ ихъ молельнѣ. Меня также интересовало ихъ богослуженіе; но вслѣдствіе неимовѣрной усталости я могъ осуществить это желаніе лишь по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ. Наконецъ, въ одно воскресное утро я отправился въ ихъ молельню. Все въ ней поразило меня: простота обстановки, обычное, какъ у остальныхъ молоканъ, платье ихъ священника, а также участіе всѣхъ присутствующихъ въ пѣніи молитвъ. Но особенно удивило меня, что, по окончаніи богослуженія, изъ толпы вышелъ человѣкъ, по внѣшности и акценту походившій на еврея, и, занявъ мѣсто священника, обратился къ присутствовавшимъ съ назидательной проповѣдью. Не смотря на невполнѣ правильную русскую рѣчь этого проповѣдника, ни на чьихъ лицахъ я не замѣтилъ никакой улыбки. Наоборотъ, всѣ, видимо, слушали его съ такимъ вниманіемъ, словно опасались пропустить какое-нибудь слово. По окончаніи этой проповѣди, передъ тѣмъ какъ расходиться, мужчины и женщины цѣловались—„какъ братья и сестры во Христѣ", по объясненію моего хозяина.

— Ну, что, понравилась тебѣ наша служба?—спросилъ онъ меня. Когда я отвѣтилъ утвердительно, онъ сказалъ:

— Особенно, поди, понравилось, что у насъ парни съ дѣвками цѣлуются. Переходи, Митрій, въ нашу вѣру, тогда съ любой красавицей цѣловаться будешь—закончилъ онъ съ веселымъ смѣхомъ.

Приближалась осень. Миссію свою среди молоканъ я считалъ оконченной. Подводя итогъ моей пропагандистической дѣятельности въ теченіе лѣта, я приходилъ къ очень грустному выводу: мнѣ казалось, что если мои усилія остались безъ всякихъ результатовъ, то въ этомъ виноватъ только я, вслѣдствіе моей неспособности къ крестьянскимъ работамъ и неумѣнья взяться за дѣло. Не имѣя тогда свѣдѣній о судьбѣ остальныхъ членовъ нашего кружка, я думалъ, что они навѣрно достигли положительныхъ результатовъ. Такія размышленія, конечно, повергали меня въ невыразимую печаль. Но мало-по-малу самообвиненія смѣнялись болѣе или менѣе объективнымъ анализомъ условій молоканской жизни, а затѣмъ нетрудно было придти къ выводу, что не во мнѣ, главнымъ образомъ, не въ моихъ личныхъ свойствахъ и недостаткахъ лежала причина безрезультатности моего пребыванія среди молоканъ.

„Да и осуществима ли вообще поставленная нами себѣ задача, осуществимъ ли нашъ планъ дѣятельности среди сектантовъ?“ — задавалъ я себѣ вопросъ и, не смотря на незначительный личный опытъ, отвѣчалъ на него отрицательно.

Небольшой наблюдательности и склонности къ анализу было достаточно, чтобы послѣ нѣкотораго знакомства съ молоканами убѣдиться, что представленіе, составленное нами о нихъ по устарѣвшимъ книжкамъ и журнальнымъ статьямъ, нисколько не соотвѣтствовало дѣйствительности. Условія жизни послѣдователей этой секты, какъ и личныя ихъ свойства, дѣлали ихъ отнюдь не болѣе воспріимчивыми къ соціалистической проповѣди, чѣмъ православные крестьяне. Освободившись отъ преслѣдованій правительства, молокане успокоились въ сознаніи совершенства своей религіи и на достигнутомъ ими довольно высокомъ благосостояніи.

Считая, въ виду такого вывода, свое дальнѣйшее пребываніе среди молоканъ безполезнымъ и небезопаснымъ, я заявилъ Фирсову о своемъ рѣшеніи уѣхать домой. Онъ, а отчасти и жена его, уговаривали меня остаться, при чемъ дѣлали, какъ имъ вѣроятно казалось, очень заманчивыя для меня предложенія.

— Хочешь, оставайся у меня въ работникахъ года на три-четыре,—говорилъ хозяинъ.—За это время станешь настоящимъ крестьяниномъ, сможешь не хуже любого справлять всѣ наши

работы. Женимъ тебя на молоканкѣ, ужъ выберемъ тебѣ дѣвку здоровую да красивую. Ты и самъ перейдешь въ нашу вѣру: поди, видишь, что она лучше вашей. А можетъ женишься на Лушѣ? Пойдешь за Митрія?—обращался отецъ къ дѣвочкѣ.

— Вотъ еще! Куда онъ годится!—восклицала она, отворачиваясь въ сторону, съ недовольной миной.

— Подростешь, то ли скажешь! Ну, чѣмъ онъ не женихъ тебѣ?—дразнилъ ее отецъ.

— Не пойду, не пойду за него, долговязаго!—рѣшительнымъ тономъ, чуть не со слезами кричала дѣвочка.

— Ладно, ладно! Не зарекайся!—говорилъ онъ, смѣясь.

Или Фирсовъ рисовалъ иныя перспективы:

— Не то оставайся у насъ учителемъ; наберемъ тебѣ сорокъ или пятьдесятъ ребятишекъ, съ платой по рублю съ каждаго за зиму, а харчъ и квартира по-недѣльно у родителей.

Стараясь, такимъ образомъ, удержать меня въ Астраханкѣ, Фирсовы, повидимому, вовсе не руководились личнымъ разсчетомъ: нельзя же было серьезно предполагать, что они прельщались мною какъ хорошимъ работникомъ, а тѣмъ болѣе какъ подходящимъ женихомъ для Луши, которой не было десяти лѣтъ. Вѣрнѣе предположить, что эти простые, безхитростные люди за лѣто привязались ко мнѣ, какъ и я къ нимъ. За нѣсколько мѣсяцевъ моей у нихъ жизни, не смотря на многочисленные мои промахи въ работѣ, ни онъ, ни она не только не сказали мнѣ рѣзкаго слова, но ни разу не повысили, говоря со мной, голосъ. Единственнымъ случаемъ недовольства мною хозяина явился приведенный астрономическій диспутъ, изъ котораго я вышелъ посрамленнымъ.

Въ теченіе всего лѣта я не только ничего не бралъ у хозяина изъ положеннаго имъ мнѣ „бабьяго жалованья", но, видя подчасъ его нужду въ небольшихъ наличныхъ деньгахъ, самъ еще снабжалъ его небольшими суммами. Когда часть свезеннаго хлѣба была обмолочена и провѣяна на току, Фирсовъ рѣшилъ продать ее, чтобы расплатиться со мной и купить кое-что необходимое въ хозяйствѣ и для членовъ семьи. Еще задолго до поѣздки съ этой цѣлью въ городъ Фирсовы разсчитывали и прикидывали вслухъ, сколько они выручатъ за такое-то количество мѣшковъ зерна, и выходило, что они не въ состояніи купить все настоятельно необходимое. Я рѣшилъ сдѣлать имъ на прощанье сюрпризъ.

Мы сговорились отправиться вмѣстѣ въ городъ, откуда, по-

лучивъ все слѣдовавшее мнѣ, я долженъ былъ уѣхать по желѣзной дорогѣ.

Наложивъ полный возъ, запряженный парой, хлѣбомъ, мы втроемъ поѣхали въ Мелитополь. Лишь только мы въѣхали въ городъ, какъ тотчасъ же насъ обступили мѣстные торговцы, предлагая свои цѣны. Хозяинъ рядился съ ними, а когда, наконецъ, сдѣлка состоялась, я помогъ снести и ссыпать зерно въ амбаръ. Получивъ затѣмъ деньги, онъ отсчиталъ слѣдуемую мнѣ сумму. Но я взялъ изъ нея только тѣ нѣсколько рублей, которые самъ далъ ему наличными, а отъ заработанныхъ у него отказался.

— Да что ты, въ своемъ ли умѣ?—воскликнули оба съ крайнимъ изумленіемъ.—Все лѣто работалъ, а денегъ не хочешь брать!

Я заявилъ имъ, что у меня хватитъ на дорогу и предложилъ, чтобы они сдѣлали всѣ нужныя имъ закупки, а также подарки отъ меня дѣтямъ, въ особенности „моей невѣстѣ Лушѣ“.

Хозяева посмѣялись по этому поводу и больше не заставили себя уговаривать. Но, поблагодаривъ меня и пожелавъ на прощанье всякаго счастья, хозяинъ не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Ну и чудакъ же ты?! Сто лѣтъ стоитъ Астраханка, а такого чудака въ ней не бывало!

Левъ Дейчъ.

Парижъ, 30 (17) ноября 1909 г.

ТѢНЬ ЛЮБВИ

Романъ Марсель Тинэйръ.

(Окончаніе.)

XX *).

Кайроль взялъ подъ руку дочь.

— Пойдемъ, голубка...

Она не отрывала глазъ отъ клубовъ дыма, расплывавшихся въ утреннемъ туманѣ.

— Поѣзда уже не видать. Пойдемъ, дорогая.

Онъ увелъ ее. Это прощаніе, трогательная признательность Жана, его надежда на скорое возвращеніе,—потомъ эта холодность Денизы и ея упорное молчаніе: какая тоска!..

Кайроль думалъ про себя:

„Давно пора было ему уѣхать!.. Она тоже не осталась равнодушной... Но теперь опасность устранена. Дениза одумается и пойметъ, что я былъ правъ, выбирая изъ двухъ золъ меньшее... Въ концѣ концовъ, если Фавьеръ будетъ держаться того же строгаго режима и не совершитъ никакой неосторожности, жизнь его не убавится ни на одинъ день изъ-за того, что онъ разстался съ нами... Я говорилъ это ему и говорилъ Денизѣ... Онъ мнѣ повѣрилъ; но она — нѣтъ. Она воображаетъ, что она ему необходима и что вдали отъ нея онъ натворитъ массу глупостей. Можетъ быть, оно и такъ; но въ

*) См. сентябрь, стр. 248.

такомъ случаѣ самъ онъ будетъ и отвѣтственъ за нихъ. Я свое дѣло сдѣлалъ, выполнилъ свой долгъ...“

Ему хотѣлось высказаться вслухъ, разбить этотъ ледъ между нимъ и Денизой, нараставшій съ того дня, какъ онъ рѣшилъ, что Жанъ долженъ уѣхать. Но онъ не смѣлъ. Дочь, не протестуя, покорилась его рѣшенію. И изъ деликатности, изъ тягостнаго чувства смущенія, онъ со дня на день оттягивалъ объясненіе, отнынѣ ставшее безполезнымъ.

Жанъ уѣхалъ. Скоро уѣдетъ и Дениза. Они свидятся снова только осенью, если не позже... За это время между ними станутъ новыя впечатлѣнія, новыя лица. Болѣзненное очарованіе любовной жалости будетъ, можетъ быть, нарушено. А если нѣтъ, Кайроль найдетъ предлогъ какъ-нибудь отказать Жану и не принять его въ свой домъ.

Въ передней, у стѣны, стоялъ сложенный шезъ-лонгъ, камышевый, съ натянутой на него парусиной. При видѣ его лицо Денизы выразило страданіе.

— Куда ты?—спросилъ ее отецъ.

— Наверхъ; Франсунетта моетъ полъ въ бѣлой комнатѣ.

— Хочешь, позавтракаемъ сегодня пораньше. А потомъ я отвезу тебя въ Тюлль. Тебѣ вѣдь нужно купить матеріи на лѣтнія платья... Теперь у тебя будетъ время заняться собой. У тетки ты должна быть хорошенькой и веселиться. Ты такъ устала, что вполнѣ заслужила отдыхъ...

Голосъ его звучалъ почти робко. Дениза глухо отвѣтила:

— Благодарю тебя, отецъ... Я сдѣлаю все, какъ ты хочешь.

Она была уже на лѣстницѣ. Кайроль слышалъ, какъ она звала:

— Фортунада!.. Гдѣ Фортунада?

Малютка Бранду, стоя на табуретѣ, снимала занавѣски въ бѣлой комнатѣ.

— Что вамъ, барышня?

Дениза увела ее въ свою комнату.

— Ну?

— Ну... я видѣла его... Онъ ничего не знаетъ. Говоритъ, чтобъ я сама сходила къ старику...

— Когда же ты пойдешь?

— Не обезсудьте, барышня, если я васъ не послушаюсь— мнѣ самой очень непріятно, — но только я не знаю... какъ же я пойду въ Шастангъ—одна...

— Но вѣдь ты же ходила раньше.

— А теперь боязно...

— Ты боишься?

— Да.

Дениза только теперь взглянула на Фортунаду и замѣтила, какіе у нея испуганные глаза и разстроенное лицо.

— Онъ ничего мнѣ дурного не сдѣлалъ, не обидѣлъ меня,— вполголоса продолжала швея, какъ бы отвѣчая на невысказанный вопросъ,—но больше я одна въ Шастангъ не пойду.

— А если я пойду съ тобой?

— Съ вами—другое дѣло; съ вами я пойду...

Дениза вздохнула и взяла Фортунаду за руку.

— Прости меня, малютка... Мнѣ не слѣдовало просить тебя объ этомъ... Теперь мнѣ совѣстно... Спасибо тебѣ, большое спасибо... Иди, иди, оставь меня. Мнѣ будетъ легче одной...

Она заперла дверь за Фортунадой и сошла внизъ только къ завтраку.

Послѣ завтрака она съ отцомъ поѣхала въ Тюлль. Когда купецъ раскладывалъ передъ нею на прилавкѣ матеріи и выхвалялъ свой товаръ, она отвѣчала полусловами; мысли ея были далеко, глаза блуждали гдѣ-то въ пространствѣ.

Вечеромъ пришла успокоительная телеграмма отъ Жана.

На другой день Дениза отправилась съ Фортунадой въ Шастангъ. Онѣ захватили съ собой корзину съ провизіей, денегъ, бутылку стараго вина. По пути онѣ никого не встрѣтили. Когда подъ каштанами, среди топкихъ, всегда мокрыхъ луговъ показались соломенныя кровли деревушки, малютка Бранду пошла впередъ и у порога Вейдренновъ сдѣлала Денизѣ знакъ подождать ее.

Въ воздухѣ тяжело повисъ запахъ тростника, плѣсени и стойла. Изъ полуразвалившейся лачуги выскочилъ взлохмаченный ребенокъ, бросилъ камнемъ въ Денизу и скрылся, проворный и нѣмой, какъ водяная крыса. Фортунада, вошедшая въ хижину, показалась на порогѣ и подозвала Денизу.

— Идите... Старый тамъ... Я дала ему корзину... Говорила съ нимъ... Но онъ не отвѣчаетъ... Какой-то онъ чудной... Поглядите сами... Можетъ быть, васъ онъ послушаетъ.

Дениза вошла въ берлогу Вейдренна. Воздухъ въ ней былъ спертый до невозможности; въ полумракѣ едва вырисовывались очертанія предметовъ какихъ-то причудливыхъ формъ. Разбитыя стекла въ окнѣ были замѣнены газетной бумагой, желтой и засиженной мухами. Съ потолка свѣшивались гирлянды сморчковъ; надъ очагомъ на балкѣ гнѣздилась сова, отъ старости растерявшая почти всѣ свои перья. Собака съ шерстью желѣзисто-сѣраго

цвѣта, стоявшею дыбомъ, заворчала при входѣ незнакомой посѣтительницы. Фортунада двумя словами успокоила ее. Заворчала другая собака, лежавшая на полу передъ очагомъ. Фортунада бросила двѣ кости вѣчно голоднымъ псамъ, тощимъ какъ волки, на которыхъ они были похожи и шерстью, и заостренными мордами, и короткими ушами, и налитыми кровью глазами... Свирѣпые стражи-хранители дома метже, они знали Фортунаду, которая всякій разъ приносила имъ остатки мяса, а подчасъ и кусочки сахара. Но присутствіе Денизы тревожило ихъ.

Мадемуазель Кайроль храбро подошла къ канту́ и разглядѣла въ темнотѣ странное существо, одѣтое въ лохмотья. Огромная сѣдая борода, выдавшіяся скулы, вдавленный носъ, маленькіе глазки, глубоко ушедшіе въ глазныя ямки и пристально глядѣвшіе въ одну точку — все это напоминало большую человѣкоподобную обезьяну, забившуюся въ уголъ клѣтки, загадочную и страдающую.

— Отецъ Вейдреннъ, я подруга Фортунады... Мы принесли вамъ сала и добраго винца, которое вы любите... Вашъ сынъ велѣлъ намъ придти... потому что... потому что...

Отвѣта не было.

— Ему на прошлой недѣлѣ минуло восемьдесятъ-три года... Головой ослабъ... Не понимаетъ, несмышленый сталъ, — шептала Фортунада. — Уйдемте лучше.

Но Дениза, какъ очарованная, не трогалась съ мѣста... Такъ вотъ онъ какой, этотъ знаменитый монадузскій метже, кузнецъ и колдунъ, умѣвшій наводить и снимать порчу и заговорами лечить отъ всѣхъ болѣзней, — человѣкъ, передъ которымъ дрожали три поколѣнія крестьянъ. Ловкій шарлатанъ, а можетъ быть и искренно вѣрившій въ силу своихъ чаръ, побѣжденный врачемъ, представителемъ книжной и лабораторной науки, онъ былъ теперь скорѣе животнымъ, чѣмъ человѣкомъ, правда — не внушавшимъ состраданія, но все-же величавымъ и даже грознымъ...

Одряхлѣвшій, одичалый, какъ отшельникъ на горѣ, онъ, казалось, былъ одной породы съ деревьями и скалами; кости у него были какъ камень, мышцы — какъ древесина, и лицо — какъ у священнаго звѣря. Безъ сомнѣнія, онъ утратилъ пониманіе человѣческаго языка, но онъ слышалъ, какъ растетъ трава, какъ роется подъ землею кротъ, и, подобно его собакамъ, чуялъ смерть, входящую въ домъ или гнѣздящуюся въ человѣческомъ организмѣ.

— Пойдемте, барышня! — упрашивала Фортунада. — Онъ уже не видитъ и не слышитъ... сидитъ такъ дни и ночи, не ше-

велясь, на одномъ мѣстѣ... Иной разъ вдругъ будто проснется, скажетъ слово, поѣстъ... и опять сидитъ, какъ пень...

Онѣ ушли. Дениза шептала:

— Зачѣмъ я шла сюда?.. Какія надежды можно было возлагать на деревенскаго колдуна, если не обманщика, то ужъ конечно сумасшедшаго... Отецъ никогда не простилъ бы мнѣ этого визита... Сама себя не понимаю... Знаешь, Фортунада, у меня, положительно, въ послѣднее время голова идетъ кругомъ... Мнѣ хотѣлось бы измѣнить все устройство міра... мнѣ хотѣлось бы...

— Гораздо бы вамъ, барышня, спокойнѣе жилось, еслибъ вамъ хотѣлось только творить волю Господню,—замѣтила Фортунада.

„Эта маленькая девотка права,—думала Дениза, поднимаясь къ себѣ наверхъ, обезсиленная и въ полномъ уныніи. — Въ сущности, ея покорность волѣ Божіей сродни философскому спокойствію моего отца. Они оба одинаково покоряются неизбѣжному; только одинъ говоритъ: „Такъ устроенъ свѣтъ“, а другая: „Такова воля Божія“... А мнѣ одинаково чуждо и то, и другое... Не могу я вѣрить въ загробную жизнь и не могу примириться съ гибелью тѣхъ, кто мнѣ дорогъ. Думать о томъ, что я сама умру, мнѣ нисколько не страшно; но когда я думаю о смерти Жана, у меня вся душа переворачивается отъ сознанія моего безсилія“.

Она заплакала. Ей захотѣлось уйти отъ этой лжи... Если она все скажетъ доктору, быть-можетъ они вмѣстѣ найдутъ способъ заставить Жана понять свое положеніе, не причинивъ ему страданій...

Въ этотъ вечеръ Дениза была особенно ласкова съ Кайролемъ, и онъ рѣшилъ, что къ ней возвращается душевное равновѣсіе. Но на другой же день пришло письмо отъ Жана, и снова начались тоска и мука.

Это было не письмо, а вопль—вопль страсти, безумной надежды вновь увидѣть Денизу и больше ужъ никогда не разставаться съ нею... Жанъ не могъ понять, какъ у него хватило силъ оторваться отъ нея, какъ у нея хватило жестокаго мужества отпустить его.

Письмо оканчивалось словами:

„Любите меня, чтобы я могъ жить... Если ваша любовь ко мнѣ ослабѣетъ, я почувствую это по тому холоду, который разольется въ моихъ жилахъ... О, Дениза, я какъ свѣча въ вашихъ рукахъ: не задувайте свѣта, который жаждетъ возродиться“.

Она отвѣтила увѣреніями въ любви и вѣрности.

Іоанна Предтечу, который отгоняетъ громъ, правитъ вѣтрами, дѣлаетъ густой овечью шерсть, содѣйствуетъ размноженію рыбъ въ прудахъ и птицъ въ поднебесьи, въ Лимузенѣ чтятъ больше, чѣмъ самого Господа Бога, и праздникъ его справляютъ съ колокольнымъ звономъ съ процессіей, факелами и кострами... И въ этомъ году Монадузъ справлялъ лунаду (la Lunade) въ честь этого святого. По выбоинамъ дорогъ, усѣянныхъ цвѣтами каштановъ, четверо мальчугановъ, въ красныхъ платьяхъ и кружевныхъ пелеринкахъ, носили варварски сдѣланное изображеніе святого, расписанное ярчайшими красками, въ золотой коронѣ, въ золотыхъ башмакахъ и съ золотою вѣткой въ рукѣ. Двѣнадцать разъ, описывая широкій кругъ около деревни, подобно тому, какъ луна свершаетъ свое обращеніе вокругъ земли въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, процессія прерывала свой медлительный ходъ. А вечеромъ на всѣхъ холмахъ загорѣлись костры, жалобно запѣли надрывчатыя дудки, призывая дѣвушекъ къ пляскѣ, и гостинница Бранду до самаго разсвѣта была полна народу.

Въ тотъ же вечеръ по деревнѣ разнеслась вѣсть, что какой-то баринъ изъ Парижа черезъ третьихъ лицъ купилъ три верхнихъ водопада и всѣ прибрежныя земли. Теперь онъ обнесетъ заборомъ весь оврагъ, начиная отъ дороги, и проведетъ тропинки, по которымъ туристы могли бы спускаться до самаго „Лошадинаго Хвоста". А на большомъ плоскомъ утесѣ построятъ небольшой кіоскъ въ сельскомъ вкусѣ, гдѣ бы можно было отдохнуть и закусить. Теперь туристы толпою хлынутъ въ Монадузъ и баринъ изъ Парижа наживетъ немало денегъ. Прежніе владѣльцы прибрежныхъ земель, въ глаза не видавшіе покупателя и продавшіе землю по хорошей цѣнѣ, не спрашивая, кому и зачѣмъ она нужна, теперь горько жаловались, какъ будто ихъ обидѣли... Мысль, что туристы будутъ платить деньги за осмотръ каскадовъ—ихъ каскадовъ—и что эти деньги пойдутъ не въ ихъ карманы, а въ карманъ парижанина, глубоко возмущала ихъ крестьянскія души...

Работы были уже начаты, когда мадемуазель Кайроль уѣхала изъ Монадуза. Франсунетта разсказывала сосѣдямъ, что барышня прихварываетъ и ѣдетъ въ Ройа лечиться водами. Учительница и барышня, завѣдывавшая почтовымъ отдѣленіемъ, пришли навѣстить ее и застали ее не то чтобы больной, но все-же блѣдной, похудѣвшей и какой-то вялой, апатичной.

Кузина Кайроля, госпожа Дессейтръ, вдова профессора, была старая дама, чинная, церемонная и осторожная. Она никогда

не путешествовала, потому что у нея были привычки, которыя она звала привязанностями, и потому что она ненавидѣла пыль и дождь, яркое солнце, сильный вѣтеръ, шумъ и новыя физіономіи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ она переѣзжала изъ Клермона на собственную дачу въ Ройа. По воскресеньямъ, зимой и лѣтомъ, въ Ройа, какъ и въ Клермонѣ, она принимала у себя небольшой кружокъ близкихъ знакомыхъ, принадлежавшихъ исключительно къ университетскому міру. Г-жа Дессейтръ глубоко презирала людей, не получившихъ университетскаго образованія, и была исполнена материнской нѣжности къ кандидатамъ, мечтавшимъ о дальнѣйшей ученой карьерѣ. Двое старинныхъ ея друзей, профессора, перешедшіе къ политикѣ и журнализму, были одно время министрами народнаго просвѣщенія. Отблескъ ихъ славы еще сіялъ на сѣдинахъ г-жи Дессейтръ. Въ Клермонѣ она была въ своемъ родѣ особа, и студенты считали за честь быть принятыми въ ея домѣ.

Дениза въ этомъ салонѣ держалась на заднемъ планѣ и въ тѣни. Она показывала гостямъ садъ и поила ихъ чаемъ. Ея неизмѣнная кротость обезкураживала любопытство. Что это за высокая дѣвушка, которая слушаетъ и ученыя рѣчи, и пустую болтовню безъ скуки, но, повидимому, и безъ удовольствія, и такъ мало говоритъ сама? Какая она—безцвѣтная или загадочная?

Г-жа Дессейтръ говорила друзьямъ:

— Она очень измѣнилась за послѣднія пять лѣтъ... Нѣтъ, знаете, прежняго молодого веселья, задора... У дѣвушекъ, не вышедшихъ замужъ, бываетъ весна и осень, продолжительное же лѣто—только у замужнихъ женщинъ.

Она не прочь была выдать Денизу замужъ, но ея старые друзья были слишкомъ стары, а молодые, зарабатывавшіе черствый кусокъ хлѣба, отнюдь не соотвѣтствовали романическому типу безкорыстнаго ученаго...

Два мѣсяца мадемуазель Кайроль жила въ какомъ-то снѣ наяву. Она едва прочитывала торопливыя письма доктора. Она не взволновалась извѣщеніемъ, что Фортунада Бранду свалилась въ ровъ, получила опасные ушибы и до сихъ поръ лежитъ въ жару. Нѣсколько позже Дениза узнала, что Марсіаль Вейдреннъ пытался убить г. Ноальяка и что его арестовали жандармы въ его берлогѣ въ Шастангѣ... Но и это не заинтересовало ее: Монадузъ и все прошлое стало какимъ-то далекимъ, чужимъ, да и настоящее—какимъ-то нереальнымъ. Дениза точно не знала, наяву или во снѣ она видитъ г-жу Дессейтръ, старыхъ и молодыхъ профессоровъ.

Она не жалѣла, что пріѣхала въ Ройа, не скучала объ отцѣ. Она ждала. Это ожиданіе поглощало ее всю, натягивало, какъ струны, ея нервы, медленно подтачивало ея силы... Каждый день приближалъ ее къ неотвратимой и роковой развязкѣ — выздоровленію Жана или его смерти, которая рѣшитъ и ея участь...

Дни шли за днями, письма за письмами; кошмаръ продолжался, но никто въ домѣ г-жи Дессейтръ не замѣчалъ его. Тревога утромъ въ ожиданіи прихода почтальона, коротенькая передышка послѣ чтенія письма, отвѣтъ, при которомъ приходится обдумывать и взвѣшивать каждое слово, и затѣмъ снова—тревога и волненье, которыя исподтишка подтачиваютъ душу, даже во снѣ грызутъ ее острыми мышиными зубами... Жану лучше... Жану опять стало хуже... Онъ уѣзжаетъ изъ Совтерра... Онъ у своей матери... Хочетъ ѣхать въ Ройа... Далъ уговорить себя, не ѣдетъ, но тоже нервничаетъ и мучится ожиданіемъ... Опять къ нему вернулись всѣ прежніе его сомнѣнія и страхи... Къ эгоистической тревогѣ больного присоединилась ревность влюбленнаго... Каждое новое письмо приносило вѣсти, шедшія въ разрѣзъ со вчерашними.

И каждый часъ, и каждую минуту, въ своей ли комнатѣ или въ гостиной, въ казино или на прогулкѣ, Дениза слышала отчаянный призывъ своего милаго. До того отчетливо, что порой она вздрагивала и блѣднѣла, какъ будто въ самомъ дѣлѣ услышавъ чей-то голосъ за спиной.

Къ половинѣ августа письма стали спокойнѣе. Жанъ все еще гостилъ у своей матери, въ Нимѣ; онъ жаловался, что мать уговариваетъ его вернуться въ санаторію въ Совтеррѣ, пока она съѣздитъ въ Германію за своимъ младшимъ сыномъ. „Разумѣется, это сокровище нельзя было ни на минуту оставить въ домѣ, гдѣ живу и дышу я,—хотя бы выздоравливающій, хотя бы выздоровѣвшій...“

Письмо заканчивалось словами:

„Разъ меня боятся оставить здѣсь одного, я надумалъ съѣздить въ Арль, къ себѣ домой, въ мой домъ—въ нашъ домъ, моя ненаглядная. Займусь его ремонтомъ и отдѣлкой. Это старинный домъ въ одномъ изъ отдаленныхъ городскихъ кварталовъ; въ немъ есть внутренній дворъ, въ которомъ томится апельсинное дерево, не дающее зрѣлыхъ плодовъ. Тамъ бьетъ источникъ изъ каменной колоды, которая, навѣрное, была когда-то римскимъ саркофагомъ... Двое добрыхъ людей, Маріусъ и Міонъ, похожихъ на Іоакима и Анну, стерегутъ этотъ домъ моей прабабушки. Они были бы рады и счастливы служить мнѣ и, въ случаѣ на-

добности, ходить за мной... О, какъ мнѣ хотѣлось бы вмѣстѣ съ вами съѣздить въ Арль, Дениза! Это печальный и красивый городъ, гораздо лучше вашего Тюлля, и вы стали бы тамъ другою женщиной — моей женой, Дениза... Чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ больше растетъ мое желаніе провести тамъ нѣсколько дней одному, въ этомъ домѣ, который будетъ нашимъ пріютомъ послѣ нашей свадьбы... О, Дениза, когда вы переступите его порогъ, пѣсенка фонтана уже не будетъ грустной... Вы найдете въ шкафахъ платья, сшитыя по старинной модѣ, тюлевыя косынки, ленты тисненаго бархата... Вы устроите себѣ прическу съ широкими бандо, подъ маленькой бархатной діадемой, и я буду называть васъ Мирейль...

„Не смѣйтесь надъ моими мечтами... Онѣ жгутъ мнѣ кровь, онѣ убиваютъ меня, и все-же я живу ими, потому что онѣ возвращаютъ мнѣ васъ, хоть на мигъ... Ахъ, еслибы вы знали, вы, холодная, съ вашей братской любовью...“

Она писала въ отвѣтъ:

„Я боюсь для васъ одиночества, стараго дома, преданнаго, но неумѣлаго ухода. Лучше бы вы вернулись въ Совтерръ...“

Черезъ день пришло письмо отъ Жана. Онъ былъ уже въ Арлѣ—„здоровъ и веселъ“...

Затѣмъ, письма вдругъ прекратились.

XXI.

„Мадемуазель Кайроль,

„Пишу вамъ, чтобы просить васъ пріѣхать немедленно. Мосье Жану три дня подрядъ было очень худо... Онъ простудился, гдѣ и какъ—мы не знаемъ; у него былъ ознобъ и жаръ... Докторъ говоритъ, что это можетъ плохо кончиться. Мосье Жанъ не позволилъ мнѣ извѣстить его родныхъ: велитъ раньше всѣхъ написать вамъ, чтобы вы пріѣхали... Очень ужъ онъ соскучился по васъ... И мы съ мужемъ увѣрены, что вы не откажете нашему бѣдному мосье Жану, который такъ любитъ васъ. Въ бреду воображаетъ, что онъ уже повѣнчанъ съ вами, и такъ жалостно зоветъ васъ, что невозможно слушать безъ слезъ. Мы встрѣтимъ васъ на вокзалѣ. Если вы не пріѣдете, мосье Жанъ говоритъ, что онъ самъ поѣдетъ къ вамъ, даже еслибы ему грозила опасность умереть въ дорогѣ. И онъ это сдѣлаетъ. Такой ужъ у него характеръ: нетерпѣливый, не умѣетъ ждать.—Ваша покорная слуга, Міонъ Лабастидъ“.

XXII.

Ѣхали длиннымъ и пыльнымъ бульваромъ. Дениза, разбитая тревогой и безсонной ночью, спрашивала:

— Какъ онъ захворалъ?

Міонъ Лабастидъ вытерла глаза. У нея было лицо святой Анны, какъ ее изображаютъ итальянскіе мастера; на изжелта-бѣлыхъ волосахъ была надѣта арлезіанская черная діадема. Жесты ея не были вульгарны, и разсказъ о болѣзни Жана въ ея устахъ принялъ глубоко драматическій характеръ.

— Онъ задумалъ перемѣнить всю мебель въ домѣ... Нашъ булочникъ однажды утромъ останавливаетъ его на улицѣ и говоритъ: „вотъ вы любитель старинныхъ вещей: съѣздили бы вы въ Монмажуръ—тамъ есть въ одномъ домѣ деревянная кровать, чудесная, лучше той, что стоитъ въ нашемъ музеѣ, и такая старая, что навѣрно она была сдѣлана еще до царствованія королевы Жанны"... „Ладно,—говоритъ Жанъ. — Маріусъ, вели пріѣхать экипажу изъ гостинницы; съѣздимъ сегодня послѣ обѣда въ Монмажуръ".— „Солнце, баринъ, нынче что-то очень пекло. И вѣтеръ съ юга. Чего добраго, нагонитъ грозу. Подождемъ до завтра". А булочникъ ухмыляется: „Смотрите, какъ бы вамъ не опоздать. Тамъ ужъ побывали англичане, прицѣнивались и къ кровати, и къ другимъ вещамъ..." Ну, Жанъ и вскипѣлъ: „Когда,—говоритъ,—мнѣ чего-нибудь хочется, такъ это мнѣ нужно сейчасъ, сію минуту: поди, Маріусъ, добудь экипажъ. Плевать я хотѣлъ и на вѣтеръ, и на грозу..."

— Узнаю его!—прошептала Дениза.

— Ну,—продолжала старушка,—гроза и захватила ихъ въ дорогѣ. Дождь проливной, а экипажъ открытый, и спрятаться некуда, кромѣ какъ подъ оливами. Кучеръ прикрылъ Жана своей пелериной; но пока они вернулись домой, бѣдный мальчикъ уже весь застылъ... Ну, понятное дѣло, уложили его въ постель, послали за докторомъ, стали давать лекарства... Всю ночь его трясла лихорадка, ночью онъ бредилъ... А утромъ пошла кровь горломъ... Мы до смерти перепугались...

Дениза вся затрепетала.

— И онъ тоже перепугался?

— Онъ сталъ весь бѣлый, какъ восковой святой, когда увидалъ свою кровь... Я говорю ему, чтобъ отогнать дурныя мысли: „Вотъ накашлялись и горло разболѣлось. Испорченная кровь

отошла—теперь полегчаетъ...“—„Нѣтъ, говоритъ, моя старушка. Меня ты не обманешь; я знаю: это моя грудь рвется на части. Эта кровь предвѣщаетъ мнѣ смерть. Не пиши моей матери—все равно, письмо не сразу найдетъ ее, такъ какъ она путешествуетъ... А хоть и найдетъ, дурныя вѣсти никогда не приходятъ слишкомъ поздно... Мнѣ бы не ее хотѣлось видѣть. Напиши ты моей невѣстѣ...“—Я говорю: „молъ, ладно, напишу“, а сама думаю: вѣрно, онъ бредитъ, потому раньше что-то не было рѣчи о невѣстѣ... Уснулъ онъ. Просыпается и спрашиваетъ: „Ну, что-же, Міонъ, написала?“ — „Какъ же я, говорю, напишу, когда я не знаю ни фамиліи, ни адреса барышни?“ — „Возьми, говоритъ, мой портфель: тамъ есть и фамилія, и адресъ. Она сейчасъ же пріѣдетъ, если ты напишешь, а ты ее встрѣть на вокзалѣ“.—„Какъ же, говорю, я ее узнаю? Вѣдь я ея никогда не видала“.—„Узнаешь, говоритъ. Она первая красавица на свѣтѣ. У нея волосы на головѣ точно корона и блестятъ, какъ золотые...“ Вижу: нѣтъ, не бредитъ онъ; и бумагу я нашла. Ну, написала... Вчера пришла отъ васъ депеша, и Жанъ получше спалъ сегодня ночью... А утромъ нынче хотѣлъ встать...

Она закончила почти торжественно:

— Отъ надежды свидѣться съ вами къ нему вернулись силы... Онъ васъ любитъ.

— А докторъ—что онъ говоритъ?

— Охъ, ужъ эти доктора!.. Развѣ они что-нибудь понимаютъ?.. Докторъ сказалъ Маріусу, что онъ недолго протянетъ... А Жанъ сегодня всталъ...

— Отецъ мой предсказывалъ, что рано или поздно какая-нибудь неосторожность погубитъ его...

Когда пришло письмо отъ Міонъ Лабастидъ, Дениза недолго раздумывала. Ей представился Жанъ въ лощинкѣ, заросшей гіацинтами, и она сама, трепетавшая въ его объятіяхъ отъ любви и нѣжности, какъ настоящая невѣста... Онъ спросилъ ее тогда: „Если я захвораю, если позову васъ—вы пріѣдете?“ И она отвѣтила: „Да... Клянусь, пріѣду“.

Онъ позвалъ ее. Призрачное или настоящее, ихъ обрученіе давало ему права на нее: онъ считалъ ее своею, она дала ему слово. Мысленныя оговорки, сдѣланныя ею при этомъ, не избавляли ее отъ обязанности добросовѣстно выдержать принятую на себя роль до конца. До самой смерти Жана она останется его невѣстой, фактически, если не въ душѣ...

Да развѣ душа ея и сердце не принадлежатъ ему? Развѣ сама она не любитъ Жана гораздо больше, чѣмъ предполагала?

Она не хотѣла лгать. Пусть отецъ сердится и бранитъ ее, она извѣститъ его о своемъ отъѣздѣ... Да и чего ему бояться? Какая тутъ еще можетъ быть ревность? Жанъ уже отходитъ въ прошлое, въ торжественную тѣнь, обязывающую живыхъ молчать и прощать.

„Милый отецъ,—писала она—твои предчувствія оправдались. Нашъ бѣдный другъ Жанъ умираетъ. Особа, которая ухаживаетъ за нимъ, умоляетъ меня пріѣхать повидаться съ нимъ въ Арлѣ, гдѣ онъ одинъ, такъ какъ его нѣжная мамаша изволитъ путешествовать... Ты самъ не запретилъ бы мнѣ доставить эту послѣднюю радость несчастному, который насъ такъ любилъ. Я ѣду. Пробуду тамъ всего нѣсколько часовъ и вернусь въ Монадузъ... Послѣ такихъ печальныхъ волненій жизнь, которую я веду въ Ройа, была бы для меня слишкомъ тягостна...

„Итакъ, до скораго свиданія. Не тревожься. Нѣжно обнимаю тебя. — Дениза".

И вотъ, она въ томъ городѣ, гдѣ живетъ Жанъ Фавьеръ... Бульвары, обсаженные платанами; выкрашенные охрой дома, надъ которыми высится силуэтъ колокольни въ романскомъ стилѣ; узенькія улицы, вымощенныя рѣчными валунами, по которымъ неистово трясетъ, громыхая, нерессорный экипажъ. Женщины, широкоплечія, съ правильнымъ профилемъ, сидятъ у дверей своихъ домовъ, глядя вслѣдъ Денизѣ и Міонъ, переговариваясь, серьезно и медлительно, на своемъ латинскомъ діалектѣ. Поднялся вѣтеръ и кружитъ пыль, осѣдающую тонкимъ слоемъ пепла на оранжевыя крыши, на платаны, на платье прохожихъ. Тягуче звонитъ колоколъ... Надъ молчаливымъ городомъ, горячимъ и печальнымъ подъ жгучимъ южнымъ солнцемъ, повисла скука лѣтняго праздничнаго дня.

Узкій переулокъ... Вдали чудовищная масса цирка... Аркады, словно поставленныя одна на другую, вырѣзываются на почти ультрамариновой лазури августовскаго неба.

— Пріѣхали... Стой... Вотъ нашъ домъ... а вотъ и булочникъ.

Міонъ готова во всемъ винить булочника. За занавѣской сторожатъ чьи-то глаза... Но старый Маріусъ тоже былъ на сторожѣ: едва успѣлъ остановиться экипажъ, какъ сводчатая дверь, обитая крупными гвоздями, распахнулась...

Дениза ничего уже не видитъ—ни двора, ни каменной винтовой лѣстницы, ни запутанныхъ коридоровъ... Все плыветъ у нея передъ глазами... А затѣмъ, голосъ Жана...

XXIII.

Онъ сидитъ въ большомъ креслѣ у окна, обложенный подушками, какъ бывало въ Монадузѣ, а Дениза—на низенькой скамеечкѣ, возлѣ него, совсѣмъ близко.

Сколько времени они такъ сидятъ... Нѣсколько разъ били часы. Старушка Міонъ дважды открывала дверь и спрашивала: „Куда поставить барышнины вещи?.. „И оба раза Жанъ отвѣчалъ: „Потомъ... тамъ видно будетъ... не мѣшай намъ...“ Солнце уже касается горизонтально черепицъ на крышахъ, загораживающихъ видъ по ту сторону улицы. Внизу прозрачный, розоватый сумракъ поднимается отъ мостовой къ дверямъ, отъ дверей къ балконамъ. Только крыши еще освѣщены. Лучъ заката, скользнувшій въ окно, упалъ на руку Жана, лежащую на волосахъ Денизы—блѣдная слоновая кость на золотой подушкѣ,—огненной струей прорѣзалъ комнату и облилъ яркимъ свѣтомъ алыя занавѣски у кровати.

Она огромная—эта кровать, на низкихъ ножкахъ и съ очень высокой спинкой, вычурная, но безъ лѣпныхъ украшеній, орѣховая, съ какими-то странными извилистыми жилками и спиральными пятнами на деревѣ. Надъ изголовьемъ—бронзовое Распятіе. Направо и налѣво два портрета масляными красками, изображающіе прадѣда и прабабушку Жана; онъ—бритый, въ длиннополомъ сюртукѣ, какіе носили во времена Луи-Филиппа, съ галстухомъ, дважды обмотаннымъ вокругъ шеи; она, повязанная желтымъ шолковымъ платочкомъ въ видѣ тюрбана, какъ это было принято у богатыхъ фермершъ, въ тюлевой косынкѣ на черномъ корсажѣ. Отблескъ послѣдняго закатнаго луча играетъ на наивномъ изображеніи этихъ лицъ, которыя какъ будто смотрятъ на своего внука и на его невѣдомую имъ невѣсту.

Жанъ шепчетъ:

— Говорите, говорите... Я такъ люблю вашъ голосъ...

— Я ужъ все вамъ разсказала... Я устала, Жанъ, очень устала... Я столько выстрадала за эти дни... Письмо Міонъ такъ напугало меня... Но я была такъ счастлива, такъ пріятно удивлена при видѣ васъ... Очевидно, на этотъ разъ опасность устранена... Кризисъ почти миновалъ...

Она лгала: это стоило ей усилій, и глаза ея противорѣчили веселой интонаціи.

— Ахъ вы гадкій мальчикъ, злой ребенокъ; вы забыли и мои совѣты, и ваши обѣщанія.

— Я три мѣсяца подрядъ свято исполнялъ всѣ ваши предписанія, какъ монахъ—уставъ своего ордена... Но я такъ прекрасно чувствовалъ себя. Мнѣ такъ пріятно было украшать этотъ домъ—для васъ...

— Я еще и не видала его какъ слѣдуетъ, вашего дома... Вотъ посмотрю, когда пріѣдетъ докторъ...

— Моего дома? Вашего дома, Дениза... Онъ будетъ принадлежать вамъ... скоро... Я составлю завѣщаніе...

— О... Жанъ...

— Это вполнѣ естественно... Вы моя жена... Все, что я имѣю, принадлежитъ вамъ.

— Вы составите не завѣщаніе, а свадебный контрактъ, мой милый Жанъ, и преподнесете мнѣ этотъ домъ, въ качествѣ свадебнаго подарка... Къ чему мрачныя мысли? Это нехорошо... Въ былое время, когда на васъ нападала меланхолія, мнѣ удавалось заставить васъ улыбнуться... Развѣ я теперь другая, или разучилась это дѣлать, или вы меньше любите меня?..

— Милая... Милая... Никогда еще я не видалъ ваши глаза такими нѣжными... Вы все та же, та самая Дениза, которую я полюбилъ съ перваго же вечера, какъ услыхалъ звукъ ея голоса и оперся на ея руку... Я и теперь опираюсь на нее.

— Эта рука надежна и вѣрна. Она всегда будетъ съ вами.

— Только я измѣнился... Въ нѣсколько дней... Еще на той недѣлѣ у меня былъ прекрасный видъ... А теперь...

Онъ поднялъ руку и показалъ ее на свѣтъ, держа ее между окномъ и Денизой. Рука вся была точно сквозная; каждая косточка была обведена прозрачнымъ контуромъ. Эта рука, нѣкогда отражавшая въ себѣ все моральное и физическое существо Жана, съ его темпераментомъ, склонностями и характеромъ, почти утратила индивидуальность: теперь это была типичная рука чахоточнаго, съ плоскими пальцами лопаточкой, съ тусклыми запавшими ногтями.

— А это, Дениза... посмотрите на это... Я не могу больше тѣшить себя иллюзіями... Но не отчаявайтесь, моя дорогая... Конецъ не будетъ тягостнымъ... Мнѣ хотѣлось только одного: увидѣть васъ... услыхать слова любви, которыя баюкаютъ душу, подготовляя ее къ вѣчному сну... Вы пріѣхали... Вы любите меня... Вы будете оплакивать меня... И я пересталъ бороться. Я примирился... Мнѣ совсѣмъ не страшно... Я уже на половину оторвался отъ берега... Одинъ за другимъ лопаются якоря... Я ухожу... Это почти сладко...

Это спокойствіе больше пугало Денизу, чѣмъ испугалъ бы

приступъ возмущенія. Она знала, что воля къ жизни можетъ продлить жизнь, вопреки всякому вѣроятію... Но Жанъ готовъ былъ умереть...

— Я позволяю вамъ говорить вздоръ, потому что устала и не въ силахъ спорить съ вами. Какъ только вы немного оправитесь, я пріѣду за вами... И мы вернемся въ Монадузъ... Я написала отцу, что ѣду сюда... Мы все ему скажемъ. Я настаиваю на этомъ... Сначала онъ будетъ немного ревновать, но потомъ...

— Дениза... Это святая ложь... Я не вѣрю вамъ, а между тѣмъ мнѣ сладко слушать, какъ вы строите планы, говорите: „мы". Вы—настоящая женщина: всегда умѣете найти нужное слово, тонкій доводъ, который трогаетъ и убѣждаетъ... Теперь только я научился понимать вашу настоящую натуру: въ васъ столько материнскаго...—Онъ вздохнулъ.—И не надо было мнѣ требовать отъ васъ ничего иного, кромѣ этой материнской нѣжности. Зачѣмъ я полюбилъ васъ какъ мужчина... какъ любятъ сильные, здоровые, красивыхъ и здоровыхъ женщинъ... Потому что я любилъ васъ и люблю жадно и ревниво, страстно, какъ мужчина... Я не долженъ былъ такъ любить. Я, быть можетъ, очень виноватъ передъ вами... До сихъ поръ я не сознавалъ этого. Какой эгоизмъ!.. Но теперь я вижу себя и вижу васъ... Закатъ жизни—это какъ закатъ дня: спокойный свѣтъ, торжественное безмолвіе... Все иначе освѣщается... все видишь и чувствуешь по иному... Вы понимаете.

— Я люблю васъ, Жанъ. Ничего другого я не знаю, и я вся ваша.

— Не говорите такъ, Дениза.

Онъ смежилъ отяжелѣвшія вѣжды. Почти на колѣняхъ, она сжимала его руки, порою подносила ихъ къ губамъ, эти жалкія, прозрачныя руки. Машинальный жестъ, ласка, чистая какъ жалость, пылкая какъ любовь... Эта ласка какъ бы гальванизировала Жана: онъ открылъ глаза; на мигъ лицо его снова стало молодымъ, радостнымъ, влюбленнымъ.

— Ненаглядная...

— Вы были еще слабѣе теперешняго, когда пріѣхали къ намъ... Я помню ваше лицо... А три мѣсяца спустя мы вмѣстѣ гуляли... Не теряйте надежды. Мы еще увидимъ всѣ наши любимыя мѣста—Брахскія поля, Абитарелль и милый сенъ-дюминскій прудъ. Отецъ не возвратилъ экипажа, въ виду того, что онъ можетъ понадобиться вамъ... Ваша комнатка ждетъ васъ...

— Какая вы волшебница, Дениза!.. Я уже говорю себѣ:

„Она, можетъ быть, и права...“ А завтра, чего добраго, повѣрю... Ахъ! Жить...

Онъ вновь закрылъ глаза.

— Говорите со мной... убаюкайте меня... солгите мнѣ...

Въ семь часовъ Міонъ Лабастидъ пришла доложить о пріѣздѣ доктора. Дениза вышла изъ комнаты. Она была совершенно обезсилена.

Площадки лѣстницы въ обоихъ этажахъ переходили въ балконы, выходившіе оба на одну и ту же сторону небольшого двора. Апельсинное дерево въ цвѣту слало свой вѣнчальный аромать молодой дѣвушкѣ, облокотившейся на перила балкона въ первомъ этажѣ. Весь дворикъ уже потонулъ въ голубоватой тѣни, но вода фонтана отражала въ себѣ зеленоватое небо, прорѣзанное тучами и вспышками закатныхъ огней. Кристальная струя, выбрасываемая древней маской, описывала кривую, чистую какъ натянутая тетива серебрянаго лука, и ниспадала въ водоемъ, всегда полный водой, похожій на гробъ. Крышка водоема, съ шестью ушками, говорившими о галло-романскомъ происхожденіи этого саркофага, лежала на землѣ между вырѣзными листьями почти увядшаго репейника.

Въ другомъ углу двора вырисовывался черный веретенообразный силуэтъ кипариса.

Дениза вышла во дворикъ, склонилась надъ фонтаномъ. Темное отраженіе ея поглотило свѣтъ, и на мигъ ей показалось, что она сама лежитъ въ гробу. Все вокругъ нея было зловѣщее и похоронное: этотъ водоемъ, эта вѣчно бѣгущая вода, эти два дерева, словно близнецы, олицетворяющіе любовь и смерть...

„О, мой бѣдный Жанъ! — думала она. — Какъ печаленъ этотъ домъ, куда ты хотѣлъ ввести твою невѣсту... И какъ странно я чувствую себя здѣсь — словно неживая, оторванная отъ всего, что не ты, и такая близкая тебѣ...“

Черезъ дворъ прошелъ докторъ, угрюмый старикъ, нахмурившій брови при видѣ Денизы. За нимъ шла Міонъ. Докторъ говорилъ:

— Воля ваша, а я сегодня же извѣщу г-жу Фабръ... Она настоятельно просила меня объ этомъ, а я не сдержалъ слова, потому что положился на тебя, старуха.

Дениза хотѣла назвать себя, объяснить, кто она, чтобы имѣть право разспросить его, но старичокъ былъ уже на улицѣ.

— Что онъ сказалъ?

Вмѣсто отвѣта старушка расплакалась.

Когда Дениза вернулась въ комнату Жана, онъ уже лежалъ въ постели, и Маріусъ ставилъ на столикъ у кровати одинъ приборъ. Потомъ онъ зажегъ лампу и хотѣлъ спустить занавѣски.

— Нѣтъ, — сказалъ Жанъ, — оставь окно открытымъ: мнѣ нуженъ воздухъ и днемъ, и ночью... Меня здѣсь совсѣмъ закупорили, милая Дениза, подъ предлогомъ, что я могу простудиться. Маріусъ и Міонъ полны старинныхъ предразсудковъ... Завтра, Маріусъ, ты выбросишь вонъ эти огромныя занавѣси и этотъ балдахинъ съ фестонами.

— Слушаю, мосье Жанъ, но это занавѣси еще покойной барыни, вашей бабушки.

— Покойная барыня проститъ тебя... Дениза, что̀ бы сказалъ вашъ отецъ, еслибъ увидалъ всѣ эти балдахины, и занавѣси, и ковры? Все это такъ не гигіенично... Маріусъ и Міонъ не имѣютъ понятія о гигіенѣ, оттого-то они и не боятся ходить за мной... Еслибы мнѣ дано было еще пожить здѣсь, я измѣнилъ бы многое. Я уже началъ...

— И будете продолжать, только попозже...

— Быть можетъ, вмѣстѣ съ вами... Дениза, подите сюда... Дайте мнѣ вашу руку... Я напугалъ васъ... А теперь мнѣ кажется, что я слишкомъ пессимистиченъ... Докторъ, повидимому, доволенъ моимъ состояніемъ. Вы не видали его?

— Мелькомъ.

— Это жаль: онъ бы успокоилъ васъ... Мнѣ лучше... Но онъ настаиваетъ, чтобы я вызвалъ мать, и я не смѣю сказать ему, почему я медлю извѣстить ее...

— Почему же вы медлите?

— Мнѣ такъ хочется удержать васъ здѣсь на нѣсколько дней, одну со мной...

— Миленькій мой, мнѣ бы тоже этого хотѣлось, но это невозможно.

— Почему?

— Мой отецъ пріѣхалъ бы за мной.

— Ну такъ что-же... Я былъ бы радъ ему... Но... вамъ самой не очень этого хочется, Дениза... Будьте искренни.

— Нѣтъ, не очень. Мнѣ не хочется встрѣчаться съ вашими родными, разыгрывать комедію...

— Зачѣмъ же комедія? Мы скажемъ, что мы—женихъ и невѣста...

— Нѣтъ... не теперь... Моя поѣздка сюда, моя слишкомъ явная привязанность къ вамъ и то, что мы здѣсь проведемъ

нѣсколько дней наединѣ — все это слишкомъ смутило бы моего отца... Вы плохо знаете его взгляды...

— Я думалъ, что у него передовые взгляды...

— Иные — да... Но онъ очень дорожитъ своей отцовской властью... ну, и приличіями тоже... требуетъ отъ меня полнаго довѣрія... Я предпочитаю сообщить ему о нашихъ планахъ, когда вы вернетесь въ Монадузъ, или когда онъ самъ пріѣдетъ сюда за вами... Онъ познакомится ближе съ вашей матерью, съ вашимъ отчимомъ...

— Вы не стали бы думать обо всѣхъ этихъ людяхъ, еслибъ вы меня любили... Ну что-жъ, да будетъ ваша воля. Я не въ силахъ спорить съ вами... Такъ вы ѣдете? Когда?

— Во всякомъ случаѣ, не сегодня вечеромъ.

— Когда же? Завтра?

— Да бросьте вы думать о моемъ отъѣздѣ... И дайте мнѣ забыть о немъ!—вскричала она и вдругъ, неожиданно для себя, заплакала настоящими слезами. — Жестокій ребенокъ! Вѣдь я люблю васъ, вы больны, и я должна уѣхать... Мнѣ же самой мучительно... Ну, милый мой, любимый, пока я съ вами, здѣсь, сегодня вечеромъ, забудьте, что настанетъ завтра. Забудьте и вашу болѣзнь, и мое огорченіе. Попробуйте быть счастливымъ... Мнѣ такъ хотѣлось бы дать вамъ немного счастья...

— Вотъ это такъ, родная! Такъ и надо говорить со мной. Такъ я на все согласенъ,—даже готовъ стушеваться передъ вашимъ отцомъ... Вы согласны пообѣдать здѣсь? Это не очень весело, но я не хочу отпускать васъ отъ себя и на четверть часа... И спать вы будете вонъ въ той комнатѣ, рядомъ съ моей... А вотъ и Маріусъ несетъ вамъ обѣдъ.

Она пыталась ѣсть, но судорога сжимала ей и горло, и желудокъ. Жанъ, полусидя на постели, съ жадностью глоталъ свѣжій вечерній воздухъ и немного ёжился отъ холода. Но ѣсть и онъ не могъ.

— Мнѣ все противно... Дайте мнѣ нѣсколько виноградинокъ. Мнѣ жарко...

— Вы волнуетесь... Васъ лихорадитъ.

— Меня всегда лихорадитъ.

Маріусъ унесъ кушанья нетронутыми.

Безлунное небо въ квадратѣ окна постепенно темнѣло нечувствительными переходами. Ушедшій день оставилъ по себѣ смутный розоватый отблескъ, еще примѣшивавшійся къ голубовато-лиловымъ вечернимъ тонамъ. Первыя звѣздочки какъ будто внезапно нарождались, блѣдныя какъ перлы. Потомъ, по мѣрѣ

того какъ темнѣла лазурь небесъ, каждая изъ нихъ становилась искрящеюся точкой; иныя, какъ драгоцѣнные камни, отливали краснымъ или зеленымъ огнемъ... Въ окно влетали ночныя бабочки и слѣпо тыкались въ красные обои, въ бѣлый абажуръ лампы, въ волосы Денизы, нимало не пугавшейся этихъ прикосновеній. Не слышно было обычныхъ шумовъ города, ни голосовъ, ни шаговъ; вся воскресная жизнь сосредоточилась въ другихъ мѣстахъ—на верандахъ кофеенъ, подъ платанами площади Форума. Этотъ уголокъ Арля, между старымъ циркомъ и соборомъ Пресвятой Дѣвы, по вечерамъ былъ совершенно безлюденъ. Порой лишь налетавшій вѣтеръ доносилъ глухіе отголоски дальней музыки, такой далекой, что нельзя было различить ни инструмента, ни мелодіи.

Жанъ вдругъ, безъ всякихъ предисловій, заговорилъ о своемъ прошломъ, далекомъ прошломъ—о раннемъ дѣтствѣ, о матери, которая тогда была еще совсѣмъ молоденькая, объ отцѣ, такъ рано умершемъ... Онъ высвободилъ руки изъ-подъ одѣяла; щеки его раскраснѣлись, глаза блистали; весь онъ оживился подъ вліяніемъ легкаго опьяненія, которое начинающаяся асфиксія вызываетъ у чахоточныхъ... И воспоминанія, спутники умирающихъ, одно за другимъ, послушно вставали передъ нимъ, какъ бы для того, чтобъ онъ могъ смотрѣть только назадъ, на то, что было въ его жизни красиваго и милаго—а не впередъ, въ бездну, разверзающуюся подъ его ногами, куда, одна за другой, падали его послѣднія минуты.

И молодая дѣвушка, облокотившись на кровать, прислушивалась къ его голосу, уже звучавшему какъ-то особенно, немного фальшиво, немного надтреснуто—къ этому дорогому голосу, звукъ котораго навсегда остался въ ея ушахъ, какъ въ глазахъ ея навсегда запечатлѣлся отпечатокъ его взгляда. Жанъ говорилъ о Монадузѣ... Въ глубинѣ его зрачковъ пробѣгали, какъ зыбь по водной глади, отсвѣты образовъ, которые онъ вызывалъ... Лицо его сіяло, какъ прозрачный фарфоръ лампы, и въ этомъ сіяніи души сквозь плоть исчезали всѣ изъяны, нанесенные ей недугомъ... Дениза, глубоко взволнованная, видѣла, какъ въ послѣднемъ великомъ усиліи возвращалась жизнь къ разрушающемуся тѣлу, какъ воскресалъ передъ нею юноша, пылкій и прекрасный, которымъ нѣкогда былъ Жанъ Фавьеръ и который завтра станетъ призракомъ.

Но такого, какимъ онъ былъ сейчасъ, съ этимъ изможденнымъ лицомъ, поражающимъ необычайной утонченностью рельефовъ и контуровъ, съ этими дивными бархатными глазами, го-

рячими и влажными, съ темными кудрями, прилипшими ко лбу; въ этомъ порывѣ экзальтаціи, уже обвѣяннаго величіемъ тайны, подъ сѣнь которой онъ вступалъ—его нельзя было забыть!

— Вы счастливы, Жанъ!.. Ваши глаза твердятъ мнѣ это. Дайте же мнѣ, по крайней мѣрѣ, услышать это изъ вашихъ устъ. Скажите мнѣ, вы счастливы?

— Да, счастливъ... Мнѣ хорошо... Я не страдаю. Мнѣ такъ легко, легко... Во мнѣ словно все сгораетъ, и духъ, и тѣло, но это такъ сладко... О, Дениза, это вы мнѣ дали это счастье... всѣми лучшими часами моей жизни я обязанъ вамъ... Наклонитесь ближе... Вотъ такъ... Дайте мнѣ ваши руки...

— Вотъ вамъ мои руки.

— Отвѣчайте, въ свою очередь: вы счастливы?

— Да, мой другъ.

— Вы любите меня?

— Я васъ люблю.

— Вы моя?

— Ваша.

— Моя жена?

— Ваша жена.

— Если я останусь жить, вы не разлюбите меня, я знаю. Если я умру, вы будете помнить обо мнѣ?

— Всегда.

— Нагнитесь.

Она нагнулась.

— Выньте шпильки изъ волосъ—можно.

Удивленная, она повиновалась. Золотистая коса ея скатилась, золотистая и гибкая, на красный атласъ одѣяла. Жанъ почтительно взялъ ее въ руки.

— Какіе у васъ чудные волосы, моя любимая... Во время приступовъ бреда они все время стояли передо мною, ваши волосы. Мнѣ чудилось: они опутываютъ меня, какъ сѣть, какъ шелкъ, какъ дивный саванъ... Такіе длинные, гибкіе, теплые, совсѣмъ живые... Я бралъ ихъ полными горстями, отодвигалъ, чтобы вздохнуть, а они вздрагивали, и ароматъ ихъ кружилъ мнѣ голову...

Онъ закрылъ глаза, снова переживая этотъ сладкій кошмаръ, и когда открылъ ихъ, увидалъ Денизу расплетающею свою косу. Прядь за прядью, волна за волной, роскошные волосы разсыпались по плечамъ, по спинѣ, покрывая бедра и колѣни, королевскимъ плащомъ, сотканнымъ изъ всѣхъ шелковъ, изъ всего золота и мѣди, перемѣшанныхъ въ ихъ измѣнчивомъ цвѣтѣ, переливчатомъ какъ осенній лѣсъ подъ игрою осеннихъ лучей.

Сѣрое платье скрылось подъ этимъ роскошнымъ плащомъ, и лицо Денизы въ этомъ ореолѣ казалось болѣе юнымъ, почти дѣтскимъ.

Жанъ могъ только вздохнуть:

— О, Дениза...

Онъ не смѣлъ дотронуться до этихъ дѣвственныхъ волосъ, которыхъ ни одинъ мужчина еще не видѣлъ во всей ихъ красѣ, не ласкалъ ихъ взглядомъ и рукой. Но съ божественной улыбкой она сказала:

— Они ваши.

Онъ погрузилъ въ нихъ обѣ руки и лицо, и цѣловалъ ихъ, жадно, страстно, какъ цѣловалъ тогда, въ лѣсу, вуаль, сорванный съ шляпы молодой дѣвушки. Она удивилась, видя, что онъ блѣднѣетъ.

— Довольно.

Она откинула волосы назадъ и, смущенная, сконфуженная, пошла къ зеркалу, чтобы причесаться снова. Но Жанъ молилъ:

— Нѣтъ... останьтесь такъ...

— Придетъ Міонъ... Что она подумаетъ? Что я съ ума сошла?

— Міонъ сама была красива, была любима и любила... Не трогайте вашихъ волосъ. Пусть они развѣваются около васъ, какъ покрывало... Вы не сыщете болѣе прекраснаго для вашего вѣнчальнаго убора... Потому что наша свадьба всетаки будетъ, Дениза... И когда-нибудь, вечеромъ, послѣ вѣнчанья, я приведу васъ въ эту комнату...

Онъ откинулся на подушки и отвернулъ голову.

— Нѣтъ... заплетите ваши волосы... Я не могу ихъ видѣть... Не могу думать о невозможномъ счастьѣ...

Она причесалась и снова сѣла, молча. И Жанъ молчалъ.

Вошла Міонъ: сказать, что комната Денизы готова.

— Она справа отъ этой. Можно пройти сюда, вотъ въ эту дверь. Вамъ ничего, барышня, что онѣ рядомъ?

— Нѣтъ, ничего.

— Барышня можетъ взять лампу; Жанъ предпочитаетъ ночникъ.

Сѣдоволосая старушка съ лицомъ святой Анны отошла къ окну, чтобы не мѣшать Денизѣ проститься съ Жаномъ... Она тоже была когда-то молода, красива и любима, Міонъ Лабастидъ...

Чемоданъ былъ раскрытъ на диванѣ, въ незнакомой комнатѣ, гдѣ Денизѣ предстояло провести ночь, вдали отъ Монадуза и Кайроля.

Она даже не посмотрѣла, какая мебель въ этой комнатѣ, не вспомнила объ отцѣ или о домѣ. Всѣ ея связи были порваны. Моральный кризисъ, который она переживала съ прошлой зимы, дошелъ до высшей точки, и что-то въ родѣ безумія овладѣло мозгомъ Денизы.

Это была уже не скорбь и не любовь, а яростный бунтъ противъ судьбы, отчаяніе безъ жалобъ и безъ слезъ, болѣзненная потребность страдать и умереть вмѣстѣ съ Жаномъ...

Она раздѣвалась на ходу, бросая платье куда попало, на мебель, встряхивая непокорную гриву, которая все спускалась на лобъ. И каждую минуту подходила къ дверямъ—прислушиваясь, не зоветъ ли ее Жанъ, какъ она прислушивалась въ ночь страстной пятницы, въ своемъ альковѣ.

Въ чемоданѣ былъ бѣлый фланелевый пеньюаръ, съ шнуркомъ вмѣсто пояса. Дениза накинула его и бросилась на канапэ. И долго лежала тамъ, не гася лампы, закрывъ глаза рукой отъ свѣта.

Она думала: „Жанъ умретъ, черезъ мѣсяцъ онъ будетъ лежать въ могилѣ... а я уѣзжаю завтра... И больше никогда его не увижу...“ Пересохшія губы едва сдерживали крикъ, готовый вырваться изъ устъ: „Я не хочу этого... Не хочу... Не хочу...“

Вдругъ она поднялась, насторожилась... Кто это зоветъ ее?.. Или это пригрезилось ей, какъ въ Ройа?.. Опять галлюцинація?

Все спало въ домѣ—Міонъ, Маріусъ, Жанъ—только фонтанъ все плакалъ во дворѣ, подъ апельсиннымъ деревомъ и печальнымъ кипарисомъ...

Откуда-то издалека доносились звуки, должно быть, музыки...

Но вотъ, изъ сосѣдней комнаты донесся стонъ... Босая, кутаясь въ пеньюаръ и распущенные волосы, Дениза прильнула къ дверямъ и слушаетъ...

— Дениза... О, Дениза...

— Жанъ...

Пріотворила дверь, просунула голову, шепчетъ:

— Жанъ... Вы звали меня?

— Дениза... О, Дениза...

Ощупью, въ сумракѣ, при свѣтѣ догорающаго ночника она идетъ, и вытянутыя впередъ руки ея натыкаются на кровать.

— Жанъ... Что съ вами?.. Это я...

— Дениза... О, Дениза...

Она баюкаетъ его на своей груди, какъ ребенка. Онъ вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ отъ прикосновенія женской груди, рукъ,

сомкнувшихся вокругъ его шеи, дивныхъ волосъ, которые распустились и окутали ихъ обоихъ. И, задыхаясь отъ желанія и слезъ, не понимая, какимъ образомъ очутилась здѣсь Дениза и чего онъ хочетъ отъ нея, онъ шепчетъ:

— Милая... Я думалъ, ты уѣхала и я больше не увижу тебя... и умру одинъ... О, не покидай меня... Береги меня... Ты—моя жизнь... Я воскресаю, какъ только ты коснешься меня... Я люблю тебя...

— И я люблю тебя...

— Жена моя!

— Жанъ! Любимый мой, маленькій мой.

Они не видятъ другъ друга, не сознаютъ, что дѣлаютъ. Дениза обнимаетъ Жана, прижимаетъ его къ себѣ, прячетъ у себя на груди, въ своихъ волосахъ, словно хочетъ защитить его, и этотъ жестъ ея—всетаки цѣломудренный, материнскій... Она переливаетъ въ него тепло своей крови, своего дыханія... Безумно цѣлуетъ его глаза и щеки, и пылающій лобъ, и слезы. И свое дѣвственное тѣло, какъ прежде свою душу, ставитъ между нимъ и смертью.

Только бы онъ не плакалъ, только бы не страдалъ. Только бы онъ былъ счастливъ. И незамѣтно, опьяненный любовью, сошелъ въ вѣчную тѣнь...

XXIV.

— Ты хочешь выйти?

— Да, отецъ; пойду провѣдать Фортунаду.

Кайроль въ раскрытое окно своего кабинета смотрѣлъ на Денизу. Она уже взялась рукой за задвижку калитки. Октябрьскій вѣтеръ, пропитанный пьянящимъ запахомъ винограднаго сока и острымъ запахомъ орѣховъ, развѣвалъ ея платье, и оно касалось верхушекъ растерявшихъ почти всѣ листья лилій и высокихъ, кустиками росшихъ астръ...

— Какъ ты блѣдна, Дениза!

— Мнѣ нужно движеніе... Я приведу съ собою Фортунаду.

— Это хорошо. Она тоже сильно измѣнилась; день и ночь все плачетъ — жаловалась мнѣ старуха Бранду. Паденіе въ оврагъ страшно потрясло всю ея нервную систему; ее будетъ полезно немного развлечь.

— Почему ты говоришь: „она тоже измѣнилась“? Я развѣ измѣнилась? Вовсе нѣтъ. Ты напрасно тревожишься, отецъ.

Кайроль вздохнулъ.

— Съ тѣхъ поръ какъ Фортунада не работаетъ у насъ поденно, — говорила Дениза — у меня бываютъ иногда затрудненія съ моими платьями. Вотъ и теперь, напримѣръ, скоро наступятъ холода, а это мое платье совсѣмъ ужъ старое...

— Ахъ, милочка моя, тебѣ слѣдовало бы быть кокетливѣе.

— Къ чему?

— Не люблю я, когда ты одѣваешься въ черное. И та матерія, что ты купила въ Тюллѣ, не нравится мнѣ.

— Стоитъ ли объ этомъ говорить, отецъ?.. Съ какихъ поръ ты сталъ обращать вниманіе на цвѣтъ моего платья?

Она ушла. Кайроль все стоялъ у окна.

Да, Дениза очень измѣнилась, пожалуй не меньше, чѣмъ малютка Бранду, здоровье которой, послѣ этого таинственнаго приключенія въ лѣсу и паденія въ оврагъ, сильно пошатнулось... Нравственное потрясеніе такъ быстро расшатываетъ самый крѣпкій женскій организмъ. Эта поѣздка въ Арль взбудоражила Денизу, пожалуй, больше даже смерти Жана.

„Она страдаетъ,—думалъ Кайроль.—И какъ будто гнѣвается на меня. Ея душа, прежде такая довѣрчивая, искренняя, теперь замкнулась для меня... А между тѣмъ я очень ласковъ съ нею: даже не побранилъ ее за эту неожиданную поѣздку, которой я, конечно, не допустилъ бы, еслибъ я въ то время былъ въ Ройа... Мы почти никогда не говоримъ о покойномъ... Но она думаетъ о немъ. И даже носитъ что-то въ родѣ траура по немъ, хоть и не хочетъ въ томъ сознаться... Какая непріятная сентиментальность... Дениза романтична... Ахъ, этотъ бѣдный Фавьеръ натворилъ у насъ немало бѣдъ...

Кайроль не могъ злобствовать на юношу, который уже три недѣли покоился на арльскомъ кладбищѣ, но порой онъ говорилъ себѣ: „Еслибъ я зналъ... Я упросилъ бы деверя помѣстить его воспитанника у другого врача...“

И онъ съ грустной ироніей вспоминалъ письмо г-жи Фабръ.

„У Жана не было агоніи. Мы застали его слабымъ, но спокойнымъ и полнымъ надежды. Слишкомъ краткій визитъ вашей милой дочери — которой мы, къ сожалѣнію, уже не застали въ Арлѣ—оказалъ самое благодѣтельное вліяніе на нашего бѣднаго больного и очень поднялъ его настроеніе. Хоть онъ и говорилъ о томъ, что надо сдѣлать распоряженіе и составить завѣщаніе, все-же онъ не вѣрилъ въ близость конца. И строилъ самые радужные планы... А однажды вечеромъ уснулъ и не проснулся...

„Благодарю васъ, милый докторъ, и горячо благодарю маде-

муазель Денизу за ласку и заботы, оказанныя вами моему сыну. Онъ любилъ васъ обоихъ, относился къ вамъ съ большимъ уваженіемъ и, можно сказать, съ энтузіазмомъ... Какъ онъ скучалъ по вашему дому, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ осени... Неутѣшная мать со слезами молитъ Бога воздать вамъ сторицей, милый докторъ, и вамъ, дорогая мадемуазель Дениза, за все то добро, которое вы дѣлали нашему бѣдному мальчику..."

Дениза не плакала, читая это письмо. И ни слова не проронила, прочтя его... Сидѣла какъ застывшая... Только потомъ сказала:

— Я этого ждала, отецъ... Когда я прощалась съ нимъ, тамъ, я чувствовала, что все кончено и что для меня онъ умираетъ въ эту минуту...

Потомъ она ушла къ себѣ наверхъ и спустилась только вечеромъ. И двадцать первыхъ дней осени, повитыхъ дождемъ, окровавленныхъ алыми закатами, прошли надъ ея скорбью. Кайроль уважалъ ея стыдливое горе, не изливавшееся въ жалобахъ; но, вѣчно чувствуя его возлѣ себя, онъ самъ грустилъ, почти негодовалъ... Чѣмъ же, наконецъ, былъ этотъ Фавьеръ для Денизы, что она такъ сокрушается о немъ и носитъ трауръ по немъ не только въ душѣ, но и на тѣлѣ?.. Что въ немъ такое было?.. Больной ребенокъ и ничего больше... милый, жалкій,—да, но ни тѣни мужской доблести, ума, активной воли, которая только и дѣлаетъ мужчину настоящимъ мужчиной...

„Да неужто же она любила его?.. Не можетъ быть: она должна была испытывать къ нему физическое отвращеніе... Ничего она не могла чувствовать къ нему, кромѣ состраданія, любовной жалости — отвратительное чувство... Но и это уже слишкомъ много... Она не должна была..."

И Кайроль невольно досадовалъ на Денизу, что она, оставаясь одна, оплакиваетъ Жана Фавьера.

А пока онъ раздумывалъ объ этомъ, Дениза шла и шла по монадузской дорогѣ, спиной къ закату солнца, которое въ этотъ день было тусклымъ и туманнымъ. Она прошла мимо пильщика, сидѣвшаго подъ большимъ вязомъ, поздоровалась на ходу съ завѣдующей почтовымъ отдѣленіемъ, мадемуазель Мюрэ, обрывавшей послѣдніе цвѣты въ своемъ садикѣ, и зашла на минутку въ гостинницу спросить позволенія у Маріи Бранду.

— Да, да, барышня, возьмите ее съ собой, но пусть она не засиживается у васъ слишкомъ поздно... Къ десяти часамъ мой „старый" придетъ за нею, съ Мадленой. Послѣ этого случая она стала такой трусихой, наша Фортунада... Вы, барышня, были

тогда въ Ройа. Еслибъ вы видѣли, въ какомъ видѣ она вернулась домой: платье изорвано, вся исцарапана, вся въ синякахъ, лицо запачкано землей... И языкъ отнялся отъ страха: ничего не можетъ толкомъ объяснить... Ужасъ, какъ ее напугали. „Нѣтъ, говорю я, не пущу я тебя больше, дѣвочка, ходить на домъ работать... Найдемъ какое-нибудь другое занятіе...“ Г. Кайроль и устроилъ ее въ шалашѣ... Мѣсто не худое: только и работы, что принимать посѣтителей, подавать напитки да продавать почтовыя открытки... Положимъ, когда нѣтъ туристовъ, въ дождливые дни, оно немного скучновато... Ну, Фортунада вяжетъ...

— Или молится по четкамъ...

Марія Бранду покачала своей крохотной черной головой, охваченной круглой сѣткой.

— Бѣдная барышня... Вы развѣ не знаете... она совсѣмъ бросила молиться... Совсѣмъ теперь не набожная, наша Фортунада... И обѣдню всякій разъ, какъ будто нарочно, проспитъ... А ужъ у исповѣди — подумайте — съ 15-го августа ни разу не была...

— Но почему же?

— А я развѣ знаю... Она вѣдь чудная, наша Фортунада. И упрямая. А ужъ языкъ умѣетъ за зубами держать, какъ никто... Ну, да это-то ничего, что она теперь не думаетъ о монастырѣ, этому-то я рада... Вы помните: вѣдь она въ монастырь хотѣла уйти...

— У нея было призваніе.

— Скажите лучше, что сестры-монахини вбили ей это въ голову... А мнѣ вовсе не охота была отдавать ея приданое въ монастырь... И „старикъ“ мой сердился. Онъ хотѣлъ выдать ее за Ліонассу изъ Бругъ-д'Эрена. Но этотъ цыпленокъ такъ, знаете, прямо и говоритъ старику: „Да кому замужемъ-то жить, вамъ или мнѣ?.. Не хочу я за вашего Ліонассу. Не по сердцу онъ мнѣ“. Охъ, ужъ эти нынѣшнія дѣти!..

Когда Дениза вышла за порогъ, Брандуниха крикнула ей вслѣдъ:

— Скажите ей, что у насъ сегодня посидѣлки и мы оставимъ ей каштановъ.

Деревянный мостикъ, переброшенный черезъ потокъ не доходя водопадовъ, соединялъ высокій скалистый монадузскій мысъ съ противоположнымъ берегомъ оврага. За мостомъ дорога, шедшая по выступу скалы, огибала всѣ извилины ущелья. Идя по ней, Дениза могла видѣть, по другую сторону пропасти, ту дорогу, по которой она пришла сюда, и голубоватую крышу своего

дома. Она шла теперь лицомъ къ закату. Грохотъ каскадовъ, словно выходящій изъ земли подъ самыми ея ногами, оглушалъ ее и вызывалъ дрожь во всемъ ея тѣлѣ, какъ будто она была хрустальная. Межъ стволами каштановъ, которыми заросъ весь этотъ склонъ, она различала пѣнящуюся массу перваго каскада, падающаго наискось съ высоты тридцати-пяти метровъ, разбиваясь о гранитъ въ цѣломъ облакѣ радужной пыли... Дальше рѣшотка заграждала путь. Дениза толкнула впередъ небольшую дверь, причемъ раздался звонокъ, и пошла дальше по узкой тропинкѣ, недавно проложенной, извивавшейся между низкими деревцами и большими покатыми камнями. Эта тропинка всегда была сырая, скользкая, предательская, не смотря на вырубленныя тамъ и сямъ ступеньки. Покрывавшіе ее листья уже успѣли сгнить. Все кругомъ заросло папоротникомъ, остролистомъ, можжевельникомъ, густо покрытымъ черными ягодами. Заворачивая то вправо, то влѣво, тропинка спускалась до половины оврага, до второго каскада, Редоль, широкой снѣжной лавины. Здѣсь, на утесѣ, выдавшемся впередъ, какъ носъ корабля, стоялъ миніатюрный швейцарскій шалэ съ остроконечной крышей и небольшой терассой, обнесенной перилами... Еще ниже, въ хаосѣ красноватыхъ и фіолетовыхъ гранитныхъ глыбъ, третій каскадъ дѣйствительно напоминалъ гигантскій хвостъ апокалипсическаго коня блѣднаго, ниспадая ослѣпительно-бѣлымъ, удлиненнымъ и утончающимся книзу снопомъ.

Дениза, совсѣмъ оглохшая, съ волосами мокрыми отъ брызгъ водопадовъ, добралась, наконецъ, до шалэ. Желѣзные столы и стулья на терассѣ были разставлены въ порядкѣ, но дверь швейцарскаго домика заперта на ключъ. Въ окно мадемуазель Кайроль увидала довольно большую залу съ деревянными панелями, шкафчики съ „достопримѣчательностями", витрину съ почтовыми открытками и на столикѣ, на видномъ мѣстѣ, начатое вязанье на спицахъ изъ синяго гаруса...

Она позвала:

— Фортунада!

Шумъ водопадовъ заглушалъ ея голосъ. Облокотившись на перила, она нѣсколько минутъ ждала своей маленькой пріятельницы... Безъ сомнѣнія, Фортунада была наверху, въ одномъ изъ отдѣльныхъ кабинетовъ, которые иногда занимали посѣтители; она сейчасъ придетъ, хилая и блѣдненькая, быть-можетъ менѣе грустная, чѣмъ она была всѣ эти дни...

„Отецъ правъ,—думала Дениза:—Фортунада сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Вейдреннъ сидитъ въ тюрьмѣ... Какъ и я

измѣнилась съ тѣхъ поръ... надо ли сказать: „съ тѣхъ поръ, какъ случилось это несчастье“... Увы, я не смѣю больше жалѣть Жана... Несчастьемъ это было только для меня“.

Она не говорила о себѣ: „Я согрѣшила“... У нея не было угрызеній совѣсти. Она вольна была располагать собой и отдалась не ради собственнаго эгоистическаго наслажденія, но чтобы дать послѣднюю радость умирающему... Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не имѣлъ права поставить ей это въ укоръ... никто... даже Кайроль: дѣвушка въ двадцать-восемь лѣтъ уже вышла изъ-подъ отцовской опеки...

И все-же...

Почему же, послѣ этого безумнаго порыва, послѣ упоенія свершенной жертвой и дивнымъ счастьемъ, доставленнымъ ею,— почему смутное недовольство собой всетаки таилось въ совѣсти Денизы.

Ей вспоминались безумныя объятія Жана, его радостный смѣхъ сквозь рыданія, и этотъ блаженный сонъ, которымъ онъ уснулъ, изнеможенный, закутавшись въ золотые волосы любимой женщины, словно похороненный въ этомъ саванѣ любви... Но всѣ эти воспоминанія, сладкія или мучительныя, сливались въ какой-то волнующій кошмаръ... Минутами, это такое еще недавнее прошлое, которое Денизѣ хотѣлось бы навѣкъ запечатлѣть въ своей памяти, какъ-то расплывалось, ускользало отъ нея... теряло характеръ реальности и вмѣстѣ съ тѣмъ перестало трогать. Дениза пыталась воскресить былую нѣжность, припоминая по порядку всѣ детали путешествія, пріѣзда, домъ, дворикъ, комнату...

Увы! черты Жана блѣднѣли и стушевывались въ ея памяти, какъ лица на старыхъ дагерротипахъ, которыя еще можно разглядѣть при извѣстномъ освѣщеніи, но которыя на плохо освѣщенной пластинкѣ иной разъ совсѣмъ не различаешь... Возможно ли?!.. Забыть такимъ образомъ то, что̀ любилъ, что̀ любишь... Какая острая и стыдная боль примѣшивалась теперь къ ея скорби объ утраченномъ...

Когда Міонъ Лабастидъ прислала ей небольшую пачку ея писемъ, Дениза еще разъ испытала приступъ страсти и отчаянія—въ послѣдній разъ...

И чувство, въ которомъ она не хотѣла сознаться и самой себѣ, чувство, которое она назвала бы нелѣпымъ во всякой другой женщинѣ, незамѣтно закрадывалось въ ея душу: наслѣдственностью и христіанствомъ привитое чувство—сознаніе своего физическаго паденія...

Быть можетъ, она не испытывала бы этого чувства, этой странной черствости сердца, еслибъ она отдалась, какъ отдаются другія женщины, изъ любви ради самой любви, а не въ упоеніи жертвой. Быть можетъ...

...Теченіе между широкою Редолью и длиннымъ „Лошадинымъ Хвостомъ“ было такое быстрое, что глаза Денизы уставали слѣдить за брызгами пѣны, за вѣтками и листьями, проносившимися между остроконечными и крючковатыми утесами, походившими на зубы гигантской челюсти... Она взяла пучокъ астръ, приколотый къ ея корсажу, и бросила его въ потокъ, чтобы посмотрѣть, что съ нимъ станется.

Цвѣты мгновенно исчезли въ клубящемся бѣломъ потокѣ... Эта стремительность движенія, этотъ немолчный шумъ и ощущеніе возможности и легкости паденія... этотъ одинокій балкончикъ, нависшій надъ водопадомъ, наполовину утонувшій во мракѣ...

Дениза невольно вздрогнула, откинулась назадъ, еще разъ крикнула:

— Фортунада!

И снова шумъ водопадовъ заглушилъ ея зовъ... Дениза еще разъ подошла къ окну шалэ, посмотрѣла на запертую дверь, на внутреннюю залу, такъ опрятно прибранную, на синее вязанье на столѣ...

„Фортунада ушла—думала она—и забыла запереть калитку тамъ, у барьера. Она, должно быть, въ церкви или у Ліонардуны; я встрѣчу ее на обратномъ пути...“

Не безъ труда она вскарабкалась наверхъ, до шоссе, и пошла опять въ гостинницу Бранду.

— Фортунады нѣтъ въ шалэ.

— Ну, такъ она, значитъ, у васъ, барышня. Она, должно быть, прошла дорогой мимо мельницы. Вы, навѣрное, застанете ее у себя дома.

Но дома у себя Дениза не нашла малютки Бранду. Ни Кайроль, ни Франсунетта не видали ея.

Послѣ обѣда Кайроль усѣлся въ кресло, ногами къ печкѣ, а Дениза разложила на столѣ черную матерію и выкройку изъ „Mode Pratique“. Фарфоровая лампа освѣщала, какъ прежде, комнату съ сѣрыми деревянными панелями, золоченый термометръ, головы оленей и золотую косу на склоненной дѣвичьей головкѣ. Но атмосфера измѣнилась: въ ней не было уже прежняго уюта и тепла. Не звучалъ добродушный смѣхъ Кайроля. Разговоръ не клеился, обрывался продолжительными паузами;

недоконченныя фразы переходили въ отрывочныя восклицанія какъ бы про себя, въ невнятное бормотанье...

Сухой и печальный стукъ ножницъ какъ бы пресѣкалъ въ зародышѣ всякую попытку интимныхъ изліяній.

Около десяти часовъ кто-то постучалъ у входной двери; Франсунетта пошла отворять. Это были старикъ Бранду и его внучка Мадлена; они пришли за Фортунадой.

— Да она и не была у насъ... Мы думали, что она пошла куда-нибудь въ другое мѣсто, гдѣ она прежде работала, въ за̀мокъ, что-ли, задержалась тамъ, поздно пришла домой и уже побоялась идти къ намъ...

Старикъ встревожился.

— У насъ посидѣлки... ждутъ ее...

— Можетъ быть, она у мадемуазель Мюрэ...

— Да что̀ же ей тамъ дѣлать?

Мадлена, которая терпѣть не могла безпокойства и всякихъ огорченій, на мѣстномъ нарѣчіи энергично убѣждала дѣдушку вернуться домой... Ужъ навѣрное она въ за̀мкѣ, эта причудница-Фортунада. Баронесса, должно быть, вызвала ее къ себѣ и оставила ночевать...

— А всетаки вы бы зашли на почту,—посовѣтовалъ докторъ.

Старикъ и дѣвушка пошли обратно.

Франсунетта качала головой и говорила, что Брандунихѣ еще немало доведется плакать изъ-за своей дочки.

— Чего ихъ копить, столько дѣвчонокъ въ домѣ! И одна хитрѣй тринадцати лисицъ... Эта Фортунада, такая набожная смиренница, что-то ужъ слишкомъ любитъ бѣгать по ночамъ. Это не годится для дѣвушки. „Angelus sonné, fille retirée“ —говаривала моя матушка... Во всемъ этомъ что-то не чисто... Испортили дѣвчонку, сглазили: съ самаго Иванова-дня она глазъ не осушаетъ, тоскуетъ, какъ Варавва при распятіи...

Кайроль спрашивалъ Денизу, все ли было въ порядкѣ въ шалэ... Не замѣтила ли она какихъ-либо слѣдовъ нападенія врасплохъ... борьбы... несчастной случайности...

— Нѣтъ, ничего подобнаго.

Дениза вспомнила синее вязанье на длинныхъ спицахъ, аккуратно свернутое и положенное на столъ.

— Будь Вейдреннъ на свободѣ, — продолжалъ Кайроль — я бы опасался встрѣчи его съ Фортунадой. Но онъ уже два мѣсяца въ тюрьмѣ, и на будущей недѣлѣ его будутъ судить. Всѣ эти разсказы объ испугѣ, о паденіи въ оврагъ—задумчиво при-

бавилъ онъ—всегда казались мнѣ странными... Я иногда спрашивалъ себя, ужъ не Вейдреннъ ли это напалъ врасплохъ на бѣдную малютку... Она слышать о немъ не могла, блѣднѣла, когда при ней называли его имя...

— Ты не разспрашивалъ ее, отецъ?

— Пытался, но она всякій разъ повторяла одно и то же.

— Вейдреннъ не сдѣлалъ бы ей зла. Онъ былъ многимъ обязанъ ей...

— Кто знаетъ?.. Мнѣ все казалось, что она просто не смѣетъ донести на него.

На другой день, утромъ, докторъ отправился въ гостинницу и засталъ всѣхъ Бранду въ большомъ переполохѣ: Фортунады не видали ни въ замкѣ, ни на почтѣ... Мальчишка изъ Тузака увѣрялъ, будто встрѣтилъ ее по дорогѣ къ вокзалу.

— Убѣжала изъ дому... Но съ кѣмъ?.. Куда?.. У нея не было возлюбленнаго...

— Развѣ можно когда-нибудь быть увѣреннымъ, что у дѣвушки нѣтъ возлюбленнаго?—сказалъ докторъ.

Онъ поѣхалъ по больнымъ, разспрашивалъ всѣхъ встрѣчныхъ о Фортунадѣ и къ двумъ часамъ вернулся домой, страшно голодный, ничего не узнавъ.

Они кончали завтракать, когда пришелъ кюрэ Барбазанъ.

— Чѣмъ могу служить, господинъ кюрэ?

— Мнѣ надо поговорить съ вами, докторъ.

— Зайдите... Присядьте вотъ на это кресло... Вы нездоровы, г. кюрэ?

Кюрэ, черный и краснолицый, въ грязныхъ сапогахъ, назойливо вылѣзавшихъ изъ-подъ слишкомъ короткой сутаны, смотрѣлъ на витрины съ инструментами, на шкафы съ книгами, на гипсовый бюстъ Огюста Конта съ зеленымъ щиткомъ, на которомъ красовался его девизъ: *Порядокъ и прогрессъ.*

— Это чей же бюстъ?—спросилъ кюрэ.

— Огюста Конта.

— Онъ вамъ родственникъ?

— Нѣтъ...

— Ахъ, должно быть, знаменитый врачъ?

— Если хотите, да.

За все время бытности въ приходѣ Барбазанъ въ первый разъ пришелъ къ Кайролю.

Эти два человѣка, нѣкогда враждовавшіе, научились уважать другъ друга, встрѣчаясь у изголовья больныхъ. Крестьянскія дѣти, оставшіеся крестьянами, не смотря на рясу и дипломы,

они оба питали одинаковую страсть къ хорошо подстриженнымъ деревьямъ, къ хорошо обработаннымъ полямъ, къ жирнымъ стадамъ, и, будучи въ теоріи непримиримыми противниками, на практикѣ энергично помогали другъ другу облегчать нужду и исправлять несправедливости жизни. Оба были оптимистами, одинъ—изъ любви къ людямъ, другой—изъ любви къ Богу; оба полагали, что, въ конечномъ счетѣ, добра на свѣтѣ больше, чѣмъ зла, хотя ошибки и страданія неразлучны съ человѣческимъ удѣломъ. Профессіональный опытъ обнаружилъ передъ ними все убожество людское, всѣ язвы и пороки, физическіе и моральные. Они знали, что не надо слишкомъ много требовать отъ человѣка, въ особенности отъ бѣдняка-крестьянина. Героическія доблести не процвѣтали на неблагодарной почвѣ, межъ узкими горизонтами Монадуза. Суровъ здѣсь климатъ и скудна почва, жестки сердца—но не всѣ же... Достаточно было одной души, тяготѣвшей къ добру, одного зеленѣющаго поля, чтобы Кайроль и Барбазанъ вновь увѣровали въ красоту жизни. Насквозь реалисты, на первый планъ выдвигавшіе долгъ, оба они одинаково любили этотъ маленькій уголокъ Франціи и его населеніе, ожидавшее отъ нихъ и нравственной, и матеріальной помощи.

— Я не боленъ, докторъ... я пришелъ поговорить съ вами о Фортунадѣ Бранду.

— Вы что-нибудь узнали?

— А вы?

— Нѣтъ, господинъ кюрэ... ничего... или почти ничего...

— Почти?

— У меня есть подозрѣнія... но какія именно, трудно даже формулировать... Что тутъ можетъ быть: несчастный случай... похищеніе...

— Похищеніе—нѣтъ, безусловно. Несчастный случай—можетъ быть... Такъ вы ничего не знаете?.. Когда Фортунада свалилась въ оврагъ, возвращаясь изъ Сенъ-Дюмина, васъ не приглашали къ ней?

— Нѣтъ... Малютка только сильно ушиблась и съ ней сдѣлалось отъ испуга что-то въ родѣ горячки. Но я былъ у нея по собственному побужденію.

— И что же она вамъ разсказывала?

— Что-то безсвязное: „Мнѣ показалось, что кто-то гонится за мною; я испугалась, побѣжала... оступилась и упала въ ровъ, заросшій терновникомъ...“

— Ага... А потомъ вы ее видѣли?

— Рѣдко: дочь моя была въ отъѣздѣ, и малютка перестала ходить къ намъ на поденную работу.

— Она сильно исхудала... пожелтѣла... и характеръ у нея, говорятъ, испортился...

— У нея всегда была наклонность къ экзальтаціи...

Кюрэ пробормоталъ:

— Я дѣлалъ, что могъ, чтобы ослабить въ ней этотъ чрезмѣрный мистицизмъ.. Но меня больше всего безпокоитъ, докторъ, нравственная перемѣна, происшедшая въ малюткѣ Бранду... На Успеніе, передъ этимъ случаемъ, замѣтьте—она исповѣдывалась... А послѣ того совсѣмъ перестала ходить въ церковь...

— Почему?

— Вотъ въ томъ-то и вопросъ... Мнѣ пришло въ голову... безъ сомнѣнія, это нелѣпая мысль, но она преслѣдуетъ меня... Что, если бѣдная дѣвочка въ отчаяніи бросилась въ водопадъ?.. Бѣдная женская головка не выдержала тяжкихъ мыслей... помутился разумъ... Докторъ, я не могу, не вправѣ сказать вамъ больше того, что̀ сказалъ... Я надѣялся получить разъясненіе отъ васъ...

Онъ поднялся съ кресла.

— Я зайду по пути къ Бранду. Мать упорно продолжаетъ надѣяться... Она разослала людей искать ее повсюду. Теперь шарятъ по всѣмъ ущельямъ и прудамъ, и у каскадовъ, и за ними...

— Если я понадоблюсь, пришлите за мной. Я буду дома... Буду ждать вѣстей...

День прошелъ, теплый и благопріятный послѣднимъ сборщикамъ винограда, разсыпавшимся повсюду, среди алѣющихъ гроздей, по изрытымъ склонамъ холмовъ.

Пробило уже пять часовъ, когда работникъ Тузака, Жинестъ, ворвался, какъ безумный, въ садъ Кайроля, крича:

— Господинъ докторъ!.. Мадемуазель Дениза!..

Кайроль и дочь его прибѣжали на зовъ.

— Я нашелъ Фортунаду... Я не трогалъ ея, будьте спокойны... Идемте, господинъ докторъ... Народъ уже сбѣгается...

— Куда же идти-то?

— Въ Инферно.

— Господи!

Кайроль уже бѣжалъ, а за нимъ, поодаль, бѣжали Дениза и Франсунетта.

— Сюда... Здѣсь есть тропиночка, господинъ докторъ... Только вы осторожнѣй—здѣсь круто...

Солнце уже клонилось къ закату. Отъ утесовъ неслась словно

золотая пыль, жегшая глаза. Кайроль, ослѣпленный, заслоняясь ладонью отъ яркаго свѣта, вглядывался въ даль, гдѣ, внизу, металась неясная кучка спасающихъ.

Со стороны деревни доносились вопли. Оттуда бѣжали женщины. Внезапно пастушка, взобравшаяся на утесъ, указала веретеномъ своимъ на пропасть, и на ея зловѣщій крикъ: „Ати... Ати...“ женщины откликнулись пронзительными воплями.

Докторъ поблѣднѣлъ. Сердце его, какъ молотъ, стучало въ груди.

— Скорѣй, Жинестъ! Скорѣй!

Но работникъ не спѣшилъ. Осторожно раздвигая верескъ, предварительно удостовѣрившись, что онъ ставитъ ногу на твердый гранитъ, онъ медленно и безмолвно опускался, придерживаясь руками за стволы каштановъ, за вѣтки тисовъ и низкорослыхъ дубковъ. Кайроль слѣдовалъ за нимъ, скользя, увлекаемый тяжестью своего большого тѣла, слишкомъ взволнованный для того, чтобъ помнить объ опасности этого спуска. Косые лучи солнца ударяли ему въ глаза; онъ жмурился и отворачивалъ голову.

Тропинка шла несчетными извивами. По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, крики и вопли сверху доносились глуше, и шумъ каскадовъ заглушалъ всѣ остальные шумы. Они, наконецъ, миновали полосу свѣта и спустились въ зеленоватую тѣнь, во влажную свѣжесть послѣдняго круга Ада—Инферно.

Кайроль и Жинестъ уже не спускались, а шли слѣва направо, вдоль теченія потока. Жинестъ разсказывалъ:

— Пошли за господиномъ мэромъ, и за полевымъ сторожемъ, и за г. кюрэ...

И, не безъ тайной гордости, прибавлялъ:

— Это я первый увидалъ ее... Ее притиснуло между двумя утесами, оттого она и не пошла на дно... Еслибъ она пошла на дно, ее выбросило бы черезъ недѣлю, какъ другихъ... Она была совсѣмъ голая, и глаза... глаза...

Онъ выпустилъ вѣтку тиса и схватился пониже, за стебель остролистника.

— Совсѣмъ голая... да. Это всегда такъ бываетъ. Ежели кто попадетъ въ каскадъ, его будетъ крутить, крутить между камнями, пока не сорветъ съ него все до рубашки.

Онъ передохнулъ и добавилъ:

— Бѣдная дѣвочка... Я и не видывалъ никогда такой худой... Кожа да кости...

— Скорѣй, скорѣй...—торопилъ Кайроль.

Спасающіе и „власти“—мэръ и сторожъ—уже спустились

другой дорогой и стояли группой въ пять-шесть человѣкъ у большого плоскаго камня.

— А вотъ и мосье Кайроль.

— Ничего онъ не поможетъ, — сказалъ Жоальякъ, мэръ, блѣдный какъ воротникъ его рубашки. — Бѣдняжкѣ нуженъ теперь только могильщикъ.

А сторожъ добавилъ:

— Надо составить протоколъ... Такъ велитъ законъ... И, главное, не надо трогать тѣло.

— Протоколъ — о чемъ? — спрашивалъ старый Бенейу, раньше всѣхъ прибѣжавшій сюда съ Шадебехомъ. — При чемъ тутъ протоколъ? Свалилась дѣвка сверху... Не она первая оступилась на этой чортовой дорожкѣ...

— Тссъ! — остановилъ его Жоальякъ, не любившій, когда упоминали о чортѣ при покойникѣ. — Почемъ мы знаемъ!

— Не сама же она кинулась?.. Съ чего ей было руки на себя накладывать?..

Подошелъ Кайроль. Всѣ разступились, почтительно давъ ему дорогу, какъ будто докторъ какими-то таинственными средствами могъ разъяснить имъ тайну этой смерти.

Кайроль увидѣлъ трупъ: онъ лежалъ тамъ, куда занесъ его потокъ, въ растяжку, на плоской каменной плитѣ; одна нога повисла, зажатая между двухъ обломковъ утеса. Голова была закинута назадъ, и черные густые волосы, наполовину закрывавшіе лицо, спускались въ темную прозрачную воду, путаясь съ длинными травами, росшими на днѣ. И вздрагивали какъ живые, когда вѣтеръ рябью пробѣгалъ по водѣ.

Въ зеленомъ мракѣ бездны такъ отчетливо выдѣлялось это хрупкое, еще дѣтское, изсиня-блѣдное тѣло. На вздутомъ животѣ виднѣлись фіолетовыя пятна — синяки или же признаки начинавшагося разложенія. Руки, закинутыя назадъ, казались развинченными, какъ руки сломанной маріонетки. И ничто не скрывало отъ зрителей грубо обнаруженной тайны женскаго тѣла...

Но передъ покойницей ни у кого не шевельнулось ни одной гадкой мысли. Мэръ думалъ о неизбѣжности слѣдствія, обо всѣхъ непріятностяхъ, которыя причинитъ ему эта исторія. Жинестъ думалъ о Брандунихѣ. Шадебехъ и Шасо спрашивали себя, какъ могло это случиться... Несчастный случай... Точно ли несчастный случай?..

Кайроль, превратившійся въ профессіоналиста, медленно отвелъ намокшіе волосы и обнаружилъ восковое лицо, казав-

шееся зеленоватымъ отъ зеленой тѣни, слегка отекшее, губы, не скрывавшія десенъ, вѣки, неплотно сомкнутыя, изъ-подъ которыхъ виднѣлась страшная бѣлая полоска.

Руки Кайроля, сильныя и нѣжныя, поддерживали эту голову, которая все падала назадъ, такъ какъ шейные позвонки были сломаны. Эти руки умѣли обращаться съ переломанными костями и не дрожали, прикасаясь къ трупу, не боялись отвратительнаго прикосновенія къ этому липкому холоду.

— Надо вынести ее отсюда, поскорѣе, пока не смерклось. Я осмотрю ее послѣ... у нея на дому...

И вдругъ, при этихъ словахъ: „у нея на дому", въ памяти его встали лица матери умершей, ея сестры, ея дѣда... Только теперь Кайролю стало ясно, что этотъ трупъ—это Фортунада Бранду, маленькая смуглянка, гордая, экзальтированная, которую онъ и Дениза любили какъ родную, которая столько времени жила съ ними, у нихъ на глазахъ. Это—Фортунада.

Во врачѣ проснулся отецъ: Кайролю безумно захотѣлось поскорѣе увидать свою дочь, прижать ее къ груди, живую... Глаза его затуманились, спазма перехватила горло; онъ едва могъ выговорить, обращаясь къ Жинесту:

— Нельзя же такъ ее нести. Дай твою блузу.

И онъ закуталъ мертвую въ грубый синій холстъ, чтобы къ этому тщедушному маленькому тѣлу не прикасались мужскія руки, чтобъ его не увидали въ этой страшной наготѣ глаза, которые будутъ смотрѣть на него тамъ, наверху... Онъ съ трудомъ высвободилъ ногу, застрявшую между камнями, и поднялъ мертвую. Жинестъ поддерживалъ тѣло съ другой стороны; остальные шли впереди или за ними, поднимаясь вверхъ, по темнымъ извивамъ круговъ „Ада".

По мѣрѣ того какъ они поднимались, вокругъ становилось свѣтлѣй и теплѣе; свѣтъ словно просачивался сквозь деревья, золотя багряный верескъ. И по мѣрѣ того какъ шумъ каскадовъ уходилъ вглубь, навстрѣчу имъ ниспадали людскіе вопли, еще безсвязные и мало внятные.

Наконецъ они выбрались на дорогу. Вся деревня уже была здѣсь, кромѣ матери, которой не пустилъ кюрэ. Принесли носилки.

Въ первый моментъ всѣ смолкли передъ ликомъ смерти. Кайроль и Жинестъ положили мертвую на носилки и закрыли ей лицо волосами. Ноги вылѣзали изъ-подъ холста блузы; руки оставались закинутыми назадъ—онѣ такъ окоченѣли, что пришлось бы сломать ихъ, чтобы вытянуть вдоль тѣла.

Двое мужчинъ поставили на плечи носилки, и когда они

двинулись въ путь, имъ вслѣдъ понеслись вопли женщинъ, раздирающіе и зловѣщіе, прерываемые восклицаніями:

— Paubra! paubra! (Бѣдная! Бѣдная!)

— Paubra maïre! (Бѣдная мать!)

— Santa Vierdza! (Пресвятая Дѣва!)

Дениза смотрѣла на это шествіе, стоя у рѣшотки кладбища, возлѣ часовни, куда, по мѣстному обычаю, должны были принести покойницу. Вокругъ нея тѣснились женщины: мадемуазель Мюрэ, тетка Бюнейль, Ліонардуна со своей прялкой и въ неизмѣнной шляпѣ.

Неподалеку работникъ пилилъ древесные стволы. Онъ ничего еще не видѣлъ, и въ ожиданіи, пока увидитъ, не хотѣлъ терять времени на праздную болтовню. Равномѣрный визгъ пилы назойливо врывался въ уши, и Денизѣ казалось, что эта пила пилитъ ея сердце.

Ей захотѣлось видѣть—и она боялась увидать. Огромный орѣшникъ, росшій въ углу кладбища, закрывалъ отъ нея перспективу долины. Искривленныя вѣтви его были совсѣмъ черныя, а листья казались бронзовыми на яркомъ багрянцѣ неба и пепельно-фіолетовомъ фонѣ горизонта.

Дениза не плакала: вниманіе ея было поглощено этимъ старымъ деревомъ, словно въ тоскѣ ломавшимъ вѣтки-руки, и яркой алостью осенняго заката.

Красное, красное—какое удивительно красное сегодня небо! За длинными разорванными тучами, за поднимающимися туманами—красное какъ кровь, какъ вино въ чанѣ, красное какъ пожаръ. Словно на небесахъ справляли пышную кровавую тризну въ честь героя, съ факелами, съ кавалькадами, съ развернутыми знаменами.

Несшіе трупъ остановились передъ часовней; пономарь отворилъ двери, обнаруживъ скромный алтарь, украшенный разрисованными статуями и золочеными фарфоровыми свѣтильниками.

Волоса Фортунады снова свѣсились и мели землю. Упавшіе листья и мелкіе колючіе каштаны цѣплялись за эти черныя пряди, съ которыхъ стекала вода на придорожную пыль.

Дениза, отстранивъ другихъ женщинъ, приблизилась къ носилкамъ, опустилась на колѣни и поцѣловала лобъ покойницы.

Словно молнія вдругъ освѣтила передъ ней лицо Фортунады, когда дѣвочка испуганнымъ голосомъ говорила: „Не пойду я одна въ Шастангъ... Я боюсь...“ А затѣмъ это загадочное паденіе въ оврагъ, болѣзнь, странная перемѣна въ Фортунадѣ... Ей представилось синее вязанье на столѣ, длинныя блестящія

спицы, балконъ, перила, астры, уносимыя мутнымъ потокомъ... Она вдругъ поняла душой, какая драма разыгралась тамъ, на этомъ балконѣ, за нѣсколько минутъ до ея прихода, и зарыдала.

Да, приди она нѣсколькими минутами раньше, она бы спасла Фортунаду: прочла бы въ глазахъ этой дѣвочки страшное рѣшеніе, сняла бы съ ея души слишкомъ тяжкое бремя тайны, тяжкое какъ камень на шеѣ, увлекшее ее въ пучину, подъ немолчный грохотъ каскадовъ...

Мертвая, мертвая!.. Погибла не изъ-за несчастной случайности, не вслѣдствіе любовнаго горя — она никогда никого не любила, эта чистая дѣвушка, кромѣ Бога и бѣдныхъ—нѣтъ, погибла изъ-за того, что пошла къ тому, кого всѣ ненавидѣли, изъ-за того, что предприняла безумную попытку спасти погибающую душу... Грубо оскорбленная, дважды жертва, она заплатила своею честью и жизнью за святую необдуманность своего состраданія.

Какъ она должна была истрадаться, она, такая благочестивая, такая набожная, чтобы пойти на смерть безъ исповѣди, самой наложить на себя руки, не облегчивъ души отъ бремени того, что̀ она считала своимъ позоромъ и грѣхомъ... И объ этихъ мукахъ совѣсти, объ этомъ постепенно развивавшемся безуміи, которое длилось недѣли и мѣсяцы, никто — ни мать, ни сестра, ни даже Кайроль—никогда не узнаютъ, не поймутъ его, не заподозрятъ...

Никто не понялъ Фортунады, не угадалъ истинной ея природы—ея великаго сердца, слишкомъ большого для человѣческой любви. Она прошла свой земной путь, съ виду похожая на всѣхъ другихъ дѣвушекъ въ Монадузѣ, невѣжественная, неловкая, поглощенная житейскими заботами, жившая среди людей вульгарныхъ... Скоро ее забудутъ, и тѣло ея будетъ утучнять собой пышную траву и корни стараго орѣшника... И одна Дениза будетъ знать, какое чистое пламя угасло съ этой юной душой...

Рука Кайроля легла на плечо дочери.

— Встань... Пойдемъ домой... Прошу тебя... Сюда идетъ кюрэ съ...

Вопли матери раздавались уже совсѣмъ близко.

XXV.

Вечеромъ Кайроль пришелъ къ Денизѣ. Она сидѣла возлѣ печки спиною къ свѣту, прижимая платокъ къ глазамъ.

Она спросила:

— Какъ бѣдная мать?..

— Она очень плакала... Теперь немного успокоилась... При ней тамъ много женщинъ, и всѣ остаются на ночь... Приходилъ кюрэ. Чудесный онъ человѣкъ, этотъ кюрэ. Онъ не допускаетъ, чтобъ это могло произойти иначе какъ случайно... или въ припадкѣ умоизступленія... И отслужилъ панихиду. Дѣвочку хоронятъ послѣзавтра, въ освященной землѣ. Еслибы похороны состоялись безъ священника, старая Брандуниха, надменная и властная, не вынесла бы скандала—она уѣхала бы отсюда навсегда...

— Я пойду, посижу съ нею.

— Нѣтъ, дитя мое... Я предупредилъ ее, что ты, навѣрное, захочешь къ ней придти, но что я этого не допущу... У тебя и такъ въ послѣднее время было слишкомъ много волненій... Не ходи. Завтра увидишь опять Фортунаду и снесешь ей цвѣтовъ. Ее одѣли въ бѣлое. На головѣ ея вѣнокъ, который она надѣвала къ первому причастію...

— Отецъ, я очень любила ее; мое мѣсто...

— Твое мѣсто здѣсь, возлѣ меня... Или я уже ничего не значу для тебя, Дениза, потому только, что я живой?

Онъ сѣлъ возлѣ нея и обнялъ ея станъ.

— Голубушка Низа... Моя маленькая Низа... Береги себя. Умоляю тебя: береги себя... Столько смутныхъ угрозъ витаетъ вокругъ насъ: болѣзни, смерть... и все остальное... всѣ несчастья...

Дениза поцѣловала его.

— Я крѣпкая, отецъ: мнѣ ничто не угрожаетъ... У меня только горе... много горя... Эти двѣ смерти, такъ скоро одна послѣ другой... Оба такіе молодые...

— Одинъ былъ обреченъ, родная... Другая... Ахъ, какой ужасъ... Еслибы ты знала, ты бы, можетъ быть, меньше жалѣла Фортунаду... Она боялась жизни—и напрасно: прежде всего, человѣкъ обязанъ жить... время все сглаживаетъ, все устраиваетъ... Но, принимая во вниманіе ея характеръ, ея безумный поступокъ мнѣ понятенъ...

— Ты думаешь, что...

— А ты не думаешь?

— Да—тихо выговорила Дениза,—мнѣ это приходило въ голову... Въ ея жизни была тайна... жестокое разочарованіе... Этотъ человѣкъ...

— Вейдреннъ?..

— Она не любила его, я въ томъ увѣрена. Она силилась вернуть его на путь добра, и въ то же время боялась его. Что

произошло между ними?.. Я не знаю. Фортунада никогда не откровенничала со мною...

— Никогда?

— Никогда... Это была на рѣдкость скрытная натура; даже я могла лишь моментами заглядывать въ ея замкнутую душу... Родители ничего не подозрѣваютъ?

— Нѣтъ. Они думаютъ, что это—несчастный случай. Я не разувѣрялъ ихъ... Но...

Докторъ сокрушенно покачалъ головой.

— Ты догадываешься, отецъ?..

Кайроль колебался. Среди вечерней тишины, изъ кухни доносилось старушечье причитанье Франсунетты.

Кайроль, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Я изслѣдовалъ тѣло, одинъ, прежде чѣмъ дать разрѣшеніе хоронить... Никакихъ слѣдовъ насилія... Преступленія тутъ не было... но... Я не знаю, какъ сказать тебѣ... Милая, это будетъ для тебя новымъ огорченіемъ... Я никому этого не говорилъ, даже священнику... Я констатировалъ начало беременности...

Дениза вскрикнула:

— Отецъ... Ты ошибаешься. Она! Она...

— Я не ошибаюсь... Она была беременна около двухъ мѣсяцевъ, что объясняетъ и этотъ несчастный случай съ нею, который тогда всѣхъ удивилъ: бѣдная дѣвочка, очевидно, была изнасилована негодяемъ... Когда она поняла свое положеніе, съ ея характеромъ, съ ея деревенскими предразсудками, съ ея страхомъ передъ матерью она, понятное дѣло, сочла себя обезчещенной и потеряла голову... Я не оправдываю ее, разумѣется, но я понимаю ее... Ея родители, которые теперь плачутъ надъ нею, избили бы ее и выгнали бы изъ дому... Она не довѣряла имъ. Отъ нихъ она не ждала помощи... Ахъ, зачѣмъ она не сказала мнѣ?!.. Я бы отстоялъ ее, защитилъ бы бѣдняжку. Я такъ жалѣю женщину, которая становится матерью въ одиночествѣ и скорби... Такая мать дважды священна... И ты, Дениза, ты также была бы на сторонѣ Фортунады...

Голова Денизы упала на плечо Кайроля — она лишилась чувствъ...

Она пришла въ себя въ кабинетѣ доктора. Кайроль и Франсунетта уложили ее на диванъ, безъ подушки, разстегнули лифъ; запахъ уксуса щекоталъ ей ноздри...

— Ну вотъ... и прошло! — нѣжно говорилъ Кайроль. — Ты слишкомъ много волновалась, бѣдняжка; ты совершенно выби-

лась изъ силъ... Молчи, не говори... А когда оправишься немного, обопрись покрѣпче на меня, и я отведу тебя въ твою комнатку...

— Я могу идти.

Она встала и пошла, шатаясь. Франсунетта шла впереди, неся свѣчу. Вскорѣ Дениза уже лежала въ постели, раздѣтая.

— Не думай ни о чемъ печальномъ... Спи, моя родная...

Кайроль нѣжно цѣловалъ волосы дочери. Она нервно вздрагивала подъ его поцѣлуями и крѣпко сжимала вѣки.

— Спокойной ночи, Низа. Я тоже пойду, лягу: я очень усталъ.

— Спокойной ночи, отецъ.

— Тебѣ лучше?

— Да, лучше... Будь спокоенъ...

Онъ ушелъ. Дениза лежала на спинѣ, вытянувъ руки вдоль тѣла, недвижная и блѣдная. Она не плакала больше и не думала о Фортунадѣ... Мысль, которую она гнала отъ себя, какъ черная пчела назойливо жужжала и кружилась вокругъ ея мозга... Нѣтъ, нѣтъ, Дениза не хотѣла допустить этой ужасной мысли, этой безформенной личинки, готовой внѣдриться въ ея мозгъ и вырости въ чудовище, которое будетъ грызть ей душу и не уйдетъ уже никогда, никогда...

А мысль не улетала, продолжала жужжать, назойливо, все съуживая круги—и вдругъ, вылившись въ словахъ, стала образомъ и овладѣла умомъ, который до тѣхъ поръ отталкивалъ ее.

Дениза соскочила съ постели; зрачки ея расширились, кожа похолодѣла; ужасъ оледенилъ ея тѣло... Зубы стучали. Руки дрожали такъ сильно, что она едва не уронила мѣднаго подсвѣчника. Она сунула ноги въ туфли, накинула шаль на тоненькую ночную рубашку и, крадучись, спустилась внизъ...

Кайроль и Франсунетта не слыхали...

Добравшись до кабинета доктора, Дениза поставила свѣчу на столъ и отыскала въ шкафу книгу.

Она лихорадочно вчитывалась въ анатомическія описанія, плохо понимая ихъ, и всматривалась въ рисунки, не походившіе ни на какіе знакомые ей предметы, внушавшіе ей только изумленіе, страхъ и отвращеніе.

Вся кровавая драма женской доли развертывалась передъ нею, всѣ тайны материнства, о которыхъ Кайроль нѣкогда сообщилъ ей лишь самое необходимое, осторожно, бережно и уважительно. Теперь, грубо раскрытое во всѣхъ своихъ деталяхъ, материнство казалось ей жестокой фантазіей извращеннаго бога,

утонченной пыткой, медлительной и безполезной, какъ китайскія пытки...

Положивъ на мѣсто книгу, Дениза взяла свѣчу, вернулась къ себѣ наверхъ, легла въ постель и укрылась съ головой одѣяломъ. Ей хотѣлось скрыться гдѣ-нибудь во мракѣ. Она отстраняла руки, чтобы не касаться своего тѣла, которое казалось ей теперь измѣнившимся, чужимъ и ненавистнымъ, какъ врагъ...

Счастливая Фортунада! Ея тайна умретъ вмѣстѣ съ нею, и чело ея увѣнчано розами непорочности. Счастливая Фортунада! Она спитъ и больше не проснется...

XXVI.

Похороны Фортунады, отчаяніе семьи Бранду, сочувствіе и огорченіе односельчанъ—на все это Дениза смотрѣла какъ-то издали... Въ этой благородной душѣ, всегда принадлежавшей всѣмъ и каждому, не находилось теперь мѣста для сочувствія чужому горю.

Какой помощи ждать отъ другихъ? Сегодня безсильные помочь, завтра враги—что̀ они для нея? Они исчезли съ горизонта ея мысли. Она одна въ цѣломъ мірѣ и можетъ ждать спасенія только отъ случая. Умъ ея всячески изгибается и изощряется, подстерегая малѣйшія разстройства въ тѣлѣ. Въ результатѣ получается какое-то странное раздвоеніе: Денизѣ кажется, что это тѣло—не она, но ея неразлучный спутникъ, который предалъ ее, котораго она ненавидитъ и въ то же время не властна надъ нимъ...

Прежде она совсѣмъ не думала о немъ, безсознательно наслаждаясь гармоніей своей физической жизни. Какъ красивыя, очень чистыя дѣти, она почти игнорировала свое тѣло, не дававшее ей ни наслажденій, ни страданій, ни желаній... Не знала хорошенько даже его формы, такъ какъ привычки строгой гигіены, привитыя ей докторомъ Кайролемъ, уживались въ ней съ стыдливой скромностью монахини. А теперь для нея было непреодолимой и въ то же время мучительно-стыдной потребностью неотступно слѣдить за этимъ тѣломъ, покорнымъ роковымъ законамъ пола, принимающимъ въ себя и развивающимъ зародышъ жизни, пассивно, какъ земля выращиваетъ сѣмя.

Порой, съ свирѣпымъ любопытствомъ, вытѣснявшимъ стыдъ, она разсматривала свое тѣло, крѣпкое, бѣлое, цвѣтущее, еще

сохранившее свои дѣвственныя линіи, еще не выдавшее своей тайны — и потомъ подолгу плакала... Она подстерегала ощущеніе нездоровья, обычнаго, нормальнаго, которое, казалось ей, каждую минуту могло и должно было наступить. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, она пугалась, чувствуя другія боли, которыя она настойчиво объясняла себѣ просто-напросто нервной реакціей, вполнѣ естественной послѣ столькихъ потрясеній, пережитыхъ за послѣдніе мѣсяцы...

Она спрятала въ своей комнатѣ книгу, взятую изъ библіотеки доктора, и каждый вечеръ жадно перелистывала ее. Потребность удостовѣриться отгоняла отвращеніе; но ей не все было понятно. Физіологически ставшая женщиной, быть можетъ—матерью, морально она все еще оставалась дѣвушкой. Ночь въ Арлѣ, промелькнувшая какъ лихорадочное видѣніе больного, не оставила въ ней сколько-нибудь отчетливыхъ воспоминаній... Ей смутно припоминались смутныя ощущенія, вѣрнѣе — полное отсутствіе ощущеній... Ни радости, ни боли—какое-то особенное несказанное волненіе... Ничего не могло быть цѣломудреннѣе этой отдачи всей себя... И потому Дениза не могла еще соединить въ своемъ воображеніи образъ Жана съ мыслью о возможномъ материнствѣ. Самая мысль о материнствѣ не будила въ ней материнскаго инстинкта. Она не думала о ребенкѣ, который, можетъ быть, родится у нея, а можетъ-быть и не родится... Она думала только объ ужасѣ ожиданія и ежедневнаго разочарованія. И не хотѣла думать ни о чемъ другомъ.

Каждое утро, просыпаясь, она говорила себѣ:

„Сегодня будетъ то, чего я жду, и я успокоюсь. Не можетъ быть, чтобъ *это* было... Живи я съ мужемъ, ну, я понимаю, я могла бы имѣть ребенка, но такъ... Я, навѣрное, ошибаюсь... Просто внушила себѣ это... Это — совершенная нелѣпость“...

Она опять стала усердно заниматься хозяйствомъ. Кайроль и Франсунетта только дивились, гляля на нее. Работа ее не утомляла; никакая пища не вызывала у нея тошноты. Она была совсѣмъ такая же, какъ и всегда... Только иной разъ закружится голова, ни съ того, ни съ сего выступитъ испарина на вискахъ и на ладоняхъ, или вдругъ захочется спать...

— Это ничего не доказываетъ, — увѣряла себя Дениза. — Со всѣми бываютъ головокруженія, приступы сонливости...

Такъ проходило утро. Но послѣ обѣда, когда Дениза принималась шить, читать или гуляла одна въ саду, ее внезапно охватывалъ страхъ... Она блѣднѣла, ноги ея подкашивались, дыханіе спиралось въ груди... Ей казалось, что она испытываетъ

симптомы, о которыхъ говорится въ книгѣ... Тогда она поднималась въ свою комнату, запирала дверь на задвижку и въ медицинскихъ описаніяхъ, въ рисункахъ анатомическаго атласа искала основаній для надежды или отчаянія... Она быстро срывала съ себя платье, разсматривала свою грудь, животъ... И иногда ложилась на кровать и, въ полумракѣ спущенныхъ шторъ, безъ слезъ стонала: „Боже... Боже...", раздавленная чувствомъ своего непостижимаго и незаслуженнаго позора. Что дѣлать?.. Ждать— чего?.. Каждый часъ приближалъ катастрофу... Что бы она ни дѣлала, Кайроль узнаетъ... И эта мысль, что отецъ узнаетъ объ ея стыдѣ, была такъ ужасна для Денизы, что она ногтями и зубами впивалась въ подушку, чтобы заглушить свои крики... Нѣтъ, онъ не долженъ знать...

Умереть?

Фортунада умерла, а Кайроль все равно узналъ.

Настало время, когда она больше уже не могла сомнѣваться. Она пополнѣла въ таліи, темные круги легли вокругъ глазъ. Волосы утратили прежній блескъ. И оттѣнокъ кожи измѣнился. Все тѣло ея переживало расцвѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжное увяданье...

И характеръ ея измѣнился: она стала неуравновѣшенной, боязливой. Она то сердилась, то плакала безъ причины, а по временамъ на нее находили приступы мрачной угрюмости.

Она подолгу стояла на кладбищѣ, на колѣняхъ въ высокой травѣ, передъ могилой Фортунады, на которой увядали хризантемы.

Дерево мертвыхъ, старый орѣшникъ стоялъ совсѣмъ безъ листьевъ; сквозь черный переплетъ его вѣтвей виднѣлись фіолетово-синіе и красные клочки ноябрьскаго пейзажа. Подъ свинцовымъ небомъ стаи птицъ вытягивались черными треугольниками, утончавшимися къ концу и изгибавшимися, какъ хвосты бумажныхъ змѣевъ. Сѣверный вѣтеръ уносилъ вдаль ихъ дикіе крики.

Дениза поднималась, вся дрожа, охваченная тѣмъ же желаніемъ, которое трепетало въ сильныхъ крыльяхъ, въ натянутыхъ шеяхъ перелетныхъ птицъ. Уйти отсюда. Къ свѣту, въ невѣдомыя страны, къ новымъ лицамъ, начать жизнь съизнова...

Но вокругъ нея стѣной вставали сѣрые холмы, а передъ нею разверзалась пропасть. Горизонтъ былъ закрытъ для нея, какъ и будущее. Даже ноги ея были какъ будто прикованы къ землѣ, удерживаемыя на мѣстѣ магнетическою силой притяженія мертвыхъ, которые влекли ее къ себѣ... Она снова падала на

колѣни и слышала голоса Фортунады и Жана, звавшіе ее изъ-подъ земли.

Но такъ силенъ въ ней былъ инстинктъ жизни, что онъ заглушалъ эти голоса. И она отрывалась отъ почвы кладбища, въ которую, казалось, уже вросли ея ноги, отворачивалась отъ пропасти и спѣшила укрыться подъ роднымъ кровомъ. Тогда Фортунада усаживалась передъ ней въ глубокой оконной нишѣ, а ночью Дениза слышала вздохи Жана по другую сторону стѣны...

Декабрь... У Брандунихи снова начались посидѣлки; мальчишки бѣгали по вечерамъ изъ деревни въ деревню, распѣвая. Какъ и въ прошломъ году, Дениза работала въ столовой возлѣ печки, глядя, какъ отъ раннихъ зимнихъ сумерекъ блѣднѣли кисейныя занавѣски на окнахъ, когда зажигали лампу.

Она еще не приняла никакого рѣшенія. Страшная усталость, физическая и моральная, держала ее въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Теперь она страдала меньше, такъ какъ временно въ ней притупилась способность страдать.

Но въ половинѣ декабря, когда материнство Денизы стало уже не только теоретической увѣренностью, но и ощутительной реальностью, когда тѣло ея преобразилось и она стала ощущать движенія ребенка, она словно воскресла изъ мертвыхъ и стала прежнею Денизой, съ ея прежнею душою, правдивою, мужественною и покорною жизни. Она перестала надѣяться на капризъ природы, который можетъ принесть ей избавленіе. Сознаніе своей отвѣтственности, готовность выполнить свой долгъ вернули ей силы для будущихъ испытаній.

Она начала думать уже не о себѣ и даже не объ отцѣ, а о ребенкѣ. Начала создавать его въ своемъ воображеніи, какъ создавала въ своей плоти; надѣлила его формой и чувствительностью. Материнская любовь, дремавшая въ ней съ самой ранней юности, нежданно залила всю ея душу, своимъ сіяніемъ заглушила боль и въ огнѣ своемъ сожгла эгоизмъ.

Мать... Еще недавно Дениза со страхомъ и отвращеніемъ, съ ненавистью глядѣла на свое оплодотворенное тѣло; теперь оно стало для нея священнымъ. Она дотрогивалась до него съ благоговѣніемъ. Она не могла допустить, чтобъ оно стало менѣе чистымъ, чѣмъ прежде, это тѣло, познавшее въ любви только физическую жертву. Она забыла ночь въ Арлѣ, забыла Жана. Ей казалось, что ея дѣвственность какимъ-то чудомъ превратилась въ материнство. И еслибъ она не думала, что причинитъ страданія Кайролю, не смотря на все, она была бы счастлива...

Но возлѣ нея былъ Кайроль... И, думая о немъ, Дениза снова чувствовала себя истерзанной, раздавленной, утрачивала мужество...

Это былъ не благородный отецъ изъ комедіи. Онъ не станетъ читать своей опозоренной дочери напыщенныхъ тирадъ о чести имени, не прогонитъ ее красивымъ жестомъ, изъ дому, вмѣстѣ съ ея незаконнымъ ребенкомъ... Не смотря на его привязанность къ традиціямъ, не смотря на его культъ семьи, Кайроль полонъ состраданія къ женщинѣ и матери.

Сколько разъ онъ говорилъ, что почтительно кланяется каждой беременной женщинѣ, какъ это дѣлали древніе римляне во времена республики, не спрашивая, законный у нея ребенокъ или незаконный. Всякія шутки насчетъ материнства его раздражали, какъ глупость и подлость. На его взглядъ никакое произведеніе искусства не могло сравниться съ юной матерью, которая кормитъ своего первенца...

Онъ, всегда вступавшійся за обольщенныхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, бравшій на себя роль посредника, чтобы выпросить у родителей прощеніе обманутой и брошенной дѣвушкѣ, десятки разъ оплачивавшій изъ собственнаго кошелька убогое приданое ребенка, у котораго не было отца,—онъ, жалѣвшій о томъ, что не могъ защитить и спасти Фортунаду, — онъ не оттолкнетъ своей дочери: онъ спасетъ и ее.

Но цѣною какихъ страданій, какого крушенія своей отцовской гордости, своего довѣрія и нѣжности...

„Я должна сказать ему. Надо сказать — думала Дениза, оставаясь одна.—Иначе, настанетъ день, когда онъ самъ догадается о нашемъ несчастіи... Если я сама приду къ нему смиренно просить прощенія, это смягчитъ его, хоть и не ослабитъ удара...“

Но когда послѣ обѣда, въ часы интимныхъ изліяній, она оставалась наединѣ съ Кайролемъ, когда она смотрѣла на доброе, честное лицо отца, на сѣдые волосы надъ выпуклымъ лбомъ, на большой добрый ротъ подъ свисавшими внизъ усами, она говорила себѣ: „Я не могу... Мнѣ легче умереть...“

Тѣмъ не менѣе, однажды вечеромъ, она сказала...

Въ рабочемъ кабинетѣ съ зелеными обоями пылалъ каминъ. Кайроль, просматривавшій медицинскіе журналы, неожиданно поднялъ глаза на Денизу, пристально вглядываясь въ нее.

Сидя въ креслѣ, поставивъ локти на колѣни и опершись

подбородкомъ на руки, она смотрѣла въ огонь, и отблески его озаряли ее всю трепещущими отсвѣтами и тѣнями.

— О чемъ задумалась, милая?

— Ни о чемъ...

— Неправда, ты озабочена; я отлично это вижу... Ахъ, Дениза, неужели же ты никогда не утѣшишься?

И, понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Я знаю тайну твоего сердца, бѣдная моя дѣвочка. Я потому только до сихъ поръ никогда не говорилъ о ней, что уважаю твое горе... Тѣхъ, кого мы любили и утратили, мы оплакиваемъ, чтимъ ихъ въ своемъ воспоминаніи; но жить мы обязаны для живыхъ... Мертвые мертвы, Дениза; нельзя же смотрѣть все только на могилы... Передъ тобою жизнь... Она можетъ еще быть хорошей и красивой, если ты мужественно взглянешь ей въ лицо. Согласись только быть счастливой. Я помогу тебѣ... Это не невозможно.

— Это невозможно.

— Какъ ты это говоришь!..

— Отецъ... ты думаешь, что знаешь... ты думаешь...

Она склонила голову, и столько тоски было во всей ея фигурѣ, что Кайроля какъ бы задѣло черное крыло, предчувствіе бѣды. Тайна его дочери, которую онъ думалъ что знаетъ, вдругъ показалась ему страшной... И онъ вдругъ сталъ бояться тѣхъ словъ, которыя она сейчасъ произнесетъ и которыя, быть-можетъ, внесутъ перемѣну въ ихъ сердца, въ ихъ отношенія, въ ихъ будущее, измѣнятъ самыя основы ихъ существованія.

Но минута слабости быстро прошла: онъ овладѣлъ собой. Взялъ руки дочери, привлекъ ее къ себѣ, совсѣмъ близко, и началъ, серьезно и торжественно:

— Дениза, довольно ты молчала. Пора сказать мнѣ, безъ увертокъ, безъ утайки, то, что у тебя на душѣ и чего я не угадываю.

У нея вырвалось рыданіе.

— Это слишкомъ, слишкомъ будетъ тяжело, и для тебя, и для меня... Отецъ... О, отецъ!

— Твой отецъ, да,—и твой другъ, и твой защитникъ... Зачѣмъ же ты его боишься? Если даже ты сдѣлала что-нибудь дурное, онъ будетъ менѣе строгъ къ тебѣ, чѣмъ ты сама... Будь же мужественна... Будемъ мужественны...

Какъ молнія въ темномъ небѣ, снова въ душѣ его шевельнулось предчувствіе, предвѣстіе близкой бѣды... Онъ пробормоталъ:

— Это имѣетъ отношеніе къ Жану Фавьеру?

— Да.

— Я такъ и думалъ... Ты поступала необдуманно, не правда ли... Ты писала ему письма... Ихъ нашли... Тебя это тревожитъ?

Въ своей наивности, онъ не могъ придумать ничего болѣе компрометтирующаго, чѣмъ ребяческая исторія съ письмами...

— Нѣтъ,—отвѣтила Дениза,—всѣ мои письма мнѣ возвращены.

— Имъ самимъ?

— Его старой служанкой; онъ велѣлъ ей.

— Она тебѣ прислала ихъ... потомъ?..

— Да... потомъ...

— И никто не знаетъ о вашей... привязанности?

— Никто.

— Тогда чего же ты боишься?

— Всего...

— Какъ всего?.. Что это значитъ?.. Говори... Да говори же...

Она стояла; онъ держалъ ее за кисти рукъ и, самъ того не замѣчая, стиснулъ ихъ изо всей силы. Гнѣвъ закипалъ въ его крови. Въ философѣ, во врачѣ пробуждался мужикъ, еще пропитанный старой догмой о незыблемости отцовскаго авторитета.

— Говори.

— Такъ я не могу...

— Ты боишься меня?

— Да...

— Дениза!

Онъ выпустилъ полураздавленныя руки... Дениза, почти всей своей тяжестью навалившаяся на него, упала на колѣни и больше ужъ не поднималась. Кайролю стало стыдно своей вспышки... Видъ его дочери, униженной, у его ногъ, блѣдной и больной, разсѣялъ его гнѣвъ.

Онъ отошелъ къ столу и съ силой оттолкнулъ ногою стулъ. Облегчивъ себя этимъ рѣзкимъ движеніемъ, онъ вернулся къ Денизѣ.

— Ну, полно... не надо терять голову... Оба мы, по всей вѣроятности, сильно преувеличиваемъ важность случившагося... Поди сюда, моя малютка... Давай опять говорить по хорошему... Прости меня за мою вспышку.

Онъ усѣлся.

— Приди ко мнѣ.

Она не вставала съ колѣнъ.

— Ты не хочешь... Хочешь стоять передо мною какъ преступница... Дѣвочка моя, положи головку вотъ сюда, мнѣ на плечо... и скажи мнѣ тихонько на ушко. Ты любила Жана?

— Онъ любилъ меня.

— А ты... ты?

— Я думала...

— Ты думала, что любишь... Тебѣ было жаль его?

— Да...

— А онъ хотѣлъ, чтобъ ты его любила?

— Да...

— Значитъ, я не ошибся... Почему же ты не была искренна со мною?

Она пролепетала:

— Ты поспѣшилъ бы услать его отъ насъ; ты далъ бы ему понять, что... никогда...

— Что ты никогда не выйдешь за него... Да, я заставилъ бы его это понять... Онъ огорчился бы... а потомъ утѣшился бы...

— Нѣтъ.

— Почему ты можешь знать?

— Онъ слишкомъ любилъ меня.

— Это ты слишкомъ его любила.

— Можетъ быть...

— Но за что же?.. Что въ немъ было, въ этомъ Фавьерѣ?..

— Онъ былъ такой несчастный...

— Не стоилъ онъ тебя... Нѣтъ, нѣтъ, ты никогда не увѣришь меня, что...

— Отецъ, онъ умеръ.

— Да, смерть изглаживаетъ всѣ обиды и снимаетъ всякую отвѣтственность... Разумѣется, мнѣ не слѣдуетъ сердиться на покойника... Но вѣдь зло, которое онъ тебѣ причинилъ, еще живетъ, Дениза... Ахъ, этотъ Фавьеръ...

— Онъ не зналъ... Онъ былъ такъ счастливъ этой надеждой, такъ вѣрилъ въ мое обѣщаніе... Онъ такъ трогательно старался выздоровѣть... Не обвиняй его. Я одна грѣшна передъ тобой... Я одна отвѣтственна...

— Но что же, наконецъ, было между вами?.. Ты говоришь объ „обѣщаніи"...

Спрятавъ лицо на могучей груди отца, въ которой молотомъ стучало сердце, она призналась, что втайнѣ обручилась съ Жаномъ.

— Такъ, значитъ, ты любила его?

— Это была не настоящая любовь... Я втянулась въ это какъ-то незамѣтно, силою вещей... Я знала, что обрученіе наше

фиктивное, что я никогда не стану женою Жана... Онъ тѣшился иллюзіей, а я давала ему эту иллюзію, какъ милостыню.

— Ты лгала и ему, какъ лгала мнѣ.

— Не говори такъ.

— Онъ зналъ, что я не отдалъ бы тебя ему... Онъ отлично зналъ мои понятія о бракѣ... Значитъ, онъ сознательно разыгрывалъ эту гнусную роль...

Чтобъ оправдать Денизу, докторъ винилъ Жана...

— Не говори такъ о немъ. Ты несправедливъ. Онъ хотѣлъ просить у тебя моей руки; я убѣдила его подождать... И ты же самъ увѣрялъ его, что онъ выздоровѣетъ... Ты тогда обманывалъ его, по добротѣ души... Отецъ, ты самъ сказалъ: мертвые мертвы. Не будемъ говорить о Жанѣ... Я одна виновата, я одна...

— Ты лгала мнѣ, столько мѣсяцевъ... Ты могла мнѣ лгать... А я такъ довѣрялъ тебѣ, я звалъ тебя своимъ „другомъ"... Ты смотрѣла на меня такими чистыми глазами; ты не краснѣла, когда я садился между тобою и Фавьеромъ... А я въ то время уже терялъ тебя... и совсѣмъ потерялъ... У тебя уже не та душа...

Онъ вдругъ снова разсердился.

— Что же произошло, когда вы снова свидѣлись, когда ты ѣздила въ Провансъ?.. Отвѣчай... Твое молчаніе такъ для меня помучительно... Я готовъ предположить самое нелѣпое... Не позволяй же мнѣ думать объ этомъ... Говори...

Гнѣвъ его вдругъ упалъ:

— Дениза! Умоляю, говори... Что бы ты ни сказала, я буду страдать меньше, чѣмъ сейчасъ, ожидая... и подозрѣвая... Я буду добръ къ тебѣ, я буду ласковъ... Сжалься надо мною... успокой меня... Я всегда обожалъ тебя... Я не хотѣлъ бы даже мыслью оскорбить тебя... Дѣвочка моя...

Онъ весь дрожалъ. Дениза обняла его.

— Отецъ... Я не могу сдѣлать такъ, чтобы ты не страдалъ... Не могу... Это слишкомъ жестокая кара... Я готова на всякое искупленіе, но только не это—только не твое горе... Отецъ... Отецъ...

— Дѣвочка моя... Дитя мое... Что ты сдѣлала?..

— Я несчастна... Нѣтъ женщины несчастнѣе меня... У меня нѣтъ больше силъ... Я умираю... Не добивай меня... Отецъ... Отецъ... Спаси меня...

Этотъ призывъ на помощь прозвучалъ такъ, что у Кайроля вся душа перевернулась.

— Я спасу тебя, моя родная... Но отъ чего спасти?... Что угрожаетъ тебѣ?.. Какая опасность?..

— Ты простилъ бы Фортунаду, еслибъ она была твоею дочерью... Ты самъ сказалъ... Ну вотъ...

Онъ понялъ:

— Ты... ты... ты...

Слово проклятія не сорвалось съ его устъ. Онъ не дѣлалъ трагическихъ жестовъ; но лицо его такъ побѣлѣло, что сѣдые волосы и усы теперь казались темными... Какой-то странный холодъ пробѣгалъ по его тѣлу, въ глазахъ мутилось, полъ уходилъ изъ-подъ ногъ... Среди безмолвія, все выше росла волна великой скорби... Кайроль чувствовалъ: вотъ-вотъ она захлеснетъ его, и все еще надѣялся уйти отъ нея... Это кошмаръ... онъ спитъ... сейчасъ проснется.

Но пробужденія не было... И волна захлестывала...

Что это за женщина стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ и кричитъ какія-то непонятныя слова, и наваливается на него всею тяжестью—такою тяжкой, что она раздавливаетъ ему сердце?.. Съ искаженнымъ лицомъ, вся какая-то разбухшая подъ широкимъ чернымъ платьемъ, она похожа на Денизу, постарѣвшую, больную, но это не Дениза... Кайролю не вѣрится, чтобъ это была Дениза... Ему хотѣлось бы уйти отъ нея, стряхнуть ее съ себя... Она поднимаетъ голову, которую огонь въ каминѣ освѣщаетъ снизу. Верхняя часть лица въ тѣни, и это уродуетъ его. Но женщина говоритъ:

— Отецъ...

Это Дениза... Измученная, загрязненная—ибо она кажется ему опозоренной въ эти минуты, когда его инстинктъ мужчины и отца господствуетъ надъ разумомъ... Но все-же онъ не отречется отъ нея. Какъ она цѣпляется за его платье, какъ кричитъ: „Спаси меня!“, какъ ея руки горячи и цѣпки... Если Кайроль встанетъ съ кресла, она потащится за нимъ... Такъ плодъ виситъ на вѣткѣ, которая ростила его и питала своимъ сокомъ. Никогда Кайроль не разомкнетъ этихъ рукъ, судорожно обнимающихъ его колѣни, никогда не сброситъ съ себя бремя этой жизни, рожденной отъ его жизни... И еслибъ даже ему хотѣлось оттолкнуть ее, руки его, сами собою, противъ его воли, сдѣлаютъ иной, отцовскій жестъ, берущій подъ защиту.

Кто-то стонетъ... Къ рыданіямъ, къ безсвязнымъ признаніямъ примѣшивается имя Фортунады.

— Я умерла бы, какъ она, еслибъ не вѣрила въ тебя... Спаси меня. Спаси насъ... Ребенокъ не виноватъ... спаси его...

Кайроль плачетъ.

XXVII.

Тусклый разсвѣтъ словно не смѣлъ проникнуть сквозь занавѣси. На столѣ догорала свѣча; небольшой огонекъ, вровень съ бумажной оберткой, едва мерцалъ, потускнѣвшій отъ сѣроватаго тумана, мало-по-малу смѣнявшаго ночную тьму.

Дениза шевельнулась на кровати. Кто-то подошелъ къ алькову. Она почувствовала на себѣ чей-то взглядъ и приподняла на подушкѣ голову, отяжелѣвшую отъ мигрени.

Щеки ея со вчерашняго дня уже успѣли исхудать; отъ огромныхъ синяковъ подъ глазами скулы казались слишкомъ выдавшимися; глазныя яблоки, съ кровавыми прожилками, просвѣчивали сквозь влажныя рѣсницы. Двойной свѣтъ—занимающагося сѣраго утра и желтоватаго пламени свѣчи—рѣзалъ эти бѣдные глаза, которые уже устали плакать.

— Это я — пробормоталъ Кайроль. — Мнѣ было слишкомъ тяжело одному въ своей комнатѣ... Ты можешь выслушать меня?

— Да.

— Ты, должно быть, совсѣмъ разбита?

— Да.

— Можетъ быть, ты предпочитаешь, чтобы я потомъ сказалъ тебѣ, что̀ я рѣшилъ?

— Нѣтъ, лучше сейчасъ.

Онъ присѣлъ на край кровати.

— Я не стану упрекать тебя. Къ чему?.. И не стану плакать... Что пользы плакать и обвинять, когда случившагося не повернешь... Я не упрекалъ тебя вчера, хотя былъ страшно потрясенъ; не стану упрекать и сейчасъ, когда я за ночь успѣлъ обдумать... Будь спокойна...

— Ты прощаешь мнѣ?..

— Я прощаю тебѣ твою ложь... Остальное прости сама себѣ, если можешь... На это нужно время... цѣлая жизнь... Забыть мы оба не забудемъ, ни ты, ни я, но будемъ жить такъ, какъ будто мы забыли... Теперь скажи мнѣ, что̀ же ты думаешь предпринять?

— Что̀ ты скажешь, то и сдѣлаю; у меня нѣтъ своей воли. Приказывай; я все исполню.

— Тебѣ нельзя дольше оставаться въ Монадузѣ: я рѣшилъ отправить тебя въ Парижъ, на попеченіе твоего дяди. Онъ тоже отчасти виновникъ нашего несчастья... Я, само собой, останусь

здѣсь; у меня свои обязанности передъ больными... и мы не такъ богаты...

— Я не прибавлю тебѣ новой тяготы, отецъ. Я буду работать...

— Что же ты можешь дѣлать?.. Ты не знаешь никакого ремесла...

— Мужественная женщина всегда можетъ прокормить себя... и своего ребенка.

Кайроль пожалъ плечами.

— Пока я живъ, ты не будешь ни въ чемъ нуждаться. Послѣ моей смерти, у тебя будетъ ровно столько, чтобы прожить въ обрѣзъ, не болѣе и не менѣе. Что касается... ребенка... я думаю, что тутъ незачѣмъ загадывать далеко впередъ...

Дениза взволновалась.

— Почему? Я не брошу его.

Она вышла изъ своего отупѣнія, провела рукой по глазамъ, почти ослѣпшимъ отъ слезъ.

— Кто тебѣ велитъ бросать его? Ты будешь нести... мы будемъ нести... всѣ послѣдствія твоей... слабости... Если онъ будетъ жить, мы помѣстимъ его въ надежныя руки, а потомъ возьмемъ къ себѣ... Не благодари меня: это нашъ долгъ; иначе мы поступить не можемъ...

— Мой долгъ, но не твой...

— Нашъ.

— Дѣвушка въ мои годы сама отвѣчаетъ за свои поступки...

— Мнѣ слѣдовало лучше тебя знать и лучше слѣдить за тобой... Не спорь... Нѣтъ... Достаточно объ этомъ...

Въ голосѣ его не было нѣжныхъ нотъ. Онъ былъ спокоенъ, сухъ, порою повелителенъ...

— Я сказалъ: „если ребенокъ будетъ жить“; но я не думаю, чтобы онъ жилъ... Тебѣ не мѣшаетъ это имѣть въ виду заранѣе: дѣти такихъ больныхъ не крѣпки... Если даже онъ и выживетъ, онъ будетъ слабенькимъ и хилымъ... Это уже само по себѣ кара для женщины, его зачавшей... Ты вѣдь была воспитана не такъ, какъ молодыя буржуазки, которымъ набиваютъ голову романтизмомъ и всякими предразсудками. Ты знала, что кроется подъ такими словами, какъ „любовь“, „бракъ“, „материнство“... Я говорилъ тебѣ, въ чемъ заключаются обязанности женщины передъ ея расой... Другія, которыя даютъ увлечь себя и даютъ жизнь вырождающимся дѣтямъ, имѣютъ оправданіе въ своемъ невѣдѣніи... У тебя не было этого оправданія...

Она возразила:

— Я знаю, въ чемъ моя вина... И искуплю ее... но мой ребенокъ долженъ жить.

— Что онъ будетъ представлять собой, этотъ ребенокъ?

— Здоровое или больное, это будетъ мое дитя... Я хочу, чтобъ оно жило. Я вся ему отдамся. Я спасу его своей любовью... Я сильна, здорова; во мнѣ течетъ чистая кровь—мой ребенокъ будетъ жить. Я хочу, чтобы онъ жилъ...

— Когда-нибудь ты вспомнишь мои слова...

— Я готова слушать всякіе укоры, даже оскорбленія... Но это... это предсказаніе смерти... оно возмущаетъ меня... Я не хочу этого слышать... Не повторяй его...

Сидя на кровати, страшно взволнованная, она ломала руки.

— Нѣтъ... нѣтъ... только не это... Я хочу, чтобы онъ жилъ... Ты, ты ненавидишь его, отрекаешься отъ него заранѣе... Но я—я мать... Ты не можешь сдѣлать такъ, чтобъ я не была матерью...

— Бѣдная ты, бѣдная!—сказалъ Кайроль.

Въ эту минуту ему было глубоко жаль ея... Онъ зашагалъ по комнатѣ, сгорбившись, понуривъ голову, и Дениза вдругъ замѣтила, что онъ по-старчески волочитъ ноги. Тяжкій ударъ словно пригнулъ его къ землѣ, и ему никогда уже не выпрямиться...

За одну ночь онъ сталъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ.

Онъ снова подошелъ къ кровати. Дениза прикрыла рукой глаза. Кайроль молча смотрѣлъ на нее, думая о томъ, что передъ нимъ больная, а онъ—врачъ. У него просились на уста вопросы, но онъ не смѣлъ ихъ выговорить.

— Ты увѣрена... относительно твоего положенія?..

— Увѣрена.

— Уже... три мѣсяца?..

— Да...

— Не пугайся. Не нервничай. Я говорю какъ врачъ... Долженъ же я лечить тебя. Что ты чувствуешь?..

Она пролепетала:

— Нѣтъ... не ты... я не смѣю говорить объ этихъ вещахъ... съ тобой... Мнѣ стыдно...

Болѣзненная потребность знать боролась съ отцовской стыдливостью... Кайроль смотрѣлъ на тѣло дочери, скрытое подъ одѣяломъ, и угадывалъ, что оно стало крупнѣе, шире, уже немного изуродовано...

— Ну, будетъ!—сказалъ онъ.—Теперь надо думать только о твоемъ здоровьѣ. Не плачь больше. Будь спокойна, дочь моя...

XXVIII.

Альберъ Лапейри ждалъ извѣстій въ маленькой комнаткѣ, выкрашенной масляной краской, съ лакированной мебелью, рѣзко освѣщенной большимъ окномъ до полу.

Пріютъ для рожениць, которымъ завѣдывала женщина-врачъ, Марѳа Кузьмина, скромно бѣлѣлъ среди деревьевъ и кустовъ сирени, шиповника и боярышника, которые лѣтомъ окружали его цвѣтами, не преграждая доступа свѣту. За рѣшоткой высились тополя набережной Четвертаго Сентября, и Сена, сѣрая подъ сѣрымъ небомъ, обнимала зеленые острова, отражала въ себѣ арки Булонскаго моста и склоны Сенъ-Клу.

Вошла докторша, въ своемъ холщевомъ передникѣ. Маленькая, съ выпуклымъ лбомъ и блѣдными глазами, съ кроткой улыбкой и молочнымъ цвѣтомъ лица русской блондинки, она казалась очень юной.

Лапейри спросилъ:

— Кончено?

— Нѣтъ. Только начинается...

— И продлится?...

— Кто можетъ это знать!

— Два часа, или двѣнадцать?

Кузьмина улыбнулась.

— Скорѣе двѣнадцать, чѣмъ два, и даже навѣрное больше двѣнадцати.

— Это ужасно!

— Это вполнѣ нормально.

— Но все идетъ хорошо?

— Все идетъ хорошо—для матери.

— Ребенокъ живъ?

— Да, конечно, но онъ будетъ крохотный, и сердечко его бьется слабо... Быть можетъ, мы и спасемъ его.

Лапейри вздохнулъ.

— Надо ли желать этого?.. Я не знаю...

— Чахотка не наслѣдственна, но сынъ и внукъ чахоточныхъ рискуетъ въ свою очередь получить чахотку... И если онъ выростетъ, его дѣти, какъ онъ, будутъ намѣченными жертвами для этого бича... Они отравятъ расу...

— Вы говорите какъ Кайроль.

— Докторъ Кайроль—врачъ: онъ не можетъ лелѣять иллюзіи относительно здоровья своего будущаго внука...

— Жестоко было съ его стороны сказать это дочери.

— Чтобы подготовить ее къ новому несчастью.

— И чтобъ наказать ее.

Докторша запротестовала:

— Нѣтъ, нѣтъ. Я видѣла доктора Кайроля, когда онъ, по вашему совѣту, привезъ ко мнѣ свою дочь. Мы долго говорили съ нимъ. Онъ больше огорченъ, чѣмъ сердитъ... Я понимаю его состояніе. Слабость его дочери кажется ему измѣной... Но въ то же время онъ хочетъ взять на себя свою долю отвѣтственности...

— Однако, это изъ-за него она теперь мучится угрызеніями совѣсти. Вы помните, въ какомъ она была тупомъ отчаяніи, когда мы привезли ее сюда.

— Она, дѣйствительно, мучилась упреками совѣсти... изъ-за ребенка...

— Теперь она стала гораздо спокойнѣе... въ послѣднія недѣли.

— И знаете почему?

— Потому что избавленіе уже близко, и она примирилась съ рискомъ потерять ребенка...

— Наоборотъ... По мѣрѣ того какъ близится срокъ, она все больше убѣждаетъ себя, что мы всѣ обманываемъ ее, что ребенокъ будетъ жить. Ея материнскій инстинктъ возмущается противъ зловѣщихъ предсказаній. Она черпаетъ вѣру въ безконечной нѣжности, которую она уже питаетъ къ своему ребенку... И въ то же время—это покажется вамъ страннымъ—никогда не упоминаетъ объ отцѣ... Да вправду ли она любила его?

— Кто можетъ это знать?

— Если и любила, то начинаетъ забывать... Вся ея любовь отдана ребенку... Она шьетъ и вышиваетъ для него; проситъ у меня хорошихъ книгъ, ищетъ въ нихъ глубокихъ и прекрасныхъ мыслей; любуется красивыми цвѣтами, красивыми дѣтьми. И всѣми силами воли старается не чувствовать себя несчастной, чтобы не повредить ребенку.

— Какимъ разочарованіемъ для нея будетъ, если...

— Мнѣ жутко даже думать объ этомъ—сказала Кузьмина. Вѣки ея покраснѣли; блѣдно-голубые глаза словно заволоклись слезами.

— Какая это трагическая исторія!—выговорила она съ волненіемъ, тронувшимъ Лапейри.—Поистинѣ, нужно учить больныхъ ихъ обязанностямъ по отношенію къ здоровымъ: должны же они уважать чужую жизнь... Вашъ крестникъ совершилъ преступленіе...

— Безсознательно...

— Мужчина боится смерти; женщина боится мужского страданія. Жалость становится сообщницей эгоизма... А безвинныя дѣти изъ-за этого отъ рожденія обречены на несчастье...

— Кто страдаетъ, тотъ всегда будетъ эгоистомъ; кто любитъ, тотъ всегда будетъ слабымъ... Женщина, лишенная любви и дѣтей, если сердце ея полно черезъ край неиспользованной нѣжностью, всегда понесетъ ее обездоленнымъ.

Докторша возмутилась.

— Я вовсе не хочу упразднить жалость; я только хочу, чтобъ она умѣла предвидѣть будущее... Вы думаете, я не сочувствую всякому страданію, физическому и моральному? Женщина-врачъ, съ душой, не знающею жалости, была бы чудовищемъ... Въ женской душѣ живетъ источникъ жалости и состраданія, бьющій широкою струей для всѣхъ несчастныхъ... Но эта жалость ни въ какомъ случаѣ не должна переходить въ любовь...

— Ни въ какомъ случаѣ... Вы такъ увѣрены въ себѣ?

— Вполнѣ увѣрена.

— Вы не испытывали себя?

— Почемъ вы знаете? Можетъ быть, и испытывала, и справилась съ собой... Отъ подобныхъ сентиментальныхъ увлеченій меня охраняетъ...

— Ваша опытность врача?

— Моя любовь къ дѣтямъ. Лучше ужъ отказаться отъ брака и семьи, чѣмъ давать жизнь дегенератамъ...

— Вы не изъ тѣхъ, кто не можетъ жить безъ любви.

— Я была бы хорошей женой... По крайней мѣрѣ, старалась бы ею быть... Хотите повидать мадамъ Денизу?

— Очень хочу.

Кузьмина застегнула передникъ и легкой поступью, ловкая, проворная, рѣшительная, повела Лапейри по лѣстницамъ и коридорамъ. Навстрѣчу имъ попадались надзирательницы, съ грудными дѣтьми на рукахъ.

— Это уже „большія“—пояснила Кузьмина.—Имъ по три, по четыре мѣсяца. Они здѣсь потому, что ихъ мамаши не спѣшатъ выздоровѣть...

— Вы всѣхъ ихъ любите?

— Всѣхъ люблю.

Она казалась такой юной, съ своею тоненькой фигуркой и пепельными волосами, что Лапейри подумалъ:

„Нѣтъ, она не изъ тѣхъ, которыя легко влюбляются, но

все-же это—женщина, не смотря на всѣ свои дипломы... Дениза—въ хорошихъ рукахъ...“

Дениза вязала дѣтскую кофточку, сидя въ креслѣ, у пустой колыбели. Комната, выкрашенная клеевой краской, была цвѣта подснѣжника, зеленовато-бѣлаго, пріятнаго для глазъ и успокаивающаго нервы. Занавѣси съ узоромъ изъ листьевъ, узкая кровать, циновки на полу, все это сливалось въ стройную гамму цвѣтовъ, гдѣ преобладало бѣлое съ зеленымъ. И пустая колыбель, окутанная кисеей, стояла посрединѣ этой комнаты, какъ бѣлое яйцо въ гнѣздѣ изъ блѣдныхъ тростниковъ.

Длинная коса Денизы, не заколотая, лежала на пеньюарѣ. Похудѣвшее лицо съ болѣе тонкимъ, чѣмъ прежде, оваломъ, потупленные глаза и серьезный ротъ придавали ей видъ Мадонны, какъ ее изображали старинные художники. Что-то дѣвственное примѣшивалось къ ея материнской серьезности. Лапейри смотрѣлъ на нее съ нѣжнымъ почтеніемъ.

Ни разу изъ устъ ея не вырывалось жалобы; она принимала боль какъ выкупъ, который она обязана была заплатить судьбѣ. Всѣ ея поступки, всѣ желанія были подчинены интересу ребенка. Для него она заставляла себя быть ясной и спокойной и, принуждая себя къ этому, незамѣтно успокоивалась. Послѣ столькихъ потрясеній, испортившихъ ея характеръ, материнство вернуло ее къ глубокимъ законамъ ея природы.

Она освѣдомилась объ отцѣ, который не писалъ ей уже четыре дня. Лапейри показалъ ей письмо, полученное имъ сегодня утромъ. Кайроль сообщалъ новости: „Вейдреннъ приговоренъ въ тюрьму на пять лѣтъ... Старый метже на дняхъ умеръ... Мадлена Бранду вышла замужъ за Ліонассу изъ Бургъ д'Эрэна... Очень много больныхъ краснухой и гриппами...“

О своемъ настроеніи, о своихъ душевныхъ переживаніяхъ—ни слова. Кайроль стыдливо молчалъ о своемъ горѣ, дѣлая видъ, что примирился, и пряча подъ этимъ свое возмущеніе и свои отцовскія тревоги.

Дениза прошептала:

— Когда-то я вернусь въ Монадузъ?

Ей представился домъ съ чешуйчатою черепичной крышей, садъ, гдѣ цвѣли грушевыя деревья, рѣчка, голубоватые холмы на горизонтѣ... Жанъ Фавьеръ въ своемъ шезъ-лонгъ, мальчишки, распѣвавшіе пасхальный гимнъ... День былъ такой же, какъ сейчасъ: дождикъ сквозь солнце, небо облачное и вмѣстѣ съ тѣмъ лазурное...

Вздохъ приподнялъ ея грудь... „Мертвые да почіютъ въ мирѣ“. Взглядъ ея остановился на колыбели.

Она чувствовала въ себѣ медлительныя движенія ребенка, и ей хотѣлось бы, чтобы эта жизнь, уже стоящая подъ знакомъ угрозы, была менѣе хрупкой, бо̀льшимъ бременемъ для ея тѣла... Холодокъ страха пробѣжалъ по затылку... Она прикусила губы.

— Вамъ больно?—спросила Кузьмина.

— Нѣтъ—отвѣтила Дениза.

И тотчасъ же вскрикнула отъ острой, рѣжущей боли въ пояснпцѣ.

— Да, больно... Опять начинается.

— Ты не боишься? — спросилъ Лапейри.—Ты знаешь: для тебя это вовсе не опасно... Ты довѣряешь мадемуазель Кузьминой?

— Предупредите моего отца—отвѣтила Дениза.—Мнѣ хотѣлось бы повидать его.

Ребенокъ родился на другой день, въ сумерки. Но когда пріѣхалъ Кайроль, сынъ Жана Фавьера уже соединился со своимъ отцомъ.

И много еще дней прошло, пока Дениза, ставшая тѣнью прежней Денизы, согласилась жить—для отца.

Они уѣхали домой въ половинѣ іюня. Кузьмина плакала, прощаясь съ Денизой.

— Помните, что я вашъ другъ, и что домъ мой—вашъ... Если когда-нибудь вы останетесь одинокой, безъ обязательствъ и безъ привязанностей, пріѣзжайте ко мнѣ... Будемъ работать вмѣстѣ... Здѣсь всегда найдутся бѣдныя матери, которымъ надо помочь, и дѣти, о которыхъ надо позаботиться...

Дениза поблагодарила ее.

— Будь я одна, я и сейчасъ осталась бы у васъ. Но пока отецъ мой живъ, я буду съ нимъ. Я обязана создать ему новое счастье изъ осколковъ нашихъ жизней. Когда-нибудь, можетъ быть, и увидимся...

Старая Франсунетта вскрикнула, увидавъ Денизу: она такъ похудѣла, что ея прежнія платья висѣли на ней какъ на вѣшалкѣ. Бѣлокурая коса, сильно порѣдѣвшая, утратила свой прежній красноватый тонъ осеннихъ листьевъ и прежній шелковистый блескъ.

На другой день, когда сундуки были разобраны, вещи разложены по мѣстамъ и все въ домѣ приняло обычный видъ, Де-

низа усѣлась шить въ столовой у окна, подставивъ подъ ноги скамеечку.

Мирно тикали часы, какъ спокойное сердце стараго дома. На сѣрыхъ панеляхъ, между оленьихъ головъ, выцвѣтали въ рамкахъ старинныя литографіи. Мягко поблескивали золоченыя розы на барометрѣ.

И въ теплую тишину лѣтняго вечера врывался шумъ каскадовъ.

Дениза, роясь въ рабочемъ ящикѣ, уронила стальной наперстокъ, весь заржавленный; онъ звякнулъ, ударяясь объ полъ.

Кайроль, вошедшій въ это время въ комнату, поднялъ наперстокъ и сказалъ дочери:

— Это не твой наперстокъ.

У нея на пальцѣ былъ истертый серебряный наперстокъ, принадлежавшій ея матери и бабушкѣ. Она сняла его и надѣла другой—наперстокъ Фортунады.

Слеза скатилась по ея щекѣ. Она опустила голову и, какъ прежде, принялась усердно шить...

Перев. съ франц. З. Журавская.

ТЕОРІЯ САХАРНОЙ БОЛѢЗНИ
И ЕЯ ЛЕЧЕНІЕ [1])

Сахарная болѣзнь настолько распространена, случаи заболѣванія ею настолько учащаются, что результаты новѣйшихъ изслѣдованій о ней не могутъ не быть интересны и для не-специалистовъ. Жизнь въ современномъ обществѣ полна возбужденій, волненій, напряженнаго умственнаго труда — а на этой почвѣ особенно легко появляется діабетъ, расположеніе къ которому переходитъ и по наслѣдству. Признаки его часто замѣчаются у дѣтей раньше, чѣмъ у ихъ родителей.

Существуетъ мнѣніе, что усиленная распространенность діабета является лишь кажущейся, такъ какъ теперь чаще, нежели прежде, ставится правильный діагнозъ. Это, пожалуй, вѣрно относительно сельскаго населенія, но отнюдь не для большихъ городовъ. Чрезвычайно убѣдительны цифры берлинской статистики. Въ продолженіе 1871—75 гг. на милліонъ жителей приходилось 22 случая смерти отъ діабета у мужчинъ и 12—у женщинъ. Въ 1901—1905 гг. на каждый милліонъ насчитывается уже 207 смертныхъ случаевъ у мужчинъ и 123—у женщинъ. Аналогичныя цифры представляетъ и англійская статистика.

Свѣдѣнія объ этіологіи и сущности другихъ болѣзней систематически распространяются въ широкой публикѣ. Популяризація ученія о туберкулезѣ, сифилисѣ, тифѣ, холерѣ, маляріи и др. имѣетъ въ виду не только образованныхъ людей: въ послѣднее

---

[1]) Оригиналъ этой статьи долженъ былъ появиться въ октябрьской книжкѣ „Deutsche Revue“. Авторомъ, извѣстнымъ вѣнскимъ клиницистомъ, рукопись его работы была доставлена въ редакцію „Вѣстника Европы“, для перевода, по просьбѣ М. М. Ковалевскаго.

время стали знакомить, путемъ народныхъ чтеній, и низшіе слои населенія съ природой, симптомами, предупрежденіемъ и леченіемъ этихъ болѣзней. Это даетъ хорошіе плоды: растущая освѣдомленность населенія приводитъ паціентовъ къ врачу болѣе своевременно, научая ихъ цѣнить значеніе раннихъ мѣръ предосторожности. Все это едва-ли возможно по отношенію къ діабету, при которомъ измѣненія въ организмѣ, опредѣляющія характеръ болѣзни, несравненно сложнѣе, чѣмъ при инфекціонныхъ заболѣваніяхъ.

Организмъ восполняетъ затрату силы и обмѣнъ веществъ тремя группами питательныхъ матеріаловъ: бѣлковыми веществами (протеидами), жирами и углеводами (гидратами углерода). Подъ послѣдними понимаются какъ виды настоящаго сахара, напримѣръ сахаръ тростниковый, виноградный, фруктовый, молочный и др., такъ и всѣ виды крахмала, который составляетъ существенную основную часть всѣхъ мучнистыхъ веществъ. Крахмалъ (Amylum) есть только особая, нерастворимая въ водѣ, форма углеводовъ; уже въ желудкѣ и въ кишечникѣ онъ переходитъ въ сахаръ совершенно того же состава, какъ и тотъ, который находится въ виноградѣ и носитъ названіе винограднаго. Въ стѣнкахъ кишечника кровеносные сосуды вбираютъ въ себя сахаръ и уносятъ его непосредственно въ печень.

Всѣ три вышеназванныя группы питательныхъ веществъ служатъ для насъ источникомъ развитія рабочей энергіи, теплоты и обмѣна веществъ; но наши мускулы весьма разборчивы въ своемъ питаніи. Работающія клѣтки тѣла не воспринимаютъ всѣхъ этихъ матеріаловъ съ одинаковой легкостью: настоящая ихъ пища, которою они компенсируютъ свои затраты, это — сахаръ. Нельзя отрицать безусловно, что и другіе матеріалы могутъ быть использованы для этой цѣли; но, во всякомъ случаѣ, это происходитъ въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что на практикѣ не играетъ никакой роли и должно быть оставлено безъ вниманія въ нашихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.

Итакъ, для работающихъ органовъ сахаръ является основнымъ питательнымъ матеріаломъ и непосредственнымъ источникомъ силы. Въ виду этого, въ организмѣ должно существовать приспособленіе, которое доставляло бы работающимъ органамъ сахаръ. Этой цѣли служитъ печень. Она распредѣляетъ сахаръ и производитъ это съ такою точностью, что содержаніе сахара въ артеріальной крови, притекающей къ органамъ, при нормальномъ положеніи всегда держится на одной высотѣ (отъ 0,75 до 0,85 части сахара на тысячу частей крови).

Потребленіе сахара тканями подлежитъ чрезвычайно большимъ измѣненіямъ. При трудной физической работѣ оно, напримѣръ, въ 4—5 разъ больше, чѣмъ при покоѣ. Печень приноровляется съ величайшей гибкостью ко всѣмъ перемѣнамъ потребленія, отпуская то больше, то меньше сахара въ кровь: потребность организма въ сахарѣ регулируетъ производство его печенью. Если прибѣгнуть къ сравненію съ порядками рынка, то можно сказать, что спросъ и предложеніе вполнѣ покрываютъ здѣсь другъ друга. Сохраненіе уровня содержанія сахара въ крови на одной и той же высотѣ составляетъ важную задачу печени. Если она производитъ больше сахара, чѣмъ необходимо для обмѣна веществъ, то повышается содержаніе сахара въ крови (гипергликемія = пересахареніе крови), и часть его выдѣляется черезъ мочу, такъ какъ почки могутъ задерживать только извѣстный, небольшой процентъ сахара, циркулирующаго въ крови. Какъ только содержаніе сахара повышается сверхъ нормы, почки дѣлаются проницаемыми для сахара, и такимъ образомъ драгоцѣнный матеріалъ гибнетъ. Съ другой стороны, если печень доставляетъ слишкомъ мало сахара, мускулы испытываютъ недостатокъ въ питаніи; обнаруживаются серьезные признаки истощенія. Такое положеніе бываетъ, напримѣръ, при долго длящемся тяжеломъ физическомъ трудѣ: потребленіе сахара мускулами тогда такъ сильно повышено, что печень не можетъ поспѣть съ выработкой новаго и новаго запаса. Содержаніе сахара въ крови падаетъ; наступаютъ явленія тяжкой усталости и безсилія всего организма.

Мы должны заглянуть въ эту лабораторію сахара, которая помѣщается въ клѣткахъ печени. При этомъ мы познакомимся съ чрезвычайно остроумнымъ, но и очень сложнымъ механизмомъ.

Было уже упомянуто, что всѣ углеводы, воспринимаемые нами съ пищей, въ кишечникѣ переходятъ въ сахаръ и въ этой формѣ доставляются печени. Обыкновенно это поглощеніе и перерабатываніе происходятъ только въ опредѣленные часы дня, но большими количествами сразу. Еслибы этотъ потокъ углеводовъ прямо нахлынулъ къ печени, то тотчасъ наступило бы переполненіе крови сахаромъ; для него не нашлось бы достаточнаго примѣненія и бо̀льшая часть была бы выброшена черезъ почки. Такого рода картина и получается въ дѣйствительности, если здоровому человѣку давать чрезмѣрное количество сахара. Результатомъ является выдѣленіе сахара; вызванное такимъ путемъ, оно носитъ названіе физіологической пищевой гликозуріи. Если здоровый человѣкъ питается нормально, то этого никогда не бываетъ.

Для того, чтобы помѣшать растратѣ сахара послѣ обильнаго поступленія углеводовъ, существуетъ своеобразное предохранительное устройство. Печень воспринимаетъ весь притекающій къ ней сахаръ и вбираетъ его въ свои клѣтки. Но было бы очень трудно удержать легко растворимый сахаръ; поэтому въ моментъ поступленія въ печеночную клѣтку онъ переходитъ въ прочную, нерастворимую водой форму, которую обозначаютъ именемъ гликогенъ (т.-е. образователь сахара). Гликогенъ отлагается въ клѣткахъ печени въ видѣ маленькихъ зеренъ и крупинокъ; каждая клѣтка можетъ помѣстить сотни такихъ мельчайшихъ частицъ гликогена [1]). Это и составляетъ запасный матеріалъ. Печень накопляетъ его въ часы и дни избытка, чтобы имѣть его наготовѣ въ моментъ нужды. Тогда гликогенъ снова долженъ перейти въ растворенную форму, ибо въ твердомъ видѣ онъ не можетъ быть переносимъ кровью и доставляемъ мускуламъ. Для этого служитъ ферментъ, который всегда находится въ большомъ количествѣ въ печени, да и въ другихъ частяхъ организма. Это—діастатическій ферментъ, широко распространенный не только въ животномъ организмѣ, но и въ царствѣ растеній. Онъ играетъ видную роль во всѣхъ растительныхъ сѣменахъ и исполняетъ задачу превращенія крахмала въ сахаръ, служащаго потомъ для питанія молодого растенія, подобно тому какъ у человѣка сахаръ служитъ для питанія мускуловъ. Наиболѣе извѣстно участіе діастатическаго фермента въ процессѣ проростанія ячменя. Промышленность пользуется имъ, чтобы получить изъ ячменя солодъ, который, путемъ дальнѣйшаго броженія, превращается въ пиво. Сходство процессовъ превращенія крахмала и гликогена дало этому послѣднему названіе: животный крахмалъ.

Функціи печени не ограничиваются составленіемъ запаса углеводовъ въ формѣ гликогена и обратнымъ превращеніемъ гликогена въ сахаръ. Человѣкъ потребляетъ всевозможные питательные матеріалы и не всегда находится въ положеніи, позволяющемъ ему поглощать какъ-разъ столько углеводовъ, сколько нужно организму. Поэтому организмъ приспособился такъ, что можетъ производить сахаръ и изъ другихъ матеріаловъ. Къ нимъ принадлежатъ бѣлковыя вещества (протеиды) и жиры. Ихъ можно назвать запасными отрядами сахарнаго производства, при чемъ бѣлки являются резервомъ первой очереди, а жиры—второй. Обѣ эти группы дѣйствуютъ различнымъ образомъ. Бѣлковыя

---

[1]) Подъ микроскопомъ ихъ можно отлично разсмотрѣть, такъ какъ іодъ или карминъ даютъ имъ очень характерную блестящую окраску.

вещества производятъ немного сахара, но сильно возбуждаютъ сахаропроизводительный аппаратъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ печеночная клѣтка расщепляетъ бѣлковую молекулу, печень возбуждается къ выработкѣ сахара, и этотъ сахаръ, полученный изъ бѣлка, проходитъ тѣ же стадіи, какъ и притекающій къ печени химически переработанный углеводъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ жирами. Они представляютъ изъ себя богатый источникъ сахара, и организмъ широко пользуется этимъ, особенно у индивидовъ, которые по необходимости или по наклонности потребляютъ мало углеводовъ (напримѣръ—жители полярныхъ странъ); но даже и при смѣшанномъ питаніи средняго человѣка образованіе сахара изъ жировъ очень значительно, такъ какъ лишь немногіе ѣдятъ столько углеводовъ, сколько необходимо тканямъ организма. Но при этомъ жиръ *не* является *возбудителемъ* аппарата сахарнаго производства въ печени: послѣдній хватается за жиръ только тогда, когда никакого другого матеріала у него нѣтъ. Итакъ, углеводы и протеиды обладаютъ одинаковымъ рѣшающимъ значеніемъ въ мастерской сахара, въ противоположность жирамъ, которые подлежатъ выбору и отклоненію.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что печень въ организмѣ играетъ роль большой сахарной кухни. Какъ уже извѣстно, она располагаетъ особымъ діастатическимъ ферментомъ, чрезвычайно активнымъ химически матеріаломъ, безпрерывно стремящимся къ растворенію содержащагося въ печени гликогена. Еслибъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ, онъ мало заботился бы о томъ, въ какомъ количествѣ сахара нуждаются ткани, и неудержимо передавалъ бы въ кровь весь привходящій, образующій сахаръ матеріалъ. Кровь оказывалась бы то черезчуръ богатою, то черезчуръ бѣдною сахаромъ. Такая неравномѣрная дѣятельность сахарной лабораторіи наступаетъ при болѣзненныхъ явленіяхъ. У здороваго же человѣка наблюдается полное урегулированіе сахарнаго производства и его потребленія; въ особенности организмъ убереженъ отъ „мобилизаціи сахара“, т.-е. отъ растворенія гликогена въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ это нужно для сохраненія нормальнаго уровня содержанія сахара въ крови. Болѣе тонкіе химическіе процессы, происходящіе при этомъ, намъ еще неизвѣстны. Мы не знаемъ, при помощи какихъ физическихъ или химическихъ силъ печеночныя клѣтки дѣйствуютъ укрѣпляюще или ослабляюще на діастатическій ферментъ; мы не знаемъ, какимъ сигналомъ оповѣщаются клѣтки печени о суще-

ствующей въ данный моментъ потребности тканей въ сахарѣ. Нѣкоторыя интересныя подробности достаточно уже, однако, выяснены изслѣдованіями.

Прежде всего обнаружилось, что печень, какъ лабораторія сахара, далеко не такъ самостоятельна, какъ думали раньше. Къ ней приставлены два стража, которые въ высокой степени вліяютъ на интенсивность процесса образованія сахара. Эти два стража—антагонисты.

Одинъ изъ нихъ—это панкреатическая или поджелудочная железа (Pankreas). Она препровождаетъ печени свою кровь и вмѣстѣ съ тѣмъ специфическій клѣточный продуктъ—такъ называемый внутренній *секретъ* (отдѣленіе), оказывающій на производство сахара сильно задерживающее вліяніе. При вырѣзываніи панкреатической железы это задерживаніе исчезаетъ, и сахарное производство растетъ невѣроятно. Весь матеріалъ, пригодный для образованія сахара, вовлекается въ этотъ потокъ, огромныя массы сахара поступаютъ изъ печени въ кровь, а изъ переполненной сахаромъ крови большое количество драгоцѣннаго матеріала попадаетъ въ мочу. Мы получаемъ картину настоящаго, очень тяжелаго діабета. Клиническіе опыты показываютъ, что огромное число заболѣваній діабетомъ слѣдуетъ отнести именно къ ненормальности поджелудочной железы. Однако тутъ причина не всегда въ анатомическомъ заболѣваніи железы, а гораздо чаще въ такъ называемой функціональной ея слабости. Приходится встрѣчаться съ различными ступенями такой недостаточной дѣятельности панкреатической железы, и сообразно имъ нарушеніе въ регулированіи производства сахара обнаруживается то сильнѣе, то слабѣе. Даже въ одномъ и томъ же случаѣ интенсивность ихъ можетъ измѣняться съ теченіемъ времени.

Другимъ стражемъ является система надпочечныхъ железъ. Онѣ производятъ вещество, получившее названіе *адреналина* (или *супраренинъ*); оно можетъ быть получено и искусственнымъ путемъ, въ лабораторіи. Небольшія количества адреналина постоянно производятся и поступаютъ въ кровь. Это вещество въ высокой степени возбуждаетъ сахаропроизводительную функцію печени. Обыкновенно достаточно впрыскиванія одного миллиграмма адреналина взрослому человѣку для того, чтобы черезъ четверть часа вызвать уже появленіе сахара въ мочѣ, и это выдѣленіе держится въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Если инъекціи повторяются ежедневно (опыты надъ животными), то выдѣленіе сахара снова и снова повторяется, но съ каждымъ разомъ дѣлается слабѣе и наконецъ вовсе исчезаетъ, если не повысить дозу впры-

скиваемаго адреналина. Итакъ, въ смыслѣ регулированія сахарнаго производства надпочечныя железы — прямые антагонисты панкреатической. Послѣдняя задерживаетъ, первыя—возбуждаютъ дѣятельность сахарной лабораторіи. Въ нормальномъ организмѣ оба эти вліянія уравновѣшиваются одно другимъ и такимъ образомъ обезпечиваютъ правильную сахарную нормировку. Усиленныя возбужденія, исходящія изъ одного органа, могутъ быть смягчены вмѣшательствомъ другого и, слѣдовательно, компенсированы. Такъ и бываетъ при вышеизложенномъ экспериментѣ. Сначала инъекція адреналина весьма сильно возбуждаетъ печень, какъ это сдѣлало бы всякое усиленіе дѣятельности надпочечныхъ железъ. Панкреатическая железа, ошеломленная силой натиска, не вооружена для сопротивленія и принуждена допустить непомѣрный ростъ выработки сахара. Но черезъ нѣсколько дней, подъ давленіемъ возобновляющагося раздраженія, панкреатическая железа выходитъ изъ своей бездѣятельности, начинаетъ работать съ усиленной энергіей и пресѣкаетъ возможность наступленія адреналинъ-діабета. Этотъ антагонизмъ обѣихъ железъ и ихъ компенсирующее взаимоотношеніе подтверждаются многими остроумными опытами.

Но и эти два стража нормировки сахара представляются не вполнѣ самостоятельными органами. На ихъ дѣятельность можно воздѣйствовать извнѣ. Въ значительной степени это воздѣйствіе имѣетъ мѣсто у надпочечныхъ железъ, которыя какъ въ отношеніи развитія, такъ и въ отношеніи функцій находятся подъ владычествомъ нервной системы. Въ частности онѣ, путемъ симпатической нервной системы, связаны непосредственно съ центральной нервной системой. Изъ различныхъ мѣстъ нервной системы возбужденія могутъ передаваться по этому пути, и легче всего передача происходитъ изъ центра, лежащаго на границѣ между головнымъ и спиннымъ мозгомъ. Этотъ центръ былъ открытъ Клодомъ Бернаромъ. Если животному сдѣлать иголкой уколъ въ этотъ центръ (такъ назыв. сахарный уколъ), то подъ вліяніемъ этого возбужденія у него въ теченіе нѣсколькихъ часовъ происходитъ выдѣленіе сахара. Это зависитъ, какъ теперь извѣстно, отъ того, что изъ упомянутаго центра возбужденіе черезъ симпатическій нервъ переходитъ въ надпочечныя железы: тамъ мобилизируется адреналинъ и даетъ толчокъ сахаропроизводительной дѣятельности печени, какъ было выше описано. Значитъ, инъекціонная гликозурія есть не что иное какъ гликозурія надпочечныхъ железъ.

Обнаружено также, что нервныя разстройства различнаго

рода, а также нѣкоторые яды могутъ вызывать гликозурію. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ рефлекторнымъ или токсическимъ возбужденіемъ клодъ-бернаровскаго центра и все дальнѣйшее—мобилизированіе адреналина и возбужденіе сахарной лабораторіи—происходятъ тѣмъ же путемъ.

Эти изслѣдованія какъ бы подкрѣпляютъ мнѣніе тѣхъ, кто причину большинства случаевъ діабета видитъ въ явленіяхъ чисто нервныхъ (неврогенный діабетъ). Но, не смотря на всѣ примѣры, приводимые въ пользу такого предположенія, еще далеко не рѣшенъ вопросъ, существуетъ ли вообще хроническій діабетъ чисто нервнаго или чисто адреналиннаго происхожденія. Несомнѣнно, нервная система и надпочечныя железы играютъ огромную, часто подавляющую роль въ острыхъ, скоро проходящихъ случаяхъ гликозуріи, наступающей при сильныхъ душевныхъ волненіяхъ, сотрясеніи мозга, поврежденіяхъ нервной системы, острыхъ отравленіяхъ—и затѣмъ безслѣдно исчезающихъ. Нервное состояніе играетъ значительную роль при діабетѣ; очень часто у страдающихъ этою болѣзнью подъ вліяніемъ нервнаго волненія и умственнаго переутомленія выдѣленіе сахара достигаетъ такой высоты, которая не могла быть вызвана питаніемъ. Почти въ каждомъ случаѣ діабета можно установить параллельное дѣйствіе двухъ факторовъ — нервной системы и системы питанія. Мы вправѣ считать чисто нервной гликозурію, узко ограниченную во времени и совершенно независящую отъ питанія. Если же гликозурія вновь повторяется при незначительныхъ психическихъ и нервныхъ раздраженіяхъ или если наряду съ этимъ составъ принятой пищи оказываетъ явственное вліяніе на появленіе и исчезаніе сахара, то мы уже не вправѣ говорить о чисто нервномъ діабетѣ, а необходимо должны предположить недостаточное дѣйствіе панкреатической железы. Одной нервностью, т.-е. повышенной чувствительностью нервныхъ центровъ и путей, такихъ случаевъ объяснить нельзя: иначе у всѣхъ неврастениковъ должна была бы наблюдаться склонность къ гликозуріи. Объ этомъ, однако, не можетъ быть и рѣчи: огромное большинство неврастениковъ не склонно къ гликозуріи даже и тогда, когда у нихъ явственно обнаруживаются другіе ясные признаки повышенной возбудимости симпатическихъ путей.

Панкреатическая железа тоже работаетъ не вполнѣ самостоятельно: ея энергія можетъ получать воздѣйствія извнѣ. Вполнѣ установлено вліяніе щитовидной железы. Роль посредника принимаютъ на себя химическія вещества, которыя щитовидная железа производитъ и отдаетъ крови. Это—тѣ же вещества, кото-

рыми врачи пользуются иногда при леченіи полноты. Перепроизводство ихъ понижаетъ дѣятельность панкреатической железы, ограничиваетъ ея бдительность и оттого нерѣдко, какъ при постоянномъ перепроизводствѣ (Базедова болѣзнь), такъ и при искусственномъ наплывѣ экстрактовъ щитовидной железы, дѣло доходитъ до гликозуріи: это, между прочимъ, должно являться предостереженіемъ противъ врачебнаго прописыванія подобныхъ экстрактовъ. Съ другой стороны, панкреатическая железа выигрываетъ въ силѣ и энергіи, когда щитовидная недостаточно функціонируетъ (Myxoedem, кретинизмъ, вырѣзываніе щитовидной железы): тогда даже самыя большія количества сахара или сильныя возбужденія надпочечныхъ железъ не могли бы вызвать гликозурію. Вѣроятно, панкреатическая железа реагируетъ и на другія вліянія, но объ этомъ еще ничего съ точностью не извѣстно.

Итакъ, мы видимъ, что производство сахара въ лабораторіи организма подчинено чрезвычайно сложному механизму. Выдѣленіе сахара отнюдь не является симптомомъ, указывающимъ на опредѣленное заболѣваніе. Правда, при всякихъ обстоятельствахъ гликозурія есть признакъ увеличеннаго производства сахара, который перенасыщаетъ кровь; даже нахожденіе въ мочѣ самыхъ малыхъ количествъ сахара показываетъ, что кровь перенасыщена имъ. Но причина нарушеннаго равновѣсія можетъ лежать въ различныхъ мѣстахъ и соотвѣтственно этому оказывать различное вліяніе на болѣзнь.

I. Первой причиной можетъ явиться заболѣваніе самой печени. Въ дѣйствительности это играетъ очень второстепенн[illegible] роль. Правда, у многихъ діабетиковъ печень нѣсколько увеличена, но ея гипертрофія — не что иное, какъ результатъ усиленной дѣятельности, печеночныя же клѣтки остаются здоровыми. При болѣзняхъ самой печени гликозурія является не правил[illegible] а рѣдкимъ исключеніемъ. Если болѣзнь печени и діабетъ сое[illegible]няются въ одномъ субъектѣ, то почти всегда они произошли независимо другъ отъ друга.

II. Анормальное усиленіе импульсовъ, идущихъ со стороны мускуловъ — тоже теоретически возможная причина діабета. Она играетъ несомнѣнную роль при діабетѣ, возникающемъ вслѣдствіе отравленія флоридциномъ. Но подобное заболѣваніе является предметомъ исключительно экспериментальнаго изслѣдованія. Вліяніе этого яда совершенно лишено значенія для этіологіи человѣческаго діабета; нельзя привести ни одного примѣра тому, что чрезмѣрно усиленные импульсы мускуловъ вызываютъ въ людяхъ діабетъ.

III. Усиленный притокъ сахара изъ кишечника можетъ предъявлять къ гликогено-образовательной функціи печени непосильныя требованія: тогда сахаръ перетекаетъ въ кровь (переходящая алиментарная гликозурія). Однако нормально работающая сахарная лабораторія обладаетъ такой высокой регулирующей силой, что только крайне чрезмѣрное поглощеніе сахара можетъ повлечь за собой подобное перегруженіе. Если при обычномъ смѣшанномъ потребленіи средняго количества содержащей сахаръ и крахмалъ пищи сахаръ выдѣляется черезъ мочу, то мы не вправѣ говорить о физіологической или безвредной гликозуріи: мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ естественнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго притока сахара, а съ признакомъ нарушенія сахарной регуляціи, т.-е. съ настоящимъ, хотя, можетъ быть, и слабымъ діабетомъ. Я подчеркиваю это обстоятельство потому, что съ терминомъ „алиментарная гликозурія“ производится достойная порицанія и тяжелая по послѣдствіямъ игра. Этимъ словомъ многіе врачи успокаиваютъ своихъ паціентовъ въ начальной стадіи болѣзни, и многіе паціенты успокаиваютъ имъ самихъ себя, въ особенности если выдѣленіе сахара происходитъ только временно и потомъ исчезаетъ, не смотря на обильное углеводистое питаніе. Подобная періодичность въ начальныхъ стадіяхъ діабета является не исключеніемъ, а правиломъ: это какъ разъ та стадія, когда должно начаться соотвѣтственное леченье, такъ какъ захваченный въ началѣ діабетъ по большей части можетъ быть излеченъ. Если же это первое предостереженіе оставляется безъ вниманія, то болѣзнь въ большинствѣ случаевъ неизмѣнно ухудшается, и слишкомъ поздно уже является сознаніе, какъ вредно было успокоеніе, внушенное паціенту въ ея началѣ.

IV. Болѣзненное нарушеніе можетъ гнѣздиться въ надпочечныхъ железахъ, а также въ клодъ-бернаровскомъ центрѣ. Всѣ случаи неврогенной и бо̀льшая часть случаевъ токсической гликозуріи относятся къ этому разряду; сюда нужно также причислить и тѣ нервныя усиленія сахароотдѣленія, которыя наблюдаются у діабетиковъ послѣ душевныхъ волненій. Но еще очень спорно, могутъ ли возбужденія подобнаго рода вліять на печень больше, чѣмъ скоропреходящимъ образомъ, и ведутъ ли они когда-либо къ хроническому діабету. Гораздо больше данныхъ говоритъ противъ этого, чѣмъ за.

V. Во всѣхъ случаяхъ діабета, какъ въ тяжелыхъ, такъ и въ легкихъ его формахъ, важнѣе всего заболѣваніе панкреатической железы или ослабленіе ея энергіи путемъ постороннихъ

вліяній, при чемъ въ большинствѣ случаевъ основное разстройство лежитъ въ самой железѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, до чего сложной болѣзнью является діабетъ и какъ ничтожна услуга, оказываемая паціенту, если принимаютъ во вниманіе только гликозурію. Наблюденіе должно быть направлено гораздо больше на правильность функцій прочихъ органовъ. Для этого необходимо обширное знаніе физіологіи и патологіи, такъ какъ требуется оцѣнить, насколько анатомическія и функціональныя разстройства другихъ, далеко отстоящихъ органовъ могутъ вліять на сахаропроизводительную работу печени. Тутъ возможно самое пестрое разнообразіе: ни одинъ случай не схожъ вполнѣ съ другимъ.

Куда бы ни пріурочивалось первоначальное поврежденіе, въ одномъ ли органѣ наблюдается неправильное функціонированіе или во многихъ, во всякомъ случаѣ существо дѣла при діабетѣ заключается въ анормально-сильной возбудимости сахаропроизводительнаго аппарата печени. На нормальные импульсы отвѣчаетъ не нормальное, соотвѣтствующее потребностямъ производство сахара, а совершенно расточительное, выходящее за предѣлы цѣлесообразности. *Это несоотвѣтствіе между силой возбужденія и его результатомъ и является характернымъ признакомъ каждаго діабетическаго разстройства обмѣна веществъ.* Встрѣчаются различныя степени этого состоянія. У однихъ болѣзненная чувствительность сахарной лабораторіи очень слаба и явственно проявляется только при сильномъ обремененіи ея; у другихъ она чрезвычайно велика. Взаимоотношеніе между силой возбужденія и его результатомъ опредѣляетъ серьезность діабетическаго заболѣванія. Наличность повышенной чувствительности сахарной лабораторіи, безцѣльно и непомѣрно повышеннаго производства сахара, и, въ результатѣ, его потерю—все это можно наблюдать у діабетика постоянно. Всѣ импульсы, на которые экспериментальное изслѣдованіе указываетъ намъ какъ на средства возбужденія сахарной лабораторіи, дѣйствуютъ у нихъ въ усиленной степени. Упомяну нѣкоторые: притокъ углеводовъ въ печень, притокъ пищеварительныхъ продуктовъ протеидовъ, усиленіе обмѣна веществъ путемъ утомительной, тяжелой мускульной работы, повышеніе обмѣна веществъ благодаря острымъ лихорадочнымъ процессамъ, психическимъ и другимъ нервнымъ раздраженіямъ, инъекціи адреналина, кормленіе экстрактомъ щитовидной железы и пр. Но всѣ эти и другіе факторы дѣйствуютъ не всегда одинаково сильно—и это понятно, такъ какъ они различными путями вліяютъ на производство сахара.

Признавъ ненормально высокую возбудимость сахарной лабораторіи и ея склонность къ перепроизводству сахара характерной особенностью діабета, мы поймемъ задачи и цѣли раціональной терапіи. *Дѣло сводится къ тому, чтобы водворить спокойствіе въ возбужденной лабораторіи.* Всякое излишнее обремененіе ея работой должно быть устранено. Если мы, путемъ разумнаго подбора пищи и исключенія многихъ другихъ средствъ возбужденія, понизимъ предъявляемыя къ лабораторіи требованія, то при легкомъ діабетѣ почти безъ исключенія удается удержать производство сахара въ нормальныхъ границахъ: гликозурія исчезаетъ. Этимъ діабетъ еще не излеченъ, такъ какъ при слишкомъ скоро повторенномъ обремененіи лабораторіи она снова должна придти въ ненормальное состояніе. Но подготовительныя условія для выздоровленія или по крайней мѣрѣ явное и продолжительное улучшеніе—уже на лицо. Дальнѣйшее дѣлается самой природою. Здѣсь мы имѣемъ повтореніе того же опыта, примѣры котораго даются намъ во всѣхъ отдѣлахъ патологіи и терапіи. Если, положимъ, ослаблено сердце и если на всякое переутомленіе оно отвѣчаетъ ускореннымъ или даже неправильнымъ сердцебіеніемъ, то мы должны щадить его, требовать воздержанія отъ переутомленія и волненій и только постепенно, въ случаѣ улучшенія, мы осторожно, подъ постояннымъ наблюденіемъ, увеличиваемъ предъявляемыя къ нему требованія. Такимъ путемъ многіе сердечные больные доходятъ снова до совершенно нормальнаго предѣла работоспособности. Таково положеніе вещей и при переутомленіи нервной системы, при желудочныхъ и кишечныхъ болѣзняхъ, при заболѣваніяхъ почекъ, при поврежденіяхъ и воспаленіяхъ конечностей и пр. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ медицина знаетъ, что при этихъ, а также и другихъ болѣзняхъ, тщательно соразмѣренное, то большее, то меньшее обереганіе заболѣвшаго органа составляетъ первое условіе выздоровленія. Эту истину знаетъ и каждый не-спеціалистъ и охотно подчиняется естественному закону. При сахарной болѣзни такое сознаніе, къ сожалѣнію, является не правиломъ, а исключеніемъ. Объясненіе этому даетъ своеобразное развитіе терапіи діабета. Но при этомъ вліяетъ еще другая особенность. Дѣло въ томъ, что сердечный, желудочный и т. п. больной чувствуетъ тотчасъ же, что онъ переутомилъ свой заболѣвшій органъ; почти каждое легкомысленное дѣйствіе сопровождается предостерегающимъ ухудшеніемъ. Діабетикъ, наоборотъ, не замѣчаетъ послѣдствій недозволеннаго и нецѣлесообразнаго обремененія сахаропроизводительнаго аппарата. Только при необычайно чув-

ствительной натурѣ появляются тотчасъ же предостерегающія ощущенія въ той или иной области нервовъ—и это указываетъ, что кровь насыщена сахаромъ. Безпрерывное, почти ежедневное изслѣдованіе мочи конечно можетъ держать въ курсѣ дѣла, но оно осуществимо только въ санаторіяхъ или въ больницахъ, да и тамъ имѣетъ настоящую цѣну только тогда, когда врачомъ планомѣрно принимается въ разсчетъ вся сумма воздѣйствующихъ на сахоропроизводство импульсовъ, напр. количество и качество съѣденной пищи, размѣры произведенной работы, физической и умственной, наличность или отсутствіе осложненій. При помощи анализовъ, производимыхъ безъ системы, черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, систематическое наблюденіе совершенно невозможно. Чрезвычайно часто случается, поэтому, что больной, не замѣчая этого, обременяетъ тѣ органы, которые ему должно беречь: онъ вполнѣ хорошо чувствуетъ себя. *Это отсутствіе немедленно слѣдующаго за обремененіемъ ухудшенія составляетъ* пагубную, я бы сказалъ коварную особенность діабета. Опасность подстерегаетъ въ будущемъ. Недопустимое обремененіе обыкновенно не избѣгается паціентомъ; оно вноситъ анормально-сильныя возбужденія въ лабораторію сахаропроизводства, и если тотчасъ же и нельзя аналитически прослѣдить выдѣленія сахара, то во всякомъ случаѣ каждое такое возбужденіе повышаетъ чувствительность въ будущемъ. Чѣмъ чаще повторяется подобнаго рода обремененіе, тѣмъ значительнѣе съ теченіемъ времени становится несоотвѣтствіе между силой возбужденія и силой реакціи. Количества хлѣба и другой мучной пищи, которыя сначала переносились хорошо, впослѣдствіи вызываютъ гликозурію; изъ легкаго діабетъ дѣлается все болѣе тяжелымъ. Къ тому же присоединяются еще и другія нарушенія, въ томъ числѣ, прежде всего, обильное образованіе ацетона и родственныхъ ему соединеній. Это зависитъ отъ аномаліи въ обмѣнѣ жировъ. При нормальномъ положеніи вещей жиры въ организмѣ сгораютъ, обращаясь въ угольную кислоту и воду, подобно тому какъ сгораетъ стеаринъ свѣчи. Но когда, вслѣдствіе непомѣрно повышеннаго производства сахара, каждый атомъ углеводовъ, какъ только онъ образованъ, тотчасъ ускользаетъ изъ печени, химическіе процессы принимаютъ другое направленіе: образуются ацетоновыя тѣла, большое скопленіе которыхъ является уже опасностью. Дѣло въ томъ, что присутствіе углевода (главнымъ образомъ — гликогена) необходимо для того, чтобы сгораніе жировъ происходило нормальнымъ путемъ. Часто пытаются предупредить образованіе ацетона тѣмъ, что

усиливаютъ въ питаніи углеводы. Это приводитъ обыкновенно, если не считать тяжелыхъ случаевъ, къ желанной цѣли; но это все-же довольно опасный экспериментъ—этимъ, такъ сказать, подливается масло въ огонь. Вѣдь углеводы—самое сильное возбудительное средство для сахарной лабораторіи. Гораздо болѣе правильный путь состоитъ въ томъ, чтобы успокоить лабораторію, оберегая ее отъ работы, т.-е. систематически уменьшать потребленіе углеводовъ, а также ограничить сильно возбуждающіе протеиды. Тогда прекращается лихорадочная расточительность сахара и вмѣстѣ съ ней падаетъ и производство ацетона. Я не хочу касаться здѣсь сложнаго вопроса о томъ, какой родъ діэты обусловливается образованіемъ ацетона; замѣчу лишь, что этому вопросу придаютъ на практикѣ слишкомъ большое значеніе. До извѣстной степени производство ацетона у діабетика совершенно безвредно. Если дѣло доходитъ до дѣйствительно угрожающаго повышенія, то это зависитъ гораздо болѣе отъ степени нарушенія обмѣна веществъ, чѣмъ отъ рода пищи.

Какъ было уже сказано, характерное несоотвѣтствіе между силой возбужденія и реакціей на него имѣетъ крайне разнообразныя степени. Отсюда слѣдуетъ, что и терапевтическія указанія должны мѣняться соотвѣтственно этимъ степенямъ. Почти всѣ терапевтическіе методы находятъ примѣненіе при діабетѣ. *Но всѣ они блѣднѣютъ рядомъ съ вопросомъ о діэтѣ*, потому что пища является факторомъ, безпрерывно, ежедневно вносящимъ возбужденія въ сахарную лабораторію, приносящимъ то пользу, то вредъ, смотря по качеству и количеству. Самое сильное возбужденіе исходитъ отъ углеводовъ, и терапія уже больше ста лѣтъ, послѣ многихъ исканій, снова и снова останавливается на ограниченіи количества вводимыхъ въ организмъ углеводовъ. Раньше это происходило схематически, что, къ сожалѣнію, случается и понынѣ. Достойный сожалѣнія схематизмъ заключается въ томъ, что каждому діабетику предписывается приблизительно одно и то же ограниченіе углеводовъ. Въ общемъ, количество это равняется отъ 80 до 100 граммовъ ежедневно, но фактически большей частью дневное потребленіе достигаетъ 100—120 граммовъ, такъ какъ діэтетическая инструкція діабетика недостаточно полна, и ошибки неизбѣжны. Конечно, для извѣстнаго разряда больныхъ количество въ 100—120 граммовъ вполнѣ правильно, т.-е. они при этомъ остаются свободными отъ сахара. Но для огромнаго большинства паціентовъ эта мѣра не годится. Она можетъ быть высока, часто слишкомъ высока, но можетъ быть и низка. Въ обоихъ случаяхъ послѣдствіемъ является ущербъ

для организма. Если поглощается больше углеводовъ, чѣмъ сколько печень можетъ переработать и систематически распредѣлить, то діабетическое разстройство обмѣна веществъ усиливается все больше, у одного больного—медленно, у другого—скорѣе; но оно растетъ несомнѣнно и безпрерывно.

Вслѣдъ за углеводами возбудительное вліяніе на сахаропроизводительную лабораторію оказываютъ еще, какъ уже упоминалось, и бѣлковыя вещества (протеиды). Они также изъ пищевого канала поступаютъ прямо въ печень и претерпѣваютъ въ ней сложное измѣненіе. При этомъ возникаютъ вещества, чрезвычайно легко переходящія въ сахаръ. Слѣдовательно, протеиды — тоже источникъ сахара, но источникъ не особенно богатый; вѣроятно, онъ значительно менѣе обиленъ, чѣмъ полагаютъ современные физіологи. Зато протеидамъ въ высокой степени свойственна способность возбуждать клѣтки печени и тѣмъ приводить сахарную лабораторію въ состояніе бурной активности. У здороваго человѣка, сахарное производство котораго находится подъ строгимъ контролемъ регулирующихъ органовъ, этого, конечно, не бываетъ; но у діабетика регуляція разстроена, и послѣдствія специфическаго возбужденія проявляются нерѣдко весьма отчетливо. Слѣдующій примѣръ показываетъ это: у одного діабетика при опредѣленной, ежедневно одинаковой, лишенной бѣлковъ діэтѣ выдѣленіе сахара было въ общемъ 40 граммовъ. Онъ получилъ въ добавленіе къ своей пищѣ 200 граммовъ мяса (вѣсъ въ сыромъ видѣ). Выдѣленіе сахара стало повышаться съ каждымъ днемъ и черезъ пять дней достигло 80 граммовъ ежедневно. Обыкновенно такое возрастаніе выдѣляемаго сахара приписывается тому, что изъ бѣлка мяса образовалось большое количество сахара; но въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, можно вполнѣ точно математически подсчитать, что изъ такого количества мяса не могло образоваться такъ много сахара. Дѣло въ томъ, что бѣлокъ дѣйствуетъ не только какъ матеріалъ для новаго образованія сахара, но и просто *какъ мѣха дѣйствуютъ на огонь.* Онъ побуждаетъ сахарную лабораторію къ непомѣрному, безудержному производству. При этомъ данное свойство принадлежитъ разнымъ бѣлковымъ тѣламъ въ очень различной степени, и у различныхъ діабетиковъ возбудительное дѣйствіе протеидовъ тоже чрезвычайно различно.

Третій питательный матеріалъ, жиръ, тоже не имѣетъ прямого вліянія на сахаропроизводительный процессъ. Правда, жиръ тоже есть источникъ сахара, но, въ противоположность углеводамъ и протеидамъ, клѣтки печени привлекаютъ его къ образованію са-

хара только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ не располагаютъ другимъ матеріаломъ. Тѣмъ не менѣе, если лабораторія находится въ сильномъ возбужденіи, то ея жертвой всегда бываютъ большія количества жировъ. Этимъ фактомъ объясняется сильное исхуданіе больныхъ діабетомъ въ тяжелыхъ случаяхъ. Алкоголь, который въ извѣстной степени можно считать питательнымъ матеріаломъ, не служитъ возбудителемъ образованія сахара. Наоборотъ, иногда онъ повидимому вліяетъ на этотъ процессъ ослабляющимъ образомъ.

Отношеніе отдѣльныхъ основныхъ матеріаловъ нашего питанія къ производству сахара у діабетика выяснено достаточно ясно; но этимъ еще не разрѣшена проблема цѣлесообразнаго питанія. Въ пищѣ, которую намъ предоставляютъ природа и кухня, основные матеріалы находятся въ разнообразномъ смѣшеніи, и рядомъ съ ними находятся еще многія другія вещества: алкалоиды, кислоты, эѳирныя масла и пр. Повидимому, примѣсь этихъ веществъ оказываетъ весьма существенное вліяніе на интенсивность сахаропроизводительной дѣятельности печени. Такимъ образомъ можетъ получиться, что два вида пищи, содержащіе совершенно одинаковое количество крахмала и почти не отличающіеся и по количеству протеидовъ, могутъ произвести на больного совершенно различное вліяніе. Изслѣдованія этого вопроса еще недалеко ушли, но выяснился одинъ фактъ, чрезвычайно интересный и цѣнный для питанія больныхъ сахарною болѣзнью: овесъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя вещества, вліяющія такъ, что овсяная мука переносится несравненно лучше всѣхъ прочихъ сортовъ муки. При этомъ необходимы, однако, нѣкоторыя мѣры предосторожности. Высокая температура разрушаетъ эти вещества; кромѣ того они теряютъ свою охраняющую силу, если овесъ подается одновременно съ другими мучнистыми или сахаристыми веществами или мясными бѣлками. На основаніи этого открытія, мною, около восьми лѣтъ назадъ, было выработано такъ называемое овсяное леченіе для діабетиковъ, которое оказалось чрезвычайно благодѣтельнымъ если не во всѣхъ безъ исключенія, то въ очень многихъ случаяхъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ теоретическія познанія о вліяніи отдѣльныхъ матеріаловъ питанія на сахаропроизводительный процессъ еще не позволяютъ врачу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ найти сразу наиболѣе правильный способъ питанія. Новыя наблюденія все больше подтверждаютъ, *какъ сильно общія правила модифицируются въ зависимости отъ индивидуальности паціента.* Только неопытный врачъ рѣшится удовольствоваться извѣстными

общими указаніями. Опытный врачъ знаетъ, какъ сильно онъ можетъ повредить этимъ больному, какъ важно съ точностью обслѣдовать реакцію даннаго діабетика на количество и качество пищи и лишь тогда выработать планъ леченія. Этотъ методъ, выдвинутый впервые покойнымъ Э. Кюльцемъ (Külz) и усердно отстаиваемый Б. Наунинымъ (Naunyn), развитъ мною систематически и рекомендованъ для широкаго распространенія. Въ настоящее время онъ признается *единственнымъ обоснованнымъ методомъ діэтетическаго леченья.* Какъ сильно отличаются, при этомъ методѣ, діэтетическія предписанія отъ тѣхъ, которыя дѣлались прежде! Изъ ста діабетиковъ при новомъ методѣ едва-ли двое получаютъ одинаковыя предписанія: такъ различны ступени и особенности отдѣльныхъ случаевъ болѣзни. Для каждаго паціента существуетъ только одна, наилучшая и наиболѣе правильная система леченія—и ее-то должно искать и найти. Богатый опытъ облегчаетъ эти исканія, но и самаго богатѣйшаго опыта безъ систематическаго наблюденія и изслѣдованія недостаточно. Съ каждымъ новымъ случаемъ подтверждается все больше и больше, что установленіе и регулированіе системы питанія и образа жизни діабетика можетъ быть точно проведено только въ спеціальномъ заведеніи: иначе ошибки неизбѣжны.

Нѣтъ сомнѣнія, что наблюденія и опыты надъ паціентами наиболѣе важны въ начальной стадіи діабета. Жестоко заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что съ небольшими и появляющимися на короткое время отдѣленіями сахара можно не считаться и не принимать противъ нихъ энергическихъ мѣръ. Именно эта ошибка и служитъ причиной того, что діабетъ считается неизлечимой и неудержимо прогрессирующей болѣзнью. Въ дѣйствительности правильно скорѣе противоположное утвержденіе. Правда, бываютъ случаи, когда теченіе болѣзни нельзя пріостановить никакими мѣрами. Эти опаснѣйшіе случаи въ основѣ своей имѣютъ далеко шагнувшее впередъ измѣненіе панкреатической железы. Всего чаще они встрѣчаются въ дѣтскомъ возрастѣ; чѣмъ старше человѣкъ, тѣмъ они рѣже. Случаи менѣе опасные по своему происхожденію, съ годами, на оборотъ, учащаются все больше и больше. Безспорно, такого рода доброкачественныя заболѣванія могутъ, при помощи соотвѣтствующей терапіи, и оставаться доброкачественными. Надо только внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы паціентъ получалъ такую пищу, при которой онъ оставался бы свободнымъ отъ сахара. Это почти всегда возможно осуществить. Предѣлъ требуемаго воздержанія въ пищѣ и питьѣ варьируется, какъ уже было сказано,

для каждаго больного. Необходимо остерегаться какъ преувеличенія ограничительныхъ предписаній, такъ и слишкомъ большой терпимости по отношенію къ нимъ. Если данный случай введенъ сразу въ правильную діэтетическую колею, то предѣлъ воздержанія никогда не бываетъ черезчуръ великъ. Во всякомъ случаѣ онъ ничтоженъ сравнительно съ тѣми выгодами, какія больной получаетъ, и тѣми опасностями, какихъ онъ избѣгаетъ. Только маленькая частичка опасности состоитъ въ потерѣ сахара. Главная опасность заключается въ перенасыщеніи крови сахаромъ (гипергликемія), которое имѣется даже тогда, когда только слѣды сахара обнаруживаются въ мочѣ. До тѣхъ поръ, пока кровь содержитъ слишкомъ много сахара, всѣ ткани тѣла находятся подъ извѣстнаго рода ядовитымъ воздѣйствіемъ и обнаруживаютъ склонность къ преждевременному изнуренію и заболѣванію. Извѣстныя и вызывающія страхъ осложненія діабета—артеріосклерозъ, слѣпота, ишіасъ, другія невральгіи, и т. д.—должны быть также отнесены сюда же. Чаще всего они появляются въ тѣхъ случаяхъ, когда много лѣтъ подрядъ происходили небольшія выдѣленія сахара, но имъ не было дано достаточно значенія. Ихъ можно было бы въ большинствѣ случаевъ избѣжать, еслибы съ должной добросовѣстностью и основательностью урегулировано было поглощеніе сахарообразующаго матеріала.

Въ интересахъ діабетиковъ приходится, конечно, пожалѣть, что мы снова и снова должны напирать на строгое регулированіе діэты и что паціентъ въ теченіе долгаго времени долженъ обращать вниманіе на то, что онъ ѣстъ и пьетъ. Значительно удобнѣе было бы имѣть такія лекарства, которыя прямымъ воздѣйствіемъ на сахарную мастерскую или косвеннымъ вліяніемъ на управляющіе ею органы достигали бы того, къ чему мы стремимся при помощи діэтетическаго метода—успокоенія безудержной дѣятельности сахарной лабораторіи. Фармакологія учитъ насъ, что почти всѣ лекарственныя средства дѣйствуютъ тѣмъ, что возбуждаютъ или понижаютъ дѣятельность опредѣленныхъ группъ клѣтокъ (напр. клѣтокъ железъ, нервныхъ, мышечныхъ клѣтокъ и т. д.). Мы широко пользуемся этимъ въ терапіи заболѣваній сердца, нервовъ, пищеварительныхъ органовъ и пр. Но фармакологія еще не открыла намъ никакого средства для того, чтобы оказывать чувствительное воздѣйствіе на возбудимость сахаропроизводительной дѣятельности клѣтокъ печени. Извѣстное вліяніе имѣетъ опій; но примѣненіе его въ достаточномъ для этой цѣли количествѣ является настолько неудобнымъ во многихъ

другихъ отношеніяхъ, что приходится обыкновенно отказываться отъ него. Надо надѣяться, что удастся найти болѣе невинное средство и тѣмъ самымъ значительно упростить діэтетическое леченіе діабета. Пока же приходится съ сожалѣніемъ констатировать фактъ невѣроятнаго распространенія тайныхъ средствъ и рекламныхъ рецептовъ мнимыхъ спеціалистовъ, которыми улавливаются легковѣрные діабетики. Интересно прослѣдить, какимъ образомъ эти цѣлебныя средства получаютъ извѣстность. Фабриканты и продавцы даютъ печатныя, писанныя или устныя свидѣтельства о томъ, что одновременно съ употребленіемъ даннаго препарата необходима крайне строгая діэта, не содержащая вовсе или содержащая очень мало углеводовъ. Процентъ сахара естественно падаетъ; но при этомъ причиной улучшенія явилась строгая діэта, а лекарство служило только вывѣской и приманкой. Постепенно дается увеличеніе пропорціи углеводовъ, точно такъ же, какъ это дѣлаетъ и научная медицина: фабриканты тайныхъ средствъ и спеціальныхъ препаратовъ, въ большинствѣ случаевъ необразованные въ медицинѣ люди, просто выписываютъ свои указанія изъ научныхъ работъ о діабетѣ. Многіе изъ нихъ, быть можетъ, вѣрятъ, что не діэта, а ихъ препаратъ представляетъ наибольшую важность при леченіи. Въ такомъ случаѣ они заблуждаются. Но чаще цѣль ихъ—достигнуть того, чтобы публика такъ думала. Тогда это уже обманъ. Естественно, что при такомъ значеніи діэтетическихъ предписаній невозможно систематическое и индивидуализированное леченіе. Для этого фабрикантамъ и ихъ медицинскимъ совѣтчикамъ недостаетъ необходимыхъ знаній. Научно образованныхъ врачей, готовыхъ отвѣчать за то, что они дѣлаютъ, и передъ форумомъ науки, и передъ своей совѣстью, не можетъ быть среди тѣхъ, которые помогаютъ спекулянтамъ.

Нельзя не отмѣтить, что многіе врачи-практики попадаютъ на удочку подобныхъ восхваленій тайныхъ средствъ. Это значитъ, что они ничего не понимаютъ въ діэтетическомъ леченіи діабета и не хотятъ затратить немного усилія для ознакомленія съ нимъ. Обыкновенно первый толчокъ бываетъ такой: одинъ изъ паціентовъ даннаго врача прошелъ курсъ леченія у жалкаго ремесленника; указанныя тамъ діэтетическія предписанія случайно оказались подходящими; успѣхъ повергаетъ врача въ изумленіе. Недостатокъ самостоятельной критики и сужденія заставляетъ его предположить, что тутъ произошло нѣчто такое, чего нельзя достигнуть средствами научной медицины. На самомъ дѣлѣ данный фактъ показываетъ, что онъ самъ не могъ до-

биться успѣха и отожествляетъ свои личныя достиженія съ достиженіями научной медицины. Въ извиненіе подобной точки зрѣнія можетъ быть приведено только то, что діэтетическая терапія вообще, и терапія сахарной болѣзни въ особенности, требуетъ огромнаго количества спеціальныхъ знаній; а между тѣмъ клиническое преподаваніе въ этой важной области прежде было поставлено крайне неудовлетворительно, да и теперь еще оставляетъ желать многаго въ большей части клиникъ. Я намѣренно остановился на этихъ соображеніяхъ: по моему мнѣнію, паціенты должны знать, какъ имъ слѣдуетъ относиться къ врачу, сужденія котораго легко мѣняются подъ вліяніемъ вводящихъ въ обманъ рекламъ фабрикантовъ и плохо знающихъ свое дѣло спеціалистовъ. Охота фабрикантовъ препаратовъ на діабетиковъ и, наоборотъ, тяготѣніе паціентовъ къ подобному чудодѣйственному леченію, тѣмъ печальнѣе, что этимъ либо отвлекается вниманіе отъ важнѣйшаго фактора терапіи (регулированія діэты), либо діэта опредѣляется схематически, несоотвѣтственно индивидуальной потребности. Эта опасность остается въ наличности и тогда, когда данное цѣлебное средство представляетъ изъ себя невинный растительный экстрактъ.

Вѣроятно, читателя удивляетъ, что я не упоминаю о леченіи минеральными водами, какъ о могучемъ средствѣ, ограничивающемъ производство сахара. Воды имѣютъ такую лестную репутацію, что большинство паціентовъ придаетъ имъ гораздо бо̀льшую цѣну, чѣмъ регулированію діэты. На первомъ мѣстѣ тутъ стоятъ Карлсбадъ, Нейенаръ, Виши. Почти всѣ діабетики, которымъ средства это позволяютъ, совершаютъ ежегодное паломничество въ одно изъ названныхъ мѣстъ. Хорошая репутація этихъ курортовъ не могла бы сохраняться, еслибы паціентамъ дѣйствительно не становилось лучше. Но тѣмъ не менѣе точно извѣстно и теперь принимается даже ярыми защитниками мѣстнаго курортнаго патріотизма, что источники сами по себѣ не оказываютъ реальнаго воздѣйствія на сахарное производство организма, на выдѣленіе сахара и вообще на интенсивность діабетическаго нарушенія обмѣна веществъ. Польза курортовъ по существу заключается въ томъ, что паціенты, оставаясь тамъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе мѣсяца раціонально живутъ, ѣдятъ и пьютъ. Удаленіе отъ волненій и утомительнаго круговорота обычной жизни тоже способствуетъ смягченію общаго напряженія нервной системы, а тѣмъ самымъ—и исходящихъ отъ нея возбуждающихъ вліяній. При легкихъ формахъ діабета благопріятное вліяніе можетъ оказать на гликозурію и усиленная

дѣятельность мускуловъ, имѣющая обыкновенно мѣсто на курортахъ; но при тяжеломъ состояніи результатъ можетъ получиться обратный—а это, къ сожалѣнію, нерѣдко забывается. У многихъ діабетиковъ встрѣчаются усложняющія нарушенія со стороны желудка, кишечника, печени, почекъ и т. п., и на нихъ минеральная вода оказываетъ безспорно благотворное дѣйствіе, что чрезвычайно важно для подъема общаго самочувствія — а изъ улучшенія общаго состоянія естественно проистекаетъ улучшеніе функціонированія отдѣльныхъ органовъ. Такимъ образомъ большинство діабетиковъ вправѣ съ благодарностью вспоминать леченье въ курортѣ. Настоящую же пользу для будущаго курорты приносятъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда паціенты увозятъ съ собой надлежащее руководство для дальнѣйшаго образа жизни и, главнымъ образомъ, для питанія. Эти указанія, конечно, исполняются лишь весьма несовершенно, да и контроль, который мы признали необходимымъ для предписаній на продолжительное время, не можетъ быть проведенъ въ курортѣ при самомъ добромъ желаніи. Это остается на долю спеціальныхъ заведеній, кругъ дѣйствія которыхъ является не столько замѣной минеральныхъ водъ, сколько необходимымъ дополненіемъ къ нимъ. Если сфера вліянія и могущество леченья минеральными водами черезчуръ переоцѣниваются, то это можетъ даже представлять опасность для діабетика: онъ тогда склоненъ вѣрить, что, полечившись водою, онъ сдѣлалъ все, что нужно для его здоровья, и теперь можетъ прекратить діэту и вести обычный образъ жизни. Между тѣмъ его судьба зависитъ не отъ одного мѣсяца, проведеннаго въ курортѣ, а отъ того, какъ онъ живетъ дома остальные одиннадцать мѣсяцевъ. Этого не должно забывать.

Несомнѣнно, судьба діабетика тяжела. Въ интересахъ его здоровья мы требуемъ, чтобы онъ на каждомъ шагу помнилъ предписанія врача и скептически оглядывалъ бы каждый кусокъ, который ему подаютъ. Это тѣмъ труднѣе, что діабетикъ, въ общемъ, не чувствуетъ себя больнымъ. Онъ долженъ въ настоящемъ терпѣть лишенья, чтобы пріобрѣсти въ будущемъ. Этого никакъ нельзя избѣжать; онъ научается этому, если его учатъ какъ слѣдуетъ, и то, что сначала покупалось цѣною борьбы и самопреодолѣнія, становится съ теченіемъ времени обыкновенной привычкой. Врачъ, отвѣтственный за здоровье и жизнь діабетика, долженъ всегда думать о будущемъ. Онъ обязанъ смотрѣть впередъ, а не сообразоваться съ тѣмъ, что въ данный моментъ пріятно или непріятно его паціенту. Устанавливая планъ леченія, который онъ даетъ діабетику въ 1910-мъ году, врачъ

долженъ обдумать, какія послѣдствія это будетъ имѣть для 1920 г. или еще позже. Если врачъ и паціентъ имѣютъ это въ виду, то болѣе строгое регулированіе режима воспринимается не какъ гнетъ, а какъ благодѣяніе.

Проф. Карлъ фонъ-Ноорденъ.

Вѣна.

„СЪ ВЫСТАВКИ“

(Письмо изъ Брюсселя.)

Несчастье, постигшее бельгійцевъ въ концѣ лѣта, и рѣшимость, съ какою они приступили къ возстановленію истребленной огнемъ части всемірной выставки въ Брюсселѣ, привлекли общія симпатіи къ этому неутомимому и бодрому маленькому народцу. Я былъ въ числѣ тѣхъ, кто имѣлъ случай осматривать выставку до и послѣ пожара. Два слишкомъ мѣсяца тому назадъ, когда выставка еще не вполнѣ была закончена, я посѣтилъ главныя ея зданія, въ настоящее время наполовину разрушенныя. Передняя галлерея была занята исключительно продуктами бельгійской промышленности. Обширный томъ, въ 500 слишкомъ страницъ, каталогировалъ эти продукты. Галлерея открывалась выставкой предметовъ электричества и заканчивалась выставкой питей, начиная съ кофе и шоколада и оканчивая пивомъ. Общее вниманіе привлекалъ отдѣлъ модъ; народа толпилось такъ много передъ витринами восковыхъ куколъ, одѣтыхъ въ роскошныя женскія платья, что мнѣ за недѣлю пришлось только однажды подойти къ нимъ на близкое разстояніе. Машинное отдѣленіе, къ счастью, не помѣщалось въ этой галлереѣ и уцѣлѣло, поэтому, вполнѣ. Каталогъ не только весьма обстоятельно излагалъ особенности выставленныхъ предметовъ, имя производителя, его адресъ, различныя награды, имъ ранѣе полученныя, матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ мануфактуратъ, его величину и форму: въ немъ помѣщены были также короткіе вступительные очерки, касавшіеся территоріи, климата и населенія Бельгіи, характера ея учрежденій, финансовъ, культовъ, благотворительности, народнаго просвѣщенія, промышленности, земледѣлія, торговли, путей сообщенія, монетной системы и даже состоянія наукъ и искусствъ. Очеркъ этотъ составленъ былъ не далѣе

какъ въ февралѣ 1909-го года въ бюро статистики при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія. Онъ заключаетъ въ себѣ, поэтому, самыя послѣднія цифровыя данныя и можетъ быть использованъ для опредѣленія степени матеріальнаго процвѣтанія небольшого королевства, едва насчитывающаго 80 лѣтъ существованія. Мы узнаемъ изъ него, между прочимъ, что съ 3.786.000 жителей, какихъ Бельгія насчитывала въ годъ своего созданія—1831-ый—населеніе поднялось въ ней почти до $7^1/_2$ милліоновъ; это даетъ 250 слишкомъ человѣкъ на квадратный километръ. Населеніе распредѣляется далеко неравномѣрно между разными провинціями: въ Брабантѣ, въ которомъ лежитъ Брюссель, на квадратный километръ приходится 443 человѣка, тогда какъ въ провинціи Намюръ ихъ не болѣе 100, а въ Люксембургѣ—всего 53. Изъ общей цифры жителей, которая къ началу 1909 г. равнялась въ точности 7.386.444 чел., 1.372.251 чел. заняты промышленностью, 385.236 — торговлей. Людей, не имѣющихъ никакой профессіи—къ ихъ числу принадлежатъ почти исключительно дѣти и старики — насчитывалось въ 1909-мъ году 3.622.000. Живущихъ земледѣліемъ—1 милліонъ 200 слишкомъ тысячъ. Такимъ образомъ, промышленное и торговое населеніе почти на одну треть превышало земледѣльческое. 430.000 мелкихъ приказчиковъ, слугъ и рабочихъ, за исключеніемъ занятыхъ въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ, да еще 125 тыс. чиновниковъ, священниковъ, учителей, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, наконецъ, лицъ, стоящихъ подъ знаменами, въ милиціи—образовали изъ себя особыя группы. На всѣ эти профессіи приходится всего 109 тысячъ собственниковъ, капиталистовъ и людей, живущихъ рентой. Населеніе Бельгіи почти поровну распадается на фламандцевъ и валлонцевъ, точнѣе—на лицъ, не употребляющихъ французскаго языка, и лицъ, говорящихъ на немъ одномъ или также на обоихъ—фламандскомъ и французскомъ. Точныя цифры слѣдующія: въ 1900 г. насчитывали два милліона 230 слишкомъ тысячъ людей, говорящихъ только по-французски, и 2 милліона 485 слишкомъ тысячъ, которымъ доступенъ былъ только фламандскій языкъ; почти 424 тысячи владѣли обоими языками. Число грамотныхъ въ 1900 г. составляло почти 81%. Бюджетъ маленькаго королевства въ 1907 г. представлялъ собою 708 милліоновъ франковъ дохода и 767 милліоновъ франковъ расхода; на каждаго жителя въ 1907 г. приходилось, среднимъ числомъ, 38 франковъ налоговъ въ годъ. Торговые обороты Бельгіи въ 1908 г., считая ввозъ и вывозъ, равнялись 10.337.000.000 франкамъ. Въ 1896 г. насчитывалось въ Бельгіи 329.863 самостоятельныхъ предпріятія промышленнаго характера, изъ которыхъ 326 тысячъ были въ полномъ ходу. Изъ этого числа 305 тысячъ принадлежали частнымъ лицамъ и всего $5^1/_5$% велись ассоці-

рованными предпринимателями. Господствующимъ видомъ промышленности оставалось индивидуальное ремесло, производимое безъ помощи нанимаемыхъ работниковъ. Такихъ предпріятій насчитывалось 165.000, т.-е. 70% всего числа. Мелкая промышленность, при которой число наймитовъ отъ одного до четырехъ, представлена была цифрой 54.500 предпріятій, т.-е. 24% слишкомъ всего ихъ числа. Средняя промышленность, при которой работающихъ болѣе четырехъ и менѣе пятидесяти человѣкъ, представлена была 14.800 предпріятіями, что равняется 5,12% всего ихъ числа. На долю крупной промышленности приходилось всего-навсего 1.700 предпріятій, изъ которыхъ 200 держали 500 и болѣе рабочихъ. Въ общей сложности крупныя предпріятія доставляли работу приблизительно 60-ти процентамъ всѣхъ трудящихся, среднія — только 26%, мелкія — 14%. Наиболѣе развитыми видами промышленности, занимавшими наибольшее число рабочихъ рукъ, были и остаются производства текстильное, портняжное, металлическое, горное, строительное, пищевыхъ продуктовъ, мануфактуры изъ дерева и мебельное, наконецъ выдѣлка кожъ и кожевенное дѣло. Что касается до рабочаго населенія, то оно распадалось на 671.596 человѣкъ, трудящихся внѣ жилища, и 101.664 человѣка, работающихъ у себя на дому. Другими словами, всего 13% всѣхъ рабочихъ исполняли заказы, сдѣланные имъ капиталистами не на фабрикѣ, представляя такимъ образомъ собою домашнюю форму крупной промышленности. Число женщинъ-работницъ составляло всего 1/5 общаго числа трудящихся; другими словами, на четырехъ мужчинъ-рабочихъ приходится всего одна женщина. Женскій трудъ встрѣчается всего чаще въ производствѣ текстильномъ и въ тѣхъ, которые заняты изготовленіемъ предметовъ одежды. 37% всѣхъ женщинъ-работницъ трудятся у себя на дому. Земледѣльческое населеніе съ 1880-го по 1895-ый годъ возрасло на 5.491 чел. Это возрастаніе не пропорціонально росту общаго числа жителей. Если принять его во вниманіе, то окажется, что въ 1880-мъ году лица, занятыя въ земледѣліи, представляли собою почти 22% всего населенія, а нынѣ—не болѣе 19%. Заработокъ сельскихъ рабочихъ палъ въ теченіе того же періода времени почти съ 2-хъ франковъ на человѣка до 1 фр. 21 сант. Женскій трудъ, разумѣется, оплачивается еще слабѣе—75 сантимовъ въ день, въ среднемъ.

Приведенныя цифры могутъ дать нѣкоторое понятіе о матеріальномъ развитіи Бельгіи; но за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которыя говорятъ о ростѣ грамотности и учебныхъ заведеній, ни одна прямо не свидѣтельствуетъ о тѣхъ значительныхъ успѣхахъ, какіе сдѣланы бельгійцами въ сферѣ наукъ, искусствъ и литературы.

Мнѣ приходится посѣщать Бельгію за послѣднія двадцать лѣтъ

обыкновенно на разстояніи двухъ-трехъ годовъ. Я сталъ ѣздить туда вскорѣ послѣ событій 1893-го года, когда ея конституція получила опредѣленный демократическій отпечатокъ, благодаря отмѣнѣ избирательнаго ценза. Съ этимъ фактомъ совпадаетъ открытіе Новаго университета въ Брюсселѣ, въ которомъ я призванъ былъ читать лекціи по экономической исторіи и исторіи учрежденій. Въ первое время я посѣщалъ Бельгію особенно часто и оставался тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ подъ-рядъ. Затѣмъ, отвлеченный руководительствомъ Высшей Русской Школой въ Парижѣ и поступленіемъ въ число профессоровъ С.-Петербургскаго университета, я долженъ былъ ограничивать мое пребываніе въ Бельгіи лишь нѣсколькими днями, и то на разстояніи не мѣсяцевъ, какъ прежде, а лѣтъ. Мнѣ, поэтому, особенно рѣзко бросился въ глаза значительный подъемъ ея научной литературы и преподаванія. Я долженъ, однако, ограничить это заявленіе болѣе доступной мнѣ областью знанія—историко-общественными дисциплинами. Въ концѣ прошлаго столѣтія Бельгіи недоставало того, что̀ можно назвать систематической исторіей ея прошлаго. Правда, Кервинъ-де-Леттенгофъ и Варнкёнигъ своими многочисленными изданіями и монографіями по исторіи городскихъ учрежденій и правовыхъ институтовъ Фландріи подготовили обильный матеріалъ для общей исторіи страны; но никто не рѣшался взяться за критическій пересмотръ всѣхъ ея источниковъ, отдѣлить легенды и сказанія отъ достовѣрнаго матеріала, провѣрить съ этой цѣлью лѣтописныя свидѣтельства показаніями жалованныхъ грамотъ, договоровъ и другихъ историческихъ и юридическихъ актовъ. Самые смѣлые изслѣдователи останавливались на изученіи однихъ только выдающихся моментовъ въ блестящемъ прошломъ фландрскихъ коммунъ. Вандеркиндеръ, напримѣръ, обогатилъ всемірную литературу изящнымъ изображеніемъ „вѣка обоихъ Артевельдовъ"—эпохи подъема демоса въ Гентѣ и переустройства его городскихъ учрежденій въ духѣ народоправства. Въ настоящее время бельгійцы нашли въ лицѣ Пирена (профессора Гентскаго университета), человѣка вполнѣ подготовленнаго не къ одной только историко-критической работѣ, но и къ широкимъ обобщеніямъ, на которыя наводитъ исторія цвѣтущихъ городскихъ республикъ, существовавшихъ на берегахъ Шельды и Нѣмецкаго моря. Почти одновременно съ трехтомной монографіей Курта о городѣ Льежѣ въ средніе вѣка вышли три тома „Исторіи Бельгіи" Пирена. Они доводятъ ее до прибытія въ Брюссель герцога Альбы, т.-е. до начала той „революціи Нидерландовъ", которая нашла классическое изображеніе въ извѣстномъ сочиненіи Мотлея и вторично написана за послѣдніе годы бельгійскимъ историкомъ Гос-

сартомъ, въ двухъ томахъ, подъ общимъ названіемъ: „Испанцы и Фламандцы въ XVI-мъ вѣкѣ“.

Пиренъ отводитъ въ своей исторіи большое мѣсто экономическимъ явленіямъ, а нѣкоторые изъ его учениковъ и послѣдователей,—въ числѣ ихъ де-Марэ,—посвящаютъ цѣлые томы такимъ, напр., вопросамъ, какъ организація труда въ Брюсселѣ въ XV-мъ вѣкѣ. Той же экономической исторіи края посвящены труды нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей. Отмѣчу интересную работу Гюисмана о торговой и колоніальной политикѣ Бельгіи въ XVII-мъ вѣкѣ“. Большая часть этой литературы не доходитъ до свѣдѣнія широкихъ слоевъ читающей публики. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только монографія Пирена, озаглавленная: „Древняя демократія Нидерландовъ“. Она вошла въ составъ популярной библіотеки, издаваемой въ Парижѣ докторомъ Лебономъ, и является естественнымъ продолженіемъ извѣстнаго сочиненія Круазэ: „О демократіи у древнихъ вообще и объ аѳинской въ частности“. Оба сочиненія можно рекомендовать и русскимъ переводчикамъ. Мнѣ извѣстенъ интересъ нашей читающей публики ко всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ прошлымъ народныхъ правительствъ, и я не сомнѣваюсь, поэтому, что названныя книги нашли бы у насъ широкое распространеніе.

Въ оживленіи исторической литературы Бельгіи принимаетъ непосредственное участіе и Королевская Академія Наукъ. Такъ было и раньше, когда въ спискѣ ея членовъ можно было встрѣтить такихъ знатоковъ отечественной старины, какъ Кервинъ-де-Леттенгофъ и Вандеркиндеръ; такъ продолжается и теперь. Недавно, по предложенію Пирена, Академія приступила къ изданію статутовъ цеховъ, занятыхъ текстильной промышленностью, и притомъ на протяженіи всей Фландріи. Вышло уже два тома, подъ общимъ заглавіемъ: „Документы, касающіеся суконодѣлія“. Вся предварительная работа сдѣлана молодымъ историкомъ-экономистомъ Эспинасомъ, а вступительный очеркъ написанъ самимъ Пиреномъ.

Занятія драматическимъ прошлымъ Фландріи, вольной жизнью ея городскихъ коммунъ, ихъ нерѣдко побѣдоносной встрѣчей съ французскими ополченіями, неустанной борьбой городовъ съ ихъ епископами и свѣтскими князьями изъ-за расширенія своей автономіи, смѣной олигархическихъ правительствъ демократическими и т. д. не мѣшаютъ бельгійскимъ историкамъ избирать ближайшей темой для своихъ монографій и недавнюю, сравнительно, дѣятельность такихъ людей, какъ, напр., Фреръ-Орбанъ. Въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ этотъ парламентарій стоялъ во главѣ либеральной партіи. Такъ какъ въ то время не было еще въ бельгійской палатѣ обособившейся рабочей группы, то Фреръ-Орбану и его политическимъ друзьямъ не разъ прихо-

дилось принимать на себя защиту жизненныхъ интересовъ трудящагося люда. Какъ министръ финансовъ, Фреръ-Орбанъ озабоченъ былъ удешевленіемъ средствъ жизни: онъ успѣшно провелъ черезъ палаты законъ, отмѣнявшій городскіе поборы съ предметовъ потребленія, доселѣ удержавшіеся во Франціи подъ наименованіемъ октруа. При его поддержкѣ бельгійскому министерству удалось вынести успѣшную борьбу противъ притязаній императорскаго правительства Франціи на вмѣшательство во внутреннія дѣла страны, съ цѣлью измѣненія ея конституціи, какъ открывавшей революціонерамъ возможность укрыться въ Бельгіи отъ преслѣдованій. „Никогда мы не допустимъ такого вмѣшательства въ наши дѣла", заявилъ съ трибуны министръ Вилленъ-Каторзъ,—и это „jamais" доставило ему такую же извѣстность, какая пріобрѣтается годами удачной политики и проведеніемъ выдающихся реформъ.

Наиболѣе памятную страницу въ исторіи либеральной партіи и ея главы, Фреръ-Орбана, составила дипломатическая миссія послѣдняго въ Парижъ, помѣшавшая осуществленію Наполеоновскаго проекта присоединенія Бельгіи къ Франціи. Умѣлое поведеніе въ этомъ случаѣ бельгійскаго парламентарія избавило Европу отъ войны и обезпечило мирное развитіе новой націи, сумѣвшей за послѣднюю половину прошлаго вѣка осуществить труднѣйшую изъ всѣхъ задачъ: создать литературу на томъ самомъ языкѣ, на которомъ писали Расинъ и Гюго, литературу, несомнѣнно носящую свой оригинальный отпечатокъ. Вѣдь ни Верхарна, ни Метерлинка никто не приметъ за французовъ, особенно перваго,—такъ отразилось на его творчествѣ и историческое прошлое Фландріи, и своеобразная природа страны и ея жителей.

Фреръ-Орбану посвящены проф. Полемъ Гимансъ два обширныхъ тома, вышедшихъ первый въ 1905-мъ году, послѣдній—нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Такъ какъ эти томы обнимаютъ собою періодъ времени съ 1840 по 1870 г., то въ нихъ затрогивается почти половина бельгійской исторіи новаго времени, т.-е., той эпохи, когда давнишнее стремленіе католическихъ провинцій испано-австрійскихъ Нидерландовъ отдѣлиться отъ протестантскихъ завершилось революціей и созданіемъ бельгійскаго королевства.

Если мы прибавимъ ко всему сказанному, что за послѣднее время также хорошо изучены судьбы Бельгіи въ эпоху Батавской республики и правленія Наполеонидовъ, что исторія перваго короля Бельгіи Леопольда изложена въ цѣломъ рядѣ томовъ и что та же судьба ждетъ царствованіе его недавно скончавшагося преемника, сумѣвшаго пріобрѣсть для страны обширную колонію въ Африкѣ, служащую теперь яблокомъ раздора между соціалистами,—то нашъ выводъ будетъ тотъ, что бельгійцы весьма ревниво относятся къ изображенію

своихъ какъ отдаленныхъ, такъ и близкихъ судебъ. Я позволю себѣ, поэтому, не согласиться съ моимъ пріятелемъ, брюссельскимъ профессоромъ Найсъ, не разъ убѣждавшимъ меня въ томъ, что эрудиція не составляетъ счастливой особенности его соотечественниковъ. Самъ Найсъ — живое опроверженіе этой мысли. Подаривши юридическую литературу обширной и опирающейся на источники первыхъ рукъ исторіей роста международныхъ отношеній и параллельнаго развитія самого международнаго права, онъ, что ни годъ, выпускаетъ то законченный курсъ своего предмета, то монографіи, посвященныя средневѣковому торговому обмѣну на Западѣ или роли масонства въ стремленіяхъ къ международному соглашенію. Въ этомъ отношеніи онъ является прямымъ продолжателемъ другого, несравненно болѣе знаменитаго бельгійца, такого же, какъ и онъ, профессора, только не въ Брюсселѣ, а въ Льежѣ. Я разумѣю Лорана, который своими „Этюдами по исторіи человѣчества" положилъ основаніе исторіи международныхъ сношеній и международнаго права.

Рѣдкая страна такъ много, какъ Бельгія, потрудилась для подготовки той дѣятельности, которою заняты въ настоящее время и междупарламентскія конференціи мира, и ранѣе ихъ возникшій институтъ международнаго права въ Гентѣ. Еще въ то время, когда я сидѣлъ на университетской скамьѣ, въ Харьковѣ, мой незабвенный учитель—Д. И. Каченовскій—не разъ знакомилъ свою аудиторію съ содержаніемъ статей, появлявшихся въ „Журналѣ Международнаго Права". Журналъ этотъ выходилъ и выходитъ въ Брюсселѣ. Его первый редакторъ—Ролленъ-Жакменъ—сумѣлъ привлечь къ своему изданію всѣхъ выдающихся юристовъ-международниковъ, въ томъ числѣ и харьковскаго профессора, только что завоевавшаго себѣ извѣстность сочиненіемъ „О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ". Когда, въ концѣ августа текущаго года, мнѣ пришлось участвовать въ междупарламентской конференціи мира и посредничества, собравшейся въ Брюсселѣ, и прислушиваться къ рѣчамъ ораторовъ, въ средѣ которыхъ еще встрѣчались, къ счастію—въ ничтожномъ меньшинствѣ, поборники сохраненія каперства,—мнѣ невольно приходило въ голову, какъ медленно идетъ поступательное развитіе человѣчества! Еще въ Учредительномъ Собраніи 1789 г. поставленъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ того признаваемаго правительствами морского разбоя, какимъ является каперство... Въ пользу этой отмѣны высказывались и высказываются юристы всѣхъ странъ, за исключеніемъ одной—Англіи, гдѣ на возможность остановки торговаго обмѣна для воюющей съ нею державы продолжаютъ смотрѣть какъ на одно изъ лучшихъ средствъ къ предупрежденію войны или, по меньшей мѣрѣ, къ сокращенію ея продолжительности. За послѣднее время только въ одномъ смыслѣ

сдѣланъ несомнѣнный прогрессъ: забота объ обезпеченіи неприкосновенности частной собственности на морѣ стала и въ Англіи брать верхъ надъ укоренившимся убѣжденіемъ, что для державы, оборонительныя силы которой главнымъ образомъ состоятъ во флотѣ, организованное пиратство должно быть признано несчастной необходимостью. Этимъ объясняется, почему лорду Грэю удалось до нѣкоторой степени осуществить на лондонской конференціи завѣтное желаніе исконныхъ противниковъ легализированнаго разбоя. Недавно собравшимся въ Брюсселѣ парламентаріямъ пришлось услышать изъ устъ лорда Вердэля, что большинство членовъ британской группы требуетъ отмѣны каперства. Такимъ образомъ, 120 лѣтъ спустя послѣ того какъ предложено было покончить съ каперствомъ, единомысліе на этотъ счетъ еще не установилось и практическихъ результатовъ приходится ожидать только въ будущемъ.

Бельгія, какъ страна, нейтралитетъ которой обезпеченъ державами—одно изъ тѣхъ государствъ, которыя всего болѣе заинтересованы въ отмѣнѣ каперства и блокады, въ подведеніи подъ понятіе военной контрабанды одного оружія и разрушительныхъ снарядовъ и вообще въ охранѣ товаровъ на морѣ. Немудрено, поэтому, если и на недавнемъ собраніи членовъ различныхъ парламентовъ міра докладчикъ, говорившій отъ имени бельгійской группы, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу нетолько принятія, но и дальнѣйшаго развитія началъ лондонской конференціи. Съ нѣкоторыми оговорками къ предложенію бельгійцевъ присоединились французскіе и русскіе делегаты, и безъ всякихъ оговорокъ—большинство англійской группы, американцы, австрійцы и нѣмцы. Всѣхъ членовъ конференціи объединило также желаніе создать постоянный призовый судъ изъ спеціалистовъ всѣхъ странъ по морскому международному праву; но предложеніе американцевъ обратить этотъ судъ въ посредническій, для устраненія всякихъ поводовъ къ войнѣ, встрѣтило не менѣе рѣшительный отпоръ. Предсѣдатель собранія, извѣстный государственный дѣятель Бельгіи, Бернаертъ, поставилъ на видъ членамъ „подготовительнаго совѣта“ къ междупарламентской конференціи, что посредничество предполагаетъ добровольный выборъ судей сторонами, что въ числѣ этихъ судей мелкимъ державамъ, какъ Бельгія, мудрено будетъ провесть собственныхъ ставленниковъ, и что вообще идея государственнаго суверенитета не мирится съ существованіемъ надъ-государственной власти — законодательной, исполнительной или судебной. За исключеніемъ указаннаго разномыслія, между европейскими и американскими парламентаріями господствовало трогательное единодушіе. Оно облегчило ходъ работъ и позволило удѣлить немало времени всякаго рода празднествамъ, начиная съ осмотра выставки и

оканчивая поѣздками въ загородный королевскій замокъ, а также въ Антверпенъ и Спа. Изъ всѣхъ этихъ торжествъ наиболѣе удачнымъ былъ раутъ въ городской ратушѣ, освѣщенной a giorno, что позволило посѣтителямъ вполнѣ осмотрѣть артистическія сокровища, въ ней накопленныя, въ томъ числѣ великолѣпно сохранившіеся фламандскіе гобелены, ничѣмъ не уступающіе французскимъ. Въ готическомъ залѣ танцы временъ директоріи, исполненные лучшими балетными силами, явились рѣшительнымъ анахронизмомъ и свидѣтельствовали скорѣе о готовности позабавить собравшихся, чѣмъ о тактѣ и художественномъ вкусѣ устроителей.

Банкетъ, которымъ закончилось собраніе парламентаріевъ въ Брюсселѣ, далъ поводъ предсѣдателю Бернаерту, восьмидесятичетырехлѣтнему, но еще бодрому старику, раскрыть причину своего продолжительнаго и успѣшнаго руководительства бельгійской политикой: онъ „одновременно служилъ и монархіи, и той, по его выраженію, не менѣе притязательной королевѣ, какою является общественное мнѣніе“. Государственный дѣятель, согласившійся на введеніе въ странѣ всеобщаго избирательнаго права съ той поправкой, какую представляетъ система плюральнаго вотума, обезпечившая численный перевѣсъ клерикаламъ и совершенное пораженіе либеральной партіи, вправѣ былъ, съ улыбкой на устахъ, произнести приведенныя слова и мотивировать ими тостъ въ честь всѣхъ правительствъ міра, очевидно раздѣляющихъ съ нимъ ту мысль, что народомъ можно править только считаясь съ его неотложными запросами и уступая ему, въ то же время, возможно меньше власти. Представитель венгерскаго правительства, министръ народнаго просвѣщенія Аппони, поспѣшилъ присоединить къ чествуемымъ, на ряду съ молодымъ монархомъ Бельгіи, и умудреннаго годами императора Австріи. Парламентаріямъ другихъ странъ, и мнѣ въ томъ числѣ, осталось послѣ этого только благодарить бельгійскій народъ за его гостепріимство и мимоходомъ указать на значеніе мелкихъ государствъ, какъ своего рода соціологическихъ лабораторій, въ которыхъ дѣлается проба тѣхъ или иныхъ реформъ, вводимыхъ впослѣдствіи у себя, въ случаѣ ихъ успѣшности, и крупными націями.

Нашъ конгрессъ не вошелъ въ списокъ тѣхъ, какіе созваны были или еще будутъ созваны въ нынѣшнемъ году въ Брюсселѣ по случаю международной выставки. Эти конгрессы—не всѣ международны; имѣются и такіе, которые объединяютъ собою представителей отдѣльныхъ городовъ и провинцій Бельгіи; есть и такіе, на которыхъ на равныхъ правахъ участвуютъ уполномоченные Бельгіи и Голландіи, и такіе, на которыхъ желанными гостями признаются всѣ ревнители французской культуры. Число конгрессовъ, уже собравшихся или имѣющихъ собраться до 8-го октября—шестьдесятъ девять. Они засѣдаютъ,

обыкновенно, или въ особомъ зданіи, отведенномъ для этой цѣли на выставкѣ, или въ Академіи Наукъ, или во Дворцѣ Націй, т.-е. въ бельгійскомъ парламентѣ. На многихъ изъ этихъ конгрессовъ показывались и наши соотечественники. Я встрѣтился въ Брюсселѣ съ уполномоченными отъ русскаго министерства народнаго просвѣщенія, и отъ публичныхъ библіотекъ Москвы и Кіева, прибывшими для участія на международномъ конгрессѣ библіографіи. На конгрессѣ криминологовъ съ большимъ успѣхомъ выступилъ одинъ изъ членовъ первой Думы—В. Д. Набоковъ.

Многіе изъ конгрессистовъ, не довольствуясь дѣлаемыми ими сообщеніями, читаютъ еще публичныя лекціи на выставкѣ. Выдающіеся ученые и политическіе дѣятели — бельгійскіе и заграничные—соглашаются принять участіе въ этихъ „конференціяхъ". Въ спискѣ ихъ я нашелъ слѣдующія имена: Рузвельтъ—бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, принцъ Монакскій, Маркони — изобрѣтатель безпроволочнаго телеграфа, Липпманъ — изобрѣтатель цвѣтной фотографіи, г-жа Кюри—открывшая радій. Кромѣ этихъ „конференцій" устроенъ былъ рядъ литературныхъ. На одной изъ нихъ, подъ предсѣдательствомъ Эдмонда Пикара, молодой король привѣтствовалъ рѣчью знаменитаго поэта Бельгіи, Верхарна, при шумныхъ апплодисментахъ многочисленной избранной публики. Такія темы, какъ „гигіена и бактеріологія", „механика и промышленность", „океанографія", „авіація", „различныя формы коопераціи"—фигурируютъ въ программахъ публичныхъ лекцій на ряду съ темами историческаго и литературнаго содержанія. Камиллъ Лемонье прочтетъ о „начинателѣ" бельгійской литературы — де Костерѣ, Георгъ Вирресъ — о „фламандской средѣ". Обѣ литературы — „фламандская" и „валлонская"—найдутъ своихъ выразителей, какъ онѣ нашли ихъ уже на томъ литературномъ торжествѣ, о которомъ упомянуто мною было выше. Но фламандской едва-ли удастся одержать верхъ въ этомъ мирномъ соревнованіи, хотя бы потому, что два самыхъ крупныхъ фламандца — Метерлинкъ и Верхарнъ — пишутъ оба на французскомъ языкѣ. Послѣдній, правда, еще сохранилъ въ своемъ творчествѣ многія особенности германской расы. Легкимъ стихъ его назвать нельзя, и кто привыкъ къ звучной риѳмѣ Виктора Гюго, тоже едва-ли найдетъ большое наслажденіе при чтеніи стиховъ Верхарна; они болѣе привлекаютъ своимъ содержаніемъ. Многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые поднимаются соціологической литературой Бельгіи,—напр. отходъ крестьянъ изъ деревень въ города, побѣдоносная борьба фабрики съ мелкой промышленностью, ростъ матеріальнаго неравенства, пролетаризація массъ,—находятъ себѣ поэтическое выраженіе въ поэмахъ Верхарна. Въ отличіе отъ большинства писателей, не видящихъ ничего поэтическаго въ изображеніи очаговъ современной

промышленности, готовыхъ, по примѣру Гюи де Мопасана, бѣжать изъ выставочнаго Парижа, чтобы не видѣть „Эйфелевой башни“, Верхарнъ захваченъ мощью большихъ городовъ, гаванью съ сотнями торговыхъ кораблей и даже фабричными трубами, создающими изъ своего дыма, по его выраженію, свою собственную небесную крышу. Но бельгійскій поэтъ, какъ и всѣ поэты, любитъ контрасты и антиноміи. Веселый разгулъ фламандцевъ временъ Рубенса и Іорданса, нескончаемые пиры съ веселыми и довольно-таки обнаженными женщинами, „колоссальное“ обжорство и не менѣе „колоссальныя“ выпивки въ такой же степени тревожатъ его музу, какъ и аскетическая жизнь монастырей. Его недавній біографъ—который, кстати сказать, оказался нѣмцемъ и призналъ въ немъ бо́льшую близость съ германской, чѣмъ съ французской музой,—сообщаетъ интересныя подробности о томъ, какъ отъ шумной жизни, немало повредившей его здоровью, Верхарнъ бѣжалъ въ одну изъ знаменитыхъ средневѣковыхъ обителей Бельгіи. Одно время упорно держался слухъ, что онъ намѣренъ постричься въ монахи; но вскорѣ всѣ узнали, что и монастырская жизнь не удовлетворила его и что онъ ищетъ врачеванія своимъ недугамъ въ продолжительныхъ странствованіяхъ, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Перемѣна образа жизни отразилась и на литературныхъ сюжетахъ Верхарна. Въ первыхъ его стихотвореніяхъ, вышедшихъ отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ: „Фламандки“, трудно предугадать поэта „Монаховъ“ и автора трагедіи, въ которой дѣйствующими лицами являются иноки, а центральной фигурой — всенародно-кающійся въ отцеубійствѣ кандидатъ на званіе игумена. Изъ своихъ поѣздокъ по многолюднымъ столицамъ, крупнымъ торговымъ и промышленнымъ центрамъ Верхарнъ вывезъ цѣлый томъ стихотвореній, обезпечившій ему популярность въ болѣе широкихъ кругахъ. Этотъ сборникъ озаглавленъ: „Города со щупальцами и галлюцинированныя деревни“. Прозаическую передачу этого тома, раньше его появленія, можно найти въ книгѣ Вандервельда: „Деревенскій отходъ“, вышедшей въ двухъ изданіяхъ и на русскомъ языкѣ; одно изъ нихъ было снабжено моимъ предисловіемъ. До нѣкоторой степени можно сказать, что въ стихотворномъ сборникѣ Верхарна развивается тема обратная той, которая нашла выраженіе въ „Мужикахъ“ Чехова: деревня пустѣетъ, такъ какъ крестьянина привлекаетъ въ городъ возможность легкой наживы, промышленнымъ трудомъ и торговыми оборотами. Уходя въ городъ, крестьянинъ не знаетъ, какой цѣною ему придется расплатиться за этотъ добровольный разрывъ съ землей; онъ не предвидитъ изнуряющаго его организмъ труда, фабричной копоти, развращающаго вліянія, какое на женскую половину его семьи окажетъ приманка большого города. У Чехова крестьянинъ, ушедшій обратно изъ города

въ деревню, принужденъ вернуться въ городъ, такъ какъ деревня съ ея мірскими порядками не въ состояніи обезпечить ему нужный кусокъ хлѣба. У Верхарна крестьянинъ даже не задается мыслью о такомъ „исходѣ". Чуждый всякаго романтизма и всякой сантиментальности, поэтъ не проливаетъ слезъ, а довольствуется объективнымъ изображеніемъ явленій. Одинъ французскій критикъ сказалъ о немъ, и не безъ основанія, что Верхарнъ все любитъ и ни къ чему не питаетъ ненависти: ни къ веселымъ фламандкамъ, ни къ добровольно замуровавшимъ себя отъ жизни монахамъ, ни къ покидающимъ сельскій просторъ крестьянамъ, ни къ уродующимъ ихъ судьбу большимъ городамъ и фабрикамъ. И къ нему можно было бы приложить извѣстный эпиграфъ Спинозы: „Не плакать, не смѣяться, а понимать".

Эта способность пониманія, т.-е. умѣнье войти во всю внѣшнюю и внутреннюю обстановку даннаго момента—причина тому, что Верхарнъ явился въ послѣднее время и превосходнымъ эпическимъ поэтомъ. Одинъ изъ четырехъ томовъ, озаглавленныхъ имъ: „Вся Фландрія", посвященъ изображенію судьбы ея „героевъ". Героями для Верхарна одинаково являются и основатели первыхъ монастырскихъ обителей, и творцы фламандской живописи, и вожди народныхъ движеній, какими были оба Артевельда, и покоритель Гента—Карлъ Смѣлый, и Везаль, сумѣвшій использовать самыя казни герцога Альбы для науки и положить прочныя основы анатоміи разсѣканіемъ человѣческихъ труповъ. Однимъ изъ любимыхъ героевъ Верхарна является Рубенсъ. Онъ пишетъ о немъ и прозой, и стихами, настаивая на той мысли, что Рубенсъ—прежде всего энтузіастъ красоты. Его творчество — „творчество радости"; даже въ его „Распятіи" воплощеніе молодости и красоты — Магдалина — является „роскошнымъ солнечнымъ растеніемъ, одно присутствіе котораго удаляетъ печаль и, среди крови и труповъ, создаетъ какое-то праздничное настроеніе".

Въ послѣднемъ своемъ томѣ — „Верховные ритмы" — Верхарнъ расширяетъ рамки своей исторической эпопеи, включая въ число героевъ и Геркулеса, и Персея, и Іоанна Крестителя, и вождей варваровъ, и крестоносцевъ, и Мартина Лютера, и Микель-Анджело. Послѣдними героями являются у него „городъ" и „народъ". Поэзія Верхарна пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе міровой характеръ; его извѣстность растетъ за предѣлами Бельгіи, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ въ самой его родинѣ. Хотя Верхарнъ продолжаетъ жить въ глухомъ углу Фландріи, близъ мѣста своего рожденія, но въ Остенде— главномъ городѣ приморской части этой самой Фландріи — книгопродавцы недоумѣвающе отвѣчали на мой вопросъ о томъ, не держатъ ли они въ своемъ складѣ его сочиненій. Они предлагали мнѣ новѣйшіе романы Прево и Поля Адана, но я не нашелъ у нихъ

ни де-Костера — основателя бельгійской литературы, ни Верхарна — ея корифея.

Всемірная выставка, привлекшая въ Брюссель массу иностранцевъ, имѣла однимъ изъ своихъ счастливыхъ послѣдствій оживленіе интереса къ небольшой, но великой энергіею и предпріимчивостью бельгійской націи. Ее не пугаетъ борьба даже съ физическими силами природы—съ водой и огнемъ. На протяженіи всей морской границы, отъ Ньюпорта до Корка, за которымъ начинаются уже Нидерланды, бельгійцы построили, цѣною многихъ милліоновъ, крѣпкія плотины, обезопасившія не одинъ Остенде отъ наводненій. Хотя пожаромъ разрушена была добрая половина выставки—все бельгійское и англійское отдѣленія и весь „Старый Брюссель“—но бельгійцы не упали духомъ и съ слѣдующаго же дня принялись за реставрацію главнаго фронтона; въ ближайшемъ будущемъ они если не возстановятъ галлерей, то настолько замаскируютъ все причиненное пожаромъ, что пріѣзжимъ придется уже расспрашивать о немъ проводниковъ, а не ужасаться зрѣлищемъ оголившихся желѣзныхъ стропилъ и лѣстницъ. „Старый Брюссель“ уже выросъ снова на мѣстѣ недавняго пепелища, и члены нашего конгресса приглашены были участвовать въ торжествѣ его открытія. Работа идетъ тѣмъ успѣшнѣе, что заработная плата невысока; мнѣ жаловались французы-рабочіе, что имъ въ часъ предлагаютъ не болѣе восьми су, такъ что обыкновенный поденщикъ получитъ въ день не болѣе четырехъ франковъ, на которые онъ самъ долженъ содержать себя. Вся праздничная сторона выставки почти не потерпѣла отъ огня. Красивые павильоны Монакскаго княжества, Испаніи, Бразиліи, Канады разсѣяны на протяженіи той „Долины наслажденій“ и той „Улицы націй“, на которыхъ толпится бо̀льшая часть публики. Германскій отдѣлъ и отдѣлъ голландскій, не говоря уже объ уцѣлѣвшихъ почти сполна галлереяхъ Франціи и Италіи и о наиболѣе цѣнной части выставки — дворцѣ машинъ — заключаютъ въ себѣ такъ много любопытнаго, что я вполнѣ понимаю, почему число посѣтителей, какъ мнѣ говорили, не уменьшилось даже на треть. Пожаръ не сопровождался человѣческими жертвами. Мнѣ разсказывали случаи, свидѣтельствующіе о большомъ хладнокровіи и находчивости нѣкоторыхъ зрителей въ театрахъ и синематографахъ, расположенныхъ недалеко отъ мѣста пожара. Ихъ иниціатива выразилась въ томъ, что они успокаивали толпу, прося ее, въ то же время, разойтись не спѣша. Павильоны, расположенные въ „Долинѣ наслажденій“, благодаря этимъ увѣщаніямъ освободились отъ посѣтителей только постепенно; никто не унесъ на себѣ внѣшнихъ слѣдовъ давки, происходящей отъ того внезапнаго безумія, какое овладѣваетъ массами, застигнутыми пожаромъ. Въ Парижѣ, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

когда вспыхнулъ пожаръ на „Bazard de la Charité“, хорошо одѣтые джентльмены стали пробивать себѣ дорогу къ выходу даже ударами, направленными на женщинъ».. Послѣдствіемъ несчастья, постигшаго Брюссель, будетъ то, что закрытіе выставки отложатъ, вѣроятно, на цѣлый мѣсяцъ. Отъ состоянія погоды будетъ зависѣть, въ какой мѣрѣ выставочная администрація въ состояніи будетъ покрыть сборомъ съ новыхъ посѣтителей свои недочеты. Пока, несомнѣнно, пострадали только общества, у которыхъ застрахованы были уничтоженные пожаромъ экспонаты. Брюссельцы жалуются, впрочемъ, что выставка далеко не оправдала всѣхъ ихъ ожиданій. Одни содержатели отелей безумно повысили плату: на четвертомъ этажѣ второстепеннаго отеля я гнѣздился за 15 франковъ въ день. Что касается до ресторанной жизни, то она отлила къ выставкѣ. Въ городѣ пивныя и столовыя работаютъ слабо и, благодаря той же выставкѣ, магазины бельгійской столицы почти не посѣщаются иностранцами.

Небольшая только часть прибывающихъ въ Брюссель направляется въ противоположный отъ выставки конецъ города, гдѣ расположены временныя коллекціи произведеній Рубенса, Ванъ-Дика и Іорданса и прилегающая къ нимъ международная галлерея новой живописи. Удалось, разумѣется, собрать далеко не всѣ произведенія великаго антверпенскаго художника. Нельзя было оголить для этого ни стѣнъ антверпенскаго собора, съ знаменитымъ „Распятіемъ“, ни тѣхъ залъ, которыя въ Луврѣ, въ Мюнхенской пинакотекѣ или въ Брюссельской національной галлереѣ живописи хранятъ въ себѣ важнѣйшія сокровища неподражаемаго мастера и его двухъ лучшихъ учениковъ. Но то обстоятельство, что временная выставка произведеній ихъ кисти застрахована болѣе чѣмъ въ сто милліоновъ франковъ, уже само по себѣ даетъ понятіе о томъ, какъ значительно число собранныхъ картинъ и какъ высока ихъ теперешняя цѣна. Русскія надписи на нѣкоторыхъ картинахъ Іорданса свидѣтельствуютъ о томъ, что нашъ Эрмитажъ не уклонился отъ приглашенія участвовать на выставкѣ. Какъ жаль, что наши Академія Художествъ, Третьяковская галлерея и Музей Александра III-го не послѣдовали этому примѣру. Намъ не пришлось бы убѣждать бельгійцевъ въ томъ, что по небольшому числу случайно попавшихъ на выставку картинъ русскихъ художниковъ, подобранныхъ, какъ я слышалъ, по извѣстному плану Сергѣемъ Маковскимъ, еще нельзя судить о русскомъ искусствѣ. Вообще стопятидесяти-милліонная имперія блистаетъ своимъ отсутствіемъ на выставкахъ Брюсселя. Картинные горцы Кавказа, съ своими работами чернью на серебрѣ да продавцы духовъ и шоколада изъ Петербурга и Москвы заняли лавками и витринами тѣ нѣсколько квадратныхъ шаговъ, какіе отведены русской промышленности бокъ-о-бокъ съ япон-

ской, греческой и египетской. Не скрою моего недоумѣнія по поводу того, что русскіе промышленники, озабоченные, какъ извѣстно, мыслью о пріобрѣтеніи новыхъ рынковъ, не сумѣли сколько-нибудь использовать ту чудовищную и всемірную ярмарку, какою являются международныя выставки, въ томъ числѣ и Брюссельская. Разгадка, кажется, и на этотъ разъ лежитъ все въ томъ же недостаткѣ самостоятельнаго почина и въ нажитой привычкѣ полагаться на начальство. А такъ какъ начальство, въ видахъ благоразумной экономіи, не пожелало войти въ издержки, то Россія оказалась хуже чѣмъ пустымъ мѣстомъ на всемірной выставкѣ—какой-то мелочной лавочкой для сбыта второстепенныхъ по качеству продуктовъ кустарной промышленности.

Хорошо бы въ будущемъ избѣгать такихъ промаховъ. Они никогда не проходятъ даромъ. Мнѣ пришлось уже слышать въ разныхъ кругахъ брюссельскаго общества, что отъ выставокъ, обыкновенно, уклоняются тѣ, кому нечего показать, другими словами — кто находится въ застоѣ и не участвуетъ въ поступательномъ движеніи человѣчества.

Максимъ Ковалевскій.

27-го августа 1910 г.

ИТАЛЬЯНЦЫ

(Письмо изъ Рима.)

Интересный народъ итальянцы?—Мнѣ этотъ вопросъ частенько приходится слышать. Ну какъ тутъ отвѣтишь въ краткихъ словахъ? Всякій народъ, какъ и всякій человѣкъ, интересенъ ровно постольку, поскольку вы къ нему приблизились и его изучили. Одинъ красивъ, другой безобразенъ, третій глубокъ, четвертый мелоченъ, но какъ объектъ изученія всякій любопытенъ, и тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ труднѣе разобраться въ его индивидуальныхъ чертахъ. Да, и итальянцы интересны, какъ интересны французы и русскіе. Но народъ... народа итальянскаго еще нѣтъ; есть римляне, есть миланцы, сицилійцы, неаполитанцы; говорятъ они на разныхъ діалектахъ, поклоняются разнымъ предкамъ и преданіямъ, а общихъ боговъ у нихъ еще мало. Гарибальди—да, онъ *народный* герой; но Данте... онъ лишь національный геній, геній будущей итальянской націи; недостаетъ еще двадцати тысячъ школъ, чтобы Данте сталъ народнымъ поэтомъ. Барба-

нера, великій астрологъ и магъ, авторъ обиходнаго календаря, толкователь сновъ и предсказатель погоды, болѣе популяренъ чѣмъ Данте. Онъ, главное, удобопонятнѣе; къ нему не требуется многотомныхъ комментарій, для толкованія его излишни подстрочники: разъ сказано, что будетъ небольшое землетрясеніе—оно будетъ вопреки всѣмъ сомнѣніямъ ученыхъ скептиковъ, отрицающихъ возможность подобныхъ предсказаній. Барбанера народенъ, а Данте поднимаютъ изъ могилы только для того, чтобы доказать наличность въ Италіи сплоченной націи. И, конечно, блестяще доказываютъ противное.

Поэтому я не берусь говорить объ итальянскомъ народѣ, а буду говорить лишь объ итальянцахъ. Итальянцы, это—крестьяне, рабочіе, министры, кооператоры, адвокаты, кондуктора, журналисты, разносчики, извозчики, гондольеры, рыбаки, кабатчики, лакеи, депутаты, солдаты и всѣ прочіе. Брать ихъ оптомъ и класть въ одну реторту—невозможно. Дѣлать по отношенію къ нимъ обобщающіе выводы—преждевременно. И, вмѣсто критическаго, этнографическаго, антропологическаго анализа, я позволю себѣ дать здѣсь нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ натуры. Мой аппаратъ работалъ безъ системы; снимки не предназначались для публики, подборъ ихъ небогатъ и случаенъ. Многіе изъ тѣхъ, кто попалъ на его ленту, могутъ оказаться далеко не типичными экземплярами своей среды. Этой оговоркой я страхую себя отъ упрековъ въ обобщеніи, къ которому не имѣю ни малѣйшей склонности.

Съ большою деликатностью начнемъ сверху. Предъ нами группа первыхъ людей государства. Еще лѣтъ десять-пятнадцать назадъ надпись надъ ней гласила бы: „Высокая Каморра"; сейчасъ она именуется: „Кабинетъ Министровъ". Времена сильно перемѣнились. Въ то время какъ Криспи не нуждался въ большинствѣ и прочихъ демократическихъ выдумкахъ—Джолитти, этотъ пастырь добрый, дѣлалъ свое scacco-matto при помощи послушнаго парламентскаго стада. Ушелъ Джолитти—и стадо разбрелось, хотя отставной пастухъ и слѣдитъ за нимъ изъ-за куста. Сто дней, роковые сто дней Сидней Соннино трубилъ въ рожокъ, но овцы не признали новаго хозяина. Овцы-то признали бы, да быки противились. „Кто ты?—спрашивали они.—Клерикалъ или антиклерикалъ?"—Я—аклерикалъ,—уклончиво отвѣчалъ Соннино. Но tertium non datur, и министръ-президентъ, онъ же и министръ внутреннихъ дѣлъ, провалился между двумя министерскими креслами, уронивъ оба портфеля. На смѣну ему явился Луиджи Луццатти. Высокая, полная, основательная фигура съ сѣдой бородой и слегка откинутой головой. Бывшая министерская газета неизмѣнно, съ ироническимъ почтеніемъ, называетъ его Onorevole Statista, (имѣйте въ виду, что Statista не значитъ статистъ, а значитъ государственный

мужъ). Кто позлѣе, тѣ называютъ Луццатти pavone, что значитъ павлинъ. Гордую или величественную группу составляетъ нынѣшній кабинетъ. Въ центрѣ—ученый консерваторъ либеральнаго образа мыслей, по бокамъ—такія фигуры, какъ честный радикалъ Сакки, какъ министръ просвѣщенія Кредаро, почтенный профессоръ, бывшій предсѣдатель „Учительскаго Союза". Это уже не Высокая Каморра, не свора политиканствующихъ разночинцевъ; это—высокая коллегія государственныхъ мужей, имѣющая законное полномочіе вершить государственныя дѣла. А изъ-за куста попрежнему выставляется классически грубый носъ отставного пастуха Джолитти. И жутко царственному павлину; и думаетъ онъ: „достигъ я высшей власти... а счастья нѣтъ въ душѣ моей"...

Въ то время какъ эксъ-президентъ ждетъ паденія президента, къ портфелямъ нынѣ здравствующихъ министровъ вѣчно протянуты вѣчно жаждущія руки нѣсколькихъ десятковъ „ministeriabili". Слово это переводится сложно: „тѣ, кто не прочь стать министрами и имѣютъ на это нѣкоторые шансы". Далеко не всѣмъ министеріабилямъ удастся со временемъ поносить портфель; многимъ не удастся даже подержаться за него. Поэтому борьба между ними всегда ожесточенна. Передъ ними стоитъ вопросъ: какъ выдвинуться? И вотъ, одни лаютъ на слона, другіе лягаютъ больного льва, третьи, наоборотъ, улыбаются обоимъ, каждому—соотвѣтствующей стороной лица: Луццатти—правой, Джолитти—лѣвой. Улыбаются они также избирателямъ; нѣкоторые почтительно кланяются королю—ибо вѣдь онъ призываетъ. Энрико Ферри, напримѣръ, въ нѣкоторомъ родѣ соціалистъ. Путь соціализма необычайно тернистъ, и всеобщей катастрофы ожидать при жизни трудно. Но зато частичныя катастрофы—дѣло обычное, и послѣ нихъ нужны дѣльные и просвѣщенные люди. Если позовутъ—зачѣмъ отказываться? Не ради тщеславія, но ради блага страны. „Se il Re mi avesse fatto l'onore..." еслибы король сдѣлалъ мнѣ честь... Такъ, съ почтительной небрежностью, закидываетъ Ферри въ печати соціалистическую удочку для поимки королевскаго сердца. Затѣмъ, въ присутствіи избраннаго общества, Энрико Ферри читаетъ свой блестящій докладъ, по окончаніи котораго король, при общихъ апплодисментахъ, сердечно пожимаетъ руку Ферри. Такъ исподволь создаются кандидаты.

— Предатель!—кричатъ соціалисты.—Предатель нашихъ высокихъ традицій. Вспомни, какъ onorevole compagno Турати гордо отклонилъ приглашеніе въ кабинетъ Джолитти!

Но вѣдь въ глубинѣ души самъ лидеръ парламентской группы, onorevole compagno Биссолати, понимаетъ, что времена мѣняются. Кто знаетъ, что будетъ завтра? Клемансо, напримѣръ... А Бріанъ,

Бріанъ! И глуше, тише раздаются негодующіе возгласы, а затѣмъ и совсѣмъ замираютъ. Спитъ товарищъ Биссолати и грезитъ: „Турати—президентъ, Кьеза—военный министръ (чудесно дерется на дуэли!), Анна Кулишева... какъ съ ней быть?.. Иваноэ Бономи придется дать народное просвѣщеніе, я, положимъ, министръ публичныхъ работъ, Ферри же дадимъ портфель иностранныхъ дѣлъ, какъ тонкому дипломату. О, еслибы! Se il... popolo mi avesse fatto l'onore! Тогда мы немедленно создадимъ соціалистическій строй"... И въ униссонъ Биссолати о томъ же грезятъ еще два десятка министеріабилей, сонно шепча губами, какъ дѣвушка во французскомъ анекдотѣ, сладостное: quand, quand, quand...

Кто бывалъ въ Римѣ, тотъ бывалъ и въ caffè Aragno. Кто бывалъ въ caffè Aragno, тотъ видѣлъ внутри его высокихъ залъ и снаружи, за столиками на панели, людей разныхъ возрастовъ, но одного типа, съ выраженіемъ ожиданья на лицѣ. Если исключить нѣсколькихъ солидныхъ завсегдатаевъ кафе, имѣющихъ положеніе и вѣсъ—остальные представятъ изъ себя однородную массу чающихъ движенія воды. Безъ ежедневнаго визита въ caffè Aragno не создается никакая кандидатура и никакая кандидатура не оканчивается успѣхомъ. Здѣсь центръ Рима и, слѣдовательно, Италіи; отсюда протянуты нити въ Монтечиторіо, въ Квириналъ, въ Ватиканъ, въ акціонерныя предпріятія. Нѣчто въ родѣ неоффиціальной конторы, поставляющей государству талантливыхъ дѣятелей.

Оригинальное явленіе. Большинство этихъ жаждущихъ—адвокаты. Итальянскій avvocato—далеко не то, что нашъ присяжный повѣренный. Не знаю, какой процентъ дипломатированныхъ юристовъ, принятыхъ въ адвокатское сословіе, занимается веденіемъ чужихъ дѣлъ, но думаю, что незначительный. Но зато avvocato имѣется вездѣ. Изъ 508 депутатовъ парламента 292 адвоката; такой же приблизительно процентъ представляютъ они и въ муниципальныхъ совѣтахъ. Директоръ газеты—непремѣнно адвокатъ; редакторы отдѣловъ—почти всегда; постоянные сотрудники, корреспонденты, хроникеры—большею частью. Въ послѣднее время, особенно въ большихъ городахъ, всѣ полицейскіе коммиссары—адвокаты, не говоря уже о префектахъ полиціи. Въ любомъ министерствѣ всѣ болѣе или менѣе видныя должности заняты этой породой крючкотворовъ (legulei), если употребить выраженіе Луиджи Луццатти, который тоже адвокатъ. Avvocato проникъ всюду, а въ залахъ caffè Aragno ждетъ своей карьеры густая толпа еще непристроившихся юристовъ, изъ которыхъ каждый разсчитываетъ со временемъ изъ egregio avvocato обратиться въ onorevole deputato. Если вы вздумаете пойти въ Римѣ на какое-нибудь пролетарское собраніе, занятое обсужденіемъ предстоящей стачки

или формы протеста по случаю расправы полицейскихъ съ безработными, вы почти не рискуете услыхать тамъ нескладную рѣчь рабочаго. Быть-можетъ не въ крахмаленномъ воротничкѣ, а въ рубашкѣ „fantasia“, но выступитъ передъ вами тотъ же неизмѣнный avvocato, пробравшійся и сюда. Я помню въ Римѣ первый съѣздъ крестьянъ Лаціума по поводу охраны usi civici (патріархальнаго земельнаго института); конгрессисты—въ большинствѣ простые мужички, съ загорѣлой шеей и загрубѣвшими руками; но на эстрадѣ адвокатъ смѣнялъ адвоката, и юридическія хитросплетенія лились рѣкой, благо и рѣчь должна была идти о сложныхъ вопросахъ поземельнаго владѣнія. Наконецъ одинъ изъ конгрессистовъ не выдержалъ и заявилъ: „Какой это крестьянскій съѣздъ? Это—адвокатскій съѣздъ! А мы, истые крестьяне, даже и понять ничего не можемъ“.

За адвокатомъ слѣдуетъ professore. Вообще въ Италіи всякій человѣкъ изъ общества долженъ быть кѣмъ-нибудь: avvocato, ingenere, professore, dottore, deputato, colonnello (полковникъ), tenente (поручикъ), comendatore (гражданскій титулъ), maestro (учитель) и т. д. Человѣкъ безъ титула—человѣкъ безъ уваженія; просто синьоромъ быть неудобно. Въ частности титулъ professore прилагается направо и налѣво. Хотя учитель народной школы—только maestro, но и ему позволяется польстить, назвавъ его professore. Учитель городской и средней школы—professore по праву, а университетскій профессоръ принужденъ прибавлять къ этому званію имя высшаго учебнаго заведенія, гдѣ онъ преподаетъ. Всякій, кто даетъ кому-нибудь уроки чего-нибудь, будь то пѣніе, музыка, гимнастика, живопись, ѣзда на велосипедѣ, иностранный языкъ—именуется professore по всей справедливости. Афиши кинематографовъ гласятъ: „во время проекцій играетъ оркестръ изъ двѣнадцати профессоровъ“. Если вы не professore, а просто хотите заниматься въ библіотекѣ, тогда вы dottore, какъ и въ томъ случаѣ если вы окончили университетъ. Если, наконецъ, вы родились въ сорочкѣ и имѣете свой родовой титулъ, то онъ побѣждаетъ; тогда вы—marchese, conte, principe. А титулованныхъ особъ въ Италіи великое множество. Такимъ образомъ въ „порядочномъ обществѣ“ именъ почти не слышно; громко раздаются только званія, и произносятся они съ особымъ стараніемъ и особой любовью.

Но о professore нужно сказать и особо. Итальянская учительская среда выдвигаетъ интеллигентовъ, которыхъ нельзя ставить на одну доску съ остальной массой лицъ свободныхъ профессій. Многіе изъ нихъ, не слишкомъ заботясь о собственной карьерѣ, отдаютъ свои силы и даже свои скудныя средства на дѣло школьнаго и внѣшкольнаго просвѣщенія, въ которомъ Италія такъ нуждается. Дѣло организаціи народныхъ библіотекъ находится, напримѣръ, почти всецѣло

въ ихъ рукахъ, хотя и сюда проникаетъ иногда avvocato ради популярности и приглашается deputato ради приданія дѣлу вѣса и значенія. Борьба съ безграмотностью на югѣ и въ римской кампаньѣ начата и ведется лишь благодаря истинной самоотверженности народныхъ учителей, въ послѣднее время отказавшихся отъ оплаты ихъ труда и даже ихъ разъѣздовъ по деревнямъ маларійныхъ мѣстностей. Исключительно благодаря ихъ безкорыстной энергіи въ римской кампаньѣ спасено дѣло вечернихъ и воскресныхъ школъ, едва не погубленное правительственнымъ формализмомъ. И вообще заработокъ итальянскаго учителя, въ особенности учителя элементарной школы, такъ малъ, что лишь любовь къ дѣлу заставляетъ учителя довольствоваться скудной оплатой труда и не искать заработка болѣе легкаго и благодарнаго.

Переходя къ журналисту, мы встрѣчаемъ фигуру довольно печальную. Въ общемъ, конечно, это все тотъ же avvocato, но уже на черной работѣ. Газетный и журнальный трудъ оплачивается въ Италіи очень низко; сотрудникъ газеты, желающій жить исключительно литературнымъ трудомъ, долженъ имѣть достаточный запасъ здоровья, энергіи и беззастѣнчивости въ выборѣ сюжетовъ и въ ихъ разработкѣ. Не спасаетъ и то, что газетъ вообще — великое множество: предложеніе рабочихъ рукъ всегда неизбѣжно превышаетъ спросъ. И вотъ, журналистъ мечется цѣлый день по городу и городамъ, телеграфируетъ, пишетъ, производитъ „слѣдствіе", интервьюируетъ, интерпретируетъ, интерпеллируетъ къ общественному мнѣнію, чтобы заработать сто франковъ въ мѣсяцъ. При подобныхъ условіяхъ нечего, конечно, думать о томъ, чтобы сотрудничать исключительно въ органахъ, соотвѣтствующихъ убѣжденіямъ пишущаго; иначе литераторамъ-соціалистамъ, напримѣръ, пришлось бы умереть съ голоду, такъ какъ ихъ органы не оплачиваютъ сами себя, не говоря уже о сотрудникахъ. Я знаю синдикалистовъ и анархистовъ, работающихъ постоянно въ крайне-буржуазныхъ органахъ и даже гордящихся такимъ сотрудничествомъ. „Я же вѣдь не подписываю статей!—оправдывается такой писатель—а платятъ хорошо". Особо-опасная фигура—интервьюэръ. Когда Рузвельтъ проѣзжалъ черезъ Италію, одна неаполитанская газета напечатала длиннѣйшее интервью съ нимъ, и интервью довольно скандальное. Рузвельту пришлось длиннымъ письмомъ въ редакціи газетъ объяснять, что ни этого, ни иного интервью ему никогда не пришлось имѣть ни съ однимъ итальянскимъ корреспондентомъ, и что эту выходку онъ считаетъ величайшимъ свинствомъ.

Одинъ итальянскій литераторъ, молодой и популярный, съ искреннимъ восторгомъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ перехитрилъ Максима

Горькаго, и даже не только Максима Горькаго, но и „Марью Θедоровну“, его строгую супругу.

— Никого не пускали къ нему. А я обѣщалъ интервью. Что дѣлать? Пришлось прикинуться французомъ. Пробрался я къ нему съ однимъ общимъ нашимъ знакомымъ, и оба мы поклялись, что я не журналистъ. Поговорили съ полчаса, — супруга переводила. А черезъ два дня я огромное интервью съ нимъ напечаталъ. Говорятъ, что онъ теперь не можетъ слышать моего имени. Но зато я съ газеты, вмѣсто обычныхъ двадцати пяти, пятьдесятъ лиръ взялъ.

Типъ интервьюэра, конечно, интернаціоналенъ. Но итальянецъ вкладываетъ въ эту профессію особенно много души и игривости. И безмѣрно много воды вливаетъ онъ въ продукты своего интервьюэрства. Конечно, значительную часть этой воды выкачиваютъ изъ его статей въ редакціонной комнатѣ; но вѣдь въ разсчетѣ на это онъ и вливаетъ ея съ тѣмъ большимъ запасомъ.

Строго говоря, и чиновникъ—типъ интернаціональный. Но, сравнивая русскаго чиновника съ итальянскимъ, не могу не отдать предпочтенія послѣднему. Въ итальянскихъ учрежденіяхъ внѣшняго формализма всегда достаточно, но зато внутреннія отношенія между сослуживцами разныхъ ранговъ и между чиновникомъ и публикой гораздо мягче и душевнѣе; нѣтъ той свирѣпой оффиціальности, какая царитъ у насъ. Итальянскій чиновникъ — все-же свободный гражданинъ, имѣющій право на участіе въ союзахъ, партіяхъ, обществахъ. Если это иногда и можетъ помѣшать его служебной карьерѣ, то лишь въ видѣ исключенія; вообще же субординація простирается лишь на часы службы, а никакъ не на свободное отъ занятій время, когда мелкій служитель столь же свободенъ, какъ и министръ, а вѣрнѣе—гораздо свободнѣе послѣдняго. Но и въ служебное время итальянскій чиновникъ вовсе не склоненъ забывать, что онъ человѣкъ и, слѣдовательно, ничто человѣческое ему не чуждо. Вотъ, напримѣръ, сценка, при которой мнѣ пришлось присутствовать; кстати, она характерна столько же для итальянскаго добродушія, сколько и для итальянскихъ почтовыхъ порядковъ.

Какъ-то добрые друзья, жившіе въ маленькомъ мѣстечкѣ на Ривьерѣ, просили меня справиться въ центральной дирекціи почтъ, почему имъ систематически не доставляютъ посылаемыхъ изъ Россіи переводомъ денегъ. Безплодно обойдя рядъ самыхъ „подлежащихъ“ отдѣленій, я добрался наконецъ до самаго важнаго начальника. Онъ любезно вытребовалъ двухъ чиновниковъ и нѣсколько десятковъ томовъ дѣлъ и документовъ, и тутъ же, въ его кабинетѣ, мы принялись внимательно перебирать дѣловыя бумаги, разыскивая слѣды исчезнувшихъ денежныхъ переводовъ. По поводу каждаго русскаго города, на ко-

торый мы наталкивались въ дѣлахъ, я принужденъ былъ давать начальнику разъясненія о количествѣ жителей и исторической роли города, особо—о количествѣ холерныхъ случаевъ, отвѣчать на вопросы о порядкахъ въ Россіи, о смертной казни, о нагайкѣ и козакѣ, объ окладахъ почтовыхъ и иныхъ чиновниковъ, о русской прессѣ, денежной системѣ, костюмахъ, нравахъ и т. д. Такимъ образомъ работа подвигалась не очень быстро. Такъ какъ чиновникъ былъ очень крупный, то помогавшіе намъ маленькіе чиновники больше слушали, но въ разговоръ не вступали. Вдругъ директоръ хватаетъ меня за рукавъ:

— Смотрите!

Смотрю въ окно; смотрятъ и чиновники. Вижу на балконѣ пріятную даму, глядящую на небо, и хочу уже высказать свое замѣчаніе по поводу этого зрѣлища, а кстати, предупреждая вопросы, прочесть лекцію о русскихъ женщинахъ.

— Нѣтъ, не то! На небо смотрите! Да нѣтъ, отсюда плохо видно. Пойдемте на крышу.

И всѣ мы бѣжимъ на плоскую крышу по какимъ-то лѣстницамъ, черезъ какія-то двери съ надписью: „входъ воспрещается“. На крышѣ, къ моему удивленію, уже собрались чуть не всѣ чиновники почтоваго вѣдомства. Оказывается—дирижабль военнаго вѣдомства, алюминіевый красавецъ, любимецъ римской публики. Тутъ ужъ никакая субординація не выдержитъ. Всякая работа заброшена, всѣ служащіе всѣхъ ранговъ сбились въ кучу и машутъ платками; появленіе директора не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія.

На крышѣ мы проводимъ съ четверть часа; затѣмъ всѣ начинаютъ неохотно расходиться. Разумѣется, по пути я долженъ разсказать о русской аэронавтикѣ, въ которой ничего не смыслю, и лишь по возвращеніи въ кабинетъ на директора нисходитъ просвѣтленіе.

— А знаете, между прочимъ,—говоритъ онъ.—Вѣдь все это напрасно! Какъ давно посланы деньги вашимъ знакомымъ?

— Въ разное время; есть переводы, посланные съ полгода назадъ.

— Ну, я и говорю, что безсмысленно искать. Вѣдь у насъ же вѣдомости за это время еще не получены. Вамъ нужно справиться въ Венеціи, черезъ которую проходятъ всѣ переводы изъ Россіи. А у насъ вѣдомости на прошломъ годѣ кончаются. Я и забылъ васъ предупредить. Можно, конечно, еще поискать, но, повторяю, это безсмысленно.

И мы любезно прощаемся. Директоръ очень проситъ меня зайти какъ-нибудь еще разъ поболтать.

Единственное, кажется, учрежденіе, гдѣ всецѣло царствуетъ формализмъ, это—министерство народнаго просвѣщенія. По одному дѣлу

общественнаго характера мнѣ пришлось перебывать во многихъ итальянскихъ вѣдомствахъ, и только здѣсь я встрѣтилъ типичную породу чиновника pur sang, только здѣсь на меня пахнуло не только Россіей, но даже русской духовной консисторіей. Кстати уже два года стоитъ на очереди вопросъ о „чисткѣ“ служащихъ въ этомъ министерствѣ (такъ наз. „epurazione della Minerva“).

Но все это, конечно, не означаетъ, что итальянскія учрежденія идеальны. Напротивъ. Бумажный формализмъ заѣлъ все дѣлопроизводство; на это справедливо жалуются давно и повсюду. Я же говорю здѣсь лишь о людяхъ, объ этихъ добродушныхъ и жизнерадостныхъ итальянцахъ, такъ мало способныхъ быть „чиновниками по убѣжденію“.

Вообще истиннаго итальянца нужно искать не въ учрежденіи и даже не дома, а на улицѣ, на площади, въ ресторанѣ. Домашняя жизнь одинакова во всѣхъ классахъ итальянскаго общества. Въ то время, какъ у насъ домъ купца сильно разнится отъ квартиры интеллигента, здѣсь мы почти никакой разницы не встрѣчаемъ. Можетъ-быть интеллигентъ и не повѣситъ въ своей спальнѣ такого огромнаго количества священныхъ изображеній (хотя можетъ повѣсить не онъ, а его жена), но культъ огромной, опрятнѣйшей, бѣлоснѣжной постели останется прежнимъ, какъ и культъ обѣденнаго стола и шкафа съ посудой. Единственное различіе—въ томъ, что у интеллигента могутъ найтись въ квартирѣ книги, въ то время какъ вообще въ Италіи онѣ не пользуются почетомъ и уваженіемъ; но о культѣ книги, столь распространенномъ у насъ, здѣсь не приходится и говорить; это—лишь рѣдчайшее исключеніе.

Возьмемъ, напримѣръ, типичную комнату итальянскаго студента. Конечно—книги въ ней есть, какъ есть и цвѣтная студенческая шапочка. Но въ большинствѣ случаевъ книги — учебники данной спеціальности. И вся обстановка комнаты менѣе всего приспособлена для занятій: та же грандіозная кровать, занимающая полъ-комнаты, вязаныя косыночки на столѣ и на креслѣ, дешевыя стеклянныя бездѣлушки на комодѣ, шкатулочка для писемъ, раскрашенныя открытки вѣеромъ на стѣнахъ. Комната, по которой не узнаешь, кто здѣсь живетъ—студентъ или приказчикъ; комната, лишенная всякой индивидуальности.

И это понятно. Тамъ, гдѣ медицина, адвокатура, даже профессура—не общественное служеніе, а лишь профессія, ремесло, тамъ и подготовка къ нимъ есть лишь переходная стадія отъ жизни за счетъ родителей къ жизни собственнымъ заработкомъ. Итальянскіе студенты очень „высоко держатъ знамя студенческихъ традицій“, т.-е. очень высокопарно говорятъ о товариществѣ и объ университетской автономіи. Но смыслъ ихъ товарищества — не въ духовномъ, идейномъ единеніи, какъ и смыслъ автономіи—не въ свободѣ науки.

Нѣтъ: въ ихъ глазахъ студенческіе годы — годы маленькихъ любовныхъ похожденій, когда прощается нѣкоторая легкость отношеній и ихъ быстрая смѣна. Истинный студентъ долженъ имѣть нѣсколько романовъ съ модистками, нѣсколько забавныхъ приключеній на лонѣ природы и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, дающихъ ему славу Донъ-Жуана и, въ виду его молодости, не бросающихъ на него тѣни. Къ моменту окончанія университета всѣ эти отношенія онъ легко и рѣшительно ликвидируетъ, чтобы вступить въ жизнь уже съ серьезными задачами: добиться опредѣленнаго матеріальнаго обезпеченія, подкрѣпивъ его приличнымъ бракомъ. Грѣшить онъ можетъ и послѣ, но уже осторожно и обдуманно, отнюдь не бравируя и не на показъ, какъ въ студенческіе годы. Въ томъ и разница между славной порой студенчества и зрѣлыми годами.

Такимъ образомъ итальянскій студентъ безцвѣтнѣе студента любой другой страны. Нѣмецкій буршъ, съ его исполосованной въ шутовскихъ бояхъ физіономіей и съ налитымъ пивомъ лицомъ, часто бываетъ глубоко отвратителенъ; но все-же чувствуется, что пиво и дуэль—не единственныя отличія нѣмецкаго студенчества отъ среды обычныхъ смертныхъ; въ традиціяхъ его немало красоты, хотя бы внѣшней и неглубокой. Французскій студентъ уже значительно ординарнѣе, но ему извѣстна наука коллективнаго остроумія и массоваго веселья. Итальянецъ-студентъ, наоборотъ, удивительно умѣетъ сохранить физіономію „просто молодого человѣка", и на улицѣ его не отличишь отъ другихъ просто молодыхъ людей: та же соломенно-деревянная шляпа съ черной лентой, тотъ же пиджачекъ съ дешевой булавкой въ цвѣтномъ галстухѣ, тѣ же пошловатые взгляды въ сторону женщинъ, та же неинтеллигентность лица. Вообще въ Италіи гораздо легче встрѣтить оригинальнаго старика, чѣмъ оригинальнаго юношу. И это понятно и исторически объяснимо.

Я усиленно избѣгаю говорить о личностяхъ, останавливаясь лишь на фигурахъ типичныхъ и массовыхъ. Дѣлая теперь переходъ отъ студента къ рабочему—переходъ довольно естественный для Россіи и, сознаюсь, нелѣпый для Италіи,—я вынужденъ поступить совершенно обратно, отчасти и потому, что итальянская рабочая масса мнѣ слишкомъ мало знакома. Передо мной неотступно стоитъ фигура одного итальянскаго рабочаго, съ которымъ я познакомился въ небольшомъ забастовавшемъ рабочемъ поселкѣ. Низенькій, коренастый, съ полусѣдыми усами и подбородкомъ домашняго бритья, въ синихъ рабочихъ штанахъ и блузѣ, это былъ типичный индустріальный „сознательный" рабочій. Руки его мозолисты и грубы. Онъ—семейный, не креститъ дѣтей и намѣренъ умереть безъ священника. Слава его въ томъ, что онъ нигдѣ не работаетъ больше недѣли; если, принявъ

его по ошибкѣ, его не разсчитываютъ тотчасъ же по полученіи о немъ справокъ, какъ о „безпокойномъ элементѣ“, то онъ немедленно же самъ проявляетъ свой непримиримый характеръ или единоличнымъ протестомъ, или подговоромъ рабочихъ къ протесту массовому. Затѣмъ, не переставая усердно работать, о чемъ свидѣтельствуютъ его мозоли, какъ можетъ засвидѣтельствовать и надсмотрщикъ—онъ попадаетъ въ выборный стачечный комитетъ данной фабрики и, во главѣ депутаціи, отправляется къ хозяину съ готовымъ листомъ требованій. Онъ—не крикунъ и не буянъ; онъ, наоборотъ, большой дипломатъ и практикъ. Если требованія онъ предъявляетъ съ нѣкоторымъ запросомъ, это значитъ лишь, что онъ не считаетъ постыднымъ впослѣдствіи кое-что уступить. Передъ хозяиномъ онъ стоитъ съ головой непокрытой, но съ взглядомъ прямымъ и упорнымъ, и говоритъ не цвѣтисто, но не на діалектѣ, а на чистомъ языкѣ, обстоятельно, подробно и солидно. Вліяніе его огромно, популярность велика и прочна; поэтому хозяева боятся его гораздо больше, чѣмъ толпы рабочихъ, которую нетрудно разогнать. Этого не прогонишь сразу и не объѣдешь на кривой; онъ приметъ и условную подачку, но вслѣдъ затѣмъ явится въ свое время за уступкой безусловной. Добившись своего, онъ удовлетворяется побѣдой и приглядываетъ другое мѣсто, такъ какъ знаетъ, что отсюда его выгонятъ при первой возможности; поднимать же шумъ изъ-за своей собственной персоны—не въ его правилахъ.

Этотъ типъ народился въ Италіи недавно. До послѣдняго времени рабочая масса выдѣляла мало личностей изъ своей среды, слѣдуя за вожаками-профессіоналами изъ другихъ соціальныхъ классовъ. Лишь развитіе итальянской промышленности, реализація политической свободы и знакомство съ европейскимъ рабочимъ движеніемъ (путемъ эмиграціонныхъ приливовъ и отливовъ) создало и въ Италіи типъ европейскаго „сознательнаго“ рабочаго пропагандиста. И типъ этотъ—принадлежность сѣвера, хотя встрѣчается и въ средней Италіи; мой знакомый, напримѣръ, именно и перекочевалъ съ сѣвера въ римскую провинцію.

Пропагандистъ изъ интеллигентовъ не представляетъ такого интереса. Студенчество къ рабочему движенію не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія; профессіоналы разнаго рода слишкомъ заняты своими профессіями. Такимъ образомъ, при широкомъ развитіи пропаганды и стачкизма, искренно и всецѣло занимаются политикой рабочаго дѣла очень немногіе; рѣдко кто отдаетъ ему всю душу, огромное большинство удѣляетъ ему лишь свой досугъ, охотно вмѣшиваясь въ дѣла большія и громкія и неохотно помогая личнымъ участіемъ маленькимъ, незамѣтнымъ группамъ рабочихъ. Поэтому въ Италіи чрез-

вычайно трудно найти пропагандиста образованнаго, съ широкими взглядами и серьезной выдержкой, который бы работалъ не въ разсчетѣ на рекламу и на депутатское кресло въ будущемъ, а изъ искреннихъ и скромныхъ побужденій. Пропаганда рабочаго дѣла ведется при помощи жалкихъ, лишенныхъ всякой цѣнности популярныхъ брошюрокъ и партійной прессы, которая также совершенно неудовлетворительна. Центральный органъ соціалистической партіи, римская газета „Avanti!" есть, въ концѣ концовъ, обычный столичный политическій листокъ, полный шаблонныхъ фразъ и скудный содержаніемъ. Такова же и пресса революціонныхъ синдикалистовъ; не далеко ушли и профессіональные журналы. Вообще ни одна соціалистическая газета не съумѣла сдѣлаться настолько необходимой рабочему классу, чтобы содержать себя прилично, не прибѣгая постоянно къ жалобнымъ просьбамъ о матеріальной помощи со стороны читателей. Все это также легко объяснимо, если припомнить, что современный итальянскій соціалистъ видитъ центръ тяжести соціализма не въ рабочемъ дѣлѣ, а въ реформаторской дѣятельности парламента и въ завербованіи въ кадры партіи какъ можно большаго числа избирателей, будь то рабочіе или буржуа.

Я не отклонюсь отъ темы, если скажу, что соціалистическая партія, не смотря на свое крайнее поправѣніе (или, вѣрнѣе, благодаря ему), все-же не утратила своего обаянія. Иначе трудно было бы объяснить нарожденіе такого количества типичныхъ соціалистовъ-буржуа и даже соціалистовъ-рентьеровъ. Какъ-то въ одномъ маленькомъ городкѣ средней Италіи мнѣ пришлось провести два дня въ обществѣ знакомаго по Риму молодого соціалиста, уроженца этого городка. Разумѣется, онъ поспѣшилъ похвастаться передо мной тѣми завоеваніями, которыя сдѣлалъ соціализмъ на его родинѣ. Хотя самъ онъ весьма популяренъ и въ рабочей средѣ, но несомнѣнныя „завоеванія" касались исключительно среды обывательской. Обнаружилось пять соціалистовъ въ муниципальномъ совѣтѣ, всѣ—мѣстные домовладѣльцы, всѣ—мастера выпить и поиграть въ трактирѣ въ tresette. Затѣмъ оказалось, что и самъ хозяинъ гостинницы-трактира, толстый, краснолицый и пронырливый малый—также чудесный товарищъ-соціалистъ. Мало того: за два дня я могъ убѣдиться, что соціализмъ вообще въ большомъ ходу среди мѣстныхъ кабатчиковъ и есть даже одинъ соціалистъ-фабрикантъ. Признаюсь, эти „завоеванія" не очень мнѣ понравились, и никакой выгоды отъ нихъ для рабочаго класса я вычислить не могъ—развѣ что кредитъ въ трактирѣ. Но это—не случайное явленіе; по статистическимъ даннымъ, отъ 50 до 60% итальянской соціалистической партіи составляютъ мелкіе ремесленники, промышленники, лица свободныхъ профессій, земельные собственники и проч. Чѣмъ

это объясняется? Да все тѣмъ же: удачными количественно завоеваніями креселъ народныхъ представителей. Если депутатъ даннаго мѣстечка соціалистъ или если таковыхъ нѣсколько въ муниципальномъ совѣтѣ, то и кабатчику не безвыгодно купить партійную тессеру.

Я дѣлюсь здѣсь съ читателемъ лишь тѣмъ, что узналъ изъ жизни, а не по книгамъ. Необходимость жить преимущественно въ городахъ лишала меня возможности частыхъ и близкихъ сношеній съ крестьяниномъ, хотя именно крестьянство и лежитъ въ основѣ понятія „народъ". Книги характеризуютъ крестьянскую массу трудолюбивой, недовѣрчивой, консервативной, малоодаренной, безграмотной и фанатически-религіозной. Думаю, что какія-нибудь обобщенія въ данномъ случаѣ вообще невозможны, да и не нужны. Отдѣльно нужно ставить крестьянина Пьемонта и Ломбардіи, болѣе грамотнаго, болѣе зажиточнаго, умѣющаго разсчитывать силы и средства для интенсивной работы; отдѣльно—земледѣльческаго рабочаго нижней Венеціи, питающагося плохой полентой, считающаго соль роскошью, суевѣрнаго и покорнаго. Но уже сосѣдъ его, равеннскій крестьянинъ-батракъ, не говоря уже о крестьянинѣ-испольщикѣ, пользуется бо̀льшимъ благосостояніемъ и считаетъ нужнымъ причислить себя къ какой-нибудь политической партіи. Слишкомъ мало общаго между крестьяниномъ изъ Тосканы, домовитымъ и консервативнымъ — и расой горныхъ пастуховъ Мархіи, возвращающихся въ свои дома только лѣтомъ, на двѣ-три недѣли. Безграмотные „гвитты" римской кампаньи, живущіе полгода въ горахъ и полгода во временныхъ шалашахъ, питающіеся полентой, падалью да скудными овощами, имѣютъ слишкомъ мало общаго съ хитроватымъ типомъ крестьянина лигурійскаго побережья, наживающагося отъ иностранцевъ-любителей Ривьеры. Югъ Италіи, съ его соціальной неуравновѣшенностью и тяготѣніемъ къ эмиграціи, даетъ еще больше контрастовъ въ крестьянской средѣ; общимъ явленіемъ здѣсь оказывается лишь безграмотность и суевѣріе, да рѣзкость южнаго темперамента. Общаго типа итальянскаго крестьянина нарисовать нельзя, да его и не существуетъ, какъ не существуетъ пока еще одной цѣльной итальянской націи. Въ этомъ отношеніи на поверхности маленькой Италіи мы встрѣчаемъ не меньше, а—я думаю — относительно гораздо больше контрастовъ и варіацій, чѣмъ на громадной площади Россіи.

И эти контрасты и различія наблюдаются не въ одной какой-нибудь средѣ: крестьянской, промышленной, рабочей или иной. Нѣтъ, ихъ много повсюду. При крайнемъ развитіи „кампанилизма" (мѣстнаго патріотизма) одинъ городъ Италіи чрезвычайно разнится отъ другого. Возьмите Миланъ; это — городъ европейскій или желающій оконча-

тельно стать европейскимъ; въ этомъ — его гордость. Здѣсь есть прекрасный Пассажъ, называемый миланцами „самымъ большимъ въ мірѣ“ (значительно меньше московскихъ Торговыхъ Рядовъ), есть рядъ книжныхъ магазиновъ, издаются лучшія газеты, процвѣтаетъ оперный и драматическій театръ, изучается парижская мода. Девизъ Милана: прогрессъ. Отправьтесь въ Венецію... но этотъ городъ вообще не похожъ ни на одинъ изъ существующихъ въ мірѣ. Это даже не городъ, а международный клубъ, эффектнѣйшій изъ ресторановъ; съ Италіей онъ имѣетъ мало общаго. Далѣе прослѣдуйте во Флоренцію — милый, спокойный, сосредоточенный губернскій городъ „порядочныхъ людей“, образцовый городъ итальянской (но не европейской) культуры, покровитель серьезнаго искусства. Римъ—безконечно своеобразенъ; всѣ вѣка, отъ Ромула до нашихъ дней, въ немъ отразились и преломились удивительной игрой солнца на старомъ мраморѣ. Городъ обломковъ разныхъ культуръ, въ томъ числѣ и культуры-модернъ; городъ, гдѣ населеніе принимаетъ живое участіе въ вопросѣ, можно ли перекрасить желто-розовыя баллюстрады виллы Боргезе въ бѣлый тонъ; городъ, гдѣ слово „romano“ звучитъ и сейчасъ такъ же гордо, какъ звучало въ былыя времена, и служитъ отличіемъ римлянина отъ всякаго „варвара“ изъ провинціи. Здѣсь канцелярскій служитель, какъ и продавецъ открытокъ, съ полнымъ основаніемъ гордятся своимъ римскимъ носомъ, своей затибрской стороной, Колизеемъ, Яникульскимъ холмомъ и резиденціей папы. Римлянину нѣтъ дѣла ни до миланской погони за прогрессомъ, ни до флорентійской скромной добропорядочности, ни до неаполитанской каморры; онъ увѣренъ даже, что подъ Римомъ земля представляетъ особо толстую корку, страхующую городъ отъ возможности разрушительнаго землетрясенія. Римъ, это—сама Италія, сумма всей Италіи, но не современно-промышленной, а Италіи внѣ возраста, Италіи вѣковой. И какъ не похожъ на него Неаполь, шумный, драчливый, распутный и жульническій, хотя порою—прекрасный. Но и Неаполь—чисто итальянскій городъ, въ полную противоположность Милану, Турину и Венеціи. Неаполь—il paese di cuccagna, обѣтованная страна сытаго и веселаго бездѣлья; не такъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности, но такъ мечтаетъ южный итальянецъ, и такъ называетъ онъ свою любимую столицу. Неаполитанецъ — синонимъ романтическаго, веселаго проходимца, какъ римлянинъ—гордаго предками простака, какъ миланецъ—практичнаго господина въ цилиндрѣ. Идемъ дальше до Палермо, гдѣ встрѣтимъ уже иную культуру—или отсутствіе культуры—гдѣ своеобразная Италія не имѣетъ ничего общаго ни съ Европой, ни съ итальянской метрополіей, гдѣ многое—загадка даже для прилежныхъ итальянскихъ изслѣдователей, которые до сихъ поръ не

знаютъ, находится ли вся Сицилія подъ властью мафіи, или этой мафіи даже и не существуетъ.

Это—главные этапы; но еще интереснѣе, еще разнообразнѣе мелкіе города Италіи, какъ какая-нибудь массивная, безшумная, церковная Сьена, какъ прекрасно построенная и такъ странно скудная населеніемъ Феррара, какъ Ассизи, Сполето, эти замкнутые городки, забравшіеся на высокіе холмы, какъ Витербо, городокъ со сросшимися, спаявшимися сѣрыми домами и неуклюжими, но стильными фонтанами, прямо переносящій насъ въ средніе вѣка. И вездѣ—свой типъ, свои нравы, свои характерные обычаи. И вездѣ—свой патріотизмъ и свой діалектъ. Прекрасно и идеально правильно говорятъ въ тосканской Сьенѣ, но звучнѣе lingua toscana in bocca romana, а для страстной мелодіи неаполитанскій подчеркивающій діалектъ незамѣнимъ. И пусть итальянскіе моралисты съ презрѣніемъ отзываются объ условномъ жаргонѣ южныхъ каморристовъ и ссыльныхъ, а на мой взглядъ это—самый остроумный и образный изъ воровскихъ жаргоновъ, извѣстныхъ спеціальной литературѣ.

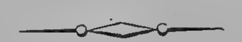
Все это прекрасно, но какъ при такихъ условіяхъ отвѣчать на общіе вопросы: что такое современная Италія? Что за народъ итальянцы? Конгломератъ культуръ, скала типовъ и характеровъ. Все здѣсь глубоко интересно и все мало доступно изученію. Данте изученъ досконально; каждое слово его комментировано рядомъ ученыхъ филологовъ и историковъ. Дѣятельно изучаютъ Гарибальди и его время. Знаменитый историкъ Гульельмо Ферреро не хочетъ болѣе щадить ни Ромула, ни Рема, ни вскормившей ихъ волчицы, легенда о которыхъ такъ дорога Риму; онъ не хочетъ болѣе, чтобы вѣчный городъ родился независимымъ и выросъ великимъ; онъ хочетъ обратить его въ колонію одного изъ царственныхъ албанскихъ правителей. И хранители искусствъ требуютъ длинной „прогулки подъ почвой Рима", чтобы открыть все, что скрыто, все цѣнное вынести на поверхность земли во славу наукѣ и музеямъ. Но кто въ Италіи думаетъ объ изученіи народнаго быта? Кому интересны обычаи, преданія, нужды и невзгоды населенія мѣстечекъ, забравшихся въ горы, спустившихся въ малярійныя поля? Кто интересуется югомъ, не какъ пугаломъ морализаторовъ и полемъ для дешеваго подкупа избирателей, а какъ краемъ самодовлѣющаго интереса? Никто, или почти никто, за исключеніемъ немногихъ мѣстныхъ изслѣдователей, не имѣющихъ средствъ издать свои труды. И если случайно забредшему иностранцу удается иногда спасти чудесную фреску, въ которую церковный сторожъ вбилъ гвозди для вѣшалки, то для изученія народа у него нѣтъ ни силъ, ни времени, ни охоты; да и не можетъ иностранецъ изучить чужой народъ. Что же касается итальянцевъ, то ихъ мечта—слить племена въ націю, ассимилировать

характерныя отличія, обезцвѣтить народъ внѣшней закваской европейской культуры. Ибо государство, по мнѣнію современныхъ умовъ—важнѣе личности.

Беллетристы, можетъ быть? Да, они свой вкладъ сдѣлали. Тотъ же мѣстный патріотизмъ заставлялъ до послѣдняго времени итальянскаго писателя брать сюжеты изъ быта своей родины, развивая ихъ если не на діалектѣ, то съ привкусомъ родного нарѣчія. Такъ созданы лучшія итальянскія новеллы и драмы. Но это теченіе уже уступаетъ духу современности. Если Сальваторе ди Джакомо продолжаетъ посвящать себя своей Сициліи, то Антоніо Бельтрамелли, пѣвецъ равеннскихъ песчаныхъ луговъ, уже пытается достигнуть большаго разработкой модныхъ современныхъ сюжетовъ. И яркія картины смѣняются шаблонными гостинными этюдами, и въ костюмы моднаго покроя и дурного тона облекаются герои современной литературы. Габріэле д'Аннунціо, конечно, очень талантливъ, но за нимъ числится большой грѣхъ: это онъ первый сталъ родить „на всякій звукъ свой откликъ въ воздухѣ пустомъ". И послѣ его „Быть можетъ да, быть можетъ нѣтъ"—уже не быть можетъ, а навѣрное ни одинъ большой романъ не обойдется безъ автомобиля, аэроплана и противоестественной родственной связи. А народъ такъ и будетъ оставленъ безъ изученія, пока даже сардинцы не перемѣнятъ свой традиціонный черный костюмъ бандитовъ на пиджакъ съ длинной тальей и отворотами до послѣдней пуговицы...

Мих. Осоргинъ.

Римъ, 5 сентября.



ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ

Нашъ вѣкъ—время міроового единенія. Люди, раздѣленные тысячами и десятками тысячъ верстъ, чувствуютъ себя теперь ближе другъ къ другу, нежели жители сосѣднихъ городовъ лѣтъ сто тому назадъ. Понятіе человѣчества перестаетъ быть абстракціей; чувство принадлежности къ великой человѣческой семьѣ растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Убѣдительнымъ показателемъ этого единенія являются международные организаціи и съѣзды. Нѣтъ почти ни одной сколько-нибудь важной отрасли человѣческихъ интересовъ, которая осталась бы незатронутой этою волною. Хозяйственныя, политическія, научныя,

эстетическія и всякаго рода другія международныя организаціи множатся съ каждымъ годомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе интенсивной и разносторонней становится ихъ дѣятельность.

Къ числу наиболѣе интересныхъ и важныхъ международныхъ организацій принадлежитъ организація рабочаго класса. Международный характеръ современнаго капитализма необходимо влечетъ за собой международное сплоченіе пролетаріата. Политической и экономической силѣ предпринимателей пролетаріатъ пытается противоставить единство своей воли. Вмѣстѣ съ расцвѣтомъ промышленности и количественнымъ увеличеніемъ рабочаго класса растетъ и международная армія, посылающая своихъ представителей на спеціальные конгрессы. Обыкновенно конгрессы эти устраиваются черезъ каждые три года, и каждый разъ въ какой-нибудь другой странѣ. Въ этомъ году конгрессъ состоялся въ Копенгагенѣ. Его работа коснулась цѣлаго ряда вопросовъ, интересныхъ и для насъ, русскихъ.

Первыя попытки сплотить рабочій классъ на международной основѣ были сдѣланы еще въ первой половинѣ XIX-го вѣка. Въ 1836 г. въ Парижѣ основанъ былъ изъ пролетарскихъ элементовъ тайный „Союзъ справедливыхъ", просуществовавшій до 1852-го года. Онъ былъ полузаговорщической, полупропагандистской организаціей, отдѣльныя ячейки которой были разсѣяны почти по всей Европѣ. Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ стояли близко къ „Союзу", но не вступали въ него активными членами. Революціонный авантюризмъ этого полубланкистскаго-полубабувистскаго общества былъ чуждъ ихъ реалистическому настроенію. Постепенно, однако, „Союзъ" подвергался эволюціи въ сторону реализма, и въ серединѣ 40-хъ гг. эта эволюція подвинулась настолько впередъ, что Марксъ и Энгельсъ согласились вступить въ него. Они сразу заняли въ немъ видное положеніе; имъ было поручено составить манифестъ, который впослѣдствіи былъ принятъ союзнымъ конгрессомъ. Документъ этотъ, извѣстный подъ именемъ „Манифеста коммунистической партіи", представляетъ собой самое блестящее произведеніе марксистской литературы и на разныхъ языкахъ въ милліонахъ экземпляровъ обошелъ весь міръ.

Манифестъ былъ опубликованъ въ 1847 г. Онъ заканчивался знаменитымъ кличемъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь". Революція 1848 г. заглушила этотъ заключительный аккордъ манифеста, но только на время. Наступившее послѣ революціи быстрое развитіе промышленности подготовило почву для новаго подъема международнаго рабочаго движенія. Всемірная выставка, устроенная въ Лондонѣ въ 1862 г. для подведенія итоговъ промышленнаго расцвѣта,

дала толчокъ къ сближенію представителей рабочихъ разныхъ странъ. Въ сентябрѣ 1864 г. было положено основаніе „Международной ассоціаціи рабочихъ“, извѣстной также подъ именемъ „краснаго Интернаціонала“. Ассоціація явилась прямымъ продолженіемъ стараго коммунистическаго „Союза“; немало людей, игравшихъ раньше видную роль въ „Союзѣ“, заняло теперь почетное мѣсто въ „Интернаціоналѣ“. Главную роль игралъ въ немъ несомнѣнно Карлъ Марксъ, хотя онъ все время старался не выдвигаться впередъ.

„Международная ассоціація“ развилась очень быстро; ея вліяніе на рабочихъ различныхъ странъ расло изъ года въ годъ. Ежегодные (въ теченіе первыхъ лѣтъ ея существованія — впослѣдствіи болѣе рѣдкіе) конгрессы ея привлекали вниманіе всѣхъ интересующихся соціалистическимъ движеніемъ и вызывали злобную критику многочисленныхъ противниковъ и враговъ. Она была не простымъ информаціоннымъ бюро и не простой совѣщательной камерой, а авторитетной руководительницей и наставницей международнаго пролетаріата. Она поддерживала вспыхивавшія тутъ и тамъ забастовки рабочихъ и старалась направлять ихъ движеніе по опредѣленному руслу. Дѣятельное участіе принимала „Ассоціація“ и въ дѣлахъ парижской Коммуны. Генеральный совѣтъ „Ассоціаціи“ откликался на всѣ главнѣйшія событія, стараясь привлечь симпатіи къ дѣлу парижскаго пролетаріата. Поддержка Коммуны повела за собой энергичныя репрессіи правительствъ противъ „Интернаціонала“. Вмѣстѣ съ внутренними раздорами, эти репрессіи повели къ распаденію „Ассоціаціи“.

Внутренніе раздоры имѣли своимъ источникомъ наличность двухъ совершенно различныхъ теченій въ „Интернаціоналѣ“. Одно изъ нихъ, связанное съ именемъ Маркса, отличалось революціоннымъ реализмомъ, основаннымъ на глубокомъ пониманіи законовъ соціальнаго развитія. Другое—имѣло своимъ главнымъ выразителемъ нашего соотечественника Бакунина и было проникнуто революціонно-анархической романтикой, чуждой пониманія дѣйствительности. Бакунисты тащили „Интернаціоналъ“ въ „подполье“, хотѣли сдѣлать изъ него соціалистическую секту; марксисты считали сектантское существованіе соціализма пройденной ступенью развитія и стремились создать формы для „настоящаго рабочаго движенія“. Марксисты строили свои планы на самодовлѣющемъ развитіи рабочаго класса; бакунисты придавали ему мало значенія и возлагали свои надежды на деклассированную интеллигенцію. Отсюда—ссоры, все время обезсиливавшія „Ассоціацію“; репрессіи нанесли ей послѣдній ударъ.

Распаденіе „Интернаціонала“ означало не конецъ международнаго рабочаго движенія, а только недостаточность его въ данный моментъ. Въ значительной степени эта недостаточность обусловливалась слабостью *національнаго* рабочаго движенія, отсутствіемъ сильныхъ *національныхъ* организацій. Съ исчезновеніемъ „Интернаціонала“ этотъ недостатокъ сталъ быстро устраняться. Рабочее движеніе въ различныхъ странахъ стало дѣлать быстрые успѣхи, пролетарскія партіи стали оказывать большое вліяніе на ходъ внутренней политики. Вмѣстѣ съ ростомъ національныхъ организацій стала опять ощущаться потребность въ международномъ сближеніи. Въ 1889 г. эта потребность получила выраженіе: былъ созванъ первый конгрессъ „новаго“ Интернаціонала.

Конгрессъ состоялся въ Парижѣ. Собрались отчасти тѣ же лица, которыя участвовали въ старой „Ассоціаціи“; всѣ чувствовали, что новая организація является преемницею старой. Нѣмецкій делегатъ, покойный Вильгельмъ Либкнехтъ, правильно отмѣтилъ, что старый „Интернаціоналъ“ „не умеръ“, а превратился въ мощныя рабочія организаціи и рабочія движенія отдѣльныхъ странъ, продолжая существовать въ ихъ лицѣ.

Послѣ парижскаго конгресса послѣдовалъ рядъ конгрессовъ въ другихъ городахъ. Въ 1891 г. новый „Интернаціоналъ“ собирался въ Брюсселѣ, въ 1893 г.—въ Цюрихѣ, въ 1896 г.—въ Лондонѣ, въ 1900 г.—опять въ Парижѣ, въ 1904 г.—въ Амстердамѣ, въ 1907 г.—въ Штутгартѣ. Каждый конгрессъ знаменуетъ собой новый этапъ въ международномъ рабочемъ движеніи, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ.

Чтобы представить себѣ, какъ далеко подвинулось международное рабочее дѣло со времени стараго „Интернаціонала“, достаточно привести слѣдующія цифры. На базельскомъ конгрессѣ стараго „Интернаціонала“ (въ 1869 г.) были представлены всего девять націй. Всѣхъ делегатовъ было 80; Америка была представлена 1 делегатомъ, Англія—6, Франція—7, Бельгія—5, Германія—12, Австрія—2, Швейцарія—24, Италія—1, Испанія—2. На копенгагенскомъ конгрессѣ нынѣшняго года были представлены 23 націи, а число делегатовъ достигало 887. Изъ этого числа на Германію приходилось 189 депутатовъ, на Францію—78, Австрію—72, Богемію—36, Британію—84, Россію—38, Италію—9, Соединенные Штаты Сѣверной Америки—24, Бельгію—26, Швецію—86, Данію—146, Польшу—17, Швейцарію—13, Венгрію—14, Финляндію—19, Голландію—14, Норвегію—31, Испанію—3, Арменію—4, Сербію—3, Аргентину—1, Болгарію—7, Румынію—2. Не прислали делегатовъ соціалисты изъ Австраліи, Турціи, Японіи, Греціи, ограничившись, по разнымъ причинамъ, одними привѣтствіями.

Приведенныя цифры, однако, сами по себѣ мало говорятъ о дѣйствительномъ ростѣ соціалистическаго движенія. Необходимо обратиться еще къ даннымъ, касающимся размѣровъ самыхъ организацій, и къ даннымъ, рисующимъ число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ на парламентскихъ выборахъ. Какія массы стояли за копенгагенскими делегатами? Обращаясь къ отчетамъ, представленнымъ къ копенгагенскому съѣзду, мы видимъ, что новый „Интернаціоналъ" объединяетъ *свыше трехъ милліоновъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ*, не только открыто признающихъ себя приверженцами соціализма, но активно работающихъ надъ его распространеніемъ и развитіемъ. Изъ тѣхъ же отчетовъ явствуетъ, что соціалистическими кандидатами собрано свыше *восьми милліоновъ избирательныхъ голосовъ*. Весьма возможно, что среди этихъ восьми милліоновъ не всѣ являются убѣжденными и сознательными соціалистами. Но всетаки нельзя не признать, что притягательная сила современнаго соціализма по истинѣ грандіозна.

Главное свое выраженіе новый интернаціонализмъ находитъ въ періодическихъ конгрессахъ. Къ этимъ конгрессамъ допускаются, однако, не всѣ пролетарскія или соціалистическія организаціи. Согласно правиламъ, выработаннымъ въ 1899 г. и утвержденнымъ парижскимъ конгрессомъ 1900 г., въ конгрессѣ могутъ принимать участіе:

1) Всѣ ассоціаціи, исповѣдующія основные принципы соціализма: обобществленіе средствъ производства и обмѣна; международный союзъ и совокупныя дѣйствія всѣхъ трудящихся; соціалистическое завоеваніе общественныхъ должностей пролетаріатомъ, организованнымъ какъ классъ.

2) Всѣ корпоративныя организаціи, которыя, стоя на почвѣ классовой борьбы и признавая необходимость политическихъ дѣйствій, а слѣдовательно и законодательныхъ и парламентскихъ, не принимаютъ непосредственнаго участія въ политическомъ движеніи. Анархисты и христіанскіе соціалисты устраняются, такимъ образомъ, отъ участія въ „Новомъ Интернаціоналѣ". Тѣмъ самымъ исключены такіе раздоры, какіе были неизбѣжны въ старомъ.

Предметомъ обсужденія на конгрессахъ являются всѣ вопросы, такъ или иначе касающіеся условій жизни и борьбы рабочаго класса. Всѣ проблемы такъ называемаго рабочаго законодательства, женскій вопросъ, отмѣна постоянныхъ армій, аграрный вопросъ, воспитаніе и физическое развитіе юношества, колоніальная политика современныхъ большихъ государствъ, роль трестовъ и синдикатовъ, коммунальная политика, эмиграція и иммиграція, кооперативное и профессіональное движеніе—всѣ эти и другія однородныя темы неоднократно при-

влекали вниманіе участниковъ международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ. Принимаемыя на съѣздахъ рѣшенія имѣютъ самый общій характеръ и намѣчаютъ только линію поведенія для практической дѣятельности отдѣльныхъ національныхъ партій. Это не директивы, не распоряженія, которыя необходимо немедленно провести въ жизнь, а большею частью принципіальныя деклараціи, которыя должны быть положены въ основу практической дѣятельности. Только рѣшеніе относительно празднованія перваго мая можетъ считаться призывомъ къ немедленному дѣйствію; но и тутъ послѣднее слово остается за отдѣльными партіями, а не за конгрессомъ. Самостоятельность національныхъ организацій конгрессами, такимъ образомъ, не затрагивается.

Помимо конгрессовъ, связывающимъ звеномъ между національными партіями является еще „Интернаціональное соціалистическое бюро". Оно выбирается на конгрессахъ и состоитъ изъ представителей національныхъ партій. Каждая партія посылаетъ по два представителя. Секретаріатъ этого бюро находится теперь въ Брюсселѣ; его дѣятельность состоитъ въ доставленіи всевозможнаго рода справокъ и въ посредничествѣ между отдѣльными партіями. Въ исключительныхъ случаяхъ бюро выступаетъ съ протестами или другими воззваніями. Такъ напр., оно протестовало противъ выдачи русскихъ эмигрантовъ и противъ террористической политики мексиканскаго президента Діаца, направленной главнымъ образомъ противъ тамошнихъ либераловъ. Бюро защищаетъ, такимъ образомъ, не только интересы рабочаго класса, но и всей демократіи. Оно высказывало свое мнѣніе и по такимъ поводамъ, какъ аннексія Австріей Босніи и Герцеговины, финляндскій конфликтъ, Азефская исторія, дѣло Феррера и т. д. Наряду съ бюро функціонируетъ съ 1904 г. „Международная парламентская коммиссія", назначеніемъ которой является содѣйствіе чисто парламентскимъ интересамъ международнаго соціализма. Ея секретарь одновременно состоитъ и секретаремъ бюро. Главнѣйшая цѣль коммиссіи—установленіе возможно большаго единообразія въ дѣятельности различныхъ парламентскихъ фракцій.

Большое значеніе для современнаго „Интернаціонала" имѣютъ, далѣе, связи, установленныя между профессіональными союзами различныхъ странъ, а также между кооперативами и организаціями соціалистической молодежи. Особенно сильно развиты сношенія между *профессіональными союзами*. По сравненію съ общеполитической связью международныя сношенія рабочихъ профессіональныхъ союзовъ имѣютъ, несомнѣнно, бóльшее практическое значеніе. Здѣсь на первый планъ выдвигается не установленіе тѣхъ или другихъ теорій, не провозглашеніе принциповъ, а созданіе опредѣленныхъ правилъ, которыя должны быть непосредственно воплощены въ дѣло. Интернаціональныя сношенія

профессіональныхъ союзовъ представляются, поэтому, болѣе сложными, нежели сношенія на общеполитической почвѣ. Существуетъ союзъ профессіональныхъ центральныхъ учрежденій, обнимающихъ болѣе семи милліоновъ членовъ. Къ этому союзу примыкаютъ въ настоящее время слѣдующія страны: Великобританія, Нидерланды, Бельгія, Данія, Швеція, Норвегія, Финляндія, Германія, Австрія, Венгрія, Италія, Швейцарія, Болгарія, Франція, Испанія, Сербія, Австралія, Японія, Аргентина, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Кроація. Текущими дѣлами завѣдуетъ международный секретаріатъ, во главѣ котораго стоитъ извѣстный депутатъ нѣмецкаго рейхстага Карлъ Легинъ. Каждые два года бываютъ конференціи изъ делегатовъ отъ каждаго центральнаго учрежденія (самое большее—по два представителя). „Задача конференцій—обсужденіе средствъ для болѣе тѣснаго сплоченія профессіональныхъ союзовъ всѣхъ странъ, для веденія однородной статистики профессіональнаго движенія и для организаціи взаимопомощи въ экономической борьбѣ, а также разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, находящихся въ непосредственной связи съ профессіональной организаціей рабочаго класса. Обсужденіе вопросовъ теоретическихъ или тактическихъ, касающихся профессіональнаго движенія отдѣльной страны, исключено. Протоколы конференцій представляютъ собою цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ рабочимъ движеніемъ. Не меньшее значеніе имѣютъ „международные отчеты“, издаваемые ежегодно международнымъ секретаріатомъ.

Въ финансовомъ отношеніи „Союзъ“ пока не особенно многаго достигъ. Такъ напр., въ 1907 г. для взаимопомощи было собрано 57.667 м., которыя были раздѣлены между стачечниками и безработными Россіи, Бельгіи, Болгаріи и Норвегіи. Слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе на то, что помимо международнаго центральнаго учрежденія существуютъ еще международные *союзы по профессіямъ*, оказывающіе помощь своимъ членамъ. Есть международные союзы булочниковъ, горныхъ рабочихъ, скульпторовъ, пивоваровъ, книгопечатниковъ, желѣзнодорожниковъ, торговопромышленныхъ рабочихъ, рабочихъ по транспорту, портовыхъ рабочихъ, каменотесовъ, машинистовъ, моряковъ, фабричныхъ рабочихъ, парикмахеровъ, приказчиковъ, муниципальныхъ рабочихъ, перчаточниковъ, работниковъ по дереву и по металлу, шляпочниковъ, литографовъ, каменщиковъ, рабочихъ на заводахъ фарфоровыхъ издѣлій, шапочниковъ, портныхъ, табачниковъ, текстильщиковъ, плотниковъ, шорниковъ, переплетчиковъ, стекольниковъ, строительныхъ рабочихъ. Постоянно находящаяся въ движеніи рабочая масса, ищущая занятій то въ одной, то въ другой странѣ, нуждается въ матеріальной и моральной поддержкѣ. Мѣстныя организаціи нуждаются во время борьбы въ томъ, чтобы

имъ не мѣшали рабочіе изъ другихъ странъ. Возникаетъ, такимъ образомъ, цѣлый рядъ задачъ, которыя могутъ быть разрѣшены лишь съ помощью международнаго союза. Кромѣ того, международные профессіональные союзы стараются провести однородную законодательную регулировку рабочаго времени, добиться установленія минимальной рабочей платы и т. д. Разнообразіе профессій естественно ведетъ къ различіямъ въ качествѣ организацій. Выше всѣхъ стоитъ образцовый союзъ книгопечатниковъ; текстильщики, рабочіе по транспорту и горнорабочіе имѣютъ также очень хорошія организаціи.

Совершенно другой характеръ носятъ международныя сношенія *кооперативовъ*. Здѣсь сходятся не исключительно пролетарскіе или соціалистическіе элементы, но и буржуазные, крестьянскіе и христіанскіе союзы и т. д. Со временемъ въ этой области должна произойти дифференцировка: какъ только пролетарскіе кооперативы пустятъ глубокіе корни въ различныхъ странахъ, у нихъ несомнѣнно явится потребность отдѣлиться, завести самостоятельную международную организацію. Пока кооперативы не стоятъ еще на этой ступени развитія, хотя тутъ и тамъ (напр. въ Англіи, Бельгіи, Германіи) они достигли значительнаго расцвѣта.

Къ современному „Интернаціоналу“ слѣдуетъ причислить еще международную организацію соціалистической молодежи. Она основана всего лишь въ 1907 г. Къ ней примыкаютъ юноши пятнадцати странъ. Всего въ этомъ союзѣ организовано около 70-ти тысячъ юныхъ рабочихъ и работницъ. Самое большое число организованнаго юношества падаетъ на Швецію (по отчету 1907 г.—17 тысячъ) и Бельгію (13 тысячъ); затѣмъ идутъ Германія, Италія, Австрія, Богемія, Великобританія, Данія, Испанія, Болгарія, Норвегія, Венгрія, Франція, Голландія, Швейцарія и наконецъ Финляндія. Организація юношества въ каждой странѣ носитъ особый характеръ, въ зависимости отъ экономическаго, политическаго и партійнаго развитія данной страны. Въ Голландіи и Англіи, напр., эти организаціи стремятся къ распространенію образованія; австрійскіе союзы заботятся объ образованіи и объ охранѣ труда ремесленныхъ учениковъ; въ Бельгіи заботятся, кромѣ образованія, объ антимилитаристской пропагандѣ; задачами чешскихъ соціалистическихъ юношей являются одновременно и образованіе, и антимилитаризмъ, и охрана труда. Въ общемъ замѣтна тенденція въ сторону чешскаго типа организаціи.

Работы копенгагенскаго съѣзда имѣли сравнительно спокойный характеръ. По признанію всѣхъ наблюдателей, это былъ одинъ изъ наиболѣе мирныхъ соціалистическихъ конгрессовъ; специфическая

„полемика" не играла на немъ почти никакой роли. Такъ работать могутъ только люди, чувствующіе свое единство.

Правда, были вопросы, возбуждавшіе значительное разногласіе. Эти разногласія касались, однако, только оттѣнковъ, но отнюдь не принципіальныхъ основъ соціалистическаго міровоззрѣнія. Такая разница въ мнѣніяхъ неизбѣжна въ такой огромной семьѣ, какъ соціалистическая.

Наиболѣе страстно прошло обсужденіе такъ называемаго *чешскаго вопроса*. Сущность его интересна сама по себѣ, но особенное значеніе этотъ вопросъ имѣетъ для насъ, русскихъ. Условія, при которыхъ возникла эта проблема, вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ условіямъ, и я не сомнѣваюсь, что раньше или позже у насъ возникнутъ точно такіе же вопросы.

Какъ нужно устраивать профессіональные союзы? По экономическому или по національному признаку?—Такъ приблизительно можно сформулировать суть „чешской" проблемы. Партійная или политическая организація въ Австріи построена на принципѣ національной автономіи. Каждая большая нація имѣетъ свою соціалистическую партію, а всѣ вмѣстѣ образуютъ нѣчто цѣлое, объединенное общей программой и общимъ руководящимъ коллективомъ. Профессіональные союзы построены совершенно иначе. Въ основѣ ихъ лежитъ чисто экономическій принципъ. Не существуютъ (или, точнѣе, не существовали до послѣдняго времени) нѣмецкіе, чешскіе, словенскіе, польскіе и т. д. профессіональные союзы, а исключительно „австрійскіе", руководимые изъ общаго центра, находящагося въ Вѣнѣ. Такое положеніе дѣлъ показалось чехамъ нежелательнымъ и неудобнымъ. По ихъ убѣжденію профессіональная организація чешскихъ рабочихъ страдаетъ отъ того, что чешское профессіональное движеніе руководится изъ Вѣны. „Ростъ нашей профессіональной организаціи—говорятъ чехи въ одной резолюціи—зависитъ отъ координированной работы съ политической (чешской) организаціей; мы не хотимъ, чтобы въ нашихъ профессіональныхъ союзахъ господствовалъ другой духъ и чтобы они управлялись членами другой національности".

Представители всѣхъ остальныхъ націй, участвовавшихъ на конгрессѣ, высказались категорически противъ расщепленія рабочихъ по національностямъ, считая такое стремленіе убійственнымъ для профессіональныхъ союзовъ. Докладчикъ по данному пункту, Г. В. Плехановъ, указалъ, что при рѣшеніи вопроса въ чешскомъ смыслѣ даже въ Германіи, отличающейся сравнительною однородностью населенія, пришлось бы имѣть дѣло съ польскими, датскими, французскими, итальянскими и русинскими союзами. Что же касается такихъ странъ, какъ Россія, то тутъ пришлось бы понастроить нѣ-

сколько дюжинъ національныхъ рабочихъ организацій. Экономическая борьба при этихъ условіяхъ стала бы невозможной. Предприниматели, объединенные безъ различія національностей, легко управились бы съ рабочими, разбитыми на множество отдѣльныхъ національныхъ группъ.

Единодушный вотумъ конгресса, отвергшій чешское предложеніе, несомнѣнно окажетъ вліяніе на дальнѣйшій образъ дѣйствій не только чеховъ, но и другихъ національностей, находящихся въ аналогическомъ положеніи. Тѣмъ не менѣе вопросъ трудно считать покончённымъ: съ нимъ тѣсно связано существованіе національныхъ партій. Пока за послѣдними, по тѣмъ или инымъ причинамъ, будетъ признаваться право на существованіе, до тѣхъ поръ стремленіе къ самостоятельности профессіональныхъ союзовъ не можетъ исчезнуть. Тотъ фактъ, что австрійскіе поляки, словенцы и т. д. пока не идутъ за чехами, объясняется просто слабостью ихъ профессіональной организаціи. Чешская организація, напр., насчитываетъ 70 тысячъ, польская—28 тысячъ, словенская и другія—еще менѣе членовъ. Между тѣмъ чешское населеніе въ Австріи лишь немногимъ превышаетъ количество польскаго населенія. Чешская организація, такимъ образомъ, сильнѣе польской и другихъ не только абсолютно, но и относительно. Разростаясь, она чувствуетъ потребность въ автономномъ управленіи, въ перенесеніи центра тяжести изъ Вѣны въ Прагу. Такого же процесса слѣдуетъ ожидать и у другихъ націй.

Въ нѣкоторой связи съ „чешской“ проблемой стоитъ вопросъ о *международной солидарности*. Инициаторами его явились шведы. Во время своей послѣдней грандіозной забастовки, въ теченіе цѣлаго ряда недѣль составлявшей предметъ внимательнаго изученія всего читающаго міра, шведы обратились за помощью къ братскимъ организаціямъ за границей. На ихъ обращеніе откликнулись прежде всего скандинавскія страны, затѣмъ Германія и Швейцарія. Изъ Англіи, Франціи и Бельгіи, обладающихъ огромными средствами, не было получено ничего или получено очень мало. Такое равнодушіе къ интересамъ борющихся собратьевъ не могло не вызвать чувства огорченія у шведовъ. Они нашли нужнымъ внести резолюцію, въ которой конгрессъ напоминаетъ рабочимъ всѣхъ странъ объ ихъ обязанностяхъ при случаяхъ, аналогичныхъ шведской забастовкѣ. Конгрессъ, не исключая англійскихъ, французскихъ и бельгійскихъ делегатовъ, единодушно принялъ это предложеніе. Англичане объяснили, что они были плохо информированы, такъ какъ ихъ пресса очень слабо развита; бельгійцы указали на то, что во время шведской забастовки они сами страдали отъ безработицы; французы оправдывались недостаточностью средствъ, являющейся результатомъ „синди-

калистской“ тактики французскихъ профессіональныхъ союзовъ. Судя по рѣчи нѣмецкаго делегата, конгрессъ лишь въ извѣстной степени призналъ эти оправданія убѣдительными. Будущее должно показать, что международная солидарность—не пустой звукъ для рабочихъ богатыхъ и свободныхъ странъ.

Вопросъ о международной солидарности былъ затронутъ конгрессомъ еще по другому поводу. Безпрерывный ростъ *милитаризма*, тяжесть котораго ложится преимущественно на широкія народныя массы, давно уже побуждаетъ международный пролетаріатъ къ веденію планомѣрной борьбы съ нимъ. Постоянныя опасенія войны, особенно обострившіяся за послѣдніе годы, естественно вызываютъ со стороны соціалистическихъ партій всего свѣта желаніе найти противовѣсъ военнымъ авантюрамъ командующихъ классовъ. Такимъ противовѣсомъ можетъ явиться антимилитаристское движеніе широкихъ рабочихъ массъ. Конгрессъ энергично напомнилъ соціалистамъ о необходимости антимилитаристской пропаганды. Онъ выразилъ надежду, что борьба противъ милитаризма будетъ вестись и на парламентской почвѣ. Соціалистическіе парламентаріи обязуются противодѣйствовать вотированію дальнѣйшихъ средствъ на вооруженіе, а отъ народныхъ представительствъ конгрессъ ожидаетъ, что они будутъ требовать: 1) введенія выборнаго третейскаго суда для международныхъ конфликтовъ; 2) общаго разоруженія, прежде всего—заключенія договоровъ, ограничивающихъ морское вооруженіе и устраняющихъ право каперства; 3) отмѣны тайной дипломатіи и оглашенія всѣхъ существующихъ въ настоящее время (а равно и будущихъ) международныхъ соглашеній; 4) признанія права на національное самоопредѣленіе и защиту народовъ противъ военнаго нападенія и насильственнаго подавленія.

Для проведенія въ жизнь антимилитаристской кампаніи конгрессъ поручаетъ интернаціональному бюро принимать соотвѣтствующія мѣры при возникновеніи опасенія военнаго столкновенія. Бюро должно служить посредникомъ для установленія единообразія въ политикѣ рабочихъ партій. Это постановленіе конгресса можетъ имѣть практическое значеніе, конечно, только для тѣхъ странъ, гдѣ имѣются большія и крѣпко сплоченныя рабочія массы. Только такія организованныя массы смогутъ оказать воздѣйствіе на образъ дѣйствій правящихъ элементовъ. Въ настоящее время такія массы имѣются въ Англіи и Германіи, со стороны которыхъ легче всего ожидать военныхъ авантюръ. Антимилитаристское движеніе въ этихъ странахъ можетъ, поэтому, разсматриваться какъ залогъ международнаго мира.

Принятыя конгрессомъ рѣшенія относительно милитаризма встрѣтили нѣкоторую оппозицію какъ съ „правой“, такъ и съ „лѣвой“ стороны собранія. Со стороны „правыхъ“ выступилъ итальянскій деле-

гатъ Моргари, со стороны „лѣвыхъ“ — англійскій делегатъ Кейръ-Гарди и французскій Вальянъ. Моргари пытался провести формулу, въ которой требовалась не полная отмѣна военнаго бюджета, а только частичное его сокращеніе. По мнѣнію этого делегата, если соціалисты потребуютъ сначала сокращенія процентовъ на 50 или даже 25, то они скорѣе добьются осуществленія своихъ задачъ. Это не встрѣтило поддержки со стороны другихъ членовъ конгресса, да по существу и не могло встрѣтить. При выставленіи принциповъ нѣтъ смысла указывать на пріемлемость ихъ частичнаго осуществленія.

„Лѣвая“ сторона добивалась принятія слѣдующей резолюціи: „Конгрессъ считаетъ, что среди средствъ для предотвращенія войны особенно цѣлесообразнымъ является всеобщая забастовка рабочихъ, преимущественно въ тѣхъ отрасляхъ индустріи, которыя доставляютъ потребные для войны матеріалы (оружіе, перевозочныя средства и пр.)“. Предложеніе Кейръ-Гарди было поддержано всей англійской секціей. Даже отличающіеся своей осторожностью вожди англійскихъ трэдъ-юніоновъ высказались за самыя рѣзкія средства противъ войны. Тѣмъ не менѣе докладчикъ, делегатъ нѣмецкаго рейхстага Ледебуръ, и извѣстный австрійскій соціалистъ Реннеръ (Шпрингеръ) категорически высказались противъ забастовки. Шпрингеръ, между прочимъ, сказалъ: „Еслибы дѣло зависѣло только отъ нашей воли, мы всѣ были бы за одно съ Кейръ-Гарди. И поскольку рѣчь идетъ о волѣ, насъ радуетъ, что этотъ сѣдовласый поборникъ „Интернаціонала“ является образцомъ для нашего революціоннаго темперамента. Но мы не можемъ ограничиться здѣсь выраженіемъ нашего настроенія. Интернаціональный конгрессъ преслѣдуетъ другія задачи. Необходимо имѣть въ виду, что противъ всеобщей забастовки въ коммиссіи высказался цѣлый рядъ представителей различныхъ націй. Моргари заявилъ отъ имени Италіи, что постановленіе относительно всеобщей забастовки явилось бы для ихъ партіи актомъ самоубійства. Представитель Германіи заявилъ, что такое рѣшеніе наложило бы на партію печать нелегальности, а я лично отъ имени Австріи замѣтилъ, что на основаніи этого рѣшенія мы, можетъ быть, до начала военныхъ дѣйствій и будемъ имѣть соціалъ-демократическую партію, но разъ вспыхнетъ война, партіи уже не будетъ, ибо резолюція послужитъ основаніемъ для самыхъ жестокихъ преслѣдованій“. „Мы, австрійцы,—добавилъ ораторъ,—видѣли опасность войны на очень близкомъ разстояніи. Два года тому назадъ и въ прошломъ году намъ пришлось употребить много усилій для борьбы съ военной опасностью. Мы имѣли случай при этомъ испытать значеніе различныхъ средствъ. Мы ознакомились съ психологіей всего народа передъ наступленіемъ войны, и на основаніи этого опыта у насъ не хватаетъ мужества стать

на защиту декларацiи всеобщей забастовки, обязательной для всѣхъ партiй. Мы, австрiйцы, а равно и имперскiе нѣмцы, явились сюда изъ странъ, гдѣ милитаризмъ развитъ больше чѣмъ гдѣ бы то ни было и обладаемъ, поэтому, печальнымъ преимуществомъ быть спецiалистами въ этомъ вопросѣ. Я черпаю отсюда моральное право заявить, что крайне неразумно связывать себя выборомъ одного средства въ то время, когда мы должны питать убѣжденiе, что для борьбы съ милитаризмомъ всѣ средства годны". Послѣ такихъ рѣшительныхъ выступленiй конгрессу ничего не оставалось, какъ отсрочить рѣшенiе щекотливаго вопроса. Кейръ-Гарди и Вальянъ согласились на такую отсрочку, и ихъ резолюцiя передана въ международное бюро, какъ матерiалъ для дальнѣйшаго изученiя вопроса.

Англичане и французы оказались сторонниками болѣе радикальныхъ мѣръ не только въ милитаристскомъ вопросѣ. Относительно методовъ *борьбы съ безработицей* они также оказались на „лѣвомъ" крылѣ. Англичане находили резолюцiю, предложенную референтомъ, Адольфомъ Брауномъ, недостаточной, слабой, и утверждали, что, привезя такую резолюцiю домой, они нанесли бы ущербъ своей собственной агитацiи противъ ужасовъ безработицы. Болѣе всего имъ хотѣлось, чтобы въ резолюцiи было признано *право на трудъ*. Референтъ отказывался видѣть въ этомъ требованiи особый радикализмъ и указывалъ на то, что право на трудъ содержится въ прусскомъ земскомъ уложенiи, не оказавъ никакого влiянiя на уменьшенiе безработицы. Нацiональныя мастерскiя въ 1848 г. также явились продуктомъ „права на трудъ", но развѣ онѣ смягчили хоть сколько-нибудь бѣдствiя народа? Правда, англичане не только требуютъ труда для безработныхъ, но соединяютъ это требованiе съ требованiемъ „приличной заработной платы" (fair wages). По мнѣнiю референта, это требованiе капиталистическое общество выполнить не можетъ. Помимо паллiативовъ въ нашемъ распоряженiи нѣтъ никакихъ другихъ средствъ. Не „право на трудъ", а устраненiе капитализма можетъ устранить безработицу.

Въ качествѣ паллiативовъ конгрессъ требуетъ организацiи общественныхъ работъ для безработныхъ, устройства и развитiя справочныхъ бюро и оплаты труда безработныхъ по тарифу, признаваемому профессiональными союзами „приличнымъ". Кромѣ того должны быть предприняты различныя законодательныя мѣры противъ этого бича современнаго пролетарiата и основана правильная статистика безработицы.

Горячiе дебаты вызвалъ вопросъ о *кооперативахъ*. Долгое время кооперативное дѣло очень мало привлекало вниманiе международнаго соцiализма. Роль кооперативовъ въ классовой борьбѣ пролетарiата

была ясна лишь немногимъ, а недостаточное развитіе ихъ затрудняло выработку правильнаго отношенія къ этой вѣтви рабочаго движенія. Постепенный расцвѣтъ бельгійскихъ соціалистическихъ кооперативовъ, а затѣмъ и нѣмецкихъ, заставилъ, наконецъ, представителей „Интернаціонала" заняться этимъ вопросомъ болѣе обстоятельно.

Коммиссія, разрабатывавшая кооперативную проблему, постаралась выяснить два момента. Во-первыхъ, для нея важно было найти наиболѣе желательную форму взаимоотношеній между кооперативами и политическими организаціями рабочихъ. Во-вторыхъ, нужно было установить, какое значеніе имѣютъ потребительныя общества для рабочаго дѣла вообще. Коммиссія, а затѣмъ и конгрессъ, признали, что кооперативы важны не только потому, что доставляютъ своимъ членамъ извѣстныя выгоды, но и какъ орудіе въ освободительной борьбѣ. Кооперативы способны пріучить рабочихъ къ самостоятельному веденію своихъ дѣлъ и подготовляютъ почву для демократизаціи и соціализаціи производства. Конгрессъ, однако, нашелъ нужнымъ предостеречь пролетаріатъ отъ двухъ, хотя и противоположныхъ, но тѣмъ не менѣе одинаково вредныхъ иллюзій. Неправильно думать, что кооперативное движеніе само по себѣ способно демократизировать и соціализировать производство. Съ другой стороны, нелѣпо предполагать, что лучшая будущность можетъ быть достигнута безъ неустаннаго занятія повседневными „малыми дѣлами".

Отношеніе соціалистовъ къ кооперативамъ намѣчается, при такой ихъ оцѣнкѣ, само собою. Разъ кооперативы представляютъ дѣйствительное орудіе въ пролетарской борьбѣ, то естественно, что каждый соціалистъ долженъ сдѣлаться участникомъ этого движенія. Конгрессъ рекомендуетъ, поэтому, вступленіе въ кооперативы, но воздерживается отъ того, чтобы *обязывать* всѣхъ соціалистовъ сдѣлать такой шагъ. Принимая во вниманіе моральный вѣсъ конгресса, можно ожидать, что соціалисты и безъ такого обязательства станутъ теперь энергичнѣе работать въ кооперативномъ дѣлѣ.

Что касается отношеній, которыя должны быть установлены между кооперативами и политическими организаціями, то тутъ пришлось столкнуться съ двумя тенденціями. Бельгійскіе кооперативы, напр., находятся уже въ самой тѣсной связи съ соціалистической партіей. Та же тенденція намѣтилась въ Австріи. Въ противоположность этому, въ Германіи кооперативы совершенно самостоятельны, а въ Англіи—отчасти даже враждебны политической организаціи рабочаго класса. Обѣ тенденціи были представлены и на конгрессѣ; каждая изъ нихъ энергично отстаивала свои взгляды. Согласить ихъ конгрессу не удалось, а потому было рѣшено предоставить каждой странѣ рѣшить этотъ вопросъ самостоятельно. Такое рѣшеніе слѣдуетъ считать благо-

разумнымъ хотя бы потому, что *юридическія* условія въ различныхъ странахъ различны. Въ Россіи соединеніе съ политической партіей повело бы къ разрушенію и тѣхъ зачатковъ кооперативовъ, которые въ настоящее время существуютъ. Но не только въ Россіи, даже въ Германіи это повело бы къ цѣлому ряду нежелательныхъ явленій.

Главная часть работы копенгагенскаго съѣзда была посвящена, такъ сказать, внутреннимъ вопросамъ. Нѣкоторыя событія послѣдняго времени заставили, однако, представителей „Интернаціонала" удѣлить нѣкоторое вниманіе и „внѣшнимъ" дѣламъ. Такими дѣлами явились, между прочимъ, финляндскій вопросъ и развитіе смертной казни въ различныхъ европейскихъ странахъ. Конгрессъ рѣшительно высказался противъ смертной казни и выразилъ протестъ противъ политики русскаго правительства по отношенію къ Финляндіи. Имъ были также приняты резолюціи-протесты по поводу персидскихъ, турецкихъ и японскихъ дѣлъ.

Слѣдующій конгрессъ состоится черезъ три года, въ Вѣнѣ.

Р. Стрѣльцовъ.

Берлинъ.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ

(Изъ воспоминаній студента Московскаго университета.)

Исполнилось тридцать лѣтъ со времени кончины нашего великаго историка С. М. Соловьева. Не смотря на его громкую славу, немеркнущую и теперь, въ печати появилось очень мало воспоминаній о немъ. А между тѣмъ самъ незабвенный ученый не чуждался мысли, что главные факты его жизни должны стать общимъ достояніемъ: онъ писалъ „Записки", въ которыхъ довольно подробно говорилъ о себѣ и о своихъ трудахъ въ области исторической науки. Я думаю, поэтому, что нелишними будутъ предлагаемыя воспоминанія одного изъ бывшихъ слушателей Соловьева, относящіяся къ послѣднему году жизни и профессорской дѣятельности Соловьева.

Какія могучія ученыя силы представлялъ собою Московскій университетъ въ годы моего студенчества (1876—1880)! Всѣхъ славныхъ и не перечтешь: Буслаевъ, Тихонравовъ, Стороженко, Герье, Виноградовъ, Коршъ, Ключевскій, Соловьевъ (философъ), Карѣевъ, Иван-

цовъ-Платоновъ, Чупровъ, Максимъ Ковалевскій, Янжулъ, Павловъ, (канонистъ), Гольцевъ, Гамбаровъ, Муромцевъ, Лешковъ—и это только на двухъ факультетахъ! Между ними высокое мѣсто, по праву, занималъ С. М. Соловьевъ.

Наружность маститаго ученаго носила на себѣ печать величія и внушала глубокое благоговѣніе. Особенно замѣчателенъ былъ его взглядъ, какъ бы проникавшій въ глубины прошлаго, нерѣдко загоравшійся, не смотря на преклонный возрастъ, огнемъ вдохновенія. Читалъ онъ лекціи въ аудиторіи подъ названіемъ: „словесная внизу". Говорилъ С. М. плавно, спокойно, безъ признаковъ старческой слабости. Прекрасная рѣчь его отличалась замѣчательною увѣренностью и сознаніемъ ученой силы. С. М. давалъ слушателямъ полную возможность вдуматься въ каждую высказанную имъ мысль. Своимъ изложеніемъ онъ возбуждалъ въ студентахъ живую умственную дѣятельность. На лекціяхъ онъ говорилъ образнымъ языкомъ, чего никакъ нельзя сказать о его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Онъ одушевлялъ чтеніе фигурами, картинами, антитезами, и вообще избѣгалъ сухого, отвлеченнаго изложенія. Въ этомъ отношеніи онъ очень напоминалъ Гизо. Вотъ, напримѣръ, какъ, въ одномъ случаѣ, характеризуется имъ Петръ Великій: *„увидитъ любопытную вещь, спроситъ о величинѣ; скажутъ величину—сейчасъ самъ вымѣряетъ, не вѣритъ словамъ"*. Или вотъ какъ онъ опредѣлялъ переходъ Россіи изъ древней исторіи въ новую: *„русскому народу говорятъ—ты жилъ не такъ, понималъ не такъ. Другіе понимали лучше, учились у чужихъ народовъ"*.

Въ своихъ лекціяхъ онъ умѣлъ вводить слушателей изъ преддверія въ глубину великаго храма исторической науки и притомъ такъ, что, по поводу фактовъ и явленій русской исторіи, указывались и фундаментально излагались общіе историческіе законы, положенія и теоріи. Его лекціи были критическимъ разборомъ событій и періодовъ русской исторической жизни, а не прагматическимъ только очеркомъ ея. Изложенію Соловьева придавала вѣсъ его изумительная эрудиція. Передъ нами, молодыми слушателями, на каѳедрѣ былъ человѣкъ, первый создавшій полную научную исторію нашего отечества, давшій русскимъ, по словамъ В. И. Герье, „то, чего не дали своему народу первоклассные историки другихъ странъ".

Главный интересъ преподаванія С. М. былъ сосредоточенъ не на фактической сторонѣ дѣла, съ чѣмъ онъ рекомендовалъ знакомиться по его „Исторіи Россіи" [1]), а на философскомъ и методологическомъ освѣщеніи ихъ. „Основной методъ моего курса—сказалъ онъ на пер-

[1]) Скажу кстати: всѣ наши студенты историческаго отдѣленія сочли долгомъ проштудировать всѣ 29 томовъ грандіознѣйшаго труда своего учителя.

вой же лекціи—будетъ *сравнительно историческій*". Для объясненія явленій русской исторіи Соловьевъ прибѣгалъ къ сопоставленіямъ изъ исторіи другихъ народовъ. Ни одного болѣе или менѣе значительнаго факта онъ не оставлялъ безъ блестящей или, по крайней мѣрѣ, остроумной параллели. Никогда не забуду чудной аналогіи между началомъ новой русской исторіи (Петръ—Ломоносовъ) и эпохой гуманизма въ западной Европѣ. „Знаете ли вы,—спросилъ С. М.,—что такое для насъ эпоха первой половины XVIII-го вѣка? Это—эпоха русскаго гуманизма. Оттого-то она оставляетъ такое свѣтлое впечатлѣніе, оттого-то именно она обновила нашу жизнь. Ломоносовъ и его сотрудники и послѣдователи были истинными русскими гуманистами".

Заслуживаетъ вниманія другая особенность трактованія Соловьевымъ историческихъ вопросовъ: это, какъ онъ говорилъ, употребленіе *метода точныхъ наукъ*. На такой пріемъ онъ указывалъ съ особымъ удареніемъ. Онъ даже доказывалъ возможность пользоваться въ историческихъ и общественныхъ наукахъ математической повѣркой. Приведу здѣсь одинъ примѣръ изъ многихъ. Говоря о томъ, что сплоченіе народнаго организма не можетъ произойти безъ сильной борьбы, Соловьевъ указывалъ, что въ древнерусской исторіи побѣжденное центростремительными силами *начало особности* было незначительно, ибо скоро подчинилось централизующему началу. „Это — *законъ*, противъ котораго возражать нельзя; это — *повѣрка точная, математическая*, повѣрка, которая легка при успѣхѣ исторической науки, когда всѣ части исторіи освѣщены одинаково, когда всякое невѣрное мнѣніе сейчасъ же изобличается математической повѣркой. Какъ при математической выкладкѣ легко найти, въ какомъ ряду чиселъ вкралась ошибка, такъ и въ исторіи, когда всѣ событія приведены въ связь, предыдущее повѣряется послѣдующимъ. Если выставить въ предыдущемъ какое-либо событіе въ ложной окраскѣ, поставить его на ходули, то въ послѣдующемъ окажется ошибка: не будетъ соотвѣтствія".

Математическую повѣрку въ исторіи Соловьевъ старался примѣнять къ разнымъ событіямъ чуть не на каждой лекціи. И когда ему казалось, что эта повѣрка вышла особенно удачной, онъ торжествовалъ, лицо его сіяло счастьемъ. Крѣпко любилъ „математическую повѣрку" покойникъ, крѣпко вѣрилъ въ ея всемогущество.

Въ „Исторіи Россіи", да и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, Соловьевъ постоянно приводитъ выдержки изъ разныхъ источниковъ; изложеніе ихъ словами преобладаетъ болѣе или менѣе надъ собственною рѣчью автора. В. И. Герье находитъ, что, „благодаря документальному изложенію, въ „Исторіи Россіи" замѣчается свѣжесть,

реальность и точность языка". Русская исторіографія была поставлена на новый путь; но документальное изложеніе утомляетъ читателей. Такого утомленія мы, студенты, къ счастью не испытывали, такъ какъ въ лекціяхъ С. М. говорилъ собственными словами, весьма рѣдко прибѣгая къ цитатамъ, и то небольшимъ.

Въ лекціяхъ Соловьева было много сужденій нравственнаго порядка; въ нихъ можно было найти похвалы и порицанія не только историческимъ дѣятелямъ, но и народамъ. С. М. утверждалъ, что курсъ исторіи долженъ дѣлать слушателей не только болѣе знающими, но и болѣе идеальными въ своихъ стремленіахъ. Начиная чтеніе лекцій, онъ такъ формулировалъ свой завѣтный взглядъ: „Историки, имѣя въ виду общіе законы развитія человѣчества, разсматривая народы и отдѣльныхъ лицъ только какъ орудія для достиженія провиденціальныхъ цѣлей, пріобрѣтали жесткость взгляда, теряли сочувствіе къ человѣчеству, къ его страданіямъ и паденіямъ, мало того—становились равнодушными въ оцѣнкѣ средствъ, которыми достигались извѣстныя цѣли. Что нужды, по мнѣнію этихъ историковъ, если при этомъ употреблялись средства безнравственныя, лишь бы это дѣлалось во имя представляющихся благодѣтельными идей. Такъ напр., европейцы-христіане, переселившіеся въ Америку, допускали такое зло, какъ рабство негровъ и торговля невольниками. Дорого заплачено, платится и будетъ платиться за этотъ *страшный грѣхъ!* Ненравственныя дѣйствія въ исторіи С. М., безъ малѣйшаго колебанія, называлъ преступленіями. Въ этихъ случаяхъ онъ пылалъ негодованіемъ и не скрывалъ его: оно всецѣло отражалось на его лицѣ и въ его жестахъ. Когда онъ произносилъ слова укора и рѣзкаго упрека „преступному прошлому", его образъ напоминалъ намъ великій и священный завѣтъ исторической науки: „die Weltgeschichte ist Weltgericht". Особенно замѣтно въ лекціяхъ С. М. Соловьева было умѣнье соединять два различныхъ интереса, представляемыхъ исторіей: стремленіе къ всестороннему изслѣдованію историческаго матеріала и потребность возстановить, по возможности, полный и цѣльный образъ прошедшихъ временъ, т.-е. соединеніе кропотливаго анализа съ творческимъ синтезомъ. Въ лекціяхъ Соловьева поражало художественное, картинное изложеніе того, что, по своей сущности, является не рядомъ приключеній, не затѣйливымъ вымысломъ поэтической фантазіи, а строемъ строго провѣренныхъ неумолимой критикой фактическихъ данныхъ, иногда опирающихся и на статистическія вычисленія.

Чрезвычайно своеобразнымъ для того времени было мнѣніе Соловьева, ограничивавшее господствовавшій тогда въ исторіографіи взглядъ, что общественный организмъ подчиненъ законамъ органической природы. „Легко сравнивать — сказалъ С. М. въ одной изъ

своихъ лекцій — организмъ природный съ организмомъ общественнымъ; сходство кажется поразительнымъ, законы какъ будто одни и тѣ же. Но не надо забывать, что члены общественнаго организма суть существа разумно-свободныя или соединенія такихъ существъ. Каждое изъ нихъ сначала вращается въ тѣсной сферѣ, гдѣ видитъ преимущественно только себя; сфера эта расширяется медленно, члены общественнаго организма медленно приходятъ къ сознанію необходимости прочной связи другъ съ другомъ, для поддержанія полной жизни каждаго изъ нихъ“.

Не чуждался въ своихъ лекціяхъ Соловьевъ и полемики. Онъ отводилъ очень много мѣста не только разбору ложныхъ или сомнительныхъ, по его мнѣнію, ученій въ русской исторической наукѣ, но и критикѣ неправильныхъ пріемовъ изученія предмета. Онъ понималъ, что для студентовъ въ высшей степени полезна критика, возбуждающая интеллектуальную работу, да и въ лабиринтѣ противорѣчивыхъ взглядовъ нуженъ авторитетный голосъ.

Къ концу академическаго года физическія силы стали оставлять старца-профессора. С. М. сильно разстроилъ свое здоровье тѣмъ, что занимался десять лѣтъ въ сырыхъ, холодныхъ подвальныхъ архивныхъ помѣщеніяхъ. Нерѣдко, во время чтенія лекціи, ему приходилось дѣлать паузы вслѣдствіе нездоровья. Бывало, С. М. поставитъ какой-либо вопросъ — и вмѣсто того, чтобы дать на него отвѣтъ, умолкнетъ и нѣкоторое время сидитъ безъ движенія, крѣпко сжимая пальцами борта каѳедры. Взоръ его въ это время почти потухалъ и чуть-чуть скользилъ по аудиторіи. Оправившись, онъ продолжалъ свою рѣчь.

Хотя въ то время уже дыханіе смерти вѣяло надъ Соловьевымъ, но иногда онъ какъ бы оживалъ, въ его изложеніи начинали пробѣгать огоньки, и вскорѣ онъ становился неузнаваемъ. Голосъ его звучалъ громко, глаза сверкали, онъ подавался всѣмъ тѣломъ впередъ, точно хотѣлъ двинуться на встрѣчу аудиторіи. Въ такихъ случаяхъ С. М. забывалъ все; онъ не слышалъ звонка, если тотъ раздавался некстати въ такую минуту. Пароксизмъ вдохновенія проходилъ; Соловьевъ видимо ослабѣвалъ и заканчивалъ лекцію тихо и вяло.

Какъ сейчасъ помню послѣднее чтеніе С. М. Онъ немного опоздалъ, торопливо прошелъ въ аудиторію и заговорилъ о политическихъ теченіяхъ конца XVIII-го вѣка. Мартовскій день былъ мрачный; печально былъ настроенъ профессоръ. Голосъ его прерывался; казалось, что иногда онъ—такой мастеръ слова—не находилъ необходимыхъ ему выраженій; взоръ его едва касался бывшихъ на лекціи слушателей. Какъ-то зловѣще-беззвучно закончилась лекція... Вскорѣ мы узнали, что Соловьевъ серьезно заболѣлъ. Но онъ надѣялся еще

экзаменовать насъ; студентъ-издатель его лекцій послалъ къ нему программу, и С. М. не отказался ее исправить и утвердить. Но экзаменъ пришлось произвести не ему, а профессору Н. А. Попову.

Уже лежа на смертномъ одрѣ, Соловьевъ не забылъ насъ; онъ завѣщалъ Н. А. Попову, чтобы тотъ отъ его имени передалъ каждому слушателю его курса по книгѣ изъ его библіотеки, съ соотвѣтственной надписью. Такъ и было сдѣлано. Небольшая, но цѣнная для характеристики усопшаго ученаго и профессора черта...

А. Танковъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Судьба шлетъ на Россію всякія испытанія и кары. Въ ряду этихъ испытаній холера заняла въ послѣднее время видное, угрожающее мѣсто. Прежнія холерныя эпидеміи проносились черезъ Россію довольно быстро. Мрачная значительность нынѣшней холерной эпидеміи заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что она, видимо, поселилась въ Россіи прочно и надолго. Четыре года не выходитъ холера изъ предѣловъ страны, переходитъ съ мѣста на мѣсто, охватывая то отдѣльные города и губерніи, то сплошныя громадныя пространства. Страшная азіатская болѣзнь дѣлается изъ случайной, рѣдкой гостьи новымъ привычнымъ, бытовымъ явленіемъ нашей печальной жизни, и за границей, не безъ нѣкотораго основанія, уже начинаютъ именовать холеру „русской“ болѣзнью.

Но, какъ ни грозна холера, не она главнымъ образомъ навѣваетъ тоску, когда слѣдишь по газетамъ за ея опустошительнымъ шествіемъ по Россіи. Холера—болѣзнь. Съ нею можно бороться. И есть страны,—рядомъ съ нами,—въ которыхъ не только прошелъ древній, паническій ужасъ передъ холерой, но въ которыхъ твердо и не безъ основанія увѣрены, что холера не можетъ внести туда стихійнаго опустошенія, а въ силахъ только, какъ случайная гостья, вырвать нѣсколько человѣкъ изъ рядовъ живыхъ.

Въ Россіи значительны и мрачны тѣ условія, въ которыхъ развертывается смертоносная дѣятельность холеры. Эти условія, если серьезно вдуматься въ нихъ, способны напугать и удручить больше, чѣмъ холера. Они не преходящи, какъ холера: они органически свойственны нашему народному быту, и если они способствуютъ сейчасъ

побѣдному шествію холеры, то также могутъ способствовать и другимъ народнымъ бѣдствіямъ...

Провинціальныя газеты въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ пестрѣли тревожными сообщеніями. „Недавно,—говорятъ „Южныя Вѣдомости",—въ селѣ Кенигезъ, отстоящемъ отъ Бердянска въ восьми верстахъ, крестьяне созвали сходъ по вопросу о холерѣ. Послѣ недолгихъ разговоровъ рѣшили, что все зло исходитъ отъ врачей, почему и постановили: отказаться отъ всякой медицинской помощи при заболѣваніи холерой, снести земскій холерный баракъ и палатки, выселить весь земскій эпидемическій отрядъ и уничтожить все, касающееся борьбы съ холерой. Относительно предохранительныхъ мѣръ, рекомендованныхъ врачами, какъ уберечь себя отъ холеры, сходъ высказался, что все это ерунда, что можно пить сырую воду и т. п. Постановленіе это немедленно сообщили эпидемическому врачу". Изъ с. Стайки, Кіевскаго уѣзда, пишутъ: „На дняхъ въ селѣ заболѣла холерою крестьянка Музычка. Мѣстными властями немедленно дано было объ этомъ знать трипольскому участковому врачу и фельдшеру, которые въ скорости и прибыли къ дому больной. Но оказать помощь больной имъ не удалось, такъ какъ собравшаяся къ больной многочисленная родня ея не допустила ихъ къ больной, высказывая недовѣріе къ „дохтурамъ": „бо воны не личатъ, а травлять людей". Даже мыло, данное фельдшеромъ для мытья рукъ ухаживавшимъ за больной, бабы забросили въ кручу. Больная осталась безъ всякой помощи и черезъ нѣсколько дней умерла, оставивъ послѣ себя пять душъ малыхъ дѣтей. Отъ больной заразился холерой ея мужъ, и если и къ нему не будетъ допущена медицинская помощь, то пяти дѣтямъ, вѣроятно, придется остаться сиротами. Въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что если кому суждено умереть, то никакія предосторожности не спасутъ обреченнаго отъ смерти. „Хоть въ пичъ замажься, а найде",—говорятъ крестьяне. А не суждено умереть, можешь, если хочешь, „хоть ѣсть самую холеру, и ничего тебѣ не будетъ". Изъ Николаева „Одесскому Листку" сообщаютъ: „Въ ночь на 6-ое іюля хуторянинъ Лука Черненко со своей женой и работникомъ занялись молотьбой хлѣба на хуторѣ Водопой. Работникъ заболѣлъ и скоропостижно умеръ. Испуганные быстрой кончиной работника, Черненки растерялись и, не доведя до свѣдѣнія властей, отправили покойника на хуторъ Мѣшково, гдѣ работникъ проживалъ. Вскорѣ почувствовали недомоганіе и Черненки, но объ этомъ также никому не сказали. Оказалось, что какъ работникъ, такъ и хозяева заболѣли холерой. Совершенно случайно объ этомъ узналъ приставъ хуторовъ и извѣстилъ санитарный надзоръ, который и не замедлилъ прибыть, но былъ встрѣченъ толпой хуторянъ, не допустившей врачей къ дому Черненки.

Потребовался изъ города нарядъ полиціи, во главѣ съ полиціймейстеромъ и другими властями. Съ трудомъ имъ удалось убѣдить толпу въ необходимости соблюденія санитарныхъ мѣръ. Вскорѣ въ квартиру Черненки былъ доставленъ гробъ, но и тутъ хуторяне воспротивились требованію властей о необходимости обсыпать трупъ Черненки известью. Пришлось на известь наложить слой сѣна, и только тогда были совершены похороны". Слѣдующее газетное сообщеніе: „На дняхъ въ селѣ Николаевкѣ, Изюмскаго уѣзда, толпа мѣстныхъ крестьянъ, преимущественно женщины и подростки, собралась утромъ на площади у волостного правленія и съ криками и угрозами потребовала удаленія изъ села эпидемическаго отряда, который, по ихъ мнѣнію, травитъ народъ. Не найдя врача, который уѣхалъ въ г. Славянскъ за медикаментами, обезумѣвшая толпа принялась за розыски фельдшера, съ цѣлью расправиться съ нимъ. Но урядникъ укрылъ фельдшера въ своей квартирѣ. Изюмскій исправникъ, въ сопровожденіи земскаго начальника, станового пристава и отряда стражи, немедленно прибылъ въ с. Николаевку. Въ волостное правленіе были созваны всѣ жители села, которымъ въ присутствіи сельскихъ властей, мѣстнаго приходскаго священника и эпидемическаго персонала было сдѣлано разъясненіе о необходимости борьбы съ эпидеміей холеры, прочитаны обязательныя постановленія и указано на послѣдствія необдуманнаго поступка крестьянъ. Однако, не смотря на это, въ толпѣ всетаки раздавались голоса: „Не надо намъ докторовъ и фельдшеровъ, уберите ихъ; что Богъ дастъ, то и будетъ". Участіе въ безпорядкѣ преимущественно женщинъ объясняется тѣмъ, что у населенія существуетъ убѣжденіе, что дѣянія женщинъ не наказуемы. Главные виновники безпорядка, въ числѣ 25 человѣкъ, подвергнуты аресту".

Конечно, два-три подобныхъ случая для громаднаго пространства Россіи ничего бы серьезнаго не означали. Надъ ними можно было бы съ сожалѣніемъ пожать плечами, какъ надъ случайными пережитками темной, сѣдой старины—пережитками, которые исчезнутъ сами собою. Но въ томъ-то и печальная суть дѣла, что газеты приводятъ не два-три такихъ случая. Сходныя, почти совпадающія извѣстія корреспонденты газетъ почти ежедневно доставляютъ со всѣхъ концовъ Россіи. „Въ пригородѣ Маріуполя—Сартанѣ—появилась холера,—телеграфируютъ „Русскому Слову".—Земство въ наемной избѣ устроило баракъ. Спустя нѣсколько дней огромная толпа женщинъ окружила сельское правленіе и потребовала отъ старосты баракъ закрыть; иначе женщины грозили больныхъ вынести, а баракъ запереть. Съ большимъ трудомъ староста уговорилъ женщинъ не трогать больныхъ, а баракъ обѣщалъ перенести въ другое мѣсто. Женщины разошлись. Вечеромъ къ бараку подъѣхала бричка съ холернымъ. Толпа женщинъ и муж-

чинъ съ крикомъ окружила баракъ и не дала внести въ него больного, посадила его обратно въ бричку и пыталась вынести изъ барака холерныхъ. При этомъ былъ избитъ сторожъ барака Гайтонъ. На утро прибыли власти. Произведены аресты". Въ ту же газету телеграфируютъ изъ Елисаветграда: „въ подгородной деревнѣ Мамайкѣ земскіе землемѣры Голубьевъ и Загадаевъ, по порученію управы, измѣряли глубину колодцевъ. Крестьяне заподозрили въ нихъ распространителей холеры, арестовали и отвели въ сельское правленіе. Ни предъявленіе землемѣрами удостовѣренія управы, ни объясненія ихъ относительно вреда питья воды изъ неглубокихъ колодцевъ не разубѣдили крестьянъ. Толпа едва не учинила надъ ними самосуда. Къ счастью, подъѣхалъ земскій ветеринарный фельдшеръ Голембіевскій, удостовѣрившій личность землемѣровъ, и ихъ отпустили". Изъ Херсона: „На окраинѣ города въ квартиру умершей отъ холеры явились врачъ и фельдшеръ, въ сопровожденіи полиціи, для принятія предупредительныхъ на будущее время мѣръ. Мужъ и родные умершей воспрепятствовали этому, а также не согласились на погребеніе безъ обычныхъ проводовъ, прощанія съ умершей и т. д. Вооружившись палками и камнями, они оказали сопротивленіе и пытались собрать сочувствующую толпу для надлежащаго отпора „разбойникамъ". Прибывшими властями толпа успокоена, и дезинфекція совершена подъ охраной полиціи. Губернаторъ подвергъ виновныхъ аресту". Изъ Минска: „Отъ неизвѣстной причины сгорѣлъ городской холерный баракъ. Полагаютъ, что причиною пожара былъ поджогъ, такъ какъ еще въ іюнѣ была сдѣлана попытка сжечь баракъ, окончившаяся тогда неудачей". Изъ станицы Ессентукской сообщаютъ „Кубанскому Краю": „На дняхъ въ станицѣ едва не произошло кровавой трагедіи. Какой-то господинъ, проходя мимо источника, сталъ ковырять тросточкой у колодца. Это дало поводъ бывшимъ здѣсь станичнымъ бабамъ заподозрить неизвѣстнаго въ чемъ-то недобромъ. Бабы стали шушукаться и сзывать народъ. Замѣтивъ это, неизвѣстный поторопился скрыться. Иначе—могла бы повториться дикая исторія: бабы серьезно намѣревались „побить холеру". Изъ Болхова пишутъ „Орловскому Листку": „умерла отъ холеры мѣщанка Минаева. Это третій случай смерти. Въ домѣ эпидемическій врачъ, студентъ-медикъ 5-го курса Орловъ, произвелъ тщательную дезинфекцію. Когда увезли Минаеву, собравшаяся толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей была, очевидно, взволнована. Среди темной массы мѣщанъ ходили о холерѣ нелѣпые слухи, которые были отчасти занесены пріѣхавшими съ шахтъ рабочими. Лишь только на улицѣ показался г. Орловъ, по адресу его раздались изъ толпы крики угрожающаго характера. Толпа сопровождала крикомъ и шумомъ г. Орлова до тѣхъ поръ, пока онъ не вышелъ на

другую улицу. Полиціей были приняты мѣры къ розыску виновныхъ". Въ ту же газету сообщаютъ изъ Малоархангельскаго уѣзда: „Съ юга прибываютъ рабочіе изъ боязни холеры. Въ населеніи все еще коренится невѣжественное убѣжденіе, что „доктора морятъ и здоровыхъ людей". Подъ вліяніемъ этого, въ особенности женщины, всѣми силами стараются вызвать съ юга своихъ членовъ семьи. Оттуда возвращаются иногда не совсѣмъ здоровые люди, что легко можетъ повести къ заносу холеры въ уѣздъ".

А вотъ еще рядъ телеграммъ „Русскаго Слова". Изъ Бахмута: „Въ селѣ Луганскомъ крестьянами оказано сопротивленіе санитарному отряду, прибывшему взять холернаго больного въ баракъ. Во время столкновенія избитъ полицейскій стражникъ. Арестовано 13 крестьянъ". Изъ Полтавы: „Въ селѣ Гори, Полтавскаго уѣзда, явившійся къ холерному больному врачъ былъ встрѣченъ толпой крестьянъ съ угрозами. Сопровождавшій врача десятскій тутъ же былъ жестоко избитъ". Изъ Кіева: „Въ селѣ Щербановкѣ, Кіевскаго уѣзда, заболѣлъ холерою крестьянинъ. Узнавъ объ этомъ, въ село прибыли два земскихъ врача, санитарный и участковый, позвали сельскаго старосту и велѣли ему указать имъ избу заболѣвшаго. Староста заявилъ, что не позволитъ подать ему помощь, разбилъ склянку съ дезинфекціоннымъ средствомъ, сталъ кричать, созывать крестьянъ. Подоспѣлъ урядникъ со стражниками. Староста сталъ кричать, чтобы крестьяне вооружались вилами и оказали сопротивленіе полиціи, а самъ набросился па урядника и сорвалъ съ него погоны. Однако, уряднику удалось уговорить толпу разойтись. Староста арестованъ". Изъ Елисаветграда: „Въ Вознесенскѣ крестьяне пригородныхъ селеній скрываютъ больныхъ, отказываются отъ дезинфекціи. На одномъ хуторѣ крестьяне, опасаясь санитаровъ, спрятали трупъ холернаго на чердакѣ". Изъ Харькова: „Въ Бѣловодскѣ, Старобѣльскаго уѣзда, совершено нападеніе на командированнаго академіей наукъ ботаника фонъ-Этингена, курсистку бестужевскихъ курсовъ Мачеху и студентку парижскаго университета Деманицкую. Экскурсанты были заподозрѣны въ распространеніи холеры и окружены толпой крестьянъ. У экскурсантовъ отняли гербаріи, фотографическій аппаратъ, а фонъ-Этингену нанесли удары. Курсистокъ раздѣли и обыскали, грозили убить и, не найдя отравы, повели къ становому. Виновники, въ томъ числѣ пять женщинъ, подвергнуты губернаторомъ аресту на два мѣсяца. Въ деревняхъ Старобѣльскаго уѣзда Семикозовѣ и Очкуровѣ крестьяне на сходахъ отказались пустить санитарный отрядъ. Уговоры земскаго начальника не помогли. Выѣзжалъ исправникъ со стражниками. Зачинщики арестованы". Изъ Николаева: „На Мельничной улицѣ толпа, въ которой было много женщинъ, наотрѣзъ отказалась выдать больного.

Пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи, взявшей больного силой. Санитарную карету теперь сопровождаютъ стражники". Воронежскій корреспондентъ „Русскаго Слова" обрисовываетъ тяжелую и грустную бытовую картину. „Въ слободѣ Константиновкѣ, Воронежской губерніи, появилась холера. Нѣсколько крестьянъ умерло. На борьбу съ эпидеміей немедленно явился земскій медицинскій персоналъ изъ Богучарскаго уѣзда. Работать было очень трудно. Крестьяне скрывали больныхъ и съ недовѣріемъ относились къ дезинфекціи, считая ее „заразой". Вскорѣ по слободѣ кто-то пустилъ слухъ, что вода въ колодцахъ отравляется врачами. Чтобы успокоить населеніе, священникъ у колодцевъ отслужилъ молебны. Послѣ молебновъ священникъ вмѣстѣ съ большой толпой крестьянъ отправился на холерное кладбище отслужить панихиды. На кладбищѣ къ священнику подошелъ крестьянинъ съ такимъ заявленіемъ: „Стучитъ, батюшка..." — „Что̀ стучитъ?" не понявъ, въ чемъ дѣло, спросилъ священникъ.— „Холерный стучитъ, батюшка. Стонетъ въ гробу. Дозвольте откопать". Холерный, на могилу котораго указывалъ крестьянинъ, умеръ уже съ недѣлю. Слухъ о томъ, что одинъ изъ холерныхъ стучитъ и стонетъ въ гробу, облетѣлъ всю толпу, бывшую на кладбищѣ. Напрасно священникъ убѣждалъ крестьянъ, что никто изъ холерныхъ не стучитъ и не стонетъ въ гробу, что это—плодъ ихъ разстроеннаго воображенія. Крестьяне стояли на своемъ, глухо волновались, и враждебное отношеніе къ медицинскому персоналу быстро наростало. — „Живыхъ людей хоронятъ" — говорили въ толпѣ. Весь день волновалась слобода. На слѣдующій день депутація отъ крестьянъ отправилась къ становому приставу, священнику и судебному слѣдователю.— „Дозвольте отрыть могилу. Стонетъ покойникъ. Живая душа въ землю зарыта". — Разрывать могилы крестьянамъ не позволили. Имъ объяснили, что это опасно: отъ трупа холернаго могутъ заразиться живые. Узнавъ о недопущеніи, жена умершаго отъ холеры крестьянина отправилась съ четырьмя дѣтьми на холерное кладбище, раскопала могилу мужа и открыла гробъ. Въ гробу лежалъ уже разложившійся трупъ". Въ той же Воронежской губерніи мѣстныя газеты отмѣчаютъ такой случай. „Около села Талы, Богучарскаго уѣзда, прохожій мастеровой, идя мимо колодца, бросилъ въ него, шутя, два яблока. Видѣвшая это крестьянка, рѣшивъ, что мастеровой „разбрасываетъ холеру", забила въ селѣ тревогу. Черезъ нѣсколько минутъ большая толпа крестьянъ, вооружившись чѣмъ попало, догнала прохожаго и учинила надъ нимъ жестокій самосудъ. Полуживой мастеровой вмѣстѣ съ яблоками былъ доставленъ, послѣ этого, въ волостное правленіе. Затруднившись разрѣшить вопросъ, разбрасывалъ холеру мастеровой или нѣтъ, волостное начальство послѣ допроса препроводило избитаго

по начальству, а оба яблока, брошенныя въ колодецъ, отправило для изслѣдованія". Харьковское „Утро" сообщаетъ: „На Шиловской улицѣ въ Таганрогѣ скончалась отъ холеры женщина. Явились санитары съ цѣлью произвести дезинфекцію въ квартирѣ и взять трупъ умершей. Вѣсть объ этомъ живо облетѣла улицу, и у дома, куда явились санитары, собралась огромная толпа, оказавшая сопротивленіе. Настроеніе толпы было очень бурное. Пришлось вызвать полицію, которая и установила порядокъ". Изъ Ейска пишутъ: „Въ Ейскѣ стали циркулировать слухи о готовящемся нападеніи на холерный баракъ и учиненіи надъ служащими самосуда. Въ предупрежденіе катастрофы былъ поставленъ полицейскій постъ. Въ ночь на 2-ое іюля телефонная проволока, соединяющая баракъ съ городомъ, оказалась неизвѣстно кѣмъ перерѣзанной, а утромъ полицейскій постовой увидѣлъ подходившихъ къ бараку людей, имѣвшихъ въ рукахъ палки. Увидя городового, подходившіе къ воротамъ барака хотѣли разойтись, но были всѣ задержаны и оказались ейскими мѣщанами".

Много потребовалось бы мѣста, чтобы приводить одинъ за другимъ подобные случаи. Къ тому же необходимо принять во вниманіе, что не вездѣ оказывался подъ рукой газетный корреспондентъ и, конечно, далеко не всѣ случаи печальной темноты народной, всколыхнувшейся отъ холерной напасти, попадали въ печать. Много тысячъ темныхъ, напуганныхъ селъ, деревень и хуторовъ на Руси, всѣхъ ихъ не опишешь, за всѣми не услѣдишь и о всѣхъ не разскажешь!.. Одно ясно: перечисленные выше факты—не случайны, не единичны. Они иллюстрируютъ духовное состояніе значительной толщи народной, и въ этомъ кроется немалое національное горе. Нынѣшніе дни холерной паники напоминаютъ отчасти мрачные октябрьскіе дни 1905-го года, когда общество съ ужасомъ читало въ газетахъ о погромахъ интеллигенціи въ разныхъ мѣстахъ Россіи, объ избіеніяхъ учащейся молодежи и даже дѣтей. Много съ негодованіемъ говорили и писали тогда объ участіи полиціи и черной сотни въ этомъ національномъ позорищѣ. Но какъ бы ни велика была роль темныхъ провокаторовъ въ этихъ погромахъ, все-же въ зломъ дѣлѣ участвовала и подлинная народная масса. И это было всего тяжелѣе—это ослѣпленіе, эта неожиданная, незаслуженная ненависть населенія къ интеллигенціи. Потомъ были свѣтлые дни, когда многіе изъ недавнихъ погромщиковъ проливали искреннія слезы раскаянія, избирали ими же недавно оскорбленныхъ и побитыхъ въ первую Государственную Думу (какъ, напримѣръ, С. И. Бондарева въ г. Вольскѣ, Саратовской губерніи), слушали съ довѣріемъ и умиленіемъ интеллигентныхъ ораторовъ на политическихъ собраніяхъ, изъ многихъ селъ слали въ города за интеллигентомъ или за „студентомъ" для объясненія „міру" современной дѣйствительности,

для составленія приговора въ Думу и т. д. Казалось, что рухнула, наконецъ, стѣна между народомъ и просвѣщеннымъ слоемъ націи. „Не тотъ уже теперь народъ! Прозрѣлъ!“—съ торжествомъ говорили оптимисты. Да, несомнѣнно, многіе прозрѣли, многіе изъ народа съ довѣріемъ повернулись къ интеллигенціи, многіе стали сбрасывать съ своей души сумрачный, суевѣрный хламъ, накоплявшійся вѣками. Но какую часть народа составляли „прозрѣвшіе“? И что продолжала чувствовать остальная часть народной массы, хранившая загадочное молчаніе? На этотъ тревожный вопросъ даютъ нѣкоторый отвѣтъ нынѣшніе тяжелые холерные дни. Снова произошелъ неожиданный взрывъ недовѣрія, ненависти, страха къ интеллигентнымъ работникамъ. Не отдѣльные глупые люди, а цѣлыя массы, толпы населенія вѣрятъ, что доктора и студенты напускаютъ на нихъ холеру, отравляютъ воду, закапываютъ живыхъ людей въ землю! Какія же вообще чувства кроются въ темной глубинѣ народной души къ интеллигентнымъ верхамъ населенія, если такъ сразу можетъ вспыхнуть упрямая увѣренность, что интеллигенція способна убивать и отравлять народъ? И, конечно, отъ такой злой и темной увѣренности одинъ только шагъ до избіенія, истребленія докторовъ, студентовъ, санитаровъ, фельдшеровъ и всѣхъ вообще представителей интеллигентнаго труда. Вѣдь, въ сущности, какъ близка къ этому толпа почти во всѣхъ отмѣченныхъ газетами случаяхъ! Спасаютъ, по большей части, стражники, полиція, аресты, угрозы, тюрьма, т.-е. какъ разъ та самая сила, вмѣшательство которой въ жизнь одинаково тяжело или ненавистно для интеллигенціи и для народа. Полиція защищаетъ интеллигенцію отъ народа... Живая жизнь выдвигаетъ здѣсь такую мрачную иронію, надъ которой необходимо глубоко задуматься. Холера сдѣлаетъ свое смертоносное дѣло и уйдетъ, а глубокая темь народной души, съ этой загадочной ненавистью къ просвѣщенному слою общества, останется. И снова, при первой же стихійной встряскѣ, дикое, озлобленное недовѣріе можетъ ошеломить интеллигенцію, работающую съ хорошими чувствами для народа.

Отвергая со страхомъ, ненавистью и недовѣріемъ врачебную помощь, населеніе или покорно подчиняется волѣ Божьей, или принимаетъ отъ холеры нѣкоторыя свои мѣры. „11-го и 12-го іюля вокругъ города — пишутъ „Орловскому Вѣстнику“ изъ Болхова—происходилъ крестный ходъ. На площадяхъ и окраинахъ молились объ избавленіи города отъ холеры и другихъ эпидемическихъ болѣзней. Магазины и торгово-промышленныя заведенія были закрыты. 10-го іюля, въ 4 часа дня, изъ мужского монастыря перенесена въ мѣстный соборъ чудотворная икона Тихвинской Божьей Матери“. „Кубанскій Край“ отмѣчаетъ: „Прибывшій изъ станицы Переяславской атаманъ г. Евтушенко

сообщаетъ о сильно развивающейся въ станицѣ холерной эпидеміи. Населеніе въ паникѣ. Служатъ непрестанно молебны, но санитарныхъ и другихъ медицинскихъ мѣръ не примѣняется. За день въ церковь приносятъ по 18-ти гробовъ для похоронъ". „Южныя Вѣдомости" сообщаютъ: „27-го іюля, въ 9 часовъ вечера и до поздней ночи, жители окраины г. Симферополя наблюдали слѣдующее зрѣлище. Тысячная толпа съ пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ обходила улицы, молясь объ избавленіи отъ холеры. Впереди всѣхъ въ праздничныхъ костюмахъ шли дѣвушки и дѣвочки съ распущенными косами, впряженныя въ небольшой плугъ. Въ качествѣ кореннoго былъ впряженъ сравнительно молодой еще мужчина. Толпа пѣла „Спаси Господи" и „Царю Небесный", а пристяжныя и коренной усердно тащили плугъ, небольшой лемехъ котораго, врѣзываясь въ землю, дѣлалъ борозду. Борозда эта, по увѣренію участниковъ шествія, должна прекратить путь холерѣ, и потому съ момента шествія холера прекратится". Изъ Николаевскаго уѣзда „Саратовскому Листку" пишутъ: „Недавно въ с. Кормежкѣ послѣ молебна крестьяне вышли на зады и въ полночь взяли плугъ, впрягли въ него всѣхъ наличныхъ дѣвицъ и опахали на нихъ плугомъ все село, что и окончили къ утру. Холера, конечно, не прекратилась, и крестьяне, недоумѣвая, что такая рѣшительная мѣра не дѣйствуетъ, склонны и это объяснить кознями врачей, которые ужъ слишкомъ распустили вездѣ холеру, такъ что ее даже „не опашешь". Ярославльскій „Голосъ" отмѣчаетъ такой же фактъ: „Жители Яковлевской слободы, напуганные приближающейся холерой, рѣшили „опахать" свое селеніе и тѣмъ самымъ оградить его отъ визита страшной гостьи. Въ ночь съ субботы на воскресенье 12 взрослыхъ дѣвицъ, съ распущенными волосами и въ однѣхъ сорочкахъ, запряглись въ плугъ и обвели борозду вокругъ слободы. „Опахиванье" происходило глубокой ночью, и жители, предупрежденные объ имѣющемъ совершиться важномъ и спасительномъ обрядѣ, хотя и не спали, но оставались въ своихъ домахъ, чтобы ничего не видѣть и не слышать". Еще такой же фактъ приводитъ „Приднѣпровскій Край": „Въ хуторахъ, прилегающихъ къ поселку Александровскому (близъ Ейска), свирѣпствуетъ холера. Такъ напримѣръ, изъ 50-ти человѣкъ населенія 12 больныхъ холерой, а 9 умерло. И вотъ, чтобы избавиться отъ холеры, кто-то предложилъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, запречь въ плугъ вдовъ и пропахать ими межу вокругъ хуторовъ—и холера пропадетъ. Населеніе схватилось за эту мысль, впрягли трехъ вдовъ, но, къ счастью, это имъ оказалось не подъ силу, и „леченіе" отложено на нѣкоторое время, покуда не подыщутъ еще вдовъ". Примѣняются и другія средства отъ холеры. „Среди темной массы населенія поселка Султановскаго,—говоритъ газета „Баку",—распро-

страненъ старый способъ предохраненія отъ холеры: носить на шеѣ привѣшеннымъ кусокъ красной мѣди и „зубокъ" чесноку.—Насъ холера не возьметъ, мы отъ нея застрахованы,—утверждаютъ носители этого оригинальнаго талисмана и продолжаютъ ѣсть сырые фрукты и пить сырую воду". Харьковскій корреспондентъ „Кіевской Мысли" сообщаетъ: „На дняхъ часовой, возвращаясь съ караула на разсвѣтѣ, встрѣтилъ какого-то человѣка, направлявшагося въ городъ. Принявъ его за „холеру", идущую въ городъ, онъ, по всѣмъ правиламъ гарнизонной службы, набросился на него съ ружьемъ и проткнулъ его штыкомъ насквозь. Раненый умеръ, а солдатъ, допрошенный о происшедшемъ, чистосердечно заявилъ: „Не могу знать, вашескородіе. Я думалъ, что это идетъ холера народъ морить". Примѣромъ того, къ какимъ цѣлителямъ обращается населеніе, отвращаясь отъ врачей, можетъ служить слѣдующая корреспонденція „Русскаго Слова": „Въ слободѣ Красноженовкѣ, Богучарскаго уѣзда, появился старикъ-лекарь, исцѣляющій отъ холеры. Народная молва быстро разнесла эту вѣсть по охваченному сильной эпидеміей холеры уѣзду. Говорили, что лекарь лечитъ холеру скоро, просто и дешево. Все леченіе заключается въ томъ, что больной высовываетъ языкъ, а лекарь подрѣзываетъ его стекломъ снизу, гдѣ, по его словамъ, находятся особенные, неизвѣстные докторамъ „волдырики". Въ этихъ-то волдырикахъ, будто бы, и сидитъ холера. Въ Красноженовку потянулись толпы народа изъ окрестныхъ селъ. У лекаря быстро образовалась такая „практика", что многимъ его паціентамъ приходилось ожидать очереди дня по два. Заинтересовалась его леченіемъ и администрація. Старикъ былъ вызванъ для объясненія въ Богучаръ. А молва уже бѣжала впереди, и когда онъ подъѣзжалъ къ городу, его встрѣтила огромная толпа народа. При дознаніи старикъ объяснилъ, что онъ—отставной „николаевскій" солдатъ Бондаревъ; за короткое время онъ „принялъ" до 1.000 больныхъ, многимъ изъ которыхъ, съ ихъ согласія, подрѣзалъ „волдырики". Гонораръ за свою „хирургію" Бондаревъ бралъ ничтожный: 3—5, самое большее 10 коп.; бѣднымъ оказывалъ помощь безплатно. На вопросъ, откуда онъ узналъ о такомъ леченіи, старикъ разсказалъ, что во время одного похода онъ былъ взятъ въ плѣнъ турками и въ ихъ лагерѣ заболѣлъ болѣзнью, похожей на холеру. Однажды къ нему подошелъ турокъ, осмотрѣлъ его и подрѣзалъ ему языкъ. Послѣ этого Бондаревъ выздоровѣлъ. Вернувшись по окончаніи кампаніи въ Россію, онъ въ холерные годы самъ сталъ „практиковать" вывезеннымъ изъ Турціи способомъ. Конечно, Бондареву практика запрещена".

Приведенные случаи достаточно опредѣленно намекаютъ на психологію народной массы (не всей, конечно, но все-же значительной ея части). Здѣсь и вліяніе византизма, съ молебнами и вѣрой въ чудо,

и остатки язычества, съ какимъ-то „опахиваніемъ“, съ вѣрой въ талисманы и знахарей. Уже здѣсь намѣчается глубокая пропасть, которая лежитъ между передовымъ слоемъ русскаго общества, живущимъ въ уровень съ двадцатымъ вѣкомъ, и народной массой, хоронящей корни своей души чуть не въ двѣнадцатомъ или десятомъ вѣкѣ. Если же прибавить сюда безысходную народную нищету, убогую примитивность быта, невѣжество не только въ мысляхъ, но и въ элементарныхъ привычкахъ жизни, далекой отъ всякихъ правилъ гигіены, то дѣлается до печальной степени очевиднымъ, что въ подобныхъ условіяхъ жизни и холерѣ, и всякой иной, заразной или незаразной болѣзни подготовлена гостепріимная почва.

Дѣло народнаго здоровья обрисовывается еще печальнѣе, если обратить вниманіе на вялую дѣятельность многихъ земствъ и городовъ въ области медицины, санитаріи и общественной гигіены. Ужъ если главная столица страны, Петербургъ, не можетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изгнать отъ себя холеру, если въ столицѣ непрерывно жалуются и негодуютъ на подозрительную воду, на загрязненность города, на отсутствіе общественныхъ гигіеническихъ мѣръ, сдѣлавшихся въ западной Европѣ элементарными и обязательными даже для маленькихъ городовъ, то ужъ что же говорить о нашихъ провинціальныхъ городахъ и земствахъ, гдѣ скудость средствъ идетъ рука объ руку съ привычкой не замѣчать вокругъ себя загрязненности или, по крайней мѣрѣ, не тревожиться ею и не придавать ей особаго значенія. Вотъ, напримѣръ, краткая замѣтка изъ костромской газеты „Сѣверная Заря“, свидѣтельствующая о безсиліи земства въ дѣлѣ медицинской помощи населенію. „Въ деревнѣ Куликово, отстоящей отъ города въ 25-ти верстахъ, успѣло умереть до 40 человѣкъ, пока, наконецъ, прибылъ туда кто-то изъ медицинскаго персонала. А 40 человѣкъ умерли положительно безпомощно. Случалось такъ, что вымирали цѣлыя семьи, цѣлые дома, и никто не рѣшался заглянуть, какъ они болѣли, какъ умирали. Приходили лишь послѣ смерти всѣхъ и хоронили“. Весьма возможно, что тысячи русскихъ деревень находятся въ подобномъ или худшемъ положеніи. И когда проносится по соломенной Россіи та или иная опустошительная эпидемія, у многихъ земскихъ врачей сжимается сердце тоской безпомощности... Изъ Екатеринослава отъ 13-го августа телеграфируютъ въ „Рѣчь“: „Въ совѣщаніи начальниковъ желѣзныхъ дорогъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Рейна, установлено, что медицина на дорогахъ поставлена неудовлетворительно: врачебный персоналъ недостаточенъ, отсутствуютъ санитарно-гигіеническія и бактеріологическія лабораторіи и спеціалисты-врачи; одинъ санитарный врачъ приходится на нѣсколько тысячъ верстъ. Постановлено возбудить со-

отвѣтствующее ходатайство передъ правительствомъ". Слѣдовательно, и въ такихъ солидныхъ, богатыхъ предпріятіяхъ, какъ частныя и казенныя желѣзныя дороги, медицинская помощь и санитарія находятся въ нищенскомъ положеніи. А главное, этого не замѣчаютъ и не заботятся, пока не грянетъ карающій громъ!.. Наиболѣе опустошительно проявила себя холера нынѣшнимъ лѣтомъ въ Донецкомъ бассейнѣ, гдѣ рабочіе гибли сотнями и откуда они бѣжали въ разныя стороны тысячами. Вотъ что пишетъ объ этой мѣстности корреспондентъ „Современнаго Слова": „Эпидемія утихаетъ. Но въ этомъ меньше всего повинны администрація здѣшнихъ заводовъ и шахтъ и мѣстное общество. Просто эпидемія замираетъ естественнымъ путемъ, да еще потому, что на шахтахъ стало куда свободнѣе, когда половина рабочихъ разбѣжалась. На этомъ явленіи, т.-е. бѣгствѣ рабочихъ, стоитъ остановиться. На первый взглядъ бѣгство объяснялось паникой, но въ сущности здѣсь заговорилъ здоровый инстинктъ жизни. Пораженные быстро развившейся эпидеміей и отсутствіемъ средствъ борьбы съ нею, рабочіе увидѣли, что имъ здѣсь не сдобровать, и рѣшили уйти изъ мѣста заразы. И это, можетъ быть, спасло многихъ. Вѣдь по мановенію жезла нельзя удалить съ рудниковъ скопища грязи, собиравшіяся годами, нельзя испорченную воду сдѣлать здоровою, измѣнить общія условія шахтерскаго труда. Кое-что можно было сдѣлать, но въ макѣевскомъ районѣ ни со стороны администраціи, ни со стороны общества не сдѣлано было ничего. Русско-донецкое общество и сливающееся съ нимъ воедино генеральное общество не позаботилось даже о минимальной очисткѣ своихъ рабочихъ кварталовъ. Какъ было до эпидеміи, такъ осталось и теперь. Бѣгство рабочихъ, несущее съ собой временное уменьшеніе выработки угля, ихъ нисколько не пугаетъ. Запасы угля велики, а цѣны будутъ подняты. И еще неизвѣстно, убытокъ или пользу принесетъ холера крупнымъ углепромышленникамъ. Дмитріевка лежитъ на землѣ „Русскаго Донецкаго общества", даетъ громадные доходы владѣльцамъ, но о чистотѣ и благоустройствѣ его общество не заботится. На улицахъ и площадяхъ—грязь, отбросы, зловоніе, и жители поселка совершенно безпомощны, такъ какъ не имѣютъ никакого голоса въ дѣлѣ благоустройства поселка. Или взять рабочія казармы шахтеровъ. Онѣ грязны и черны, какъ дымовыя трубы, въ нихъ тѣснота и недостатокъ воздуха, но администрацію это не безпокоитъ. Экая важность, вѣдь шахтеръ и не къ тому привыкъ въ шахтѣ".

По словамъ приведенной нѣсколько выше замѣтки орловскаго корреспондента, мѣстные крестьяне, напуганные слухами, будто кто-то народъ „отравляетъ", вызываютъ своихъ членовъ семьи съ юга, гдѣ свирѣпствуетъ холера. Съ другой стороны и въ другомъ смыслѣ

только что приведенная корреспонденція изъ Донецкаго бассейна въ сущности близка къ мнѣнію напуганныхъ крестьянъ. Вѣдь „отравлять“ людей можно не только ядомъ. Гніющая вода, зараженная почва и промозглыя жилища тоже играютъ роль отравы. И если къ нищенствующему, невѣжественному крестьянству за его грязную, заразную жизнь можно отнестись только съ сожалѣніемъ, то иныя чувства и мысли вызываютъ фабриканты и промышленныя общества, у которыхъ имѣются и деньги, и значительная близость къ гигіенической, культурной жизни. Здѣсь небрежность къ здоровью и жизни тысячъ людей часто безъ преувеличенія можетъ быть названа преступною.

Изъ Астрахани „Южному Краю“ пишутъ: „Не смотря на то, что появленія эпидеміи можно было ожидать, мѣръ противъ страшной гостьи не принималось никакихъ. Городъ бездѣйствовалъ. И вотъ только теперь, когда эпидемія вспыхнула, городское управленіе стало подумывать о борьбѣ съ эпидеміей. На разрѣшеніе думы поставленъ вопросъ о выборѣ главнаго санитарнаго попечителя; затѣмъ будутъ выпущены воззванія къ астраханскимъ обывателямъ, съ приглашеніемъ вступить въ кадры санитарныхъ попечителей. Но дѣло въ томъ, что почти всѣ заявленія санитарныхъ попечительствъ предыдущихъ двухъ лѣтъ о мѣрахъ противъ антисанитаріи были оставлены городскимъ управленіемъ безъ всякаго движенія. Санитарныя попечительства много работали, много потратили энергіи—и все вышло въ пустую. И оттого теперь на значеніе санитарныхъ попечительствъ въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміей обыватели смотрятъ крайне пессимистически“. И это въ Астрахани, т.-е. въ городѣ, который всегда оказывается первымъ на пути холеры при ея обычномъ шествіи изъ Закаспійскаго края! Казалось бы, на такой городъ слѣдовало обратить всероссійское, государственное вниманіе, чтобы застраховать до нѣкоторой степени всю Россію отъ вторженія эпидеміи. Здѣсь особенно выпукло рисуется наша и мѣстная, и государственная антикультурность.

Еще краснорѣчивѣе корреспонденція „Саратовскаго Листка“ изъ гор. Балашова: „Подкоммиссія, выдѣленная изъ состава уѣздной санитарно-исполнительной коммиссіи, осматривала берегъ Хопра, прилегающій къ Балашову. Всѣ жители побережья помои и всякіе отбросы спускаютъ въ Хоперъ, нѣкоторые же—и содержимое отхожихъ мѣстъ, и ванныя воды. Туда же спускаются совершенно неочищенными воды изъ двухъ бань, изъ коихъ одна стоитъ выше водопровода. Городъ устроилъ обжорку на берегу, и всякіе остатки послѣдней гніютъ тутъ же, а потомъ дождемъ уносятся въ Хоперъ. 13-го іюля подкоммиссія заглянула на бойни и нашла, что онѣ содержатся отвратительно грязно, издаютъ невыносимое зловоніе. Полы боенъ частью земляные,

частью деревянные; деревянные полы щелисты, и поэтому подъ ними создаются условія, благопріятныя для загниванія. Кровь, не успѣвшая уйти въ щели пола, собирается въ кадки, гдѣ застаивается и гніетъ. Внутренности животныхъ, кровь и прочее выкидываются на склонъ оврага, который на протяженіи $^1/_2$ десятины покрытъ чуть ли не на четверть аршина глубины отбросами. Отбросы издаютъ такое зловоніе, что подкоммиссія не могла ихъ осмотрѣть и удовольствовалась приближеніемъ къ мѣсту свалки отбросовъ съ навѣтренной стороны, да и то у нѣкоторыхъ членовъ подкоммиссіи были приступы рвоты. Со склона отбросы попадаютъ въ ручей, протекающій по дну оврага, а по канавѣ, черезъ озеро Чегеру, въ Хоперъ. 15-го іюля подкоммиссія осматривала свалочное мѣсто сухого навоза и другихъ отбросовъ у оврага „Кошачій". Навозъ сваливается по склону оврага, и въ сырую погоду жидкость изъ-подъ него стекаетъ въ ручей оврага, а потомъ проносится въ Хоперъ". Все въ Хоперъ, т.-е. въ рѣку, изъ которой весь городъ пьетъ воду, въ которой купается, полощетъ бѣлье и т. д.! И Балашовъ, конечно, не исключеніе. Сотни городовъ— въ сходномъ положеніи. Но опять-таки самое главное—въ томъ, что всѣ эти ужасающія антисанитарныя подробности раскрываются только передъ лицомъ холеры. Только тутъ, какъ будто, прозрѣваютъ глаза, да и то всего лишь на минуту. Не видѣли обыватели этой грязи до холеры, не будутъ замѣчать ее и послѣ эпидеміи. Заразная обстановка жизни привычна, незамѣтна. Таковъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ культурный уровень массоваго россійскаго обывателя, все равно— сидитъ ли онъ въ качествѣ гласнаго въ думѣ, или въ видѣ простого гражданина выливаетъ помои въ рѣку, изъ которой тутъ же беретъ воду для питья.

Въ этомъ всенародномъ низкомъ культурномъ уровнѣ жизни и заключается наша національная бѣда. Она чревата всякими несчастными послѣдствіями. Холера—только одно изъ временныхъ яркихъ проявленій этой бѣды. Наша всенародная бѣдность, средневѣковыя вѣрованія, привычки и суевѣрія населенія, органическая, безсознательная вражда къ наукѣ и культурѣ, малокультурность средняго сословія, вялая дѣятельность многихъ общественныхъ учрежденій, все это—повсемѣстные россійскіе изъяны, которые даютъ ходъ не одной только холерѣ. И дѣлается яснымъ, что, помимо политическаго переустройства страны (которое, разумѣется, близко соприкасается съ успѣхами культуры), передъ Россіей выдвигается колоссальная работа чисто культурнаго характера. Чтобы только сравняться съ западной Европой (которая, конечно, далеко еще не дошла до совершенныхъ формъ жизни), Россіи потребуются многолѣтнія, громадныя усилія. Кое-что въ этой области сдѣлано, кое-что дѣлается теперь,

но гораздо больше, безмѣрно больше потребуется работы въ недалекомъ будущемъ. Зато и результаты будутъ здѣсь больше чѣмъ въ какой бы то ни было другой области народной жизни, ярки и очевидны въ своей спасительной благотворности.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Чрезвычайная сессія финляндскаго сейма. — Отношеніе къ ней финляндскаго общественнаго мнѣнія. — Мудрые совѣты, данные четыре столѣтія тому назадъ. — Дополнительные выборы въ Государственную Думу. — Вѣроятная программа предстоящей сессіи.—Настроеніе страны и оффиціозная пресса.—Забота о „реальныхъ нуждахъ“ народа — и закрытіе обывательскихъ обществъ.—Временная пріостановка „Московскаго Еженедѣльника“.

Сессія финляндскаго сейма, созваннаго для разсмотрѣнія первыхъ законопроектовъ, составленныхъ на основаніи закона 17-го іюня, закончилась 14-го сентября единогласнымъ принятіемъ всеподданнѣйшаго донесенія о невозможности для сейма приступить къ обсужденію этихъ проектовъ. Заключающіяся въ нихъ постановленія возникли— говорится въ донесеніи — „не въ томъ порядкѣ, какой установленъ основными законами страны. Согласно формѣ правленія 1772-го года и сеймовому уставу 1906-го года Государь и Великій Князь издаетъ для Финляндіи законы съ согласія народнаго представительства страны. Кромѣ того, Монарху предоставлено право административнымъ путемъ, т.-е. безъ содѣйствія сейма, издавать постановленія въ извѣстныхъ областяхъ, не переступая границъ дѣйствующихъ законовъ. Такимъ образомъ, измѣненія конституціонныхъ законовъ могутъ послѣдовать только съ согласія сейма, въ порядкѣ, указанномъ подробно въ сеймовомъ уставѣ. Вопреки этому постановленію, законъ 17-го (30-го) іюня возникъ только въ русскомъ законодательномъ порядкѣ, при содѣйствіи законодательныхъ учрежденій Имперіи. Это постановленіе, равно какъ и всѣ распоряженія, на него опирающіяся, не обязательны, поэтому, ни для гражданъ, ни для властей, ни для сейма Финляндіи. Они не могутъ быть примѣняемы въ Финляндіи. Отсюда слѣдуетъ, что сеймъ Финляндіи не можетъ, не нарушая основныхъ законовъ, приступить къ исполненію указанныхъ въ созывѣ сейма задачъ. Кромѣ того, посланные для раздачи депутатамъ законопроекты не удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, которыя основные

законы предъявляютъ къ законной инициативѣ. По сеймовому уставу, законопроекты даются народному представительству въ видѣ Высочайшихъ предложеній Государя и Великаго Князя, и по параграфу 21 формы правленія они должны быть скрѣплены подписью министра статсъ-секретаря Финляндіи. Имперскій совѣтъ министровъ не можетъ давать законопроекты финляндскому народному представительству. По всѣмъ этимъ причинамъ, тальманъ сейма усмотрѣлъ невозможнымъ представить на обсужденіе представительства означенныя въ сеймовомъ созывѣ дѣла. Сеймъ единогласно одобрилъ дѣйствія тальмана, которыя согласуются съ требованіями сеймоваго устава".

Для тѣхъ, кто съ самаго начала и до самаго конца возражалъ противъ мѣръ, направленныхъ противъ финляндской автономіи, рѣшеніе сейма не представляетъ ничего удивительнаго; неожиданнымъ было бы, на оборотъ, вступленіе его на другую, менѣе опредѣленную дорогу. Ничего новаго нѣтъ, конечно, ни въ взрывахъ „благороднаго негодованія", ни въ язвительныхъ (т.-е. претендующихъ на язвительность) насмѣшкахъ, которыми встрѣтили образъ дѣйствій сейма органы реакціонной печати. Непримиримость противоположныхъ точекъ зрѣнія иллюстрируется всего нагляднѣе словами „Россіи", составляющими отголосокъ недавнихъ оффиціальныхъ рѣчей: „Финляндія, какъ извѣстно, входя въ имперію въ качествѣ провинціи, составляетъ ея неразрывную часть". Въ томъ-то и дѣло, что Финляндія, составляя (основн. зак. ст. 2) неразрывную часть государства россійскаго, входила и входитъ въ его составъ не въ качествѣ провинціи, а на совершенно особыхъ началахъ. Нельзя назвать провинціей такую часть государства, которая „во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства". Нельзя назвать провинціей такую часть государства, которая имѣла и имѣетъ свое народное представительство и свои основные законы. Только къ избранникамъ Финляндіи русскіе монархи обращались, въ теченіе многихъ десятилѣтій, какъ къ „представителямъ финскаго народа". Изъ всѣхъ частей россійскаго государства только Финляндіи посвящена особая статья въ русскихъ основныхъ законахъ; только Финляндія именовалась, въ оффиціальныхъ актахъ, *страною*—и уже этимъ однимъ ярко подчеркивалось различіе между нею и провинціями, т.-е. губерніями, областями, округами. Названію, избранному не случайно, всегда соотвѣтствуетъ нѣчто реальное: и дѣйствительно, реальнымъ было существованіе финляндской страны, финляндской націи—существованіе, послѣдовательно и твердо защищаемое сеймомъ. Не на „партійномъ катихизисѣ" зиждется эта защита, а на глубокой вѣрѣ въ право; не изъ „политиканствующихъ группъ" слагается финляндскій сеймъ, а изъ гражданъ, облеченныхъ довѣріемъ своего народа. „Передъ фин-

ляндцами"—говоритъ оффиціозная газета—„сейчасъ не законопроектъ, а законъ". Въ томъ-то и дѣло, что финляндцы, въ данномъ случаѣ, не видятъ передъ собой закона: подъ этимъ именемъ они привыкли понимать государственный актъ, изданный въ опредѣленномъ порядкѣ, на основаніи опредѣленныхъ правилъ. Среди насъ, русскихъ, понятіе о законѣ отличалось еще недавно крайнею шаткостью, да и теперь еще не всѣми сознается съ достаточною ясностью; но мы не въ правѣ удивляться, что иначе относятся къ нему въ Финляндіи, значительно опередившей Россію на пути государственнаго развитія.

„Политическое представленіе", состоявшееся въ Гельсингфорсѣ—такъ называетъ „Новое Время" сессію финляндскаго сейма—не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ „политическимъ водевилемъ"; гораздо больше оно похоже на прологъ къ политической трагедіи. Жалкое впечатлѣніе производятъ, поэтому, попытки говорить о немъ въ водевильномъ тонѣ, съ выдумками, претендующими на ядовитость, съ шутками, претендующими на остроуміе. Что сказать, напримѣръ, о такихъ полемическихъ красотахъ: „пять дней размышлялъ финляндскій сеймъ—что бы придумать, чтобы не вышло ни глупо, ни смѣшно. Придуманный теперь вопросъ о выборѣ между г. Свинхувудомъ и Россіей только на половину удовлетворяетъ намѣченной цѣли: вышло на столько глупо, что дѣйствительно даже и не смѣшно"?... Когда въ печати появились болѣе подробныя свѣдѣнія объ „историческихъ засѣданіяхъ" сейма, цифры голосовъ, поданныхъ за разныя предложенія, дали врагамъ Финляндіи желанный поводъ утверждать, что среди членовъ сейма, а слѣдовательно и среди финскаго народа, вовсе нѣтъ того единодушія, въ которомъ обыкновенно видятъ отличительную черту финляндской оппозиціи. Исходъ дѣла показалъ всю неосновательность подобныхъ увѣреній: „всеподданнѣйшее донесеніе" сейма принято было единогласно. Разномысліе касалось лишь нѣкоторыхъ тактическихъ пріемовъ и было не на столько серьезно и не на столько упорно, чтобы внести диссонансъ въ общее настроеніе. При подачѣ голосовъ по частнымъ вопросамъ на одной и той же сторонѣ оказывались иногда члены различныхъ партій, на разныхъ сторонахъ — члены одной и той же партіи. Это было бы невозможно, еслибы отъ того или другого рѣшенія зависѣлъ исходъ кризиса, затрогивающаго всю будущую судьбу страны. Когда настала критическая минута, различіе между партіями исчезло; вчерашніе противники, можетъ быть даже враги, слились въ одно нераздѣльное цѣлое. Это — признакъ чрезвычайно важный. Значеніе его стараются ослабить указаніемъ на спокойствіе, господствующее въ странѣ. Но спокойствіе—не синонимъ равнодушія; оно служитъ иногда выраженіемъ высокой политической зрѣлости, находящей точку опоры въ темпераментѣ народа.

Отношеніе сейма къ формальной сторонѣ законопроектовъ и къ самому способу ихъ внесенія устраняло возможность разсмотрѣнія ихъ по существу. Нельзя, поэтому, утверждать—или хотя бы только предполагать,—что сеймъ принципіально враждебенъ уравненію, въ Финляндіи, правъ финляндскихъ и русскихъ гражданъ. Ничто не мѣшало внести въ финляндскій сеймъ, въ установленномъ порядкѣ, законопроектъ, направленный къ этой цѣли—и только въ случаѣ отклоненія его, всецѣло и безусловно, можно было бы говорить о нежеланіи финляндцевъ допустить мѣру, требуемую элементарною справедливостью. Совершенно напрасны, поэтому, старанія реакціонной печати возбудить русское общественное мнѣніе противъ маленькаго народа, „дерзко" игнорирующаго свои обязанности передъ великой, могущественной державой. Слишкомъ ясно, что образъ дѣйствій сейма продиктованъ ему не содержаніемъ законопроектовъ, а той юридической основой, на которой они построены, тѣмъ отреченіемъ отъ вѣковыхъ началъ національной жизни, какимъ было бы самое ихъ обсужденіе. Поставленный иначе, въ порядкѣ, согласномъ съ мѣстными законами, вопросъ объ уравненіи русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Финляндіи, съ гражданами великаго княжества, въ одной своей части представляется на столько безспорнымъ, что разрѣшеніе его едва ли могло бы встрѣтить серьезныя затрудненія [1]). Нѣтъ ни малѣйшаго повода отказывать русскимъ, поселяющимся въ Финляндіи, въ правахъ гражданскихъ—по владѣнію имуществомъ, по промышленности и торговлѣ, по профессіональнымъ занятіямъ, — да и въ правахъ политическихъ, на сколько они касаются пользованія всѣми видами свободы. Другое дѣло—право участія въ выборахъ и право занимать должности на государственной службѣ. Финляндія, въ внутреннихъ своихъ дѣлахъ, „управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства". Отсюда слѣдуетъ, что для активнаго участія въ этихъ установленіяхъ необходимо знакомство съ этимъ законодательствомъ, необходима непосредственная заинтересованность въ его охраненіи и дальнѣйшемъ развитіи, другими словами — непосредственная, тѣсная связь съ страною, гдѣ оно дѣйствуетъ. Нельзя предполагать такую связь въ лицахъ, случайно, быть можетъ, очутившихся въ предѣлахъ Финляндіи и со дня на день могущихъ ее оставить; нельзя ожидать, чтобы въ ней они чувствовали себя какъ дома, узнавали ее и сроднялись съ нею все больше и больше. Если дѣло обстоитъ иначе, если имъ становится близкой страна, въ которой они поселились, ничто не должно мѣшать имъ пріобрѣсти финляндское гражданство и вмѣстѣ

---

[1]) См. статью М. М. Ковалевскаго: „Финляндскій вопросъ" („Вѣстникъ Европы", Іюль, стр. 263—4).

съ нимъ—всѣ вытекающія изъ него политическія права. Устраненіе препятствій, до сихъ поръ встрѣчаемыхъ на этомъ пути, зависитъ не отъ сейма: перечисленіе русскихъ подданныхъ въ финляндское гражданство регулируется не сеймовымъ, а „экономическимъ“ законодательствомъ, т.-е. властью монарха. Мы узнаемъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, что въ 1906-мъ году финляндскимъ Сенатомъ былъ составленъ проектъ Высочайшаго постановленія по этому предмету, но дальнѣйшее движеніе его было остановлено намѣреніемъ ввести „общеимперское законодательство“.

Допустимъ, однако, что право участія въ выборахъ, сеймовыхъ и другихъ, будетъ предоставлено русскимъ подданнымъ, живущимъ въ Финляндіи, наравнѣ съ финляндскими гражданами. Особенно замѣтныхъ практическихъ послѣдствій это, по всей вѣроятности, имѣть не будетъ: новыхъ избирателей въ Финляндіи прибавится мало, серьезнаго вліянія они не пріобрѣтутъ, удостоиваться избранія едва ли будутъ—а если кто-нибудь, въ видѣ исключенія, и будетъ избранъ, то это будетъ свидѣтельствовать о выходящихъ изъ ряду способностяхъ или достоинствахъ его. Къ чувству несправедливой обиды не прибавится, у финляндцевъ, сознаніе уже усилившагося или опасеніе могущаго усилиться гнета. Совсѣмъ другое дѣло—уравненіе русскихъ подданныхъ съ финляндскими гражданами въ правѣ вступленія на государственную службу. Результатомъ этой мѣры, особенно при нынѣшнихъ условіяхъ, неизбѣжно будетъ появленіе въ „мѣстныхъ установленіяхъ“—и притомъ въ должностяхъ болѣе важныхъ—людей, не имѣющихъ ничего общаго съ Финляндіей, не сочувствующихъ ея „мѣстному законодательству“ и склонныхъ къ объединительной политикѣ, со всѣми ея неудобствами для края, привыкшаго къ высокому уровню администраціи и къ строго легальной дѣятельности должностныхъ лицъ. Слышатся, правда, увѣренія, что назначенія изъ не-финляндской среды будутъ сравнительно рѣдки; но если и таковы намѣренія власти въ настоящую минуту, то отсюда еще не слѣдуетъ, что въ нихъ не произойдетъ, въ скоромъ времени, значительной перемѣны. Вѣдь говорилось же недавно, что законъ, установляющій общеимперское законодательство, долженъ имѣть по преимуществу „декларативный“ характеръ—но это не помѣшало основать на немъ, вслѣдъ за его изданіемъ, двѣ чисто практическія мѣры.

Для министерства отказъ финляндскаго сейма войти въ обсужденіе предложенныхъ ему законопроектовъ не составитъ, конечно, препятствія къ проведенію ихъ черезъ законодательныя учрежденія имперіи. Какъ ни мало можно разсчитывать на справедливость Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, особенно во всемъ томъ, что касается Финляндіи, все же позволительно думать, что въ проектъ о

„равноправности" ими будутъ внесены хоть нѣкоторыя измѣненія. Неужели пройдетъ, и пройдетъ цѣликомъ, тотъ пунктъ проекта, который создаетъ для финляндскихъ должностныхъ лицъ, какъ состоящихъ на государственной службѣ, такъ и служащихъ по выбору и по вольному найму, новое, неизвѣстное до сихъ поръ преступленіе—„умышленное воспрепятствованіе русскимъ подданнымъ, не принадлежащимъ къ числу финляндскихъ гражданъ, въ пользованіи въ Финляндіи равными съ мѣстными гражданами правами"? Одно изъ двухъ: или такое „воспрепятствованіе" принимаетъ форму дѣйствія, уже предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ (напр. превышенія или бездѣйствія власти, служебнаго подлога, насилія, лишенія свободы, клеветы, оскорбленія, угрозы)—и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ подведеніи его подъ спеціальное, ad hoc установляемое правило; или оно не содержитъ въ себѣ ничего похожаго на тѣ правонарушенія, которыя вездѣ и всегда, по самому своему существу, признаются уголовно-преступными и уголовно-наказуемыми — и въ такомъ случаѣ нельзя облагать его какой бы то ни было карой, а тѣмъ болѣе столь тяжелой [1]), какъ намѣчаемая въ проектѣ. Maximum ея—тюрьма отъ 8 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ; къ наказанію, въ чемъ бы оно ни заключалось, можетъ быть присоединено, по усмотрѣнію суда, удаленіе отъ должности или лишеніе права состоять на государственной службѣ и занимать должности по выборамъ или вольному найму въ правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ на срокъ отъ одного года до десяти лѣтъ или навсегда; еще до судебнаго рѣшенія генералъ-губернатору предоставляется временно устранять или вовсе удалять обвиняемыхъ отъ должности, за исключеніемъ только судей. И, что всего важнѣе, разборъ дѣлъ о „воспрепятствованіи" предполагается предоставить не финляндскому суду, по мѣсту совершенія „преступленія", а петербургскому окружному суду, на основаніи слѣдствія, произведеннаго судебнымъ слѣдователемъ с.-петербургскаго округа! Если и предположить, что петербургскія судебныя учрежденія проявятъ въ дѣлахъ этого рода самое полное безпристрастіе, то съ довѣріемъ къ ихъ дѣйствіямъ и рѣшеніямъ въ Финляндіи всетаки относиться не будутъ: слишкомъ ужъ велико будетъ отступленіе отъ повсемѣстно принятыхъ и всѣми уважаемыхъ процессуальныхъ правилъ! И какъ тяжело было бы положеніе петербургскаго суда, незнакомаго ни съ нравами и обычаями Финляндіи, ни съ мѣстными языками, вы-

[1]) Замѣтимъ, что въ главѣ третьей раздѣла IX-го уложенія о наказаніяхъ („о нарушеніи правъ и преимуществъ, дарованныхъ разнымъ состояніямъ"), въ которую предполагается включить новый законъ, высшимъ наказаніемъ является отрѣшеніе отъ должности.

нужденнаго постановлять рѣшеніе на основаніи перевода свидѣтельскихъ показаній, большею частью неточнаго или прямо невѣрнаго! Какъ трудно было бы ему оправдать чиновника, уже устраненнаго или удаленнаго отъ должности высшей администраціей края! Во что̀ обратилось бы правосудіе, результаты котораго были бы такимъ образомъ предвосхищены — или извращены?.. Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе разбираемаго нами проекта, нужно еще имѣть въ виду, что высшій надзоръ за исполненіемъ какъ самаго закона, такъ и послѣдующихъ, вытекающихъ изъ него узаконеній и постановленій, а также *разъясненіе* ихъ и разрѣшеніе возникающихъ по нимъ пререканій и сомнѣній, предполагается поручить—Правительствующему Сенату...

Въ одной изъ газетъ, наиболѣе враждебныхъ Финляндіи, мы прочли на дняхъ слѣдующія слова: „если финляндскій сеймъ можетъ не замѣчать Россіи и русскаго правительства, то можно съ гораздо бо̀льшимъ успѣхомъ не замѣчать финляндскаго сейма". На самомъ дѣлѣ, однако, какъ эта газета, такъ и другія, ей подобныя, очень и очень замѣчаютъ — или стараются замѣтить, — что̀ теперь происходитъ въ Финляндіи и что̀ думаютъ ея выдающіеся дѣятели. И въ самомъ дѣлѣ, вопросъ: что̀ же дальше?—напрашивается самъ собою, какъ бы различны ни были мнѣнія и желанія спрашивающихъ. Слишкомъ ясно, что ненормальному положенію долженъ быть, такъ или иначе, положенъ конецъ; слишкомъ ясно и то, что его неудобства чувствуются не только слабымъ, но и сильнымъ. Очень характерна, съ этой точки зрѣнія, бесѣда сотрудника „Новаго Времени" съ представителемъ старофинской партіи, г. Хіельтомъ, котораго сама газета тщательно отдѣляетъ отъ „упрямыхъ агитаторовъ" и признаетъ болѣе близкимъ „къ дѣйствительности и къ настроенію финскаго народа". „На мой взглядъ" — сказалъ, между прочимъ, г. Хіельтъ, — „слѣдовало бы переработать общій вопросъ въ томъ направленіи, чтобы законодательныя права финляндцевъ не были сведены на нѣтъ. Было бы странно отрицать, что существуютъ вопросы, касающіеся Финляндіи и затрогивающіе одновременно интересы Россіи, какъ цѣлаго. Но вѣдь и ихъ можно разрѣшить такимъ образомъ, что ни та, ни другая сторона не пострадаютъ... Къ сожалѣнію, въ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи слишкомъ много недоразумѣній. Насъ не совсѣмъ знаютъ, часто не понимаютъ, считаютъ даже чуть не врагами Россіи... Намъ, старофиннамъ, особенно обидно, что русское правительство какъ будто отказывается отъ того пути, который могъ бы обезпечить ему не только временный, но и постоянный успѣхъ".—Итакъ, умѣреннѣйшій изъ умѣренныхъ финляндскихъ политическихъ дѣятелей стоитъ, въ сущности, на той же почвѣ, какъ и сеймъ: онъ находитъ, что вопросы,

общіе для имперіи и великаго княжества, можно и должно разрѣшать не въ томъ порядкѣ, какой принятъ теперь, и что путь, избранный правительствомъ, можетъ доставить ему только временный, но не постоянный успѣхъ. Другими словами, въ глазахъ г. Хіельта, какъ и въ глазахъ сейма, права и интересы Финляндіи представляются нарушенными. Въ отвѣтѣ сейма г. Хіельтъ видитъ только одинъ недостатокъ: чрезмѣрную краткость формы, не содержащей ничего положительнаго... Что бы ни говорили присяжные апологеты всего исходящаго отъ власти, имъ не удастся опровергнуть или затушевать тотъ фактъ, что по главному вопросу, къ которому сводится все и отъ котораго все зависитъ, между финляндцами всѣхъ направленій, всѣхъ партій господствуетъ полнѣйшее единодушіе. А это—фактъ первостепенной важности; считаться съ нимъ необходимо не только во имя справедливости, но и во имя государственной мудрости. Этого не хотятъ понять только тѣ, которые привыкли возлагать всѣ надежды на грубую силу и вносить въ политику узкіе взгляды и черствыя чувства полицейскаго служителя. На другой же день послѣ интервью съ г. Хіельтомъ въ той же газетѣ появилась статья, о содержаніи которой можно судить по ея заглавію: „Нуждаются въ наказаніи". Всего оригинальнѣе въ ней то, что въ неуваженіи къ финляндскому „правопорядку" обвиняется... финляндское населеніе! Это оно „небрежничаетъ съ своимъ правопорядкомъ, пріостанавливаетъ его, производитъ съ нимъ рискованные опыты"! Это оно „нарушаетъ свою конституцію" и тѣмъ неизбѣжно ведетъ къ ея отмѣнѣ или, по меньшей мѣрѣ, къ ея временной пріостановкѣ!.. „Чтобы примирить Финляндію"—таковъ заключительный выводъ статьи—„слѣдуетъ смирить ее. Вмѣсто тучи безплодныхъ словъ гораздо внушительнѣе дѣйствовалъ бы лишній корпусъ, введенный въ Финляндію"...

Одновременно съ статьей, такъ беззастѣнчиво взывающей къ насилію, мы случайно прочли слова, написанныя почти четыреста лѣтъ тому назадъ, въ самый разгаръ политики завоеваній, усмиреній, крутыхъ расправъ, и именно потому поражающія своимъ глубокомысліемъ, своею прозорливостью. Вотъ что̀ говоритъ Рабле, въ своемъ безсмертномъ „Пантагрюелѣ" (приводимъ его слова въ подлинникѣ, такъ какъ въ переводѣ трудно сохранить всю выразительность ихъ и силу): „la manière d'entretenir et retenir pays nouvellement conquestés n'est, comme a esté l'opinion erronée de certains esprits tyrannicques à leur dam et deshonneur, les peuples pillant, forçant, angariant (tourmentant), ruinant, mal vexant et régissant avec verge de fer... Comme enfant nouvellement né, les fault alaicter, bercer, esjouir... Comme personne sauvée de longue et forte maladie et venant à convalescence, les fault choyer, espargner, restaurer... Ce sont les phietres, iynges

(charmes) et attraictz d'amour moyennant lesquelz pacificquement on retient ce que péniblement on avait conquesté". Когда были сказаны эти по истинѣ геніальныя слова, мало, очень мало было людей, способныхъ понять ихъ, тѣмъ менѣе—руководствоваться ими; но постепенно мысли, въ нихъ выраженныя, стали пролагать себѣ дорогу не только въ умы, но и въ государственную жизнь. Ими былъ проникнутъ образъ дѣйствій Александра I-го и Александра II-го по отношенію къ Финляндіи—тотъ образъ дѣйствій, который теперь предлагаютъ считать „ошибкой". Въ нихъ можно было бы найти и теперь ключъ къ разрѣшенію финляндскаго вопроса...

Неважные по своимъ непосредственнымъ результатамъ, выборы въ Государственную Думу, происходившіе въ августѣ и сентябрѣ, не лишены интереса какъ „признакъ времени". Гдѣ господствуетъ многостепенная избирательная система, тамъ трудно было ожидать рѣзкой перемѣны въ настроеніи выборщиковъ, избранныхъ три года тому назадъ, въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ нашей государственной жизни. Ярко симптоматическое значеніе выборы могутъ имѣть только тогда, когда они отражаютъ настоящую минуту, когда полномочія, въ силу которыхъ они совершаются, не имѣютъ за собою нѣсколькихъ годовыхъ давностей. Нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что избиратели различныхъ категорій, вновь спрошенные теперь, послали бы въ губернское избирательное собраніе тѣхъ самыхъ лицъ, за которыхъ они—или ихъ предшественники—подали голосъ въ 1907-мъ году. Съ другой стороны, между выборщиками легко могутъ найтись такіе, которые, не чувствуя за собою нравственной поддержки избирателей или разочаровавшись, на опытѣ, въ возможности провести излюбленныхъ ими кандидатовъ, предпочтутъ воздержаться отъ поѣздки въ губернскій городъ, для многихъ, притомъ, грозящей неудовольствіемъ начальства. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно этимъ объясняется, отчасти, результатъ послѣднихъ выборовъ въ Саратовѣ. Изъ 125 членовъ избирательной коллегіи явилось на выборы только 90, а спеціально крестьянъ—изъ 27 только 15. Между тѣмъ, кандидатъ правыхъ, къ которымъ, по видимому, присоединились и нѣкоторые изъ числа октябристовъ, прошелъ въ члены Думы лишь совершенно ничтожнымъ большинствомъ голосовъ (45 противъ 44). Позволительно думать, что исходъ выборовъ былъ бы совершенно другой, еслибы не было обстоятельствъ, вызывающихъ абсентеизмъ значительной части выборщиковъ. По словамъ мѣстной газеты, нѣкоторымъ выборщикамъ изъ числа крестьянъ повѣстки о собраніи были доставлены только за три дня до выборовъ, назначенныхъ, притомъ, въ такое время, когда

для крестьянъ особенно неудобна сколько-нибудь продолжительная отлучка изъ мѣста жительства... Въ Воронежѣ торжество угоднаго правымъ кандидата объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что за него голосовали выборщики-священники, при прежнихъ выборахъ не отличавшіеся такимъ единодушіемъ. Удивляться ли этому, въ виду вѣяній, съ возрастающею силой идущихъ изъ верхнихъ слоевъ духовенства?

Въ Одессѣ, давно уже ставшей какъ бы государствомъ въ государствѣ, совершенно своеобразный характеръ имѣла и избирательная кампанія, закончившаяся избраніемъ кандидата правыхъ партій, барона Рено. Прошлогодніе выборы, доставившіе побѣду кандидату партіи народной свободы, первоначальное голосованіе нынѣшняго года (29-го августа), при которомъ относительное большинство оказалось на сторонѣ той же партіи, предположеніе, что октябристы, собравшіе только 58 голосовъ, не захотятъ отдать ихъ противнику октябрьскихъ принциповъ—все говорило, по видимому, въ пользу новаго успѣха оппозиціи. Правда, къ урнамъ призывались избиратели первой куріи, созданной 3-го іюня съ цѣлью искусственнаго усиленія консервативныхъ элементовъ; но опытъ показалъ, что этотъ разсчетъ не всегда оправдывается на самомъ дѣлѣ. Если московскіе крупные цензовики, годъ тому назадъ, послали въ Думу не октябриста, какъ въ 1907-мъ году, а „кадета“, то тѣмъ вѣроятнѣе былъ оппозиціонный вотумъ крупныхъ цензовиковъ Одессы, которымъ предстояло только остаться вѣрными самимъ себѣ. Случилось, какъ извѣстно, не то: при перебаллотировкѣ число голосовъ, поданныхъ за г. Чаушанскаго, нѣсколько уменьшилось, а число голосовъ, поданныхъ за барона Рено, значительно увеличилось, и онъ оказался выбраннымъ въ Думу. Какими средствами достигнутъ такой результатъ—это должна обнаружить повѣрка одесскихъ выборовъ, которую предстоитъ произвести Государственной Думѣ; но уже теперь трудно сомнѣваться въ томъ, что въ Одессѣ, до и во время выборовъ, совершалось многое, небывалое до сихъ поръ на русской почвѣ. По показанію достовѣрнаго свидѣтеля—члена Думы Никольскаго,—помѣщенія, гдѣ, 5-го сентября, производились выборы, были окружены не только полицейскими чинами, но и отрядами „добровольцевъ“, въ костюмахъ одного и того же фасона, пропускавшими только „своихъ“, заграждавшими дорогу „чужимъ“ и оскорблявшими явно „подозрительныхъ“. „Благонадежныхъ“ избирателей подвозили разсылаемые во всѣ стороны автомобили. Не отступали и передъ замѣной однихъ лицъ другими: вмѣсто старика, не желавшаго ѣхать на выборы, привезли его сына, создавая такимъ образомъ не предусмотрѣнную закономъ категорію „избирателей-родственниковъ“... Предсѣдатель одной изъ избирательныхъ коммиссій, кн. Абамеликъ, требовалъ отъ всѣхъ избирателей-евреевъ не только повѣстки, но и

паспорта, предъявить которые не всѣ, въ данную минуту, имѣли возможность. Еще раньше многимъ евреямъ-избирателямъ полиція не вручила избирательныхъ бюллетеней, основываясь на томъ, что ихъ имена, внесенныя въ избирательные списки, разнились отъ именъ, выставленныхъ въ метрическихъ книгахъ. За день до перебаллотировки распространялись въ большомъ числѣ бюллетени съ фамиліей и именемъ Чаушанскаго, но съ измѣненіемъ его отчества (вмѣсто Васильевича—Владиміровичъ), очевидно—съ цѣлью создать поводъ къ признанію бюллетеней недѣйствительными. Мы видимъ, такимъ образомъ, соединеніе пріемовъ, выработанныхъ избирательною практикою западной Европы—въ родѣ разсылки за избирателями экипажей,—съ пріемами „истинно-русскими", въ специфическомъ смыслѣ этого слова. Не совсѣмъ необычны, напр. въ Англіи, были еще недавно столкновенія между избирателями, доходившія даже до насильственныхъ дѣйствій—но ни одна изъ сторонъ не пользовалась тамъ поддержкою власти, призванной охранять порядокъ и дѣйствительно его охранявшей, откуда бы ни шло его нарушеніе. Въ Одессѣ власть не скрываетъ своей солидарности съ одною изъ сторонъ—и притомъ именно съ тою, которая, будучи предоставлена собственнымъ силамъ, имѣла бы всего меньше шансовъ успѣха. Мирное состязаніе становится, при такихъ условіяхъ, борьбою, неравною и непомѣрно тяжелою для тѣхъ, кто разсчитываетъ только на правоту своихъ взглядовъ. Выборы теряютъ свое показательное значеніе, обращаясь въ издѣвательство сильнаго надъ слабымъ. Одесскія событія показываютъ съ полною ясностью, къ чему ведетъ мнимый конституціонализмъ, въ сочетаніи съ всемогуществомъ мѣстныхъ властей, т.-е. съ административной анархіей.

Знаменательны эти событія еще тѣмъ, что снимаютъ послѣднюю завѣсу съ сущности октябризма. Никто не вѣритъ въ „безпартійность" барона Рено; для всѣхъ совершенно ясно, что дѣйствительно безпартійнаго, т.-е. безпристрастнаго кандидата не сталъ бы поддерживать одесскій диктаторъ, не сталъ бы привѣтствовать глава одесскихъ „союзниковъ", столь извѣстный графъ Коновницынъ. Не могли не видѣть этого одесскіе октябристы, голоса которыхъ при первой баллотировкѣ помѣшали побѣдѣ оппозиціоннаго кандидата, а при второй увеличили собою „внушительную" цифру сторонниковъ барона Рено; не могутъ не видѣть этого единомышленники ихъ въ столичной печати, ухитряющіеся соединить осужденіе „толмачевской администраціи"—весьма, впрочемъ, осторожное и мягкое—съ ликованіемъ по поводу достигнутаго ею результата. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ апологетовъ октябризма, сравнительно умѣренный и благоразумный: „слишкомъ памятны факты неразборчивости въ

средствахъ со стороны одесскихъ революціонно-настроенныхъ массъ, съ преобладаніемъ еврейскаго населенія. Эта неразборчивость достигла своихъ вершинъ во время одесскаго вооруженнаго возстанія; теперь она введена въ мирное русло путемъ физической силы, но нравственная цѣна ея не измѣнилась. Въ дальнѣйшемъ наблюдались и выборные подлоги, и всѣ характерные пріемы кагальной организаціи. Бороться съ такими противниками пріемами свѣтской благовоспитанности совершенно такъ же праздно, какъ проповѣдывать зулусамъ тонкости эстетики. Можно говорить съ почтеннымъ противникомъ и убѣждать его, но къ стыду человѣчества существуютъ на свѣтѣ хулиганы, для которыхъ резиновый хлыстъ убѣдительнѣе доводовъ разума, и одесская лѣвая чернь сама на свою голову создала необходимость (несомнѣнно—печальную) союзнической резины и необузданности связанныхъ съ нею послѣдствій. Картина одесскихъ выборовъ такъ же ненормальна, какъ картина обстрѣливанья улицъ пулеметами; но и та, и другая картина созданы тѣмъ бездарнымъ и злобнымъ коллективнымъ художникомъ, какимъ является непримиримая и тупая, противная русскому духу и русскимъ народнымъ идеаламъ одесская революціонная сволочь" [1]). Заканчивается эта тирада выраженіемъ радости по поводу избранія въ Одессѣ человѣка „порядочнаго, чистаго, не обмокнутаго въ помои лѣвой партійной кухни".

Извиняемся за длинную цитату: она весьма характерна для партіи, давно сдавшей всѣ свои позиціи и безуспѣшно старающейся скрыть— или скрасить — свое бѣгство вправо. Авторъ какъ будто бы не знаетъ, что между избирателями первой городской куріи и „революціонно-настроенными массами", „лѣвою чернью", „революціонною сволочью" нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Не хочетъ онъ видѣть и того, что личную „порядочность" и „чистоту" оппозиціоннаго кандидата не отрицали, сколько намъ извѣстно, и партійные его противники. Безъ всякихъ основаній онъ говоритъ о какихъ-то „выборныхъ подлогахъ", забывая, что ни о чемъ подобномъ не было рѣчи ни при избраніи покойнаго Пергамента, ни при избраніи г. Бродскаго, противъ котораго былъ выдвинутъ только одинъ аргументъ, основанный на его имени—аргументъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій объ отсутствіи другихъ, сколько-нибудь серьезныхъ возраженій. Но что всего печальнѣе — это оправданіе, пріискиваемое октябристомъ для одного изъ самыхъ печальныхъ явленій современной русской жизни. Неужели орудія, которыми располагаетъ власть, такъ недостаточны, такъ слабы, что допустимо, даже среди глубокой тишины, дополненіе ихъ союзнической „резиной"? Неужели она должна и мо-

[1]) См. „Замѣтки" въ № 12391 „Новаго Времени".

жетъ быть пускаема въ ходъ не только противъ уличныхъ безпорядковъ, о которыхъ въ Одессѣ давно ужъ нѣтъ и помина, но и противъ избирателей, мирно осуществляющихъ законное свое право? Насъ не удивляетъ, что такъ говорятъ рыцари кулака, поклонники физической силы, эксплуатирующіе въ свою пользу самыя печальныя стороны переживаемаго нами момента; но что сказать о сочувствіи, встрѣчаемомъ ими въ рядахъ партіи, девизомъ которой служитъ семнадцатое октября? Новый государственный строй, провозглашенный въ этотъ день, немыслимъ безъ свободы выборовъ, столь грубо нарушенной въ Одессѣ.

Невелико оживленіе, вносимое въ нашу общественную жизнь приближеніемъ новой сессіи Государственной Думы; невелики ожиданія, связываемыя съ возобновленіемъ законодательной работы. Слишкомъ тяжелое впечатлѣніе оставили послѣднія недѣли весенней сессіи: граничащая съ неприличіемъ торопливость и безцеремонность въ обсужденіи финляндскаго законопроекта, безмѣрная требовательность однихъ и столь же безмѣрная уступчивость другихъ въ рѣшеніи вопроса о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ, не знающая предѣловъ приспособляемость къ желаніямъ власти, все болѣе и болѣе растущее, внутри и внѣ Думы, вліяніе враговъ народнаго представительства — все это предвѣщало, въ ближайшемъ будущемъ, не смягченіе, а обостреніе золъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія. Теперь къ этому присоединяется урокъ, данный осенними выборами—урокъ, показывающій наглядно, въ какую сторону склоняется все больше и больше центръ Государственной Думы.

Немного хорошаго обѣщаетъ и программа предстоящей сессіи, на сколько она извѣстна по газетнымъ сообщеніямъ. Не включены въ нее ни проектъ новыхъ бюджетныхъ правилъ, внесенный еще во время первой сессіи, почти три года тому назадъ, ни проектъ объ отмѣнѣ смертной казни, также давно и напрасно ожидающій своей очереди. Въ программѣ нашли мѣсто законопроекты о неприкосновенности личности и объ исключительныхъ положеніяхъ; но если вспомнить, что къ работамъ коммиссіи, пересматривающей первый изъ этихъ законопроектовъ, недовѣрчиво и неблагосклонно относится министерство, а исключенія не могутъ быть установлены раньше, чѣмъ общее правило, то нельзя не усомниться въ доведеніи обоихъ проектовъ до скораго и благополучнаго конца. Быть можетъ, положеніе нашихъ финансовъ заставитъ правительство настоять на разсмотрѣніи законопроектовъ о подоходномъ налогѣ и о наслѣдственныхъ пошлинахъ; но трудно быть увѣреннымъ въ томъ, что нынѣшнее большинство Думы рѣшится серьезно наложить руку на близкіе ему

интересы. Пройдетъ, вѣроятно, законопроектъ о гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ; но можно ли ожидать отъ него серьезныхъ послѣдствій, пока не произошло существенной перемѣны въ отношеніяхъ министерства юстиціи къ судебному вѣдомству? Пройдетъ, быть можетъ, и законопроектъ о начальномъ всеобщемъ обученіи; но не будетъ ли онъ испорченъ въ самомъ корнѣ сохраненіемъ обособленности церковно-приходской школы? Если и предположить, что въ Государственной Думѣ удастся провести хоть нѣкоторыя изъ числа неотложныхъ преобразованій, то гдѣ ручательство въ томъ, что вся ея работа не будетъ остановлена, парализована или испорчена Государственнымъ Совѣтомъ? „Русскія Вѣдомости“ напоминаютъ, что А. И. Гучковъ, вслѣдъ за избраніемъ его въ предсѣдатели Думы, говорилъ о предстоящемъ „сведеніи счетовъ“ съ верхней палатой—но эти слова такъ и остались пустымъ звукомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ предпринято, что̀ хотя бы намѣчено Думой, чтобы охранить практическое значеніе ея рѣшеній, чтобы положить конецъ систематическому противодѣйствію Государственнаго Совѣта, все равно, выражается ли оно въ формѣ безконечной волокиты или въ формѣ непріемлемыхъ поправокъ? Въ какомъ видѣ выйдетъ изъ Госуд. Совѣта реформа мѣстнаго суда, что сдѣлаетъ онъ съ тѣми вѣроисповѣдными законопроектами, которые онъ не успѣлъ разсмотрѣть въ теченіе цѣлаго года? Къ какимъ заключеніямъ придетъ согласительная коммиссія по законопроекту о старообрядческихъ общинахъ? Здѣсь — ближайшій пробный камень для будущаго. Государственной Думѣ предстоитъ показать, способна ли она хоть на пассивное сопротивленіе, диктуемое ей какъ чувствомъ собственнаго достоинства, такъ и общенароднымъ интересомъ. Государственному Совѣту предстоитъ показать, готовъ ли онъ довести свое упорство до уничтоженія одного изъ столь немногихъ благъ, пріобрѣтенныхъ Россіей въ до-революціонную эпоху.

Ликовать, проповѣдывать довѣріе и спокойствіе могутъ, при такихъ условіяхъ, только тѣ, кто заинтересованъ, лично или коллективно, въ увѣковѣченіи и углубленіи застоя. Неудивительно, что въ станѣ ликующихъ оказываются дѣятели оффиціозной и полу-оффиціозной прессы: нехорошо только то, что они принимаютъ на себя менѣе чѣмъ кому-либо именно имъ подобающую роль выразителей широкаго общественнаго или даже народнаго мнѣнія. „Россія“, напримѣръ, усиливается доказать безсмысленность вопроса, измѣняется ли настроеніе страны, и если измѣняется, то въ какомъ направленіи, въ какую сторону. Страна, по мнѣнію услужливыхъ публицистовъ, не „правѣетъ“ и не „лѣвѣетъ“; „она вовсе и не думаетъ о такихъ пустякахъ, она—великая, начинающая сознавать себя, учуявшая всю мощь своего будущаго, рѣшившаяся встряхнуться, чтобы, наконецъ, серьезно при-

няться за ученье и трудъ... Страна быстро оттолкнула, какъ совершенно ей ненужное, всякое смутьянство, и если чѣмъ была озабочена, то только желаніемъ возможно полнѣе и шире удовлетворять свои реальныя нужды... Страна живетъ настоящей, реальной жизнью, а не изготовляемыми для нея въ партійныхъ мастерскихъ вѣрованіями". Что думаетъ страна, какою жизнью она живетъ—объ этомъ возможны только догадки. Никто не уполномоченъ говорить отъ ея имени; никому не дано поднять завѣсу, за которой возникаютъ, растутъ, сталкиваются, исчезаютъ и вновь появляются самыя разнообразныя и сложныя движенія. Къ народной массѣ въ значительной мѣрѣ можно примѣнить, въ настоящую минуту, слова, которыми заканчивается Пушкинскій „Борисъ Годуновъ": „народъ безмолвствуетъ". И безмолвствуетъ, конечно, не потому, чтобы ему нечего было сказать, а потому, что у него нѣтъ органа для выраженія своихъ мыслей. Нельзя же считать такимъ органомъ крестьянъ, прошедшихъ въ избирательныя собранія путемъ трехстепенныхъ, далеко не всегда свободныхъ выборовъ—крестьянъ, проведенныхъ въ депутаты большинствомъ, въ которомъ почти всегда преобладаютъ землевладѣльцы и избранники первой городской куріи. Не совсѣмъ безмолвствуетъ общество, но не съ одинаковой ясностью раздаются различные его голоса—а нѣкоторыхъ изъ нихъ, при дѣйствіи новаго положенія о выборахъ, при ограниченіи, юридическомъ и фактическомъ, свободы слова и собраній, не слышно вовсе. Все больше и больше выступаютъ на видъ, съ этой точки зрѣнія, черты сходства между настоящимъ и недавнимъ прошлымъ. Сколько разъ намъ приходилось напоминать, на страницахъ „Вѣстника Европы", что молчаніе—не всегда знакъ согласія, что заглушить мысль—не значитъ ее опровергнуть, подавить теченіе—не значитъ его уничтожить! Сколько разъ побѣдители на часъ, побѣдители безъ борьбы, надъ „намѣченнымъ" врагомъ—какъ намѣчаютъ противника на маневрахъ—провозглашали себя единственными и безспорными господами положенія, тогда какъ почва все больше и больше колебалась подъ ихъ ногами! Много ли времени прошло между кульминаціоннымъ пунктомъ бюрократическаго всевластія—и поспѣшнымъ отступленіемъ передъ непредвидѣнною волною? Вѣдь и при В. К. Плеве, и при его предшественникахъ страна изображалась спокойною, покорною руководству свыше, жаждущею только тишины, довольствующеюся скромными результатами скромной работы—а на самомъ дѣлѣ все уже было готово къ движенію, разразившемуся съ стихійной силой. Savoir, c'est prévoir—гласитъ извѣстная поговорка; ее можно перифразировать и такъ: чтобы предвидѣть, нужно знать. Въ политической жизни знаніе, въ свою очередь, мыслимо только подъ условіемъ свободы. Только она снимаетъ покровы, разгоняетъ тьму, открываетъ далекіе горизонты.

И пока ея нѣтъ, меньше всего заслуживаютъ вѣры казенныя варіаціи на старую, убаюкивающую тему: все обстоитъ и будетъ обстоять благополучно. Оффиціозная пресса—это своего рода канцелярія; а канцелярская атмосфера, душная и тусклая, не благопріятствуетъ развитію политической зоркости.

Страна, говорятъ намъ, „озабочена только желаніемъ возможно шире и полнѣе удовлетворять свои реальныя нужды; она живетъ реальною жизнью, а не изготовляемыми въ партійныхъ мастерскихъ вѣрованіями“. Но развѣ реальныя нужды страны—нѣчто очевидное, не допускающее разногласій? Развѣ не безконечно разнообразны мнѣнія о ихъ существѣ и, тѣмъ болѣе, о способахъ ихъ удовлетворенія? Развѣ эти мнѣнія не находятся въ тѣснѣйшей связи съ тѣми „вѣрованіями“, о которыхъ такъ пренебрежительно говорятъ свободные отъ нихъ люди—т.-е. съ цѣлымъ строемъ убѣжденій, различіемъ которыхъ обусловливается образованіе партій, естественное и неизбѣжное, какъ только въ странѣ зародилась политическая жизнь? И развѣ не въ одной изъ „партійныхъ мастерскихъ“ изготовляются тезисы, защищаемые „Россіей“? Развѣ, помимо всего остальнаго, самое ожесточеніе, съ которымъ она нападаетъ на „лѣвыя“ партіи, не свидѣтельствуетъ о томъ, что она служитъ органомъ „правыхъ“? Безпартійность правительства давно уже обратилась у насъ въ пустое слово; споръ можетъ идти только о томъ, какой оттѣнокъ имѣетъ, въ каждую данную минуту, его партійность. Подобно странѣ, оно то „правѣетъ“, то „лѣвѣетъ“—и сообразно съ этимъ мѣняются его взгляды на „реальныя нужды“ страны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить образъ дѣйствій одесскихъ властей во время послѣднихъ выборовъ: не таковъ бы онъ былъ, еслибы равнодушіе къ поворотамъ вправо или влѣво существовало не только на страницахъ оффиціозной газеты...

А. М. Жемчужникову было противно „соединеніе подобострастія къ Россіи съ презрѣньемъ къ русскимъ гражданамъ“—соединеніе, выражающееся въ преклоненіи, на словахъ, передъ народомъ и въ игнорированіи, на дѣлѣ, его правъ, въ отрицаніи его свободы. Людей, „колотящихъ въ пустыя груди“ и кричащихъ о любви своей къ отчизнѣ, теперь не меньше, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ, когда они возбуждали негодованіе покойнаго поэта. Мы вспомнили о немъ, читая громкія фразы „Россіи“ о „великой странѣ, учуявшей всю мощь своего будущаго, рѣшившейся серьезно приняться за ученье и трудъ“. Слишкомъ мрачно прошедшее, слишкомъ тяжело настоящее, чтобы рисовать розовыя картины будущаго. Сила несомнѣнно коренящаяся въ странѣ не находитъ простора для своихъ проявленій. Рѣшимость „приняться за ученье и трудъ“ существуетъ въ странѣ давно; но теперь — какъ

и прежде, въ теченіе долгихъ, темныхъ лѣтъ застоя и гнета,—осуществленію этой рѣшимости мѣшаютъ, прежде всего, внѣшнія преграды. Пока онѣ не устранены, лицемѣрно толковать о подъемѣ жизненной энергіи въ средѣ народа. Изъ безконечнаго множества примѣровъ приведемъ только одинъ, достаточно яркій. Страна—говорятъ намъ—„озабочена желаніемъ возможно полнѣе и шире удовлетворять свои реальныя нужды". Никто не станетъ отрицать, что одна изъ самыхъ „реальныхъ" и насущныхъ нуждъ населенія—увеличеніе городского и сельскаго благоустройства, огражденіе народнаго здоровья, облегченіе и ускореніе сношеній, улучшеніе, однимъ словомъ, матеріальныхъ условій, для всѣхъ одинаково важныхъ. И что же? Существованію образовавшихся съ этою цѣлью городскихъ и уѣздныхъ обществъ, открывавшихъ широкое поприще для личнаго и коллективнаго труда, положенъ конецъ, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, безъ всякаго изслѣдованія ихъ дѣятельности. И пускай намъ не говорятъ, что это сдѣлано не по иниціативѣ исполнительной власти, а въ силу рѣшенія Сената: слишкомъ хорошо извѣстна гармонія, установившаяся, въ послѣднее время, между Сенатомъ и министерствомъ. Министерство, считающее своей задачей охраненіе всѣхъ формъ и видовъ мирнаго народнаго труда, всегда могло бы отстоять общеполезное дѣло: оно могло бы перенести вопросъ на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій, могло бы составить законопроектъ, которымъ было бы обезпечено существованіе обывательскихъ обществъ—могло бы, наконецъ, игнорировать сенатское опредѣленіе, прямо коснувшееся только одного частнаго случая, и притомъ не совсѣмъ однороднаго, по видимому, съ тѣми, къ которымъ поспѣшно было примѣнено толкованіе Сената. Не можетъ быть, чтобы необходимое предпріятіе — необходимое именно въ виду плохого состава и плохого устройства земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій—было прекращено навсегда или хотя бы надолго: но возстановить прерванную работу — еще труднѣе, чѣмъ положить ей начало. Многомилліонное населеніе городскихъ и сельскихъ мѣстностей, только что приступившее къ самодѣятельности, не скоро оправится отъ удара, нанесеннаго ему, съ явнымъ нарушеніемъ закона, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Мы знаемъ, какъ мало большинство третьей Государственной Думы расположено къ серьезному контролю надъ дѣйствіями администраціи—и тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что на обязанности меньшинства лежитъ внесеніе запроса, относящагося къ закрытію обывательскихъ обществъ. Оно состоялось въ силу министерскаго распоряженія, для котораго опредѣленіе Сената послужило не основаніемъ, а только поводомъ или предлогомъ—и отвѣтственность за него, слѣдовательно, всецѣло упадаетъ на министерство, отъ котораго и должна потребовать объясненій Государственная Дума.

Закулисную сторону закрытія обывательскихъ обществъ раскрываетъ, отчасти, слѣдующее обращеніе „Россіи" къ одному изъ лицъ, намѣревающихся, судя по газетнымъ сообщеніямъ, обжаловать постановленіе столичнаго присутствія. „Вамъ" — восклицаетъ оффиціозная газета,—„какъ одному изъ видныхъ дѣятелей той единой для кадетской публики всѣхъ городовъ организаціи, которая выступила подъ именемъ обществъ избирателей и обывателей, не можетъ, очевидно, не быть извѣстнымъ, что, при незначительныхъ редакціонныхъ различіяхъ въ уставахъ названныхъ обществъ, всѣ они представляютъ рѣшительно одно и то же, преслѣдуютъ рѣшительно тѣ же цѣли, дѣйствуютъ рѣшительно тѣми же средствами, и если въ составѣ этихъ обществъ, кромѣ партійныхъ кадетовъ, имѣется нѣкоторое количество наивныхъ и довѣрчивыхъ людей совсѣмъ иного толка, людей, еще не разобравшихъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ они, въ дѣйствительности, связались, то объясняется это просто русскимъ прекраснодушіемъ". Кѣмъ же, однако, и какимъ образомъ произведена оцѣнка политическихъ мнѣній, которыхъ придерживаются сотни и тысячи членовъ обывательскихъ обществъ? Гдѣ ведутся кондуитные ихъ списки и на чемъ основываются отмѣтки, вносимыя въ эти списки?.. Въ однородность окраски, о которой такъ утвердительно говорятъ оффиціозные публицисты, не вѣрятъ, безъ сомнѣнія, они сами: имъ не могутъ не быть извѣстны имена, слишкомъ явно доказывающія противное. Они, конечно, знаютъ, что членами „вредоносныхъ" обществъ были, между прочимъ, такіе люди, о „наивности", „довѣрчивости", „прекраснодушіи" которыхъ не можетъ быть и рѣчи, люди, привыкшіе давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и „связываться" только съ тѣми, съ кѣмъ у нихъ есть общая задача, осуществляемая допустимыми и для нихъ путями. Предположимъ, однако, что въ составъ закрытыхъ обществъ входила исключительно—или почти исключительно—„кадетская публика"; что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ „партійные кадеты" не являются въ то же время обывателями, заинтересованными въ благоустройствѣ своего города, своего уѣзда? Развѣ цѣли и средства обывательскихъ обществъ недостаточно ясно опредѣлены ихъ уставами? Еслибы какое-либо общество уклонилось отъ этихъ цѣлей или пустило въ ходъ не эти средства, тогда возникла бы законная возможность принятія по отношенію къ нему—*только* къ нему, а не къ другимъ аналогичнымъ организаціямъ,—мѣръ „предупрежденія и пресѣченія", въ достаточномъ изобиліи установленныхъ правилами 4-го марта. Ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не было: циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, вызвавшій постановленія о закрытіи обывательскихъ обществъ, былъ основанъ единственно и всецѣло на опредѣленіи Сената—а это опредѣленіе (касавшееся, притомъ, не *закрытія* общества, уже дѣй-

ствовавшаго, а *отказа въ открытіи* общества, только еще проектированнаго) было построено, въ свою очередь, на мотивѣ, непредусмотрѣнномъ въ законѣ (учрежденіе общества было признано *излишнимъ*, въ виду существованія органовъ городского общественнаго управленія!). Забыто было, очевидно, золотое правило, котораго держался даже Щедринскій становой приставъ: забыта была необходимость „ожидать поступковъ". Гдѣ собралась хотя бы небольшая кучка „кадетъ" или подозрѣваемыхъ въ „кадетизмѣ", тамъ, съ точки зрѣнія оффиціозной газеты — а слѣдовательно и ея вдохновителей, — есть уже на лицо опасность, къ предотвращенію которой можно и должно стремиться per fas et nefas... Откровенность „Россіи" заслуживаетъ признательности: благодаря ей настоящія причины похода противъ обывательскихъ обществъ—причины, о которыхъ иначе можно было бы только догадываться, — признаны во всеуслышаніе и оповѣщены во всеобщее свѣдѣніе. „Périssent les colonies plutôt qu'un principe": пускай города и села остаются въ прежнихъ антисанитарныхъ, антикультурныхъ условіяхъ, лишь бы только не было въ нихъ сборныхъ пунктовъ, доступныхъ для сторонниковъ гонимой и ненавидимой партіи...

Задуманный еще кн. Сергѣемъ Трубецкимъ, въ моментъ наибольшаго оживленія русской политической мысли, и осуществленный братомъ безвременно скончавшагося философа-публициста, „Московскій Еженедѣльникъ" сразу занялъ и удержалъ за собою почетное мѣсто въ русской прогрессивной печати. Съ особеннымъ интересомъ читались всегда статьи самого кн. Е. Н. Трубецкого, своеобразныя по содержанію, блестящія по формѣ, достойныя того, кто нашелъ удивительно мѣткую формулу для опредѣленія до-конституціонной Россіи („дортуаръ въ участкѣ") и, пользуясь минутой, первый заговорилъ языкомъ свободнаго писателя. Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы обстоятельства, вызвавшія временную пріостановку его журнала, какъ можно скорѣе уступили мѣсто другимъ, болѣе благопріятнымъ. Безпартійность и обусловливаемое ею безпристрастіе не были, для „Московскаго Еженедѣльника", пустыми словами. Онъ направлялъ свои удары то направо, то налѣво, смотря по тому, гдѣ онъ видѣлъ отступленіе отъ дорогихъ ему началъ—но, въ силу условій современной русской жизни, удары перваго рода наносились чаще и оставляли слѣдъ болѣе глубокій. Отсутствіе ихъ чувствуется многими, какъ прискорбный пробѣлъ въ нашей политической прессѣ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Недолговѣчны у насъ боевые органы модернистскаго направленія. Недолго, хотя далеко не безплодно, просуществовалъ первый изъ журналовъ этой категоріи—Дягилевскій „Міръ Искусства“; въ прошломъ году прекратилось роскошное и вычурное „Золотое Руно“ г. Рябушинскаго; не на много пережили его и „Вѣсы“, руководимые Валеріемъ Брюсовымъ и носившіе на себѣ печать смѣлости, серьезности и замкнутаго аристократизма, столь характерныхъ для этого поэта. Теперь единственнымъ средоточіемъ чистаго модернизма или, какъ онъ себя именуетъ, символизма, остается петербургскій журналъ „Аполлонъ“, издаваемый Сергѣемъ Маковскимъ—и было бы очень жалко, еслибы потухъ и этотъ очагъ.

Въ самомъ дѣлѣ, прошло уже то время, когда буйныя и умышленно утрированныя выступленія новой школы смутили многихъ и вызвали тревогу за судьбы русскаго искусства. Надъ нашимъ декадентствомъ сбылись слова, сказанныя мудрымъ фарисеемъ Гамаліиломъ передъ іудейскимъ синедріономъ: дѣла человѣческія рушатся сами собою, дѣла божескія пребываютъ. Вопіющія угловатости модернизма, если и имѣли минутный успѣхъ, то только плачевный успѣхъ скандала, и тѣ изъ адептовъ новаго ученія, которые не пошли дальше этой стадіи въ развитіи „новаго искусства“, очень скоро оказались за предѣлами литературнаго бытія. Но нашлись и одаренные и содержательные представители символизма, и модернизмъ, какъ теченіе, обнаружилъ способность къ плодотворной эволюціи: рядомъ съ юнымъ задоромъ и самоувѣренностью появилась самокритика и упорная работа, и въ результатѣ получилось дѣйствительное обогащеніе русскаго поэтическаго стиля новыми достиженіями.

Цѣнность этихъ достиженій можно опредѣлять различно, но вполнѣ отрицать ее врядъ ли кто теперь отважится. Правда, что въ своихъ устоявшихся формахъ новизна новаго искусства оказалась вовсе уже не такъ радикально расходящеюся съ старымъ искусствомъ; но совершенно ясно, что всетаки съ именами Андреева, Брюсова, Бальмонта, Сологуба, Блока и др. связывается опредѣленный этапъ въ развитіи русскаго искусства, опредѣленный историко-литературный фактъ. И въ эволюціи этого факта весьма поучительно проявился

законъ естественнаго отбора: уродливое отмирало, истинно цѣнные элементы укрѣплялись и развивались. Конечно, процессъ отбора далеко еще не закончился: постоянно приходится отмѣчать въ продуктахъ современнаго художественнаго творчества и уродства, и шатанія, и недоразумѣнія—но вѣдь нигдѣ еще, ни въ дѣлахъ природы, ни въ дѣлахъ человѣческихъ, роль отбора не закончена, да, надо думать, и не будетъ закончена, пока существуетъ міръ. Вѣрно и то, что въ своихъ поискахъ художественной правды символисты любятъ ходить путями кружными и рискованными, часто въ своихъ блужданіяхъ теряютъ компасъ и ждутъ восхода солнца съ запада; но хорошо уже и то, что они постоянно ищутъ, и часто съ искреннимъ мученіемъ и невыдуманной жаждой, а потому иногда и обрѣтаютъ, какъ всѣ искренне ищущіе.

Разъ это такъ, то очевидно, что не только вполнѣ законно, но и желательно существованіе спеціальнаго органа, въ которомъ теоретическимъ и практическимъ экспериментамъ модернистовъ былъ бы предоставленъ полный просторъ. Для массы публики такой органъ, конечно, не будетъ представлять большого интереса, ибо публика всегда желаетъ имѣть результаты, итоги, и ей скучно слѣдить, шагъ за шагомъ, по всѣмъ путямъ и перепутьямъ, за скитаніями ищущихъ, столь часто ошибочными и безплодными. Но для тѣхъ, кто желаетъ самостоятельно и въ полной мѣрѣ овладѣть явленіями современной литературы—для тѣхъ и необходимо, и интересно приглядываться къ той лабораторной работѣ, которая развивается въ спеціальныхъ органахъ символизма. Вотъ отчего я отъ души желаю долголѣтія „Аполлону", оставшемуся теперь единственнымъ журналомъ, гдѣ символисты могутъ безъ всякихъ стѣсненій дебатировать волнующіе ихъ вопросы.

Весьма, напримѣръ, характеренъ въ послѣднихъ книжкахъ „Аполлона" обмѣнъ мнѣній между Вячеславомъ Ивановымъ и Александромъ Блокомъ съ одной стороны и Валеріемъ Брюсовымъ съ другой. Темой спора послужилъ вопросъ о сущности и цѣляхъ символическаго искусства, и въ этомъ-то кардинальномъ вопросѣ признанные вожди символизма оказались радикально разошедшимися.

Вячеславъ Ивановъ констатируетъ наличность глубокаго и опаснаго кризиса въ современномъ русскомъ символизмѣ. Путь, по которому символисты шли до сихъ поръ, пройденъ до конца и завелъ въ такой страшный тупикъ, что если не найдено будетъ новой дороги, то символическое искусство—а иного Вячеславъ Ивановъ не признаетъ—должно будетъ погибнуть безвозвратно. И почтенный авторъ пытается объяснить, какъ и почему стряслась такая бѣда, въ чемъ собственно она состоитъ и гдѣ намѣчаются пути спасенія. Но обычный для Вячеслава Иванова отвлеченный и напряженный стиль дѣ-

лаетъ его объясненія весьма трудно уразумѣваемыми. Это обстоятельство учитываетъ Александръ Блокъ. „Принадлежа къ числу тѣхъ, кому извѣстно, какая реальность скрывается за словами“ Вячеслава Иванова, и будучи вполнѣ солидаренъ съ основными идеями этого писателя, онъ желаетъ „конкретизировать ихъ, раскрыть его терминологію“, и предлагаетъ неопытнымъ читателямъ г. Иванова свои услуги въ качествѣ „Бедекера, которымъ по необходимости пользуется путешественникъ“. При этомъ г. Блокъ предупреждаетъ, что тѣмъ, кто и его не пойметъ, лучше и не пускаться въ тѣ области, о коихъ идетъ рѣчь въ этихъ двухъ статьяхъ: для столь непонятливыхъ людей все равно „наши страны останутся въ туманѣ“, какъ бы они туда ни порывались. На наше счастье, „Бедекеръ“ написанъ языкомъ яркимъ и талантливымъ,—правда, типично символистическимъ, но все же довольно вразумительнымъ и для непосвященныхъ въ „іератическія“ таинства Вячеслава Иванова. Комбинируя обѣ статьи, я постараюсь выяснить ихъ основное содержаніе и разобраться въ немъ.

Нашему обычному, поверхностному взгляду представляется такъ называемый реальный міръ пестрыхъ, раздробленныхъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ явленій. Но вдохновенный поэтъ-символистъ, отбрасывая завѣсу реальныхъ явленій, видитъ за нею иной, истинный міръ, гдѣ кажущаяся раздробленность оказывается связанной въ органическое цѣлое, гдѣ хаосъ отдѣльныхъ фактовъ превращается въ закономѣрный и гармоническій космосъ. Въ этомъ потустороннемъ мірѣ исчезаютъ безслѣдно мучительныя противорѣчія, которыми преисполнены и окружающій насъ міръ, и наша собственная личность; все находитъ свое мѣсто; зло и страданіе, терзающія насъ здѣсь, тамъ оказываются мнимыми величинами, призраками, тающими подъ зиждительными и устрояющими лучами истиннаго солнца—мірового всеединства. Жажда красоты и гармоніи, неутолимая, пока мы остаемся на поверхности реальнаго міра, находитъ полное удовлетвореніе, полную реализацію въ мірѣ потустороннемъ. Мало того: духъ, проникшій за завѣсу реальности, усматриваетъ полное соотвѣтствіе между обоими мірами. Если хотите, то это даже одинъ и тотъ же міръ, только разсматриваемый съ двухъ точекъ зрѣнія: стоитъ только добраться до надлежащей точки—и весь нашъ міръ преобразится. Но добраться-то до этого блаженнаго пункта дано только художникамъ-символистамъ. Путь же лежитъ (и тутъ основной стержень символизма) не черезъ вглядываніе въ реальный міръ, который призраченъ, обманываетъ насъ, отводитъ отъ постиженія міровой тайны, а черезъ самоуглубленіе отвернувшейся отъ міра личности, черезъ свободное, полное, ничѣмъ не связанное выявленіе ея. Только при соблюденіи этого условія избранники достигнутъ страны обѣтованія, страны созерцанія мірового все-

единства, запечатлѣютъ свои прозрѣнія въ поэтическихъ символахъ и всѣ смертные, проницая черезъ эти символы то, что переживали избранники, сдѣлаются причастниками радостнаго и гармоническаго міропониманія, освободятся отъ мучительныхъ призраковъ, которыми пугаетъ и терзаетъ насъ поверхностное и ложное воспріятіе реальнаго міра.

Такую возвышенную миссію дано выполнить только символическому искусству, а не реалистическому, ибо обычный языкъ, которымъ пользуется и реалистическое искусство, умѣетъ говорить какъ разъ только о томъ, что представляется поверхностному наблюдателю: только о внѣшнихъ, раздробленныхъ отраженіяхъ мірового всеединства. Для выраженія самаго этого всеединства и связи его съ міромъ явленій, для выраженія всего, что находитъ поэтъ въ таинственныхъ глубинахъ своего „я",—для этого современный языкъ не годится: „настало несоотвѣтствіе между духовнымъ ростомъ личности и внѣшними средствами общенія, слово перестало быть равносильнымъ содержанію внутренняго опыта". Какъ бы ни старался поэтъ адэкватно передать въ словахъ свой заповѣдный міръ „таинственно-волшебныхъ думъ", всѣ его усилія пропадутъ задаромъ, и то, что онъ скажетъ, не будетъ соотвѣтствовать тому, что онъ пережилъ. Въ этомъ именно смыслѣ надо разумѣть „парадоксъ-признаніе" Тютчева: „Мысль изреченная есть ложь". Для истиннаго поэта въ минуту высшаго прозрѣнія совершенно очевидна такая недостаточность нашего языка; избѣгая соблазна адэкватности слова съ переживаніемъ—соблазна, который ведетъ только ко лжи,—онъ творитъ лишь „прикровенное" указаніе на пережитое, создаетъ символъ, подводящій къ преддверію истины, а не разоблачающій ее.

Такимъ образомъ, символизмъ рисуется состоящимъ изъ двухъ тѣсно между собою связанныхъ элементовъ: мистико-философскаго и художественно-техническаго. Какъ мистическіе философы, символисты стоятъ на почвѣ крайняго индивидуализма; они рѣзко разграничиваютъ міръ внѣшній отъ міра внутренняго, вѣруютъ въ полную и чудотворную власть второго надъ первымъ и даже истинную реальность признаютъ только за вторымъ, а потому требуютъ безусловной свободы для ищущей личности и нисколько не считаются съ внѣшнимъ міромъ, какъ таковымъ. Оттого символисты и какъ художники презираютъ созерцаніе и изученіе внѣшняго міра; въ связи съ этимъ, признавая существующій языкъ пригоднымъ для передачи результатовъ исключительно такого созерцанія и изученія, они отказываются отъ поисковъ адэкватной образности въ области идей, которыми они живутъ, и довольствуются лишь намекающей символизаціей.

Для самихъ символистовъ, по словамъ Вячеслава Иванова и Але-

ксандра Блока, главное значеніе имѣетъ мистико-философская или, какъ они выражаются, теургическая сторона дѣла. Имъ важно достигнуть ощущенія и познанія мірового всеединства и, опираясь на это ощущеніе и познаніе, преобразить міръ. Собственно художественная сторона является для нихъ только средствомъ для разрѣшенія теургической задачи. Самый кризисъ символизма въ томъ для нихъ и состоитъ, что нынѣ они увѣрились окончательно въ полной невозможности покорить и преобразить міръ при помощи избраннаго ими метода. На пути дерзновенной, свободной и самоуглубленной поэзіи они не только не добрались до основы всего сущаго, не только не овладѣли тайной мірового всеединства, но потеряли единство своей собственной личности, ощущеніе реальности и жизнеспособности своего „я". Они стоятъ „съ лицами обожженными и обезображенными лиловымъ сумракомъ" и не знаютъ, что имъ дѣлать съ реальнымъ міромъ, съ созданнымъ ими искусствомъ, даже съ своей собственной жизнью. Случилось же это, по ихъ мнѣнію, оттого, что они на нѣкоторое время забыли о теургическихъ, религіозныхъ задачахъ искусства и увлеклись безотчетной игрой художественнаго творческаго вображенія. До тѣхъ поръ въ ихъ душахъ наростало ощущеніе цѣлокупности міра, а тутъ какіе-то демоны подтолкнули ихъ безумно раздробить накопленныя душевныя цѣнности, надѣлать изъ кусковъ слагавшейся уже было единой Красоты кучу красивыхъ куколъ, т.-е. художественныхъ образовъ, превратить гармонически смыкавшійся круголъ живого, единой грудью дышащаго міра въ балаганъ, на подмостки котораго, по случайному произволу художника, выскакиваютъ картонныя куклы и разыгрываютъ картонныя трагедіи. Настоящій подвигъ духовнаго роста, обрѣтенія абсолютной правды, способной міръ перевернуть, превратился въ сибаритскую забаву, но ея не надолго хватило: непокоренный, по старому безобразный міръ острой болью скоро напомнилъ о своемъ существованіи и сталъ зло издѣваться надъ самонадѣянными индивидуалистами, вѣрившими въ свою магическую мощь. „Солнцеподобный, свободный человѣкъ оказался раздавленнымъ „данностью" хаоса, безсильно упорствующимъ утвердить въ себѣ опровергнутаго дѣйствительностью бога".

Что же теперь дѣлать? Признать непобѣдимость хаоса и безплодность порывовъ къ Красотѣ и Гармоніи? Невозможно: вся душа возстаетъ противъ такой перспективы. Отречься отъ искусства, такъ горько обманувшаго? Такъ сдѣлали нѣкоторые, въ родѣ Александра Добролюбова и Мережковскаго, ушедшихъ въ область чисто религіозныхъ исканій. Но есть прирожденные поэты, которые не могутъ перестать быть поэтами. Имъ какъ быть? Сознаться, что они совершили какую-то ошибку, разыскать ее и постараться „впредь не грѣшить".

На этотъ путь и зовутъ русскихъ символистовъ Вячеславъ Ивановъ и Александръ Блокъ. Они видятъ грѣхъ символизма именно въ забвеніи теургическаго, жизнь устрояющаго дѣланія, которое отнюдь не должно смѣшивать съ поэзіей. Поэзія не царственна, и даже не автономна; она не управляетъ жизнью, хотя и страшно вліяетъ на нее. Поэзія — страшная сила; дай ей только волю, и она убьетъ жизнь, опустошитъ ее, какъ опустошила души символистовъ и опалила ихъ лица. Нужно ее держать въ уздѣ, подчинить ее власти религіозно-философскаго міровоззрѣнія, которое должно вырасти не изъ поэзіи, а изъ жизненнаго подвига, прежде всего—изъ подвига смиренія буйной индивидуальности передъ тѣмъ, что она доселѣ презирала: передъ міромъ, исторіей, народомъ. Нужно бросить лукавыя мудрствованія и отыскать въ собственной душѣ „младенца“, т.-е. остатокъ непосредственной искренности, еще не развращенный поэтическими и теоретическими ухищреніями. Тогда, быть можетъ, вновь возникнетъ въ испепеленныхъ душахъ погубленное демонами религіозное ощущеніе цѣлокупности міра; тогда поэтъ, знающій уже демонскіе соблазны, вторично ими не соблазнится, и изъ груди его польются истинныя символическія пѣснопѣнія. А пока—необходима „духовная діэта“ въ поэзіи: воздержаніе отъ символическихъ порываній, внимательное изученіе великихъ мастеровъ прежняго времени и выработка, на основаніи этого знакомства, „внутренняго канона“ для современной поэзіи. Только отдавъ шесть дней такому дисциплинированному и дисциплинирующему труду, поэтъ получаетъ право седьмой день недѣли посвятить полету въ область символической поэзіи.

Таковы признанія Вячеслава Иванова и Александра Блока о современномъ грустномъ состояніи русскаго символизма; таковы ихъ неувѣренные виды на лучшее будущее. Валерій Брюсовъ не раздѣляетъ ихъ мукъ и тревогъ, и даже вышучиваетъ ихъ съ убійственнымъ остроуміемъ. Московскій символистъ радикально расходится со своими петербургскими коллегами. Онъ категорически отстаиваетъ полную автономность искусства. „Неужели,—пишетъ онъ,—послѣ того какъ искусство заставляли служить наукѣ и общественности, теперь его будутъ заставлять служить религіи! Дайте же ему, наконецъ, свободу!.. Нѣтъ причинъ, конечно, ограничивать область дѣятельности человѣка. Почему бы поэту не быть химикомъ или политическимъ дѣятелемъ, или, если онъ это предпочитаетъ, теургомъ? Но настаивать, чтобы всѣ поэты были непремѣнно теургами, столь же нелѣпо, какъ настаивать, чтобы они всѣ были членами Государственной Думы. А требовать, чтобы поэты перестали быть поэтами, дабы сдѣлаться теургами, и того нелѣпѣе“.

Въ возраженіи Брюсова есть и правда, и талантливость, и язви-

тельность; но его удары только отчасти попадаютъ въ его противниковъ и бьютъ ихъ не по самому существенному мѣсту. Конечно, отъ статьи Вячеслава Иванова сильно отдаетъ доктринерскимъ теоретизмомъ, и онъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ собирается навалить на себя и на своихъ послѣдователей гибельныя для поэзіи вериги внѣшнихъ заданій. Возстаніе противъ такого попранія автономности поэзіи, конечно, вполнѣ справедливо. Но распространить такое же обвиненіе на Александра Блока я бы уже затруднился: слишкомъ ужъ много искренней муки въ его исповѣди, слишкомъ ужъ ясно, что вся она выросла не изъ теоретическихъ построеній, а изъ непосредственнаго опыта, житейскаго и художественнаго. Кто умѣетъ такъ мучиться, тотъ врядъ ли успокоится на мякинѣ тенденціозной лже-поэзіи.

Я склоненъ понимать совсѣмъ иначе смыслъ сказаннаго Вячеславомъ Ивановымъ и, особенно, его „Бедекеромъ". Рѣчь идетъ у нихъ не о навязываніи поэзіи внѣшнихъ, чуждыхъ ей цѣлей, а объ опредѣленіи психологическихъ условій, при которыхъ возможно поэтическое творчество. Валерій Брюсовъ хочетъ разсматривать творчество изолированно, внѣ связи съ вопросомъ о томъ, что̀ представляетъ собою творящая индивидуальность въ цѣломъ. Онъ хочетъ видѣть въ поэзіи нѣкоторое спеціальное занятіе, почти ремесло. Можно вѣдь быть хорошимъ сапожникомъ и вмѣстѣ пьяницей. По видимому Брюсовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ людей, которые полагаютъ, что можно быть дряннымъ человѣкомъ и отличнымъ политикомъ. Поэтому и въ поэзіи, какъ онъ утверждаетъ, совершенно неважно, чѣмъ оказывается поэтъ помимо своего творчества. На такое воззрѣніе можно было бы возразить, что пьянство не только не способствуетъ сапожному мастерству, но наоборотъ— можетъ развиться до̀ такой степени, что сапожникъ перестанетъ попадать щетинкой въ продѣланныя шиломъ дырочки, — и то̀гда его сапоги будутъ никуда негодными сапогами. А ужъ по отношенію къ поэзіи такое уединяющее воззрѣніе совершенно непримѣнимо. Поэзія несомнѣнно болѣе чѣмъ всякое другое занятіе отражаетъ личность поэта во всей ея совокупности, и содержаніе поэтическаго творчества несомнѣнно находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ содержанія творящей личности.

Очень хорошо понимаю, что это соображеніе не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ людей такъ понимающихъ поэзію, какъ Валерій Брюсовъ. Для него содержаніе художественнаго творчества безразлично: поэзія есть *способъ* изображать нѣчто, а что̀ именно—все равно, было бы изображеніе ярко и выразительно. Расцѣнка содержанія поэзіи для Брюсова неинтересна, какъ неинтересна и расцѣнка содержанія жизненныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи онъ—нигилистъ до мозга костей; ничто его не раздражаетъ, не печалитъ, не радуетъ.

Въ жизни нѣтъ, по его ощущенію, ни добраго, ни злого; есть только безразличный матеріалъ для художественной игры художника слова:

Быть можетъ, все въ жизни—лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи *сочетанія словъ.*

Или его признаніе про себя самого:

Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,
Но самъ любилъ лишь *сочетанья словъ.*

Но если даже стать на эту точку зрѣнія, то все же придется признать, что есть нѣкоторые психическіе процессы, которые могутъ отнять у поэта даже и способность играть „сочетаньями словъ", т.-е. художественно отображать что бы то ни было. На это можно было бы замѣтить: ну, когда есть такіе процессы, тогда и перестаетъ поэтъ быть поэтомъ; онъ умираетъ для поэзіи, и все, что съ нимъ происходитъ далѣе, не имѣетъ никакого отношенія къ искусству. Но такъ ли ужъ безразличенъ для искусства вопросъ о томъ, какіе психологическіе процессы могутъ ослабить, или даже и совсѣмъ убить доброкачественность и продуктивность художественнаго творчества? Если есть извѣстная гигіена тѣла, то есть и гигіена души. Сильный организмъ можетъ презирать гигіену физическую до извѣстной степени какъ будто безъ всякихъ осязаемыхъ дурныхъ послѣдствій, но въ концѣ концовъ плоды назрѣютъ и приведутъ къ жестокому краху. Такъ точно и въ области психической: нарушеніе духовной гигіены не всегда сказывается сразу. Одинъ можетъ долго идти по пагубному пути и сохранять способность творчества, другой — скорѣе доходитъ до плачевныхъ результатовъ. И такіе примѣры скорой сдачи передъ разлагающимъ вліяніемъ ложнаго пути заслуживаютъ не вышучиванія со стороны болѣе крѣпкихъ единомышленниковъ, а серьезнаго и вдумчиваго обслѣдованія. Параличъ, поразившій сегодня однихъ, можетъ завтра добраться и до сегодняшнихъ шутниковъ, если только уже не добрался и не заставляетъ ихъ подмѣнять поэзію ея суррогатами, въ родѣ холоднаго перепѣва прежнихъ, истинно творческихъ порывовъ, или столь же холоднаго упражненія въ разработкѣ чужихъ стилей, или не менѣе безплоднаго спортсмэнства въ области четырехсложныхъ риѳмъ и заковыристыхъ аллитерацій и ассонансовъ. А вѣдь въ третьемъ томѣ Брюсовскихъ „Путей и Перепутій" и въ „Огненномъ Ангелѣ" немало такой псевдо-поэзіи.

Въ этомъ именно отношеніи признанія Вячеслава Иванова и Александра Блока въ высокой степени поучительны. Они ясно почувствовали на себѣ самихъ, что извѣстные психологическіе навыки раз-

лагаютъ способность къ художественному творчеству—и вотъ, они во всеуслышаніе заявляютъ объ этомъ, предупреждая тѣхъ, кто идетъ по роковой стезѣ или готовъ на нее вступить. Отвѣчать имъ на это язвительной насмѣшкой и безапелляціоннымъ: „это къ дѣлу не относится, пей, да дѣло разумѣй"—по меньшей мѣрѣ легкомысленно. Въ томъ-то и бѣда, что при извѣстномъ питьѣ невозможно уже сохранить разумѣніе дѣла. Пусть пострадавшіе неумѣло формулируютъ постигшее ихъ несчастіе, пусть невѣрно опредѣляютъ его причины, но фактъ несчастія на лицо, и отбрыкиваться отъ него не приходится.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ случилось съ петербургскими символистами? Они, какъ и всѣ символисты, пошли по пути презрѣнія къ дѣйствительности, по пути крайняго индивидуализма, крайняго утвержденія личности—и въ концѣ концовъ потеряли свою личность. Случайно ли это, т.-е. заключалась ли причина ихъ крушенія въ самыхъ свойствахъ избраннаго ими пути, или же въ какихъ-либо побочныхъ обстоятельствахъ? Я убѣжденъ, что символистовъ губилъ именно ихъ путь, непригодный по самой природѣ своей для правильнаго развитія человѣческой личности вообще, а слѣдовательно и поэтической ея продуктивности въ частности.

Идея двухъ міровъ, одного — видимаго, другого — въ душѣ поэта обрѣтаемаго, давно уже родилась въ искусствѣ, и еще раньше—въ философіи. Не нова и мысль о соотвѣтствіи этихъ двухъ міровъ и о томъ, что загадки, ставимыя внѣшнимъ міромъ, находятъ свое разрѣшеніе единственно въ созерцаніи поэта или мыслителя, углубленнаго въ свой внутренній міръ. Такъ думали, чтобы не уходить въ глубь вѣковъ, нѣмецкіе романтики конца XVIII-го вѣка, такъ думали Шеллингъ и Фихте, такъ научились отъ нихъ думать и наши русскіе шеллингіанцы двадцатыхъ годовъ, Д. В. Веневитиновъ и его друзья, въ томъ числѣ столь чтимый нашими символистами Баратынскій. Отъ шеллингіанцевъ кое-что перенялъ въ этомъ духѣ и Пушкинъ, написавшій какъ разъ подъ вліяніемъ Веневитиновскаго кружка столь эксплуатируемый Вячеславомъ Ивановымъ ямбъ „Поэтъ и Чернь". Но между этими первыми нашими представителями „магическаго идеализма" и современными есть большая разница. Современные говорили: міръ плохъ, нереаленъ и ничему тебя не научитъ; иди вглубь своей души—тамъ найдешь истинную реальность и правду. И еще прибавляли: ты свободенъ, надъ тобой нѣтъ закона, все, что̀ есть въ тебѣ, — прекрасно и правдиво. Иначе мыслили идеалисты добраго стараго времени. Они знали, что и въ мірѣ, и *въ ихъ душахъ* есть плюсовыя и минусовыя стороны, что и въ нихъ, и въ мірѣ есть вещи, которыя надо любить, но есть и вещи, которыя надо ненавидѣть. И вопросъ о томъ, что̀ любить, выдвигался для нихъ на первый

планъ. Рѣшенія этого кардинальнаго вопроса они искали въ своемъ внутреннемъ, свободномъ самоопредѣленіи, но отчетливо сознавали, что правильный отвѣтъ на міровыя загадки найдетъ въ себѣ самой лишь та личность, которая путемъ долгаго и упорнаго труда и подвига расширитъ свои предѣлы до возможности вмѣстить въ себя сліянность со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, во всѣхъ его проявленіяхъ. Иными словами говоря, они вѣрили въ учительное, реформаторское призваніе истиннаго поэта, но реализація этого призванія представлялась имъ возможной не иначе какъ на почвѣ постояннаго и неустаннаго пристальнаго вглядыванія и вслушиванія въ реальный міръ и во все достигнутое раньше человѣческимъ трудомъ и творчествомъ. Поэтъ становится пророкомъ лишь тогда, когда онъ способенъ быть, какъ Пушкинъ, эхомъ всего народа и даже всего міра. Только при такихъ условіяхъ его личныя обрѣтенія окажутся обрѣтеніями всего народа и всего міра и получатъ дѣйственную силу надъ народомъ и міромъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ представлялъ себѣ это дѣло Веневитиновъ:

Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ, какъ океанъ безбрежный.
Найду ли я утесъ надежный,
Гдѣ твердо обопрусь ногой?
Иль вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду трепетно глядѣть
На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что любить, что пѣть?
„Открой глаза на всю природу,—
Мнѣ вѣщій голосъ отвѣчалъ,—
Но дай имъ выборъ и свободу:
Твой часъ еще не наступалъ.
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!“

Наши старые идеалисты правильно понимали путь истиннаго роста человѣческой, а слѣдовательно и поэтической индивидуальности. По этому пути шли всѣ истинно великіе поэты всѣхъ временъ и народовъ, и великіе поэты всегда, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывались и великими учителями, потому что сами много учились у величайшаго и единственнаго учителя — міра. Наши символисты закупорились отъ міра, отъ жизни, отъ дѣйствительности,—отчасти по теоретическому недоразумѣнію, усвоенному всей ихъ школой, отчасти (и, кажется, даже въ неизмѣримо большей степени) по крайне малой впечатлительности своей. Послѣдній пунктъ мнѣ уже неоднократно

приходилось выяснять на анализѣ творчества даже крупнѣйшихъ представителей „новой школы", въ родѣ Валерія Брюсова и Сологуба. А отрекшись отъ міра, предавшись нарцисовскому самолюбованію, они лишили свою психику притока живительной пищи, мумифицировались отъ безкормицы и обрекли ликъ Нарциса на постепенное обезображеніе.

Теперь они сами поражаются этимъ безобразіемъ и въ ужасѣ шарахаются отъ него, жадно ищутъ чистаго воздуха, питанія, движенія. Въ этомъ отношеніи весьма характерна еще брошюра московскаго теоретика искусства Н. Н. Русова: „О нищемъ, безумномъ и боговдохновенномъ искусствѣ", появившаяся недавно съ предисловіемъ проф. С. А. Котляревскаго. Русовъ также извѣрился въ путяхъ новаго искусства и отрицаетъ индивидуализмъ, который, „кромѣ душевной пустоты, ничего намъ не далъ". Онъ зоветъ современныхъ художниковъ прочь „отъ блестящей мишуры литературныхъ и всякихъ иныхъ успѣховъ", приглашаетъ ихъ, въ униссонъ съ Ивановымъ и Блокомъ, къ „истинному подвижничеству", къ „общему дѣйствію", и для этой цѣли рекомендуетъ образовать особый „литературный орденъ, международный, на подобіе средневѣковыхъ рыцарскихъ или монашескихъ".

Такимъ образомъ, у нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ и теоретиковъ символистскаго лагеря проявляется въ весьма яркихъ формахъ сознаніе кризиса и даже крушенія въ ихъ вѣрованіяхъ. Правда, они сейчасъ слишкомъ потрясены и еще не совсѣмъ разобрались въ томъ, что съ ними случилось, но въ призывахъ петербургскихъ символистовъ къ смиренію передъ жизнью, исторіей, народомъ, къ самообузданію и ученичеству, мнѣ чуется поворотъ какъ разъ въ ту сторону, въ которую шелъ нашъ старый и столь плодотворный идеализмъ, справедливо видѣвшій свою силу во вниманіи къ міру реальному. Найдутся ли у нихъ силы вполнѣ уразумѣть сущность этого пути, который они прежде такъ буйно отрицали—это, конечно, еще вопросъ, какъ вопросъ и то, найдется ли у нихъ достаточно душевной свѣжести и воспріимчивости, чтобы откликнуться полной грудью на великіе и многообразные зовы міра.

Если же найдется (а почему бы и не нашлось у такого, напримѣръ, талантливаго и незакорузлаго человѣка, какъ Александръ Блокъ), то самъ собою войдетъ въ надлежащія рамки и тютчевскій парадоксъ о лживости всякой изреченной мысли. Кто не отвращается отъ матеріальнаго міра, тотъ пойметъ, что всякая, даже самая высокая идея родится изъ дѣйствительности и потому можетъ выразиться въ формахъ, данныхъ дѣйствительностью; понявшій же это не успокоится на произвольныхъ символическихъ намекахъ, а будетъ съ вѣрою работать до тѣхъ поръ, пока не доработается до адэкватнаго *образнаго*

выраженія своихъ думъ и впечатлѣній. Вѣдь даже тайна мірового всеединства находила свое словесное выраженіе не только въ „пріобщающихъ“ намекахъ Тютчева, но и въ „сообщающихъ“ образахъ хотя бы Пушкина и Достоевскаго; загорается она иногда и теперь въ творчествѣ Бориса Зайцева, Сергѣева-Ценскаго, Кожевникова. Знаю, что есть впечатлѣнія и настроенія, которыя слову не поддаются; но это тѣ психическія движенія, которыя находятъ свою естественную и опять-таки адэкватную объективацію въ музыкѣ, въ краскахъ, въ мимикѣ тѣла. Неадэкватная же символизація всегда бываетъ неизбѣжнымъ удѣломъ лѣностныхъ духомъ, либо недостаточно награжденныхъ творческимъ даромъ, да еще тѣхъ, кто съ упрямымъ теоретизмомъ отрываетъ свой внутренній міръ отъ питающаго и обусловливающаго его міра внѣшняго.

А что же должно случиться, при намѣчающемся поворотѣ въ символизмѣ, съ мечтой о теургическомъ преображеніи міра при помощи цѣнностей, обрѣтенныхъ въ мірѣ внутреннемъ? Я думаю, что эта мечта только и можетъ осуществиться на почвѣ идеализма, имѣющаго свои корни въ реализмѣ. Ни искусство, ни наука, какъ и никакая вообще дѣятельность человѣческаго сознанія, не могутъ *создать* сами по себѣ никакой творческой силы. Они могутъ только *сознать* народившуюся помимо нихъ силу и дать ей опредѣленное приложеніе, направить ее въ опредѣленное русло. Отсюда ясно, что дѣйственность поэзіи находится въ прямой зависимости отъ того, насколько поэтъ способенъ наблюдать и вскрывать реальныя возможности, народившіяся въ дѣйствительности. Самая прекрасная мечта, не находящая себѣ соотвѣтствія въ реально сущемъ внѣшнемъ мірѣ, останется обреченной на бездѣйственность. Міръ развивается по своимъ законамъ, непокорнымъ капризной волѣ уединеннаго мечтателя. Для событій есть свои времена и сроки, которые раскрываются только внимательному наблюдателю и учатъ, прежде всего, подвигу терпѣнія и длительнаго, упорнаго труда. Самонадѣянный „теургъ“, влюбленный въ произволъ своего узенькаго „я“ и пробующій командовать событіями съ высоты своего двухвершковаго величія, рискуетъ только оказаться „съ опаленнымъ лицомъ“, а желѣзная цѣпь исторіи все будетъ влечься, съ равнодушнымъ позвякиваніемъ, своей медлительной и неуклонной чредой. Это хорошо понялъ теперь Александръ Блокъ.

Трудно, конечно, предсказать, много ли дастъ сдвигъ, намѣтившійся въ извѣстной группѣ нашихъ символистовъ. Не вѣрится какъ-то, чтобы очень много. Въ покаянныхъ признаніяхъ Вячеслава Иванова и Александра Блока (преимущественно, впрочемъ, перваго) далеко не все ясно и свободно отъ внутреннихъ противорѣчій. Констатируя свое крушеніе, сознавая и искренно оплакивая нѣкоторыя

его причины, Вячеславъ Ивановъ въ то же время еще цѣпляется судорожно за обломки разрушеннаго зданія символистическихъ теорій, въ родѣ весьма опаснаго догмата: „Мысль изреченная есть ложь“, со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями. Весьма мало отрадно также отношеніе къ Пушкину свысока, какъ къ поэту, слишкомъ мало считавшемуся съ данными „внутренняго опыта“. Какъ знать, хватитъ ли у петербургскихъ символистовъ силы вымести изъ своего храма весь этотъ мусоръ? Но, во всякомъ случаѣ, постигшее ихъ крушеніе есть новое и весьма убѣдительное доказательство ложности крайняго индивидуализма, столь сильно процвѣтавшаго у насъ за послѣднее время, то въ явной, то въ скрытой формѣ, и много-много нанесшаго вреда и русской дѣйствительности, и русскому искусству. А всякій ударъ по заблужденію есть расчистка пути для правды и приближеніе временъ и сроковъ ея побѣднаго воскресенія.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Королевскія рѣчи въ Пруссіи.—Обращеніе кронпринца къ нѣмецкимъ ученымъ.—Монархическія деклараціи Вильгельма II.—Германская соціалъ-демократія и съѣздъ въ Магдебургѣ.—Безпорядки въ Берлинѣ.—Балканскія дѣла и дипломатическія перемѣны.—Культурные результаты присоединенія Кореи къ Японіи.

Политическая жизнь въ наше время состоитъ изъ контрастовъ, часто очень рѣзкихъ и поучительныхъ. Непрерывные, прогрессивно возрастающіе успѣхи соціалъ-демократіи идутъ рядомъ съ самоувѣренными выступленіями дѣятелей стараго режима; императоръ Вильгельмъ II произноситъ рѣчи о монархіи „Божіею милостью“, тогда какъ въ массѣ его подданныхъ все болѣе распространяется недовольство настоящимъ положеніемъ вещей въ Пруссіи.

Недавно наслѣдникъ прусскаго престола, будущій императоръ Германіи, навлекъ на себя упреки и насмѣшки оппозиціонной печати своими призывами къ національному чувству нѣмецкихъ профессоровъ, по случаю поднесенія ему званія почетнаго ректора кенигсбергскаго университета. „Укажите намъ—говорилъ онъ—тѣ пути, по которымъ долженъ слѣдовать нашъ нѣмецкій народъ, чтобы занять между націями положеніе, подобающее ему по праву соотвѣтственно его духовнымъ и физическимъ силамъ. Нѣтъ пользы въ томъ, чтобы изуча-

лись слабости и недостатки нашей страны, ибо такое познаніе легко приводитъ къ разочарованію и безплодной критикѣ. Мы скорѣе стремимся къ тому, чтобы подчеркнуть и развить нашу нѣмецко-національную народность въ противовѣсъ космополитическимъ наклонностямъ, которыя угрожаютъ стереть наши народныя особенности". Кронпринцъ самъ указываетъ ученымъ тѣ пути, которыхъ они должны держаться, а не ждетъ отъ нихъ указаній, какъ отъ компетентныхъ представителей нѣмецкой науки; онъ сначала говоритъ: „укажите намъ", научите насъ—а затѣмъ самъ же учитъ ихъ, какъ и въ какомъ духѣ вести научныя изслѣдованія и научное преподаваніе.

Этотъ тонъ обращенія молодого принца къ выдающимся нѣмецкимъ ученымъ болѣе всего удивилъ публику; странно было слышать эти наивные совѣты недавняго боннскаго студента въ стѣнахъ университета, прославленнаго именемъ Канта. Какой практическій смыслъ имѣютъ вообще эти отголоски стараго національнаго романтизма? Тѣ народныя и племенныя особенности, которыя сами по себѣ цѣнны и жизненны, сохраняются и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ всякихъ искусственныхъ заботъ; а тѣ національныя черты, которыя легко стираются при частомъ общеніи съ другими націями, именно этимъ доказываютъ свою ненужность, безпочвенность и внутреннюю слабость. Хлопотать о сохраненіи того, что̀ держится прочно и что̀ составляетъ истинную индивидуальность націи, нѣтъ надобности, а удерживать отъ гибели то, что̀ безполезно и что̀ обречено на гибель, было бы напраснымъ трудомъ. Наконецъ, что̀ можетъ сдѣлать университетская наука для этого мечтательнаго національзма, пока она остается на почвѣ своихъ истинныхъ научныхъ задачъ? Проповѣдывать борьбу противъ космополитическихъ („интернаціонализирующихъ") стремленій всего менѣе подобаетъ представителю династіи, связанной близкимъ родствомъ съ царствующими фамиліями другихъ державъ и пытающейся проводить „міровую политику" въ разныхъ частяхъ свѣта. Члены знатныхъ фамилій въ Европѣ—большею частью космополиты по рожденію и воспитанію, по связямъ, привычкамъ и понятіямъ. Народныя и племенныя черты наиболѣе свойственны такъ называемымъ низшимъ, трудящимся классамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что германская соціалъ-демократія несравненно ярче и сильнѣе отражаетъ особенности нѣмецкаго національнаго духа, чѣмъ всѣ привилегированные аграріи и консерваторы въ совокупности, даже со включеніемъ высокопоставленныхъ принцевъ. Однако, народническія тенденціи не мѣшаютъ властнымъ националистамъ воевать противъ рабочей демократіи и ограничивать ея доступъ къ народному представительству, гдѣ искусственно, при помощи завѣдомо несправедливаго избирательнаго закона, обезпечивается господство космо-

политическихъ элементовъ — денежной буржуазіи и землевладѣльческой аристократіи.

Не успѣла нѣмецкая печать откликнуться на рѣчь кронпринца, какъ въ томъ же Кенигсбергѣ произнесена была новая политическая рѣчь, болѣе серьезная—самимъ императоромъ Вильгельмомъ. На банкетѣ 25 (12) августа король-императоръ счелъ своевременнымъ высказать свой взглядъ на характеръ и призваніе монархической власти въ Пруссіи. Онъ напомнилъ слушателямъ, что его великій дѣдъ, Вильгельмъ I, „возложивъ на себя прусскую королевскую корону по собственному праву, выставилъ при этомъ на видъ, что корона дана ему исключительно Божіею милостью, а не парламентами, народными собраніями и народными рѣшеніями, и что онъ, такимъ образомъ, разсматривалъ себя какъ избранное орудіе неба и въ такомъ качествѣ исполнялъ свои регентскія и монархическія обязанности“. По его стопамъ шествуетъ и Вильгельмъ II. „Разсматривая себя какъ орудіе Господа Бога,—продолжалъ царственный ораторъ—не обращая вниманія на взгляды и мнѣнія текущаго дня, я иду своею дорогою, которая одна только ведетъ къ благосостоянію и мирному развитію нашего отечества. Но я нуждаюсь для этого въ сотрудничествѣ каждаго въ странѣ“... Говоря объ эпохѣ освободительныхъ войнъ и объ исторической роли королевы Луизы, онъ изъ примѣра этой самоотверженной королевы-патріотки дѣлаетъ неожиданный выводъ, что нѣмецкія женщины должны воздерживаться отъ участія въ политической дѣятельности, что „призваніе ихъ лежитъ не въ области общественныхъ собраній и союзовъ, не въ достиженіи мнимыхъ правъ, въ которыхъ онѣ были бы равны мужчинамъ, а въ тихой домашней и семейной работѣ“. Женщины должны „воспитывать молодое поколѣніе, особенно въ духѣ повиновенія и уваженія къ старшимъ“, и въ этомъ заключается, будто бы, главный урокъ, преподанный нѣмцамъ королевою Луизою. На самомъ дѣлѣ она несомнѣнно заслужила свою славу не „тихой работою въ домѣ и семьѣ“, а сознательнымъ вмѣшательствомъ въ политику, неустаннымъ воздѣйствіемъ на умы и чувства патріотовъ съ цѣлью спасенія и возрожденія Пруссіи.

Для чего императоръ затронулъ женскій вопросъ въ связи съ вопросомъ о монархіи „Божіею милостью“—не совсѣмъ понятно, такъ какъ отвергаемая имъ равноправность женщинъ находитъ свою лучшую и вѣрнѣйшую опору именно въ практикѣ монархизма, въ знаменитыхъ женскихъ царствованіяхъ. Непонятно также, что могло побудить Вильгельма II настойчиво ссылаться на свое божественное право и на свои близкія наслѣдственныя связи съ „небомъ“, когда онъ самъ же признаетъ, что нуждается въ сотрудничествѣ всѣхъ и каждаго въ государствѣ. Нельзя же разсчитывать на сотрудничество

людей, заранѣе устраняемыхъ отъ сознательнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, ради которыхъ требуется ихъ сотрудничество; а разъ признавъ необходимость общественнаго и народнаго участія, нѣтъ уже основанія игнорировать „взгляды и мнѣнія текущаго дня“ и отзываться пренебрежительно о парламентахъ, народныхъ собраніяхъ и рѣшеніяхъ. Никакая власть не существуетъ и не живетъ въ пустомъ пространствѣ, внѣ народа и общества, и если носитель ея одиноко идетъ своею дорогою, безъ общенія съ своимъ народомъ, то это служитъ обыкновенно источникомъ великихъ опасностей для обѣихъ сторонъ—какъ для правителя, такъ и для націи. Само собою разумѣется, что одиночество никогда не бываетъ полнымъ и что „*своя* дорога“ часто оказывается тою, какая нужна и наиболѣе выгодна привилегированнымъ попутчикамъ, приближеннымъ царедворцамъ и совѣтникамъ. Пренебрегая вліяніемъ парламентовъ и народныхъ собраній, правитель неизбѣжно подпадаетъ подъ другія, болѣе одностороннія и узкія вліянія придворной камарильи. Относясь съ высокомѣріемъ къ общественному мнѣнію, онъ не освобождается отъ необходимости выслушивать случайныя мнѣнія отдѣльныхъ случайныхъ лицъ, попавшихъ въ фавориты или имѣющихъ доступъ ко двору; а почему личныя мнѣнія князя Эйленбурга, или князя Фюрстенберга, или Генкеля фонъ Доннерсмарка должны имѣть преимущество предъ коллективнымъ мнѣніемъ образованнаго нѣмецкаго общества, предъ мотивированными мнѣніями печати и народныхъ собраній—это остается загадкой.

Впрочемъ, въ дѣйствительности Вильгельмъ II вовсе не блуждаетъ одиноко, вдали отъ общества и народа, опираясь только на свое право „Божіею милостью“ и на свое общеніе съ небомъ; напротивъ, онъ очень внимательно слѣдитъ за „взглядами и мнѣніями текущаго дня“ и аккуратно принимаетъ къ свѣдѣнію—а въ случаѣ надобности и къ исполненію—мнѣнія парламентовъ и общественныхъ собраній. Когда осенью 1908-го года появился въ газетахъ отчетъ о бесѣдѣ его съ корреспондентомъ „Daily Telegraph“ и произвелъ тягостное и крайне непріятное впечатлѣніе на нѣмецкое общество, то канцлеръ Бюловъ счелъ своимъ долгомъ объявить въ имперскомъ сеймѣ, что въ виду неожиданнаго прискорбнаго эффекта, произведеннаго статьею лондонской газеты, императоръ отнынѣ признаетъ для себя обязательнымъ „соблюдать и въ частныхъ разговорахъ ту сдержанность, которая одинаково необходима какъ въ интересахъ единства политическаго направленія, такъ и для авторитета короны“. И Вильгельмъ II, послѣ подробнаго доклада своего канцлера, вполнѣ одобрилъ его объясненія въ парламентѣ, при чемъ подтвердилъ свою рѣшимость обезпечить „постоянство имперской политики при соблюденіи конститу-

ціонныхъ отвѣтственностей". Либеральныя нѣмецкія газеты напомнили теперь объ этомъ торжественномъ обѣщаніи, данномъ въ ноябрѣ 1908-го года, и съ рѣдкимъ единодушіемъ выразили свои чувства по поводу явнаго его нарушенія. Въ сущности, за исключеніемъ очень немногихъ крайнихъ монархистовъ, привыкшихъ восторгаться каждымъ словомъ короля, всѣ недоумѣвали, изъ-за чего понадобилось вдругъ поднять щекотливый и острый принципіальный вопросъ объ отношеніяхъ между короною и парламентомъ, между властью и народомъ. И когда это общее недовольство выяснилось для него съ достаточною убѣдительностью, король-императоръ тотчасъ же поспѣшилъ успокоить общественное мнѣніе новою политическою рѣчью, проникнутою духомъ миролюбія и религіозной скромности. Въ Маріенбургѣ, старинной резиденціи Тевтонскаго ордена, онъ говорилъ на банкетѣ 28-го августа о благахъ культурнаго міра, о великихъ заслугахъ тевтонскихъ рыцарей и о неразрывной связи между христіанствомъ и нѣмецкимъ народомъ. „Орденъ достигъ своихъ великихъ результатовъ,—продолжалъ Вильгельмъ II—благодаря строгому единству въ подчиненіи высшей волѣ... Крестъ на его знамени означаетъ безусловную покорность небесной волѣ, неразрывное единеніе между христіанствомъ и нѣмецкою народностью. Это можетъ служить иллюстраціею къ тому, что я сказалъ недавно въ Кенигсбергѣ. Подобно тому, какъ мой покойный дѣдъ и я признавали себя работающими подъ высшимъ надзоромъ и по высшему порученію нашего Господа Бога, я предполагаю то же самое относительно каждаго честнаго христіанина, кто бы онъ ни былъ. Кто работаетъ въ этомъ настроеніи, тотъ легко убѣждается, что крестъ также обязываетъ. Мы должны держаться вмѣстѣ, всѣ вѣроисповѣданія и племена, въ братской любви. Мы должны каждому племени оставить его особенность и своеобразіе. Племена и профессіональные союзы должны соединиться въ совмѣстной работѣ, для исполненія государственныхъ необходимостей. Пусть сельскій хозяинъ подастъ руку купцу, а тотъ—промышленнику; пусть членъ одной партіи возьметъ руку несогласно съ нимъ мыслящаго, когда дѣло идетъ о пользѣ отечества, и пусть каждое вѣроисповѣданіе относится къ другому съ любовью. Тогда мы останемся вѣрными завѣтамъ великихъ нѣмецкихъ людей, которые здѣсь жили и трудились. Тогда мы одолѣемъ всѣ затрудненія, какія встрѣтятся намъ въ пути. Жить—значитъ работать, работать—значитъ бороться, бороться — значитъ преодолѣвать препятствія; послѣднія преодолѣваются при взаимномъ уваженіи и взаимной помощи, если разсматривать ихъ какъ испытанія, назначенныя намъ свыше".

Изъ этой рѣчи можно было заключить, что императоръ Вильгельмъ въ своей ссылкѣ на данныя ему свыше полномочія ставилъ себя въ

положеніе простого вѣрующаго христіанина, обязаннаго всѣ свои дѣла и помыслы относить къ Божіей волѣ. При такомъ толкованіи и формула „Божіею милостью“ получаетъ совершенно невинный смыслъ: самые скромные граждане, какъ и сильные міра сего, существуютъ и дѣйствуютъ только милостью Божіею. Оправдательныя объясненія самого оратора были благополучно дополнены оффиціозною прессою. Въ органѣ канцлера—„Сѣверо-германской газетѣ“ — указывалось на то, что кенигсбергская рѣчь была не правительственнымъ актомъ, но личнымъ заявленіемъ монарха, и что своимъ религіознымъ тономъ она нисколько не отступала отъ конституціи. Блестящимъ опроверженіемъ тѣхъ практическихъ выводовъ, которые можно было сдѣлать изъ монархической деклараціи Вильгельма II, являлась та неограниченная свобода критики, какою пользовались газеты и публичныя собранія при разборѣ и оцѣнкѣ императорскихъ рѣчей.

Въ одномъ изъ избирательныхъ участковъ Берлина, 8-го сентября, состоялась многолюдная сходка, устроенная комитетомъ прогрессивной народной партіи, при чемъ главнымъ ораторомъ выступилъ престарѣлый поэтъ, депутатъ Альбертъ Трегеръ, осуждавшій устарѣлыя и безпочвенныя политическія идеи Вильгельма II. Другой ораторъ, Флатау, опровергалъ указаніе императора на то, что первый прусскій король, курфюрстъ Фридрихъ III, получилъ корону не отъ народа, а Божіею милостью, по собственному праву. Документально установлено, что пріобрѣтеніе королевскаго титула досталось весьма прозаическимъ способомъ и обошлось народу довольно дорого: Фридрихъ подкупилъ австрійскаго министра крупною суммою денегъ и долженъ былъ назначить особый налогъ для покрытія сдѣланныхъ затратъ, доходившихъ до полумилліона талеровъ; сверхъ того, онъ обязался доставить австрійскому императору вспомогательное войско, такъ что въ общемъ счетѣ народъ своимъ достояніемъ и кровью заплатилъ за возведеніе курфюрста въ короли. Третьимъ ораторомъ была женщина, д-ръ Гертруда Беймеръ, возражавшая противъ неудачныхъ замѣчаній императора о женскомъ вопросѣ. Въ заключеніе собраніемъ принята резолюція, которою оно „рѣшительно протестуетъ противъ воззрѣній, выраженныхъ въ кенигсбергской императорской рѣчи и рѣзко расходящихся съ историческимъ развитіемъ и современнымъ пониманіемъ государства“. Въ противоположность этимъ воззрѣніямъ „прогрессивная народная партія требуетъ энергическаго проведенія парламентской правительственной системы и полнаго уравненія въ правахъ всѣхъ гражданъ, въ томъ числѣ и женщинъ“. Полиція держалась въ сторонѣ и не мѣшала прогрессистамъ публично критиковать императора.

Еще болѣе значительное собраніе было организовано тою же

партіею двумя днями позже, 10-го сентября, подъ предсѣдательствомъ депутата Копша. На повѣсткѣ значилась тема: „политическое положеніе и императорскія рѣчи“. Говорили депутаты Вимеръ, Фишбекъ, Дове и Конрадъ Гаусманъ. По словамъ Вимера, милліоны добрыхъ нѣмцевъ не расположены смотрѣть на патеровъ и аграріевъ какъ на орудія неба; они не думаютъ, что прусская трехклассная избирательная система причисляется кронпринцемъ къ нѣмецкимъ національнымъ особенностямъ, требующимъ охраны. „Мы также идемъ своею дорогою,—закончилъ ораторъ—либеральной дорогою, исходный пунктъ которой—право, а конечная цѣль—свобода“. Заявленія императора наиболѣе радуютъ соціалистовъ, которые „не могли бы желать лучшаго агитатора для соціалъ-демократіи“, какъ выразился въ другомъ мѣстѣ депутатъ Ледебуръ. Остальные ораторы разсуждали главнымъ образомъ о благопріятныхъ шансахъ будущихъ выборовъ подъ вліяніемъ императорскихъ рѣчей. Полиція опять-таки не вмѣшивалась и предоставляла гражданамъ собираться и высказываться свободно, не смотря на крайнюю щекотливость темы.

На словахъ Вильгельмъ II является какъ будто выразителемъ и защитникомъ стараго мистическаго монархизма, а реально, на дѣлѣ, онъ остается строго-конституціоннымъ правителемъ и добросовѣстно мирится съ самою широкою свободою критики и оппозиціи. Какъ разъ въ послѣднее время повторялись въ Пруссіи событія, наглядно доказывающія всю силу принципа законности въ современной прусской системѣ управленія.

Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ назначена была на 11-ое сентября (нов. ст.) грандіозная соціалъ-демократическая манифестація, въ которой предстояло участвовать знаменитымъ иностраннымъ вождямъ соціализма—депутатамъ Жорèсу, Вандервельде и Кейръ Гарди. Мѣстная административная власть, опираясь на предоставленное ей закономъ право, заявила, что не допуститъ рѣчей на иностранныхъ языкахъ, и потому приглашенные знатные иностранцы сочли своимъ долгомъ постараться произнести свои рѣчи по-нѣмецки, чѣмъ только усилилось значеніе ихъ участія для нѣмецкаго рабочаго класса. На митингъ собралось болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, привлеченныхъ перспективою послушать нѣмецкую рѣчь такого оратора, какъ Жорèсъ. Французскій депутатъ, съумѣвшій блестяще исполнить свою трудную задачу—передать въ формахъ чужого языка обычную горячность своего ораторскаго темперамента, удостоился единодушныхъ, продолжительныхъ оваццій со стороны нѣмецкихъ слушателей. Онъ говорилъ о желанномъ окончательномъ мирѣ между Германіею и Франціею, о необходимомъ для этого преобразованіи имперіи въ демократію, о неизбѣжномъ будущемъ торжествѣ народнаго самоуправленія и парламентаризма на

основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Его заключительный возгласъ въ честь демократической Германіи былъ принятъ съ необыкновеннымъ восторгомъ. Нѣкоторыя мѣста рѣчи имѣли вполнѣ республиканскій оттѣнокъ, и однако полицейскіе чины не думали останавливать или стѣснять оратора. Въ такомъ же духѣ республиканскаго международнаго пролетаріата излагали свои идеи глава бельгійскихъ соціалистовъ Вандервельде и представитель англійской рабочей партіи Кейръ Гарди.

Оппозиціонное движеніе оживилось въ Пруссіи. Нѣмецкая соціалъ-демократія успѣшно вытѣсняетъ соперниковъ при частичныхъ выборахъ въ имперскій сеймъ; еще въ августѣ она провела двухъ своихъ кандидатовъ въ такихъ округахъ, которые раньше принадлежали буржуазнымъ партіямъ. Соціалъ-демократія, какъ единственная активная оппозиціонная сила въ нынѣшней Германіи, находится въ блестящихъ условіяхъ непрерывнаго роста и развитія. За послѣдній годъ число членовъ, дѣлающихъ установленные взносы въ партійную кассу, возросло съ 633-хъ тысячъ до 722-хъ тысячъ; въ томъ числѣ количество женщинъ увеличилось на двадцать тысячъ — съ 62-хъ до 82-хъ тысячъ. Партійный бюджетъ, не смотря на огромныя издержки на пропаганду, даетъ излишекъ доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 120 тысячъ марокъ. Болѣе 25 милліоновъ экземпляровъ разныхъ изданій было роздано или разошлось между рабочими. Въ Германіи издается 76 ежедневныхъ соціалистическихъ газетъ, которыя большею частью окупаются или даютъ доходъ; одинъ центральный органъ — „Vorwärts"—приноситъ болѣе 120 тысячъ марокъ дохода. Число соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ имперскомъ сеймѣ со времени выборовъ 1907-го года возрасло съ 43-хъ до 52-хъ. Въ девятнадцати парламентахъ отдѣльныхъ государствъ насчитывается 186 соціалистовъ—на 46 больше чѣмъ въ прошломъ году; въ 2497 городскихъ совѣтахъ они имѣютъ теперь 7.729 представителей, вмѣсто прошлогоднихъ 6.431.

Этотъ послѣдовательный внутренній ростъ соціалъ-демократіи, повидимому, нисколько не задерживается и не ослабляется продолжающимися разногласіями между прямолинейными соціалистами старой школы и оппортунистами или „ревизіонистами" новаго типа. Въ южной Германіи, гдѣ политическая жизнь развивается свободнѣе и шире, чѣмъ въ Пруссіи, и гдѣ аграріи и консерваторы не господствуютъ надъ образованными средними классами, соціалъ-демократы склонны придерживаться болѣе миролюбивой тактики относительно буржуазіи и часто вступаютъ въ соглашеніе съ передовыми ея элементами для достиженія опредѣленныхъ положительныхъ выгодъ. Такъ, въ Баденѣ соціалъ-демократическая парламентская фракція нашла возможнымъ

вотировать бюджетъ заодно съ прогрессистами, чтобы помѣшать образованію реакціонно-консервативнаго блока; мѣстный партійный съѣздъ одобрилъ поведеніе семнадцати баденскихъ депутатовъ, вопреки рѣшительнымъ протестамъ руководителей центральной организаціи и солидарныхъ съ ними дѣятелей. Громадное большинство партіи по прежнему стоитъ на точкѣ зрѣнія правовѣрныхъ марксистовъ, враговъ всякаго компромисса съ буржуазными партіями; сторонники новыхъ теченій, раздѣляющіе идеи ревизіонистовъ, образуютъ безпокойное меньшинство, которое только въ отдѣльныхъ южно-германскихъ странахъ превращается въ большинство. На баденскомъ съѣздѣ за примирительную ревизіонистскую тактику высказалось около 140 голосовъ противъ 36; въ томъ же смыслѣ принята была резолюція гессенскими соціалъ-демократами, большинствомъ 48 противъ 30 голосовъ. Спорный вопросъ неоднократно обсуждался на общихъ партійныхъ съѣздахъ и былъ уже рѣшенъ отрицательно на съѣздѣ въ Нюрнбергѣ; но южно-нѣмецкіе соціалисты требовали пересмотра этого рѣшенія, какъ неправильно поставившаго вопросы мѣстной тактики на принципіальную почву. Послѣдній съѣздъ въ Магдебургѣ, собравшійся 18-го сентября, долженъ былъ вновь рѣшить этотъ старый споръ — и послѣ горячихъ преній рѣшилъ его по старому, противъ баденцевъ и ревизіонистовъ. Бебель съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ поддерживалъ резолюцію, внесенную комитетомъ партіи и изложенную въ довольно категорическихъ выраженіяхъ; онъ доказывалъ, что баденскіе соціалъ-демократы грубо нарушили партійную дисциплину, отступивъ отъ прямыхъ постановленій съѣздовъ въ Любекѣ, Дрезденѣ и Нюрнбергѣ, и что ссылки на особыя мѣстныя обстоятельства и соображенія не оправдываютъ двусмысленныхъ и опасныхъ сдѣлокъ съ буржуазными парламентскими группами. Въ резолюціи указано также, что „участіе въ придворныхъ церемоніяхъ и въ манифестаціяхъ монархической преданности несовмѣстимо съ основными началами соціализма“ и что члены партіи должны отъ всего подобнаго воздерживаться. Южные делегаты съ своей стороны утверждали, что невозможно избѣгнуть отдѣльныхъ соглашеній съ прогрессистами, если не обречь себя на безсиліе въ парламентѣ, и что эти временныя тактическія комбинаціи, вызываемыя и оправдываемыя реальными интересами рабочаго класса, не касаются и не колеблютъ никакихъ общихъ принциповъ. Въ засѣданіи 21 сентября съѣздъ большинствомъ 229 противъ 80 голосовъ принялъ проектъ резолюціи комитета; вслѣдъ затѣмъ, вопреки протестамъ болѣе умѣренныхъ членовъ съѣзда, и въ томъ числѣ предсѣдательствовавшаго д-ра Дитца, была внесена и принята 228 голосами противъ 64-хъ другая резолюція, предлагающая на будущее время исключать изъ партіи тѣхъ соціалъ-демократиче-

скихъ депутатовъ, которые будутъ вотировать за бюджетъ. Расколъ внутри партіи обострился безъ достаточныхъ къ тому основаній. Это обостреніе кризиса на магдебургскомъ съѣздѣ объясняется отчасти случайными причинами — отъѣздомъ Бебеля въ Берлинъ и болѣзнью всегдашняго предсѣдателя соціалистическихъ конгрессовъ, маститаго Зингера, опытнаго и авторитетнаго партійнаго дипломата, искуснаго въ устраненіи и предупрежденіи всякихъ ненужныхъ пререканій и конфликтовъ. Южные соціалъ-демократы не отказываются отъ своей точки зрѣнія и не предполагаютъ подчиниться „тираніи большинства", и такъ какъ они имѣютъ за собою принципіальныхъ ревизіонистовъ, сторонниковъ коренного пересмотра партійной програмы, то кризисъ не можетъ считаться разрѣшеннымъ такими голосованіями, какъ состоявшееся въ Магдебургѣ противъ баденцевъ. Существованіе и развитіе кризиса зависятъ отъ судьбы общаго вопроса, поднятаго новымъ теченіемъ въ соціалъ-демократіи, и пока этотъ общій вопросъ не разрѣшится въ ту или другую сторону, до тѣхъ поръ не могутъ имѣть большого значенія партійныя резолюціи по частнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ ревизіонистскою практикою или тактикою отдѣльныхъ соціалистическихъ парламентскихъ группъ.

Внѣ всякой связи съ соціалъ-демократіей и съ общимъ рабочимъ движеніемъ возникли и разгорѣлись съ 24-го сентября (нов. ст.) уличные безпорядки въ Берлинѣ, упорно возобновлявшіеся въ теченіе цѣлой недѣли. Волненія происходили въ одномъ изъ кварталовъ, населенныхъ преимущественно рабочими и ремесленниками. Дѣло началось съ забастовки рабочихъ каменноугольной фирмы и приняло вскорѣ серьезный характеръ вслѣдствіе замѣны уволенныхъ рабочихъ новыми, доставленными изъ провинціи. Прежніе рабочіе не допускали новыхъ и нападали на нихъ; фирма обратилась къ содѣйствію полиціи, которая стала охранять „штрейкбрехеровъ" и сама подвергалась насмѣшкамъ и нападеніямъ мѣстныхъ обывателей, особенно подростковъ. Борьба съ этими „штрейкбрехерами"—или, какъ выражаются французы, „охота на лисицъ"—постепенно переходила въ борьбу противъ полиціи, вовлекая все бо̀льшія массы участниковъ и разростаясь стихійно до грандіозныхъ размѣровъ.

Районъ столкновеній и безпорядковъ расширялся безъ всякаго сознательнаго плана со стороны рабочихъ; забастовщики и ихъ замѣстители мало-по-малу отошли совершенно на задній планъ и были даже какъ будто забыты, а борьба продолжалась съ удвоенною силою. Рабочій людъ разнаго рода, безработные бѣдняки, уличные завсегдатаи, подростки и такъ называемые хулиганы составляли главное ядро той толпы, которая періодически, въ извѣстные часы, наполняла улицы и вела ожесточенную и безцѣльную войну противъ полицейскихъ отря-

довъ; къ этимъ элементамъ легко присоединялись любопытные обыватели обоего пола, иногда принимавшіе непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Взаимное раздраженіе усиливалось съ каждымъ днемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось число пострадавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Въ разрядъ невольныхъ жертвъ попали четыре англійскихъ корреспондента, прибывшіе вечеромъ 28-го сентября на автомобилѣ въ самый центръ событій, для надлежащихъ наблюденій, въ силу обязанностей своей профессіи; это были вліятельные журналисты, представители телеграфнаго агентства Рейтера и трехъ большихъ газетъ. Пропущенные полицейскимъ офицеромъ въ опасный районъ, они остановились при видѣ полицейской аттаки на толпу, но внезапно сами подверглись вооруженному нападенію полиціи, по указанію агента, принявшаго ихъ почему-то за руководителей боя. Всѣ они получили болѣе или менѣе тяжкія раны, которыя могли бы оказаться смертельными, еслибы они не успѣли укрыться отъ сабельныхъ ударовъ въ глубинѣ автомобиля. Полиція не обращала вниманія на ихъ попытки объяснить свою роль журналистовъ и показать свои корреспондентскія карточки. Журналисты спаслись отъ дальнѣйшей кровавой расправы только тѣмъ, что пустили въ ходъ свой моторъ и быстро удалились съ поля битвы. Этотъ эпизодъ показываетъ, до какой степени разъярились воюющія стороны послѣ нѣсколькихъ дней и ночей уличныхъ схватокъ. Рабочее населеніе обнаружило столь сильную злобу противъ полиціи, что сами власти были смущены и отчасти растерялись; никто не ожидалъ, что городскіе пролетаріи питаютъ такую глубокую вражду къ исполнительнымъ органамъ администраціи. Непримиримый разладъ между властью и народомъ все болѣе проникаетъ въ сознаніе трудящихся массъ, и внезапное раскрытіе этого печальнаго факта является краснорѣчивымъ отвѣтомъ на самодовольныя идилліи романтическаго монархизма.

Берлинскія уличныя волненія, при всѣхъ ихъ жестокихъ подробностяхъ и послѣдствіяхъ, могутъ служить хорошею иллюстраціею прусскихъ правительственныхъ нравовъ и традицій. Упорные безпорядки и побоища на улицахъ столицы подавлялись только силами и средствами обычной полицейской власти, безъ помощи какихъ бы то ни было исключительныхъ мѣръ и безъ содѣйствія войскъ. Общіе законы и порядки, гражданскія и политическія права сохраняли полную силу и ни на минуту не переставали дѣйствовать за всѣ дни уличныхъ сраженій. А между тѣмъ и въ Пруссіи существуетъ суровый законъ объ осадномъ положеніи, отъ 4-го іюня 1851-го года, предусматривающій случаи народныхъ волненій, угрожающихъ общественной безопасности, и въ прусской конституціи имѣются параграфы (ст. 36 и 111), допускающіе введеніе осаднаго положенія, вмѣстѣ съ отмѣною

извѣстныхъ конституціонныхъ гарантій. Никто, однако, не предлагалъ воспользоваться этими мѣропріятіями для скорѣйшаго подавленія недовольныхъ и для обузданія слишкомъ рѣзкой оппозиціи въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ. Оттого происходившія волненія въ одномъ изъ кварталовъ Берлина нисколько не отражались ни на положеніи и правахъ берлинскихъ гражданъ, ни на общемъ ходѣ политической жизни въ государствѣ. Рядомъ съ этими мѣстными безпорядками продолжалась свободная и нерѣдко крайне рѣзкая полемика въ печати противъ императорскихъ рѣчей и противъ правительственныхъ дѣйствій, и никому не приходило въ голову предпринимать какія-либо „закономѣрныя" покушенія на эту свободу. Невольно вспоминается при этомъ маленькій характерный фактъ: газеты „Berliner Tageblatt" и „Frankfurter Zeitung" печатали всякія критическія и даже ядовитыя сужденія о рѣчахъ Вильгельма II, не подвергаясь за это никакимъ мѣрамъ воздѣйствія у себя въ нѣмецкомъ отечествѣ—а тѣ же газеты, за обидные отзывы о русскихъ дѣлахъ, не только покрывались у насъ цензурною „икрою" въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ или лишались цѣлыхъ страницъ и листковъ, но въ заключеніе даже вовсе запрещены ко ввозу въ предѣлы Россійской имперіи. Произвольное административное запрещеніе, считающееся въ иныхъ странахъ самымъ легкимъ и обыкновеннымъ мѣропріятіемъ, давно уже не практикуется въ Пруссіи, ибо для культурной нѣмецкой бюрократіи подобныя мѣры представляются беззаконіями, свойственными лишь старому режиму. Принятіе такого рода грубыхъ запретительныхъ мѣръ можетъ только усилить въ Германіи существующее и безъ того раздраженіе печати и общества противъ оффиціальной Россіи, а этотъ результатъ ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть желателенъ.

На Балканскомъ полуостровѣ замѣчаются какія-то таинственныя приготовленія къ новымъ политическимъ комбинаціямъ, сущность которыхъ опредѣлить не трудно. Германія и Австро-Венгрія настойчиво стремятся втянуть Турцію въ сферу своего преобладающаго вліянія, соблазняя турецкихъ государственныхъ людей перспективою освобожденія отъ европейской опеки и возможностью болѣе успѣшнаго противодѣйствія „честолюбивымъ замысламъ" Россіи и опирающихся на нее небольшихъ балканскихъ государствъ. Въ видѣ противовѣса проектамъ балканскаго союза, авторство которыхъ приписывается Болгаріи, устраивается сближеніе Румыніи съ Турціею, при чемъ настойчиво сообщаются слухи о заключенной, будто бы, между обѣими названными странами военной конвенціи. Подписаніе военной турецко-румынской конвенціи было бы дѣйствительно актомъ большой поли-

тической важности; оно указывало бы на какой-то серьезный поворотъ въ политикѣ державъ, не уклонявшихся до сихъ поръ отъ принциповъ миролюбія и сдержанности. Привлеченіе Румыніи въ кругъ австрійскихъ политическихъ комбинацій было бы крупнымъ ударомъ для русскаго политическаго вліянія на Балканахъ; оно ясно указывало бы на то, что активная дипломатія Австро-Венгріи неуклонно подвигается впередъ по пути, намѣченному вѣнскимъ кабинетомъ на ближнемъ Востокѣ уже во время первыхъ выступленій графа Эренталя.

Еще сравнительно недавно наше министерство иностранныхъ дѣлъ обнаруживало энергическую предпріимчивость въ области устройства балканскихъ дѣлъ; оно вело дѣятельные переговоры съ Англіею и Франціею, входило въ конфиденціальную переписку съ австрійскимъ министромъ и проектировало секретныя соглашенія, отъ которыхъ ожидались какія-то будущія политическія выгоды. Видимъ ли мы теперь какіе-нибудь слѣды этой усиленной дѣятельности? Что сталось со всѣми широкими и разнообразными планами нашей дипломатіи по восточному вопросу? Къ сожалѣнію, результаты недавняго усердія сводятся къ тому, что Австро-Венгрія, при помощи Германіи, все рѣшительнѣе налагаетъ свою руку на балканскія дѣла и сближается на этой почвѣ съ Турціею. Наши неосторожныя предположенія дали австрійцамъ удобное оружіе, которое помогло имъ возбудить противъ насъ недовѣріе въ Константинополѣ и опутать насъ сѣтью дипломатическихъ неловкостей, значительно ослабившихъ наше положеніе на ближнемъ Востокѣ.

Нѣкоторая доля отвѣтственности за этотъ неблагопріятный для насъ ходъ событій естественно возлагалась и возлагается на бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскаго, который назначенъ теперь русскимъ посломъ въ Парижѣ. Быть можетъ, во многомъ печать обвиняла его несправедливо, но онъ всетаки былъ оффиціальнымъ руководителемъ нашей дипломатіи въ періодъ систематическихъ ея неудачъ и пораженій, почему приходится поневолѣ его личному участію и рѣшенію приписывать и то, въ чемъ онъ и неповиненъ. За то безспорною историческою заслугою его остается устройство соглашенія съ Англіею и Японіею. Назначеніе на важный постъ представителя Россіи передъ союзною Франціею даетъ А. П. Извольскому возможность оказывать русской политикѣ цѣнныя услуги въ близкомъ будущемъ. Предмѣстникъ его въ Парижѣ, А. И. Нелидовъ, скончавшійся въ началѣ сентября на 74-мъ году жизни, былъ дипломатомъ старой школы и долженъ былъ бороться съ большими затрудненіями, чтобы сохранить франко-русскій союзъ въ тяжелый періодъ французскихъ разочарованій относительно могущества и политической культурности оффиціальной Россіи. А. П. Извольскому предстоитъ встрѣ-

чаться съ подобными же затрудненіями, вытекающими изъ особенностей нашей внутренней политики и изъ порождаемаго ими за границею нерасположенія къ русскому государству; но позволительно надѣяться, что ему въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ Нелидову, придется испытывать на себѣ неудобство той репутаціи, которую имѣетъ русская правительственная система въ западной Европѣ.

Въ газетахъ напечатанъ оффиціальный текстъ японской декларацiи державамъ по поводу опубликованія договора о присоединеніи Кореи къ Японіи.

„Не смотря на серьезные и тщательные труды по реформѣ управленія Кореи, которыми правительства Японіи и Кореи были заняты болѣе четырехъ лѣтъ со времени заключенія соглашенія 1905-го года,— сказано въ этомъ документѣ,—существующая система управленія этой страной оказалась не вполнѣ отвѣчающей обязанностямъ охранять общественный порядокъ и спокойствіе; кромѣ того духъ подозрительности и недовѣрія господствуетъ на всемъ этомъ полуостровѣ. Для поддержанія мира и устойчивости въ Кореѣ, для содѣйствія благосостоянію и благополучію корейцевъ и для одновременнаго обезпеченія безопасности и спокойствія находящихся въ этой странѣ иностранцевъ, безусловно необходимы, какъ несомнѣнно выяснено, коренныя перемѣны существующей правительственной организаціи Правительства Японіи и Кореи, будучи вполнѣ убѣждены въ настоятельной необходимости ввести реформы, отвѣчающія потребностямъ положенія, и создать достаточныя гарантіи на будущее время, заключили, съ одобренія его величества императора Японіи и его величества императора Кореи, договоръ о полномъ присоединеніи Кореи къ Японской имперіи. Въ силу этого важнаго акта, который войдетъ въ силу по его опубликованіи 16 (29) августа, императорское японское правительство принимаетъ на себя всѣ обязанности по управленію Кореей“, при чемъ „существующіе договоры Японіи будутъ, насколько это возможно, примѣняться въ Кореѣ“.

Такимъ образомъ культурныя задачи Японіи значительно расширяются и надолго дѣлаютъ для нея излишнею дальнѣйшую завоевательную внѣшнюю политику. Многое уже достигнуто японцами въ четырехлѣтній срокъ ихъ владычества въ Кореѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ любопытный оффиціальный отчетъ за 1908—9 годы, изданный въ Сеулѣ въ видѣ роскошно напечатанной книги съ многочисленными иллюстраціями и тремя картами [1]). Съ начала 1906-го и

[1]) The second Annual report on reforms and progress in Korea (1908—9). Compiled by H. I. J. M.'s Residency general. Seoul, December 1909.

особенно съ лѣта 1907-го года, со времени расширенія полномочій японскаго генеральнаго резидента, должность котораго исполнялъ князь Ито, предприняты и отчасти проведены въ жизнь коренныя преобразованія всѣхъ отраслей управленія въ Кореѣ: вновь организованы судебныя учрежденія, составлены и изданы сборники гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и уставы судопроизводства, выработаны новые законы о школахъ, о горной промышленности, о лѣсахъ, о патентахъ и др. Для оживленія производительной дѣятельности населенія, въ видахъ разумной эксплуатаціи природныхъ богатствъ страны, создана привилегированная „восточная компанія" съ обширными правами и съ основнымъ капиталомъ въ десять милліоновъ йенъ (или рублей), который можетъ быть увеличенъ по мѣрѣ надобности. Компанія состоитъ только изъ японцевъ и корейцевъ, и дѣйствуетъ по опредѣленной и весьма разносторонней программѣ, подъ наблюденіемъ правительства. Составъ корейскаго чиновничества, какъ высшаго, такъ и низшаго, подвергнутъ радикальной чисткѣ; по одному придворному вѣдомству въ теченіе 1908-го года уволено 4.126 должностныхъ лицъ и 222 придворныхъ дамы, за упраздненіемъ ихъ должностей, какъ совершенно ненужныхъ, не связанныхъ ни съ какими обязанностями. Для обезпеченія внутренняго порядка въ странѣ предоставлено было мѣстнымъ жителямъ устраивать „общества самообороны", согласно установленнымъ по этому предмету правиламъ; до ноября 1908-го года было основано такихъ обществъ 2.164, съ 508.585 членами. Огромныя пространства земель въ Кореѣ остаются еще пустыми или заброшенными; эти незанятыя земли составляютъ приблизительно 66% всей вообще территоріи, и относительно раздачи ихъ поселенцамъ для обработки изданы были въ іюлѣ 1907-го года подробныя правила, которыя весьма успѣшно примѣняются японскою администраціею. Культурныя, образовательно-техническія и промышленныя начинанія японцевъ въ Кореѣ заслуживаютъ сочувственнаго вниманія со стороны иностранныхъ и особенно русскихъ наблюдателей. Русскіе консулы имѣются въ Кореѣ; по всей вѣроятности, они періодически сообщаютъ нашему министерству обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ корейскихъ дѣлъ. Было бы желательно, чтобы эти свѣдѣнія помѣщались иногда въ русскихъ газетахъ, въ назиданіе отечественнымъ „устроителямъ" нашихъ окраинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Стихотворенія А. С. Хомякова. Изданіе „Русскаго Архива“. Съ примѣчаніями. Москва, 1910. Цѣна 30 коп.

23-го сентября исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины знаменитаго славянофила. Къ этой годовщинѣ „Русскій Архивъ“ выпустилъ небольшой альбомъ избранныхъ стихотвореній Хомякова, съ портретомъ автора, съ эпиграфомъ: „Только пасынокъ Россіи не поклонится тебѣ“ и съ небольшими примѣчаніями издателя „Р. Арх.“. Общественная дѣятельность Хомякова и его роль въ формулировкѣ міровоззрѣнія славянофиловъ давно стали предметомъ историческаго изслѣдованія и изученія, какъ и все славянофильство. Самыя сочиненія Хомякова если и читаются, то только людьми, спеціально интересующимися славянофильствомъ. Болѣе широкій интересъ можетъ возбуждать его поэтическое наслѣдство, и именно лирическія вещи, такъ что нельзя не привѣтствовать появленія доступнаго сборника его стихотвореній. Въ предисловіи къ сборнику редакторъ изданія говоритъ: „Поэтъ, механикъ и филологъ, врачъ, живописецъ и ѳеологъ, общины Русской публицистъ, ты мудръ, какъ змѣй, какъ голубь чистъ“ — писалъ про Хомякова другъ его Д. Н. Свербеевъ. Дѣйствительно, многосторонность Хомякова была необыкновенная. По словамъ Гоголя, поэзія служила лишь придаткомъ къ обилію его дарованій, а самъ онъ придавалъ значеніе только тѣмъ своимъ произведеніямъ, въ которыхъ выражалась его глубокая и многообъемлющая мысль. Основою поэзіи Хомякова, какъ и всей его дѣятельности, была непоколебимая вѣра во всемірно-историческое значеніе православія и Россіи. Его стихи—гимны Христіанства и Русскославянской народности“. Опредѣленія и вѣрныя, пожалуй, но явно односторонія. Въ лирикѣ Хомякова есть черты, дѣлающія ее дорогою и не раздѣляющимъ его взгляды во всей ихъ исключительности. Въ сороковыхъ годахъ, въ разгаръ борьбы западниковъ и славянофиловъ, когда вышла въ свѣтъ книжка въ составѣ 26 стихотвореній Хомякова, Бѣлинскій не нашелъ въ нихъ „никакихъ признаковъ поэзіи“; это—писалъ критикъ—„поэтъ съ дарованіемъ слагать громкія слова во фразистыя стопы, поэтъ, который замѣняетъ вкусъ, жаръ чувства и основательность идей завлекательными для неопытныхъ людей софизмами ума и чувства“. Теперь, когда предъ нами вся дѣятельность Хомякова,

измѣнена самымъ временемъ и оцѣнка его поэзіи. Въ ней раскрывается его религіозно-вѣрующая натура, со свойственною ей жаждою дѣятельнаго, всю жизнь длящагося подвига и стоическимъ упорствомъ въ служеніи своему идеалу. Онъ не увлечетъ теперь никого такими прорицаніями, какъ „Островъ“, гдѣ пресловутое „смиреніе“ Россіи звучитъ горделивыми нотами, или какъ „Мечта“, эта преждевременная отходная Западу, „странѣ святыхъ чудесъ“. Но въ національистически окрашенныхъ, большею частью мажорныхъ по тону и настроенію „одахъ“ Хомякова (этотъ терминъ соотвѣтствуетъ всегда приподнятому до нѣкотораго риторизма тону его пьесъ о Россіи и славянствѣ) выступаютъ подкупающія черты изящнаго благородства и искренней рыцарственности. Московскому митрополиту Филарету, съ его полицейскими пріемами въ борьбѣ со старообрядчествомъ, онъ говорилъ: „Не налагай на правду Божью гнилую тягость латъ земныхъ“. Крылатымъ сталъ его упрекъ дореформенной Россіи: „Черна въ судахъ неправдой черной и игомъ рабства клеймена, безбожной лести, лжи тлетворной, и лѣни мертвой и позорной, и всякой мерзости полна!..“ Вотъ ясный намекъ на Николая I-го: поборникъ православія и самодержавія упрекаетъ его за то, что — „онъ губилъ ожесточенно наши вѣчныя права: слово—Божій даръ священный, разумъ—лучъ отъ Божества“. Такъ говоритъ поэтъ въ стихотвореніи „Навуходоносоръ“, навѣянномъ мракобѣсіемъ 1848 — 1855 годовъ; это — свѣтлый гимнъ свободнымъ мысли и слову. Въ отношеніи къ Польшѣ нашъ націоналистъ проклинаетъ „сраженья, одноплеменниковъ раздоръ, и перешедшей въ поколѣнья вражды безсмысленной позоръ!“ Наконецъ, Хомяковъ, въ противоположность трусливо-позорной мстительности нынѣшнихъ его лицемѣрныхъ поклонниковъ „націоналистовъ“, былъ убѣжденный противникъ смертной казни, какъ и другіе старые славянофилы; онъ горячо протестуетъ, напр., противъ казни польскаго революціонера Конарскаго въ стихотвореніи „Richterspruch-Rittersspruch“: „Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ; теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ, онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ... Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!“ Рядомъ съ такими изліяніями истинно благородной души, изъ лирическихъ стихотвореній Хомякова надолго уцѣлѣютъ, въ качествѣ „хрестоматическихъ“, тѣ пьесы (послѣдняго періода его жизни), въ которыхъ живо и образно сказались основныя черты его душевной настроенности борца и подвижника. Таковы: „Подвигъ есть и въ бореньи“, „Звѣзды“, „Труженикъ“ и нѣкоторыя другія.— Примѣчанія къ стихотвореніямъ Хомякова въ настоящемъ сборникѣ кратки, но содержательны, указывая обстоятельства, при которыхъ написано то или другое стихотвореніе, и тѣмъ иногда ярко освѣщая ихъ: таковы указанія о „Давидѣ“, о „Richterspruch-Rittersspruch“, объ

извѣстномъ стихотвореніи: „По прочтеніи псалма“ (на тему: „милости хочу, а не жертвы“), написанномъ по поводу освященія Исаакіевскаго собора и освѣщающемъ отношеніе Хомякова къ внѣшнему блеску православія, и т. п. Можно пожалѣть, однако, что составитель хотя и выбралъ все удачное и характерное, всетаки не далъ полнаго собранія стихотвореній Хомякова; оно было бы не объемисто, но дополняло бы нѣкоторыми чертами исторію творчества и писательскую личность Хомякова.

— Л. Н. Толстой. Біографія, характеристики, воспоминанія (Жизнь. Личность. Творчество). Сборникъ статей. Изд. тов. „Образованіе“. Москва, 1910. Цѣна не обозначена.

„Этотъ сборникъ, первый въ новой серіи „Русской Были“, товарищество „Образованіе“ благоговѣйно посвящаетъ гордости нашей литературы, геніальному художнику и мыслителю, свѣтлый образъ котораго—единственное наше неотъемлемое достояніе среди ужасовъ переживаемаго безвременья и единственное право на благодарное вниманіе міра...“ Да, это такъ, и поэтому смѣло можетъ разсчитывать на успѣхъ всякое литературное предпріятіе, посвященное Л. Н. и свидѣтельствующее о дѣйствительномъ благоговѣніи къ великому писателю. Настоящій сборникъ предназначенъ для широкой публики. Онъ открывается сжатою литературною характеристикою, написанною В. Каллашемъ, къ сожалѣнію подъ заглавіемъ, котораго нельзя назвать удачнымъ: „Слонъ русской литературы“; хотя это выраженіе и принадлежитъ Тургеневу, но со словомъ „слонъ“ у русскаго связаны совсѣмъ не идущія къ Льву Толстому ассоціаціи словечекъ изъ басенъ Крылова. Н. И. Бирюковъ помѣстилъ въ сборникѣ „краткую біографію“ Толстого (около шести печатныхъ листовъ), полезную для тѣхъ, кто не прочтетъ подробной біографіи, составляемой тѣмъ же авторомъ. Третья часть статьи г. Бирюкова (отъ восьмидесятыхъ годовъ) даетъ нѣкоторое понятіе о богатствѣ тѣхъ матеріаловъ, которые могутъ быть сообщены въ третьемъ томѣ біографіи, еще не вышедшемъ въ свѣтъ. Воспоминанія Н. И. Тимковскаго о знакомствѣ съ Л. Н., напечатанныя уже въ одномъ маленькомъ журналѣ, чрезвычайно ярко рисуютъ живой муравейникъ, окружавшій Л. Н. во время жизни его въ Москвѣ. Здѣсь довольно зло обрисованы, между прочимъ, черезъчуръ прямолинейные, правовѣрные толстовцы. По впечатлѣніямъ г. Тимковскаго, требующимъ, конечно, оговорокъ и ограниченій, „то, что выросло у Л. Н. послѣ упорной внутренней борьбы и было окрашено кровью сердца, у нихъ нерѣдко оказывалось простой формулой, принятой на вѣру“. Среди анемичныхъ и суховатыхъ „своихъ по-

слѣдователей Л. Н. иногда неожиданно прорывался. „Среди безконечныхъ хитросплетеній „о разумномъ сознаніи“ вдругъ попроситъ кого-нибудь сыграть ему изъ Шопена, или, наслушавшись кроткихъ рѣчей на тему о непротивленіи, разразится бранью противъ Побѣдоносцева, синода и предержащихъ властей. „Да вѣдь это же совершенный мерзавецъ!“ — вдругъ выдѣляется его голосъ...“ Интересна мысль, которая потребуетъ вниманія будущихъ изслѣдователей, о совмѣщеніи въ одномъ лицѣ Льва Николаевича—Толстого и толстовца. „Первый былъ вѣчно живымъ, подвижнымъ, вѣчно ищущимъ и, какъ мнѣ кажется, одинокимъ среди окружавшей толпы, непонятымъ въ своихъ глубочайшихъ переживаніяхъ; второй—только холодной тѣнью перваго, мертвымъ слѣпкомъ съ него. Толстовецъ былъ вѣчно неизмѣненъ, серьезенъ, равнодушенъ къ краскамъ жизни и одушевлялся лишь при разговорахъ о разумномъ сознаніи и разумномъ житіи. Толстой же, живой, настоящій Толстой, всегда органически тянулся къ живой жизни, къ страстной борьбѣ за нее“. Далѣе авторъ продолжаетъ эту параллель, подкрѣпляя ее живыми фактами. Въ сборникѣ напечатаны еще статьи г. Сергѣенка — „Толстой и его современники“ и „Толстой и Чеховъ“, и г. Лазурскаго — „Толстой и Н. Н. Страховъ“. Въ первой статьѣ г. Сергѣенка идетъ рѣчь объ отношеніяхъ Толстого къ Тургеневу, Некрасову и Герцену. Эта статья, какъ и вторая, не представляетъ, къ сожалѣнію, ни интереса новизны, такъ какъ разсказанное г. Сергѣенкомъ все уже было въ печати, ни интереса освѣщенія отношеній названныхъ писателей съ болѣе глубокой психологической стороны: все носитъ характеръ поверхностнаго фельетоннаго пересказа внѣшнихъ фактовъ. Не знаемъ, были ли раньше въ печати воспоминанія г. Лазурскаго, съ кое-какими черточками, характерными и для Толстого и для Страхова. Существенной новизны сборникъ „Образованія“, такимъ образомъ, не представляетъ, но, какъ все касающееся Л. Н., будетъ съ интересомъ прочитанъ тѣми, кому дорого его славное имя и кто не видѣлъ еще составившихъ этотъ сборникъ матеріаловъ.—Ч. В—скій.

— С. Кондурушкинъ. Разсказы. Томъ второй. Изд. Т-ва „Знаніе“. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Въ нашу сложную и тревожную эпоху писателю опредѣлиться и найти себя труднѣе, чѣмъ когда-либо. Въ молодыхъ беллетристахъ чувствуется неудовлетворенность собою и окружающимъ, стремленіе уйти отъ себя и отъ современности; замѣтно тяготѣніе къ экзотическимъ темамъ и сюжетамъ. Примѣръ этого — даровитый, беллетристъ Кондурушкинъ, недавно помѣстившій въ сборникѣ „Знаніе“ поэтичное описаніе „Новой земли“, а теперь издавшій второй томъ разсказовъ,

значительную часть котораго занимаетъ историческая поэма о Моисеѣ. Неужели для того, чтобы выразить свою любовь къ природѣ, нужны непремѣнно новыя, неизвѣданныя впечатлѣнія? Кажется, ни въ чемъ такъ не сказывается избытокъ современной нервозности, какъ въ этомъ безпрестанномъ исканіи необычнаго. И почему автору захотѣлось воскресить для насъ Моисея? Кажется, тутъ причиною является опять властная надъ его душой природа—„скалистые, таинственные берега Мертваго моря". „Моисей" написанъ литературно, мѣстами красиво, свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ исторіей; но этотъ Моисей ничего не говоритъ сердцу и потому никому ненуженъ. Въ данномъ случаѣ г. Кондурушкина постигла общая участь всѣхъ подобныхъ попытокъ воскрешенія древности, не исключая и драмъ виртуоза этого дѣла — Гофмансталя. Такимъ попыткамъ a priori можно предсказать неудачу: слишкомъ различенъ духъ двухъ разныхъ міровъ — античнаго и новаго! У драмъ Гофмансталя то преимущество, что всѣ эти Эдипы и Электры, мало говоря о древности, чрезвычайно ярко рисуютъ намъ автора — а „Моисей" и въ этомъ отношеніи даетъ мало.

Въ томъ же первомъ отдѣлѣ книжки помѣщены еще разсказы: „Безъ береговъ" и „Въ сѣтяхъ дьявола". Въ первомъ дѣйствіе происходитъ на пароходѣ, въ южномъ морѣ, во второмъ — на Аѳонѣ, и тамъ и здѣсь—среди пестрой, разнообразной и разноплеменной публики. Оба разсказа отличаются образностью и психологическою тонкостью, но это скорѣе листки изъ записной книжки, безъ сюжета, безъ психологическаго центра и границъ.

Во второмъ отдѣлѣ два разсказа на злободневныя темы: „Огарокъ" и „Забастовка". Первому дала сюжетъ война, второму — событія 1905-го года. Оба выгодно отличаются отъ многихъ другихъ аналогичныхъ разсказовъ большею глубиной и искренностью. Но все же, по содержанію, они слишкомъ случайны. Гораздо больше говорятъ объ авторѣ коротенькіе разсказы, отнесенные къ третьему отдѣлу: „Во мракѣ ночи" и „Звонарь". Сюжеты ихъ несложны и связаны съ ранними дѣтскими впечатлѣніями, но, по настроенію, они цѣльны и крѣпки, какъ выдержанное вино. Въ обоихъ разсказахъ фигурируетъ мальчикъ, проведшій дѣтство въ деревнѣ и оторванный отъ деревни ради ученья въ городѣ. Разсказы очень колоритны. И въ авторѣ, и въ его маленькомъ героѣ чувствуется не только большой запасъ здоровой, органической любви къ природѣ, но и пониманіе ея, близость къ ней. Деревня въ изображеніи г. Кондурушкина живетъ настоящей, богатой жизнью. Очевидно, что онъ не утратилъ связи съ нею. Это выдѣляетъ его среди большинства современныхъ молодыхъ авторовъ—типично „городскихъ".—Е. Колтоновская.

— Проф. М. К. Любавскій.—Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства. Съ приложеніемъ хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Москва, 1910 г.

Новый трудъ проф. Любавскаго, извѣстнаго спеціалиста по исторіи Литвы, представляетъ попытку дать общій обзоръ основныхъ явленій исторіи Литовско-Русскаго государства. Въ нашей научной литературѣ давно уже ощущался недостатокъ въ такомъ общемъ очеркѣ; въ общихъ курсахъ русской исторіи судьбамъ Западной Руси и Литвы удѣляется, обыкновенно, весьма скудное и недостаточное мѣсто. Далеко неполный „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго" В. Б. Антоновича, вышедшій еще въ 80-хъ годахъ, давно устарѣлъ, а все появляющіяся новыя изслѣдованія и новые матеріалы требовали и новаго обобщенія. Книга проф. Любавскаго удачно заполняетъ пробѣлъ. Всѣ отличительныя особенности проф. Любавскаго, какъ спеціалиста-изслѣдователя, отразились и на его общемъ очеркѣ, который представляетъ счастливое сочетаніе ясности и простоты изложенія съ исчерпывающей полнотой и пристально глубокимъ изученіемъ источниковъ. Авторъ чрезвычайно остороженъ въ общихъ выводахъ и заключеніяхъ, но зато каждое его положеніе является строго и научно обоснованнымъ; на расчищенномъ и критически провѣренномъ фундаментѣ выводится стройное научное зданіе.

Въ вводной главѣ проф. Любавскій отмѣчаетъ важность изученія исторіи Литовско-Русскаго государства. Съ одной стороны литовско-русскій матеріалъ даетъ многое для уясненія древняго періода русской исторіи, періода Кіевщины; съ другой стороны весьма поучительно сравнительно-историческое изученіе судебъ Московской и Литовской Руси. Начинаетъ авторъ исторію Литвы съ древнѣйшихъ временъ, которымъ посвящена II глава. Авторомъ собранъ любопытный и яркій матеріалъ, но можно было бы объ этомъ періодѣ сказать больше и привлечь данныя археологическихъ открытій. Исторія образованія великаго княжества Литовскаго и присоединенія къ нему западно-русскихъ областей изложена чрезвычайно обстоятельно. Авторъ умѣлой рукой набрасываетъ картину постепеннаго роста Литвы, вбиранія ею южной и западной Руси и образованія сложнаго и многообразнаго политическаго тѣла, пестраго и громоздкаго, всегда готоваго распасться, но искусно и искусственно объединеннаго политикой литовскихъ князей. Онъ устанавливаетъ, что первое соединеніе Литвы съ Польшей—унія 1385-1386 г.—была *инкорпораціей* великаго княжества въ королевство польское. Останавливаясь далѣе на возрожденіи Литвы во время правленія Витовта и на бурныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ эпоху его ближайшихъ преемниковъ, авторъ цѣлый рядъ

главъ посвящаетъ подробному и всестороннему разсмотрѣнію внутренней жизни Литовско-Русскаго государства. Чрезвычайно интересны отдѣлы, трактующіе о великокняжескихъ доменахъ и ихъ тягломъ и свободномъ населеніи; здѣсь мы видимъ какъ экономическую жизнь домена, такъ и соціально-юридическое положеніе различныхъ слоевъ его населенія. Нѣсколько меньше мѣста авторъ удѣляетъ княжескому и панскому землевладѣнію, являющему яркія черты литовско-русскаго феодализма. Въ общемъ, эти главы (XVI—XXIII) составлены весьма обстоятельно и изобилуютъ многими любопытными подробностями; можно было бы только остановиться на вопросѣ о закупахъ Русской Правды и закупахъ литовско-русскаго права (см. по этому поводу интересныя соображенія проф. М. Н. Ясинскаго въ сборникѣ статей въ честь проф. Владимірскаго-Буданова) и отмѣченныя черты литовско-русскаго феодализма вставить въ сравнительно-историческую оправу. Далѣе слѣдуетъ рядъ главъ, посвященныхъ организаціи центральнаго и областного управленія въ Литовско-Русскомъ княжествѣ. Этотъ отдѣлъ замыкаютъ главы XXX и XXXI, трактующія объ эволюціи господарской рады и утвержденіи великаго вольнаго сейма. Снова переходя къ вопросамъ внѣшней исторіи, проф. Любавскій излагаетъ сложныя перипетіи борьбы Литовско-Русскаго государства съ Москвой и Крымскими татарами. Эти событія внѣшней политики отразились существенно и на внутренней жизни страны; потребности военной обороны послужили поводомъ къ кореннымъ преобразованіямъ соціально-экономическихъ и политическихъ отношеній. Особенно интересны главы, трактующія о развитіи шляхетскихъ привилегій и о введеніи волочной поморы и уставы въ господарскихъ имѣньяхъ при Сигизмундѣ-Августѣ. Заканчивается книга отдѣломъ о польско-литовскихъ отношеніяхъ и о Люблинской уніи. Авторъ весьма подробно останавливается на уніи 1569-го года, давая яркую и живую картину условій и хода ея заключенія. Послѣдняя глава (XLVII), озаглавленная: „Общія наблюденія надъ ходомъ внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства“, проводитъ весьма любопытную параллель между историческимъ развитіемъ Литовской Руси и Руси Московской. Однако, говоря, что общество сѣверо-восточной Руси было жидкое, текучее, не кристаллизовавшееся въ устойчивыя ячейки, и сравнивая землевладѣльца и земледѣльца этой части Россіи съ „перекати поле“, нельзя забывать тѣхъ серьезныхъ возраженій и существенныхъ коррективовъ, которые внесъ въ эти представленія Н. П. Павловъ-Сильванскій своими изслѣдованіями о феодализмѣ въ Россіи.

Къ очерку проф. Любавскаго приложены хартіи (или привилегіи), выданныя великому княжеству и областямъ; многія изъ нихъ напечатаны по новымъ, еще неизданнымъ спискамъ. Эти приложенные

документы могутъ быть весьма полезными при веденіи практическихъ занятій.—И. Бороздинъ.

— Н. П. Павловъ-Сильванскій. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв. Спб., 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Въ составъ настоящаго сборника статей извѣстнаго, преждевременно скончавшагося въ прошломъ году историка вошло нѣсколько біографическихъ очерковъ графа П. А. Толстого (пращура Льва Толстого), И. Посошкова, Радищева, П. Пестеля и великаго князя Константина Николаевича и слѣдующія статьи: „Мнѣнія верховниковъ о реформахъ Петра Великаго", „Волненія крестьянъ при Павлѣ I", „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ" и „Народъ и Царь въ трагедіи Пушкина". Кромѣ статьи „Мнѣнія верховниковъ", все это уже было въ печати. Какъ посмертный, сборникъ статей, не связанныхъ единствомъ содержанія, нѣсколько отрывоченъ и случаенъ. Въ отдѣльности статьи Павлова-Сильванскаго очень содержательны и, не смотря на нѣкоторую сухость изложенія, зависящую отъ привычки автора скрывать свою личность за цитатой и фактомъ, читаются съ живымъ интересомъ. Новыми данными о Посошковѣ обогащаетъ дополненіе къ біографическому очерку: „Новыя извѣстія о Посошковѣ". Жизнь Радищева въ изложеніи Павлова-Сильванскаго надо признать, кажется, наилучшимъ изъ этюдовъ о знаменитомъ авторѣ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Въ его книгѣ авторъ показываетъ намъ „старую картину художника XVIII-го вѣка, потрескавшуюся, запыленную, съ выцвѣтшими красками. Но въ этой картинѣ, сквозь густой слой пыли устарѣлаго слога и сквозь выцвѣтшія краски сентиментализма и манернаго паѳоса, просвѣчиваютъ яркія черты жизни, порывы сильнаго чувства и блескъ смѣлой, глубокой мысли". Статья о волненіяхъ крестьянъ при Павлѣ I представляетъ обширную рецензію книги г. Трифильева, содержавшей обильный архивный матеріалъ, съ которымъ не съумѣлъ справиться авторъ. Статья очень интересна своими методологическими указаніями, полезными, между прочимъ, въ данный моментъ: приближается полувѣковая годовщина освобожденія крестьянъ и снова въ исторической литературѣ на очереди вопросы и темы по исторіи крестьянъ.—Очерки о Пестелѣ и матеріалистахъ двадцатыхъ годовъ написаны по даннымъ, едва только ставшимъ доступными немногимъ отдѣльнымъ историкамъ, и долго не потеряютъ своего значенія, стоя рядомъ съ работами В. И. Семевскаго о той же эпохѣ. Въ настроеніяхъ и убѣжденіяхъ нѣкоторыхъ изъ декабристовъ авторъ указалъ предшественниковъ боевыхъ настроеній шестидесятыхъ годовъ. „Нигилисты, которые представлены въ романѣ Тургенева, —

писалъ доживавшій свои дни въ Сибири декабристъ И. Горбачевскій,—они меня не удивляютъ, и ихъ явленіе не есть, по моему, новость; мнѣ кажется, они всегда были и будутъ при такомъ порядкѣ вещей... Они являются въ разные періоды подъ разными названіями". Такъ новаго нигилиста-революціонера понялъ вполнѣ и привѣтствовалъ старый революціонеръ, матеріалистъ двадцатыхъ годовъ". Покойный историкъ, обращаясь и къ чисто-литературнымъ темамъ, умѣлъ взглянуть на нихъ не съ шаблонной точки зрѣнія: его замѣтка о „Борисѣ Годуновѣ" Пушкина оригинально освѣщаетъ, какъ основу трагедіи, взглядъ поэта на отношенія народа и царя. Рельефно изображая пассивность народа въ своей трагедіи, его равнодушную терпимость, Пушкинъ, по мнѣнію Павлова-Сильванскаго, „говорилъ не какъ историкъ, а какъ политикъ", потому что въ дѣйствительности „эпоха смуты есть время не равнодушной терпимости, а дѣйствій народа и силы народнаго мнѣнія": поэтъ перенесъ въ XVII-ый вѣкъ разобщенность власти и народа и повадки самодержавія, характерныя для болѣе близкаго къ намъ времени. „Недаромъ—замѣчаетъ между прочимъ авторъ — Пушкинъ, когда Жуковскій сказалъ, что царь проститъ его за трагедію, усомнился въ этомъ и писалъ князю Вяземскому: „Наврядъ, мой милый. Хоть она и въ хорошемъ духѣ написана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ своихъ ушей подъ колпакъ юродиваго, торчатъ"...—Ч. В—скій.

— **Мирный переворотъ въ экономической жизни. Кооперація въ Великобританіи.** Редактировано Екатериною Веббъ. Переводъ съ англійскаго А. К. Москва, 1910.

Живой интересъ къ коопераціи охватилъ, наконецъ, и низшіе слои русскаго общества; имѣются признаки того, что кооперативное движеніе получитъ у насъ широкое распространеніе. Въ послѣдніе годы появилось нѣсколько книгъ по этому предмету, оригинальныхъ и переводныхъ. Названный въ заголовкѣ трудъ, составленный нѣсколькими лицами, по порученію ассоціаціи кооперативнаго образованія, представляетъ вторую на русскомъ языкѣ работу, посвященную спеціально англійской коопераціи въ ея историческомъ развитіи. Другая книга по англійской коопераціи принадлежитъ той же Екатеринѣ Веббъ, которая редактировала книгу, составляющую предметъ настоящей замѣтки. Англія является родиной кооперативнаго движенія, а исторія послѣдняго связана тамъ неразрывно съ именемъ Роберта Оуэна, своими высокими замыслами о преобразованіи экономическаго строя побудившаго большихъ и малыхъ людей къ проведенію его идей въ жизнь. Преобразованія общества отъ того не послѣдовало, но, благодаря практическому духу англичанъ,

въ нѣдрахъ капиталистическаго строя мало-по-малу выросли организаціи, пользующіяся его собственными средствами хозяйственной дѣятельности для того, чтобы избавить самихъ себя отъ капиталистической эксплоатаціи. Въ этихъ организаціяхъ многіе видятъ зачатки тѣхъ формъ, дальнѣйшая эволюція которыхъ приведетъ къ „мирному перевороту въ экономической жизни". Кооперативное движеніе наблюдается не въ одной Англіи, но отрасли хозяйственной дѣятельности, ранѣе и шире охваченныя кооперацией, въ разныхъ странахъ различны. Въ Германіи, напр., гдѣ еще сохранились ремесло и мелкое земледѣліе, кооперативное начало ранѣе всего утилизировалось въ интересахъ мелкихъ производителей, и наиболѣе широкое распространеніе получили кредитныя и производительныя товарищества. Въ Англіи, гдѣ ремесло быстро падало подъ ударами капиталистическаго производства, а мелкое крестьянское хозяйство отсутствовало, къ коопераціи стали прибѣгать лица, живущія заработной платой, и примѣнили ее въ интересахъ потребленія,—первоначально въ формѣ торговыхъ, потребительныхъ обществъ, а впослѣдствіи и открываемыхъ послѣдними производительныхъ заведеній. Самостоятельные производительные кооперативы, и притомъ земледѣльческаго характера, распространены въ Ирландіи, гдѣ преобладаетъ мелкое фермерство. Разсматриваемая нами книга, поэтому, естественно трактуетъ главнымъ образомъ о кооперативахъ торговыхъ. Но она съ особеннымъ интересомъ останавливается и на производительныхъ товариществахъ всѣхъ типовъ, начиная съ производства, организованнаго потребительными обществами для снабженія своихъ членовъ предметами потребленія, и кончая ассоціаціями, въ коихъ рабочіе—вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяева предпріятія. Послѣдняго рода кооперативовъ, впрочемъ, немного; преобладающее число промышленныхъ предпріятій основано торговыми обществами или союзомъ частныхъ лицъ, соединившихъ для этого свои средства. Право именоваться кооперацiями такія учрежденія получаютъ при условіи открытія возможности перехода въ члены товарищества занимаемымъ ими рабочимъ. Выражая желаніе успѣха новой книгѣ о коопераціи, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ выразить и сожалѣніе о томъ, что этому успѣху можетъ помѣшать неудовлетворительный переводъ ея.—В. В.

— „Статистическій Ежегодникъ 1909 г.", изданіе Харьковской Губернской Земской Управы. Харьк., 1910. Ц. 1 р. 25 коп.

Послѣдній „Статистическій Ежегодникъ", изданный харьковскимъ губернскимъ земствомъ, выдѣляется изъ ряда другихъ подобныхъ сборниковъ интересной статьей, посвященной изученію новаго явленія

въ сельской жизни. Кооперація, въ различныхъ ея формахъ, пріобрѣтаетъ все болѣе широкое распространеніе въ деревнѣ. Одному изъ видовъ сельской коопераціи и посвящена бо̀льшая часть названнаго „Ежегодника“.

Статистическимъ отдѣленіемъ Харьковской губерніи произведено обслѣдованіе сельско-хозяйственныхъ обществъ, дѣйствующихъ въ Харьковской губерніи. Всѣмъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ была разослана программа, съ вопросами, и результаты разработки полученныхъ отвѣтовъ представлены въ настоящемъ трудѣ. Изслѣдованіе содержитъ семь главъ, всесторонне охватывающихъ жизнь харьковскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ: составъ ихъ членовъ, административные органы, собранія, бюджетъ, дѣятельность и т. д.

Изслѣдованіе констатируетъ, что идея сельско-хозяйственнаго общества не представляется такой ясной и простой, какъ при другихъ видахъ коопераціи (какъ напр. при кредитной). Тѣмъ не менѣе, сельско-хозяйственное общество, разъ возникнувъ въ той или иной мѣстности, хотя „медленно, но настойчиво, втягиваетъ въ кругъ своихъ задачъ и начинаній внѣшнюю среду“. Въ 1904-мъ году въ Харьковской губерніи было только одно сельско-хозяйственное общество, а теперь ихъ насчитывается тамъ 30. Деревенскія сельско-хозяйственныя общества втягиваютъ въ свои ряды и обслуживаютъ мелкихъ земледѣльцевъ. Общая структура деревенскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ представляетъ собою: „ядро, которое живетъ уже *новой жизнью*, и оболочку, которая пока присматривается къ этой новой жизни и къ тому, что творится въ обществѣ“.

Изслѣдованіе подробно и обстоятельно, на основаніи сообщеній самихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, описываетъ ихъ дѣятельность—чисто агрономическую, посредническую, просвѣтительную. Очень интересна глава, излагающая „недостатки организаціи и дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ и способы ихъ упорядоченія по отзывамъ мѣстныхъ людей“. Въ числѣ этихъ недостатковъ первое мѣсто занимаютъ недостатокъ интеллигентныхъ силъ для руководительства и веденія дѣлъ, а также отсутствіе средствъ и опредѣленной программы дѣятельности. Не смотря, однако, на всѣ неблагопріятныя условія, „сельско-хозяйственныя общества, даже самыя захудалыя, проявляютъ много отзывчивости къ нуждамъ окружающей жизни“. Дѣло только въ томъ, что однихъ благихъ порывовъ недостаточно—и практическіе результаты дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ далеко не выдаются впередъ. Давая общую оцѣнку современнаго положенія дѣлъ въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, харьковскіе изслѣдователи приходятъ къ печальнымъ выводамъ. „Культурно-просвѣтительная дѣятельность сельско-хозяйственныхъ обществъ — говорятъ

они—выражается слабо, во многихъ мѣстахъ она почти отсутствуетъ; развивается, главнымъ образомъ—и то непланомѣрно—дѣятельность практическая".

Къ недостаткамъ труда харьковскихъ статистиковъ нужно отнести нѣсколько специфическій, чисто земскій, взглядъ на сельско-хозяйственныя общества. Въ силу этого взгляда, довольно распространеннаго среди земскихъ дѣятелей, сельско-хозяйственныя общества, какъ и другіе кооперативы, представляются не самостоятельнымъ явленіемъ народной жизни, а подсобнымъ элементомъ для земствъ, своеобразнымъ средствомъ, которымъ земскіе агрономы могутъ пользоваться для проведенія земскихъ мѣропріятій. Такая точка зрѣнія мѣшаетъ изслѣдователямъ шире поставить вопросъ о причинахъ застоя въ дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ и намѣтить путь къ ихъ оживленію.

Сем. Масловъ.

— Handwörterbuch der schweizerischen Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung.

Во главѣ этого капитальнаго изданія, начатаго въ 1903 г. и теперь почти законченнаго, стоитъ нашъ соотечественникъ, профессоръ бернскаго университета Н. М. Райхесбергъ. Онъ съумѣлъ широко организовать дѣло и привлечь къ его исполненію болѣе 250 выдающихся спеціалистовъ и знатоковъ различныхъ сторонъ общественной жизни Швейцаріи. Многія статьи пришлось писать на основаніи матеріаловъ впервые обрабатываемыхъ, иногда рукописныхъ. Это — не компиляціи, а вполнѣ самостоятельныя изслѣдованія вопросовъ, новыхъ даже для швейцарской литературы.

Значеніе справочныхъ изданій такого рода, какъ разсматриваемое, очень велико. Ихъ задача—охватить всю полноту знаній въ извѣстной области, облегчить доступъ къ нимъ читателя. Работа проф. Райхесберга можетъ быть поставлена рядомъ съ извѣстнымъ „Словаремъ государственныхъ знаній" Конрада („Handwörterbuch der Staatswissenschaften"). Правда, „Словарь" Конрада — справочникъ общаго характера, обнимающій собою всѣ крупныя страны, а „Словарь" Райхесберга касается только Швейцаріи; но эта маленькая страна, съ населеніемъ всего въ 3½ милліона, выдѣляется необыкновеннымъ разнообразіемъ и сложностью общественной жизни. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу проф. Райхесбергъ въ предисловіи къ „Словарю": „Все развитіе Швейцаріи чрезвычайно своеобразно. Ея прошлое и настоящее полно особенностей, которыми она по справедливости можетъ гордиться. Въ иныхъ отношеніяхъ она является образцомъ для всего современнаго цивилизованнаго человѣчества. Двад-

цать шесть отдѣльныхъ государственныхъ организмовъ (25 кантоновъ и кромѣ того союзъ ихъ всѣхъ) при оживленномъ общеніи между собою ведутъ жизнь, самостоятельную во многихъ отношеніяхъ. Внутри этихъ организмовъ обширное мѣсто занимаетъ широко развитое самоуправленіе, которое захватываетъ всѣ слои населенія. Подобное же богатство системъ и формъ господствуетъ и въ области народнаго хозяйства, и въ области соціальной политики этой страны". Многіе политическіе и соціальные вопросы, которые въ другихъ странахъ фигурируютъ лишь какъ програмныя требованія наиболѣе прогрессивныхъ партій, въ Швейцаріи поставлены практически въ жизни, а то и разрѣшены уже такъ или иначе. Одинъ и тотъ же вопросъ въ разныхъ частяхъ Швейцаріи нерѣдко разрѣшается различно, въ зависимости отъ уровня сознательности населенія, отъ его національнаго состава, отъ степени его матеріальнаго благосостоянія, отъ религіозныхъ вѣрованій, отъ количественнаго перевѣса городского населенія надъ сельскимъ или обратно. Швейцарія—точно большая лабораторія соціальныхъ опытовъ. И эти опыты являются продуктомъ не канцелярскаго творчества, не привилегированнаго меньшинства, а воли всего народа или той его части, которая активно и съ интересомъ относится къ общественной жизни. Возможность наиболѣе полнаго проявленія народной воли гарантирована въ Швейцаріи законодательной инипіативой и референдумомъ. Всѣ перемѣны въ общественно-хозяйственной жизни, мыслимыя при существующемъ соціально-экономическомъ строѣ, могутъ быть относительно легко осуществлены въ Швейцаріи. Это предопредѣляетъ мирный характеръ общественнаго развитія, такъ замѣтно отличающій Швейцарію въ ряду другихъ государствъ. Въ кантонѣ Тессинъ, напримѣръ, были двѣ одинаково сильныя политическія партіи—„консерваторы и либералы". На выборахъ они всегда вели ожесточенную борьбу. Вслѣдствіе того, что выборы депутатовъ производились по округамъ и по большинству голосовъ, распредѣленіе мѣстъ въ парламентѣ далеко не соотвѣтствовало распредѣленію всѣхъ голосующихъ по партіямъ. Въ 1889 г. консерваторы получили 51,3% голосовъ и 77 представителей, либералы—48,7% голосовъ и только 35 представителей. Такой результатъ выборовъ чрезвычайно взволновалъ либераловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло дошло до столкновеній, въ которыя пришлось вмѣшаться вооруженной силѣ. Федеральное швейцарское правительство, чтобы уладить дѣло, предложило кантону ввести пропорціональную систему выборовъ. Это предложеніе, подвергнутое голосованію всѣхъ гражданъ кантона Тессинъ, получило одобреніе. Уже въ слѣдующемъ году былъ разработанъ соотвѣтствующій законъ, 18 марта 1891 г. утвержденный новымъ народнымъ голосованіемъ. Съ тѣхъ поръ успѣхъ на выборахъ

для каждой партіи зависитъ всецѣло отъ энергіи ея членовъ и отъ популярности ея среди населенія.

Въ международной жизни Швейцарія не имѣетъ почти никакого значенія, поскольку рѣчь идетъ о тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ вліяніяхъ, подкрѣпляемыхъ вооруженною силой. Но въ международной культурной жизни она всегда принимала и принимаетъ дѣятельное участіе. Она постоянно даетъ пріютъ всевозможнымъ интернаціональнымъ конгрессамъ; швейцарское правительство охотно принимаетъ на себя и руководство международными бюро, напримѣръ почтовымъ, телеграфнымъ, для защиты литературной и художественной собственности. Говоря словами проф. Райхесберга, „каждый образованный иностранецъ, интересъ котораго не ограничивается предѣлами его отечества, едва ли въ какой-либо другой странѣ найдетъ такъ много интереснаго, какъ въ Швейцаріи, гдѣ значительнаго уже развитія достигли иные изъ тѣхъ институтовъ, къ созданію которыхъ еще только стремятся наиболѣе выдающіеся умы въ другихъ странахъ“. Для каждаго такого образованнаго иностранца „Словарь“ Райхесберга является незамѣнимымъ пособіемъ. Издатель обѣщаетъ время отъ времени, по мѣрѣ надобности, давать и дополнительные выпуски, въ которыхъ будутъ помѣщаться статьи по вновь возникающимъ вопросамъ и будетъ освѣжаться матеріалъ цифровой и фактическій.—Н. Р.

Въ теченіе сентября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрикосовъ, X.—Жизнь А. И. Архангельскаго. Бургасъ, 1910 г. Цѣна 20 к.

Аданъ, Поль.—Полное собраніе сочиненій подъ ред. З. Венгеровой. Т. I. Красныя мантіи. Романъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Алаверьянцъ, М. Я.—Тесть А. С. Грибоѣдова—князь Александръ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка. Спб., 1910 г.

Александрова, А. Н. — Борьба жизни со смертью. Вып. V. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Бертенсонъ, Сергѣй.—Библіографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 гг. Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Бородинъ, Д. Н.—Итоги работъ перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ. Иллюстрированное изданіе. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Булаковъ, И. В.—Народная школа по отзывамъ населенія Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ. Александрія, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Бѣлявскій, Ф.—Античный міръ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

——— Древній востокъ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

——— Индія и Китай. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Верховскій, Юрій.—Идилліи и элегіи. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Виташевскій, Н. А.—Опытъ меліораціонной статистики Одесскаго уѣзда Херсонской губ. Одесса, 1910 г.

——— Якутскіе матеріалы для разработки вопросовъ эмбріологіи права. Спб., 1910 г.

Галантъ, И.—Черта осѣдлости. Кіевъ, 1910 г.

Гальдосъ, Пересъ.—Собраніе сочиненій. Т. I. Донья Перфекта. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Герцовскій, Г.—Мимолетное. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Горемыка, Василій.—Стихотворенія. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Григорьевъ, Г.—Курсъ физики. Для средней общеобразовательной школы и для самообразованія. Часть I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Дживелеговъ, А. К.—Исторія современной Германіи. Часть II. (1862—1910). Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Дрентельнъ, Н. С.—Указатель лучшихъ общедоступныхъ книгъ по физикѣ и физическимъ знаніямъ, съ руководящими характеристиками. Москва, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Ермоловъ, А. С.—Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Ивановъ, С. Ф.—Карлъ Петръ Кейль. Его жизнь и труды. Могилевъ-Губ., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Игумновъ, С. Н.—Земская медицина и народничество. Рѣчь на XI Пироговскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ. Харьковъ, 1910 г.

Кейль, Карлъ Петръ.—О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Луки Пачіоло по бухгалтеріи. Пер. съ нѣм., съ біографіей К. П. Кейля и С. Ф. Иванова. Могилевъ-Губ., 1910 г. Цѣна 2 р.

Локоть, Т. В.—Оправданіе націонализма. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Луговой, А.—Дѣвичье поле. Повѣсть. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Сказка жизни. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Мошковъ, В. А.—Механика вырожденія. 1912 годъ — начало „желѣзнаго вѣка“ въ Россіи. Варшава, 1910 г. Цѣна 90 коп.

Никольскій, Вл.—Медицина и больные. Варшава, 1910 г.

Норландеръ, Карлъ.—Гимнастика и спортъ по системѣ Линга. Перев. со шведскаго, съ разрѣшенія автора, А. Полторацкаго. Спб., 1910 г. Цѣна 75 к.

Оствальдъ, Вильгельмъ.—Великіе люди. Со статьей проф. Эмиля Бауэра. Перевелъ съ 2-го нѣм. изданія Г. Кваша. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Охитовичъ, А. П.—Доказательства великой теоремы Фермата. Казань, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Панкратовъ, А. С.—Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній.—Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Панюринъ, Г.—Для дѣтей. Разсказы и сказки. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 50 к.

Пименова, Э.—Природа и люди Африки. Изд. 3-е. Спб., 1910 г. Цѣна 45 к.

Платонъ.—Пиръ. Перев. съ греческаго И. Д. Городецкаго. Изд. 2. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Португаловъ, А. В.—Что дѣлаетъ Владимірское губернское земство для улучшенія мѣстнаго сельскаго хозяйства. Владиміръ-на-Клязьмѣ, 1910 г.

Пятницкій, Б. И.—Половыя извращенія и уголовное право. Съ предисл. прив.-доц. М. Н. Гернета. Могилевъ-Губ., 1910 г. Цѣна 80 коп.

Резановъ, А. С.—Армія и толпа. Опытъ военной психологіи въ связи съ психологіей толпы. Варшава, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Романовъ, С. В.—Смертныя казни младенцевъ. Полтава, 1910 г. Цѣна 1 р.

Рукавишниковъ, Иванъ.—Книга восьмая. Сны. Спб., 1910 г. Цѣна 80 коп.

Сахинъ, И. В.—Алкоголь и нервная система. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

——— Умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе отъ нихъ? Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Сегаль, С. А.—Библія, ея философія, этика и религія. Новочеркаскъ, 1910 г. Цѣна 1 р.

Семеновъ, Вл.—Бой при Цусимѣ. Третье изданіе. Спб., 1910 г. Ц. 60 к.

Содди, Фр.—Радій. 11 общедоступныхъ лекцій. Пер. съ англ. проф. Н. А. Шилова. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Судіенко, С.—Шекспиръ о самоубійствѣ. Два Гамлета. Тверь, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Трубинъ, Иванъ.—Одинокіе маяки. Сборникъ стиховъ. Книга 1-я. Липецкъ, 1910 г. Цѣна 15 коп.

Тулуповъ, Н. В., и *Шестаковъ*, П. М.—Чему учатъ въ народной школѣ на Западѣ. Программы начальныхъ народныхъ школъ въ Италіи, Франціи, г. Мюнхенѣ, кантонѣ Цюрихѣ и въ Бельгіи. Москва, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Устименко, Т.—О страховкѣ. Бесѣда съ крестьянами Пермской губ. о земскомъ страхованіи отъ огня. Пенза, 1910 г.

Чижевскій, П.—Всеобщее обученіе и земство. Изд. Справочно-Педагогич. Бюро Лиги Образованія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Шалландъ, Л.—Свобода слова въ Англійскомъ Парламентѣ. Юрьевъ, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Эразмъ Роттердамскій.—Похвала глупости. Перев. съ латинскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. Изд. 3-е, испр. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Эрдманнъ, Э. Ѳ.—Психологическая система конструкцій и формъ нѣмецкаго языка. Варшава, 1910 г.

Эренбургъ, И.—Стихи. Парижъ, 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова. Пушкинъ. Т. IV. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб., 1910 г.

— Библіотека журнала „Хуторянинъ". Вып. I. Главнѣйшіе выводы Полтавскаго опытнаго поля 1884—1909. Сост. С. Ѳ. Третьяковъ и К. Л. Вербецкій. Изд. 2-е. Цѣна 10 коп. Вып. III. Второй Сборникъ сельскохозяйственныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 25 коп. Вып. IV. Крестьянскій банкъ. Изд. 2-е. Цѣна 15 коп. Полтава, 1910 г.

— Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. 1752—1831. Спб., 1910 г.

— Вопросъ о повышеніи таможеннаго обложенія на орудія въ Харьковскомъ о-вѣ сельскаго хозяйства. Харьковъ, 1910 г.

— Географическій словарь Россіи, подъ ред. Д. Н. Рихтера. Вып. 5. Вуйвичи-Грязнуша. Спб., 1010 г.

— Доклады Олонецкой Губернской Земской Управы Губернскому Земскому Собранію сессій 1909 года. Петрозаводскъ, 1910 г.

— Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ. Род. 3 іюня 1855 г., умеръ 5 марта 1908 г. Изд. О. Г. Павелко. Спб., 1910 г. Цѣна 30 к.

— Ежегодникъ Костромского губернскаго земства. 1910 годъ. Кострома.

— Журналы Олонецкаго губернскаго земскаго собранія сессій 1909 года. Петрозаводскъ, 1910 г.

— Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Томъ I. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 75 коп.

— Московскій Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1910—1911 академ. годъ. Годъ 3. Москва, 1910 г.

— Общая исторія философіи В. Вундта, Г. Ольденберга, И. Голдціера, В. Грубе, Тетуджиро Индие, Г. фонъ-Арнима, К. Бэймкера, В. Виндельбанда. Томъ I. Переводъ I. В. Постмана и I. В. Яшунскаго, подъ ред. А. И. Введенскаго и Э. Л. Радлова. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— Отчетъ Харьковскаго комитета по вывозу минеральнаго топлива, руды, флюсовъ, соли и чугуна изъ горнозаводскаго района юга Россіи за 1909 годъ. Харьковъ, 1910 г.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. 129. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. 130. Юрьевъ, 1909 г. Цѣна 3 р.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1909 годъ. Спб., 1910 г.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1909 годъ. Спб., 1910 г.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1909 годъ. Спб., 1910 г.

— Систематическій каталогъ библіотеки о-ва взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы. Одесса, 1910 г.

— Статистическій ежегодникъ города Москвы. Годъ 2-й. 1907—08. Вып. I. Таблицы. Москва, 1910 г.

— Херсонская губернія. Сводъ цифровыхъ данныхъ. Вып. I. Населеніе и сельское хозяйство. Херсонъ, 1910 г.

— 1910 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I, II и III. Спб., 1910 г.

Bachmann, Georg.—Gedichte. Moskau, 1910.

Коваленко, Олекса.—Золотий засів. У Кыіві, 1910 р. Ціна 75 коп.

Чупринка, Грицько.—Метеор. У Кыіві, 1910 р. Ціна 15 коп.

— Этнографічний Збірник. Вид. Этнографічна комісія Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXVI. Народні оповідання про опришків. Зібрав Володимер Гнатюк. У Львові, 1910 р. Ціна 4 корони.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Предстоящее торжество думскихъ сторонниковъ висѣлицы и розги.—Какое научное значеніе имѣетъ голосованіе съѣзда германскихъ юристовъ по поводу сохраненія смертной казни?—Попытки этически оправдать смертную казнь.—Палачъ и отношеніе народнаго сознанія къ его ремеслу. — Смертный приговоръ, какъ средство сыска. — Свидѣтели-каторжники. — „Честные" провокаторы. — „Слово и дѣло". — П. О. Лебедевъ †.

На съѣздѣ германскихъ юристовъ сторонники смертной казни одержали побѣду надъ противниками. При голосованіи вопроса (въ секціи) первыхъ оказалось пятьдесятъ, а вторыхъ — всего двадцать-четыре.

Оба докладчика — президентъ сената изъ Лейпцига Ольсгаузенъ и берлинскій профессоръ Каль—говорили въ пользу сохраненія въ карательной системѣ закономѣрнаго лишенія жизни. Проф. Каль—не прокуроръ, не судья, а теоретикъ права—утверждалъ, что легализованное убійство черезъ палача—болѣе даже, чѣмъ актъ государственной необходимости: оно, по его словамъ, есть актъ справедливости. Всѣ русскія газеты обошла фраза проф. Каля: „Я самъ присутствовалъ при цѣломъ рядѣ казней и всегда съ тѣмъ чувствомъ, что происходитъ актъ справедливости". Почти одновременно изъ Парижа получилось извѣстіе, впервые напечатанное въ „Matin", что одинъ изъ депутатовъ французской палаты вноситъ предложеніе о введеніи тѣлеснаго наказанія для апашей. Газета снабдила извѣстіе рисункомъ, на которомъ изображенъ человѣкъ, оголенный до пояса и привязанный къ доскѣ, а сзади—палачъ съ девятихвостой кошкой, т.-е. съ кнутомъ, оканчивающимся девятью плетками.

Легко представить себѣ, съ какимъ торжествомъ будутъ трактоваться эти два факта на правыхъ скамьяхъ Государственной Думы. Если въ отношеніи возрожденія тѣлеснаго наказанія г. Марковъ 2-ой получилъ не особенно еще, правда, авторитетнаго союзника въ лицѣ невѣдомаго французскаго депутата, то въ отношеніи смертной казни онъ и его думскіе единомышленники, конечно, отнынѣ будутъ каждый разъ подкрѣплять свой обычный отвратительно-кровожадный крикъ: „мало!"— ссылкой на „послѣднее слово науки". Что̀ въ томъ, что нѣмцы разсуждали о наказаніи, которое, примѣняясь въ Германіи отъ четырехъ до девяти разъ въ годъ, имѣетъ тамъ значеніе не столько реальной, сколько теоретической угрозы, а у насъ въ теченіе пяти лѣтъ унесло тысячи жертвъ и стало „бытовымъ явленіемъ"! Что̀ въ томъ, что нѣмцы имѣли въ виду кару, назначаемую въ случаяхъ, точно указанныхъ и строго ограниченныхъ закономъ, а не расправу висѣлицей по почти ничѣмъ не сдерживаемому усмотрѣнію административной власти! Что̀ въ томъ, наконецъ, что нѣмцы сопоставляли смертную казнь съ цареубійствомъ и съ особенно тяжкими случаями убійства, очевидно не допуская и мысли о возможности ея сопоставленія съ открытымъ похищеніемъ двугривеннаго или съ поджогомъ стога сѣна! Разницу во всемъ этомъ легко отнести на счетъ „революціи". И тогда останется: юбилейный съѣздъ германскихъ юристовъ, созванный черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ перваго съѣзда, вотировалъ за сохраненіе смертной казни. Авторитеты Беккаріи, Руссо, Бернера, Гольцендорфа— это старо. „Наука" шагнула впередъ. Сентиментализмъ слабонервныхъ людей она оставила позади. Ея „послѣднее слово" прозвучало въ пользу висѣлицы. Въ чемъ и когда наша „черная сотня" могла

ссылаться на „науку“? Да и мало сказать на „науку“: на „послѣднее слово науки“!

Къ пятилѣтней годовщинѣ 17-го октября „обновленная“ Россія такъ же далеко стоитъ отъ реформъ—въ прямомъ, а не въ специфически-реакціонномъ смыслѣ понятія,—какъ стояла въ мрачную эпоху восьмидесятыхъ годовъ, когда за мечты объ „увѣнчаніи зданія“ людей отправляли въ сибирскую тундру. Практика „конституціоннаго“ строя отбросила законодательное творчество не только по ту сторону указа 12-го декабря 1904 г., но, пожалуй, и по ту сторону манифеста 26-го февраля 1903 г., междустрочное содержаніе котораго всетаки раскрывало, если не надежды, то возможность надеждъ. Совершенно справедливо охарактеризовалъ творческую дѣятельность третьей Думы за прошлый годъ В. А. Маклаковъ: „Дума стала ухудшать законодательство“. Уголовно-правовой хаосъ, въ частности, какъ и хаосъ гражданско-правовой, ни Думу, ни правительство сейчасъ не тревожитъ. При содѣйствіи кассаціонныхъ и иныхъ „разъясненій“, правящая власть, напротивъ, чувствуетъ себя внутри уголовно-правовыхъ противорѣчій неизмѣримо спокойнѣе и свободнѣе, чѣмъ еслибы на мѣсто хаоса явилась стройная система законныхъ нормъ. Хаосъ не препятствуетъ никакимъ карательнымъ экспериментамъ,—ни надъ „свободой“ слова, ни надъ „свободой“ союзовъ и собраній, ни надъ „свободой“ исповѣданія. Зачѣмъ же отъ добра изведаннаго искать еще какого-то другого, невѣдомаго? При такихъ условіяхъ, конечно, и вопросъ о законодательномъ сохраненіи смертной казни утратилъ у насъ въ настоящее время значеніе и характеръ вопроса очередного. Никогда не сойдетъ и не можетъ сойти съ очереди вопросъ о сотняхъ ежегодно казнимыхъ людей. Но, какъ извѣстно, для насъ эти два вопроса не совпадаютъ, ибо второй принадлежитъ къ области начальственнаго усмотрѣнія и потому регулируется мѣрами начальственнаго же воздѣйствія: министерскими циркулярами и повышеніемъ по службѣ однихъ администраторовъ или увольненіемъ въ отставку другихъ.

Для судьбы законопроекта, внесеннаго въ Думу болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, голосованіе съѣзда германскихъ юристовъ совершенно безразлично. Ее предрѣшилъ законъ 3-го іюня. Это голосованіе подарило нашимъ защитникамъ смертной казни новый аргументъ. Но если бы оно было діаметрально противоположно, они все равно съ одинаковымъ жаромъ взывали бы къ висѣлицѣ—съ той лишь разницей, что тогда они открещивались бы отъ „науки“, а теперь будутъ на „послѣднее слово науки“ ссылаться. Въ той постановкѣ, которую вопросъ о смертной казни только и можетъ получить въ третьей Думѣ, онъ есть вопросъ не права, а политики, откровенно отрицающей

всякій объективизмъ и. признающей одну готтентотскую мораль. Гг. Марковымъ, Пуришкевичамъ и всѣмъ, идущимъ за ними, не исключая „послушныхъ" октябристовъ, смертная казнь нужна не потому, что она справедлива или необходима для бытія государства. Они объ этомъ говорятъ и будутъ говорить—но въ ихъ мысляхъ висѣлица имѣетъ совершенно иное оправданіе. Она имъ нужна, какъ средство побѣды контръ-революціи надъ революціей, какъ средство утоленія животной жажды кроваваго мщенія. Имъ нужна смертная казнь не для борьбы съ отвлеченной преступностью, — это только слова и слова,—а для расправы съ политическимъ врагомъ, который такъ недавно внушалъ имъ ужасъ и котораго сейчасъ сотнями и тысячами казней они надѣются раздавить до конца.

Наша жизнь четыре, три и даже два года назадъ была такъ богата событіями, нынѣ ликвидируемыми въ судебномъ порядкѣ, что для иллюстраціи сейчасъ высказаннаго положенія нѣтъ надобности копаться въ воспоминаніяхъ. Въ самое послѣднее время, въ Екатеринодарѣ, военнымъ судомъ было разсмотрѣно дѣло помощника полиціймейстера Головко, обвинявшагося въ умышленномъ убійствѣ. Какъ сообщалось въ газетахъ, обвиненіе возникло по слѣдующему поводу. Въ ночь на 3-е мая 1908-го года Головко, бывшій въ то время полицейскимъ приставомъ города Екатеринодара, командированъ былъ произвести обыскъ въ квартирѣ Угнивенко. Прибывъ въ назначенное мѣсто и сдѣлавъ обыскъ, Головко арестовалъ изъ находившихся въ квартирѣ троихъ молодыхъ людей, Александра и Тимоѳея Угнивенко и Эдуарда Трупа, и повелъ ихъ въ часть. Дорогой онъ подбѣжалъ къ арестованнымъ и далъ по нимъ два выстрѣла. Одинъ изъ задержанныхъ упалъ мертвымъ. Вслѣдъ за Головко въ задержанныхъ стали стрѣлять и сопровождавшіе ихъ городовые и убили остальныхъ двухъ. Вслѣдъ за городовыми открылась стрѣльба и со стороны казаковъ, командированныхъ конвоировать арестованныхъ. Во время стрѣльбы казаковъ, Головко и городовые спрятались за уголъ. Когда стрѣльба была окончена, Головко оставилъ засаду и приказалъ одному изъ городовыхъ, Толмачеву, добить раненаго А. Угнивенко. Тотъ выстрѣломъ изъ револьвера застрѣлилъ его. Послѣ этого трупы были сейчасъ же убраны, а Головко доложилъ по начальству, что всѣ трое были убиты во время побѣга. Судъ призналъ подсудимаго виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни. Таковъ остовъ дѣла. Подробности неизвѣстны.

Какъ отнеслись бы къ приговору нѣмцы, голосовавшіе на съѣздѣ противъ отмѣны смертной казни за умышленное убійство? Очевидно, они сказали бы, что данный фактъ принадлежитъ къ числу наиболѣе тяжкихъ случаевъ убійства, и въ описанныхъ объективныхъ обстоя-

тельствахъ они, само собою разумѣется, не усмотрѣли бы никакихъ основаній для того, чтобы протестовать противъ приговора. Какъ отнесся бы къ приговору русскій юристъ-догматикъ, не позволяющій себѣ отступать отъ точнаго смысла закона, каковъ бы законъ ни былъ? Онъ, конечно, отнесся бы также точно, какъ нѣмцы. Онъ сказалъ бы, что совершеніе преступленія путемъ употребленія во зло своей власти есть обстоятельство, отягчающее вину, и что 279 ст. воинск. уст. о наказ., по которой осужденъ Головко, написана именно для случаевъ, подобныхъ настоящему. А какъ отнеслась къ приговору газета „Земщина", органъ правыхъ членовъ Думы? Она назвала приговоръ „непозволительнымъ". Она потребовала его отмѣны. Она писала: „Такъ и чувствуется, что „освободители" (военный прокуроръ, военный судъ, гражданская власть, воспользовавшаяся исключительными полномочіями для преданія виновнаго военному суду!) мстили одному изъ своихъ укротителей". „Земщина" права—отвѣтили газетѣ „Русскія Вѣдомости":—„приговоръ непозволителенъ, ибо позволительныхъ смертныхъ приговоровъ не существуетъ". Но въ томъ и разница между рѣшеніемъ съѣзда германскихъ юристовъ и вожделѣніями тѣхъ, которые съ нашей думской каѳедры будутъ это рѣшеніе привѣтствовать, что тамъ, за Вержболовымъ, одна мѣрка, а здѣсь, у насъ—двѣ.

Что представляетъ собою рѣшеніе нѣмецкаго юристентага по существу? Дѣйствительно ли оно есть то „послѣднее слово науки", передъ которымъ противникамъ смертной казни остается одно: молча и покорно преклониться? Внесло ли оно переворотъ въ научное отношеніе къ вопросу, или должно быть разсматриваемо не болѣе какъ эпизодъ въ историческомъ ходѣ развитія научной мысли?

В. Д. Набоковъ вѣрно отмѣтилъ въ „Рѣчи" (№ 250), что „печальная судьба вопроса о смертной казни на недавнемъ съѣздѣ нѣмецкихъ юристовъ едва ли была неожиданной для тѣхъ, кто знакомъ съ исторіей этого вопроса въ ученой литературѣ и въ законодательствѣ Германіи. Скорѣе наоборотъ: еслибы съѣздъ большинствомъ голосовъ высказался за полную отмѣну смертной казни—это могло бы быть истолковано либо какъ случайное рѣшеніе, либо какъ внезапный переворотъ во взглядахъ руководящихъ и вліятельныхъ представителей теоретической и практической юриспруденціи". „Причину—продолжалъ онъ—слѣдуетъ искать въ характерѣ тѣхъ новыхъ теченій, которыя рѣшительно отодвигаютъ на задній планъ этическій элементъ въ уголовномъ правѣ и уголовной политикѣ и весь центръ тяжести усматриваютъ въ томъ, чтобы всѣми средствами бороться съ преступностью въ ея непосредственныхъ проявленіяхъ. Смѣшеніе нака-

занія съ мѣрами охраны, упраздненіе понятія отвѣтственности и вмѣняемости, отказъ отъ тонкихъ догматическихъ различій въ опредѣленіи тѣхъ или другихъ преступленій—все это продуктъ того же теченія. Сторонники его дорожатъ смертною казнью, какъ наиболѣе „радикальнымъ“ средствомъ избавленія общества отъ опасныхъ его членовъ, и отнюдь не намѣрены выбросить это оружіе изъ своего арсенала“.

Едва ли будетъ грубой ошибкой сказать, что исторія науки уголовнаго права есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія вопроса о смертной казни. Всѣ научныя построенія о преступномъ дѣяніи суть не болѣе, какъ предпосылки для справедливаго и цѣлесообразнаго назначенія наказанія. А такъ какъ въ ряду возможныхъ наказаній лишеніе преступника жизни есть та высшая кара, дальше которой идти некуда и которая, по своему практическому значенію, съ одной стороны, и по значенію этическому—съ другой, не можетъ не приковывать научной мысли,—то естественно, что каждая смѣна научныхъ теорій неизбѣжно стояла и будетъ стоять въ связи съ отношеніемъ къ вопросу о смертной казни. Первый кто далъ въ нѣмецкой литературѣ еще XVII вѣка научную разработку вопросовъ о составѣ дѣянія, объ умыслѣ, покушеніи, о необходимой оборонѣ, былъ Бенедиктъ Карпцовъ. Всѣ эти его построенія давно забыты. Но и до сихъ поръ сохранилось въ памяти специалистовъ, что онъ былъ, по выраженію Кистяковскаго, „адвокатомъ и философомъ самой безчеловѣчной юстиціи“, возводившимъ въ научную истину сожженіе на кострахъ, пытки, заливаніе оловомъ гортани,—словомъ, всѣ ужасы инквизиціи. Гуманитарное движеніе конца восемнадцатаго вѣка отразилось въ наукѣ уголовнаго права, прежде всего, стремленіемъ смягчить суровость каръ. Въ безсмертной аргументаціи, Монтескьё выразилъ мысль, безусловная вѣрность которой никѣмъ и никогда не можетъ быть опровергнута: тяжесть наказанія, какъ и все въ мірѣ, познается сравнительно, и потому суровость каръ есть безцѣльная жестокость. Въ частности, противъ смертной казни не менѣе блестяще аргументировалъ свои выводы Беккарія.

Идея гуманности съ начала XIX в. прочно усвоена была наукой уголовнаго права. Положительное законодательство всегда идетъ не впереди науки, а вслѣдъ за нею. Не сразу, но вѣрнымъ, хотя и медленнымъ шагомъ, пошло оно за научными завоеваніями и въ вопросѣ о смертной казни. Кара смертью постепенно стала дѣлаться все болѣе и болѣе вымирающимъ институтомъ. Такъ стоялъ вопросъ о смертной казни до послѣдней четверти XIX вѣка: въ наукѣ онъ считался окончательно и безповоротно рѣшеннымъ; кодексы если не съ каждымъ годомъ, то съ каждымъ десятилѣтіемъ съуживали объемъ примѣненія

висѣлицы и гильотины. Германскіе юристы не составляли исключенія. Одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ съѣздовъ принялъ въ 1863-мъ году подавляющимъ большинствомъ голосовъ слѣдующую резолюцію: „въ будущемъ германскомъ кодексѣ смертная казнь не должна имѣть мѣста". И въ обще-германскомъ уголовномъ уложеніи она бы мѣста для себя не нашла, еслибы не угроза Бисмарка взять обратно изъ рейхстага весь законопроектъ.

Но развитіе въ наукѣ уголовнаго права идеи гуманности шло не безусловно самостоятельно. Параллельно съ нею развивалась и крѣпла другая идея — идея законности, выраженіемъ которой служитъ формула: nullum crimen, nulla poena sine lege. И на почвѣ отвлеченности, оторванности отъ жизни формальнаго ученія о преступномъ дѣяніи, какъ объектѣ карательной дѣятельности государства, выросла критика, создавшая двѣ новыя школы: сперва школу антропологическую или итальянскую позитивную, а затѣмъ соціологическую.

Кто не помнитъ, съ какимъ шумомъ прогремѣли на весь міръ имя Ломброзо и его изслѣдованія о преступномъ типѣ и о прирожденномъ преступникѣ! А что осталось теперь, черезъ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, отъ этого шума и отъ всемірнаго увлеченія? Гдѣ послѣдователи Ломброзо? Ихъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ потому, что частью самъ Ломброзо, а главнымъ образомъ его ближайшіе послѣдователи — Ферри, Гарофало, Дорадо, — отъ полнаго упраздненія, въ сущности, уголовнаго права, въ смыслѣ общепризнанныхъ научныхъ построеній, логически должны были придти къ отрицанію гуманности въ отправленіи карательной дѣятельности вообще и, въ частности, къ смертной казни, или совершаемой черезъ палача, или достигаемой путемъ отправленія неисправимыхъ преступниковъ въ ссылку въ нездоровыя мѣстности. Судьба итальянской позитивной школы блестяще показала непоколебимость тѣхъ уголовно-правовыхъ твердынь, которыя человѣческая мысль завоевала послѣ долгой и упорной борьбы: началъ законности и гуманности.

Рѣшеніе съѣзда германскихъ юристовъ продиктовано школой соціологической. Какъ школа антропологическая была продуктомъ итальянской научной мысли, такъ школа соціологическая, хотя первымъ ея основателемъ былъ французъ Тардъ, представляетъ собою, по преимуществу, продуктъ научной мысли германской. Въ Германіи, въ настоящій моментъ, она имѣетъ большой кругъ адептовъ изъ научныхъ именъ первой величины, съ Листомъ во главѣ, и чрезвычайно популярна въ массахъ юристовъ. По существу своихъ выводовъ соціологическая школа отнюдь не такъ рѣшительна, какъ школа антропологическая. Она тоже упраздняетъ уголовное право, но до сихъ поръ дѣлала это ощупью, съ оговорками, и сосредоточивала вниманіе лишь

на отдѣльныхъ проявленіяхъ преступности: на рецидивѣ, на наказуемости покушенія и на мѣрахъ карательно-воспитательнаго воздѣйствія на малолѣтнихъ. И надо воздать ей должное: соціологическая школа въ этихъ предѣлахъ внесла очень много полезнаго въ науку, въ смыслѣ сближенія съ реальной дѣйствительностью отвлеченныхъ формулъ юридической или классической школы. Но, рано или поздно, и она, отправляясь отъ отрицанія гуманности, сначала въ отношеніи рецидивистовъ, затѣмъ въ отношеніи преступниковъ вообще, должна была дойти до оправданія смертной казни. Въ лицѣ Листа, Гуго Мейера, фонъ-Калькера смертная казнь, еще гораздо раньше рѣшенія юбилейнаго съѣзда, имѣла сторонниковъ. Съѣздъ завершилъ формулировку воззрѣній школы. Что же отсюда слѣдуетъ? Ничто другое, какъ то, что для ученій соціологической школы въ ходѣ развитія науки настало начало конца. Съѣздъ сказалъ „послѣднее" слово для того теченія, которое было на немъ такъ сильно представлено. Но для науки это слово послѣднимъ быть не можетъ и не будетъ.

Вопросъ о смертной казни стоитъ и надъ политикой, и надъ юриспруденціей. Это есть вопросъ совѣсти и христіанской морали. И проф. Каль чувствовалъ, что аргументировать сохраненіе смертной казни одной государственной необходимостью нельзя. Онъ говорилъ, что, уходя съ мѣста казни, всегда испытывалъ чувство удовлетворенія свершившимся актомъ „справедливости". Мы не знаемъ, были ли ему тутъ же заданы вопросы: подписывалъ ли онъ когда-либо смертный приговоръ, и если да, то дѣлалъ ли это съ тѣмъ спокойнымъ безпристрастіемъ, съ какимъ профессіональный судья подписываетъ приговоръ, посылающій виновнаго въ тюрьму, и согласился ли бы онъ быть исполнителемъ смертнаго приговора — палачомъ? Если закономѣрное убійство преступника есть актъ справедливости, то почему содрогаются душа и рука судьи, подписывающаго смертный приговоръ—и почему ремесло палача въ сознаніи всѣхъ народовъ и во всѣ времена вызываетъ чувство негодованія, связанное съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ тому, кто беретъ на себя исполненіе „акта справедливости"? Отношеніе непосредственнаго народнаго чувства къ палачу символизируетъ отношеніе человѣческой совѣсти къ смертной казни. „Казнь— повторимъ слова В. Д. Набокова,—какими бы церемоніями ни обставляли произнесеніе приговора и его исполненіе,—она всегда остается хладнокровнымъ, разсчитаннымъ и напередъ возвѣщеннымъ убійствомъ человѣка, лишеннаго возможности защищаться,—невозможнымъ мучительствомъ, производимымъ надъ человѣческой душой".

Намъ, русскимъ, по объясненіямъ главы кабинета во второй Думѣ, извѣстна попытка оправдать смертную казнь сопоставленіемъ „работы" палача съ служеніемъ врача-хирурга. Тогда говорилось: и у

добросовѣстнаго врача руки бываютъ въ крови. Да, хирургъ часто, каждый день, — неизмѣримо чаще, чѣмъ палачъ, — покрываетъ руки человѣческой кровью. Но пачкаетъ ли его эта кровь? Въ хирургіи, кто считаетъ нужнымъ произвести кровавую операцію, тотъ ее самъ и производитъ, или, поручая произвести другому, переноситъ на этого другого то чувство уваженія, которое питаетъ къ себѣ и къ своей дѣятельности. Здѣсь есть служеніе человѣчеству. А потому, если смертная казнь есть актъ справедливаго, этически оправдываемаго служенія государству,—почему распорядившійся повѣсить не переноситъ того уваженія, съ которымъ относится къ себѣ и къ своему распоряженію, на палача и на его „работу"? Убиваютъ людей и на войнѣ. Почему ни народъ, ни власть не презираютъ солдата,—почему, напротивъ, воспитывается и въ населеніи, и въ самихъ солдатахъ особое уваженіе къ „высокому" званію воина? Почему роль палача считается недостойной солдата?..

Сколько и какъ ни пытаться облагородить и этически очистить смертную казнь — это немыслимо. А юридически —одна ничѣмъ неустранимая возможность судебной ошибки разрушаетъ всѣ доводы въ пользу „радикальнаго" средства избавленія общества отъ опасныхъ для его существованія людей. На съѣздѣ германскихъ юристовъ чувствовалась обязанность сторонниковъ смертной казни если не парировать, то хоть ослабить силу этого аргумента. И одинъ изъ членовъ съѣзда, предсѣдатель ландгерихта Штаффъ, горделиво заявилъ: „возраженіе о возможности судебныхъ ошибокъ къ Германіи не относится, ибо здѣсь никто не можетъ назвать случая, когда былъ казненъ невинный". Кто въ научномъ спорѣ исходитъ изъ признанія непогрѣшимости какого бы то ни было дѣла рукъ человѣческихъ, тотъ самъ бьетъ себя сильнѣе, чѣмъ всѣ удары противника. Мы, русскіе, пятый годъ переживающіе полосу ежедневныхъ казней, мы знаемъ примѣры — не одинъ и не два! — фактически установленной невинности казненныхъ. На ужасномъ опытѣ мы познали, что̀ значитъ судебная ошибка въ странѣ, которая не вычеркнула изъ своихъ законовъ рокового историческаго пережитка...

По поводу возрожденія тѣлеснаго наказанія, пока предложеніе не сдѣлалось даже предметомъ сужденій французскаго парламента, говорить не стоитъ. Мы не имѣемъ основаній сомнѣваться, что это предложеніе будетъ отвергнуто безъ преній. Взывать въ XX вѣкѣ къ розгѣ или къ девятихвостой кошкѣ—нелѣпость, къ которой нельзя относиться серьезно.

Какъ разъ въ то время, когда мы пишемъ эти строки, долженъ сказать свое слово о смертной казни и другой съѣздъ юристовъ—за-

сѣдающій въ Вашингтонѣ, международный пенитенціарный конгрессъ. Можетъ-быть слово уже сказано, и только кабель не успѣлъ его передать въ Европу. Не будемъ гадать, какое это слово. Отмѣтимъ только, что въ Вашингтонѣ собрались представители всего цивилизованнаго міра и что тамъ не могутъ имѣть мѣста утвержденія, подсказанныя націоналистическимъ самомнѣніемъ. Если и въ Вашингтонѣ найдется нѣмецъ, который скажетъ, что возраженіе о возможности судебныхъ ошибокъ къ Германіи не относится, то его заявленіе будетъ тутъ же разбито фактическимъ матеріаломъ, который представятъ русскіе делегаты. Независимо отъ оффиціальныхъ докладовъ, петербургское юридическое общество озаботилось доставленіемъ конгрессу откровенныхъ и прямыхъ отвѣтовъ на предложенные организаторами вопросы: за какія преступленія назначается въ „вашей" странѣ смертная казнь, въ какомъ числѣ случаевъ приводятся въ исполненіе смертные приговоры, какъ кара смертью отражается на нравахъ населенія и т. д.? Въ Вашингтонѣ вопросъ предстанетъ во всемъ своемъ кровавомъ кошмарномъ величіи, и ужасъ тысячъ смертей черезъ палача — лѣсъ висѣлицъ — заставитъ замолкнуть уста, которыя, быть можетъ, у себя дома, въ Германіи, забывъ евангельскіе завѣты, сказали бы, что смертная казнь есть актъ справедливости.

Практика смертной казни вошла у насъ въ новую полосу. Еще сравнительно недавно, дарованіе жизни приговореннымъ къ повѣшенію было единичнымъ, рѣдкимъ явленіемъ. Теперь процентъ казнимыхъ значительно понизился. Помилованіе практикуется широко и даже не съ обязательной замѣной смерти безсрочной каторгой, а случается — съ замѣной каторгой на срокъ, иногда даже съ замѣной тюрьмою. Но съ содержаніемъ судебнаго приговора и съ тѣмъ, что при разсмотрѣніи дѣла было установлено, помилованіе у насъ не связано. Военный судъ собственной властью лишенъ права смягчать смертный приговоръ. Судъ можетъ лишь ходатайствовать о смягченіи. Право замѣны смертной казни принадлежитъ юридически командующему войсками военнаго округа, фактически — длинной цѣпи административныхъ властей, начиная съ мѣстныхъ, продолжая департаментомъ полиціи и кончая министромъ внутреннихъ дѣлъ. И такъ какъ вся эта цѣпь властей дѣйствуетъ въ условіяхъ, ничѣмъ неограниченныхъ, подъ покровомъ дискреціоннаго и безконтрольнаго права командующаго войсками, то смертный приговоръ, вынесенный осужденному, сталъ средствомъ розыска. „Охрана" пользуется животнымъ страхомъ осужденнаго для раскрытія нераскрытыхъ еще преступленій. Осужденному предлагается купить помилованіе цѣною оговоровъ. Въ теченіе всего времени между смертнымъ приговоромъ и его утвержденіемъ — а это время нерѣдко продолжается цѣлые мѣсяцы — въ сущности, идетъ торгъ.

Къ осужденному теперь уже нѣтъ надобности обращаться съ предложеніемъ продать головы тѣхъ, съ кѣмъ его сталкивало преступное прошлое. Нѣтъ тюрьмы, гдѣ „смертники" не были бы освѣдомлены объ условіяхъ сохраненія своей жизни. Есть между ними такіе, которые сами идутъ на встрѣчу спросу ихъ услугъ. Они съ готовностью развязываютъ языкъ. Они даютъ одно показаніе за другимъ. Чего не знаютъ, то восполняютъ завѣдомой ложью, ибо они ничѣмъ не рискуютъ, когда лгутъ. Если ложь не спасетъ отъ смерти, она все же продлитъ жизнь.

Въ тюремные нравы такая система внесла нѣчто невѣроятное. За „смертниками" потянулись каторжники. Съ неменьшей болѣзненностью каторжники жаждутъ свободы. И тоже нѣтъ тюрьмы, гдѣ каторжники бы не знали, что свобода для нихъ возможна, но что ее нужно купить. Прежде, когда приговоренные къ каторгѣ поголовно ссылались за тысячи верстъ—на Сахалинъ или въ Сибирь, у каторжниковъ порывались всякія связи съ средой и съ условіями, въ которыхъ протекала ихъ до-тюремная жизнь. Теперь они въ громадномъ числѣ случаевъ отбываютъ если не всю каторгу, то первые ея годы, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ совершили преступленіе, и въ той самой тюрьмѣ, въ которой сидѣли до суда. Неуловимыя для тюремной администраціи нити, связывающія нынѣшнихъ каторжниковъ съ міромъ по ту сторону тюремной стѣны, не порываются. По этимъ нитямъ до каторги доходятъ свѣдѣнія о незадержанныхъ соучастникахъ. А внутри тюрьмы—что̀ стало извѣстно одному арестанту, то̀ съ быстротой молніи дѣлается общимъ достояніемъ. Въ распоряженіи тюремной администраціи еще менѣе средствъ удержать что бы то ни было, кромѣ самого арестанта, за дверью, за окномъ или за стѣнами камеры.

И каторжники широко черпаютъ изъ получаемыхъ свѣдѣній то, за что мечтаютъ купить свободу. Но получаемыя ими свѣдѣнія неполны и неточны. Неполноту восполняетъ фантазія, подогрѣтая живыми примѣрами: недавній сосѣдъ по камерѣ уведенъ былъ въ „секретку" а черезъ мѣсяцъ, два или три съ воли пришла вѣсть, что онъ на свободѣ. Неточность—ихъ не безпокоитъ. Рядовые участники сложныхъ террористическихъ актовъ и экспропріацій, осужденные на казнь и получившіе замѣну казни каторгой, никогда всей правды о дѣлѣ, въ которомъ участвовали, не знаютъ. Они приносятъ на судъ и затѣмъ въ каторжное отдѣленіе тюрьмы только обрывки правды, и пользуются этими обрывками, какъ канвой, на которой по слухамъ, перемѣшаннымъ съ собственной фантазіей, вышиваютъ заполненные во всѣхъ деталяхъ узоры. Они знаютъ, что оговоръ одного или двухъ участниковъ „дѣла" не дастъ свободы. Имъ отлично извѣстно, что

для этого нужно раскрыть полную картину того или другого преступленія. И въ ихъ послѣдовательныхъ показаніяхъ фантазія или завѣдомая ложь постепенно заполняютъ картину. „Охрана“ выноситъ эти показанія на судъ, въ видѣ если не абсолютно безспорнаго, то все же строго провѣреннаго матеріала.

Автору настоящей хроники пришлось недавно выступать, въ качествѣ защитника, по дѣлу объ одной крупной экспропріаціи, совершенной въ 1907-мъ году. Непосредственно вслѣдъ за экспропріаціей никто изъ участниковъ обнаруженъ не былъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, одному изъ задержанныхъ за безписьменность, отказавшемуся объяснить, откуда онъ получилъ найденныя при немъ деньги, было предъявлено обвиненіе, какъ участнику этой экспропріаціи. Онъ былъ преданъ суду, осужденъ, приговоренъ къ смертной казни и, послѣ девяти мѣсяцевъ ожиданія, повѣшенъ. Прошло затѣмъ около года. Тюрьма все время пополнялась новыми „смертниками“ и новыми каторжниками, осужденными за другія экспропріаціи или за участіе въ анархическихъ организаціяхъ. Но та экспропріація продолжала приковывать вниманіе и жандармской власти, и тюрьмы. Тюрьма знала, что „дѣлу“ придается особое значеніе и потому за раскрытіе его можно ожидать щедрыхъ милостей. Одинъ „смертникъ“, приведенный къ висѣлицѣ, объявилъ за собою „слово и дѣло“. Онъ раскрылъ нѣсколько менѣе крупныхъ грабежей, а по этому дѣлу сказалъ, что непосредственно ничего не знаетъ, но много слышалъ, частью въ тюрьмѣ, частью еще на волѣ, и изложилъ въ подробномъ показаніи, что̀ именно слышалъ, путая правду съ фантазіей и съ явнымъ вымысломъ. Кое-что, однако, изъ его словъ подтвердилось. „Смертникъ“ получилъ помилованіе. Тогда одинъ за другимъ пошли съ своими заявленіями и показаніями на основаніи тюремныхъ слуховъ чуть не всѣ „смертники“ тюрьмы, а за смертниками—каторжники. „Дѣло“ стало рости, и въ теченіе двухъ лѣтъ выросло въ процессъ, по которому оказалось шесть физическихъ участниковъ экспропріаціи, одинъ—интеллектуальный и два укрывателя. Изъ обвиняемыхъ двое дали сознаніе. Одинъ, сознавшійся почти въ послѣдній моментъ,—каторжникъ, осужденный по дѣлу объ анархистской организаціи,—никого не оговаривалъ. Онъ объяснялъ, что кромѣ нихъ двоихъ всѣ совершившіе экспропріацію или повѣшены по другимъ дѣламъ, или пристрѣлены, или находятся за границей. Другой былъ душой и авторомъ обвиненія всей скамьи подсудимыхъ. Еще на предварительномъ слѣдствіи съ полной достовѣрностью было установлено, что повѣшенный никакого касательства къ экспропріаціи не имѣлъ.

На судъ явилась масса свидѣтелей. Но половина ихъ—потерпѣвшіе

и полицейскіе чины—устанавливала только фактъ совершённой экспропріаціи. О виновности подсудимыхъ говорили одни свидѣтели-каторжники. Это все были „секретники", содержащіеся подъ двойной охраной. Что собою представляетъ „секретникъ", и какъ „секретники" сами понимаютъ свою роль и свое положеніе въ тюрьмѣ, откровенно объяснилъ одинъ изъ такихъ свидѣтелей. Устанавливая какой-то эпизодъ, онъ сказалъ: „Да, но это было тогда, когда я еще былъ честнымъ человѣкомъ".—А теперь кто вы?—спросилъ одинъ изъ защитниковъ. „Теперь—отвѣтилъ онъ—я честный провокаторъ". И, желая пояснить, прибавилъ:—„теперь я могу быть полезнымъ только правительству". Изъ показаній „секретниковъ", изъ пререканій съ ними подсудимыхъ и изъ показаній свидѣтелей защиты, тоже каторжниковъ, выяснился во всей мрачной красѣ процессъ принесенія повинныхъ и заявленія оговоровъ. Содержащійся на общемъ основаніи „садится въ секретку". Первое, что онъ дѣлаетъ—подаетъ прошеніе о помилованіи. Затѣмъ онъ начинаетъ „брать по дѣлу". Сначала онъ хитритъ съ допрашивающимъ, желая не столько разсказать, сколько вывѣдать, что именно допрашивающему нужно, что его болѣе интересуетъ. И когда это ему удастся, онъ начинаетъ все шире и шире развивать свои показанія. А когда онъ почувствуетъ, что пріобрѣлъ довѣріе, то даетъ полную волю инстинктамъ. „Беретъ по дѣлу" того, съ кѣмъ подрался въ банѣ. „Беретъ" того, кто слыветъ въ тюрьмѣ богачомъ—ибо получаетъ ежемѣсячно съ воли по три рубля, — и отказалъ въ его просьбѣ дѣлиться чаемъ и сахаромъ. Такіе факты были точно установлены на судѣ. Одинъ изъ подсудимыхъ говорилъ: „Въ тюрьмѣ дороги деньги, дорогъ чай, дорогъ сахаръ и дешевы головы. За фунтъ сахара „секретникъ" не задумается привести къ висѣлицѣ своего вчерашняго друга". Люди, говорящіе про себя, что они „были" честными, мстятъ изъ „секретокъ" и тюрьмѣ, и волѣ. Къ „секретнику" перестала ходить на свиданіе жена,—онъ ее сейчасъ же „взялъ по дѣлу".

Одинъ изъ бывшихъ „смертниковъ", затѣмъ „секретниковъ", до суда успѣлъ настолько быть „полезнымъ правительству", что явился свидѣтельствовать безъ кандаловъ, безъ конвоя — вольнымъ, возстановленнымъ въ правахъ гражданиномъ. И онъ служилъ живымъ объясненіемъ всего ряда „секретниковъ", который былъ приведенъ въ судъ. Одинъ изъ нихъ на послѣдовательно предлагавшіеся вопросы отвѣчалъ: „Въ тюрьмѣ съ полгода ходили слухи, что X. помилованъ. Узналъ я объ этомъ навѣрное 29 мая. Сѣлъ въ секретку 30 мая. Подалъ прошеніе о помилованіи тоже 30 мая. Далъ первое показаніе 3 іюня". Несчастный! Онъ ничего не зналъ объ обстоятельствахъ экспропріаціи, и его показаніе свидѣтельствовало лишь о той степени

страстнаго напряженія, до которой захватила его жажда свободы... Слушая „секретниковъ“, приходилось испытывать сразу и чувство отвращенія, и чувство жалости. Въ тюрьмѣ они сидятъ, по выраженію арестантовъ, „на дворянскомъ положеніи“: у нихъ лучшія, наиболѣе свѣтлыя и просторныя камеры, изъ нихъ выбираются завѣдующіе библіотекой, они пользуются самыми разнообразными льготами. Но жизнь ихъ, всетаки, сплошной адъ. Они знаютъ, что тюрьма ихъ ненавидитъ всей силой тюремной ненависти. Они понимаютъ, что честными людьми „были“...

Изъ девяти подсудимыхъ судъ призналъ виновными обоихъ сознавшихся, а изъ остальныхъ только двоихъ—въ недонесеніи. Пятеро были оправданы. По праву защитника, мы послѣ приговора вошли въ арестантскую комнату. Восемь человѣкъ подсудимыхъ бурно выражали свою радость, поздравляли оправданныхъ, обнимались, смѣялись. Отдѣленный отъ этихъ восьми сплошнымъ кольцомъ конвойныхъ, одинъ сидѣлъ въ сторонѣ, тупо опустивъ къ полу безжизненное землистое лицо. Онъ въ теченіе всего процесса чувствовалъ на себѣ печать проклятія. Но къ этому чувству онъ уже успѣлъ привыкнуть: его отдѣльно водили въ судъ, отдѣльно сажали на скамьѣ подсудимыхъ, отдѣльно онъ обѣдалъ. Судъ, своимъ приговоромъ, сказалъ, что онъ не оправдалъ довѣрія. Мечты, которыми онъ жилъ такъ долго и отдавшись которымъ онъ пересталъ быть честнымъ человѣкомъ и сталъ „честнымъ провокаторомъ“,—безвозвратно рухнули...

Въ „обновленной“ Россіи создалась провокація и возродилось „слово и дѣло“. Можетъ ли—когда и въ чемъ—цѣль оправдывать средства?

Скончался редакторъ-издатель „Саратовскаго Листка“ Петръ Осиповичъ Лебедевъ. Названная газета—одна изъ старѣйшихъ среди провинціальныхъ. Она насчитываетъ 48-й годъ изданія. Покойный П. О. вошелъ въ нее въ первые годы ея существованія юнымъ семинаристомъ, въ качествѣ корректора, вскорѣ сдѣлался редакторомъ, а затѣмъ издателемъ и потратилъ на газету цѣликомъ всѣ свои силы и всѣ годы своей жизни. Скромная, незамѣтная, но упорная и настойчивая дѣятельность не пропала даромъ: „Саратовскій Листокъ“—одна изъ крупныхъ прогрессивныхъ газетъ въ провинціи, съ прочнымъ, устойчивымъ положеніемъ. Въ бурливые дни недавняго общественнаго подъема покойнаго редактора слѣва упрекали за умѣренность. Въ наступившіе затѣмъ мрачные дни реакціи, когда и въ обществѣ, и въ печати обнаружился уклонъ вправо, его же привѣтствовали за стойкое сохраненіе прежней позиціи: газета, какъ была,

такъ и осталась по направленію близкой къ партіи народной свободы. Культурная Россія потеряла въ лицѣ П. О. Лебедева одного изъ дѣйствительныхъ, крупныхъ, серьезныхъ работниковъ.

Отъ редакціи.

Печатая, мѣсяцъ тому назадъ, статью Л. Н. Толстого: „Три дня въ деревнѣ", редакція „Вѣстника Европы" сообщила, что у нѣкоторыхъ друзей Льва Николаевича возникла мысль о желательности устройства въ деревнѣ Ясной Полянѣ даровой столовой и ночлежнаго дома.

На этотъ предметъ отъ журнала, имѣвшаго счастье помѣстить на своихъ страницахъ произведеніе великаго писателя, послано 1000 рублей, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ главной конторѣ журнала открытъ пріемъ пожертвованій для той же цѣли. Они могутъ быть направляемы и непосредственно Александрѣ Львовнѣ Толстой, въ Тулу, въ Отдѣленіе Соединеннаго Банка.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ появились указанія на то, что учрежденіе даровой столовой и ночлежнаго дома, вмѣсто содѣйствія спокойствію Льва Николаевича, можетъ привести къ усиленному скопленію въ Ясной Полянѣ бродячаго люда и причинить Л. Н. Толстому еще больше безпокойства.

Эти указанія вызвали опроверженіе со стороны одного изъ ближайшихъ друзей Л. Н. Толстого. „Необходимо замѣтить" — говоритъ В. Г. Чертковъ въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ,—„что имѣющуюся въ виду помощь безработнымъ и нищимъ предполагается оказывать въ Ясной Полянѣ въ такой формѣ, чтобы она, доставляя нѣкоторое облегченіе дѣйствительнымъ прохожимъ, никакъ не могла по своимъ размѣрамъ служить приманкою, ради которой люди стали бы нарочно скопляться въ Ясной Полянѣ изъ дальнихъ мѣстъ. Нужно также оговориться, что редакторъ „Вѣстника Европы" отнюдь не является въ данномъ случаѣ ни иниціаторомъ, ни отвѣтственнымъ лицомъ. Онъ только согласился предать гласности предпріятіе, одобренное самимъ Л. Н—чемъ и задуманное нѣкоторыми изъ наиболѣе близкихъ Л. Н—чу друзей его, живущихъ на мѣстѣ, а потому знакомыхъ съ мѣстными условіями и имѣющихъ возможность лично слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣло велось цѣлесообразно".

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Императорской военно-медицинской академіи.

Императорская военно-медицинская академія объявляетъ конкурсъ на соисканіе преміи медико-хирурга С. Ф. Тучемскаго.

1) Къ соисканію преміи допускаются врачи—русскіе подданные и притомъ исключительно бывшіе воспитанники академіи, за исключеніемъ членовъ конференціи академіи и лицъ, занимающихъ въ академіи штатныя должности по учебной части.

2) Премія выдается: а) преимущественно за такіе ученые труды, которые, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора, послужатъ существеннымъ обогащеніемъ той или другой изъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ, и б) за такія особенно важныя сочиненія, которыя, хотя и не содержатъ въ себѣ новыхъ изслѣдованій и открытій, тѣмъ не менѣе обогащаютъ ученую медицинскую литературу полнымъ и основательнымъ изложеніемъ той или другой отрасли ея. Диссертаціи на ученыя степени, а равно сочиненія, изданныя на счетъ правительства, академіи, университета или ученыхъ обществъ, къ соисканію преміи не допускаются.

3) Сочиненія, предназначаемыя для соисканія преміи, должны быть представлены въ академію *не позже 1-го мая 1911-го года*. Присужденіе преміи имѣетъ быть 2-го января 1912-го года.

4) Сочиненія могутъ быть рукописныя или напечатанныя—на русскомъ языкѣ. Рукописи должны быть написаны чисто и четко.

5) На сочиненіи долженъ находиться девизъ, имя же автора должно находиться въ особомъ запечатанномъ пакетѣ подъ тѣмъ же девизомъ.

6) Сумма преміи—1000 руб. Раздѣленіе преміи не допускается.

II.—Отъ Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 18-ый день прошлаго іюня, Высочайше соиз-

волилъ разрѣшить Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Симбирскѣ памятника писателю И. А. Гончарову. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже сдѣлано сношеніе съ министерствомъ финансовъ относительно пріема казначействами жертвуемыхъ суммъ для перевода таковыхъ въ распоряженіе Симбирской Архивной Коммиссіи.—Предсѣдатель Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи гофмейстеръ Высочайшаго Двора *В. Поливановъ*.

P. S. Пожертвованія Коммиссія проситъ съ извѣщеніемъ ея вносить въ казначейство или переводить на ея условный текущій счетъ № 1402 въ Симбирское Отдѣленіе Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка.

III.—Отъ Комитета Харьковскаго Земельнаго Банка при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи — одна въ 1500 рублей и двѣ по 750 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Слѣдующее очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1913 года; въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1912 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первыя должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя—въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непремированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1909 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

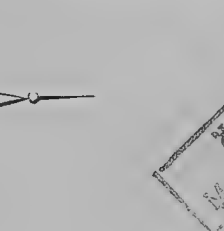
IV.—О пріисканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи таковаго на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ пріисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и о спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты, съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы*.

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.



СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.—ОКТЯБРЬ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. К. Джпвелеговъ. Исторія современной Германіи. Часть вторая (1862—1910). Спб., 1910. Ц. 1 р. 50 коп.

Эта книга, входящая въ составъ извѣстной серіи: „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время“, издаваемой обществомъ Брокгаузъ-Ефронъ подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго, доводитъ исторію Германіи до нашихъ дней и представляется, поэтому, особенно интересной для слѣдящихъ за движеніемъ современной политики. Конечно, послѣднія ея главы не могутъ быть названы исторіей въ полномъ смыслѣ этого слова: слишкомъ еще близко къ намъ описываемое время и, по справедливому замѣчанію автора, слишкомъ еще трудно не только оцѣнить излагаемые факты, но даже установить нѣкоторые изъ нихъ съ достаточной точностью. Главныя черты различныхъ періодовъ царствованія Вильгельма II-го соединены, однако, въ картину, не лишенную красокъ; освѣщены и выдающіеся дѣятели эпохи—Каприви, Берлепшъ, Гогенлоэ, Бюловъ, самъ императоръ. Періодъ времени съ 1894 по 1910 г. отмѣченъ—таково общее заключеніе автора—„одной пагубной тенденціей: правительство отдало страну на потокъ и разграбленіе аграріямъ, чтобы обезпечить себѣ свободу непроизводительныхъ тратъ на вооруженія, сухопутныя и морскія... Ближайшая избирательная кампанія вырветъ, вѣроятно, руководство политикою изъ рукъ реакціи и поставитъ правительство подъ контроль прогрессивныхъ и демократическихъ силъ“.

А. С. Панкратовъ. Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній. Москва, 1911. Ц. 1 рубль.

Въ книгѣ г. Панкратова собрано много мало извѣстныхъ и, большею частью, весьма любопытныхъ фактовъ. Чрезвычайно интересна, напримѣръ, глава, посвященная „Ямѣ“—московскому трактиру, въ которомъ много лѣтъ собирались люди, тревожимые религіозными исканіями. Здѣсь бывали Владиміръ Соловьевъ, В. Г. Чертковъ, П. Д. Боборыкинъ, въ послѣднее время гг. Булгаковъ и Бердяевъ; но обычные посѣтители „Ямы“—торговцы, приказчики, ремесленники, рабочіе. Въ до-конституціонное время собранія въ „Ямѣ“ не встрѣчали особыхъ препятствій ни со стороны властей, ни со стороны духовенства; теперь на нихъ наложенъ запретъ, и „богоискатели“ собираются въ разныхъ трактирахъ, постоянно опасаясь полицейскаго вмѣшательства и не рѣшаясь даже открыто класть на столъ Библію, къ которой постоянно обращаются спорящіе. Замѣчательно, что сравнительно терпимо относились и относятся къ „Ямѣ“ миссіонеры, дорожа ею, какъ мѣстомъ, гдѣ можно ознакомиться съ разными сектами и собрать матеріалъ для публичныхъ собесѣдованій. Много интереснаго сообщаетъ г. Панкратовъ и о „братцахъ Іоаннахъ“, московскомъ и петербургскомъ, о „свободномъ христіанствѣ“ и „Новомъ Израилѣ“. Спорнымъ кажется намъ общій выводъ автора, приписывающій усиленіе „богоискательства“ охлажденію къ политикѣ. „Богоискательство“ не прекращалось и въ самые бурные годы—и точно такъ же въ годы „успокоенія“ не исчезаютъ политическія и соціальныя исканія: они только менѣе замѣтны, потому что надъ ними тяготѣетъ больше стѣсненій.

Л. Шалландъ. Свобода слова въ англійскомъ парламентѣ. Юрьевъ, 1910. Ц. 50 коп.

Книга г. Шалланда появилась весьма кстати: все касающееся свободы слова представляетъ теперь особый интересъ. Въ Англіи стѣсненія парламентской свободы относятся ко временамъ уже отдаленнымъ: борьба за нее, начавшаяся еще въ XIV в. и особенно обострившаяся при Тюдорахъ и Стюартахъ, прекратилась болѣе двухъ столѣтій тому назадъ, потому что достигнута была ея цѣль. Юридическая отвѣтственность уступаетъ мѣсто нравственной, особенно съ тѣхъ поръ какъ падаютъ всѣ ограниченія гласности и парламентскія пренія становятся достояніемъ всего общества. Домогаясь свободы слова, парламентъ стремился, въ сущности, къ закрѣпленію за нимъ активнаго участія въ законодательности: „чтобы свободно законодательствовать, нужно имѣть возможность свободно говорить“—такъ резюмируетъ г. Шалландъ смыслъ деклараціи, состоявшейся въ 1667-мъ году въ палатѣ общинъ. Сущность такъ называемой парламентской „привилегіи“ заключается въ томъ, что за все сказанное ими при исполненіи своихъ обязанностей члены парламента не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности внѣ парламента ни въ уголовномъ, ни въ гражданскомъ, ни въ дисциплинарномъ порядкѣ. Эта безотвѣтственность не равносильна безнаказанности: злоупотребляющій словомъ можетъ быть подвергнутъ взысканію, но только самимъ парламентомъ.

Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Всѣмъ памятно еще убійство бывшаго члена второй Думы Караваева, совершенное въ мартѣ 1908 г., при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ, и до сихъ поръ оффиціально не раскрытое; всѣмъ памятна и дѣятельность покойнаго въ Думѣ, а многіе знали его и какъ выдающагося представителя земскаго „третьяго элемента“. Нельзя не привѣтствовать, поэтому, появленіе сборника, посвященнаго его памяти. Онъ составленъ, какъ видно изъ предисловія къ нему, почти исключительно екатеринославскими друзьями А. Л., близко его знавшими и бывшими непосредственными свидѣтелями его мучительной кончины. По глубокому убѣжденію ихъ, убійство произошло на политической почвѣ. Караваеву нѣсколько разъ угрожали смертью за то, что онъ стоитъ за надѣленіе крестьянъ землею и за еврейское равноправіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти по Екатеринославу были разбросаны листки, извѣщавшіе, что „исполнители казни надъ Караваевымъ“ находятся въ безопасности, грозившіе тою же участью всѣмъ „жидамъ и революціонерамъ“ и заканчивавшіеся призывомъ: „бей жидовъ“. Смерть Герценштейна, Іоллоса и Караваева, оставшаяся не отомщенною—одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи послѣднихъ годовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1911 г.

(Сорокъ-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**,

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

Н. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37; въ книжномъ магазинѣ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Подписныя квитанціи* высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Б. Никитская, 5.

21 XII 53